

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ МИРОВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ им. А.М. ГОРЬКОГО

А. И. ГЕРЦЕН

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ
В ТРИДЦАТИ ТОМАХ

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА • 1959

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ МИРОВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ им. А.М. ГОРЬКОГО

А. И. ГЕРЦЕН

ТОМ СЕМНАДЦАТЫЙ

СТАТЬИ ИЗ «КОЛОКОЛА»
И ДРУГИЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ
1863 ГОДА

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА • 1959

СТАТЬИ ИЗ «КОЛОКОЛА»
И ДРУГИЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ
1863 ГОДА

MDCCLXIII

В походах дают солдатам через два-три дня дневку, для того чтоб собраться с силами, исправить амуницию, осмотреть подковы, почистить ружья и пр.; время чернорабочее не самый день, а *канун* относительно будущего и *отдых* относительно прошедшего. 1862 год был дневкой для нас, отдыхом после манифеста 19 февраля, сочельником перед *созванием Земского собора* — поэтому, отдавая ему равнодушную справедливость, мы провожаем его в могилу без слез и радости. Много в нем «басков перелопалось»¹ у старой реакционной гитары, много староверов покривилось, пало преждевременно на ноги, но все они еще дышат; в нем также многое и зародилось, стремится обнаружиться, но не вышло еще на свет.

Между этим яровым жнитвом и озимовыми всходами набралось много любопытного и полезного со стороны правительства и много пророческого, бросающего свет вперед, со стороны народа.

Начнем, как подобает, с правительства.

Мы ему обязаны, во-первых, истиной, что когда нет поджогов, то очень трудно сыскать зажигателей и чрезвычайно легко наполнить тюрьмы невинными жертвами*.

¹ Один мой знакомый, *московский помещик* (как Александр Николаевич)*, часто бывающий за границей, ездил недавно в Симбирскую и Тамбовскую губернии (у него, как у Александра Николаевича, поместья в разных губерниях), где он не был года два. Он не мог прийти в себя от перемены, произошедшей в помещичьем кругу, — 19-ое февраля иссушило их и положило в лоск. «Едва я мог узнать старых приятелей, те же люди, но *баски полопались*; кто ногу тащит, кто водки не пьет, кого совсем перекосило, нет веселья, все сердятся, желчные, исхудалые; солон пришлось им манифест!» *Полопавшиеся баски* должны остаться в истории вместе с *ослушным днем и желанным часом*.

Мы ему обязаны новыми доказательствами библейской истины, что бог, отделивши при сотворении мира воду от земли, так и животных приладил, чтоб морские жили в море, а сухопутные на суше, в силу чего бобр не строит под водою, а рыба не занимается земледелием. Морская болезнь нашего правительства сделала эту истину очевидной. Моряк Путятин, моряк Константин Николаевич, моряк Головин¹ обнаружили редкую неспособность «во всех родах различных». Один не сумел погубить просвещение, другой не сумел его восстановить, третий (по правде, ему и задача помудренее досталась) не сумел разом губить и восстанавливать Польшу*.

Но есть истины более черные, открытые во всем бесчеловечном ужасе отеческим правительством в Петербурге, и тут на первом плане страшная, ненужная, ничем не оправданная, чудовищная казнь *Арнгольда*, *Сливицкого*, *Ростковского* и *Щура**. Ничего подобного не было со времен императрицы Елизаветы... ни даже при Николае, ссылавшем людей за то, что они слушали молча, но с улыбкой письмо Белинского к Гоголю*. Этот нероновский поступок, сделанный лицемерно, чужими руками, под фирмой Лидерса, дает великое поучение: тупейшие люди могут понять, что в данную минуту может сделать благодущное правительство, которому дано бесконтрольное право убийства с утайкой причины*. Нам остается благодарить, что оно так скромно пользуется этим невинным удовольствием.

Самодержавные аппетиты растут быстро; какой шаг они сделали от произвольного ареста Огрызки до приговора на шесть лет каторжной работы Михайлова, — приговора, намеренно прочитанного в великую годовщину 14 декабря!* И какой шаг — от шести лет до шести пуль в грудь юношей пылких, горячих и ничего не сделавших выходящего из общих дисциплинарных правил!

Но так как государь еще молод и росту самодержавных аппетитов трудно предвидеть предел, то не очевидно ли, что этому росту надобно поставить земскую плотину и, подражая красноречию его величества, сказать государю: «Здравствуйте, московский помещик! Мы рады вас видеть, мы вам оставляем свободу управлять нами, но, помните, управлять по законам, а не по своеволю. Требуем затем от вас точного исполнения

¹ Иные говорят, что он землеводный, ни то ни се, — нам кажется *се**.

REGISTERED AT THE GENERAL POST-OFFICE FOR TRANSMISSION BEYOND THE UNITED KINGDOM.

КОЛОКОЛЬ

VIVOS VOVO!

ЛИСТЬ 153.

1 ЯНВАРЯ 1863.

(WITH SUPPLEMENT VETCHÉ No. 8).

Выходить ежедневно въ Лондонъ.
Получается въ House of Pinner Town
Gravel—136 & 138, Caledonian Road, N.
Цена 9 коп., съ всѣмими почтовыми
ОБЩЕЕ ДѢЛЪ.

У Траубера & С. въ алеманнъ ЛАНДЪ,
60, Paternoster Row, & у Tchornowski,
1, Maclesfield Street, (Greenwich Street),
Soho, London. Price Nine pence, with
Supplement: VETCHÉ No. 8.

О Г Л А В Л Е Н І Е.—МДСССЛХІІІ—Общественный контра-арестъ—Разбор основаній и послѣдствій преобразования судовой части
въ Россіи (продолженіе)—Иль Петербургъ—Убийство Аюва—Франко-Русскій союзъ—Третья судейская палата—Взглядъ на вѣдунъ—Общій фельдъ

MDCCLXXIII

Въ вѣдунѣхъ дають солдатамъ черезъ два-три дня дневку, для того чтобъ соорылся съ свѣжью, испривить амунщию, осмотрѣть полковы, почистить ружья и пр.; время чернорабочее не самый день, а канія относительно будущаго и отомыт относительно прошедшаго. 1862 годъ былъ дневной для насъ, отдыхомъ послѣ манифеста 19 Февраля, совѣльному перелѣ солдатыкъ *Земскою Собора*—по этому отдавая ему равнодушную справедливость, мы проважались его въ возможность слезъ и радости. Много въ немъ "бисковъ переполово" * у старой реакціонной гитары, много старобритовъ повиривалось, пазо преждевременно на ногу, но всѣ они еще дышать; въ немъ также многое и зародилось, стремится обнаружиться, но не вышло еще на свѣтъ.

Между этими вѣдунъ живитовъ и озимовыми всходами, выработъ много любопытнаго и полезнаго со стороны правительствя и много пророческаго, бросающаго свѣтъ вперед, со стороны народа.

Начнемъ какъ подобаетъ съ правительствя.

Мы ему обязаны во-первыхъ извѣстай, что когда нѣтъ подготовы, то очень трудно сыскать зажиточней и чрезвычайно легко наполнить тюрьмы невѣными жертвами.

Мы ему обязаны новыми доказательствами библейской истинны, что богъ отдѣливши при сотвореніи міра воду отъ земли, такъ и животныхъ приладилъ, чтобъ морскіе жили въ морѣ, а сухопутные на сушѣ, въ силу чего боры не строятъ подъ водою, а рыба не занимается земледѣіемъ. Морская богатыя нашего правительствя, сбѣжала эту истину очевидной. Морскій Путативъ, морскій Константинъ Николаевичъ, морскій Головинъ,† обнаружали рѣдкую испособность "во всѣхъ

* Одинъ мой знакомый, московскій новъичекъ, (какъ Александръ Николаевичъ), часто бывающій за границей, хвалитъ ведуню изъ самбирскую и заморскую губерніи (у него какъ у Александра Николаевича пометка въ разныхъ губерніяхъ), гдѣ онъ не былъ годъ два. Онъ не могъ прогнать изъ себя эту очевидную пророческую изъ повѣдунъ крутъ—19-ое февраля конушало нѣтъ и поуживалъ изъ лѣтъ. "Едва я могъ сохнуть старушъ прителемъ, такъ лѣтъ, но бѣды не дождались, и въ нѣтъ ташить, кто вода не лѣтъ, кто конушъ пророческо, нѣтъ месель, всѣ отдалитъ, изолудитъ, всѣздальт; самокъ пророческо нѣтъ каньятъ!" Пододаніи бѣски должны итаться изъ истинны каньятъ съ озурживши дневку и живитовымъ часомъ.

† Намъ говорить, что онъ земледѣлецъ, но, по се—намъ кажется съ Гадъ VII.

родахъ различныхъ". Однѣмъ не стужать погубить пророчесшесіе, другой не стужать его возстановитъ, третій (по правдѣ) ему и задача по мудрѣи доставать... не стужать разомъ губить и возстановитъ Пользу.

По етъ истинны богѣ черныя, открыты во всѣмъ безчеловѣчному ужасѣ отеческимъ правительствомъ въ Петербургѣ и тутъ на первомъ планѣ страшная, невужная, вичѣвъ неоправданная, чудовищная казнь Аригольда. Слѣвъ пѣваго, Росгосовскаго и Шукъ. Ничего подобнаго не было со времѣн императорши Кизавѣтъ... не даже при Николаѣ, слышавшемъ людей за то, что они слушали молча, но съ умной, писью Блжннскаго въ Гоголю. Этого перовоскій поступокъ, сдѣланный лѣцѣмъ, чужими руками, подъ зирной Лидера, даеть великое поученіе—тужившіе люди могутъ повѣтъ, что въ данную минуту можетъ сдѣлать благодушное правительство, которому дано безконтрольное право убійства, съ утайкой причинны. Намъ остается благодаритъ, что оно такъ скороно пользуется этимъ невѣнымъ удовольствіемъ.

Самодержавные аппетиты растутъ быстро; каковъ шашъ они сдѣлали отъ произвольнаго ареста Отгизки, до притворна на шесть лѣтъ казюной работы Михайлова, притворна, намѣрено прочитаннаго въ великую годовину 14 Декабра! И каковъ шашъ отъ шести лѣтъ—до шести пудъ въ грудь юношей пылашки, горячій и ничего не сдѣлывающа выходящаго нѣтъ общитъ дисциплинарныхъ правилъ.

Но такъ какъ государь еще молодъ и росту самодержавныхъ аппетитовъ трудно предвидѣть предѣлы, то не очевидно-ли, что этому росту надобно поставить земскую платину и подража краснорѣчиво его величества, сказать государю: "Знаете-ли вы московскій побѣдникъ! Мы рады васъ видѣть, мы намъ оставляемъ свободу говорить намъ, но поминитъ, справлять по канонамъ, а не по слухамъ. Требуемъ за тѣмъ отъ васъ точнаго исполненія установленныхъ постановленій. Мы хотимъ, чтобъ устанави грамота между нами была немедленно составлена; за тѣмъ, послѣ составленія ея въ 19 Февраля будущаго года, не ожидать никакой новой власти и никакихъ новыхъ дѣлтъ. Слышите-ли! Не слушайте толковъ, которые ходятъ по переднимъ двинному двору, не вѣрѣте ни грамотѣ, ни каньямамъ, ни Адербергамъ, ни Гагаринымъ, ни Кошебу отъ Копѣбу рожденнымъ, ни немилосивѣскимъ смязавъ III отдѣ-

«MDCCLXXIII».

установленных постановлений. Мы хотим, чтоб уставная грамота между нами была немедленно составлена; затем, после составления ее к 19 февраля будущего года, не ожидать никакой новой власти и никаких новых льгот. Слышите ли? Не слушайте толков, которые ходят по передним Зимнего дворца, не верьте ни графам, ни князьям, ни Адлербергам, ни Гагариным, ни Коцебу, от Коцебу рожденным*, ни нечеловеческим сынам III отделения, а верьте одним словам народа вашего, собравшегося в Земский собор. Теперь прощайте, бог с вами!»*

Простившись с правительством в его высшем воплощении, нам остается опуститься в низменные сферы народной жизни. Сходя лестницу за лестницей Зимнего дворца, опускаясь от генерал-адъютантов до флигель-адъютантов, от флигель-адъютантов до свитских офицеров, от свитских офицеров до гоффурье-ров, этих литераторов Зимнего дворца, издающих потаенный журнал «Его время»* (вроде «Нашего времени», издаваемого Павловым), мы встречаемся, наконец, с народом в караульной.

— Ну, народ, что у тебя бродит на душе, скребет на сердце? С чем ты переходил в 1863 год? Что ты придумал и выдумал?

— Какой же это народ? Это солдаты.

— Да солдаты разве не народ?

— Что вы! Посмотрите во Франции, в Пруссии.

— Мы говорим о России; может, в России солдат и не так далек от народа.

— *Sehen Sie,* — как-то заметил мне один немецкий революционер, веровавший, что из русского без палки и немца ничего не сделаешь, — *was für unser einem zu ominös ist in diesem Mutschik-Volke — man kann nicht klug aus ihm werden.*

— *Chaotische Verwirrung der Barbarei,* — отвечал я ему.

— *Ja, ja, eine ganz fatale Verwirrung. So ein Volk von Troglodyten des Herodotes*¹.

В самом деле, что за хаос эта русская жизнь: всё кверху ногами, всё вниз головой, все играют роли, и все не то, что представляют; никого не узнаешь по платью, а все одеты в форму

¹ Посмотрите, ... как нашему брату жутко приходится среди этого мужицкого народа — его не поймешь. — Хаотическая путаница варварства. — Да, да, совершенно роковая путаница. Племя троглодитов Геродота (нем.). — *Ред.*

да в мундир. Где тут немцу провести свою статс-классификацию, когда табель о рангах, при помощи всевозможных поощрений, от звезд, чинов и крестов до каторжной работы и шпицрутенов, осталась, вроде Линнеевой системы растений, чем-то наружным. Сумбур да и только. Вчера человек был рабом, а землю считал своей собственностью. Аристократ, вельможа, сановник — у нас личность наиболее стертая, далеко не имеющая самобытности земского исправника или степного помещика. Генералы заведуют штатскими делами, генералы сидят за обер-прокурорским столом в синоде, зато архиереи — в кавалериях через плечо. Выслужившийся истопник царский, седой и белый, как лунь, производится за отличие в придворные арапы...

— Да это мы все знали до 1862.

Но вот что мы чуяли, подозревали, но не знали и что начал нам раскрывать 1862 год, — это что наши солдаты — народ, что наши офицеры — наши братья, что мундир, как короста, остался между пальцами, а вглубь не пошел. Кутерьма петровского разгрома сбила всех с толку; при треске барабанов и свисте шпицрутенов, при «музыке в шпорах» и с «зубами, выбитыми начальством», солдаты и офицеры потеряли голову, потеряли сердце и сделались колесом машины изготовления канцелярских бумаг и военной выправки. Гнусен был тогда русский офицер, в каждом сидел свой Аракчеев; палач был тогда русский солдат, и дивиться надобно их храбрости.

Но времена изменились: по мере того как просыпается Россия и приходит в себя, с ней вместе просыпается русский солдат, и, сверх собственной совести, его будит русский офицер — не палкой, а дружеской рукой, заповедным словом; он его будит на забвенья былого и на общее спасение от жгучих пятен мученической крови поляка и крестьянина.

Расстрелянная Хрулевым молитва в Варшаве, расстрелянное недоумение крестьян в Бездне* — испугало войско, оно раскрыло ему глаза, куда эти господа его ведут. Казаку на Кавказе стало противно бить независимого черкеса. Хмель крови, забиячества, военное опьянение проходит, оставляя место немолкаемому упреку за утраченную жизнь, горькому угрызению совести и сознанию своей вины перед народом. Солдаты и офицеры поняли теперь то, что мы им говорили в 1854 году:

«Нелегко неволить десятки тысяч людей, с ног до головы вооруженных, если между ними будет какое-нибудь единодушие...»¹

И откуда вышли, где образовались эти благородные юноши, офицеры-граждане, офицеры-народ, эти герои Севастополя, не имеющие хрулевской храбрости бить детей и женщин, эта передовая фаланга земского дела, на которую опирается наше право на надежду, — откуда они?

Из николаевских кадетских корпусов, в которых им преподавали, что главнейшая добродетель Иисуса Христа состояла в повиновении властям, и где танцевальному учителю было поручено внушать танцами дух покорности.

(Ja, ja, ganz barbarische Verwirrung!)².

Это не мы вам говорим и не польские пропагандисты, это вам говорят расстрелянные мученики, это вам говорят Обручевы, Григорьевы, Игнатьевы, Трувеллеры, Красовские* и десятки других, это вам говорят секретные циркуляры³ из милютинских прилавок*, предупреждающие пуще всего сближение офицеров с солдатами.

Нет, не доживем мы до того срама, которым гордился высокомерный Рим и его дети, прижитые с всякими немками, — того срама, что целая дружина победоносных легионеров зарыдала, когда Юлий Цезарь, не зная, чем их хуже обругать, назвал их *гражданами*. До этого нравственного падения, до этого извращения всего человеческого мы не падём.

«Мы не солдаты, мы народ», — говорят русские офицеры.

«Мы не дворяне, мы народ», — говорит тверское дворянство*.

«Я не император, я *московский помещик*», — говорит государь, и стоит ему купить себе именье в Тверской губернии, чтоб понять себя не *первым дворянином**, а первым из народа.

Не за упокой свели мы на этот раз нашу речь о новом годе. Кончим же ее заздравным кубком в хвалу и славу русских воинов, офицеров и рядовых, понявших свое кровное родство с народом. Мы с этим тостом торжественно вступаем в 1 января и поздравляем вас с *Новым годом и с новым счастьем!*

31 декабря 1862 г.

¹ «К русскому войску в Польше». Лондон, 1854 г. *

² Да, да, совершенно варварская путаница (нем.). — *Ред.*

³ «Колокол», лист 152.

ОФИЦИАЛЬНЫЙ КОНТРАДРЕС

Дюпон де Лер.— Я напечатаю.

Людви-Филипп.— А я напечатаю, что это неправда.

Дюпон де Лер.— Из нас двоих вряд вашему ли величеству поверят.

Анекдот 1830 года.

Г. директор,

Вы поместили в газете «The Times» письмо, заимствованное из журнала «Колокола», издаваемого г. Герценом; письмо это без подписи и адресовано от имени офицеров войск, расположенных в Царстве Польском, к его императорскому высочеству великому князю Константину Николаевичу. Печатаемая документ, содержание которого для нас столь же неприятно, как и *бесчестно*, г. Герцен находит достаточным засвидетельствовать одним своим личным ручательством действительное существование статьи, которой цель—выставить нас на пути измены монарху, отечеству и долгу.

Не сомневаясь, что послание это служит выражением только личных воззрений г. Герцена, мы начинаем с того, что отвергаем от глубины наших убеждений всякое соучастие в идеях, не только нам чуждых, но и возмущающих чувства наши как граждан и солдат.

Г-н Герцен счел нужным давать нам советы относительно обязанности нашего звания; мы не просили его об этом и желали бы избавиться от таких попечений. По его мнению, долг наш состоит в поддержании оружием всякого беспорядка, всякого стремления, враждебного правительству и общественному устройству; и все это будто бы для славы России и для нашей собственной чести.

Честь не допускает измены священным обязанностям, принятым добровольно, а г. Герцену безызвестно, что все мы по собственной воле обязались служить правительству. Долг же наш в Варшаве, как везде, один и тот же: верность государю и закону.

Войска существуют для защиты отечества; во время же внутренних смутений ему достается в удел другая обязанность, не менее доблестная: защита общества и государственного порядка. Армия, подчиняющаяся влиянию личных политических видов и стремлению партий, представила бы жалкое зрелище недисциплинированной и анархической толпы, опасной для всякого просвещенного общества.

Напротив того, охранением мирных граждан, их спокойствия и общественной безопасности мы надеемся содействовать развитию и величю нашего отечества.

Строки эти не имеют целью просветить г. Герцена, а служат единственно опровержением тех чувств, которые ему угодно было приписать нам.

Так как в журнале вашем помещено письмо, напечатанное г. Герценом, в котором честь офицеров русских войск, расположенных в Польше, столь сильно затронута, то мы, зная беспристрастие редакции «Times», надеемся, что она не откажет поместить в своих столбцах и этот ответ*, в котором остальные товарищи наши не могли принять участия единственно по недостатку времени и по разбросанности расположения войск в крае.

От издателей «Колокола». Любопытный документ этот прислан нам из Варшавы одним русским офицером из числа тех, которые подписали адрес Константину Николаевичу. Документ этот, говорят, сочинил начальник штаба Минквиц. Для получения подписей было употреблено незамысловатое, но удачное средство: разославши по гвардейским полкам в Варшаве литографированную копию «Минквицевой идиллии военного рабства», пригласили офицеров подписаться, либерально предоставив право, если кто из них не хочет, изложить письменно, по какой причине он не подписывается. Со всеми этими французскими гарантиями свободной подачи голосов * кой-куда по армии циркуляр не посылали, что и выражено в идиллии Минквица следующими словами: «Остальные товарищи наши не могли принять участия единственно по недостатку времени и по разбросанности расположения войск в крае».

Куда же было торопиться? К тому же, если действительно по милости петербургского правительства Сибирь стала похожа на Польшу, то Польша от этого не имеет еще размеров Сибири — чтоб разбросанность расположения представляла непреодолимость подписания. К тому же торопились медленно, адрес, доставленный нам в половине октября, был напечатан 22 октября, а до сих пор «Теймс» не получил сосредоточенность расположения верноподданнических чувствований Минквица с будущими!... Все это ясно само по себе, и нам начинает сдаваться, что документ этот и не переезжал вовсе границы всех Россий. Это было pro domo sua¹.

¹ Для собственного употребления (лат.).— *Ред.*

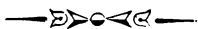
В заключение одному из нас — именно мне — остается лично благодарить за несокрушимую веру, что адрес писан мною. Он написан очень хорошо, и потому уверенность Минквица мне польстила. Я в более выгодном положении, чем был Хлестаков; тот приписывал сам себе все, что считал хорошим: «Юрия Милославского», «Фенеллу» и «Сумбеку»*. А мне *другие* приписывают все красное и якобинское.

C'est la faute de Voltaire, c'est la faute de Rousseau...
Si Dieu a noyé la terre,
C'est la faute de Voltaire;
S'il a lâché beaucoup d'eau,
C'est la faute de Rousseau! *

Но так как ни скромность, ни самолюбие мне не позволяют украшать себя чужими зубами, имея свои собственные, то я с полной благодарностью за доверие начальника штаба *даю мое честное слово*, что я не писал адреса, а писал «письмо к офицерам» (15 окт. 1862, «Кол.», № 147)* в ответ на *три письма*, полученные мною*. Придет время, мы представим доказательства; но теперь, разумеется, скорее подвергнемся всякому нареканью, чем станем помогать главному штабу отыскивать в *разбросанности расположения* благородных воинов, которые, как Красовский, не хотят быть палачами*. Они нужны для России на лучшее, чем на гибель за адрес.

Адрес, возбуждавший *сосредоточенность* верноподданнической ревности, еще показывает доверие к уму, к справедливости, к сердцу Константина Николаевича... Офицеры просят его взойти в их положение, спасти их честь... После эпистолы Минквица офицеры цидулок к великим князьям писать не будут...

30 декабря 1862 г.

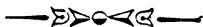

ФРАНКО-РУССКИЙ СОЮЗ

Будберг начал хорошо и успешно союз двух полиций*. Четверо поляков задержаны в Париже*, один выпущен, трое остались в тюрьме*. Какой урок полякам, большим хронической надеждой на Францию*, и какой трогательный пример солидарности полиций дают Будберг и Персиньи. Она гораздо многостороннее, чем думают. Государь разрешил Валуеву принять австрийский орден *Леопольда**... А мы и не знали, что и наш министр внутренних дел служит еще какому-то императору!

Каковы русские немцы, да и каковы немецкие русские!¹

¹ Дарвин, автор знаменитой книги «On species», должен быть доволен: у нас открывается или, лучше, *нарывается* новый вид чиновничества. К русским немцам и немецким русским прибавляются *русские альзацы*, т. е. такие русские немцы, которые, оставшись с нравственным немецким акцентом, предались французской страсти — решительных мер, централизации, просвещающего насилия, исправляющего беззакония, и все это с сохранением тяжелой, немецкой Plumpheit (неуклюжести) и русского нахальства.— Мы еще займемся их фауной*...

⟨БАЛТИЙСКИЕ НЕМЦЫ⟩

.....
И истина должна открыться

...даже в «Конститусионеле» — журнале, любящем прогрессивное правительство в Петербурге. На днях он поместил небольшую корреспонденцию об *остзейских провинциях**. Писавший ее наивно удивляется одному факту — что остзейское дворянство и богатое мещанство городов гораздо упорнее в своем противудействии нововведениям правительства и отстаивает свои монополии и средневековые права с закоснелостью, которая идет гораздо далее упрямства русских помещиков... И это, прибавляет корреспондент, несмотря на то, что остзейцы гораздо образованнее русских.

Мы не находим этого *zu stupendisch*¹. Мы настолько знали русских немцев (*nos amis de la maison*), чтоб не удивляться их ур-консерватизму*, тем не менее мы с радостью прочли замечание «Конститусионеля». Есть русские, которые, увидав это в французском журнале, убедятся, что это так.

¹ слишком глухим (нем.).— *Ред.*

EXPIATIO! ¹

Страшное, кровавое слово! Неужели нет примирения за былое, нет восстановления без *искупления кровью*? Неужели всякое искупление требует заклания жертв неповинных и чистейших, крови юной и святой?

Неужели чаша эта не минует наших братий в Польше?

Вести оттуда мрачны. Мужики разбегаются от набора, городское население, озлобленное до высочайшей степени, собирает силу и лучше готово погибнуть с оружием в руке, чем идти по выбору полиции в *арестантские* роты неприятельского войска. С дня на день можно ждать восстания. Что, правительство в самом деле хочет поднять народ, чтоб его побить? Трудно себе представить; оно слишком пресно для этого. Разве один Велепольский вызывает восстание для того, чтоб поплатиться с народом польским за частные долги свои, за неудавшиеся фантазии, за их неудавшиеся выстрелы?

Ну, а великий князь... какая ему выгода? Хоть бы он подумал о всех последствиях и, пока есть время, в этот последний час остановил бы велепольский набор. Ведь что там Минквиц ни пиши * или кто другой, великий князь *знает*, что польское восстание *неминуемо* увлечет с собою часть русских офицеров и солдат и они падут, сражаясь с русскими, от русских в *искупление* немецких грехов Петербурга, екатерининского раздела, николаевского тиранства и танталовской муки *возбужденных надежд без исполнений* последнего царствования.

Неужели ему, русскому, не жаль родной, алой, молодой крови, которая польется для того, чтоб смыть с нашей общей матери давно запекшуюся кровь других мучеников? Неужели

¹ Искупление (лат.).— *Ред.*

нет руки, которая бы отвела жертвенный нож и спасла бы людей своих, как в библейской легенде?* Ведь *им нет выбора*, и в этом-то все ужасное их трагического положения. За ними одна вина — то, что они допустили, чтоб разум их проснулся от дурманного опьянения военным рабством. Проснувшись, им нельзя было стоять сложа руки, пилатовски допуская и казнь, и правоту; военные должны или душить поляков, *или стать с ними*. И это не потому, что польское восстание может или не может обойтись без них — а по тому высшему, нравственному закону, перед которым бледнеют и краски знамени, и обеты присяги, перед мощным голосом которого умолкают все голоса, исчезают все долги, развязываются все узы... Брут делается палачом своих детей *, а Карагеоргий сербский казнит своего отца *.

Если б окровавленные тени Сливицкого, Арнгольда и их товарищей могли разбудить *другой* сон, навеянный сказочниками Зимнего дворца, и, указывая на свои простреленные груди, напомнить *ему*, что пули, которые он послал в них, никого не остановили, никого не испугали, а разбудили легион! С их казни начинается новая эра для русского войска!

Пора, в самом деле, понять, что тут дело не в нарушении дисциплины, не в измене знамени; тут иные силы, тут непреодолимое веяние *наставшего часа* совершению судеб русского мира. Оно-то влечет и будит, исполняет любовью и энергией, пророческим духом и готовностью принести себя жертвой искупления.

Кто вызвал Сливицкого и его товарищей? Не звать их пришлось нам, а только ударять в *Колокол* к их похоронам. Кто вызвал ряд горячих, пламенных писем от русских офицеров из Варшавы?

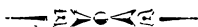
Наставший час!

...Мы перед ними, идущими на смерть, склоняем седые головы наши, мы просим их благословения... И, удерживая внутренний стон, скажем только, если им не суждено возвратиться освободителями, чтоб они, умирая, бросили вместо всякого наследства русскому войску свою святую печать — *соединенные братски руки с словами Земля и Воля!* *

РАПОРТ — RAPPORT, А НЕ DÉNONCIATION

В «Колоколе» от 1 сентября 1862 было помещено письмо из Польши, в котором, говоря о деле Аригольда, Сливицкого и пр., сказано: «Арестованы они были по *рапорту* Тамландера и Кроха»*. «Le Nord» (10 янв.) напечатал рекламацию, в которой говорится, что Тамландер и *Корш* нисколько не участвовали в этом деле и что их поведение было всегда безупречно. Повторяя рекламацию, мы от души желаем, чтоб поправка была истинной. Что касается до «Le Nord», он ошибается, переводя слово *рапорт* словом *донос*. Мы не знаем, как на *новофранцузском*, но на русском языке есть разница между словом *рапорт* и словом *донос*; у нас, собственно, сказано: «Ils ont été arrêté sur un rapport de...» «Le Nord» переводит: «C'est grâce à leur dénonciation que...»¹ ...*Рапорт* — дело официальное, служебное; *донос* — дело официальное, личное, дело вкуса и торговли.

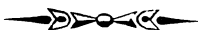
ДОНОС ИЛИ НЕ ДОНОС?

«Северная почта», рассказывая с достоюлжной риторикой гоффурьерского журнала о бале, данном 6 декабря московским дворянством*, и описав мраморы, фестоны, тропики, панораму, бамбуки, лавры, померанцы, исчислив имена всех помещиков и торгующих садовников, приславших цветы и деревья, — прибавляет: «Чуть ли не главный между последними, г. *Фомин*,

¹ «Они были арестованы по рапорту...» ...«Благодаря их доносу...» (франц.). — *Ред.*

не нашел возможным дать что-либо из своих богатых оранжерей». Попадись этот северный листок в оранжерею Потапова, узнает *Фомин Северную почту* и всю длину ее и больше увидит ледяных сосуллек, чем тропических цветов. И почему же Валуев, изобретатель масок в печати *, на манер игнатьевских арестантских картузов*, сам не держится анонимных обличений?

Бал этот, впрочем, отмечен не только отсутствием букетов Фомина, но и присутствием высших цветов правительственной литературы. «Le Nord» сообщает нам подробность, которую пропустили скромные русские газеты, дошедшие до нас. М. Катков, издатель «Русского вестника», познакомился там с государем, и они, кажется, очень сошлись *. «Le Nord» прибавляет, что г. Катков издает «лучший и наиболее читаемый журнал» в России. За что же было на нас сердиться? Не ясно ли, что Катков — тайный сенатор и действительный советник *, а так как всякий, бывший на бале, называется кавалером, то и кавалер. Николай Филиппович, повесьтесь! *

УРАВНЕНИЕ ПРАВ ИНОСТРАНЦЕВ С РУССКИМИ ПЕРЕД КАТОРГОЙ

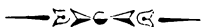
Швейцарец Эдуар Бонгард, живший учителем у графа Старжинского, приговоренный каким-то военным судом к расстрелянию, помилован Константином Николаевичем на 12-летнюю каторжную работу в Сибирь. Через Бонгарда шла переписка с Мерославским, он принадлежал к тайному обществу*. Судьба несчастного швейцарца напоминает нам судьбу *Адриани* — француза, посаженного *другим* немецким правительством в Шпильберг в одно время с графом Гонфалоньери, Силвио Пеллико ¹*

¹ Мы напоминаям нашим читателям, что Адриани напечатал в 30-х годах превосходный рассказ о своей тюрьме под заглавием: «Mémoires p'un prisonnier d'Etat»*. Какое было бы прекрасное дело перевести «Записки» Адриани вместо бледных и, во всяком случае, равнодушных романов второстепенных английских писателей.

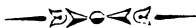
НО ДРУГОЕ-ТО ПРАВИТЕЛЬСТВО, ПОЛНО, НЕМЕЦКОЕ ЛИ?

«Кёльнская газета», — пишут «С.-Пб. ведомости», — сообщает нам следующее о процессе, происходившем в Варшаве*. Что вы скажете об унижительной необходимости узнавать *через немца*, что делается дома? Мы много раз писали об этом*, и каждый раз кровь приливает к голове, когда мы видим это безобразное неприличие! Ссылки на немецкие газеты еще возмутительнее, чем *официальные новости*, переводимые с французского из «Journal de St.-Pétersbourg»*. Какое же русское правительство не поняло бы в этом ненужном, глупом пренебрежении к своим оскорбление народа русского, crime de lèse-nation?¹

ЧТО ЗА ИСТОРИЯ БЫЛА В ЛЕЙБ-УЛАНСКОМ ПОЛКУ?..)

Что за история была в лейб-уланском полку? Должно быть, важная, потому что «Indépendance» в двух корреспонденциях старается затушевать ее; просим покорнейше прислать нам подробности об ней.

О ЯКОБИ ОФИЦЕРСКОМ ПИСЬМЕ В «ТЕЙМС»

Желая всеми мерами способствовать к раскрытию истины по делу адреса и видя, что письмо к директору «Теймса» от директора главного штаба* затерялось или (чего боже сохрани) было перехвачено полицией на границе, мы доставили «Теймсу» перевод контрадреса. Таким образом в «Теймсе» и в «Колоко-

¹ преступление против нации (франц.).— Ред.

ле» документ этот явился в один и тот же день. Мы не прячем за угол орудия наших противников.

A vous, messieurs!¹

ПОЛИЦЕЙСКАЯ ПРОПАГАНДА И НАЛОГ

Скоро придет время, что ни один журнал не захочет называться «Вестником», и это потому, что правительство и полиция пятнают особенно Вестники своей дружбой и попечениями*.

Нам прислали из Ковно следующий циркуляр:

М. В. Д.
Военного губернатора
города Ковно
и
ковенского
гражданского губернатора
по канцелярии
Отделение I.
Ноября 17 дня, 1862 г.
г. Ковно.

Г. виленский военный губернатор и генерал-губернатор гродненский, минский и ковенский, признавая полезным и необходимым распространение в подведомственных управлению его высокопревосходительства губерниях журнала «Вестник юго-западной и западной России», издаваемого в г. Киеве г. Говорским, от 13 сего ноября за № 7618 предложил мне: предписать всем присутственным местам и управлениям по Ковенской губернии о непременной выписке этого журнала. Причем г. генерал-губернатор поручил мне наблюдать, чтобы к 1 января настоящее предложение его высокопревосходительства было исполнено непременно.

Плата за годовое издание «Вестника» 7 р. 50 к. О выписке оного следует обращаться в редакцию «Вестника» в Киев.

Подписал: *свиты е. в. контр-адмирал К р и г е р.*

Направление рекомендуемого журнала — антипольское в крайнем смысле. В Вильне заставляют даже небогатых чиновников подписываться. Любопытно, что русские от этой барщины освобождаются.

¹ Дело за вами, господа! (франц.).— *Ред.*

«Бесцеремонность петербургского правительства в нашем крае, — пишет наш корреспондент, — решительно доходит до своих геркулесовых столбов. Недавно разнесся в высших (здешних) сферах слух об образовании для западных губерний особого отдела крестьянского комитета под председательством известного Бибикова, выгнанного Александром II из министров. Валуев сказал недавно одному из наших депутатов, добивавшемуся утверждения поземельного банка: „Помилуйте, гг., вы собираете складки для Мерославского *, значит, у вас есть лишние средства, к чему же вам кредит?“ »

ОТ ИЗДАТЕЛЕЙ

«Записки» кн. Трубецкого были почти окончательно напечатаны, когда одна особа, имевшая полное право на то, написала нам, что приславший в Лондон список сделал это, не спрашивая разрешения наследников, и что они желают заявить, что издание записок кн. С. Трубецкого не согласно с их волей, а если можно, то и не приступать к их печати.

Не сомневаясь в полном юридическом праве лица, отнесшегося к нам, мы должны сказать, что эта протестация глубоко огорчила нас. Для нас действующие лица великого пролога будущей России давно перестали быть людьми, принадлежащими чему-нибудь другому, кроме истории. Начиная святое дело собрания «Записок и писем декабристов», мы забыли, что у них есть наследники, мы имели дерзость считать себя наследниками их дела, хранителями их памяти — каждого следа их, их страдальческой жизни, — за эту гордость мы наказаны и просим читателей принять наше заявление, что «Записки кн. Трубецкого» напечатаны нами без предварительного разрешения особ, которым они принадлежат.

19 января 1863.

RESURREXIT!¹

Туча, которую мы указывали месяцы, разразилась!

Восстание зажглось, горит и распространяется в Польше*. Что сделают петербургские пожарные команды?.. Зальют его кровью — или нет?.. Да и тушит ли кровь?

Неужели этому царствованию, которое так легко могло быть кротким, человечественным, суждено заступить глубже и глубже в кровь? Кровью не везде можно перейти вброд; а плохие пловцы в Зимнем дворце.

Восстание это все предвидели, оно не могло не быть при безобразном полицейском наборе²; об нем предупреждали и мы, и десять других журналов; были даже люди, которые предупреждали великого князя и государя, — *они не хотели отстранить восстания, они избрали кровь!*

Ну, Константин Николаевич! Как вы сладите с вашей совестью? Уж не ехать ли куда-нибудь на горькие или кислые воды? Зачем, бога ради, зачем вы приезжали в Польшу? Кто этот личный враг ваш, который вам дал эту несчастную мысль?

И вы, маркиз, недаром старались ваше длинное имя записать в польскую историю!* Выскоблить его оттуда будет трудно — потому что торжественно хороша страница, в которую оно попало кровавым пятном, — одна из лучших в хрониках вашего отечества.

В самом деле, что за геройство, что за несокрушимая отвага, что за ненизлагаемая любовь! В виду целого войска, двух, трех войск, с злейшими врагами за спиной, открыто поднять

¹ Воскрес! (лат.).— *Ред.*

² Что такое этот татарский набор, можно ясно видеть из превосходных статей «Daily Telegraph».

знамя восстания и, бросая перчатку дикому самовластью, громко сказать: «Довольно! Мы не хотим больше терпеть. Ступай вон или клюй вороном наши трупы».

Да, поляки-братья, погибнете ли вы в ваших дремучих мицкевичевских лесах, воротитесь ли свободными в свободную Варшаву — мир равно не может вам отказать в удивлении. Начинаете ли вы новую эру независимости и развития, заключаете ли вашей смертью вековую, беспримерную борьбу — вы велики. В вас благословенна родина ваша; она, в своем терновом венце, может гордиться сыновьями. В вас благородно, изящно сочетались два великих наследства двух великих покойников: все чистое, восторженное и преданное рыцаря со всем доблестным и могучим древнего римского гражданина.

Хвала вам!

...И когда мы возле вас, идущих на смерть, на каторгу, представляем себе бедного русского воина — мы готовы рыдать, как дети. Он должен краснеть своих побед и бояться своих успехов. Его положение страшно: *быть палачом людей, вызванных на восстание, или идти против своих* — где тут воля выбора?

Горе властям, так искушающим, так бросающим смятение в душу — насильственно рассекая совесть и противопоставляя один долг другому, одну любовь другой... святыню самобытной совести и нравственного права личности святыне родовой связи, предания, крови.

Нет, это не народная война — это полицейское усмирение войсками: это те ружья, которые стреляли в Бездне, это те приклады, которыми били петербургских студентов*, это те штыки, которые завтра будут колоть крестьянина русского, по команде тех же русских немцев, за то, что он хочет *с волей землю...*

Большое несчастье, что польское восстание пришло рано; многие, и мы в том числе, делали все, нашим слабым силам возможное, чтоб задержать его*... Велепольский и его Телемак* решили иначе... Перед совершающимся событием — смирение, а не суд; иные силы, не сила слова решает вопрос.

«Что-то сделает Европа? Она не допустит? Допустит ли она еще раз?»

Допустит.

Она устами другого монарха обеспечит, что «национальность польская не погибнет» *, и успокоит народные сочувствия известием с трибуны, что «порядок царствует в Варшаве» *.

В Англии будут ненужные, бессильные, но очень великодушные митинги *, и одна Германия примет искреннее участие своей радостью — что славяне, во всяком случае, будут бить славян!

28 января 1863 г.

ПО ДЕЛУ АДРЕСА ОФИЦЕРОВ

Нашему правительству приходится решительно отказаться от литературных самооправданий, риторико-жандармских опровержений, журнально-казенных антикритик и пр., — по крайней мере приходится воздержаться от них вне пределов нашего обширного отечества. Если хладнокровно разобрать дело, то и жертва не так велика. Правительство наше, которому закон не писан и которое никому ни в чем не отдает отчета, имеет дома такие богатые средства самооправданий и антикритик, что сходить на бедную литературную арену ему неловко. Рука, привыкшая держать ключи разных каземат и острогов, плеть и палку, веревку виселицы и ружье, направленное на кого угодно, — отвыкает от пера; оно дрожит в ее пальцах. И что за жгучее самолюбие опровергать словами там, где можно опровергать приговорами! Зачем лить чернила, когда можно лить кровь?

В пояснение этого нравоучения мы помещаем два документа, полученные нами из Польши. Один из них мы перевели с французского, другой помещаем как получили.

*Письмо от русских офицеров ***ого полка к издателю «Колокола»*¹.

М. г., когда узнали мы, что письмо к Константину от имени офицеров войск, расположенных в Царстве Польском, помещено уже на столб-

¹ Предупреждая полицейский скептицизм и не желая компрометировать друзей наших, мы присягаем нашей честью и совестью, что *письмо это писано к нам русскими офицерами из Польши. Что касается до письма к редактору «Indépendance», у нас только копия, присланная из Варшавы другими офицерами. Тех и других братски благодарим и от всей души прижимаем к нашей груди.*

Издатели «Колокола».

цах вашего журнала*, чувство глубокой признательности к вам заняло место в сердцах наших.

Мы гордо взглянули на наш твердый отказ, перед лицом народов, служить делу палачества и решились запечатлеть его смертью.

Из глубины души повторяем мы друг другу: «Умрем все, но не будем давить свободы, не замазая чести русской». Не так думало немецко-татарское правительство наше.

Оно не поверило голосу правды, голосу детей русского народа, а разными уловками задумало заставить нас отказаться от самых святых чувств наших. Но ведь это не так-то легко удастся сделать.

Сотни офицеров, участвующих в составлении письма, готовы сейчас же выставить имена свои и, нисколько не боясь смерти, убедительно подтвердить делом достоверность вами напечатанного документа.

Пусть будут прокляты, именем матерей их, кто осмелится помогать правительству вырывать от нас дорогое достояние наше.

Благодарим вас также за ваши искренние советы* и участие в нашем деле, мы в них-то именно и нуждались. Да не изгладится память об вас в сердце каждого из сынов русских.

*Общество офицеров ***ого полка.*

P. S. Просим, если возможно, поместить письмо наше на страницах «Колокола» как факт вторичного отречения служить правительству на гибель народов, а не на защиту их.

Декабря 18 дня 1862 года.

Письмо русских офицеров к издателю «Indépendance belge»

Г. издатель,

«Северная пчела» поместила выписку из 334-го номера вашего уважаемого журнала*, касающуюся одного факта, весьма далекого от истины, несмотря на то что он представлен с точки зрения и соответственно желанию русского правительства. Мы говорим о письме русских офицеров в Польше к в. к. Константину Николаевичу, которое было помещено в русской газете «Колокол», издаваемой в Лондоне, и которое правительство признает за недостоверное и старается это распространить не только в России, но и за границей. По этому поводу мы просим у вас, м. г., позволения поправить новости, сообщенные вам вашим корреспондентом из России. Письмо русских офицеров к в. к. не миф или ловкая выдумка издателей «Колокола»; *это факт* во всей своей действительности, — факт, говорящий громко сам за себя и за последствия, могущие из него выйти. Очевидно, что правительство не могло ничего упустить, чтобы исказить факт и скрыть правду. Даже это самое письмо, которое мы теперь пишем к вам, г. издатель, будет, без малейшего сомнения, объявлено поддельным. Мы не могли и думать напечатать наше письмо в русских газетах,

скованных смешной цензурой; даже за границей трудно пробиться истине на свет. Но мы верим, что рапо или поздно она откроется!

Письмо, напечатанное в «Колоколе»,— самое верное выражение чувств не только нескольких личностей, но большинства офицеров русской армии в Польше. Что же в этом удивительного, что мы, утомленные положением, которое становится для нас более и более невыносимо, вследствие действий русского правительства в Польше,— что мы обратились посредством иностранной прессы (единственно открытой для нас) к наместнику императора, чтобы просить его спасти военную честь армии и не употреблять солдат и офицеров палачами польского народа?

Ваш корреспондент говорит, что вел. князь, желая показать свое доверие к армии, велел собрать войска в казармах и прочесть им это письмо. Это ошибка: начальники войск ограничились тем, что прочли это письмо офицерам, выражая надежду в. к., что никто из нас не подписал этого документа; мы отвечали глубоким молчанием. Что же касается до какого-то позволения, выпрошенного офицерами, явиться к е. в., чтобы протестовать против этого письма,— это выдумка, сочиненная защитниками правительства. Вел. князь сам созвал приказом генералов и офицеров от войск, соединенных в Варшаве, чтобы сказать им то же, что мы слышали от наших начальников; одни генералы и несколько высших офицеров отвечали криком «ура!»

Вот сущая правда письма, которого существование так формально отвергает ваш корреспондент и которое вызвано с нашей стороны действиями самого правительства. Мы все патриоты, мы выше всего любим Россию, нашу родину; ей принадлежат наши руки и наша жизнь, но притеснением братственного народа мы ничего не сделаем ни для величия, ни для свободы и счастья нашей страны!

Уверяем вас еще раз, м. г., что письмо, напечатанное в «Колоколе»,— действительное выражение наших мыслей и что правительство будет стараться затемнить этот факт всеми средствами, которые в его власти, чтобы скрыть действительное состояние умов в армии. Мы считаем на влияние вашего уважаемого журнала, чтобы разогнать ложь и восстановить правду. Адресуясь к вашей беспристрастности, г. издатель, мы надеемся, что вы не откажете поместить в вашем журнале эти строки, писанные под влиянием чувства долга, и будете снисходительны к ошибкам в слоге нашего письма, писанного на иностранном языке.

Примите и пр.

Офицеры русской армии в Польше.

P. S. Мы не посылаем вам подписей этого письма, потому что если б оно случайно попало начальству, то варшавский цитадель наполнился бы новыми жертвами и канал Новогеоргиевской крепости вторично увидел бы кровь русских офицеров*.

Варшава, 10/22 декабря 1862.

Итак, что же выиграло своими *демантиями*, прозрачным лганьем, кунштиками, которых секрет бросался в глаза, заплатами, которых белые нитки были на лицевой стороне, правительство? * Деспотизму надобно держать язык за зубами. Многоглаголанье вызывает ответ. Речь вообще ставит правительство наряду с нашим братом, в то время как немота поднимает его в товарищество другого молчания, в товарищество *смерти*.

НАГЛОЕ ЗЛУОПОТРЕБЛЕНИЕ ПОЛИЦЕЙСКОГО СЛОВА

Промахнулся друг любезный,
Не попал стрелок чудесный!
«Фрейшюц»*.

В 52 № «Совр. лет.» напечатано: «Известно, что в „Колоколе“ появилось недавно *подложное* письмо, написанное будто бы офицерами русской армии на имя в. к. Константина Николаевича... С своей стороны, офицеры русской армии, расположенной в Варшаве, оскорбленные таким наглым злоупотреблением их имени, написали от своего имени протест*, отрывок которого помещен в последнем номере „National-Zeitung“*».

А откуда попал отрывок в «Националь-Цейтунг»? Ха! ха! ха! Нет, сенатор, вы плохой стрелок!¹

Читая эти строки, невольно приходит на мысль, почему в протесте, писанном начальником штаба, нет такой катковщины в выражениях. Причины есть: во-первых, начальник штаба *знал*, что офицерский адрес до напечатания в Лондоне ходил в Варшаве по рукам, во-вторых, в его крови не бродила шестой месяц, как разъедающий яд анчара, наша статья «о сенаторах»*.

К этому надобно присовокупить, что люди, мало получившие от природы и еще меньше получившие от воспитания, большие сквернословы и неразборчивы в оружиях; они делают намеки на деньги, на состояние, на наследство, не имея возможности скрыть простительную зависть, которой порядочные люди не имеют, и пуще всего уснащают речь площадными выражениями.

¹ Видя, что «Теймс» не получил контрадреса, мы сами его послали в «Теймс» и другие журналы*.

Резоном не возьмешь, колкостью не возьмешь, что долго думать — выругался, оно будто и легче на душе. «Ах ты, такой сухой, немазанный!» — вот тебе и резон, вот тебе и колкость. Но стрелок-сенатор и тут промахнулся; до сих пор тон его статей вредил одному ему, он примирил с нами наших противников; какое дело ни начини защищать пожарной трубой с помоями — чистым его считать не будут.

Мы удивляемся только, зачем начальство, имея бархатного Н. Ф. Павлова, употребляет против нас... Да нет, *эти* сами употребляются... Если так, то что ж могло возбудить такое озлобление в офицерском адресе? *Вне службы* им нельзя оскорбиться. Трогательно-благородный тон, твердая, трагическая кротость его, кротость людей, обреченных на преступление или на жертву и которые в последний раз обращаются к власти и просят ее спасти их от бесчестья, — невольно поражают.

Неужели за то, что мы посмеялись над тоном бурсачных учителей и над педантским самодовольствием издателей «Сов. лет.»*, они не могли понять всего трогательного и прекрасного в офицерском адресе, и это только потому, что он был помещен в «Колоколе»? Неужели в отместку за нашу статью они (со слов шпионов и официальных органов) решились обвинить нас в *подлоге*? Неужели у этих людей мстительная ячность так велика, что, писавши казенные обвинения и украшая их цветами своего красноречия, им не пришел в голову вопрос: «*Ну, а как адрес-то не подложный, ведь мы выходим наглыми клеветниками?*»

Или на этот азарт очертя голову есть другая причина?

Подите поройтесь в сердце человеческого, может, в цинизме выражений мы уловим крик извращенной совести и желание отвести глаза другим — да и себе.

Кто не видал, как женщина, пускающаяся во все тяжкие, преследует бесстыдными словами прежних подруг, пьет и куражится?.. И все это, чтоб перекричать что-то уличающее изнутри.

БРАТСКАЯ ПРОСЬБА К РУССКИМ ВОИНАМ

Несправедливый, подтасованный польский набор совершился! * Сила одолела еще раз правду; еще черное дело прибавилось в формуляр русского правительства, еще черная тень отбросилась на вас, на нас, на весь народ русский. Бессильные отстранить удар от многострадальной груди польской, нам надобно употребить все средства, чтоб облегчить его боль участием, смягчить горе деятельным сочувствием. За этим-то мы и обращаемся к *ротным начальникам и офицерам, к старым солдатам, дядькам и учителям.*

В ваши роты, команды, взводы вскоре поступят несчастные жертвы польского набора; вырванные без очереди из семейств по указанию полиции, оторванные от отечества, они, невинные колодники, отправляются в мрачный, дальний край, о котором они слышали одни ужасные предания, в снежных тундрах которого безвестно погибли их деды, их отцы, лучшие люди их, — их ведут туда служить годы и годы чужому царю, чужому делу, чужому народу... без друзей, без языка, без родины, которую бы защищали, без этого последнего утешения для рекрута.

Друзья, братья, русские воины, примите новых товарищей с распростертыми объятиями; покажите им, что русский народ добрее, лучше русского правительства. У вас есть общее поле, не весела и ваша жизнь; расскажите им об вашей горькой доле, о двадцатилетней лямке, о голоде, о воровстве начальства, о том, как вас наказывали и как вами наказывали крестьян; скажите им, что и у вас — после Севастополя — пала повязка с глаз, что и ваше терпение приходит к концу, что крестьян-

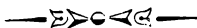
ская кровь, которую вас заставляли лить, вас душит, бродит в ваших жилах, не дает спать... что от нее испытанные герои, как Красовский, пошли на каторгу*, юноши, как Сливицкий и Арнгольдт,— на тот свет *. Да, скажите им это!

А главное, *полюбите* их, остальное все само делается.

Под серой солдатской шинелью легко хранится здоровое, теплое сердце. Человек, обреченный на кровавое, безжалостное ремесло, там где-то на дне души бережет запас великой и простой нежности. Через седые усы, по загорелым щекам воина, наглядывшегося бог знает каких ужасов, участвовавшего в них, чаще льется слеза, чем по толстенькой щечке мирного гражданина, сделавшего из семейного эгоизма и безучастия ко всему вне своего забора добродетель. Одинокий бессемейник артели и казарм, лишенный всякой ласки и всякой улыбки, солдат ищет возле себя полюбить что-нибудь и крепко привязывается.

Полюбите же, друзья, выкраденных польских рекрутов, как меньших братьев, как детей полка, и да будет над вами благословение несчастных матерей и сестер их. Матерей, которые с 1831 года только провожали сыновей своих на казнь, в ссылку, в изгнание... Сестер, которые не знают другого цвета, как черный цвет траура!

20 января.

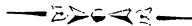

ИСКЛЮЧЕНИЕ ИЗ СПИСКОВ М. И. ТОПИЛЬСКОГО

E'rotta l'alta Colonna
E'l verde Lauro.

*Petrarca**.

Находясь в печальной необходимости исключить из списка наших *натурщиков* М. И. Топильского, утратившего свое место, нам приятно отдать справедливость горячности его привязанности к Панину. Михаил Иванович исчезает, как плюш, делящий падение бревна юстиции*, которое он так долго обвивал своими гербовыми и простыми листьями.

УДЕЛЬНЫЕ КНЯЗЬЯ

Газеты начинают поговаривать об отделении Польши под скипетром и трезубцем Константина Николаевича. Необыкновенный успех великого князя в Варшаве, любовь, которую он приобрел, велепольский набор, который он не отменил, делают эту весть правдоподобной. Михаил Николаевич получает в удел Кавказ*, так *успешно* покоренный Барятинским*. Куда же денут Николая Николаевича? Мы предчувствуем, что oiseleur наш будет в Курляндии. И это очень хорошо. В Курляндии истинные заслуги и усердие на службе *хоть поздно*, но все же вознаграждаются, как доказал Мейендорф, поставив в прошлом году памятник Мартину Лютеру.

ФРАНЦУЗСКИЙ ГУТ, АВСТРИЙСКИЙ ГУТ, А ПРУССКИЙ ГУТЕЕ

«Французский гут, австрийский гут, а прусский гутее», — так отзывался некогда седой воин 1812 года, возвратившись из-за границы. Пруссаков хвалил он, вероятно, из подобию-растия, чтоб польстить высшему росейскому начальству. Но мы искренно находим, что пальма принадлежит Пруссии, и это без малейшей лести или адуляции. Во Франции были захвачены поляки, как мы говорили в 153 листе «Колокола»*; найдя, что они ни в какие французские дела не мешались, их выпустили¹.

Но не таков *наш дядя* на берегах Шпре*. Мы получили на днях известие, что дядюшкина полиция схватила одного поляка, отвезла в Эйдкунен и сдала его с рук на руки русской полиции. «Это вовсе не первый пример, — продолжает корреспондент, — поляков, перешедших границу, отправляли несколько раз назад и даже некоторых сковывали».

Действительно *прусская гутее*.

И потому мы с бесконечным удовольствием увидели на днях, какую полную справедливость отдает «Теймс» и его величеству прусскому королю, и верноподанным его. «Он счастлив в своих подданных, — говорит „Теймс“, — потому что, нам кажется, в мире нет выносливее и долготерпеливее народа. Но подданные его очень несчастны в своем короле. В его нарушениях прав мы напрасно ищем таланта, который скрашивает иногда великие общественные преступления»². Нет, прусский будет гутее, как можно!

¹ Кстати, за выпущенными поляками, оставившими Францию, бросился чиновник всероссийского III отделения, чтоб следить что и как. Экие шалуны — денег-то куры не клюют!

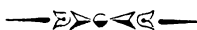
² He is fortunate in his subjects, for we believe a more patient and long-suffering race does not exist. But his subjects are eminently unfortunate in their king. In his invasion of their rights we look in vain for the talent which gilds great offences («The Times», January 17, 1863)*.

HUXLEY И ЕГО ЧТЕНИЯ

Нам часто повторяют в письмах, что хорошо было бы указывать на книги, выходящие в Англии и которые, по нашему мнению, было бы полезно переводить на русский язык. Мы это иногда и делали*. Вообще книг, особенно замечательных, как Бёкль, Дарвин, очень мало. Но есть небольшие трактаты, чтения и пр., назначенные для обобщения научных понятий, которые были бы очень полезны для русских читателей. Мы обращаем внимание переводчиков на теперь изданные *шесть лекций* Huxley'я, «О нашем знании о причинах органических явлений»*. Редко в Англии слышится более здоровый и простой язык. Вот заглавие: «A course of six lectures to working-men by Pr. Huxley on our Knowledge of the Causes of the phenomena of Organic Nature».

ПРЕСТУПЛЕНИЯ В ПОЛЬШЕ

Слова порицания умалкивают перед роскошью злодейства, двоедушия и глупости, которую выказало петербургское правительство... и все это — не оставляя своего лепета о прогрессе и либерализме.

Мы имеем перед собой, сверх русских газет, иностранные всех цветов, от совершенно независимых до окончательно подкупленных. Стало быть, не трудно составить приблизительно верную картину *русской ночи* в Варшаве *. Тут все преступно— от скрытого плана до явного, от средств до цели, от самого дела до образа совершения его, до лжи, которая оскорбила нахальством своим всю страну и послужила последней каплей, после которой кровь полилась рекой.

Этим набором русское правительство поставило себя сразу не только ниже турецкого, но ниже австрийского. Оно уже аплодировало себе, что придумало такую ловкую штуку, уж начинало признаваться в ней¹ и рассылать телеграммы

¹ «Сев. пчела» от 11(23) января, не знаем по каким necessitatibus, напечатала удивительную корреспонденцию из Варшавы*, там между прочим сказано:

«Об этом рекрутском наборе я намерен поговорить в моем следующем письме, потому что его нужно рассматривать в связи с другими, и прошедшими и настоящими, обстоятельствами и со всею политикою графа Велепольского. Теперь достаточно будет сказать вам, что в самой Варшаве набор должен коснуться 2000 *людей подозрительных и находящихся на замечании у властей*. Некоторые ожидают по этому случаю больших смут. Могу уверить вас наперед, что ничего не будет и что спокойствие в Варшаве не будет нарушено, вопреки уверениям партии действия, которая, если верить слухам, объявила, что скорее решится очертя голову произвести восстание, чем дать осуществиться этому

чуть не о радости, с которой рекруты идут, — да вдруг и срезалось.

Народ бежал из Варшавы, в лесах собирались вооруженные толпы; они отбивали рекрут, кричавших так усердно в «Норде» ура великому князю, поившему их водкой... И правительство стало рассказывать об ужасах, чтобы отвести глаза Европы и возбудить дикие страсти солдат... С какой же иной целью говорил свою речь Александр II на измайловском параде? * Не только же для того он ее произнес, чтоб, вопреки мнению подкупных журналистов, заявить, что в числе офицеров есть люди, которым «роль палача» (как они сказали в адресе Константину) надоела *. Это у него сорвалось с языка, но он говорил об ужасах, о которых он не мог знать ничего положительного.

«Я и после этих злодейств не хочу обвинять весь польский народ...» — Скажите пожалуйста! — «J'ai eu tort envers lui, cher Bertrand, mais je lui ai pardonné!»¹

В то же время «J. de St.-Petersbourg» печатал о *варфоломеевской ночи*, о избииении русских солдат во время сна*...

Чего, собственно, у них недостает — мозга или сердца?

Под видом набора делают набег: кого схватили, увезли в цитадель; где не нашли помеченных шпионами, там *взяли аманатов*, кого попало — отцов, матерей, жен, детей. Не будь тут шпионов, представителей бюрократической цивилизации Петербурга, эту ватагу разбойников можно было бы принять за какое-нибудь монгольское нашествие. А он говорит: «Я не виню Польши!» Во дворце часы отстают — у них XIII столетие, а не XIX.

Нельзя сказать, чтоб мера эта сама по себе требовала столько же изобретательности, сколько животного бездушья. Набор этот — применение одного из обыкновенных злоупотреблений помещичьего права к целому народу. Так, как прежде сего кре-

набору, который лишит ее целого легиона ее приверженцев и последователей».

Хороши официозные пророки! Но важнейшее тут — это сознание, что набор *коснется* именно подозрительных людей, — лучше бы разрешить полиции просто бить их до смерти на улицах.

¹ «Я был виноват перед ним, любезный Бертран,—говорит Робер Макер,— но... но я простил ему!»*

постники отдавали своих людей в солдаты не по очереди, а по барской злобе, так Маркграбий с своим великокняжеским воспитанником* хотели отдать в солдаты ту Польшу, против которой у них есть зуб.

«Люди стали бежать»... Как же не бежать от вооруженных шаек, вламывающихся в дома.

«Стали защищаться»... Еще бы! Но, стало быть, Центральный комитет приготовил оружие? Да как же было не готовить оружие, ведь он знал, с какими гаротерами имел дело.

Набор этот без восстания не мог обойтись. Это знали русские точно так же, как поляки. Иностранная газета назвала того русского, который ездил в Варшаву умолять Константина Николаевича не делать этого набора*. Великий князь, магнетизируемый Велепольским, не только не послушался, но к ране прибавил насмешку — рассылая весть о тишине и довольстве. После этого будто найдутся рабские души, которые будут винить Центральный комитет?.. Тут некогда было думать ни о силе, ни о победе. Надо было спасти великую историческую личность, *многострадальную Польшу*, надобно было нравственно спасти ее: пройди этим балтийским гуннам даром это преступление — ореола мученическая потерялась бы, великое предание было бы порвано, великое право на независимость было бы потрясено, Маркграбий был бы доволен!..

— «Да, да... Но зачем эти жестокости?»— Ни вы, ни я,—мы об них мало знаем, но я вообще думаю, что война не бывает без убийств и что убийства не обходятся без ужасов. Но чему же удивился кроткосердый монарх, дозволивший гаротировать целый народ, что у людей, доведенных до отчаяния, он не нашел ни мягкости фрейлин, ни уступчивой нежности их?

А между прочим, приверженные русскому правительству публичные листы рассказывают, как инсургенты, взяв какую-то кордегардию саперов, приставили револьвер ко лбу каждого, потребовали их оружие, взяли его и ушли, не убивши ни одного. Какой же в мире генерал, от Кастручио Кастракане и Монтекукули до русского генерала Коцебу и французского генерала Бурбаки, не сделал бы, не должен бы был сделать то же?

А пророс к офицерскому долгу. Ну, господа, подписавшие минквицевский *maladresse* *, довольны вы путем, по которому

вас повел Маркграбий? Знаете ли, кому вы нанесли страшный удар — Польше? Нет, она снова высоко поднялась в глазах всех народов. России нанесли вы его. Имя русское вы сделали снова ненавистным, как при Николае, — ненавистным от одного края земного шара до другого.

Мир вправе спросить, что это за народ, который в продолжение века из поколения в поколение приходит терзать несчастную страну, не желающую быть с ним, не делящую его вкуса к рабству?

Мир вправе спросить, что же сделало в России при вести о польском наборе это *возбужденное* общественное мнение, о котором столько говорили? То ли, что оно напечатало в «Nord'e» адрес готовности бить поляков?*

Прежде по крайней мере, засекая целые деревни для аракчеевских поселений, умиряя крестьян от Пугачева до Бездны, офицеры молчали — может, они не понимали, что делали. Теперь и этого оправдания нет. Они идут с полным сознанием, они подписывают адреса добровольной преданности.

И все это падет на народ. Его обвинят в племенной ненависти, в алчной стяжательности, его обвинят в том, что для него дороже воли *сила*, что, упоенный своей гордыней, он готов быть рабом для того, чтоб покичиться тем, что может в цепи ковать других... Что же после этого может быть естественнее, как ненависть к такому народу всех остальных?

...Если б мы верили, что русский народ в своем азиатском раболепии любит господство над другими народами, и в силу этого выносит рабство, и в силу этого станет теперь за правительство, против Польши, нам осталось бы только желать, чтоб Россия как государство была унижена, обесславлена, разбита на части; желать, чтоб оскорбленный и попраный народ русский начал *новую жизнь*, для которой память прошедшего была бы угрызением совести и грозным уроком.

Но не будем клеветать на него: нет доказательств, что он за эти злодейства. Что же он сделал?.. Ведь не он подписывал адрес Минквица...

И не только не он, но и не все офицеры.

И вот почему при беспредельном горе, при всем ужасе, который обдает нас при чтении страшных слов «*двое русских*

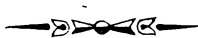
офицеров, взятые в числе инсургентов, расстреляны», мы с умилением и растерзанным сердцем готовы пасть ниц и молиться памяти их, как некогда молились памяти юношей, брошенных другими палачами в пещь огненную, чтоб они, святые мученики наши, заступники за Россию, своей жертвой, своей непорочной кровью вымолили прощение человечества русскому народу, еще раз опозоренному своим правительством!*

10 февраля.

P. S. Сегодняшний телеграмм говорит о *четырёх* русских офицерах, приговоренных к смерти.

Носятся слухи, что Телемак ссорится с Ментором*. Кончится тем, что *наши* надуют Маркграбя. Где же была его дальновидность, когда он вступил в союз с людьми, не связанными никакими нравственными убеждениями, никаким долгом, ни даже умом и логикой. Как бы не пришлось Маркграбю в своей *медной карете* бежать от стыда и от своих союзников.

Корреспондент «Daily Telegraph'a» замечает, что начальники и усерднейшие усмирители Польши — всё *немцы* с примесью француза (Бонтан), итальянца (Паулуччи) и шотландца (Рамзей). Это напоминает состав Валленштейновых полчищ, составленных из праздных шпаг всевозможных армий, из офицеров всех стран*, у которых все было, что нужно для рейтеров и ланскене, *кроме отечества*, которое бы они защищали.

К РУССКИМ ОФИЦЕРАМ, ПИСАВШИМ К НАМ ИЗ ПОЛЬШИ

Друзья, вы можете сделать для ваших товарищей и для ваших польских друзей большую услугу. Соберите на месте, по горячим следам, подробности о действиях инсургентов и русских, дайте нам имена офицеров, показавших особенное, неутомимое усердие и верноподданнический задор (хотя мы их и узнаем по наградам, но может же случиться, что истинная заслуга останется незамеченной).

Пересылать к нам будет трудно на первое время. Оставьте у себя ваши отметки. Впрочем, ваши пути хороши — к нам все дошло*.

Изд. «Колокола».

ИСТОРИЯ АДРЕСА И КОНТРАДРЕСА ПРОДОЛЖАЕТСЯ

Отношения «Современной летописи», государя и «Норда» к офицерскому адресу * совершенно розны. Государь верит ему и потому так некстати намекнул об нем в измайловской речи своей*. «Современ. лет.» и «Норд» не верят, — впрочем, «Норд» ни во что не верит. Поместивши тот же контрадрес, который был нами напечатан в «Теймсе», в «Колоколе» и других газетах — с легкими изменениями и выпусками, — он его называет *апокрифным*, потому что он нами был послан прежде в «Теймс», чем офицерами в «Норд».

Переводим из «Норда», 29 января 1863 года, статью под заглавием: «Протест офицеров варшавского гарнизона».

Г-н Герцен недавно напечатал в своем лондонском журнале «Колокол» адрес будто бы от офицеров русской армии в Польше к вел. кн. Константину Николаевичу. Так как «Times» перепечатал этот адрес, офицеры решились послать английской газете *коллективное* письмо, чтобы протестовать против того, что они имели причину принять за обиду. Но прежде чем редакция этого письма была окончательно установлена, «Times» получил первоначальный проект и напечатал его. Вследствие этого преждевременного и, следовательно, *апокрифного* обнародования офицеры адресовались к нам и прислали нам для помещения в наших столбцах следующее достоверное письмо, сопровождаемое их подписями:

Варшава, 10/22 января 1863 года.

Господин директор,
директор журнала «Times» перепечатал из «Колокола», издаваемого в Лондоне г. Герценом, адресованное на имя е. и. в. великого князя Константина Николаевича, никем не подписанное письмо от офицеров русской армии, расположенной в Польше.

Печатая письмо, приносящее бесчестие русским офицерам, — письмо, представляющее их изменниками императору и долгу службы, г. Герцен

находит достаточным свидетельством достоверности такого письма только свое личное в том заверение.

Мы отвергаем всеми силами наших убеждений всякую солидарность с идеями, которых мы не только чужды, но которые даже возмущают в нас чувства гражданина и воина.

Г-н Герцен по своей заботливой услужливости, от которой мы просим его избавить нас, нашел нужным давать нам советы относительно обязанностей нашего положения. По его мнению, честь наша требует, чтобы мы помогали оружием всякому беспорядку, всякому стремлению, которое враждебно правительству и общественному порядку.

Честь не допускает измены присяге, добровольно принятой. Г-н Герцен, конечно, знает, что все мы по доброй воле обязались служить правительству. Наши обязанности в Варшаве таковы же, как и везде — верность императору и установленным законам.

На армии, обязанной защищать отечество во время войны, лежит не меньше священная обязанность защищать общество и спокойствие государства во время внутренних смут. Войско, увлекшееся какими-либо индивидуальными политическими мнениями, походило бы на лишенную дисциплины анархическую толпу, угрожающую всякому цивилизованному обществу. Мы же, напротив, поддерживая порядок и общественное спокойствие, только и надеемся служить развитию и величию нашего отечества.

Позвольте нам, милостивый государь, рассчитывая на вашу любезность, просить вас благосклонно уступить этим строкам место в столбцах вашего многоуважаемого журнала.

Затем следуют подписи. Подписанное письмо хранится в редакции журнала «Le Nord».

Полковники:

Сорокин, Тевес, Насветевич, Желтухин, Эйхен, Малиновский, Пейкер, барон Корф, Капустин, Нильсон, Борисов, Нолле, Грум-Гржимайло, барон Моргенштерн, Грихил, Бубнов, Веймарн.

Подполковники:

Капустин, Росси, Аносов, Давыдов, Соловьев.

Майоры:

Бойе, Грессер, Крылов, Качан-Дубенский, Антушевич, Рагоза, Сущинский, Фанафонтьев, Кнорриг, Кондратьев, Кази, Марианович, Клевцов, Протопопов, Тихоцкий, Барк-Петровский, Савельев.

Капитаны:

Станкевич, Ожигов, фон Вендланд 1-й, Брюхов, Польт, Тукмач, Гернгросс, Будкин, Винклер, Тванев, Радзишевский, Грицкий, Курлов, Козакевич, Тихменев, Журавлев, Сидоров, Теплов, Тиньков, граф Миткевич-Гелток, Бабанин, Добровольский, Грюнер, Лаухин, Гогель, Меш-

ковский, Дергач, Споров, Бахты-Гирей-Едигей, Бергман, Штейн, Минкельдей, Лукашевич, Опорский, Ромашкевич, Горба, Миркович, Вейде, Булгаков, Акимов, фон Бремзен, Грунфельд, князь Щербатов.

Штабс-капитаны:

Ерлич, Котиков 1-й, Скородумов, Еляновский, Мазуркевич, Гардер, Печенкин, Арбузов 1-й, Иванов, Мередих 1-й, Авенариус, Никитин, Галлер, Нащокин, Меллер, Охтерлон, Широно-Шербинский, Таубе, Казин, Смельский, Фрейман, Олендский, Протсенко, Невадовский, Случевский, Розенбаум, Владимирский, де Витте, Диаконов, Понтус, Мончунский, Окинчиц, Бубнов, Малиновский, Биола, Троцкий, Лихачев, Навроцкий-Опошинский, Мирецкий, Кебеке, Веселаго, Мипчелев, Естовский, Холодов, барон Иксуль фон Гульденбанд, Крижицкий, Брунинг, Белинский, Тржецек, Вильготский, Джирежитский, Мерчанский.

Поручики:

Витторф 2-й, Кюстер, Шелковников 1-й, Карасс, Тяжелников, Юргенсон, граф де о'Рурк, Буш, Быков, Линденбаум, Мерклинг 1-й, Мерклинг 2-й, Пороховщиков, Боголепов, Овсянников 2-й, Лапицкий 3-й, Лемковский 2-й, Веснин, Шумилин, Даудель, Росси, Свищев, Рауха, барон Штакельберг, Соколовский, Сысоев, фон Ден, Гартунг, Риджевский, Брант, Керодинов, Михайлов, барон Крюденер, Москальцов, Онопренко, Мунк, де Роберти, Нагловский, Панов, Гермес, Леман, Москевич, Сахонов, Зитович, Барахов, Диденко, Снадский, Козловский, Алешенко, Волков, Муха 1-й, Муха 2-й, Роснянский, Христич, Доманский, Ебовский, Толстой, барон Иксуль фон Гульденбанд, Картавцев, Шмелинг, Крым-Гирей, Худзинский, Гаффнер, Гесс де Кальве, Яворский, Рубец, Гавловский, Зеймерн, Заржецкий.

Подпоручики:

Биалы, Франк, Шелковников 2-й, Бачманов, Лукандер, Котиков 2-й, Галицкий, Цитович, Нарбут 2-й, Мерклинг 3-й, Арбузов 2-й, Петерсен, фон Бранденбург, Михайловский, Скарятин, Прокофьев, Ланицкий 2-й, Мередих 2-й, Никитин, Жудра, Зеленский 1-й, Гофман, фон Зигерн-Корн, Ушаков, Летягум, Милиус, Абросимов, Герман, Шищенко, Свищев, Нащокин, Агапьев, Братерус, Черняев, барон Мирбах, барон Иксуль, Пацевич, Обер, Козинский-Граве, Пржемский, Гродский, Антушевич, Анисимов, Шемиот, Олдаковский, Витковский, Буткевич, Спирин, Немиский, Рамзин, Рязский, Дигна, Ястрембский, Вандышев, Доманский, Сасский, Гобятто, Зверев, Яцино, Ктитов, Бердяев, Шмитт 1-й, Захаров.

Прапорщики:

Ватаци, фон Вендланд 2-й, Рожнов, Тяжелников, Лазаревич, Кузьмин, Мередих 2-й, Овсянников 4-й, Овсянников 3-й, Мерклинг 4-й, Вяткин, Гавеман, Пивоваров, Фроловский, Сафонов, Ожигов, Бистром 1-й,

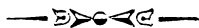
Вистром 2-й, Готтман 1-й, Готтман 2-й, Тимофеев, Збруев, Лейман 2-й, Самойлов, Тимошенко, Радзишевский, Афросимов, Гартен, Варакин, Плец, Шульгин Пржебиано, Горбатский, Полубинский, Данилевский, Тухалка, Нефедьев, Богданов, барон Вревский, Керча, Богалдин, Спитко, Барашев, Коберский, Анджейкович, Свенденский, Душиц-Вольский, Саблин, Томашевич 2-й, Хилютинский 1-й, Хилютинский 2-й, Казанский, Томашевич 1-й, Водзиводов, Калашинский, Цезман, Кавецкий, Хлебковский, Васильев, Гучинский, Илькевич, Краевский, Чайков, Кармалинский, Нестеровский, Кичкин, Веселкин, Шорц, Дергач, граф Марков, Маркович, Джанхал, Куденатов, Камзаев, Биконов, барон Моргенштерн 1-й, Никифоров, Черноглазов, Медянов, Штейн 2-й Шмит-Лабунский, Бухарь, Любарский, Пушешников, Ребидаллов, Соседов, Крюков 2-й, Титович, Нинанич, де Генинг, Гейденрейх, Булыгин, Занегин, Ибельсин, Зегеркранц, Бернго-Ецелский, Шук-Бей, Азиатс.

Итого:

Полковников	17
Подполковников	5
Майоров	17
Капитанов	44
Штабс-капитанов	53
Поручиков	59
Подпоручников	64
Прапорщиков	96

Всего . . . 355

¿На какое количество войск падают 355 офицеров? Ведь в Польше до возмущения было с лишком 80 000; из которых половина была в Варшаве?

ИЗ ПЕТЕРБУРГА

PROCES MONSTRE¹

Наш давнишний знакомый А. Ф. Голицын, инквизиторский помощник в 1834, инквизитор en chef в 1863 (двадцать девять лет, какова карьера,— и верьте после этого исправлению людей!), готовит чудовищный процесс для вящей славы либерального царствования Александра II. В Москве, в Петербурге хватают людей направо и налево, по всей Европе ищут через консулов, попов, послов — русских всех лет и возрастов *. Посмотрим, чем этот *рекрутский набор* окончится и что сделает из процесса Голицын *. Кстати, дело о зажигательстве так и кануло, его бы прежде кончить... Литературные защитники правительства, скажите же словечко об зажигателях *.

КНЯЗЬ ОРЛОВ И БАРОН БУДБЕРГ

«Теймс» от 6 февраля говорит*, что русское посольство в Париже спрашивало кн. Орлова, не поместить ли опровержение слуха, повторенного журналами, о поездке кн. Орлова к великому князю в Варшаву с целью уговорить его не приводить в действие набор. Князь Орлов будто бы отвечал, что он действительно ездил и что если будет опровержение, то он будет протестовать. Но в русской службе от кн. Орлова до барона Будберга* — один шаг.

¹ Чудовищный процесс (франц.).— Ред.

SURTOUT PAS TROP DE ZELE, Mr BUDBERG*

Усердие не все преодолагает... времена Клейнмихеля прошли *. Будберг в остром припадке усердия попросил, чтоб в Париже закрыли польскую школу в Батиньолях * — единственное убежище детей изгнанников, в котором они могут получить воспитание, не теряя национальности. Мы с величайшим удовольствием узнали, что ходатайство Будберга было отвергнуто государственным советом — единодушно.

Отчего же Киселев не делал подобных усердий?*

ВСПОМОГАТЕЛЬНОЕ ФРАНЦУЗСКОЕ ВОЙСКО В ПОЛЬШЕ

«Теймс» (6 февр.) говорит, что он знает из верного источника, что «русское правительство обратилось в Париже к властям, прося их дать способного человека, который бы устроил в Варшаве тайную полицию по образцу парижской *. Просьба эта тотчас же была исполнена» и что «десять дней тому назад верный агент французской тайной полиции отправился в Варшаву с этой целью»*.

Мы к этому прибавим, что *человек*, посланный теперь, — не первый, в Варшаве с прошлой осени было несколько французских шпионов, один из них был как-то побит казаками.

ЗАПРОС СВЯТЕЙШЕМУ СИНОДУ О ИЕРЕЙСКОМ ДВОЕЖЕНСТВЕ

С отшествием к преждеусопшим святителям паствы града святого Петра (что на Неве) высокопреосвященнейшего Григория * оскудело число знаемых нами св. отец до того, что мы

находимся в необходимости просьбу о разрешении нашего сомнения возвести на соборное рассмотрение Святейшего синода.

Бесспорно, что мы могли бы беспокоить Филарета московского, проведя часть жизни своей под его епархиальным благословением. Но его горячее служение телесным наказаниям делает несообразным духовные с ним беседы тем паче, что у него не только розги временные, но и вечные *, не только палки осиновые, но и от древа едемского, на спине человеческой не сокрушаемого.

Итак, решаемся мы сыновнее недоумение наше повергнуть всему вертограду пастырскому.

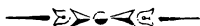
Ужели иерей, единой жены муж, может безгрешно венчаться с другою, содержать наложницу или быть содержиму какой-нибудь вавилонской блудницей?

Бесспорно, что мы не о телесной жене и не о плотской наложнице говорим, а о духовной — но духа иного, светско-духовного.

Может ли, спрашиваем мы, иерей, венчаный с церковью Христовой, исправлять должность тиуна царского, консулом в просторечии называемого, в Генфе или ином калвино-мерзком граде? Может ли десница, воздымающаяся от престола, антимином покрытого *, опускаться с пером от крыла пернатых для скрепы записей кесаревых? И не следует ли по крайней мере скрепы мытарские * писать шуйцей? Но где же тогда училищницы леводланному писанию?

Буде же сие духовное многоженство допускается, то почему же останавливаться на должностях консульских в странах неверных и не занимать дома иереев секиро- и конноучителями всадников, хожальными по градам и весям, купно приходскими душ и квартальными телес надзирателями?

Благословите, св. отцы и разных орденов кавалеры, разрешить сомнение смятенной души детей ваших.

СВЕТСКОЕ КОНСУЛЬСТВО В ЛОНДОНЕ

Русское консульство в Лондоне вызывает через «Теймс» Павла Машкулова, Василья Кельсиева и Николая Жуковского для какого-то сообщения*. Само собою разумеется, что мы не советуем им идти туда, потому что, наверное, им сообщат что-нибудь неприятное*. Но мы не можем не отдать справедливости, что средство, употребленное консулом, гораздо приличнее отыскивания адреса русских у людей, нисколько не желающих служить русскому правительству*.

Вот письмо, полученное г. Трюбнером:

The Consul Gen. Mr de Berg presents his compliments to Messrs. Trübner et Co, and has the honour to request that they will be so obliging as to inform him of the addresses of Mr W. Kelsieff, Mr Paul Mashkouloff, and Mr Nicolai Joukowsky, should their places of residence be known to Messrs. Trübner et Co. The above named gentlemen are supposed to be staying in London.

Mr Kelsieff was residing about two years ago at № 3, Britannia-terrace, Fulham road, S. W.¹

32, Great Winchester street,
London. E. C.

3/15 January, 1863.

¹ Ген. консул г-н Берг шлет привет гг. Трюбнеру и К^o и покорнейше просит их сделать ему одолжение и сообщить адреса г-на В. Кельсиева, г-на Павла Машкулова и г-на Николая Жуковского, если их местопребывание известно гг. Трюбнеру и К^o. Вышеназванные господа, по-видимому, живут в Лондоне. Г-н Кельсиев около двух лет тому назад прожил в № 3, Britannia-terrace, Fulham road, S. W. (англ.).— *Ред.*

...ET LA RUSSIE

Faites savoir à vos lecteurs que le temps de chanter des *Te Deum* de grâce pour l'ignoble assistance de la Prusse n'est pas venu, que le danger n'est pas circonscrit en Pologne, qu'il est aussi plus loin en Russie; que non seulement la Prusse, mais encore le Darmstadt n'y feront pas beaucoup.

Nous sommes informés, — et cela de bonne source, vous pouvez être sûr — que toutes les sociétés politiques, cercles etc., dans l'armée et dans les provinces, se sont réunis en une seule organisation sous le titre de *Zemlia i Volia* (*Terre et Liberté*). Le titre même suffit pour en définir le principe: «Droit de chacun à la terre» et le but: «Gouvernement électif et fédéral».

24 février.

ПЕРЕВОД

...И РОССИЯ

Сообщите своим читателям, что время служить благодарственные «*Te Deum*» по поводу гнусной поддержки Пруссии еще не наступило*, что опасность не ограничивается пределами Польши, что она существует и подальше, в России, что не только Пруссия, но даже и Дармштадт не многим могут пособить.

Нам стало известно — и из весьма надежного источника, — вы можете в этом быть уверены, — что все политические общества, кружки и т. п. в армии и областях объединились в одну организацию под названием «Земля и воля»! Само это название достаточно определяет ее принцип: «Право каждого на землю» и цель: «Выборное и федеральное правительство».

24 февраля.

TO THE EDITOR OF «THE STAR»

Sir,— The numerous but small and feeble secret societies which were scattered throughout Russia have now united into one association, which has organised itself under the direction of a central committee, and has adopted the name of «Land and Liberty», expressing the desideratum of the Russian people — the right of every one to land, and an elective and federal government.

The central committee requests us to make the following advertisement known to Russian travellers in Europe. You will greatly oblige us by inserting it in your widely-circulated journal.— We are, sir, respectfully yours,

Alexander Herzen,
N. Ogareff.
Editors of the *Kolokol*.

Orsett-house, Westbourne-terrace, W., Feb. 28.

П Е Р Е В О Д

ИЗДАТЕЛЮ «THE STAR»

Сэр, многочисленные, но незначительные и слабые тайные кружки, расплывшиеся ранее по всей России, теперь объединились, под руководством центрального комитета, в одно общество,

которое приняло название «Земля и воля», выражающее настоятельные нужды русского народа — право каждого на землю и выборное федеральное правительство.

Центральный комитет поручил нам обнародовать следующее обращение ко всем русским путешественникам в Европе. Вы нас очень обяжете, поместив его в вашей газете, имеющей широкое распространение. Мы остаемся, сэр, уважающие вас —

Александр Герцен,
Н. Огарев,
Издатели «Колокола».

Orsett-house, Westbourne-terrace, W., февр. 28.

ЗЕМЛЯ И ВОЛЯ

В то время как петербургский орел, опустив одну из голов, рвет по ключьям грудь несчастной Польши, около другой головы его собираются иные тучи — свои, домашние... Пусть он поглотит служить молебен с своим бранденбургским коршуном, которого позвал на пир усмирения великого народа *.

1863 не 1831.

Если Европа та же, то Россия не та же!

Мы достоверно знаем, что столичные и областные круги, соединяясь между собой и с офицерскими комитетами, сомкнулись в одно общество.

Общество это приняло название «ЗЕМЛЯ И ВОЛЯ»

Во имя этого названия оно победит!

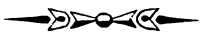
Земля и Воля — родные слова для нас, с ними выступили и мы некогда, в зимнюю николаевскую ночь, и ими огласили раннюю зорю настоящего дня *. *Земля и Воля* было в основе каждой статьи нашей, *Земля и Воля* — на нашем заграничном знамени и в каждом листе, вышедшем из лондонского станка.

Земля и Воля — два великие завета двух неполных развитий, два необходимые пополнения вечно расторженных полушарий, которых соединить, быть может, удел России. Она испытала до дна, что значит *земля без воли*; она нагляделась до сыта, что значит *воля без земли*...

Приветствуем вас, братья, на общем пути! С жадностью будем мы следить каждый шаг ваш, с трепетом ждать от вас вестей, с любовью будем передавать их *, с бескорыстной любовью людей, радующихся развитию стремлений целой своей жизни.

С вашей святой хоругвью вам легко будет служить русскому народному делу!

1 марта 1863.

ПРЕСТУПЛЕНИЯ В ПОЛЬШЕ

I

Печален наш удел — скрепя сердце помечать главные черты неровного боя польского Лаокоона с петербургским чудовищем...* С одной стороны героизм до безрассудства, поэзия, любовь, великие предания, воля, беспомощность и смерть. С другой — властолюбивый каприз, забитое повиновение, угрызение совести, сила и *прусская помощь*.

Действительно, неугомонный народ эти поляки, около ста лет не могут умереть. Кажется, все кончено; проходят поколения, все тихо, *finis Poloniae**, Европа успокаивается на бесплодном чувстве сожаления — что же тут делать, мертвого не воскресишь, да и где же было пережить столько ран и ударов. Забыт гордый боец под землей — и вдруг от одного конца мира до другого раздается стон, потрясающий все совести, мешающий всем снам, — стон заживо схороненного народа, приподнимающегося в своих кровавых ранах и ржавых цепях и возвещающего, что *он не умер!*

Нет, он не умер! Мертвые не могут возбуждать столько преданности, самоотвержения, столько фанатического восторга, столько юных сил.

Поляки *исчезают* в Европе; где их было десять — их два, где два — и тех нет. Идет и юноша с пробивающимся усом, идет и седой изгнанник 1831, идет, бросая место, работу, которой он не найдет больше в тесноте и давке западной конкуренции; убогое достояние продано: Польша восстала, Польше их нужно, о чем же тут рассуждать, надобно идти.

К мертвым так не ходят; ведь и те, которые ходили к гробу в Иерусалим, ходили не к мертвому, а к воскресшему.

Прав был Юльян Клячко в своей речи в батиньольской школе*, когда он сравнивал польскую эмиграцию с тем схимником, спасавшимся вдали от людей, который на вопрос одного из цезарей, что он делает, отвечал: *«Reteo! Возвращаюсь!»*

Польская эмиграция не бросила корней, не осела, не взошла в свою мебель, *она возвращалась!*

Полякам что-то говорит, несмотря на их гордую уверенность, что они принадлежат к тесному родству западных народов, *что они здесь не дома.*

Немец, проживший где-нибудь лет десять, теряет все национальное, кроме дурного акцента, вживается во все интересы страны, кормящей его, не стремится в свое отечество, не болит об нем. А поляк, как бы долго ни жил, *возвращается.* И оттого, при первом призывном звуке трубы с берегов Вислы, изгнанник польский встает в Италии, встает в Англии, берет бедную свою котомку и идет нести свою кровь общей, всех скорбящей, страшно несчастной и страшно любимой матери.

...Какая черная доля — быть палачом этой матери, затягивать веревку на ее шее и хладнокровно сто против одного прирезать ее детей!

Может, только одно положение в мире еще хуже нашего. Это — положение добровольного помощника при экзекуции, помощника сильному против слабого... положение сыщика, полицейского, ждущего на дороге. Нет, не быть тебе, Пруссия, во главе германского единства; нет, ты сама развалишься, государство без народности — военная нелепость, созданная королем-энциклопедистом*: на твоём юнкерском лбе нет помазания, ты останешься военной семинарией рода человеческого, экзерциргаузом философии и аванпостом петербургской управы благочиния.

II

Рядом с дикозверскими подвигами неприятельского войска в Польше, рядом с сожженными деревнями, убитыми женщинами, разграбленными домами — идет безобразие казенной и откупной журналистики. Эти риторические погремушки, привязанные к разъяренному медведю, эта кровавая грязь, липнущая к пушечным колесам, заставляет содрогаться.

Если в чем-нибудь прогресс несомненен в России, то это в литературном расстройстве. При Николае всякое заявление политических мнений было запрещено. Журналист молча передавал урезанный факт, и читатели догадывались, о чем он умалчивает. Два-три закупленные журналиста* пользовались всеобщим презрением и не имели никакого влияния на общественное мнение. Все это изменилось. Теперь всякий казенный публицист начинает с оды на свободу, с гимна о несокрушимом праве, с проклятия цензуры ...и так ведет, ведет читателя по форумам и капитолиям ...да вдруг и очутится с ним в III отделении, и уже пахнет не Вашингтоном, не Мирабо, а чисто Александром Федорычем Голицыным... Около капитальных статей красуется наивный венок такой бесстыдной лжи, такого основательного невежества, такой пошлости, наконец, что середь величайшего отвращения нельзя не смеяться.

Статья «Journal de St.-Petersbourg»* поразила всю Европу своей бесцеремонностью, своим обличением неслыханного отсутствия всякого нравственного чувства в петербургском правительстве. Против нее вышли «Московские ведомости» с либеральным началом и английским заключением, они не принимают сознания «Jour. de St.-Petersbourg» и находят, что рекрутский набор — *по выбору полиции — совершенно законен**... Мы думали, что дальше идти нельзя, но 21 № «Ведомостей» оставил за собой все предыдущее. Начав одну статью похвалой польскому патриотизму и пожурился в другой правительству за то, что плохо смотрело за поляками и мало брало мер осторожности, «Московские ведомости» говорят: «...Паскевич, остановив наши полки у валов Варшавы, хотел избежать ужасов пражского штурма в 1794 году; за это великодушие, спустя тридцать два года, нам заплатили новою варфоломеевскою ночью благодаря тому, что мы простерли свое *новое великодушие до самоубийства...*»*

Такого каннибальства мы не встречали с тех пор, как «Отеч. записки» в бреду от страха (который, слава богу, прошел) требовали каких-то неслыханных казней зажигателям*, которых и поднесь не нашлось.

Самое замечательное состоит тут в том, что этой варфоломеевской ночи не было. И не только не было, но, само собой

разумеется, что об ней никогда никто, кроме полицейских композиторов, не думал, — тех самых, которые накануне взрыва писали, что «рекруты довольны тем, что рекрутство избавило их от притязательности революционной партии»*. Тех самых, которые на другой день взрыва начали кричать об ужасах и до сих пор не унимаются. Кстати — к этим ужасам.

Тот, кто сколько-нибудь знает, что такое восстание, — восстание в двадцати пунктах, без сосредоточенности, без плана, без правильного ведения, — тот поймет легко, какие несчастные случаи могут совершиться. Но клепать на народ, геройски поднявшийся и бросивший перчатку такой силе, так же мало рыцарски, как при первом выстреле броситься к прусскому дяденьке с криком: «Караул, караул, helfen sie mir, Onkelchen!»*

И что могут значить отдельные случаи жестокости в сравнении с разграбленными домами, выжженными деревнями и, наконец, казнями, приказанными полковником Бедрягой, как говорит «Теймс» (18 февр.)? И при всем этом есть поклонники *plus royalistes que le roi*¹, которые упрекают Николая и Паскевича в излишней мягкости и неосторожном великодушии! Мы скоро дойдем до того, что сделаем из Аракчеева сентиментального Вертера, который от избытка нежности засекал дюжинами солдат.

Обращаемся к валуевской «Почте». Вот какую, например, галиматью печатает она с немецких голосов:

До настоящей минуты (28 января), благодаря военному положению, в Варшаве все спокойно. С 9 часов вечера редко показывается военный на улице; но в казармы, так же, как и в цитадель, никто не допускается. Известия, полученные до сегодня, *успокоительны и благоприятны* для правительства. Ни Плоцк, ни Радом и ни один из других городов не находятся в руках мятежников; временное правительство, о котором так много говорили, не объявлено. Нападения в Плоцке и Бодзентыне были всего опаснее, а впрочем, инсургенты хотя и собираются толпами, но как только замечают, что численное преобладание их над войсками не слишком значительно, тотчас же обращаются в бегство и скрываются в лесах. Наружный вид пойманных бедняков самый жалкий. Голодные, оборванные, часто босые, они представляют самую грустную картину нищеты. *О военной выправке, о какой бы то ни было дисциплине или о правильном вооружении, жалованье и продовольствии нет и помина.*

¹ большие роялисты, чем сам король (франц.). — Ред.

Насчет продовольствия инсургентов сказано, что им дается *пол-лота хлеба и кварта водки в день!*

При Мылееве толпа в 40 человек встретила двух здешних жандармов. Между инсургентами нашелся некто, привезенный в прошлом году одним из этих жандармов в Варшаву. Этот инсургент объявил, что сейчас же убьет жандрама: но другие удержали его от такого намерения тем доводом, что было бы бесчестно, если б столько людей напали на двоих и умертвили бы их. Кончилось тем, что жандармов обезоружили, отняли у них лошадей, платье и отпустили их в крестьянской одежде. Пока все эти печальные действия происходят *в поле, в шинках поляки пляшут с русскими**.

Это букет, выше этого ничего нет. Столоначальник, поместивший эту статью, заслуживает одобрения высшего начальства.

Генерал-лейтенант Синельников вез 100 000 руб., на него напали инсургенты и, обезоружив его, взяли деньги и дали расписку. Генерал-лейтенант Синельников объявил в «Север. пч.», что деньги у него не брали и что он дал не расписку, а свои *револьверы**, так были учтивы инсургенты. Оказывается, стало на деле, что оба дурно поступили: генерал — отдавши оружие — и инсургенты — не взявши денег.

Кто такое Франковский, по русским газетам?

Франковский — миф.

Франковский — зять Эпштейна.

Эпштейн — зять Франковского.

Франковский — генерал Высоцкий.

Его взяли в плен, и сейчас газеты перепечатавают биографию генерала Высоцкого*: вот, мол, мы какую птицу взяли в полон, а Высоцкий в Париже.

III

Предел злодейства достигается редко, оттого что преступление редко достигает той степени нелюдского безобразия и голой безнравственности, что оно равно поселяет отвращение в старом и малом; прогрессивному правительству в Петербурге удалось достигнуть этого геркулесова столба, и вот оно стоит перед судом Европы, окровавленное, гадкое, двуличное, с печальными солдатами, с прусской родней, в венке из подкупных листьев, и присяжные всех народов признают *его осуждение*

Возбудить негодование, ненависть, проклятие всей Европы, — Европы усталой, старой, католической, протестантской — это страшный успех.

Как-то наши англикующие журналисты сладят с заседаниями парламента и со всей английской журналистикой? Рассель-то не находит, что людокрадство не выходит из законности*. Опять *стрелок*-сенатор промахнулся*. Трудная должность — быть литературным адвокатом злодейств и гласностью укрывать и прихорашивать преступления.

IV

ЛУЧШЕ ПОЗДНО, ЧЕМ НИКОГДА

Как ни странно нам, как ни удивляет нас самих это, но мы готовы приветствовать от всей души Австрию на ее новом пути и пожелать ей, чтоб она не сбилась с него*.

Мы не верим ни в возможность наказаний за гробом, ни в справедливость уголовных кар, мы не признаем ни смертных грехов, ни смертных казней. Всякое окончательное осуждение, всякий безапелляционный приговор ограничивает мысль и мешает дальнейшему пониманью с одной стороны и восстановлению — с другой. Мы готовы всегда изменить наши суждения, не отступая ни на волос от общих начал нашего воззрения.

Как бы поздно ни возвращался грешник блудным сыном или *блудным дедом*, лишь бы он это делал *сознательно и откровенно* — велим радостно заколоть лучшего теленка.

Воротиться никогда не поздно и не трудно, лишь бы увидеть свою ошибку, а поправить ее всегда легко. Вся беда в том, что преступники — невольно «скверные счетчики»*. Мозг у них так забит и так мало развит, что они редко могут одолеть сложную бухгалтерию жизни.

Если б мы могли послать Австрии все знаменитые арифметики, от арифметики Мих. Магницкого и арифметики штыкюнкера Войтаховского до арифметики Меморского, мы сейчас послали бы в Вену. Немножко пропорций, немножко тройного правила — и *Австрия* гордо поднимет свою голову, показывая индульгенцию народов и отпущение былого за подвиг настоящего.

Немножко арифметики!

...На белом австрийском мундире далеко видно черное клеймо, выжженное вековым проклятием рода человеческого; на ветхой габсбургской мантии бездна пятен, реки крови лились по ней и реки слез. Места такого нет в обширной империи, где в воздухе не носился бы стон задушенной безжалостно народности, где бы не валялись цепи, перержавевшие на живых костях.

Сколько бедствий, унижений вынесла она за холодное хищничество свое, за ревнивое властолюбие! Грозные несчастья шли одно за другим — Сольферино за Маджентой*, — напоминающая ветхому грешнику, что мера его дел исполняется, что пора каяться... Австрия, запустив глубоко свои когти в льва св. Марка*, думала думу.

Может, в самом деле результат этой думы — ее настоящее положение относительно польского вопроса.

Пусть она выдержит начатое, не сойдет с дороги, и ее былые грехи задвинутся. И она может все это сделать, не теряя ничего, чего терять не надобно, и выигрывая гегемонию Германии, и... и—это почти роскошь—и втаптывая в грязь презрительную Пруссию—протестантскую будку православного петербургского царя.

Но пусть же Австрия помнит, что не всякий день на ее улице будет праздник. Она может к себе приложить слова своего знаменитого противника*:

«Oggi o mai!»¹

¹ «Теперь или никогда!» (итал.).— *Ред.*

⟨Г-Н БУДБЕРГ⟩

¿Г-н Будберг, видите, что мы были правы, усердие всего не превозмогает?

21 ФЕВРАЛЯ 1863

Ровно десять лет тому назад напечатал я объявление о скором открытии Вольной русской типографии в Лондоне *.

Тогда мы были накануне Крымской войны, и с тех пор много надежд возникло и много исчезло... Европа взглянула иначе на Россию, что-то светлое начиналось в ней — и мы снова стоим *накануне* страшных событий, Россия снова ненавидима всем миром, все светлое исчезло сверху, и мы ждем за нашим станком *оригиналу*, чтоб набрать приговор преступному правительству *.

Пятое действие романовской трагедии началось, развязка идет. Польша сорвала маску с прогрессивного правительства: ненавидимое дома, презираемое, побитое, уличенное во лжи, стоит оно теперь на лавке подсудимых перед общественным мнением, униженное прусской дружбой, кровавое и не верящее в себя.

ПЛАЧ

Братья, братья, что же с нами делают эти люди, эти немцы? Что же они делают из наших солдат, что они делают из нашего отечества?

Неужели вы все это покроете слабодушным молчанием — молчанием рабов — эти убийства, эти пожары, эти грабежи... после *этого набора*?*

Вот зажигатели-то, вот разбойники-то, не признающие права собственности, коммунисты его императорского величества! И об этих шайках пьяных убийц, одичалых грабителей, зверей, падших в состояние царских опричников, об этих несчастных жертвах голода, побоев, нравственной слепоты и казарменной дрессировки «Инвалид» печатает: «Войска наши во всем блеске выказали те свойства, которые составляют славу и красу каждой армии»*.

А! Так вы берете на себя ответственность за каннибальскую войну с аккомпанементом грабежа, поджогов и убийств.

Вот как Александр Николаевич вздумал сделаться *земским царем* — царем и Стенькой Разиным вместе!

Высочайше утвержденная жакри! Полицией и штабом устроенное избиение помещиков и разграбление их домов!

Ну, солдатики, вы хорошо отслужили вашу службу в Польше, не забудьте и дома, как вы весело жгли господские усадьбы, каково попили винца из панских погребов, каково поразбивали сундучки с их добром, «при всем блеске пожара». Не все же поляков да поляков — вы уже не оставьте вашей милостью наших-то русских...

...Николай, когда ему предлагал вешающий Муравьев гайдаматчину, отпрянул с ужасом; он понял, что освященные

Екатериной ножи обоюдоостры, что одной стороной *мать отечества* могла резать головы помещиков*, а другой стороной такой нож, пожалуй, какому-нибудь *отцу отечества* кисть отрежет до локтя.

А благодушный монарх не отпрянул!

Ну, в Стеньки Разины идти, так в Стеньки Разины, тогда нечего разыгрывать немецкого генерала и первого дворянина* — бороду, кушак, топор в руки, да *землю и волю* народу русскому... тут будет смысл... А представлять разом и Петра I-го, и хлопа, и московского помещика* для выгоды — стара штука.

Видите ли, как мы были правы, когда говорили, что у *них* нет никакого нравственного начала; Николай, цинически поставивший *самодержавие* на своем знамени, был только наивно откровенен.

Выжившие из истории Меровинги — пора им пасть, или пора *пасть России*. Только падение этой династии немецких татар может смыть с нас копоть пожаров, невинную кровь и виновное повиновение.

Потому-то не молчите. Горе, если вы будете молчать, — молчать можно из страха, из равнодушия или из тупости, не замечая, как наш Гаррик одной половиной лица обещает льготы и свободы, а другой мигает своим рейтерам, чтоб они жгли, грабили, казнили... Если польское избиение пройдет даром, то, имея в руках «красу армии», вновь отмоченную в крови и закаленную в грабеже и убийствах, Романовы проучат вас!

Было время, в которое высоко ценилась тихая слеза сочувствия, рукожатье и шепотом сказанное слово участия с глазу на глаз.

Этого мало теперь.

Тогда все молчало. Власть молча продавливала грудь, молча ехали кибитки, молча плелись ссыльные, молча смотрели им вслед оставшиеся. Говорить было трудно, что-то не понималось, не было ясно; мы ни себя, ни народа порядком не знали... был общий катехизис, очищавший нас, но далекий от приложения.

Время изменилось. Вы потому уже не можете молчать, что власть говорит не умолкая; литература подкуплена ею; журналистика в руках камер-лакеев гласности; холопы-риторы состав-

ляют новую придворную капеллу, славословящую и превозносящую всякое действие правительства, даже тогда, когда оно низко лжет, обвиняя восторженных юношей в пожаре Апраксинского двора *. Правительство, в высокомерии легких побед доставленных ему смертью ненавидимого предшественника, надменное отсутствием пороков покойника, зазналось; это отсутствие пороков, *это ничего* оно приняло за добродетель, умилилось и начало воспевать себя перед собой. Оно забыло, что татарское самовластье должно быть безграмотно, что его удары и *наслания бед* не должны возводиться в речь, не должны помечаться словом; оно забыло, что Азия не имеет истории, что ее перевороты похожи на наводнения, на катаклизмы природы, на повальные болезни — один слой покрывается другим, оседает на нем, тут нет ни права, ни оправдания, тут один закон — закон тяготения. А наша немецкая Азия хочет, оставаясь зверем, прибавить к зубам и когтям, как в баснях Крылова, людское красноречие; она хочет отмахиваться не только кнутом, но и словом.

Перед говорящим молчит раб. Слово ровно принадлежит мне и ему. Слово принадлежит всякому, слово — начало свободы. Говорите же, говорите, потому что вам нельзя молчать. От вас ждут речи!

Они будут упрекать Николая и Паскевича в излишнем великодушии, а поляков в варфоломеевской ночи*, которой не было, — а вы будете молчать?

Они, стоя в болоте польской крови, на грудах польских трупов, на пепле сожженных уездов, будут подзадоривать без того обезумевших солдат на месть¹—они будут доносить, клеветать, ругаться... А вы будете молчать?..

¹ Мы знаем подробности об несчастном убийстве солдат при начальном восстании, знаем их *от очевидца*. Мы со временем расскажем этот печальный эпизод с именами; вред, произведенный этим вовсе не подготовленным событием, был огромен; поляки сами с отчаянием порицали поступок одного из отдельных начальников. С тех пор мы спрашиваем «Моск. ведом.», III отделение и главный штаб Константина Николаевича, где же было что-нибудь подобное, где это повторилось, какие доказательства, что тут был план? Гнусно сильному звать на помощь не только пруссаков, но клевету.

Вы должны говорить, чтоб мы, встречаясь с иностранцем, не краснели, как краснеет сын опозоренной матери...

Дайте мне вам рассказать одно из самых унижительных событий моей жизни, о котором я старался забыть, забыл, даже писавши мои воспоминания, и вспомнил, благодаря государю императору, только теперь.

Весной 1848 года я был в Риме. Республика 24 февраля* была уже провозглашена, Европа колыхнулась, Ломбардия начинала борьбу с Австрией, и в Риме революция из торжественно-мирного, восторженного характера переходила в угрюмый, подозрительный и страстный. Разнесся слух, что австрийцы одолевают. Piazza del Popolo с утра кипело народом, мрачным, ожесточенным, толпы громко обвиняли папу и его министров в измене; в открытых колясках стояли там-сям ораторы и проповедовали; я был на площади возле одной из импровизированных трибун, в ней стояли все знакомые — Гонзалес с знаменем в руке, Леопольд Спини. Народ густел, давил, теснился. Итальянская толпа — самая учтивая во всем мире, римский плебей — аристократ; итальянская чернь ведет себя изящнее на площади, чем английская «бель» в Ковен-гардене. К тому ж итальянцы чрезвычайно вежливы с иностранцами, но в этот день кровь слишком кипела в жилах, лихорадка темнила мозг. Меня кто-то толкнул, и я толкнул; толкнутый рассердился, посмотрел на меня, пробормотал что-то, слово, два перелетело между соседями, громче и громче, и около сделался ропот... «Кто это? Зачем он здесь? Он не здешний? Зачем впереди? Зачем слушает? — Tedesco? Austriaco?»¹ Голоса подымались, ближние мрачно поглядывали на меня и на людей в коляске. Гонзалес все это видел и, подавая мне руку, помог мне влезть в их экипаж, потом, обращаясь к возле стоявшим, сказал им: «Братья, это наш друг, один из наших.

— E forestiere?

— Si, si, è Polacco², — сказал Гонзалес, и та же толпа разразилась криком: «Evviva il Polacco!»³

— Для чего вы выдали меня за поляка? — заметил я Гон-

¹ Немец? Австриец? (итал.).— *Ред.*

² Он иностранец? — Да, да, поляк (итал.).— *Ред.*

³ «Да здравствует поляк!» (итал.).— *Ред.*

залесу. — *Io sono russo!*¹— кричал я им, но толпа меня не слушала, кто-то говорил речь.

— Вы,— сказал мне Гонзалес, наклоняясь ко мне,— меня простите, объяснять теперь нет никакой возможности, а в этом раздражительном положении шутить нечего, *да и нам неловко было бы...* Дайте утихнуть горячке, потом объясняйте как хотите... Толпа двигалась с криком: «*All'armi! All'armi!*»² Ей было не до меня.

«Не вставайте»,— сказал Николай Павлович, положив руку на плечо больному князю Козловскому, на бале у Паскевича.

«Если б я и хотел встать, в. в., я не мог бы, шестьдесят миллионов рук удерживают меня...»

Да, в эту минуту я был придавлен не только шестидесятью миллионами рук, но и рядом веков, событий, несчастий, преступлений. О, если б я мог тогда сказать примирительное слово, если бы я мог оправдать — не себя, мое оправдание было легко — а народ русский!

Я ведь чувствовал, что он *не так* виноват — *не в том* виноват... «Послушайте, добрые люди» ...и я пятнадцать целых лет стоял в коляске Гонзалеса и защищал, защищал нашу общую, родную мать.

Я — и этого венка я не дозволю сорвать с себя ничьим рукам — я видел, как западные люди внимательнее и внимательнее всматривались, иначе смотрели... Смерть Николая мне помогла.

...Что же вы, анафемы, сделали из всех усилий наших? Все, что мы лепили по песчинке, смыли ваши помои, унесла ваша грязь; и через пятнадцать лет я снова, идя по улице, *боюсь, чтоб не узнали, что я русский...*

¹ Я русский! (итал.).— *Ред.*

² «К оружию! К оружию!» (итал.).— *Ред.*

РУССКИЙ ГРАБЕЖ И РАЗБОЙ В ПОЛЬШЕ

Мы получили три письма из Польши от русских офицеров. Волос становится дыбом, читая их. Дурно делает «Инвалид», защищая поведение разбойничьих шаек наших в Польше*; связанная цензурой и начальством, газета может молчать, и всякий поймет причину молчания, но отводить глаза читателям и прихорашивать позорное бесчеловечье, воровство — это такая уступка, которая ни для какого Милютина и ни для какого великого князя* не делается.

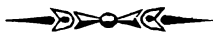
Из первого письма. Окончания восстания не видно, оно вовсе не ослабевает (писано недели две тому назад). Войска наши ходят по деревням и по лесам, при этом они грабят помещичьи дома. Майор *Нелидов* допустил своих солдат разграбить дома помещицы Унятовской и графини Бнинской. Чего нельзя было унести, то приказал майор порубить и поломать, даже пух из подушек и перин выпустили на воздух. Этот и другие грабежи до того испортили войска, что в настоящую экспедицию под начальством командира полка (Олонецкого пех.) пришлось посылать казаков, которым ничего для грабежа не оставалось, «бить нагайками пехоту».

Из второго письма. В экспедицию под начальством *Шильдер-Шульднера* войско дошло до неистовства в грабеже, разбое и бесчеловечье; офицеры участвовали с солдатами в самых гнусных проделках. Безнаказанность всего совершаемого подстрекает других. Не только тела убитых тотчас бывают обираемы, но раненых добивают солдаты, чтоб воспользоваться одеждой и деньгами. Порядочные офицеры останавливали солдат, умоляли, приказывали, но ничего не могли сделать. Солдатам внушено не доверять офицерам. Недавно по какому-то доносу был обыск у девяти офицеров Олонецкого пехотного полка, и только у одного из них нашли какие-то две запрещенные книги, за что и посадили на гауптвахту; вел. кн. велел его выпустить.

Из офицеров всего больше отличился штабс-капитан *Толмачев*, человек, которого прежде товарищи уважали. Ворвавшись в дом Модлинского и предав все на разграбление, он, говорят, из своих рук убил тяжело ра-

ненного инсургента. Библиотека, одна из лучших в Польше, была разбросана, мебель поломана, *семнадцать* лошадей уведены. Что можно было увести — канделябры, часть мебели, даже жепскую одежду — победители привезли в г. Влоцлавк. Сначала Шильдер был недоволен и хотел арестовать Толмачева, но сжалился. Семнадцать лошадей, впрочем, *поднесены генералу и, вероятно, возвратятся по принадлежности*, а Толмачева, говорят, генерал представил к отличию.

Из третьего письма. Инсургенты, бросавшие оружие, были немедленно убиваемы. Солдаты и казаки грабят в городах белым днем, грабят женщин и детей, грабят в домах и церквах. Пехотный рядовой солдат украл из костела чашу и продал ее за 15 р. табачному ревизору *Краевскому*, о чем тот и довел до сведения воен. начальнику *Маслову*. В *Радоме* унтер-офицер ограбил сына *Волковинского*, бывшего провиантского чиновника, шедшего в школу.

АЛЕКСАНДРОВСКАЯ КОНСТИТУЦИЯ И ПАВЛОВСКОЕ ВРЕМЯ*

«Теймс» повторяет 6 марта слух, напечатанный в двух французских газетах, о предполагаемом даровании конституции Польше и о награждении ее Константином Николаевичем, который будет повышен из императорских братьев в короли польские*. Не знаем, правда это или нет. Но можем сказать одно — что вся эта *горчица после ужина* никого не удовлетворит. Почему петербургское правительство не умело сделать *этот дар* вовремя, без приказа Наполеона, без совета Пальмерстона, без дружбы Пруссии, без ненависти Австрии*, без побед Лангевича?* Конституция 1815 года — плохая корпия на раны, нанесенные опустошительным разбоем русского войска.

А «Наше время», соревнуя с «Московскими ведомостями» в описании ужасов, делаемых польскими инсургентами, описывает с примерным азартом убийство *жандармского* капитана Гроуерта* — на дороге близ Куровской станции. Ехал он с приятным поручением генерала Хрущева (скупающего головы инсургентов)* арестовать каких-то людей и засадить их в Ивангородскую крепость. Инсургенты, вместо того чтоб связать себе руки и отдаться капитану, убили его. Жаль; жаль и то, что капитан Гроуерт служил в жандармах (подлая служба, сам Потапов вам это подтвердит). И почему «Наше время» так чувствительно к жандарму? Жандармское ремесло — опасное во время восстания; Гроуерт счастливее других: он нашел родственную редакцию, которая назвала его *мучеником*; как удивятся в раю — это первый святой по корпусу жандармов.

НЕМЦЫ И НЕ-НЕМЦЫ В ЗИМНЕМ ДВОРЦЕ

Иностранные журналы повествуют нам, что *немецкая* партия победила старорусскую (вероятно, *Аксакова?*), панславистскую (вероятно, *Погодина?*) и что в силу этого Адлерберг был послан в Польшу. Как будто Адлерберг имеет какое-нибудь мнение, представляет что-нибудь уловимое не только всей России, но и кредиторам своим? Все это похоже на дичь. Но для нас в этой дичи важна *мифическая* правда. Отчего немецкая партия притихает, когда делается что-нибудь путное, и свободно дышит, оживает, как только в России снова начинается бирновщина, военные экзекуции, Ordnung und strenge Disciplin?

БЕССОСЛОВНОСТЬ В МОСКВЕ

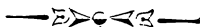
«Москов. вед.» (13/25 февр.) извещают нас о следующем курьезном единодушии всех сословий на московских городских выборах.

Вчера происходило первое *общее* предварительное совещание московских городских выборных от разных сословий. В помещении, гостеприимно предложенном Ф. Л. Бреверном, собрались в довольно значительном числе, для совещаний с представителями сословия потомственных дворян, выборные от остальных сословий, *кроме мещанского, которое, к сожалению, отсутствовало**.

Каково сострила редакция? На городских-то выборах не было *мещан!*

Кстати к «Моск. вед.», стрелок-сенатор опять промахнулся в своем верноподданническом фуроре: радуясь, что в Европе ничего не сделано в пользу Польши, он *schadenfroh*¹ говорит: «В Страсбурге (погран. городе Пруссии, лежащем на восток от Торна) 24 января произведено было нападение на прусскую пехоту, нападение это поднимет вошь во всей Германии»*.— Где же этот вошь?

¹ злорадно (нем.).— *Ред.*

1853—1863

Десять лет тому назад, в конце февраля¹, было разослано объявление об открытии в Лондоне *Вольной русской типографии**. В мае месяце вышел первый отпечатанный в ней лист*, и с тех пор станок русский работал не останавливаясь.

Тяжелое время было тогда: Россия словно вымерла, целые месяцы проходили, и не было в журналах ни слова об ней; изредка появлялась весть о смерти какого-нибудь дряхлого савонника, о благополучном разрешении от бремени какой-нибудь великой княгини... еще реже доходил до Лондона сдавленный стон, от которого сердце сжималось и ломилась грудь; частных писем почти вовсе не было, страх приостановил все связи...

В Европе было иначе, но не лучше. Наступало пятилетие после 1848 года — и ни малейшей полоски света... темная, холодная ночь облегла со всех сторон...

С средой, в которую я был заброшен, я становился все далее.

Невольная сила влекла меня домой. Были минуты, в которые я раскаивался, что отрезал себе пути возвращения, — *возвращения* в эту Сибирь, в этот острог, перед которым шагал двадцать восьмой год, в своих ботфортах, свирепый часовой со «свинцовыми пулями» вместо глаз, с назад бегущим малайским лбом и звериными челюстями, выдающимися вперед! Как омуты и глубокие воды тянут человека темной ночью в неизвестную глубь — тянуло меня в Россию.

¹ 21 февраля 1853 года.

Нет, казалось мне, столько сил не могут быть задавлены так глупо, иссякнуть так нелепо... И мне представлялись живее и живее народ, печально сторонящийся и чуждый всему, что делается, и гордая кучка, полная доблести и отваги, декабристов, и восторженно юношеский круг наш и московская жизнь после ссылки. Передо мной носились знакомые образы и виды: луга, леса, черные избы на белом снегу, черты лиц, звуки песен, и ...и я верил в близкую будущность России, верил, *когда все сомневались*, когда не было никакого оправдания вере.

Может, я верил оттого, что не был сам тогда в России и не испытывал на себе оскорбительного прикосновения кнута и Николая, может, и от другого, но я крепко держался за мое верование, чувствуя, что когда я и его выпущу из рук, у меня ничего не останется.

Русским станком я возвращался домой, около него должна была образоваться русская атмосфера... могло ли быть, чтоб никто не откликнулся на это первое *vivos voco*? *

Но «жив человек» на самом деле не торопился отвечать.

Весть о том, что мы печатаем по-русски в Лондоне, — испугала. Свободное слово сконфузило и обдало ужасом не только дальних, но и близких людей, оно было слишком резко для уха, привыкшего к шепоту и молчанию; бесцензурная речь производила боль, казалась неосторожностью, чуть не доносом... Многие советовали остановиться и ничего не печатать; один близкий человек за этим приезжал в Лондон *. Это было тяжело. На это я не готовился.

«Не они, откликнутся другие!» — и я шел своей дорогой, без малейшего привета, без теплого слова, т. е. без теплого слова *из России*; в Лондоне был человек, который понял иначе смысл нашего станка, — один из благороднейших представителей польского изгнания.

Преждевременно состарившийся, болезненный Станислав Ворцель¹ встрепенулся при вести о русской типографии, он помогал мне делать заказы, рассчитывал число букв, устраивал станок в польской типографии. Я помню, как он взял у меня

¹ В конце «Сборника» помещена небольшая статья о его кончине из «Полярной звезды»*.

со стола первый корректурный лист и, долго рассматривая его, сказал мне, глубоко тронутый: «Боже мой! Боже мой! До чего я дожил, вольная русская типография в Лондоне! Сколько дурных воспоминаний последнего времени стирает с моей души этот клочок бумаги, замазанный голландской сажеей!»

Угасая, святой старик видел успех типографии и перед смертью благословил еще раз наш труд своей умирающей рукой.

Этот первый лист, о котором идет речь¹, был обращен к «русскому дворянству» и напоминал ему, что пора освободить крестьян, и притом с землею — или быть беде.

Второй был о *Польше* *.

Крестьянское дело и польский вопрос сами собой легли в основу русской пропаганды.

И вот с тех-то пор, любезный Чернецкий, мы десятый год печатаем с вами без усталости и отдыха и имеем уже порядочную биографию нашего станка и порядочный ворох книг... Дайте вашу руку на новое десятилетие и не сердитесь, что я повторяю всенародно то, что я вам сто раз говорил наедине. Помощь, которую вы мне сделали упорной, неусыпной, всегдашней работой, страшно мне облегчила весь труд. Братская вам благодарность за это, в лице вашем польская помощь и участие в нашем деле не перемежались... Спасибо вам!..

...И тем больше спасибо вам, что начала наши были томны и бедны. Три года мы печатали, не только не продав ни одного экземпляра, но не имея возможности почти ни одного экземпляра послать в Россию, кроме первых летучих листов, отправленных Ворцелем и его друзьями в Варшаву, — все печатанное нами лежало у нас на руках или в книжных подвалах благочестивого *Paternoster row* *.

Мы не уныли с вами... и печатали себе да печатали.

Книгопродавец с *Berner street* как-то прислал купить на 10 ш. «Крещеной собственности», я это принял за успех, подарил его мальчику шиллинг на водку и с несколько буржуазной радостью отложил в особое место этот *первый* гафсоврен, выработанный русской типографией.

Сбыт в деле пропаганды так же важен, как и во всяком дру-

¹ «Юрьев день! Юрьев день!»

гом. Даже простой, материальный труд нельзя делать с любовью, зная, что он делается напрасно. Заставьте лучших в мире актеров играть в пустой зале — они будут играть пре-скверно. Консистерии, знающие по обязанности своего сана тонкость нравственных пыток, приговаривают попов за воровство, пьянство и другие светские слабости *толочь воду*.

Но не все же мы толкли воду с вами, Чернецкий, — пришел праздник и на нашей улице.

Он начался торжественно.

Утром 4 марта я вхожу по обыкновению часов в восемь в свой кабинет, развертываю «Теймс», читаю, читаю десять раз и не понимаю, не смею понять грамматический смысл слов, поставленных в заглавие телеграфической новости: «The death of the emperog of Russia»¹.

Не помня себя, бросился я с «Теймсом» в руке в столовую, я искал детей, домашних, чтоб сообщить им великую новость, и со слезами искренней радости на глазах, подал им газету... Несколько лет свалилось у меня с плеч долой, я это чувствовал. Остаться дома было невозможно. Тогда в Ричмонде жил Энгельсон², я наскоро оделся и хотел идти к нему, но он предупредил меня и был уже в передней, мы бросились друг другу на шею и не могли ничего сказать, кроме слов: «Ну, наконец-то он умер!» Энгельсон по своему обыкновению прыгал, перещеловал всех в доме, пел, плясал, и мы еще не успели прийти в себя, как вдруг карета остановилась у моего подъезда и кто-то неистово дернул колокольчик: трое поляков прискакали из Лондона в Твикнем, не дожидаясь поезда железной дороги, меня поздравить.

Я велел подать шампанского, никто не думал о том, что все это было часов в одиннадцать утра или ранее. Потом без всякой нужды мы поехали все в Лондон. На улицах, на бирже, в трактирах только и речи было о смерти Николая, я не видал ни одного человека, который бы не легче дышал, узнавши, что это бельмо снято с глаза человечества, и не радовался бы, что этот тяжелый тиран в ботфортах, наконец, зачислен по химии.

¹ «Смерть русского императора» (англ.).— *Ред.*

² Автор «Видений св. Кондратия», статьи «Что такое государство?» в 1 кн. «Полярной звезды» и пр.*

В воскресенье дом мой был полон с утра: французские, польские рефюжье, немцы, итальянцы, даже английские знакомые приходили, уходили с сияющим лицом, день был ясный, теплый, после обеда мы вышли в сад.

На берегу Темзы играли мальчишки, я подзвал их к решетке и, сказав им, что мы празднуем смерть их и нашего врага, бросил им на пиво и конфеты целую горсть мелкого серебра. «Уре! Уре! — кричали мальчишки, — *Impernikel is dead! Impernikel is dead!*»¹. Гости стали им тоже бросать сикспенсы и трипенсы, мальчишки принесли элю, пирогов, кеков, привели шарманку и принялись плясать. После этого, пока я жил в Твикнеме, мальчишки всякий раз, когда встречали меня на улице, снимали шапку и кричали: «*Impernikel is dead! Уре!*»

Смерть Николая удесятерила надежды и силы. Я тотчас написал напечатанное потом письмо к императору Александру * и решился издавать «Полярную звезду».

«„Да здравствует разум!“ — невольно сорвалось с языка в начале программы — *Полярная звезда* скрылась за тучами николаевского царствования. Николай прошел, и „Полярная звезда“ явится снова в день нашей Великой пятницы, в тот день, в который пять виселиц сделались для нас пятью распятиями» *.

Начало царствования Александра II было светлой полосой. Вся Россия легче вздохнула, приподняла голову и, будь воля, прокричала бы от всей души с твикнемскими мальчишками: «*Impernikel is dead! Hourray!*»

Под влиянием весенней оттепели и на наш станок в Лондоне взглянули ласковее. Наконец-то нас заметили. «Полярная звезда» требовалась десятками экземпляров, а в России ее продавали по баснословным ценам от 15 до 20 руб. с. Знамя «Полярной звезды», требования, поставленные ею, совпадали с желанием всего народа русского, оттого они и пашли сочувствие. И когда, обращаясь к только что воцарившемуся государю, я повторял ему: «Дайте свободу русскому слову, уму нашему тесно в цензурных колодках; дайте *волю и землю* крестьянам и смойте с нас позорное пятно крепостного состояния; дайте нам откры-

¹ Имперникель умер! (англ.).— *Ред.*

тый суд и уничтожьте канцелярскую тайну судебных наших!»— когда я прибавлял к этим простым требованиям: «Торопитесь притом, чтоб спасти народ от крови!»*, я чувствовал, я знал, что это вовсе не мое личное мнение, а мысль, которая тогда носилась в русском воздухе и волновала каждый ум, каждое сердце: ум и сердце царя и крепостного крестьянина, молодого офицера, вышедшего из корпуса, и студента, какого бы он университета ни был. Как бы ни понимали вопрос и с какой бы стороны его ни брали, все видели, что петровское самодержавие совершило свои судьбы, что оно достигло предела, после которого надобно или правительству переродиться, или народу погибнуть. Если были исключения, то это только в корыстных кружках нажившихся негодяев или на сонных вершинах выжившего из ума барства.

Полпрограммы нашей исполнено самим государем. Но — русский в этом человек — он остановился на *введении* и изобрел *переходное время* *, тормоз постепенности — и думал, что все сделано.

С той же откровенностью, с которой русский станок в Лондоне обращался в 1855 году к государю, обратился он спустя несколько лет к народу и говорил своим читателям: «Вы видите, правительство *признало* справедливость наших требований, но *исполнить* признанного не умеет, оно не может выбиться из рутинной колеи казарменного порядка и бюрократической формы. Оно дошло до конца своего разуменья, и пятится, и дает в сторону, и само путается в каком-то прошнурованном и приведенном в канцелярский порядок хаосе... Оно теряет голову, делает жестокости, делает ошибки, явным образом боится... Страх, соединенный с властью, вызывает озлобленный отпор,— отпор без уваженья, без обдуманности. Отсюда один шаг до восстания. От правительства больше *собственного сознания* правоты того, что требуют, ждать нечего. Дело переходит в ваши руки, не будьте вялы и неспособны, как оно, пусть выборные всего народа разберут дело и обсудят, что чиновоположить и как предотвратить кровавый взрыв негодования и досады»*.

И, говоря это, снова мы чувствуем, что это не личное мнение — мысль о *Земском соборе* носится в русском воздухе.

Милютины, Валуевы меняют его на мелкие губернские думы*; в дворянских собраниях об нем *молчат*; но, без имени, Земский собор, как королева Марья-Антуанетта в деле ожерелья, — великое *подразумеваемое* *. Купечество и народ говорят об нем, военные *заставят его созвать* *.

Нет, живая связь между Россией и ее небольшой ведетой * в Лондоне не порвана... и самые ругательства борзых и гончих публицистов *второй* руки и *Третьего* отделения, которыми охотятся на нас карлы просвещения и *goués* внутренних дел*, еще больше удостоверяет нас, что станок наш не отчуждился от России.

Возвратимся к нему.

Требование на «Полярную звезду» почти совсем не распространялось на прежде напечатанные книги. Только «Гюрьма и ссылка» кой-как расходилась, да маленькие брошюрки, вроде «Крещеной собственности» и «Юмора»^{1*}.

В мае месяце 1856 года вышла вторая книжка «Полярной звезды», она разошлась, увлекая за собой все остальное. Вся масса книг тронулась. В начале 1857 г. не было больше в типографии ничего печатного, и Трюбнер предпринял на свой счет *вторые издания* всего напечатанного нами².

Работы было столько, что небольшой станок наш не мог удовлетворять требованиям, и в 1858 один из наших товарищей-изгнанников, *Зенон Свентославский*, открыл при своей типографии русское отделение. В нем началось печатание трюбнеровских изданий.

С половины 1857 года издержки типографии стали покрываться, к концу 1858 был небольшой избыток, и около того же времени открылись две или три русские типографии в Германии *.

¹ Т. е. «Прерванные рассказы», «Гюрьма и ссылка», «С того берега», «Письма из Франции и Италии».

² Н. Трюбнер вообще принес большую пользу русской пропаганде, и имя его не должно быть забыто в «Сборнике русской типографии». Сверх вторых изданий «Полярной звезды» и всех наших книг, Н. Трюбнер предпринял сам целый ряд новых изданий на русском языке: Стихотворения Н. Огарева, Записки Екатерины II, Записки кн. Дашковой, Записки Лопухина, кн. Щербатов и Радищев и пр.*

ДЕСЯТИЛѢТІЕ

ВОЛЬНОЙ РУССКОЙ ТИПОГРАФІИ

ВЪ

ЛОНДОНѢ

СБОРНИКЪ ЕЯ ПЕРВЫХЪ ЛИСТОВЪ

СОСТАВЛЕННЫЙ И ИЗДАВАННЫЙ

Л. ЧЕРНЕЦКИМЪ.

Въ годину мрака и печали,
Какъ люди русскіе молчали,
Глазъ вопіющаго въ пустынѣ
Одинъ раздался на чужбинѣ...

Н. ОГАРЕВЪ.

— 0 —

ЛОНДОНЪ

ВОЛЬНАЯ РУССКАЯ ТИПОГРАФІЯ

136 & 138, CALEDONIAN ROAD, LONDON, N.

1863.

СБОРНИК
«ДЕСЯТИЛѢТІЕ ВОЛЬНОЙ РУССКОЙ ТИПОГРАФІИ ВЪ ЛОНДОНѢ»,
1863. Титульный лист.

Наш станок чувствовал себя *дедом*.

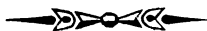
Время опыта, искуса нашего станка прошло, время слабых бесплодных усилий и безучастия со стороны России миновало.

В начале 1857 года Огарев предложил издавать «Колокол». *1 июля 1857 г. вышел его первый лист.*

С изданием «Колокола» начинается второй возраст нашего станка. Об нем мы не станем говорить теперь. Статьи, взошедшие в «Сборник» Чернецкого, относятся к первым годам русского печатания в Лондоне. Листы, собранные в нем, забыты, рассеяны, становятся почти библиографической редкостью, нам кажется очень полезным их перепечатание.

Для нас листки эти имеют особое значение отчета, проверки и очистки былого. Многое в них незрело, на всем лежит печать иного времени, суровая тень Николая отбрасывается на каждую страницу, затемняя всякую светлую мысль, раздражая до ненависти каждое чувство, сквозя черной подкладкой изпод каждой надежды. Большая часть того, что теперь сделалось неоспоримым событием, носилась тогда как предчувствие... По исполнившимся предчувствиям мы больше и больше имеем права заключить, что мы не ошиблись и о других.

*Воля будет у России,
Земля будет у крестьян,
Независимость будет у Польши!*

GREAT WESTERN¹

Прочно, незыблемо установилось старое здание Европы, долго устроивалось и перестраивалось оно, урезывало куски от живого мяса, приставляло их какой-то политической ринопластикой к чужому телу, ставило конترفфорсы с той и другой стороны, тратило все свои доходы для того, чтоб *вести* мир, — но зато сложная задача ее равновесия разрешена торжественно, плод мудрых уступок, насильственных браков, преднамеренных воздержаний, глубоко обдуманых комбинаций и хитро завязанных дипломатических узлов — увенчался.

Равновесие это усилилось косностью и привычкой, мудрым равнодушием к добру и злу, христианским смирением, с которым принимается всякое несчастье ближнего, и всего больше мощной рукой капитала, притягивающей поводья всех страстей своим *credit* и *debit*.

Пока ветер не дует, действительно все держится благополучно, но кто может отвечать за штиль? Взаимное уничтожение сил для равновесия отдает его на произвол всякой случайности, всякому толчку. Не только достаточно явиться гениальной личности, гениальной мысли, ряду преданных людей, ряду восторженных фанатиков — но стоит какому-нибудь ослу лягнуть, чтобы старый успокоившийся маятник снова начал биться из угла в угол.

— Только упереться-то ослу придется в воздухе...

— Помилуйте, король прусский уже он ли... Архимед, а ведь нашел же точку, в которую, упираясь задними ногами,

¹ Великий Запад (англ.).— *Ред.*

чуть не сдвинул Францию на Рейн*, а может, и сдвинет; но я не стану спорить ни об ослиных копытах, ни об бранденбургских конвенциях. Тем больше, что в последнем случае могут возразить, что всякий король, Архимед или нет, представляет сводную силу всех подданных, особенно в такой стране, как Пруссия, которая хотя и ворчит доктринерски, но послушна, как негр.

Мы говорим о тех бурях, которые, пробуждаясь в какой-нибудь незаметной точке, растут, растут, поднимают целые массы и грозят сорвать с якоря Great Western.

Что, кажется, значит один человек, сто человек, даже тысяча — а эта капля и переполняет сосуд, а от этой-то песчинки паровоз срывается с рельсов.

...Что сказали бы вы, если б, несколько месяцев тому назад, кто-нибудь показал бы вам, в небольшой комнате лондонского boarding-house'a¹ средней руки, шесть человек, тихо беседующих около чайного стола, и прибавил бы: «Вот эти господа решили разрушить равновесие Европы». Тут не было ни Гарибальди, ни Ротшильда. Совсем напротив, это были люди без денег, без связей, люди, заброшенные на чужбину* волей, а вдвое того неволей. Один из них только что возвратился из русской каторжной работы*, другой шел туда прямой дорогой*, третий сам оставил Сибирь*, четвертый бросил свой полк*, чтоб не быть палачом друзей.

— И они хотели разрушить равновесие Европы?

— Вопрос только шел о времени.

— Это ужасно смешно...

— Как же не смешно, но знаете ли, что всего смешнее?

— Что?

— То, что они исполнили свое желание.

— Кто же были эти люди?

— «Что в имени тебе»*, — двое были членами варшавского Центрального комитета.

Много может воля человека, его сила страшна, ей почти нет предела, стоит ей быть чистой, беззаветно отдающейся делу и чувствовать внутри себя океанные течения.

¹ пансиона (англ.).— *Ред.*

Эта самодержавная мощь, не зависящая от табели о рангах, глубоко сердит и оскорбляет наших отечественных камер-лакеев прогресса. Они, напыщенные своим званием редакторов-от-полиции, не могут вынести дерзости лиц, имеющих притязание не по чину брать участие в истории, имеющих наглость вмешиваться в чужие дела, в дела целого народа, без всякого права и приглашения. Один только громадный успех заставляет этих строгих аристократов передней вспомнить обязанности ливреи, переменить ее цвет, признавая новую власть и на нее переводя старое раболепие.

Генеалогия этого взгляда у наших чин чина почитающих писателей и писарей понятна. Это приложение к высшим сферам крепостного состояния, при патриархальных понятиях которого женитьба сына и непорочность дочери было дело не отца с матерью, а дело барское. Но крепостное состояние окончилось. Не пора ли отбросить другие части рабского кодекса и на людей вне царской службы не смотреть как на недорослей?

Пока мы будем держаться за сарафан кормилицы, боясь буку, пока мы будем прятаться за других, боясь генералов, мы свое дело будем считать барским. Пусть кто посмелее заглянет за печку, буки там нет. Пусть заглянет за кавалергардов Зимнего дворца — силы там нет.

— Да по какому праву?

По какому праву? Да вот по тому, по которому те неизвестные, те подземные, какие-то мытари и грешники, какие-то рыбаки — сделались кормчими человечества на целые осмнадцать веков*. По которому какие-то каторжные, сосланные сказали Италии: «Возьми одр твой и иди!»* — И Италия от Этны до Мовблана встала и пошла.

По какому праву?

По праву — сильной любви.

По праву — сильной веры.

По праву — святой отваги.

По тому праву, по которому пошел Христос на крест за чужое дело — за грехи человечества.

Всякий имеет право звать с собой ближних и дальних. Не пойдут за тем, кто ошибся в деле, не пойдут за тем, кто ошибся в себе. Но силен будет голос того, у кого в сердце глубоко и

громко звучат те ноты, которые непреодолимо волнуют его окружающие массы, составляя их религию, их поэзию, их идеал, их радость и печаль, их *хорошие* слезы и человеческую боль... Если при этом тот, кто зовет, весь отдается делу, не имеет *кумира разве его* — народы пойдут с ним.

Мы, глядя на герольдов, на тамбурмажоров, на скороходов, думаем, что они ведут процессию, потому что впереди, — это большая ошибка. Движение дается рулем, опущенным в воду, золоченая грудь корабля с своим флагом повинуется ему или тонет. Кто не боится схватиться за руль, тот и поведет корабль.

В этой-то отваге та сила поляков, перед которой русская императорская власть осунулась, армия сделалась разбойничьей шайкой, великий князь малым князем, прусский король кварталным надзирателем, — та сила, от появления которой черствое сердце Европы, дряхлой, усталой, занятой, равно вступило в Стокгольме и Неаполе, в Флоренции и Шотландии. Европа содрогнулась от ужаса за безумную кучку людей, которая гордо стала перед нелепой, глупой лавиной, грозящей раздавить последнюю хижину ее матери, говоря ей: «Прежде ты померяешься с нами... увидим, чья возьмет... только знай вперед, победить нас нельзя *...нас не будет больше*, когда ты одолеешь!» Лавина двинулась. Стон ужаса вырвался из груди всех народов; сон и равновесие Европы поколебались. Еще и еще геройства оттуда, еще и еще судорожный крик — и куда денется венский трактат и «*Sie sollen ihn nicht haben*»* ...Все нагнулось и подалось: императорская Франция и цезарская Германия, сардинская Италия и Скандинавский полуостров, тяжелый на подъем славянский мир и тяжелый на ходу, перегруженный английский корабль...

Отваги схватиться за руль у нас нет; мы скорее согласны просто погибнуть, мы боимся ответственности — оттого поляки действуют, а мы рассуждаем. Для поляка *все в общем деле*: любовь, религия, традиция, семья, свобода, честь. Для нас *общее дело* представляет *благородный интерес*, мы им занимаемся, как дилетанты искусством между *настоящим делом*, т. е. ничем не жертвуя.

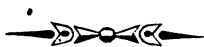
«...Мы видели вчера, — говорит один французский журнал, — как отправлялись к своим *братьям в лесу* дети народа-

страдальца (*nation douloureuse*), и были глубоко потрясены. Матери, сестры провожали их, видно было, что они удерживали слезы. Старец вышел вперед и сказал прощальное слово отрокам, шедшим в легион отчаяния, — и вот чем он утешал их: «Если вы падете, помните, что ваша смерть послужит новым доказательством, что Польша бессмертна».

И дети отправились...

Что говорят наши старцы русским отрокам? Что сестры и матери? Один женский голос раздался, и то с Украины* — хоть бы они учили отстраниться, идти в отставку, ведь это не то, что посылать на смерть...

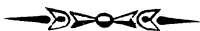
Проснитесь же, пока есть время, чтоб спасти русский народ и себя.

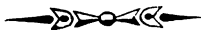
РУССКАЯ ЖЕНЩИНА У ЛАНГЕВИЧА

Вчера мы видели фотографию русской дамы, которая, убегая от преследований русской полиции, явилась в стан к Лангевичу, вступила в ряды инсургентов и исполняет должность адъютанта при Чаховском. Мы не печатаем ее фамилии, потому что не знаем, согласно ли это с ее желанием. Хвала ей, и искренний привет ей от нас!

<«НАДВИСЛЯНИН»>

«Сев. пч.» выписывает из «Надвислянина» следующее: «Католические монастыри *Липновского округа* объявили инсургентам, что все драгоценности и церковная утварь, состоящая из золота и серебра, жертвуются монахами в пользу инсургентов*». Что за чудное свойство польского восстания, что оно очищает все, до чего касается, даже Австрию * и монастыри!

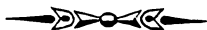
DIE GESCHICKTLICHKEIT IST MIT EINER ÖKONOMIE VERBUNDEN ¹

В одном пограничном местечке в Познани *друзья дома* (пишет нам один знакомый) сделали небольшое депо русских солдатских шинелей, фуражек, ружей и пр.* для того, чтоб пруссаки могли иной раз маскироваться и под этой русской оболочкой помогать слабой романовской империи против Лангевича и других мощных врагов ее. Сверх торжества родственной дружбы, доходящей до пожертвования всяким чувством благородства, приличия, оно выгодно. Платье ужасно изнашивается на войне, король-друг, взявши русские шинели, подвергает только прусскую мясную начинку опасности, а «пуговицы, погончики, петлички»*—на счет племянника.— Хлеб-соль вместе, а табачок врозь!

<«LE NORD»>

«Le Nord» (от 14 марта) говорит, что 3 марта (19 февр.) в Петербурге были разбросаны прокламации с зеленой печатью *Земля и Воля**. Странно, что мы почерпаем этого рода новости из такого источника. Мы очень желали бы знать содержание прокламации из настоящего Севера, а не из парижского.

УБИЙСТВО В ЯПОНИИ

В одном из давних листов «Колокола» была помещена доставленная нам от неизвестного корреспондента из Китая история об убийстве японца русским морским офицером*. На днях

¹ Ловкость связана с экономией (нем.).— *Ред.*

мы имели случай встретиться в Лондоне с одним известным путешественником, который тогда был сам в Японии*; речь дошла до несчастной истории убитого японца. Он рассказал нам, как было дело. Спешим передать нашим читателям, что офицер убил японца *случайно*. Начальнику того места *не был дан выкуп* *, а по его совету дали жене убитого небольшую сумму денег, собранную между офицерами.

Сколько раз просили мы наших корреспондентов писать только о вещах, совершенно им известных. Или по крайней мере прибавлять, что знают дело по слухам, когда не уверены в нем.

ПРОКЛАМАЦИЯ «ЗЕМЛИ И ВОЛИ»

Наконец сказалось в России живое слово участия к польскому делу, — сказалось путем *подземной* литературы, как и следовало ожидать в стране, в которой за мнение публицистов держат больше полугода в казематах, а потом ссылают на каторжную работу*, — сказалось «*Землей и Волей*». Прокламация, рассеянная 19 февраля (3 марта) в Москве и Петербурге (*которой текста мы не получали*), была о Польше*. Писавшие ее подают руку полякам во имя юной России и обращаются к солдатам и офицерам, удерживая их от преступного повиновения.

Этот голос был необходим, с него начнется реабилитация России — и потому глубокая благодарность людям, сделавшим ее возможной.

Холопы слова, литературные опричники и полицейские *вестники*, доморощенные и проживающие *in partibus**, называют их и нас изменниками России*, говорят, что мы стоим в рядах злейших врагов ее, и пр.¹

Им мы не будем отвечать. Они за тем нравственным ценсом, за которым нет ни оскорблений, ни обид. Они пользуются особыми привилегиями, как объявленные банкроты, как публичные женщины, как их страдательные собратья, не пишущие в пользу правительства, а подслушивающие ему в пользу.

С ними говорить нечего.

Но может быть, в числе друзей наших найдутся люди, не вполне освободившиеся от традиционных предрассудков,

¹ В другом месте нашего листа мы выписываем из III отделения «Русского вестника» несколько ругательств против прокламации и фразу из манифеста правительствующей редакции*. Пусть читатели сами измерят глубину падения московских доктринеров.

неясно разграничившие в своем сознании *отечество с государством*, смешивающие родственную любовь к своему народу, готовность страдать об нем и для него, готовность отдать ему труд, жизнь — с готовностью бессмысленно повиноваться всякому правительству. Им-то мы и хотим сказать несколько слов.

Мы с Польшей, потому что мы за Россию. Мы со стороны поляков, потому что мы русские. Мы хотим независимости Польше, потому что мы хотим свободы России. Мы с поляками, потому что одна цепь сковывает нас обоих. Мы с ними, потому что твердо убеждены, что нелепость империи, идущей от Швеции до Тихого океана, от Белого моря до Китая, не может принести блага народам, которых ведет на смычке Петербург. Всемирные монархии Чингизов и Тамерланов принадлежат к самым начальным и самым диким периодам развития — к тем временам, когда сила и обширность составляют всю славу государства. Они только возможны с безвыходным рабством внизу и неограниченным тиранством наверху. Была ли нужна или нет наша имперская формация; нам на сию минуту дела нет — она факт. Но она сделала свое время и занесла одну ногу в гроб — это тоже факт. Мы стараемся от всей души помочь другой ноге.

Да, мы против империи, потому что мы за народ!

1831—1863

I

«Можно ли было думать, чтоб у этого старика было так много крови...»— говорил Макбет.

«Что ж это, кровь-то не смывается? Воды!.. дайте воды!..»— говорила его жена *.

Действительно, есть старики, у которых крови не только много, но у которых кровь молода... и до того марка, что ее нет никакой возможности смыть.

Россия испытывает все это... и дай бог, чтоб не было *убитого в лесу*, которого тень стала бы являться на каждую пирушку*.

Польское восстание провело глубокую черту. В будущих учебниках на нем будет оканчиваться одна глава русской истории и начинаться другая. Тут перелом — продолжать прежнюю жизнь можно, но перелом будет чувствоваться, но черты стереть нельзя. Та же жизнь по ту сторону нравственно будет *не та*. Россия будет помнить, что в жилах старика было очень много крови, что эта кровь лилась все по ее рукам... и что она ничего не сделала, чтоб ее смыть.

— А разве у Польши меньше было крови в 1831 году?

— Нет, но у России было меньше совести, т. е. сознания. За полусознанные злодеяния, за преступления, сделанные в полусне, история не наказывает, а дает английский вердикт «*temporary insanity*¹». Вопрос весь в том, имеет ли Россия 1863 столько же права на этот вердикт, как Россия 1831?

Мы решительно отрицаем это.

¹ о временном умопомрачении (англ.).— *Ред.*

Польское восстание, следовавшее через пять лет после 14 декабря, застало Россию врасплох, подавленную и в глубоком раздумье. Чуть ли не в первый раз тогда русские подумали в самом деле о себе. Серьезное понимание у народов является очень поздно, плодом больших испытаний, потрясений, неудач; самые развитые народы ошибаются века целые под влиянием мечтаний и фантазий. Франция около века воображала себя либеральной и даже республиканской. Русское раздумье было совершенно на месте. Кичась государственным значением и влиянием в европейских делах, петровская Россия воображала, что ей так же легко будет заимствовать у соседей политическую свободу, как военно-полицейскую империю. Удесятеренный деспотизм заставил призадуматься тех, кого не пришиб окончательно, они начали сомневаться в своих путях; стремление их было истинно, но оно удовлетворялось готовыми решениями, не подходившими к явлениям русской жизни. Тяжелое чувство отсутствия корней не меньше давило все мыслящее и пробужденное, как правительственный гнет. Выход был неясен, слабость очевидна.

Польский вопрос был смутно понимаем в то время. Передовые люди, — люди, шедшие на каторжную работу за намерение обуздать императорское самовластие, ошибались в нем и становились, не замечая того, на узкую государственно-патриотическую точку зрения Карамзина*. Стоит вспомнить факты, рассказанные Якушкиным*, негодование М. Орлова*, статью Лунина* и пр. У них была своего рода ревность к Польше; они думали, что Александр I больше любил и уважал поляков, чем русских. Они были еще под обаянием петровской традиции; мы и моложе их, но все воспитались в ней и не так-то давно отделились от нее.

Таково было настроение общества в 1830.

О народе не могло быть и речи; это было спящее озеро, которого подснежные течения никто не знал и на замерзнувшей поверхности которого стояли помещичьи усадьбы, присутственные места и всякие будки и казармы.

Николай несколько оправился от 14 декабря к тем порам и успокоился, сгубив целые армии тифом и голодом в балканских дефилеях* и сменив опасного Ермолова на Кавказе

бездарным Паскевичем*. Вдруг на него обрушилась весть парижской революции 1830 года. Он потерялся. Он гвардейским офицером, среди всесовершеннейшего мира, объявил, что скоро придется сесть на лошадь, и велел ставить армию на военную ногу. Он Людвигу-Филиппу нагрубил без всякого вызова*. Только разве в 1848 году он превзошел 1830 год в стеснении всякой заявленной мысли, всякого слова, не согласного с началами всепоглощающего абсолютизма. В это время он в первый раз водрузил свое дикое знамя «самодержавия, православия, народности...»; с этого времени, в противоположность тому, что делалось в Европе, началось в его голове то обоготворение в себе царского титула, которое довело его наконец, через двадцать пять лет, до совершенного затмения умственных способностей, до того, что на маневрах, перед атакой, он плакал в три ручья, снимая каску и вслух прося «о даровании победы благочестивейшему императору Николаю Павловичу — яко с нами бог...»

Но если никто не верил в божественность императорской власти, то в силу ее верили все — любившие ее и ненавидевшие, свои и чужие, герцог Веллингтон и маршал Себастиани, Меттерних и Казимир Перье, ораторы, нападавшие на Россию, и Пушкин, писавший им ответ в стихах*.

Итак, с одной стороны, смутное стремление сбросить с себя деспотическую опеку, парализованное сознанием чуждости с народом; с другой — подавляющий призрак чудовищной власти императорства, против которой можно было вести подземные мины, но бороться лицом к лицу нельзя было и думать.

Какой же протест был возможен в пользу Польши в 1831? Скрытое сочувствие — оно было, были стихи, вырвавшиеся со слезами, были горячие приемы сосланных, университетская молодежь (по крайней мере в Москве) была за Польшу. Журналы, литература не имели никакого политического значения при тогдашней цензуре. Общество, сильно падавшее, оставалось равнодушным, хотя и было меньшинство, воспитанное под западным влиянием и ненавидевшее Николая за бесцеремонность его деспотизма, — оно радовалось неудачам Дибича и глупостям Паскевича.

Дифирамбом дикой власти штыков с кулачной угрозой клеветникам России и неслыханными в последние столетия

гонениями детей, стариков, целого поколения — оканчивается восстание 1831.

Затем тянется печальный ряд годов самой прозаической эпохи николаевского царствования. Уцелевшая Польша ушла за границу, рассказывая народам о зверином усмирении. Народы европейские, еще не испытавшие пятидесятих годов, еще полные упований и самонадеянности, печально слушали польского выходца, и ненависть к России становилась общим чувством женщин, детей, аристократов и плебеев. Лондонская чернь ворчала вслух при посещении Николаем Англии *, лорд Дудлей Стюарт послал ему подписку в пользу поляков. На нас лежала капля крови, мы были помечены победой над поляками.

Дома продолжался сухой деспотизм. Николай, окруженный посредственностями, своими Бенкендорфами и Клейнмихелями, вколачивал неподатную Россию в рамы передней, обращая статских дворовых в военные денщики, и все это холодно, грубо, беспощадно, отравляя жизнь.

Если бы этими мерами ему удалось остановить внутреннюю работу, развитие России остановилось бы надолго, для Зимнего дворца возвратились бы счастливые времена «Очакова и покоренья Крыма»*; для Европы — времена татарских нашествий, приведенных в регулярно-немецкую форму, которыми ее страдал иезуитской памяти Доново Кортес *.

Но мысль, взошедшая внутрь, назревала, слово, насильственно возвращенное назад, разъедало грудь, подтачивало тюремные стены, и если фасад острога остался тот же, то внутри многое изменилось.

Сначала боль, утрата близких надежд, оскорбления были слишком живы, унижения слишком раздражали. Много энергических, благородных натур сломились, зачахли физически или нравственно. Печерин искал спасения в католицизме *, Полежаев — в разгуле и оргии.

Вопрос о выходе из этого ада, из этого чистилища становился таким мучительным вопросом для мыслящего человека, что, не находя разрешения, одни, как мы сейчас сказали, бросились в бегство, потерялись, другие отрицали возможность выхода — как Чаадаев. *Отрава* раздумья шла глубже и глубже,

скептицизм и ирония были литературными признаками внутреннего пожирающего огня. Байронизм Пушкина и Лермонтова не был просто подражанием, он был так же своевременен и *национален* петровской Руси, как потрясающий смех Гоголя.

Слой, в котором совершалась эта работа, не был доступен правительству; так глубоко не режет кнут. Николай был человек совершенно необразованный и скверно окруженный; тайная полиция его, составленная из шулеров, битых офицеров, ворышек, пойманных на краже казенных денег, мелко плавала. Они боялись дерзкого слова, бархатного берета à la Karl Sand, сигары на улице; они искали классических конспираторов с кинжалами, плащами и присягами, которые страшно произнести при нервных женщинах.

Открытую, огромную конспирацию, проникавшую в душу без присяги и ходившую по улицам без калабрской шляпы *, они не могли уловить; их пальцы были слишком грубы.

В этой конспирации участвовало все, не только не сговариваясь, но и не подозревая того, — так наливаются в одно и то же время, под влиянием одной и той же атмосферы, не зависимые друг от друга почки, составляющие общий характер весны. Кто не были ее агентами? Студент, знавший на память стихи Рылеева, Полежаева и ехавший *на кондицию* в помещичий дом, лекарь, отправлявшийся на службу в дальний край¹, семинарист, приезжавший на vacationные месяцы в родное село, учитель, читавший словесность кадетам, и вся словесность, и все университеты, лицеи, духовные и военные академии, театры, корпусы, западники и славянофилы, самые разные характеры и самые противоположные направления — Чаадаев и Полевой, Белинский и Гоголь, Грановский и Хомяков.

¹ В 1835, во время моей ссылки в Вятскую губернию, я нашел в уездном городе Сарапуле прекрасно составленную библиотеку, в которой получались все новые книги и журналы на русском языке. Участники брали эти книги на дом и имели читательную залу. Все это было заведено, с невероятными усилиями, жертвами и с огромной настойчивостью, уездным лекарем, вышедшим из Московского университета. Фамилия его, кажется, Чудновский.

Одна Русь не петровская, Русь народная, оставалась в стороне от этого движения. Она той Руси, в которой происходило движение, не знала — да и ее не знали там. До этой работы мысли, до внутреннего протеста, пожалуй, до этого угрызения совести ей дела не было, и это совершенно естественно. Не она оторвалась от своего быта и всплыла над ним, не в ней могли и должны были зародиться сомнения в путях своих; она *продолжала* свой непосредственный быт под тяжелым гнетом крепостного состояния, чиновничьего грабежа и бедности.

Та часть народа, которая отвернулась от прежнего быта и оторвалась от прежнего единства с поспешностью измены, та, без сомнения, и должна была сперва прийти к сознанию своего странного положения совершенной разобщенности, — разобщенности *в обе стороны*: потеряв связь с народом, она осталась чужой миру той цивилизации, которой платья и фасады были ею приняты, а сущность осталась неувоенной. Первая минута, в которую она протрезвилась в своем маскарадном платье от грома побед, от ломки и перестройки, от непрерывных служебных дел и военных учений, в которую она поняла, что немецкие кафтаны и французские слова не дают европейских условий жизни, она очутилась с глазу на глаз с императорским самовластьем. Воображая себя Европой или народом, она хотела схватить его под уздцы, но, лишенная всякой правомерной основы, выработанной на Западе, и всякого народного сочувствия, она была побеждена. И, как мы сказали, с этого поражения начинается тот мучительный труд мысли, который, перебирая ноту за нотой, еще не достигал ни до какого результата в 1831 году; но в тридцать последующих лет сделал огромные шаги.

Христианство, с своей необычайно глубокой психологией, связывало искупление с раскаянием и исповедью. Это равно относится к лицу и к целым народам. Надобно было совести русской не только раскаяться в *любви* к силе и забиячеству военной империи, в гордости штыками и суворовскими боями, но и привести это к слову, надобно было ей исповедаться.

И с исповеди начинается ее пробуждение.

После покорения Польши лет пять осаживались в России николаевские порядки в угрюмой тишине. Общество больше

и больше падало, литература молчала или делала дальние намеки; только в стенах университета слышалось иногда живое слово и билось горячее сердце... да время от времени могучая песнь Пушкина, противуреча всему, что делалось, будто пророчила, что такая здоровая и широкая грудь многое вынесет.

Лично люди спасались — кто наукой, кто искусством, кто вымышленной деятельностью. Лично люди отворачивались от всего окружающего и наблюдали в недостижимой дали движение западных светил, но внутренняя боль, недоумения не могли успокоиться, они должны были страдаться до истины и найти в себе выражение. Чаадаева письмо * представляет первую осязаемую точку перегиба, от которой идут два расходящиеся ряда понимания.

«...Посмотрите вокруг себя. Все как будто на ходу. Мы все как будто странники. Нет ни у кого сферы определенного существования, нет ни добрых обычаев, не только правил, нет даже семейного средоточия; нет ничего, что бы привязывало, что бы пробуждало ваши сочувствия, стремления; нет ничего постоянного, неизменного; все проходит, течет мимо, не оставляя следов. Дома мы будто на постое, в семействах как чужие, в городах как будто кочуем.

Истинное общественное развитие не начиналось еще для народа, если жизнь его не сделалась правильнее; наш нравственный мир находится в хаотическом брожении, подобном переворотам, которые предшествовали настоящему состоянию планеты»¹.

Mea culpa, mea maxima culpa! *

Далее отрицательное сознание идти не могло, чуть ли этот *нигилизм* не трагичнее нового. Что было делать после такого сознания? Вздохнуть, сложить руки и смиренно нести на себе крест родины.

На этом сознании должен был обличиться переворот, *если только силы на выздоровление* были в груди. И действительно, мрачная исповедь Чаадаева вызвала сильный отпор. Отпор человека, заживо погребаемого. Отпор *инстинктивной* веры —

¹ Чаадаев.

одностороннему сомнению. Вновь выходявшая русская мысль, как царь Иван Васильевич, одержимая болезнью и слабая, слышала за дверями, как Чаадаев ей читал отходную, и, покидая одр свой, бросилась заявить свои права на жизнь.

Во имя чего? Во имя народного быта и *допетровской Руси*, т. е. обходя с тем же отвращением *империю*, с которым смотрел на нее их противник. «Это временной нарот, — говорили они, — иностранное рубище, приросшее, правда, к телу, но только к коже, его можно отодрать...»

— А там-то что? — говорили скептики, качая головой.

Границы турнира были обозначены.

До 1848 года только в этой *литературной* борьбе и чувствовался пульс живого сердца.

II

Не мы свели вопрос на книжный спор, а так было на самом деле. Вся умственная жизнь России в тридцатых и сороковых годах сводилась на литературу и преподавание. Спор этот занимал, конечно, не больше двух-трехсот голов, из которых половина были очень молоды. Но эта арифметическая слабость, когда все остальные ничем не заняты, ничего не значит. Меньшинство с возбужденной мыслью, верой, сомнением, выделяясь из массы, не имеющей никакого определенного направления, — из массы дремлющей, равнодушной, становится по необходимости светским духовенством, т. е., начиная пропагандой и проповедью, часто оканчивает властью и ведет паству по своей дороге.

Круг умственной деятельности того времени был вне правительства, совершенно отсталого, и вне народа, молчавшего в отчужденности, он был в книге и аудитории, в теоретическом споре и в ученом кабинете. И, действительно, только в литературе и университетах приходилось еще правительству отражать и сдерживать; только там еще жизнь пыталась выступить из тесных берегов цензуры и надзора, только там еще чувствовалась упругость. Литература и учебные заведения были единственными граждански доблестными, честными сферами деятельности неподатной России того времени.

Сенат и синод, гражданское ведомство и военные власти,

дворянские собрания и beau monde боялись не только оппозиции, по всякой самобытности, боялись, чтоб на них не пало подозрение в *мнениях*. Солидные люди с внутренним ужасом смотрели на отвагу Н. С. Мордвинова, дерзавшего не только иметь, но и подавать *мнения* *. Николай едва сдерживал свою ярость против дерзкого старца.

Одна литература, одни аудитории протестовали постоянно, протестовали, насколько могли, молчанием и пропусками там, где нельзя было словом; *запрещенными* стихами, ходившими по рукам, и намеками, ускользавшими под пальцами цензора. Теперичное растление литературы и учебных заведений начинается с нынешнего царствования. Откупная журналистика и полицейские профессора, проповедующие философию рабства и пишущие доносы целой конференцией, * — явления совершенно новые. Во все николаевское время не было аудитории, которая с сочувствием стала бы слушать доктрину слепого повиновения, юноши-консерваторы и гвернементалисты тогда вовсе не существовали; развитием этой нравственной *собачьей старости*, которая сильно распространяется, мы обязаны последним годам преподавания и журналистики.

Итак, не мы придали учено-литературному спору тридцатых годов историческую важность в умственном развитии России, а так было на деле. О самом споре мы не будем распространяться: об нем писали много; мы только напомним, что одна сторона стремилась продолжать петровский переворот в смысле *революционном*, усваивая России все выработанное народами с 1789 и перенося на нашу почву английские учреждения, французские идеи, германскую метафизику. Считая западные формы гражданственности выше форм топорной работы Петра I и его наследников, они были совершенно правы; но принимая их за *единоспасающие*, общечеловеческие формы, идущие ко всякому быту, они впадали в вечную ошибку французских революционеров. Противники их возражали им, что формы, выработанные западной жизнью, хотя бы и имели общечеловеческое развитие, но рядом с ним должны были сохранить и свои частнонародные элементы, что эти элементы останутся нам чужими и не удовлетворяют нас, потому что у нас другие притязания и другие препятствия, другое прошедшее и другая обстановка

в настоящем. К этому присоединялась вера в элементы, лежащие в быте народном, и раздражительная обидчивость за прошедшее.

До ясности не договорились ни те, ни другие, но по дороге было возбуждено множество вопросов; в полном разгаре спора его настигла Февральская революция. Она является тем третьим, который своею кровью поставил точки на і. Мрачное время для России между 1848 годом и Крымской войной имеет для нас большое значение, на которое, кажется, не было обращено достаточного внимания.

Гонения, начавшиеся после революции 48 года против печатного слова и преподавания, перешли все границы тупого и гнусного; они были гадки, они были смешны — они довели литературу до угрюмого молчания, *но говорить в смысле николаевского консерватизма не заставили ее*. То же было в преподавании; паружно подавленное, оно внутри осталось верным своему святому призванью пропаганды, очеловечения. И если столичные профессора были иногда стесняемы докучливым надзором и доносами, то преподавание шло своим чередом в провинциальных университетах, гимназиях, семинариях, кадетских корпусах и пр. Эта децентрализация образования чрезвычайно важна не только географически, но и понижением, так сказать, ценса его; она просачивалась глубже и терялась на самых границах грамотности. Меры правительства ни к чему не привели.

Педагогика противустояла даже своего рода *chef d'œuvre'y* — ростовцевской инструкции преподавателям военно-учебных заведений*.

Кто же сделал это?

Это сделал новый кряж людей, восставший вверху и вводивший исподволь свои новые элементы в умственную жизнь России. Он приобретал больше и больше права гражданства в ней в продолжение того времени, как Николай сбивал верхушки и грубыми ударами уродовал оранжерейные и нервно развитые организации.

Отщепенцы всех сословий, эти *новые люди*, эти нравственные разночинцы, составляли не сословие, *а среду*, в которой на первом плане были учителя и литераторы, — литераторы-

работники, а не дилетанты, студенты, окончившие и не окончившие курс, чиновники из университетских и из семинаристов, мелкое дворянство, обер-офицерские дети, офицеры, выпущенные из корпусов, и проч. Новые люди, маленькие люди, они были не так заметны и нравственно столько же свободнее прежних, сколько связаннее материально. Бедность дает своего рода осмотрительную силу и строй.

Дворянски-помещичья Русь, в которой до этого времени преимущественно сосредоточивалось умственное и литературное развитие, была, помимо преследований, в фальшивом положении. Она не могла серьезно провести ни одной мысли, не переходя через ограду, оберегавшую ее сословные права. Связанная образованием с формами европейской жизни, связанная крепостным состоянием с петербургским regimentом, она должна была отречься от своих монополей или невольно внести противуречие во всякий вопрос. Для нее, как касты, была одна будущность — ограничить верховную власть царя олигархической Думой; на это не было материальной силы. На выход из сословия недоставало силы нравственной. Тип англоманов и либералов-помещиков, захваченных на своем стремительном пути к парламентской свободе освобождением крестьян с землею, останется на надгробном памятнике российского благородного дворянства вроде карикатурных уродцев, которыми средневековые зодчие украшали капители церковных колонн.

Аристократическая Россия отступала на второй план, ее голос стал слабеть; может, она, как Николай, была сконфужена событиями 1848 года. Чтоб оставаться народной в литературе, ей пришлось оставить городскую жизнь, взять охотничье ружье и бить по земле и на лету дичь крепостного права*.

Другая сила шла на смену, другая ширинга становилась на место истощившихся вождей и бойцов.

Еще в людских ушах раздавался звук погребальной проповеди Чаадаева, которая, шевеля многое в груди, не давала ничего, кроме утешений *на том свете*, какого-то далекого будущего, а уже светлые звуки малороссийского напева неслись издали* вместе с жартами и смехом, если и не добродушным,

то смехом здоровой груди, а уж в стертой журналистике, скучной в Москве и истасканной в Петербурге, вырезывались сильнее и ярче черты настоящего представителя молодой России, действительного революционера в нашей литературе.

Белинский был человек необыкновенно свободный, его ничто не стесняло: ни предрассудки схоластики, ни предрассудки среды; он является полный вопросов, ищет разрешений, не подтасовывая выводов и не пугаясь их. Он откровенно ошибается и искренне ищет другого разрешения; у него была в виду одна истина и ничего разве ее. Белинский вышел на сцену без герба, без знамени, без диплома, он не принадлежал ни к какой церкви и ни к какому сословию, он ничем не был связан и никому не присягал. Ему нечего было щадить, но зато он мог всему сочувствовать... В первую минуту, когда он, искушаемый змием немецкого любомудрия, увлекся *разумностью всего сущего*, он безбоязненно написал свою бородинскую статью*. Какую страшную чистоту надобно было иметь, какую самобытную независимость и бесконечную свободу, чтоб напечатать что-нибудь вроде оправдания Николая в начале *сороковых годов!*

Эту *чистоту ошибки* поняли те самые люди, которые не могли простить двух стихотворений Пушкину *, которые отвернулись от Гоголя за его «Переписку с друзьями». На Белинского многие (и я в том числе) сердились *, но чувствовали, что заблуждение искренно, что он воротится. Так и было.

В Белинском мы встречаем ту великую отрешенность от вперед идущих понятий и авторитетов, которая составляет отличительную черту и силу русского гения, ее смутно провидел Чаадаев, об ней и мы говорили много ^{1*}.

Может, эта отрешенность, эта внутренняя свобода с внешним рабством лишила нашу жизнь многих теплых минут, многих привязанностей, может, она внесла в нее сломанность, которая выражалась господством иронии. Но она дала нам страшную независимость. Мы, как дети, не знавшие ни отца, ни матери, были беднее, но свободнее; наша мать и наш отец были идеалы,

¹... Nous sommes une immense *spontanéité*... l'intelligence russe est d'intelligence impersonnelle par excellence.

*Tchaadaïeff. Lettres à Al. Tourguenëff**.

и потому не они стесняли нас, а мы им втесняли очищенный образ свой и свое подобию.

Идеал Белинского, идеал наш, наша церковь и родительский дом, в котором воспитались наши первые мысли и сочувствия, был *западный мир* с его наукой, с его революцией, с его уважением к лицу, с его политической свободой, с его художественным богатством и несокрушенным упованием.

Идеал Хомякова и его друзей был в прошедшем народа русского, в его быте, преображенном в небывалой чистоте. Но апотеоза как бы ни была преувеличена, все же в ней главные черты истинны. *Житие* необходимо при всяком причислении к лику святых, и в идеале славян, сохранившем бытовые особенности нашего народа, было великое пророчество, принимаемое ими за воспоминание.

Которому из идеалов суждено было одолеть? Или на чем они могли помириться и идти об руку?

Элементы к разрешению этого вопроса принесла революция 1848 с своими последствиями.

По крайней мере с тех пор спор, о котором мы говорили, изменился.

III

О перевороте 1848 года мы говорили много. Мы были им увлечены, как весь мир; он даже увлек своих противников, они тоже не устояли на месте и пошли гораздо дальше в свою сторону.

Увлечение недолго продолжалось, но люди долго не могли прийти в старое русло. Собственно революционный прилив перегнулся с страшной быстротой, и все скрывавшиеся подводные камни, скалы и отмели гордо подняли свою вновь вымытую голову.

Последняя карта *прежней* революции была дана, отыгаться *этой колодой* она не могла. Она это чувствовала неясно, но чувствовала. Февральская республика начиналась разочарованием, не верой в себя, а сомнением. Она явилась робко, неоткровенно, дурно одетая и окруженная мещанской родней.

Достигнут ли идеал или нет — это все равно, он останется жив и силен в сердце человеческом, но бедное осуществление убивает его.

Люди гораздо больше поэты и художники, чем думают.

Республика 1848 года была слишком рациональна, чтоб быть религией, и слишком религиозна, чтоб сосредоточиться на экономическом вопросе. За нее не могли люди фанатически умирать, как они умирали за *непонятные* догматы, именно потому, что в ней не было этого *непонятного*; а понятная программа ее не настолько была выгодна, чтоб ее защищать своей жизнью. Самое беспристрастие ее к врагам, ее будничная справедливость делала людей равнодушными. Она представляла голые стены пустого здания — мощный дух 1792 года не наполнял его больше. Тогда знали, что здание не окончено, что, прежде чем его достраивать, надобно его отстоять от внутреннего и внешнего врага. Республика являлась тогда не столько достигнутым благосостоянием, как протестом и пророчеством, мстительницей за вековую несправедливость, за кровные обиды. Она, Немезида, сулила людям братство и свободу, и ей верили; она давала только надежды, и ими довольствовались. Вторая обещала меньше, а требовали от нее больше. Работники ей давали *только* три месяца голода — не больше. Она заплатила в срок, только не золотом, а свинцом и железом.

Старая, уже *бесплодная* республика победила новую, еще *неплодоносную*, и тотчас сама оказалась побежденной. С нее сорвали фригийскую шапку — народ молчал, у нее отняли пику — народ молчал, у нее отняли имя — народ молчал, пчелы облепили ее мантию * — народ молчал.

Новый идеал был отринут. Социальный Адонаи не был так счастлив, как Юпитер, не увлек Европу*. Он не имел еще той творческой возмужалости, которая увлекает, нарождает. В нем было много школьного, отвлеченно теоретического; его еще занимали пансионские попытки пересоздать род человеческий в каком-нибудь запустелом монастыре, в саду в пять квадратных десятин... К тому же его гнала со света ревниво и страстно — не церковь с инквизицией, не трон с гвардией, а полицейская республика. Она, как императрица Екатерина II, забыла сына в наследнике и, боясь его прав, старалась известить его. Мать и сын пали в этой борьбе. Выигрыши были даже не со стороны монархического принципа, а со стороны *полиции*, со стороны управы благочиния и внешнего уличного порядка.

И в то самое время, когда революция, побитая на всех точках, уступала все приобретенное с 1789, испуганное самодержавие в России, со всей свирепостью трусости и невежества, без нужды и смысла раздавивши Венгрию, бросилось на преследование мысли, науки, всякого гражданского стремления.

Казалось, все оставило возникавшее русское развитие, казалось, что оно исчезнет, как неудачная попытка, и мы погрузимся в новое тысячелетие крепостного состояния, варварства, византизма.

Свет, входивший из Европы в трещины нашей острожной стены, стал меркнуть, трудно было что-нибудь различить; на Западе одни темные облака неслись, толкали друг друга, меняли случайные очертания, сгущались, обещая грозу и разрешаясь осенним дождем и слякотью. И этот-то мрак самодержавная полиция лишила последнего утешения, последнего признака жизни, звука, человеческого слова. Россия онемела. Тогда-то, долго терпевши и не видя выхода, Грановский, утомленный, измученный, благословлял судьбу умершего Белинского и завидовал его смерти!..* ...Тогда-то он, страстно любивший Россию, просил найти ему какую-нибудь кафедру в Бельгии, потому что если и были у него силы умереть за Россию, то жить в ней не было больше.

А жизнь шла своим чередом.

Живуча русская жизнь — все невзгоды, все удары сошли ей с рук. Отчего? Не оттого ли, что они не по тем местам били, от которых *зависели жизнь и рост этого странного организма?*

В самый пущий разгар деспотизма и гонений в России и реакции в Европе в Москве и в Петербурге господствующее направление умов начинает заботиться о других вопросах. Хомяков, К. Аксаков и их круг обращают особенное внимание на русскую *сельскую общину, на общинное владение землей*. Круг Петрашевского в Петербурге программой своих занятий делает изучение *социально-экономических теорий*.

Славянофилы выходили этим путем из археологии.

Кружком Петрашевского начинается обратное движение, которое по необходимости овладело умами после 14 декабря. Практическое движение, ушедшее тогда в книгу, рвалось снова из книги в практическую деятельность. Кружок Петрашевского

«сложился в общество; правительство его приняло за заговор. Заговора не было, но Липранди, как трюфельная ищейка, чуял его»*.

Петрашевцев вывели на площадь, сделали маневры расстреливания и разослали в цепях по «мертвым домам»*, по каторгам; а их мысли бродили, высказывались в частных спорах, беседах.

Одно ужасало всех — непреодолимая сила императорской власти. Все человеческие стремления бились бесплодно в какие-то непреступные, гранитные ограды...

Вера в эту непреодолимую силу самого Николая спасла Россию — она привела в Ботнический залив флот Sir Charles Napier'a.

Николай съездил посмотреть на него* и воротился с состарившимися глазами, с осунувшимся лицом.

Он понял беду ... чары исчезали.

С каждым залпом в Крыму громовое эхо потрясало Петербург; стены Зимнего дворца расседались. Все стали догадываться, что только обшивка была гранитная, а внутри щебень. При исторически-казенной постройке всероссийского императорства, как при всех казенных постройках, какое-нибудь интендантство крало.

Николай понял, что скрыть этого нельзя; бродя без сна каким-то привидением по залам своего дворца и заставляя часовых молиться на коленях о победе, он стал обдумывать *измены*, — *измены* всему, что считал святым, за что вытравил в себе человеческое сердце и сгубил два, три молодых поколения. Он хотел кликнуть клич к славянам, восстановить ненавистную Польшу и поставить на ноги только что задавленную им Венгрию — лишь бы снова Зимний дворец стал незыблем и грозен, лишь бы гранитную обшивку снова приняли за сплошную скалу, лишь бы не было больше видно колеблющихся мачт Sir Charles Napier'a и не слышно эхо савастопольского грома... Пусть ополчается крестьянин, пусть дружины сами выбирают себе начальников!

Это был конец темного петербургского царства. Далее полицейские плотины не могли удерживать напора, да и сам вахтер не мог далее удержаться.

Мрачно подавленное неудовольствие приподняло голову, шептанье заменилось ропотом: «Что же это такое? За кровь, за деньги, за лишение всех прав человеческих они не умеют защитить земли от неприятеля, живущего за тридевять земель и приплывшего на кораблях». Нельзя печатать — рукописные тетради ходят из рук в руки, читаются вслух, нет прежнего страха. *Он* умер, чего же бояться? Все забыли, что *другой он* — жив. И вот сквозь прорывавшуюся плотину понесся мутный и пенящийся поток либеральных и консерваторских помоев, увлекая с собою всякую всячину: черепки философских систем, обломки социальных мыслей, трупы утопших экономических учений, скелеты конституций; словом, все прибитое к цензурным стенам и лежавшее там годы всплыло в старом костюме, с тиной и мохом. За это-то и сердились солидные люди, им хотелось, чтоб из объятий Николая Россия вышла Минервой — при сове, глобусе и циркуле.

Большой беды в этом столпотворении вавилонском не было: не в самом же деле мысль русская сделалась бы *зреее* в куртке каторжного, в которой держал ее Николай. Вообще *гигиеническая* воздержность в ожидании зрелости вовсе не натуральна.

Как только человек видит возможность принять участие, действовать, действие становится для него физиологической необходимостью. Оно может быть преждевременно, необдуманно, даже ложно, *но не может не быть*. Никакая религия, никакая общественная теория не доходит до полноты сознания прежде начала осуществления. В приложении она узнает свои односторонности, выполняет их, отрекается от них. «Зелёна жизнь, и седа наука, — говорят сами немцы *», утратившие, за плоды с древа теоретического ведения, не только всякое значение в кругу народов, но всякое уважение их.

Всплывший вздор уплывает, а движение волн остается. Привычка участия, заявления своей воли, своей мысли — не пройдут.

Там, где есть движение, нечего бояться и приходиться в отчаяние. Неподвижна смерть, и труп молчалив, жизнь не пропала там, где говорят всякую всячину; а там, где века повторяют одно и то же, как на Афонской горе, там, где говорят готовыми фразами, — готовые понятия и застывшие мысли. Сверх того, го-

ворить *дело* у нас не было легко; нам все приходилось говорить *вновь* и к тому же еще надобно было перечить почти всему сказанному нашими учителями, принятому давным-давно всеми. Освобождаясь втихомолку от идолопоклонства самодержавия, мы, не замечая, попадали на тропинку к другой церкви, к другому идолопоклонству, но веры в себе в него не нашли. Для всякого западного народа переход от теологической монархии к теологически-либеральному православию был легок. Наше счастье и несчастье в том, что мы довольствуемся меньшим, чем они, а требуем гораздо больше. Дай нам протестантизм, мы сделаемся духоборцами. Коснись до крепостного права, мы требуем и землю. Чувство говорит нам, отставшим, нам, рабам, что общественная религия опередивших нас *не наша*, что же удивительного, что все это выражалось неловко, хаотически, с отчаянным нигилизмом и безнадежным православием; себе самой уяснялась мысль, всякими крайностями переходя из ребяческого состояния инстинкта в возможность сознания.

Правильны или неправильны были результаты, было ли в них больше *зрелости*, чем *семян*, или наоборот — одно не подлежит сомнению: это был новый взмах жизни, новый плеск освобожденной волны; оставаясь в тех же цепях, под теми же затворами, мы стали больше свободными людьми.

В подтверждение этого я приведу замечательный факт, на который мало обращали внимания. Рядом с подкупной литературой, с журналами на казенных подрядях, с III отделением на университетских кафедрах общественная нравственность чрезвычайно поднялась. Мужество своего мнения, утраченное окончательно в прошлое царствование, появляется снова, не боясь ответственности.

С декабристами у нас исчезает *гражданская доблесть*. Борьбой этих побежденных, но не низложенных титанов оканчивается героический период оппозиции. Во все царствование Николая тон политических подсудимых был уклончивым и основывался на запирательстве. Равнодушие общества убивало бесплодную отвагу.

Это изменилось в последнее время.

Человек, гонимый за свои мнения, за слово, снова гордо стоит пред судом; он за стеной чувствует сочувствие хора, он знает,

что его слово жадно слушается, он знает, что его пример будет великою проповедью.

Грустно, твердо явился *Михайлов* пред сенатом *. Богдельня стариков, судивших его, обомлела, разинула рот; в прохождении их долголетней военной и гражданской службы они ничего подобного не слышали. Рьяный Бутурлин требовал смертной казни за дерзость подсудимого.

Спокойно, мужественно стояли юноши — *Арнгольдт*, *Сливицкий* и *Ростковский* — перед рейтерами *, которым велено было их осудить на смерть.

«Вы писали это неподписанное письмо к Лидерсу?» — спрашивает презус Арнгольдта.

«Я, — отвечает Арнгольдт, — но я не успел его кончить», берет перо и подписывает свое имя.

И это не отдельные примеры, не исключения, это становится нормой; так поступили другие офицеры, Обручев например; так поступил заслуженный, покрытый ранами подполковник Красовский и молодой гардемарин Трувеллер.

«Я публикую мой проект под своим именем; пора нам перестать бояться, и если мы хотим, чтоб с нами перестали обращаться, как с детьми, нам надобно перестать действовать по-детски; тот, кто хочет правды и справедливости, должен уметь безбоязненно стоять за них».

Когда я прочел эти строки в брошюре Серно-Соловьевича *, мне казалось, что я, мы — выросли; такие слова, такие выражения не существовали в николаевское время, они делают грань в истории, по которой можно мерить, сколько верст мы отъехали от *незабвенного* этапа.

Когда люди так *забываются*, так *закоснели*, так дерзко выдают себя, тогда в самом деле им *нужна правда и справедливость*, а не милость царская и монаршая ласка.

Эти слова, эти ответы перед судом палачей, в виду заряженных ружей, в виду каторги, молодое поколение может положить на весы; они лучше всего оправдают *детей* против *отцов*, если отцы в самом деле нападали на них. Ими они легко искупят и угловатость форм, и заносчивый язык.

Это нравственно-доблестное отношение, сильно заявляющее себя в русском обществе, не оставляет ему выбора

не только между царем и Польшей, но между молчанием и словом. Забитый, потерявшийся человек, молчавший на все, мог молчать, облитый невинной кровью,— но после Михайлова и «Великоруса», после расстрелянных офицеров и Красовского, после того, как вся Россия видит необходимость Земского собора, чтобы взять в опеку правительство, неспособное и туда же злое, мы не можем молчать перед убиением целого народа. Перед убиением, которое совершается нашими руками, на наши деньги, нашим повиновением.

У нас даже тех печальных прав нет, на которые могли бы опереться западные народы. Где у нас изуверство, заставляющее человека поддерживать честь знамени, в каком бы бесчестном деле оно ни являлось? У нас нет алчного патриотизма, терпящего всякую идею справедливости, когда можно стяжать клочок земли. У нас нет и того педагогического кретинизма ученого раба, помогающего своему ландесфатеру не выпускать на волю народы, подпавшиеся одному ошейнику с ним, потому что эти народы не кончили еще их akademische Studien¹.

Проснувшиеся русские не имеют права на такой патриотизм, он ниже их мысли, сознание обязывает еще больше, чем дворянство.

Торопитесь же заявить ваш голос!

Торопитесь для того, чтоб вовремя отвязать вашу лодку от императорской барки и заявить ваш неказенный флаг. Торопитесь, чтоб защитить народ русский. Торопитесь, чтоб не остались без протеста подлые, подкупные органы, натравливающие русских солдат на поляков, чтоб нечистая речь их потерялась за вашим криком негодованья.

Мы ждем вас! *Земля* и *Воля* дали вам пример.

¹ академических занятий (нем.).— *Ред.*

〈МАНИФЕСТ И ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЛИПРАНДИ〉

МАНИФЕСТ

Желая разом ободрить государя императора и Польшу, правительствующая редакция «Русского вестника» напечатала манифест, в котором находим следующие державные слова, долженствующие запечатлиться в сердцах истинных подданных. «Мы чувствуем себя народом великим и сильным. Мы еще постоим за себя и в то же время, с божиею помощью, не забудем о долге справедливости к родственному нам народу польскому»*. МИХАИЛ — ждали мы в конце, но манифест без подписи.

«Мы с божиею споспешествующей милостью!» Каков наш Мазаниелло? * И каков—

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЛИПРАНДИ

Вот образчик жандармской литературы, обещанный нами, из III отделения «Русского вестника»*:

...Рок не до конца прогневался на Польшу. Он поразил ее, но он же и судил ей редкое счастье: на противной стороне, в самом разгаре битвы, поляк *находит себе союзников*, которые готовы подписать, не разбирая, все его условия. На русской стороне находит он людей, которые с трогательным великодушием готовы принести ему в жертву интересы своей родины, целость и политическое значение своего народа, находит людей, готовых из чести послужить ему послушными орудиями.

19 февраля, в самый день восшествия на престол ныне царствующего императора и, вместе, в годовщину освобождения стольких миллионов народа от крепостной зависимости, разбрасывалось в Москве новое издание нашей подземной печати. Мы было думали, что эта забава уже надоела нашим прогрессистам, но вот перед нами новая прокламация со штемпелем *Земля и Воля*. Авторы этого подметного листка, говоря от лица русского народа, взывают к нашим офицерам и солдатам в Польше, убеждая их покинуть свои знамена и обратить свое оружие против своего отечества. Такого поступка нельзя было бы ожидать

даже от наших прогрессистов. *Это еще хуже пожаров.* Но надобно думать, что прокламация эта, как и многое другое, есть дело *эmissаров польской революции*, хотя нашему народному чувству оскорбительно и больно, что наши враги так низко думают о нас, рассчитывая на успех подобной проделки. Эти пророки и герои русской земли (как польские агитаторы чествуют их, льстя их глупости) сами не подозревают, чьих рук они создание.

Авторы этой прокламации не соглашаются на то, чтобы Польша оставалась в соединении с Россией. Какое право имеем мы, восклицают они, хозяйничать в Польше, когда она сама этого не желает? Какое право! Вот до какой метафизики восходят наши патриоты! Все зло мира сего хотят они взыскать с своего народа. Они не спрашивают, по какому праву делается что-нибудь в других местах.

Борьба наша с Польшей не есть борьба за политические начала, это борьба двух народностей, и уступить польскому патриотизму в его притязаниях — значит подписать *смертный приговор русскому народу*. Пусть же наши недруги изрекают этот приговор: русский народ еще жив и сумеет постоять за себя. Если борьба примет те размеры, какие желал бы придать ей польский патриотизм и наши заграничные порицатели, то не найдется *ни одного русского*, который бы не поспешил отдать свою жизнь в этой борьбе.

До каких *казенных объявлений* может довести бескорыстный патриотизм! Но, по счастью, скоро не будет ни «Русского вестника», ни «Московских ведомостей», казенные объявления перейдут к мирному Николаю Филипповичу, и два атлета с лядункой через плечо поспешат резать поляков в вящую славу *русского имени*.

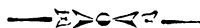

·

〈ГРАФ НОСТИЦ〉

Граф Ностиц, генерал-майор, усмирявший так успешно мятежников, что заслужил высочайшую благодарность, вдруг *расстроил свое здоровье*, что попросил и получил увольнение от командования отрядом*. Как несчастья преследуют в Польше храбрых русских генералов, с Дибича начиная! * Давно ли удар паралича сразил храброго Рамзая*. Давно ли цветущий Ламберт расстроил свое здоровье и здоровье Герштенцвейга*.

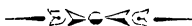

КРЕСТЬЯНЕ-ДЕМАГОГИ

«Корреспонденция Bullier» передала весть, что «Северн. почта» объявила высоч. повеление, чтоб указ о *крестьянах-демагогах* 1861 года остался во всей силе в 1863*. «Норд» с некоторой горячностью заметил, что указа о *крестьянах-демагогах* никогда не существовало*. А что точно был указ, но это насчет *крестьян-возмутителей* (*instigateurs de troubles*¹), и этот указ действительно продолжен, но вовсе не потому, чтоб опасались чего-нибудь со стороны крестьян, «а со стороны революционных пропагандистов».

Итак, ошибка Bullier состояла в том, что он назвал *instigateurs de troubles* — демагогами. В Вятке их зовут *коштанами*, так бы Bullier и назвал *pausans kochetans**, а *крестьян-демагогов* в России нет.

¹ смутьянов (франц.).— Ред.

КОМАНДИР БРАНДЕНБУРГСКОГО КИРАСИРСКОГО РЕГИМЕНТА

Обристом этого регимента король-дядя назначил императора aller Reuven *. Хотя в Пруссии и не так выгодно быть командиром кавалерийского полка, как в России, но на всякий случай хорошо иметь почетное место удаления в Потсдаме. В 1848 неаполитанский король *, упорно защищая королевское право изменять присяге, сказал раз министру: «Io sono nato libero e voglio morire libero¹. Я не позволю вам диктовать мне законы; если б дошло до этого, то помните: я командир полка в русской армии и поеду в Петербург».

ВОЗВРАЩЕНИЕ Е. И. В. ГЛАВНОКОМАНДУЮЩЕГО ДЕЙСТВУЮЩЕЙ АРМИЕЙ В ВАРШАВУ

Е. и. в. Константин Николаевич накануне своего отъезда благополучно возвратился в Варшаву.

Слух о ссоре Константина Николаевича с императором подтверждается. Позенский корреспондент «Теймса» говорит, что петербургская дворня долго подкапывается под ним, и прибавляет божественную фразу: «By the old Russian, or, what is the same, the German party at St. Petersburg—his retreat has been long desired»². Наконец-то поняли, что old Russian party это-то и есть немецкая партия военного деспотизма, неограниченного самодержавия, ритертума, юнкертума, педантства и доктринаризма,— партия, идущая со времен Петра I разными Минихами, Остерманами, Биронами, Нессельродами, Клейнмихелями до Шильдер-Шульднеров и прочих кур-, эст- и лиф-ляндских Шульцев и Миллеров.

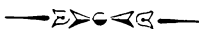
¹ Я родился свободным и хочу умереть свободным (итал.).— *Ред.*

² «Его ухода давно желала старорусская, или, что то же самое, немецкая партия в Петербурге» (англ.).— *Ред.*

ГРАФИНЯ ХРЕБТОВИЧЕВА И АРХИЕРЕЙ ФЕЛИНСКИЙ

Какое-то письмо гр. Хребтовичевой, в котором она показывала сочувствие к полякам, попало великому князю — отсюда огорчение, удаление *. Затем — уж чего, кажется, крепки нервы у католического архиепископа, а тоже не выдержали — и Фелинский не хочет оставаться в «совете нечестивых»*.

Oh, Charles, oh, mon roi,
Tout le monde t'abandonne!¹

ПОБЕДЫ НА ПОЛЕ ТЕЛЕГРАФА (как выразился «Daily Telegraph»)

Где ни встречали инсургентов русские отряды, везде они их разбили, рассеяли... Куровский был два раза убит, и, видя, что это не помогает, сам застрелился и потом попал в плен. Его, говорят, будут судить за самоубийство. «Инвалид» извещает, что 11 марта Падлевский убит*. «Le Nord», повторяя эту весть, прибавляет, что покойник не без успеха на другой день напал на русских *. Обоз Лангевича был отбит и уничтожен четыре раза. При этих победах с нашей стороны всякий раз убивался неизменный *казак* и тяжело ранился один рядовой. Шайки, состоявшие из 200—300 человек, дурно вооруженных, *соединились* (по телеграмму, помещенному в «Le Nord») *от отчаяния* в 6000 войска *. Мудрено ли, что поляки побеждают, когда они сражаются после смерти и собираются в тройном количестве после поражения. Недаром «Сев. пчела» 2/14 марта говорит: «Это напоминает донесения сардинских проконсулов в Неаполе, которые все пишут о подавлении восстания, так что если поймать их на слове, то окажется, что они подавляют уже давно

¹ О Карл, о мой король, все тебя покидают (франц.).— Ред.

подавленное восстание, то есть употребляют энергические меры против людей, уже давно смирившихся»*.

В Кракове — толпа русских шпионов, которая подделывает прокламации, вербует галичан и старается их увлечь в какую-нибудь антиавстрийскую демонстрацию. Мы подадим австрийскому министерству прекрасную мысль принять их за серьезных польских конспираторов и отослать инсургентам, далее об их будущности заботиться нечего. Их судьба будет совершенно обеспечена. Двое из шпионов захвачены, говорят газеты*.

РАЗВРАТ ВОЙНЫ

«Рус. инв.» так начинает корреспонденцию из Вильно: «Вчера привезли сюда двух раненых солдат л.-гв. Московского полка. Они с восторгом рассказывают товарищам о перестрелке, в которой удалось принять участие». Отчего же с *восторгом*? Чему тут восторгаться? Чему радоваться?

БЕДНОЕ РУССКОЕ ИМЯ

Мы получили из Парижа письмо, от которого болезненно сжалось наше сердце. Каким обидам, каким преследованиям подвергается теперь русский по милости немецкого правительства!

В день перелома поста, 12 марта, на бале в Прадо* толпа узнала русского, его окружили с криком: «Палач Польши, вон его, вон палача!» Шляпу его бросили на пол и истоптали ногами. «Господа, — говорил потерявшийся пациент, — господа, я не русский, я — я поляк».

— Поляк, так кричите: «Да здравствует Польша!»

Русский попробовал прокричать а *mezza voce*¹.

— Громче, громче!

Прокричал он и громко.

— Зачем же, если вы поляк, вы здесь, а не в Польше?

— Я поеду.

— Поедете!— кричала толпа.— Вон его, вон поляка, гуляющего по балам!

И бедного русского вывели.

Вслед за тем два жандарма конвоировали, также вон из залы, какую-то гризетку, вздумавшую одеться в красную русскую рубашку; рубашку хотели изорвать, маску провожали свистом и шиканьем.

Протестуйте, господа, говорите громко Парижу, Европе, Америке, что не всю же Россию выражает Зимний дворец и его политика, а затем не мешает принять и добрый совет: не время теперь русскому таскаться в Прадо и Мабиле*.

〈РУССКИЕ ПОСЛАННИКИ〉

Русские посланники, говорят, требуют у Горчакова прибавки жалованья, во-первых, за бесчестье, которому они подвергаются во всех столицах, во-вторых, за удвоенную службу. С ног сбились наши немцы в должности русских представителей. Везде должны они протестовать против слишком горячих речей в пользу Польши, слишком шумных демонстраций: в Турине, в Стокгольме, в Лиссабоне (на что это похоже?). Тут князя Чарторижского принимает Национальная гвардия, там — польские знамена. Посол скачет, посол объясняется, посол говорит, что государь гневается. Послу отвечают: «Что делать, общественное мнение», а тут принц Наполеон излагает мысли, несколько не похожие на инвалидные мнения «Московских ведомостей»*, папа показывает *католические* пристрастия*. Австрия

¹ вполголоса (итал.).— *Ред.*

на старости лет закаялась и капли польской крови не берет в рот *. Какое счастье, что старик Шредер умер и что Нессельрод не воскрес. Жалованье удвойте, князь, оклады удвойте, князь...

И только ты, Пруссия! Du, treues Land, du, Land der Eichen und der Junker¹, — ты одна останешься *петербургер-трей**, одна *твоя* камера ходит, приняв заушение, поздравлять папеньку страны (Landesvater) с днем тезоименитства *.

¹ Ты, верная страна, ты, страна дубов и юнкеров (нем.).— *Ред.*

А. А. ПОТЕБНЯ

Один из членов польского правительства сообщил нам из Кракова вестъ, исполнившую нас бесконечной горестью. Наш близкий друг *Андрей Афанасьевич Потebня*, один из главных учредителей русского офицерского комитета в Польше, участник на первом плане в адресе офицеров Константину Николаевичу, убит в сражении у Песковой Скалы *.

Не знала русская пуля, сразившая Потebню, какую жизнь она остановила на первых шагах ее¹.

Чище, самоотверженнее, преданнее жертвы очищения Россия не могла принести на пылающем алтаре польского освобождения.

¹ В следующ. листе мы поговорим об нем *.

РУССКИЕ ОФИЦЕРЫ В РЯДАХ ИНСУРГЕНТОВ

Подложный адрес офицеров в. к. Константину оказывается *настоящим**. Корреспондент «Теймса» (3 апреля), говоря о двух русских братьях *Рыковых*, стоящих в главе литовского движения с *Рогинским* и графом *Тишкевичем*, прибавляет: «В рядах инсургентов много русских офицеров. Это подтверждает, что чувства, выраженные в известном адресе в. к., не были вымышленные. Никто не говорил, что число подписей было огромно; может, адрес подписала какая-нибудь сотня офицеров. Я и теперь не думаю, чтоб в числе инсургентов было сто русских офицеров, но во всяком случае их много»*.

Мы к этому прибавим, что на днях нам сказывал поляк, приехавший с театра войны, что он *сам видел* русских офицеров в стану восставших*.

Есть печальные эпохи, в которые любовь к отечеству заставляет одних разорвать с ним племенную солидарность, других, которым невозможно по своему положению остаться в стороне, идти в ряды не своих, а *правых* и сделать на большем раз- мере то, что делают ежедневно наши офицеры, не позволяющие солдатам грабить и жечь¹. Свободный человек не может признать такой зависимости от своего края, которая бы заставляла его участвовать в деле, противном его совести.

Если еще есть между русскими солдатами в Польше люди чистые, воины честные, исполнявшие свой долг, слепо веря в присягу, но исполнявшие его *без восторга*, о котором говорит

¹ Кстати к грабегам и разбою — интересно посмотреть, какими инвалидными средствами правительство опровергнет отвратительную историю с английским купцом *Финкенштейном*, — подробности ее в «Теймсе» и других журналах*.

«Инвалид»*, пусть они подумают—не правы ли те офицеры, которые бросили ряды палачей? Пусть они подумают сами и остерегутся от подкупных *подстрекателей*, которые очень хорошо знают, что дело русского правительства самое черное, но которые еще лучше знают, что проба его серебра самая высокая.

Остерегитесь от сердобольных друзей, умиляющихся над долготерпением «христолюбивого воинства, два года оскорбляемого поляками»*. Спросите их, отчего они не умилялись, когда вас обкрадывали в пище, гоняли сквозь строй, морили в лазаретах без лекарств? Поляки, видите, осмеливались петь гимны, несмотря на хрулевские пули*; поляки осмеливались носить конфедератки, несмотря на то, что это господам в Петербурге не угодно... А вы должны были все это терпеть! Не верьте их жалости, не верьте, когда они говорят: «Вы подвергаетесь всем лишениям партизанской войны, но утешьтесь, вы стоите за общенародное, русское дело»*.

Нет, нет и нет! Проклятое дело вытравливания целого народа из народных семей не есть наше общенародное, русское дело.

Мало места у нас, что ли? Мало у нас *своих*? Пусть выходит помериться кто угодно, пусть попробует нашу силу. Или мы клином сошлись, что без Польши жить не можем?

И отчего же нам с Польшей, с Украиной, с Финляндией не жить, как вольный с вольными, как равный с равными? Отчего же всё мы должны забирать себе в крепостное рабство? Чем мы лучше их? Разве немцами, состоящими у нас в должности правительствующих татар в Петербурге?

Воскресите в себе честных воинов — чад крови улегается, угар бешенства проходит — спросите свое сердце, свою совесть и гоните прочь прикладами всех этих чернильных искариотов, подбивающих вас на ненависть и притеснение несчастного народа.

Еще слово об офицерах. Вообще мы знаем по газетам и еще больше *из рассказов*, что молодые офицеры, особенно армейские, ведут себя человечески, стараются всеми силами удерживать солдат от грабежа и убийства* и сгорестью видят, что солдаты их не слушают. Причина очевидна: нравственной связи между

офицерами и солдатами нет, доверия нет. Приобретать его на улицах города, в котором солдатам позволили безнаказанно грабить, приготовивши их к тому голодом и холодом, нищетой и водкой,— *поздно. Об этом надобно было прежде думать.*

По несчастью, прошедшего не воротить, но уроком этим следует офицерам воспользоваться, тем больше что *ближайшее будущее России ни от кого столько не зависит, как от офицеров и от их союза с солдатами.*

Недаром наш православный Мерод — Милютин — в своем иезуитском циркуляре так настойчиво предписывает начальству смотреть, чтоб не было сближения между офицерами и солдатами*. Опыты сближения были в Петербурге и в Польше, в южных губерниях и на Кавказе. Арнгольдт и Сливичкий пали под царскими пулями за беседы с солдатами; а сколько офицеров были исключены, переведены, даже разжалованы за учреждение чтений, воскресных школ для солдат?.. Надобно продолжать, надобно расширить круг деятельности, надобно заставить солдата забыть в офицере помещика, дворянина, надобно приобрести его любовь — тогда придет и доверие. Чему дивиться, что солдат теперь еще не доверяет офицеру? Пусть офицеры спросят свою собственную совесть — *заслужили ли они доверие солдат?*

ЗАРНИЦА СОВЕСТИ

Мы почти обрадовались, увидя в правительственном органе что-то вроде ужаса и угрызения совести. Мы не верим в вечные падения; может, в опускающемся полу литературного III отделения есть дно, в которое ударившись, иные всплывают... Один из листов древа официальной гласности побледнел, сконфузился и занес бред... Но в его бреде словно есть сознание, что он зашел далеко, что на совести кошки скребут... И пускай их — это кошки нравственного восстановления.

Вот отрывки из странного и неловкого лепета проснувшейся совести*:

Чем скорее будет прекращено вооруженное восстание поляков, тем будет лучше и для России, и для Польши. Дело это лежит на русских войсках, и всякое распоряжение, имеющее целью облегчить и ускорить его окончание, есть важный шаг к освобождению польского вопроса из-под искусственных влияний.

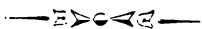
С этой точки зрения можно только радоваться отправлению подкреплений в Царство Польское. *При враждебном настроении большей части чиновнического класса Царства и при пассивности сельского люда*¹ отношения городов и местечек с уездами к законному и к революционному правительству определяются присутствием войска. Есть войска в городе — народ повинуется законному правительству; нет их — он подчиняется революционному под влиянием чиновников и ксендзов. Для подавления восстания недостаточно обходить край подвижными колоннами, которые разбивают и уничтожают оружием партии инсургентов; необходимы войска еще и для простого занятия пунктов, войска, которые подчиняли бы жителей распоряжениям законного, а не революционного правительства и освобождали бы их от революционного терроризма.

Что же касается до жестокостей войск, о чем так много толкуют в Европе, то, к крайнему прискорбию, устранение их зависит не от русских офицеров, а *исключительно от самих поляков. Прекратится восстание—*

¹ Давно ли сельское население было активно за правительство?

прекратятся жестокости¹; пожалуй, пусть восстание даже и продолжится, но пусть поляки соберутся в армию и прекратят свой партизанский образ войны, при котором каждый начальник шайки разыгрывает роль царька и по-своему поступает с нашими пленными, тогда, несомненно, прекратятся и жестокости².

(«Моск. вед.», марта 23, т. е. апреля 4).

СТРАННЫЕ ИГРЫ СЛУЧАЙНОСТИ

Как особенно замечательный феномен природы выписываем мы из 54 № «Москов. вед.» следующую поправку:

В № 51, от 7 марта, в статье «Наши космополиты» г. Щебальского, замечена важная опечатка.

Напечатано:

«и в такую-то минуту какие-то *Хамы* позволяют себе издеваться над своим народом и говорить, что восстание Польши есть для него благоденствие».

Следует читать:

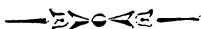
«И в такую-то минуту *космополиты* позволяют себе» и так далее

По такому же капризу *случайности*, как *космополиты*, от перестановки букв и от замены их другими, делаются *хамами*, — *Хамы*, не в печати, а в самом деле, делаются страшными *Иафетами*, отчаянными *Симами* и наоборот *. Эту игру случайности мы особенно видели в нашу революционную и маскарадную эпоху. Нам не случилось встречать врагов церкви, больше страстных, как аббат Ламенне, демократов, больше искренних и простодушных, как графа Станислава Ворцеля и де Флота, родившихся в высшей аристократии. Рядовые всего больше боятся офицеров, выслужившихся из солдат. Аристократия не имеет больших поклонников редовитости, прирожденных привилегий, белой кости и столбовой доблести, как люди, которых

¹ Помилуйте, давно ли же вы распинались и образа снимали, что этих жестокостей не было?

² Sehr gut!

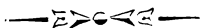
скромное начало теряется, как начало Нила (что не мешает их разливу оставлять запасы фараоновых мышей, абасов, крокодилов и прочих ученых зверей Египта), в тине неизвестности. Если б это не была тоже типографическая ошибка, можно было бы думать, что, защищая феодальные права князей, графов, они думают, что и на них падет что-то от сиянья княжеского, от лучезарности графской и что их по крайней мере примут за баронов.

STA, BORUSSIA! *

Heil dir im Siegeskranze!*

Баста, Боруссия! Останови твой смелый полет кверху ногами, страна-дядя! * За тобой никто поспеть не может. Давно ли ты парила так метафизически высоко, на крылах трансцендентального идеализма, над Австрией; а теперь и Австрия словно на горе — так опередила ты, Боруссия, в твоем падении! Будь же скромна, остановись — heil dir im Siegeskranze! На что же останавливать *корпию*, посланную из Парижа польским инсургентам?.. Это роскошь. Ну, поляка, другого, *по выбору*, выдать русскому правительству на казнь* — отчего же — можно, благо Европа бранится, *но позволяет*. Но корпию перехватывать нехорошо — огласка будет!

АСТРОНОМ-НАБЛЮДАТЕЛЬ И МИССИОНЕР ХОТИНСКИЙ

На днях мы получили из Петербурга весть о том, что «какого-то профессора Ходинского или Хотынского III отделение отправило наблюдателем в разные страны и, между прочим,

в Лондон, с жалованьем 12 000 фр. или руб.». В письме прибавлено, что «корреспондент не ручается за цифру жалованья», но что «факт миссии этого господина ему известен из верного источника».

Сведения, которые нам случилось получать этим путем, всегда оправдывались *. Какой-то действительный статский советник и кавалер *М. Хотинский* в самом деле проживает в Лондоне и занимается разными наблюдениями *.

Предоставляя г. Хотинскому все средства подтвердить или опровергнуть официальность своего ученого поручения *, мы, с своей стороны готовы всегда способствовать благодетельным видам правительства и убежденные, что в Англии всего труднее делать знакомства, постараемся *следующего миссионера-наблюдателя* рекомендовать английскому народу *.

Степень сближения будет зависеть не от нас; обстоятельства, впрочем, к тесному знакомству именно теперь хороши *.

10 апреля, 1863.

К ЛЕТОПИСЯМ ПЕТЕРБУРГСКОГО ШПИОНСТВА

Двумя мерзавцами и тремя сестрами милосердия меньше. Слух о том, что в Варшаве убили на улице двух шпионов, подтверждается самим «Нордом»*. Жаль, что не четырех!

«С.-Пб. ведомости» от 11/23 марта сообщают следующий милый анекдот:

Незадолго Лангевич повесил будто бы трех варшавских дам, прибывших в его лагерь служить у него или в виде ординарцев, или сестрами милосердия. Так как тайные агенты поляков знают, что делается в каждом варшавском доме, то знали, что делают и эти танцовщицы *и с кем они водятся*. Дано было знать Лангевичу относительно их профессии; вещи приезжих осмотрены, и у всех будто бы *найден яд*. Здесь называют даже фамилии этих несчастных: Михальская, Хмилевская и Доброногий *.

«Не Доброногова ли?» — спрашивал корреспондент, но оказалось, что на этот раз сестра милосердия, как покойная Елизавета Воробей, называлась по-мужски.

Quae medicamenta non sanant — ferrum sanat *, то есть не мытьем, так катаньем, не оружием, смерть причиняющим, так оружием врачующим и жизнь дающим; солдаты плохи, грабят и не умиряют — актрисы хороши. У императора моего обитателей много *, и в тех обителях много разнообразнейших орудий, от дыбы преображенского застенка * до уступающего под тяжестью дворянского несекомого тела квадратика на полу Третьего отделения *, от частных приставов до публичных женщин.

И какая находчивость одеть танцовщиц сестрами милосердия — авось-либо умирающий проболтается, кого-нибудь замешает; а не умирает — можно яду подбавить, органического или минерального. Мы советуем в числе орудий, сражаясь с русским правительством, брать с собою nitrate d'argent*.

Вот до чего добаловались барышни! Не надобно мешать две милые слабости — доносить вам всего менее приходится. Дело другое

Голозник — его ремесло такое: министр от просвещения, поневоле немножко жандарм, и поэтому должен был обратиться с просьбой к баденским квартальным насчет списочка русских молодых людей, участвовавших в напутственном концерте, данном почтенному предшественнику Головнина Путятину в Гейдельберге *. Само собою разумеется, что баденские полицейские с восторгом воспользовались случаем одолжить петербургского министра.

HYDE PARK И ЗАПРЕЩЕННЫЙ МИТИНГ

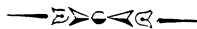
Консервативная журналистика с восторгом и упоением повторяет новость о том, что полиция запретила митинг в Hyde Park'е «из политических видов». Когда же эти господа поймут хоть йоту в английских законах и в здешней администрации?

Девичья память их забыла, что после диких побоищ между английскими гарибальдийцами и ирландскими *пиитами** митинги были запрещены в парках. Запрещение, в сущности не имеющее силу закона, чисто административное.

Митинг не был допущен не потому, что он за Польшу, а потому, что он созван был в парке. Митинг, который бы имел целью благодарить императора Александра II за назначение Берга в какие-то *adlatus'ы**, митинг, который бы имел целью изъяснить свое сожаление о расстройстве умственных способностей прусского короля *, так же точно не был бы допущен. Полиция (не знаю, многому ли научили Константина Николаевича два лондонские полисмена, дававшие ему уроки, а было чему поучиться) и не препятствовала, собственно. Полицейский сказал очень учтиво, если кто примет место чермана (президента), то он будет в необходимости *его арестовать*. Что ж из этого? В континентальном воображении тут Алжир, Кайенна, Иркутск, Иртыш, цепи, казаки, пруссаки... Здесь совсем не то — чермана на другой день выпустили бы, а много-много заставили бы заплатить несколько шиллингов.

Митинг был дурно созван; если б было тысяч десять народу с самого начала, полицейский еще учтивее сказал бы то же и пошел бы закусывать.

Мы не знаем, кто сзывал этот митинг, но черман или бюро поступили дурно. Надо было допустить полицейскому арестовать кого-нибудь, тогда мы увидели бы вопрос о праве полиции запрещать митинги перед судом, а легко может быть, и перед парламентом.

«WARD JACKSON»

Пароход «Ward Jackson», на котором отправился комиссар польского правительства *И. Демонтович* и полковник *Ф. Ляпинский* с отрядом польских волонтеров, находится в *Мальме**. Капитан Р. Ветерли не исполнил условия и из трусости или иных побуждений оставил в Копенгагене пароход со всем экипажем, исключая трех матросов, и объявил, что дальше не повезет. Поляки были принуждены высадиться в ближайшей шведской гавани. В Мальме отряд был принят жителями с энтузиазмом.

В журналах была бездна вздору, повторенного и нашими газетами, об этой экспедиции. Никакие дамы не участвовали ни в снаряжении корабля, ни в покупке его груза, да и никакие мужчины, кроме поляков. Все было сделано на *польские деньги, данные поляками*.

МЕЖДУ МОЛНИЕЙ И ГРОМОМ

Штиль! Нервная тишина, — тишина ожидания... тяжелого, мучительного. Кто не знает мгновений, которые проходят между молнией и громом — мысль перервана, работа остановилась... иные крестятся, приговаривая «свят, свят», другие внимательно считают, стараясь отгадать, близко ли, далеко ли гроза.

Мы все это переживаем теперь. Молния сверкнула на Западе, удара нет. Скоро ли, близко ли... уже скорее разразился бы!

Атмосфера душная, парит, все припало к земле, только слышно журнальное жужжанье, а вестей нет. Что война в Польше? Как течет польская кровь, как грабят русские, существует ли Константин Николаевич, Велепольский? Все словно исчезло в ожидании.

А как это зарница?

30 апреля.

ПЕТЕРБУРГСКИЙ «ГОЛОС» И БАЛТИЙСКАЯ БОЛТОВНЯ О ЦЕНТРАЛЬНОМ КОМИТЕТЕ

«Голос» выписывает из «Ostsee-Zeitung» следующее:

Тайна, которую были покрыты имена членов *Центрального революционного комитета*, начинает мало-помалу обнажаться, и при этом обнаруживаются имена молодых людей, до такой степени незамечательных, что даже в Польше едва ли они многим известны. До 26 февраля (10 марта) председателем комитета был инженер Варшавско-Венской железной дороги Марчевский. Схваченный в этот день в Варшаве, он по настоящее время заключен в тамошнюю цитадель, где ему предстоит получить заслуженное возмездие за свой поступок. Между членами Комитета находятся: Бобровский, Иеско и Данилевский — все молодые люди, от 20-ти до 24-х лет, которые приняли на себя временное управление Польшею, еще сидя на школьных скамейках (!). Молодость и темные имена членов Революционного комитета и составляют причину, почему, несмотря на все меры стеснения, им удалось, до настоящего времени, сохранить анонимность общества*.

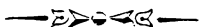
Остзейский газетчик думает, что великие люди, как великие князья, должны родиться с андреевской лентой через плечо и с офицерским дипломом в кармане. Я, с своей стороны, то же думаю. С какой стати молодым людям соваться в исторические деятели, на эдакие должности надобно, чтоб определяло начальство людей пожилых, чиновных; а это так, молокососы, самозванцы. Всего смешнее, что *неизвестных людей* хотят делать историческими людьми, это *contradictio in adjecto*¹. Бывали такие беспорядки и прежде, но зато таковские исторические личности и вышли; Кромвель, напр., даже инженером не был

¹ противоречие между определяемым и определением (лат.). — Ред.

на железной дороге, а просто был пивовар; зато, кроме дебоша в английской традиции, ничего не сделал.

Впрочем, какого же порядку ждать от возмутителей?

Гораздо страннее то, что, открывши, кто члены зловредного Комитета, тех же журналистов ждет еще открытие — именно то, что *члены-то другие*, если не все, так *à peu près*¹. Вот сюрприз-то будет! *

ПРОКЛАМАЦИЯ

«Инвалид» с большой важностию разбирает прокламацию «предводителей инсургентов», напечатанную в «Daily News», называя ее «замечательным документом»*. Может, эта диссертация и замечательна, но *не документ*. Кто эти предводители? Какие предводители имеют теперь довольно досуга, чтоб писать целые брошюры? Мало ли кто что пишет в стране, где цензура *и не одобряет и не дозволяет* *. И. Цверцякевич, уполномоченный делегат польского правительства в Лондоне, давно покончил «с замечательным документом»*.

К СВОБОДЕ КНИГОПЕЧАТАНИЯ В РОССИИ

Для пояснения различия, сделанного нами выше между одобрением и дозволением, перепечатаваем из «С. почты» следующее замечательное улучшение цензуры *, которым Россия обязана собственной е. и. в. инициативе:

Государь император, имея в виду, что выражению «*одобрено цензурою*» весьма часто придают положительное значение и предполагают,

¹ почти (франц.)— *Ред.*

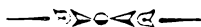
что цензура признает этим за статьями те или другие достоинства, тогда как, в сущности, выражение это должно иметь только отрицательный характер и удостоверять, что статья или книга не заключает в себе ничего противного цензурным правилам, в 1-й день марта сего года высочайше повелеть соизволил означить впредь цензурное одобрение выражением «*дозволено цензурою, число, месяц, год и место*».

«ЗАПИСКИ ДЕКАБРИСТОВ» И СОЧИНЕНИЯ М. МИХАЙЛОВА

Цель обоих изданий известна *. I, II и III выпуски «Записок» вышли *. Г-н Трюбнер взял почти все издание *. В финансовом отношении дело кончено; но мы не скроем от наших читателей печального удивления, с которым мы узнали, что «Записки декабристов» и заграничное издание *Сочинений М. Михайлова* расходятся туго.

Это факт, заставляющий много и грустно думать.

«ВСЕОБЩИЙ ДНЕВНИК» И «МОСКОВСКИЕ ВЕДОМОСТИ»

Пытать их, разбойников, жилы тянуть, в каторгу сослать, клеймы приставить, барбарами шмаровать и по надобности в Сибирь заточить — а то, представьте себе, «во „Всеобщем дневнике“ объявлено, что все воспитанники, забранные в шайках, ежели не достигли возраста для поступления в рекруты, т. е. ежели убивали русских, не имея 20 лет от роду, отдаются родителям или поступают в заведения для продолжения наук. Хорошо будет там влияние этих юношей, побывавших и в сибирке, и в лесах, делавших ночные нападения на войска при колокольном звоне, производивших грабежи, попойки и, наконец, притеснения мирным жителям, не желавшим принять

участие в мятеже. Эти молодые люди сделаются героями или по крайней мере львами своих заведений. Им будут поклоняться товарищи, а может быть, и начальники» («Мос. вед.»)*.

Говорят, что в Париже не могут решить, кому поднести Монтионовскую премию в нынешнем году за скромную добродетель * — издателю «Московских ведомостей» или прусскому королю *.

Я предлагаю ее дать дейст. ст. сов. и кав. *М. Хотинскому* *.

А впрочем, Константин-то Николаевич ни на что не похоже дела распустил в Польше:

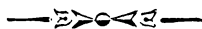
«В церквах стали слышаться возмутительные проповеди довольно часто. Ксендзы призывают народ к восстанию».

«Стало быть (взывает тот же неумытный страж порядка и издатель „М. в.“), в польской столице не только может тайно заседать революционный комитет, не только может публика оплевывать наши войска, но и служители алтаря могут явно проповедовать восстание»*. Чего же смотрит в. к.?

АЛЕКСАНДР НИКОЛАЕВИЧ ПОШЕЛ В ГОРЫ

Лучший генерал у него *Берг* *, лучший дипломат — *Будберг* *, лучший друг — *Адлерберг*. Da stehen die Ochsen am Berge *.

ПЕРВОЕ МАЯ

Сегодня правительство наше празднует *первое мая*, на этот раз не в Екатерингофе и не в Сокольниках, оно его празднует в *Польше* *.

Первое мая! Колдуны и калиостры — до чего их палец коснется, то загнивает, то отравлено, то становится чудовищем. Язычники и христиане, дети, женщины, старики привыкли с 1-м маем соединять начало тепла, зелени, цветов, юности, чего-то празднично светлого! В этот именно день начнется кровавая амнистия Польши, варфоломеевская не ночь, а неделя... месяц... может, больше; в этот день совершится то всепрощение, которое священник дает после причастия и перед топором!

Ужасом, болью, стыдом наполняется наше сердце; слез нет, их недостаточно! О, если б, в самом деле, мы меньше любили несчастную родину нашу, если б мы только жалели великого мученика, нам было бы легко, нас поддерживала бы ненависть, мы были бы крепки упованием мести... а тут сердце ломится надвое под бременем любви к жертве и палачу.

Благословенна судьба твоя, друг и брат Потемня! *

Ты не увидишь, как царь празднует русское первое мая. Ты не узнаешь, как он умеет из весеннего торжества сделать пир преображенского застенка * и из слова прощения — пытку, казнь, — казнь целого народа.

...Все бежит, испуганное и предчувствующее беды, от страшного места, помеченного царским милосердием, высочайшим всепрощением, — так, говорят, крысы бросаются вплавь с корабля, который тонет или горит, оставляя его страшным судьбам своим.

И он едет, несчастный alter ego, морской Пилат *. Поседеет ли он, как Мария-Антуанетта в ночь своего путешествия из Варена?..* Или члены августейших фамилий седеют только от личных причин? И Маркграфий исчезает*, и его не нужно — нужно одних палачей, палачей, немцев, немцев и палачей.

Сегодня начнется *пруско-русская кампания* — Витгенштейн, Брюннер и Минквиц¹ пойдут тремя густыми колоннами от Калиша, Варшавы, Влоцлавка теснить инсургентов к познанской границе, а там русский генерал прусской службы, *четвертый немец*, Валдерзе, ждет их *с радушиным приемом*.

— И Европа допустит? — спрашивали мы в феврале*.

— Допустит,— отвечаем в мае.

¹ См. «Теймс» 1 (13) мая.

ЧЕГО ОНИ ТАК ИСПУГАЛИСЬ?

Или чем *их всех* так настрашали, что нельзя больше удержать вопль, крик, плач, завыванье патриотизма, усердие без границ, преданность без смысла? Адресы, панихиды, молебны на чистом воздухе и в воздухе, продымленном ладаном, адреса от грамотных и безграмотных, от старообрядцев и новообрядцев, от кур-, эст- и лиф-ляндских русских, от временнообязанных крестьян и бессрочноразоренных помещиков, от старшин Рогожского кладбища и от школярей кладбища науки, называемого Московским университетом*.

Да где же опасность, беда, с которой стороны идут двенадцать языков? Где их полки, флоты, пушки, цари, вожди?

Неужели столько чувства, души, славянских оборотов и верноподданнического лиризма вызвано этими «жалкими шайками мятежников в Польше», с которыми «здравомыслящая» часть народа не сочувствует, которых крестьяне выдают за легкую плату с головы и которых наши «молодцы солдаты» всякий раз, как сколько-нибудь обдосужатся от грабежа и воровства, уничтожают и уничтожают *по несколько раз?* *

Полно, так ли слабы были эти шайки? Как же бы им держаться с 21 января, несмотря на триумфы Шильдер-Шульднера, виктории Витгенштейна, Ностица, несмотря на замену Бергом *одной половины* Константина Николаевича, Велепольского и архиерея Фелинского? *

Чем же держатся *шайки?*

Оружия не пропускаются. Цепная Пруссия бегаёт на веревке по всей познанской границе*, лает, кусает и лижет казакам смазные сапоги. Австрия, утомленная двухмесячным благородством, раскаивается в *красных* поползновениях и тоже припирает дверь. Остальные державы помогают *платони-*

чески: сочувствием, корпией, статьями и концертами, в которых последнюю ноту поет Горчаков *. Дело сведется на то, что Польше только и было помощи и ободрения, что из Петербурга, — сначала рекрутским набором, а потом набором слов, выданным под ироническим названием амнистии 31 марта *.

Предположим, что все новости «Инвалида» ложны и все вести «Северной почты» лишены истины; предположим, что эти «шайки» — целая Польша, которая хочет независимости и умеет умирать за нее, предположим, что русские генералы из рук вон плохи, солдаты больше по части промысла, а офицеры с отвращением участвуют в убиении народа, — все же нет резона наделать такого патриотического скандала, словно покойник Ростопчин бегаёт с зажженной спичкой по Москве *, а покойник Наполеон едет из Филей к Драгомиловскому мосту.

Помилуйте, немые возглаголили, и говорящие возбредили, государь император и московские профессора, раскольники и протестанты, головы с думами, дворянство без думы и головы — все это начало вдруг уверять в своей готовности царствовать, преподавать, молиться по старым книгам, торговать и ничего не делать — с единственной целью посрамления врага и отстаивания неприкосновенности пределов любезного отечества нашего.

То, что было величественно в 1812 году, теперь не только ~~мошло~~, но отвратительно.

Потому-то нам и кажется, что Потапов, ездивший по распоряжению высшего начальства в Москву раздражать патриотизм до истерики адресов и до университетских конвульсий, сделал ошибку; что высшее начальство, пославшее его, сделало ошибку; что государь с своим предупредительным «не тронь меня» сделал ошибку.

Из польского дела мы себе почетного знамени не выкроим — полицейскому усмиренью и казни целого народа ни восторги, ни лавры не идут.

Есть дела, которых не надобно приводить к речи, которыми можно только втихомолку пользоваться, но нельзя окружать громкими словами, благородными порывами. Это слишком обижает истину, всякое нравственное чувство человека. Мы много темного выносим в тени, чего не можем вынести на белом свете и еще менее при звуке труб и литавр, при демонстрациях, адресах и пр.

«Все это делается не против Польши, а против Европы», — будто это лучше? *Народу*, молчавшему целое тысячелетие, можно было помолчать еще недели две, чтоб услышать хоть одну угрозу, хоть один военный звук, — нельзя же вперед испугаться, вперед прийти в восторг и усердие. Нельзя же призывать в Зимний дворец двух генерал-губернаторов, одного декана и одного ректора, дворянских предводителей и других патриотов для того, чтоб государь прочел им свою антикритику и выражение на статьи «Opinion Nationale» или «Daily News».*

Делая все хорошее с воздержанием и постепенностью, останавливая розгу на 201 ударе, уничтожая цензуру на 21 листе, правительство показало, что оно вполне ценит всю важность *задержания в прогрессе*; зачем же было так необдуманно спустить на волю горячечный патриотизм, лихорадочный страх и пр.? И все-то это оттого, что нашлись в Европе журналы, не разделяющие мнения «Московских ведомостей»¹, оттого, что в Швеции хорошо приняли Чарторижского.

Какой недостаток такта, чутья, декорума!

Если б в русском правительстве были серьезные люди, люди честные, положим, исполненные патриотических, мо-

¹ Нам досадно и совестно, что мы так часто поминаем «Моск. ведом.», тем больше что статьи против нас их издателей дают этому характер личный. Возрастающий цинизм этой черной газеты делает невозможным молчание. Мы смело говорили, что в русской литературе еще не было ничего подобного ни во времена Ф. Булгарина, ни во времена предшественника г. Каткова — К. Шаликова. Есть граница, перед которой обыкновенно проданная литература останавливается, лицемерно или искренно, в свирепом требовании преследований, деспотических мер, казней и пр. Героическая редакция «Моск. вед.» не знает этих порогов, останавливающих робкие и слабые души. Напр.:

«Хотим ли мы удовлетворить нынешним притязаниям польского патриотизма и пожертвовать ему существовавшим в России? В таком случае надобно нам выводить из Царства Польского войска, отступать все далее и далее к Уральскому хребту и готовиться к мирной кончине. Если же этого мы не хотим, если всякая мысль о чем-либо подобном кажется нам нелепостью и приводит нас в негодование, то никто, ни даже сами поляки не вправе были бы сетовать на правительство, если б оно сочло нужным принять более решительные меры для того, чтоб избавить Польшу от бесплодного и изнурительного раздражения, а Россию от лишней траты крови и сил в борьбе, которая может превратиться в европейскую войну. В настоящее время всякое наружное угождение нацио-

нархических, барских предрассудков, но с любовью к народу, они поберегли бы, из внутреннего, религиозного благочестия, простое сердце простых людей, которые бесхитростно подда-

нальному чувству в Царстве Польском станет гибелью и для Польши, и для России. Война, так война; военное положение, так военное положение. При теперешнем ходе дел правительство имеет полное основание сосредоточить все власти в Царстве Польском в руках людей, недоступных обольщениям польского патриотизма и революционным устрашениям. До тех пор пока не прекратится восстание, пока порядок в Царстве Польском не будет восстановлен, всякая уступка национальному чувству будет не примирять нас с поляками и Европой, а, напротив, только усиливать вражду, распаяя с одной стороны требования, а с другой заставляя прибегать все более и более к жестоким мерам для их отражения.

Итак, прежде всего державы желают прекращения происходящих теперь смут в Польше, а потом, в будущем, устранения причин, которые их порождают. Этого именно желает и сама Россия, и желает, конечно, гораздо искреннее, чем любая из трех держав, жалующихся на польские смуты» («Моск. ведом.», 19 апр.).

«На России лежит обязанность как можно скорее отнять у них всякий повод к жалобам. Польское восстание тревожит эти державы,— они должны быть довольны, если оно будет как можно скорее прекращено. Одни военные усилия России оказываются пока недостаточными для этого; акт верховного милосердия не обезоружил мятежников; чтобы можно было хотя отчасти удовлетворить жалобы великих держав, приходится принять меры административного порядка, которые лишили бы революционный польский комитет возможности вооружать новые шайки паломесто разбитых, взывать с этой целью паломы, устрашать мирных граждан казнями, или, вернее, тайными убийствами. Административные средства, существующие в Царстве с 1861 года, до сих пор оказывались для этой цели недостаточными; если и по истечении срока амнистии мятеж не прекратится и существующие административные средства не начнут действовать с большим успехом, то, очевидно, необходимо будет установить в Царстве, на время мятежа и войны, русскую военную администрацию, которая, как можно надеяться, скоро покончит с польским восстанием» («Моск. вед.», 20 апр.)*.

Каков Père Duchesne III отделения! *

Не знаем, чему больше дивиться — бездушию мысли, смелости признаться в ней за какую бы цену то ни было или шаловливой иронии второго отрывка, напоминающей иронию поручика Жеребятникова над несчастным арестантом, которого ведут наказывать. «Ну, так ради сиротских слез твоих милую я тебя.— Катай его, жги его, луши, луши, обжигай,— еще ему, крепче сироте,— ха, ха...»*

Не забудьте, что поручик Жеребятников не проповедовал английского парламентаризма, свободы печати, уважения к личности*.

лись официальному обману и, помня недавнее освобождение, воображают, что отечество в опасности, и отдаются чувству ненависти к несчастному, героическому соседу, который добивается своей независимости и ничего больше не хочет. Эта обманутая любовь, это простодушное заблуждение, которое может привести к рекам крови, бесконечно оскорбляет нас. Бедный народ, и он понесет с усердием свою охапку дров, чтоб лучше разжечь мученический костер *, и совесть его останется спокойна, как совесть льва, которому римские Потаповы бросали христианских отроков на съедение.

...Что нам за дело, что дворянство, обгладывающее последнее мяско с кости крепостного права, говорит о своей готовности сражаться с супостатом. Что нам за дело, что купцы, в постоянном сознании неправого стяжания, готовы откупиться от правительства; еще меньше нам дела до витийства *хамов или космополитов* * казенной науки, до этой нечистоты, разведенной современ Тредьяковского в университетских щелях. Ниже ученых и журналистов никто не падает в раболепии перед властью. Это заметил пятьдесят лет тому назад император Александр Шатобриан*. И как ни больно было видеть Московский университет пресмыкающийся с своим тяжело-рабским адресом у подножия трона *, но это больше по старой памяти¹. Он вполне заслужил сделать этот почин и дать этот пример союза мертвой науки с мертвящей полицией. Но народа нам жаль, — нам жаль, что он верит в правоту неправого дела, что награбленное немецкими императорами есть законное приобретение.

Эх, братцы, помолчите немного, вам не привыкать стать, не выкликивайте себе рекрутских наборов да ополчений. Не ваша это борьба. Что вам соваться с помещиками, куда пустят ваш серый армяк, куда вам с наемными школярами!.. Оставьте вы их подслуживаться да ершиться с ревельскими и митавскими немцами, а вам, столько страдавшим, вам не приходится оскорблять несчастный народ польский!

¹ Адрес Московского университета написан старо-семинарским тяжелым слогом. Замечательно, что все остальные адреса не только лучше написаны, но человечественнее. В них говорят об освобождении крестьян, об амнистии, о преобразованиях. В университетском адресе ничего подобного, раболепие его не смягчено ни одним словом.

ДОНОС НА «СПБ. ВЕДОМОСТИ»

После ряда ругательств, обращенных к нам и за которые мы не вправе сердиться, чувствуя, что и мы не особенно щадили полицейски-литературную шваль III отделения *, всех этих публичных мужчин, продающих красоту своего слога, всех этих камелий по тысяче р. с. в месяц с пера и действит. статских репейников по триста р. с уха, — итак, после ряда ругательств в нашу пользу «Московские ведомости» приступают к своему служебному делу и прямо, явно, недвусмысленно доносят на то, что «Петербургские ведомости» (т. е. *Валентин Корш*) не горяч в патриотизме * и мирволит полякам. Поступок этот необыкновенно много выигрывает от того обстоятельства, что В. Корш — *личный враг* Каткова, бывший издатель «Московских ведомостей», брат Е. Корша, бывшего соиздателя «Русского вестника» *. Упечь из личности своего противника в Потапницу * — *quel sort plus digne d'envie?*¹

Думал ли Головнин, когда он защищал в Париже *теорию* подкупов (ругая взятки!) и восхищался проделками французских министров, какой он безнравственный почин сделал в России растлением журналистики? А потом эти господа примутся кричать, когда восторженный юноша, не отдавая себе порядком отчета, прирежет немца Коцебу *; а потом жене пенсию, восклицания и притворное участие, когда невидимая рука казнит Минишевского *.

А и этот донос на «Пет. вед.» имеет свои морали. Усобица в редакции «Русского вестника» памятна всем. Кто не оплакивал непреклонной Агари, бежавшей в бесплодные степи «Атенея», в то время как Леонтьев захватил с патриархом своим

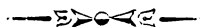
¹ есть ли что-нибудь более завидное? (франц.).— *Ред.*

все хозяйство и стал пасти стадо тучных баранов под кровом брачного ложа. Агарь не безупречно вела себя в степях своих, у нее родился там ребенок отчаяния и протеста, зараженный французской централизацией и благоговением к просветительной силе австрийского жандарма*.

Пусть Измаилы попробуют теперь отечественного *будочника*... В те времена против них восстал вооруженный учебниками об английской конституции Катков — тот же Катков, который теперь ведет в будку В. Корша!

*Tempora mutantur** — было время, и не так-то отдаленное, когда тоже *не другой* Катков посетил нас в Лондоне*, а теперь акт этот он называет позорным, «пилигримствованием к вольноотпущенным сумасшедшего дома»*.

Да это не донос ли уж? Вот что значит потереться на съезжей!
Нет, *свои люди — сочтутся!*

КАКОЕ ПРАВЛЕНИЕ В РОССИИ?

«Morning Post» вдруг, не говоря худого слова, объявляет, что правительство в России *деспотическое**.

Слышите, в России правительство *деспотическое*? Что за сумасшествие!

Так Павел I был деспот?

Так Николай I был деспот?

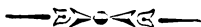
Так это и Александр II деспот? Ведь с тех пор, как начали забывать незабвенного, форма правления не изменилась.

Нет, эти якобинцы не понимают русского правительства, «и не понять тебе его», — как говаривал Н. Ф. Павлов.

Если Польша восстала, то это оттого, что мало воли дали русскому самодержавию, очень ограничили его свободными учреждениями. Если офицеров расстреливали — это не деспотизм, это Лидерс *. Если держат в казематах, ссылают за слово, за мнение, без суда — на то есть закон, все по своду... том, статья — а не деспотизм. Ясно, что «Москов. вед.» не могли вынести такой *афронт*, несмотря на то что он напечатан английскими буквами, на английской бумаге в Англии. Справедливо говорит начальник «Москов. вед.», что он не станет *говорить*, «как больно русскому человеку слышать, что серьезный орган общественного мнения в Европе считает себя вправе называть наш образ правления деспотическим»*.

А ведь если б орган Пальмерстона немного призадумался, он этой ошибки не сделал бы и не было бы «больно русскому человеку». Начальник «Москов. вед.» «тем себя прославил», что он по Гнейсту и по другим немцам проповедовал с школьным ожесточением английскую конституцию, английский суд, двукамерность, силу богатства, равенство перед голодом —

словом, все до английского пластыря и английской соли, а теперь он с еще большим ожесточением защищает правительство, вверившее ему его столь важный пост; из этого ясно, что правительство, защищаемое им, — парламентское, свободное, а не деспотическое. Или Пальмерстон не читал «Русского вестника», или не читает «Ведомостей»; из этой страшной альтернативы он не может выйти.

ПЕТЕРБУРГ

Несмотря на все патриотические демонстрации и адреса преданности, правительство чего-то боится. На днях здесь арестовали больше *ста человек* и разослали по разным губерниям — без суда, без следствия, административным порядком. Говорят, что из *Вятки* привезли сюда учителя семинарии *Красовского*, основавшего там публичную библиотеку. В Одессе закрыта книжная лавка *Рудольфа*. Здесь были опять разосланы тайно напечатанные прокламации¹.

Мы прибавим к этому, что «Evening Star» 9 мая говорит о каком-то аресте офицера *Лукина* и студента, которого фамилии нет, в Пскове.

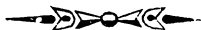

ОТВЕТЫ

Редакция «Колокола», по желанию К. А., извещает, что его письмо получено и что она удивляется, почему оно было послано. Подобными делами, может быть, интересуется посольство, консульство, полиция, *но, конечно, не мы*, это явная ошибка в адресе.

¹ «Теймс» и «Экспресс» говорили о какой-то тайной прокламации с «Evening Star», о первом листе журнала «Свобода», издаваемого «Землей и Волей». Мы только что получили «Свободу» и напечатаем ее в следующем листе*.

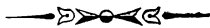
Письмо, полученное нами о телеграмме г. Титова и какой-то барыни, принявших на себя скромное название «Русской колонии в Штутгарте» и сообщивших императрице в Петербург интересную новость, что «русская колония поздравляет государыню с днем рождения государя» *, не особенно интересно. Телеграмма эта только доказывает, что г. Титов, несмотря на превосходную память, не забывающую дни рождения, вовсе не злопамятен и забыл утрату тех алых дней, когда он с *доброшюрным* Кавелиным воспитывали будущность России *...

ИМЯ? — ИМЯ? — БОГА РАДИ, ИМЯ!

Английские журналы повторили из «Illustrated Times» о посягательстве на лондонскую журналистику агента петербургской полиции. «Несколько дней тому назад *какой-то господин* адресовался к нескольким известным сотрудникам уважаемых журналов, — говорит „Ill. Times“, — для помещения статей *в защиту поведения России относительно Польши*, намекая, что, в случае согласия, предложение это окажется *выгодным* для принявших его. Предложение было немедленно отвергнуто по крайней мере в двух случаях, известных мне, что, впрочем, можно было ожидать, зная эти личности или характер главных участников в лондонской прессе».

Эки баловники! И тут взяточками да головнинскими подкупами*... Мало подсылать Хотинских* и других подслушивать, мало «Московских ведомостей», нет, еще давай подкупать и английскую прессу. Жаль, право, что телесные наказания выводятся, — чем, кроме розог, уймешь их.

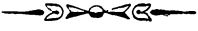

С. ПАДЛЕВСКИЙ

Мая 15 *Сигизмунд Падлевский* расстрелян царскими солдатами в Плоцке *. Еще благородная, еще юная жертва со стороны Польши, еще преступленье с нашей стороны.

Давно ли он был в нашей среде, в числе *тех шести*, о которых мы говорили, полный надежд, полный отваги...

Прав был тот папа, который отвечал польским духовным, просившим у него мощей: «Разве вы забыли, что, где бы вы ни взяли горсть земли вашего отечества, вы берете мощи ваших мучеников?»

РОССИАДА

Россия, бранная царица!

Державин *.

<I>

Постановка патриотизма и усердия в Петербурге. — Майор Карпов сечет майора. — Русские шайки по железной дороге и в Литве. — Генерал Ганецкий. — Убийства, разбой и битье женщины. — Постановка усердия и патриотизма в Москве. — Из Сибири.

Под этим херасковским названием мы будем сообщать нашим читателям новости об успехах разложения официальной, казарменной, канцелярской, императорской, гвардейской, армейской, немецкой, дворцовой, полицейской России.

Развитие ее *дикого мяса* и гангрены идет с быстротой, побеждающей все ожидания врагов и друзей. Никакого мамонтового организма надолго не хватит при такой острой болезни.

Мы представим для начала «Россиады» выписки из полученных нами писем, *не изменяя* ничего и пропуская только подробности, которые было бы небезопасно печатать. Комментарий мы не прибавим никаких; всякое слово может только ослабить впечатление. Мы бесконечно благодарны нашим корреспондентам и просим еще и еще подробностей об интересном процессе, которым петербургское правительство переходит в какой-то лимбургский сыр.

Начнем с невинного дивертисмента преданности и усердия, поставленного князем Суворовым в день рождения государя.

Дело началось вот как: при дворе, как известно, постоянно пилят Суворова за его либерализм и за революционный дух петербургских жителей, которому он, по мнению строгоновской партии, не противодействует довольно усердно. Вот Суворов вместе, как говорят, с Долгоруким

выдумал в виде ответа демонстрацию. Он известил в официальной бумаге Анненкова, что дошли до него слухи о том, что народ готовится собраться 17 числа на Адмиралтейской площади и там, становясь на колени, поднести государю хлеб-соль, то что он считает своею обязанностью известить г. обер-полицмейстера, что он (т. е. генерал-губернатор), с своей стороны, никакого препятствия к подобному изъявлению народной преданности не видит. Дальнейшего хода дела почти и рассказывать нечего; Анненков, разумеется, смекнул, в чем дело: созвал всех частных и объявил им, что его светлость не видит никакой причины препятствовать выражению чувств петербургского населения. Частные объявили в свою очередь квартальным ту же самую радостную новость, а теперь (*писано два дня до демонстрации*) городовые и будочники сгоняют народ в частные дома; с них берут по полтиннику, а с более зажиточных и по рублю серебром на золотое блюдо, на котором будут подносить государю хлеб-соль.

О подлоге, совершенном с адресом петербургского дворянства, вы знаете, вероятно, уже давно и гораздо обстоятельнее, нежели я бы мог рассказать вам эту историю, и потому перехожу к предметам, более для меня известным¹.

18 апреля. Вчерашняя демонстрация не удалась. С самого утра шел мелкий, пронизательный дождик, какой, мне кажется, бывает только в Петербурге да в Лондоне, и успешно «остудил» вызванный г. обер-полицмейстером патристический жар. Однако нельзя не похвалить стратегических способностей, выказанных им по поводу вчерашних верноподданных операций. Чтоб лучше сыграть «стремящиеся волны народа», все дворовые, которые в нынешнем случае должны были представлять роль «пейзанов», были разделены на три больших отряда и согнаны в собор Казанский и Исаакиевский и церковь Вознесения, что на Вознесенском проспекте. Только что царь, который выслушал молебен в Исаакиевском, тронулся оттуда, как дали знать в Казанский, и толпа сейчас же отправилась оттуда по Невскому к Зимнему дворцу, уменьшаясь однако значительно по дороге вследствие дождя, который стал накрапывать все сильнее. Вслед за государем бросилась тут же толпа из Исаакия и Вознесения, но пока народ (около 1000 чел.) не сошелся у дворцового крыльца, государь уже скрылся. Постоял-постоял народ в каком-то полумрачном раздумье и вполголоса стал разбирать вопрос: «Выйдет ли царь али нет?» — и решили, что царь рассердился, что так мало народу, и потому не выйдет. Между тем вышел какой-то камер-лакей, показал народу золотое блюдо, на котором старшины только что подносили внутри дворца хлеб-соль, и сейчас же ушел. Чрез полчаса или более народу стало надоедать, и мало-помалу он стал расходиться, сперва поодиночке, а потом и целыми кучками, вскоре разъехались и кареты и коляски, окружавшие александровскую колонну в надежде на какое-нибудь трогательное зрелище,

¹ Совсем не знаем и просим сообщить. — Р е д. <«Колокола»>

и на мокрой площади остались одни только часовые да два извозчика у угла Певческого моста. Тем и окончилась демонстрация.

Из Вильно. На днях был у меня офицер, который мне рассказал следующий факт: майор Карпов (орловский помещик) с отрядом стрельцов какого-то линейного полка и драгун преследовал так называемую шайку мятежников верстах в десяти — двенадцати к югу от Козловой Руды, одной из станций на железной дороге между Ковно и Вержболово. После двухдневных напрасных маршей по полям и лесам Карпов пришел со своим отрядом в деревню, название которой точно так же, как и фамилию ее владельца, польского помещика, мой рассказчик забыл. Карпов, обманутый уже двумя-тремя лазутчиками насчет направления, взятого «мятежниками», попавши, наконец, на след их последнего привала у самого входа в деревню, вошел с своим отрядом на помещичий «двор», а сам отправился в дом. У самого входа попался ему девятилетний сын помещика; когда на вопрос, были ли здесь повстанцы, мальчик отвечал, что не были, то Карпов велел принести веревки и блок, ввинтить последний в потолок, веревкой обложил горло мальчика и грозил ему немедленной смертью в случае дальнейшего отказа выдать пребывание польского отряда. Мальчик испугался и признался, что повстанцы действительно были в деревне, но оттуда отправились в лес и что отец его должен знать, где они теперь. Позвав отца (отставного майора русской службы) и получив от него такой же неудовлетворительный ответ, Карпов велел ему раздеться донага. Помещик согласился, полагая, что его будут обыскивать. Но дело кончилось иначе. Раздетого старика Карпов велел двум казакам положить и *бить казацкою нагайкою*, пока он сам допрашивал пытаемого о направлении, взятом повстанцами. На девятом ударе помещик сознался и дал требуемый ответ. Уходя, Карпов оставил избитому старику расписку в том, что, будучи принужденным вынудить силою показание у отставного майора помещика такого-то, этот последний на девятом ударе указал на направление, по которому пошел отряд польских мятежников. Помещик изорвал записку тут же, а Карпов с отрядом отправился в лес. Результат известен из газет (припертые к широкому и бездонному болоту, поляки потеряли много пленных, и все почти остальные погибли в болоте). Сейчас же после возвращения в Вильно Карпов доложил Назимову обо всем случившемся и, между прочим, о высеченном нагайкою помещике. Назимов, не желая компрометировать себя в подобном деле, ограничился тем, что написал обо всем государю. Но русское воинство в Вильне не могло позволить подобное обращение с своим товарищем. Под главным руководством генерала Ганецкого (Владислава Казимировича или Казимира Владиславовича, одним словом, несомненного поляка, который теперь ведет себя жестоко с виленскими пленными) русские офицеры в Вильне дали Карпову публичный обед, на котором в довершение всех пьяных речей и тостов Ганецкий обнял Карпова со слезами умиления и поставил его действие с польским помещиком в пример всем прочим офицерам. За достоверность всей этой истории я ручаюсь и надеюсь прислать вам в скором времени как фамилию помещика,

так и название его деревни. Что государь сделает с Карповым, пока еще неизвестно.

Из другого виленского письма. На всех станциях 800-верстной железной дороги расположены войска. При остановке поезда на станции рота, занимающая ее, выходит на платформу, строится и стоит под ружьем, пока поезд не отойдет. На 2 или 3 станции от Эйдкунена (Козлова Руда) стояла под ружьем рота какого-то армейского полка. Армия, как видно, одета хуже гвардии, и люди в ней физически плохи. Солдаты в Козловой Руде были одеты в лохмотья, ростом карлики. Кроме того, *весь строй был пьян*, и ружья как-то смешно качались у них в руках. Одежда одного из пассажиров привлекла внимание одного из этих храбрых воинов, который, не стесняясь фронтом и присутствием в строю офицера с обнаженной шпагой, обратился к путешественнику с такою речью: «Что, серый, ходишь, подь-ка сюда, *пополощу* в тебе штык, он в деле-то был, поржавел в крови вашего брата» и т. д. Тут же другой солдат выбежал из строя и шутя схватил за бороду высунувшегося из вагона еврея. Офицер спокойно смотрел на то, что делалось; солдаты не обращали на него никакого внимания.

На одной станции посадили четырех солдат, ехавших на следующую станцию. Окна в вагоне были открыты; солдаты приказывают закрыть их (с криком и употреблением местоимения «ты»). Большинство пассажиров беспрекословно повинуетя. Только один молодой человек находит это ничем не объяснимым деспотизмом. Солдаты страшно ругаются; один из них подходит к молодому человеку и грозит, в случае неисполнения приказа, тем, что выкинет его шапку из окна. Мы ждали, чем это кончится; вдруг видим, летит шапка чрез окно, и грозный кулак висит над головой несокорного пассажира. Невтерпез стало, все пассажиры разразились потоком брани и угроз и получили неожиданный успех. Солдаты притихли, и один из них пробормотал извинение. Но недолго это продолжалось. Тут действовала только старая привычка — бояться и уважать кричащего и ругающегося. Скоро солдаты вспомнили, что времена не те, и если бы не случилась станция, нам пришлось бы вынести от них оскорбления, а может быть, и нападение. Пассажиры объяснили все дело какому-то капитану. Он вошел в вагон и спросил солдат: так ли? Те, *сидя*, отвечали ему, что все так, да только вот что не так — что он принимает нашу сторону и не заботится об здоровье армии его величества, а они-то об ней заботятся и, боясь простуды, требовали закрытия окон. Офицер согласился с ними, сказав нам, что он удивляется, что мы требуем от необразованного человека какой-то *утонченной* (?) вежливости.

В Вильне видны только пьяные солдаты, гвардейские офицеры, франтящие боевой формой — высокими сапогами и заряженными револьверами. Встречаются жида и жидовки. Молодых мужчин вовсе нет. Чаше попадаются хорошо одетые дамы, но в глубоком трауре. Офицеры *приняли себе за правило* не уступать дороги таким дамам, которым поэтому пришлось ходить в грязи по улице.

В Вильне есть чудотворные ворота с образом божией матери — Ост-

рые Браммы. Обычаем принято снимать шапки при проходе через ворота; но офицерские кепи не покидали умных голов своих собственников. Два раза в день, утром и вечером, польские дамы собираются, и тогда вся улица перед святыми воротами представляет самое трогательное, но ужасно подавляющее зрелище. Матери, сестры, жены мучеников польской свободы стоят на коленях распростертые на камнях мостовой и молятся. Мертвая тишина иногда прерывается воплями, а раз при мне криком кучера, везшего какого-то генерала, который не отставал от кучера и тоже кричал: «Сторонись!» (Польские извозчики в эти часы объезжают это место: круг весьма небольшой). После 9 часов нужно иметь при себе фонарь, что, впрочем, не спасает от воровства молодых наших. Солдаты сами рассказывают, что действительно «наши» часто *шалют*: приколют на улице, ограбят и дадут знать в ближайшую патруль, что они видели там-то труп.

С сыном содержателя одной известной гостиницы случилось среди бела дня следующее: к нему подходят два солдата и требуют рубль на водку. Он не дает. «Ей, барин, смотри, плохо будет, говорю — плохо». — «Нет, не дам рубля». — «Так-то? Ей, караул, караул!» Приходит на крик патруль, и молодой человек теперь еще сидит в крепости, обвиненный в том, что торговал ружье у солдата его императорского величества.

Говорят, что много русских офицеров перешли на сторону инсургентов, что и солдаты-поляки переходят. Даже многие русские солдаты перешли к полякам *за плату 30 рублей в месяц*. Дело в том, что полякам нужны бывают барабанщики, трубачи и другие незаменимые специалисты, и они легко находят их в рядах русской армии.

Я видел собственными глазами, даю в том честное слово, как казак бил нагайкой по спине и по юбкам молодую даму, одетую в глубокий траур. Несколько офицеров шли под руку мимо этой сцены. Дама обращается к ним о защите. Один из них, улыбаясь, отвечает, что казаки не находятся под их командой и что, сверх того, они не входят в полицейские дела и наказания.

Фундаменты (цоколи) всех домов в Вильне окрашены в красный цвет, а все вывески в синий. Прежде большинство цоколей в городе было черного цвета, как самого немаркого. Цвет тут не имел никакого значения. Но Назимов вообразил, что дома траур носят, и велел перекрасить их в красный цвет. Теперь нет ни одного дома в Вильне без красного цоколя. Вместе с тем он приказал все вывески окрасить в синий цвет и прибавить ко всем *сверху* русские переводы. В то же время он приказал виленикам извозчикам оставить свои европейские платья и нарядиться в русские кучерские кафтаны и шапки.

Такое приятное для сердца русских славянофилов распоряжение было верхом несчастья и угнетения в мнении бедных извозчиков. Многие из них оставили свою езду и пошли до лесу.

Повальный патриотизм. В «Общем вече» читатели прочтут прелюбопытные подробности об остром характере патриотической эпидемии в Москве*. «Патриотизм начался тем, что стали

солдат посылать по церквам служить молебны; затем были взяты стратегически-полицейские меры, чтоб сгонять работников, крестьян... Адрес крестьян был диктован в канцелярии Тучкова Родзевичем, адрес беспоповцам написал *перед чаем* Катков*, на адрес поповцев был открыт бег между Н. Ф. Павловым и казанским либералом И. К. Бабстом; Бабст, как немец и протестант, обежал православного Павлова*. Молебен 17 апреля представлялся по случаю приезда секретаря французского посла» * и пр.

Из Сибири. Не могу вам передать того щемящего душу зрелища, которое представляют сосланные поляки, встречающиеся на каждом шагу по большой дороге.

Народ и ямицики жалеют их. Между прочими сосланными я встретил одного поляка 22 лет, больного и слабого; его везли в *Енисейск* за то, что он раз на улице пропел известный гимн, который пела и поет вся Польша. По дороге из Ирбита в Москву мне попались 26 политических арестантов; у многих были обмороженные и простуженные руки и ноги, пятна на лице; все едва одеты в худых полшубках... а императрица Марья Александровна плачет о том, что попы в западных губерниях служат в старых ризах.

Неподложный молебен. Рядом с этой грязью по ступицу, с этим официальным фиглярством, надувательством государя и надувательством народа, с диктованными адресами и поддельными молитвами — на нас как-то грустно и умирительно подействовала следующая весть, полученная нами из Петербурга: «Палачи служили благодарственный молебен по случаю отмены телесных наказаний»*. Бедные люди, невольные исполнители общественной свирепости и мести, — и они освободились!

II

Злой тоской удручена,
К Муравью ползет она*.

Zuchthaus und Festungs — Kur,

Knut und Blei — Kur,

Soldaten — Kur...*

Словом, каких немецких и татарских *кур* правительство ни употребляло в Литве и в Волыни, от *Назимова до Ганецкого* (посланного туда за неимением Реада*), — полонизм не проходит, а растет.

Осталось последнее средство, отчаянное, николаевское — *муравьиный спирт*. Не будет ли его втирать опытный фершал Дмитрий Гаврилович Бибиков своей единственной рукой?*

Да-с, правительство головнинского прогресса, потаповского либерализма, валуевского адресизма*, кроткое, пуховое, мило-сердое, снова прибегает к человеку, который сам себя по доброй воле назвал *палачом* *.

Муравьевы в моде. Государь в полном муравейнике.

Муравьев — сюда.

Муравьев — туда.

Муравьев — направо.

Муравьев — налево¹.

Николай Николаевич старший, Николай Николаевич младший, Михаил Николаевич, есть еще Андрей Николаевич*, преподобный, но он обыкновенными земными грехами не занимается и остается по части... святых мест.

Нам, впрочем, до других дела нет, нам дорог *вешатель* — он-то и назначен оператором западных провинций.

Ненадолго расставались мы с вами, Михаил Николаевич; с новым местом — с новым счастьем! Ваше высокопревосходительство, оправдайте доверие его величества; покажите, что вы, не хвастаясь, говорили, что вы «не из тех Муравьевых, которых вешают, а из тех, которые вешают».

Теперь, украшенные арендами и сединами, вы можете привести в исполнение светлые мечты вашей юности — не те жалкие мечты, которые вы имели, будучи членом пестелевского заговора*, но те зрелые мечты человека, прокладывающего себе карьеру, о вырезывании помещиков польского происхождения, — мечты, которые вы кротко нашептывали *покойнику* *. Державный фрунтовик не соглашался, он не знал, во сколько темпов по военному артикулу следует резать помещиков и каким маршем должно идти на гайдаматчину. Николай боялся, что жакри без формы испортит выправку солдат. Теперь бояться нечего. Армию вам подготовили чудесно, Ванька Каин ничего не имел

¹ В иностранных газетах сказано, что в случае войны начальство над русской армией будет предложено Муравьеву-Карскому, генералу очень способному; в тех же газетах было сказано, что послали за Амурским.

подобного, с такими молодцами можно удивить мир, не только передуть помещиков, но и крестьян-патриотов самих снова раздавить вашим управлением государственным имуществом.

Итак, генерал, *soyez à la hauteur de vos convictions*¹, и благородное потомство скажет, что вы не из тех Муравьевых, которых делают графами Амурскими, а из тех, которых делают князьями Аракчеевскими.

...И вот поневоле приходит в голову вопрос. Кому они служат, все эти гуртовые заплечные мастера и их литературные подмастерья, мелкие палачи, мелкие журналисты, Муравьевы и Ганецкие, Назимовы и Карповы, каты и Катковы, практики и теоретики торговой казни и лобного места, декораторы демонстраций, адресных дел поставщики и газетных статей подрядчики?

Служат они, само собой разумеется, себе, но наш вопрос в том, кто будет *тот последний*, которому пойдут впрок все эти злодеяния — словом и делом?

Государь, государство, целость России, величие империи, распространение православия, благосостояние немцев?

Совсем нет — ни государю, ни его августейшей фамилии, ни церкви, ни ее Святейшему синоду, ни самодержавию и его Правительствующему сенату, ни амурско-маньчжурской границе, ни вержболовской таможене никакой пользы не будет. Немцам первым *и в первый раз в России* пользы не будет.

Кому же?

Подумайте хорошенько.

Сила, которой все сослужили службу, начиная с самого Александра Николаевича, не во дворце; сила эта — сила, кроющаяся в темном бору, веющая по полям, невидимо собирающаяся в вихрь, который все понесет по своему направлению. Ей-то и пойдет впрок.

Видно, и в истории *суженого конем не обгедешь*.

А как его имя?

Спросите у ворот первого прохожего, как делают невесты на святках, а мы помолчим до другого раза. Хочет вас помучить — вот что значит писать о Муравьеве Вешателе.

¹ будьте на высоте ваших убеждений (франц.).— *Ред.*

Письмо литвина из Литвы. — Письмо русского из Польши. — Русские журналы. — Императорская пугачевщина, ее ораторы, средства, организация.

Сначала пусть читатели прочтут эти каннибальские факты и эти страшные документы, мы не предположим им ни одного слова.

Из письма литвина от 8 мая 1863
(Перевод с польского)

Амнистия, провозглашенная вместе с конфискацией, по достоинству оценена на Западе. Нет надобности и говорить, что ни одна рука, поднятая против ига и варварства, не опустилась по поводу амнистии. Безобразный союз ее с секвестром произвел достойные плоды: еще большие насилия и злоупотребления. Аресты усилились, берут людей по одному подозрению. Через неделю после провозглашения амнистии один землевладелец, старик, посаженный в тюрьму назад тому шесть недель за то что к нему заходили инсургенты, потребовал аудиенции у следственной комиссии и сказал ей: «Я узнал, что провозглашена амнистия: мне бы желательно, чтобы вы сообщили мне ее содержание». Ему прочитали манифест. «После этого,— сказал землевладелец,— спрашиваю вас, господа, по какому праву держите меня в тюрьме и извращаете царскую волю? На худой конец можете меня только подозревать, что я хотел взяться за оружие; я же сознаюсь, что был инсургентом, но теперь слагаю перед вами оружие — и требую освобождения». На это председатель комиссии отвечал, что нет распоряжения освобождать заключенных, а, напротив, приказано их содержать. Само собою разумеется, что его до сих пор не выпустили.

Беззакония и тиранства солдат день ото дня увеличиваются. На поле сражений тешатся над ранеными инсургентами, подвергают их медленным истязаниям, колют штыками руки, ноги... Не было примера, чтобы нашли труп инсургента в одежде. Часто над умирающими солдаты начинают драку и ранят друг друга из-за этой постыдной добычи.

С пленными войска обходятся ужасно; вяжут веревками, бьют кулаками, прикладами ружей, плюют в лицо, прибавляя к тому по обычаю ругательства и насмешки; часто взятых в сражении здоровых привозят в город полуживыми.

С мирными жителями, которые не принимают никакого участия в восстании, обходятся не менее варварским образом. Проезжающих по дорогам задерживают, обыскивают, осыпая ругательствами. В меньших городах солдаты забирают все в питейных домах и лавках бесплатно, а когда хозяин требует платы, ему в насмешку показывают штык или же отвечают: «Мошенники, ведь мы вас защищаем, деремса за вас». Даже в больших городах, в Вильне и Ковне, солдаты средь белого дня отнимают

у проходящих палки и зонтики, и, если кто пожалуется, полицмейстер отвечает, что такого приказания не было отдаваемо, что это злоупотребление (гвардейские казаки специально занимаются отниманием палок и зонтиков). Несмотря на жалобы, *злоупотребление* это продолжается. Недавно драгуны (видно, что каждый полк имеет свою специальность) изорвали дамам платья саблями и переломали кринолины под предлогом, что они укрывают запрещенные предметы. Назад тому три дня казачий патруль в девять часов, вечером, отнял у одного из моих знакомых фонарь, а несколько минут спустя подошел другой патруль и отнял у него часы и кошелек с деньгами в наказание за то, что ходит без фонаря. Естественно, что это была подготовленная сообща проделка. Мой знакомый и не жаловался, зная, что это был бы напрасный труд.

Воспитанники учебных заведений в Шавлях и в Тельшах должны были разъехаться, потому что дома, в которых производилось преподавание наук и в которых помещались воспитанники, заняты войском, несмотря на протесты училищных начальств. Назад тому две недели городской в Тельшах остановил въезжавшего в город фермера и при обыске похитил у него из кармана 160 руб. сер., и когда фермер начал звать на помощь, он закричал: «Мятежник! мятежник!» — сбскались солдаты, забрали тарантас и несчастного фермера с малолетним сыном отвели связанного к военному начальнику Коченову. Правда, что вскоре арестованного уволили, но денег отдали только 50 р., потому что более не оказалось у городского, которого Коченов отправил в госпиталь под видом, что он сумасшедший. Весь край наш наполнен такого рода сумасшедшими, и подобные тому сцены повторяются ежедневно.

Подвижные колонны, проходя через деревни, хватают крестьян, спрашивают, где инсургенты, и когда те отвечают, что не знают, или поведут колонну и не найдут инсургентов, тогда бьют, увечат и иногда убивают этих людей. Само собою разумеется, что в деревне забирают все, что только возможно. Помещичьи усадьбы и села, находящиеся вблизи лагерей инсургентов, или те, через которые они проходили, после стычек часто поджигают и истребляют. После этого естественно, что с приближением войск все убегает. Солдаты преследуют их, говоря, что это, должно быть, мятежники, потому что убегают, и стреляют по ним. От этого падает ежедневно много вовсе безвинных жертв. Когда жители в отчаянии ищут защиты у офицеров, они, пожимая плечами, говорят, что в войске нет дисциплины, что они ничего сделать не могут и что при малейшем их слове солдаты провозглашают, что офицеры заодно с инсургентами.

Есть однако ж и офицеры, которых поступки следует передать. Между ними отличается капитан, по прозванию Граф, получивший воспитание в академии генерального штаба, переведен из гвардейской артиллерии в генеральный штаб и прикомандирован к генералу Лихачеву, начальнику войск в Ковенской губернии. Этот-то г. Граф выслан был с подвижною колонною в Эйразолу и нигде не мог найти инсургентов, хотя они были постоянно возле него. Между тем получен донос, что несколько инсур-

гентов при переправе через Дубисеу заходили в поместье Михаила Довгирда. Когда инсургенты давно уже перешли Дубисеу, на другой день г. Граф, преследуя их, заходит на мызу Довгирда. Этот Довгирд был сослан в солдаты на Кавказ, там заслужил Георгия и женился на русской. На прошение его о дозволении воспитывать детей в католическом исповедании Александр II велел отвечать, чтоб он об этом и не думал, если хочет оставаться на месте. Случилось, что в день прибытия отряда Графа умерла у Довгирда старшая дочь, бывшая замужем за полковником Юзефовичем, русским по происхождению. Все семейство молилось у тела покойницы вместе с прибывшим нарочно православным священником. Вдруг входит г. Граф, бросается на Довгирда и с криком выговаривает ему, почему он не донес о пребывании у него инсургентов, обсыпая его при этом ругательствами. Старик заметил беспующемуся воину: «Это моя дочь лежит». На это Граф, продолжая ругаться, отвечал: «Что мне до твоей дочери! Скажи, как ты смел не донести о инсургентах?» — «Если не уважаете моих седых волос,— отвечал Довгирд,— если в вас нет чувства человечества, то по крайней мере уважьте тело покойной жены вашего сослуживца полковника. А обиды легко делать, имея за плечами две роты солдат и казаков». На это Граф, впадая в бешенство: «Молчи, мошенник, не то прикажу тебя отодрать нагайками!» И сделал бы это, если бы поп не вмешался в это дело.

Этот самый Граф несколько дней после того, идучи впереди своего отряда, встретил студента Московского университета Володко. Студент был безоружен, но для Графа было достаточно того, что он был верхом, а главное, что был молод; велит задержать его, спрашивает, где инсургенты, потому что он, верно, едет от них, и когда Володко отвечал, что не знает, тогда Граф приказал драть его нагайками. Молодой человек стиснул зубы и не проронил ни одного стога. Его истязали полчаса, и когда ничего не добились, *сам Граф бил несчастного кулаками по лицу*. После этого Володко полуживой отвезен был в Ковно и сдан в следственную комиссию, которая, наверно, сошлет его в солдаты, а Граф за свою экспедицию, может быть, получит крест.

Достоин удивления и весьма характеристично то, что вот уже два месяца как продолжают эти насилия, и, несмотря на ежедневные жалобы генералам Майделю и Лихачеву и губернатору Кригеру, однако ж ни один подобный поступок не подвергся наказанию, и даже не показывают виду, чтобы намерены были наказывать за эти варварства.

Грабеж просто пользуется покровительством властей: ежедневно на улицах солдаты продают награбленные вещи; на аукционах, делаемых для продажи вещей, взятых в обозах инсургентов, продают дамские шляпы, подносы, серебряные подсвечники и другие вещи, о которых трудно предположить, чтобы могли находиться в лагерях инсургентов.

Восстание в Литве и Самогитии постоянно увеличивается. Несмотря на то, что русские колонны перебегают край в разных направлениях, формируются постоянно новые отряды инсургентов везде, где только некоторое время нет русских войск.

Крестьяне с каждым днем принимают более искреннее участие в восстании; духовенство совершенно ему предано; евреи способствуют ему, хотя пассивно. Только недостаток лучшего оружия весьма чувствителен, хотя в последнее время получено его некоторое количество. Через Пруссию почти нет возможности получить оружия: прусские власти бдительные и усерднее здешних. В последнее время восстание заняло весь Вилкомирский уезд до границ Ново-Александровского. Тельшевский уезд, где были собраны значительные силы, воспользовался уходом генер. Майделя с 2500 чел. и тотчас же вспыхнул. В Шавельском уезде восстание сильно развивается, уже 13 апреля около Трышен под Билюнишками Писарский с горстиею инсургентов причинил значительный урон двум соединенным колоннам войск. После стычки русские сожгли Билюнишки, но всего любопытнее то, что вместе с тем сожгли и тела своих убитых, дабы скрыть свою потерю. Это укрывательство сделалось общим правилом русских отрядов. Итак, если только поле сражения остается за ними, то раздевают своих убитых (чтоб нельзя было их отличить от инсургентов) и поспешно закапывают. Если же для похорон употреблены бывают крестьяне, то под строжайшею ответственности приказывают им не открывать никому, сколько погребено тел, и вдобавок вынуждают клятву. Естественно, что таким образом тайна скрывается недолго.

Большие или меньшие стычки происходят ежедневно, так что подробно их исчислить невозможно; вообще же можно сказать, что дела инсургентов идут хорошо. Вначале они теряли обозы, но теперь сделались опычнее и умеют их сохранять.

В последние две недели инсургенты имели несколько очень счастливых стычек. Яблоновский сформировал свой отряд и, доведя его до 2000 человек, разделил на несколько частей и сам с меньшею частию прорвался до прусской границы, взял там несколько оружия и, остановившись в укрепленном лагере у Таурос под Караполем, оттеснил с уроном русских, которые два раза атаковали его. Лагерь был окружен с трех сторон болотом, русские вязли в нем под сильным ружейным огнем. Русские отступили и на этот раз не могли уже забрать своих трупов и оружия; пало их 67; раненых отвезли в Юрбург и Тауроген 80 с лишком. После этой битвы Яблоновский двинулся на прежнюю позицию.

21 апреля в Роговском лесу инсургенты под предводительством Доленги тоже восторжествовали. Ксендз Мацкевич был героем этого дня; словом и делом одушевлял на бой и во главе косиньеров так сильно ударил во фланг неприятеля, что принудил его к отступлению. Доленга имел уже 2700 человек. Отряд этот разделен был на 5 частей.

Одна часть под предводительством Мацкевича первого мая вошла в местечко Оникшты, уничтожила там русские власти. Оникшты находятся посреди деревень государственных крестьян, которые, как известно, отличаются перед другими пламенным участием в восстании. Ксендза Мацкевича, когда он вступил в Оникшты с крестом, с развернутым знаменем и народным гимном, встретили с неописанным восторгом; народ падал ему в ноги, целовал полы его одежды, матери подносили к нему своих детей.

Назад тому неделя происходила стычка неподалеку от дороги из Вилкомира в Вильно под Ширвинтами. Сильный отряд русский под начальством генерала Гацевского, из 6 рот пехоты и 2 эскадронов кавалерии, наткнулся на соединенные отряды Городенского и Вислоуха. Бой был кровопролитный. Городенский и еще 13 инсургентов пали; русских убито 89, которых по отступлении инсургентов в глубину леса приказано крестьянам поспешно похоронить, под присягой сохранить тайну. Четыре только трупа для виду отослали в Вильно и там похоронили с почестями. Вероятно, в русских бюллетенях только и будет сказано об этих четырех. Гацевский направился к Оникштам, куда прибыл два дня после прохода Мацкевича.

Чиновники по выборам и мировые посредники в Литве все уже подали в отставку; даже Домейко, который долго отнекивался, несколько дней тому назад тоже подал в отставку, объявляя свой поступок в эгерическом письме на имя Назимова.

Из Польши

(Из письма русского корреспондента)

М. г.,

считал долгом отозваться на ваше приглашение, напечатанное в 156 листе «Колокола», я решился сообщить вам о действиях одного из наших полков против восставших жителей Польши.

Постараюсь писать короче, выставляя на вид главных членов грабежа, насилия, поджогов и убийства несчастных. За верность описываемого мною ручаюсь словом честного человека. (*Письмо подписано*).

С 10/22 на 11 января сего года квартировавшие в местечке Шидловце Радомской губернии 3 и 4 роты Могилевского пехотного полка, несмотря на известие о приближении отчасти вооруженных людей, оставались без предосторожностей.

Ночью толпа вооруженных бросилась на часовых; изрубив четырех человек, успела захватить семнадцать винтовок из ротного цейхауза. Войска в беспорядке отступили в поле. Назавтра с рассветом, когда в местечке не было ни одного вооруженного, войска ворвались в местечко и ограбили его, убили несколько невинных, арестуя всех мужчин по подозрению, и с ними возвратились в штаб полка г. Радом; штабс-капитан *Немченко* связал всех 72 на одну веревку, так что несчастные едва могли двигаться, в числе их был 70-летний ксендз, взятый с постели!

20 января (2 февраля) 1, 2, 3, 4-я линейные и 1-я стрелковая роты Могилевского полка, рота 2 саперного батальона, сотня казаков при двух орудиях 7 артиллерийской бригады, соединясь с батальоном Смоленского пехотного полка и эскадронном Новороссийского драгунского под начальством генерал-майора Марка, направилась к местечку Вонходку, предполагая застать там главные силы инсургентов. В полуверсте от местечка отряд наш был встречен пальбой из слабой цепи инсургентов; им отвечали сотни ружей и несколько гранат; после первых выстрелов инсургенты

отступили к местечку, но и там, не имея возможности защищаться по малочисленности, разбежались по лесам, а с ними и жители, кто мог уйти. Торжествуя мнимую победу, отряд вступил в местечко и, не слушая команды, открыл учащенную пальбу в церкви, дома, сараи и огороды; наконец, убедившись, что инсургентов нет, потому что на сотни выстрелов не было ответа, христолюбивые воины принялись за грабеж: белье, платье, деньги, ценные вещи, скот, лошади, домашняя птица — все отнималось у жителей, и за одно слово сопротивления им платилось пулей или штыком; чего нельзя было взять с собою, то ломали, жгли, рубили. Старики, женщины, дети без разбору были убиваемы, если хотели спастись бегством или не могли исполнить диких требований солдата. Поверите ли вы, что не только солдаты, но и офицеры принимали участие во всех этих ужасах; даю вам слово честного человека, что не чувство мести, не личность, но справедливое негодование заставляет меня выставить на вид несколько их поступков¹. Штабс-капитан *Немченко*, войдя в костел местечка, забрал все попавшее под руку из церковной утвари, как-то: дароносную чашу, переплет евангелия, оправленный в золото с драгоценными камнями, и крест, усыпанный бриллиантами; отнеся все это в свою повозку, он из магазинов брал полотно, шелковые и бархатные материи и, наконец, покупал у солдат все дорогое за десятую часть цены. Могилевского же полка командир 4 роты, капитан *Олендзкий* (литвин по рождению), вывел пару лошадей из конюшни мирного жителя, что видел адъютант Константина Николаевича, капитан *Коморовский*.

Командир 1-й стрелковой роты, штабс-капитан *Масловский* 1, имея при себе повозку, остановился на дороге, где должны были проходить с грабежа солдаты его роты для его личного осмотра; покоряясь необходимости, они отдавали ему часть лучших награбленных вещей; по его же приказанию была взята лошадь у крестьянина и впряжена в его повозку. Майор *Ридигер* с помощью денщика и солдат вынес четверть пшеничной муки из магазина. Поручик *Михайловский* представил генералу *Марку* солдата с награбленными вещами; но генерал, узнав от солдат, что представленный ему был прежде поведения хорошего, отпустил его с вещами без наказания. Наконец, когда нечего было грабить и некого убивать, войска зажгли местечко... много еще пало жертв, скрываясь от дикой ярости солдат.

Придя в Радом, солдаты открыто продавали награбленные вещи; покупателями были *офицеры* и евреи, и только чрез три дня были предприняты меры к прекращению этой позорной торговли.

За подвиги в Шидловце, Вонхоцке *Олендзкий* и *Немченко* представлены к Владимиру; а поручик *Львов*, из револьвера добывавший раненых, и батальонный адъютант прапорщик *Абфаль*, стрелявший из винтовки (и, по донесению Марка, убивший начальника стрелков неприятельских войск), оба представлены к повышению чинов.

Так же верно, что на возвратном пути из Вонхоцка командир 2 стрел-

¹ Само собою разумеется, мы готовы напечатать оправдания.

ковой роты Смоленского пехотного полка, штабс-капитан *Краевич*, пришел в местечко Суходнев и, не найдя в оном инсургентов, приказал грабить и потом зажигать почти каждый дом отдельно, уцелели только костел и дом ксендза... Посуда, мебель, одежда, белье, платье, скот — все забралось по приказанию Краевича, и на лошадях ограбленных, сожженных и убитых жителей привезено их имущество в штаб полка г. Кельце. Сам командир полка, *Чингири*, получил громкую известность за грабеж и бесчеловечие. На одном фольварке он взял сорок лошадей, хотя там не было инсургентов, донес, что отбил обоз, и получил генерала!

О деле под Малагошем, 12/24 февраля, я знаю все подробности, но недостает ни сил, ни воли описать весь ужас эгой ужасной бесчеловечной резни; много нашлось храбрецов добывать раненых, и если бы Лангевич знал о нападении наших с трех сторон, то никогда не проиграл бы дела; тогда было еще не время отважиться на отчаянный бой; и хотя местность, занятая Лангевичем, была превосходна во всех отношениях, но от неумения стрелять и совершенного незнания военного дела его солдат он после трехчасовой резни был разбит; до трехсот человек лучшей молодежи выбыло из фронта, несколько пленных, два орудия и знамя достались нам.

Назавтра, возвратясь с преследования, войска вошли в м. Малагоше. Уже по привычке ограбив все, храбрые воины ворвались в костел, где лежали раненые инсургенты; их *перебили*, для того чтоб снять с них все и похвалиться числом убитых жертв. В деле под м. Козеницы подполковник *Устюжанин* с тремя ротами солдат не решился напасть на лагерь из двухсот инсургентов и потребовал еще роту и артиллерию; пока он получил подкрепление, инсургенты отступили; преследуя их, поручик Львов и батальонный адъютант Абфаль с целью без резерва ушли на две версты от главных сил; когда, несмотря на сигнал, барабанный бой и выстрелы, цепь не возвращалась, отрядный начальник Устюжанин растерялся и не знал, что делать. Но, несмотря на это, он донес, что взял лагерь (два котла и телегу сломанную) и убил *двести* человек, но я знаю наверно, что убито *девятнадцать* человек, а между тем за эти подвиги он представлен к чину.

Две роты Могилевского полка с эскадроном Екатеринославского драгунского конвоировали 134-х несчастных до г. Варшавы; из взятых с оружием — 17 австрийских подданных; пять отправлены в каторжную работу, четыре в арестантские роты, сорок без выслуг с лишением всех прав в солдаты и 68 конскриптов. Начальником отряда был козеницкий герой подполковник Устюжанин. Сторожем, кашеваром и артельщиком для пленных — майор Шишкин Могилевского полка. В двух верстах от Радома четыре дамы, прилично одетые, желая подать денег и кое-что из провизии для пленных, шли полем, спрашивая, нельзя ли дать деньги и пищу; увидав их, Устюжанин дал шпоры лошади и галопом поскакал к дамам; те остановились, но, видя, что он с непристойными словами несетя прямо на них, разбежались. Они потом опять старались подойти, но грозный воин с большей яростью скакал на них, угрожая чуть не смертью!

Во все время похода, несмотря на жаркие дни и большие походы, отряд должен был останавливаться в поле, где не было воды; несчастных

морили голодом и не позволяли жителям принести им куска хлеба или мяса. Много неприятности, брани, толчков перенесли эти бедные люди, пока наконец их сдали в Варшавскую цитадель.

Тот же отряд проходил чрез небольшой фольварок, владелец которого предложил Устюжанину с офицерами закусить у него; за это радушие он был арестован, и когда он спросил, за что он взят и куда его ведут, майор *Шишкин ударил его в лицо*, сказав, что всех поляков надо вешать; его провели по песку верст пять и голько по просьбе офицеров отпустили.

Во время роздыха отряда из лесу показался человек, но, увидя его, убежал; казаки привели несчастного, сделали обыск; нашли на нем две рубашки и две пары пижнего платья; он называл себя Вавжинец Казала, говоря, что шел в деревню искать работы, что прежде жил в Варшаве, что родился в деревне Томчицы в пяти верстах от места, где его взяли. Несмотря на это, его арестовали и повели с собою до нового местечка, где отряд ночевал. Назавтра, проходя деревню Томчицы, отряд остановился; позвали солтыса деревни, который сказал, что знает этого человека, что прошлой ночью он был у него, что Казала спрашивал у солтыса, где расположена большая партия повстанцев, для того что Казала желал к ним присоединиться, однако Вавжинец Казала отвергал это показание солтыса. И вот началась пытка. Главный инквизитор Шишкин в присутствии Устюжанна, офицеров и солдат раздевает несчастного, нагайки драгун дружно работают, все тело 35-летнего мужчины изрезано нагайками, но он ни в чем не сознался; его отослали в Радом, посадили в тюрьму и отдали под суд!!

8/20 апреля 11-я и 12-я роты Могилевского полка, часа в три утра, вступали в деревню Гатки; не доходя двух верст, в корчме были арестованы двое вооруженных; подходя к первым домам, авангард был встречен выстрелами с одной стороны и косинерами с другой, причем был ранен в голову косою и упал командир 11-й роты штабс-капитан Веселаго. Косинеры отступили; наша цепь прошла возле лежащего Веселаго; в это время рядовой *Забровский* нанес ему штыком насквозь в грудь рану, от которой Веселаго через несколько часов умер, и, поверите ли, он был обобран, револьвер, часы, деньги взяты солдатами его же роты. Забровский сам явился к командиру полка и уверил, что убил своего ротного командира вместо поляка.

Ужасно, безысходно положение русского офицера в Польше: быть палачом Польши, быть свидетелем всего этого и не иметь возможности сбросить с себя опозоренное имя воина!

Из русских газет

Речь генерал-губернатора Назимова. Из Вильны пишут, что 18-го апреля генерал-адъютант Назимов сказал в многочисленном собрании дворян следующую речь: «Вы начали изменою

и кончите вашей гибелью. Сегодня ночью отсюда снова ушли к инсургентам 100 юношей, из которых ни одному нет 17-ти лет от роду. Все это натворили женщины, и женщины самые дурные. Неужели вы до того слабы, что не можете держать ваших жен и детей в повиновении? Зачем вы здесь живете? Ступайте в ваши поместья; сидите там тихо и старайтесь, чтобы все оставалось спокойно. В противном случае знайте, что я не в состоянии защищать вас от ваших крестьян; войска мне нужны против скрывающихся в лесу. Надеюсь, что вы кое-чему научились из дела графа Моля. Уезжайте с богом!» На эту речь никто из присутствовавших не нашелся ничего отвечать.

Распоряжение начальства. В официальной части «Виленского вестника» напечатано:

По случаю состояния края на военном положении, применяя к оному в точности правила, на сей предмет существующие, г. виленский военный, гродненский, ковнский и минский генерал-губернатор и командующий войсками Виленского военного округа признал необходимым привести в действие следующие меры: 1) Воспретить всем местным обывателям мужеского пола, как городским, так и сельским, за исключением крестьян, отлучку с мест жительства на расстояние более 30 верст без особых видов, выданных губернским или военными уездными начальствами. 2) За нарушение сего правила подвергать мещан и однодворцев отдаче в рабочие роты ведомства путей сообщения на срок от шести месяцев до одного года, а дворян — заключению в тюрьме на те же сроки и штрафу от 50 р. до 100 рублей. 3) Те и другие взыскания палагать в местностях, состоящих на военном положении, по приговорам военных судов, а в прочих местах — по приговорам судов полицейских. О настоящем распоряжении его высокопревосходительства г. генерал-губернатора объявляется для всеобщего сведения. 3-го мая 1863 года.

Меры начальства в Могилевской губернии. «Сев. пчела» от 12(24) мая перепечатывает ряд мер для преследования подозрительных личностей*. Начальник губернии объявил по волостям, что он, вполне полагаясь на верность и преданность крестьян государю императору, приглашает их учредить по возможности надлежащие караулы, *задерживать подозрительные лица* и представлять их ближайшим полицейским начальствам и *вообще*, по мере сил своих, содействовать к охранению общественного порядка; при этом вменил в особенности старшинам,

старостам, что они как представители обществ облечены властью по воле правительства, более всего должны заботиться о прекращении всех противозаконных действий и о преследовании злоумышленников. По доведении об этом до сведения государя высочайше повелено *судить мятежников по полевым уголовным законам*. Апреля 25 дня 1863 года.

Вслед за сим местным начальством сделаны следующие распоряжения:

По городу Могилеву объявлено, что с девяти часов пополудни запрещается городским обывателям ходить по улицам иначе, как с особенными на то письменными разрешениями местного полицейского главного начальства, а также, чтобы с того часа были закрыты все шинки и трактирные заведения. Всякие скопища на улицах строго воспрещены. Не состоящие в военной службе жители Могилевской губернии, кроме крестьян православного исповедания, обязаны в день объявления сего снести всякое имеющееся у них огнестрельное и холодное оружие, а также порох в г. Могилеве и Могилевском уезде в канцелярию могилевского батальона внутренней стражи, а по уездным городам и прочим уездам — в местные полицейские управления. Полиции в отношении принятия от жителей оружия действуют по данным инструкциям, вследствие которых *всем некаатоликам* оружие возвращается и они только заявляют о том полиции. Слушники всех этих распоряжений начальства будут судимы как мятежники, на основании военных полевых законов. Независимо от сего господин начальник губернии по предоставленной ему власти по поводу возникших в последнее время смут и беспокойств в вверенной ему губернии, признал необходимым заменить некоторых мировых посредников другими временными и вменил при этом им в непременную обязанность: во-первых, *поддерживать и развивать* в крестьянах то чувство непоколебимой преданности к Царю-Освободителю и привязанности к общей нашей родной России, которых крестьяне Могилевской губернии в настоящее время явили столь блестящие примеры; во-вторых, объяснять крестьянам, что мятежная шайка поляков составляет только ничтожную горсть в обширном русском царстве и что при дружном, усердном содействии всех верноподанных она в непродолжительном времени лишится возможности нарушать общественное спокойствие; в-третьих, крестьянам следует также внушать, что, насколько мятежные паны заслужили гнев государя, настолько же помещики, оставшиеся верными своему долгу, *любены* ему; в-четвертых, обратить также внимание на отбывание крестьянами повинностей за земли, отведенные в их пользование, внушая им, что если даже бывший помещик их и покажется в рядах мятежников, то они, крестьяне, не менее того должны отправлять повинность, так как эти повинности возложены на них не для помещика лично, а за землю, которую они пользуются; в-пятых, внушать помещикам, что они должны

снисходительно смотреть на не совсем иногда исправное отбывание повинностей, так как смутные обстоятельства края возложили на крестьян много новых повинностей, а потому нельзя требовать их в том размере, в каком они отбывают их по уставным грамотам, — размере, установленном не для исключительного положения; в-шестых, всех писарей-поляков, без исключения, или даже *подозреваемых в сочувствии к полякам* уволить, заменив их русскими и вполне благонадежными.

Офицер генерального штаба Л. Топорра. При нападении инсургентов, напечатано в русских газетах, на Горки и горе-горецкую школу, ими начальствовал Л. Топорра, русский офицер генерального штаба — в мундире. Кроме его, был еще русский *дезертер* в числе инсургентов*.

«Ручку, батюшка, ручку». (Из записок бывшего охотника)*.

Когда Ганецкий возвращался победоносцем над какими-то отрядами повстанцев, в Вильне случилась вот какая штука, помеченная «СПб. вед.»:

Около Зеленого моста какой-то бородач, в красной поддевке, протеснился сквозь густую толпу народа к генералу Ганецкому, взял его руку, крепко пожал ее, потом поцеловал и, бросив свою шапку вверх, заорал своею мощною грудью: «Ура, генерал Ганецкий!» Толпа подхватила эти слова и — пошла кричать и бросать шапки вверх (!) *

Около этой открыто приготовляемой правительственной жакри вьется гирлянда ядовитых цветов полицейской литературы. Тут забыто все человеческое, стыд, сожаление, сострадание, всякое уважение к истине. Тут журналист-будочник пишет о том, что усердие крестьян простывает, оттого что правительство держит сторону общего врага, т. е. поляков, и возвращается с шакалиной злобой на распоряжение, изъывшее из рук палачей несовершеннолетних инсургентов*. Тут, не краснея, клеветают на бедных киевлян, чтоб выставить их раболепье и свирепое бездушье. «Жители Киева, смотря на *окровавленные головы пленных*, вместо скорби о них *дали презрением*, а конвоирующим крестьянам давали деньги и благодарили их за участие. Нужно было слышать, с каким жаром мужики-крестьяне рассказывали о своих триумфах».

Тут рассказываются сказки, вроде карамзинской Марфы Посадницы*, о селе Черкизове: старшина Бычков собирает *политическую* сходку (когда и каким законом они разрешены,

мы не знаем). Крестьяне рассуждают о польском вопросе, о Владиславе и о Пожарском, старик отец отдает четырех сыновей царю, а бабы «готовы ему все отдать», ну, словом, сказка так хороша, что «Nord» перевел ее*.

До последнего времени мы смотрели с отвращением на журнальные произведения валуево-головнинских готовален, но когда дикие и свирепые мысли Маратов деспотизма стали превращаться в правительственные распоряжения, отвращение заменилось щемящим душу ужасом: тут чернила слишком близки к крови, слова — к свинцу.

Как мрачно и грозно наступает наше будущее! Зачем оно идет этим шагом, зачем нарождается этим путем, окруженное кровавыми обманами, ложью правительства и лицемерным, корыстным коварством литературы.

— Судьбы наши могли иначе совершиться.

— Могли...

— Кто же виноват, что они пошли этими несчастными путями?

— Лучше спросите, кто прав. И если кто-нибудь сознает себя правым, безупречным, пусть бросит камень.

Нам не приходится роптать, а с сокрушенным сердцем подумать о самих себе. Всего больше виноваты люди, страстно желавшие блага русскому народу, любившие его темным инстинктом и пророческой мыслью, магнетизмом и пониманьем, чувствовавшие, что время настает, и не умевшие ничего сделать вовремя.

Что винить правительство за то, что оно защищает себя всем чем ни попало! Да и виновато ли оно в том, что при первом едва-едва освобожденном слове литература его продала; виновато ли оно, что, пересаживая науку с короткой цепи на длинную, правительство с удивлением нашло новую полицию в университетах и гласное III отделение в журналах? Мы должны себя винить.

И что страшнее всех ужасов, делаемых правительством, и всех подлостей, делаемых благоприобретенной им литературой, — это то, что из видов нечистых оно грязными и окровавленными руками отворит дверь, в которую толкается будущее,.. делая из триумфальных ворот каудинские фуркулы*, искажая его характер.

Когда зародыш созревает и ему нет разумного выхода на белый свет, ни места для роста, он не останавливается, а идет путем безумным, судорожными взрывами, отклоняясь в сторону, ломая все, ломая себя, в крови, в огне, в чаду.

Такие рождения носят сами в себе казнь за прошедшее.

И потому склоним головы наши пред океанической силой, поднимающей теперь народ русский. Ни народ, ни царь, ни немцы — никто не подозревает, что одни будят и что пробуждается у других.

Нам остается одно утешение. Мы не ошиблись в сущности русского переворота, в его аграрном смысле, и когда сам царь для своих видов хочет возбудить народ в свою пользу, он является Пугачевым*.

IV

Восстание в России.

Шел в комнату — попал в другую.

Горе от... *

Россия представляет огромный политический клуб, губернские города — *foyers*¹, в которых отчаянные патриоты и вышедшие из себя царицы объявляют войну Европе и обещают поддерживать трон против нескольких *шаек* польских повстанцев. Дворянские собрания, градские думы, сельские управы, предводители, казаки, университеты, ямщики — все население поднимается мужественно за сильного против слабого и пишет адреса по валуевским прописям*. Это движение, распространяясь далее и далее, выходит из всех границ — ума, смысла, приличий, географических пределов — и, как дальний, усталый раскат грома, оканчивается 54-мя подписями русских путешественников и четырьмя студентами, поддерживающими в каком-то немецком захолустье подписками трон *, алтарь, Каткова и свою будущую карьеру...

За этим первым актом, как и следовало ждать, *introduzione marziale*, и вместо увертюры — *aux armes, citoyens!* *

Обывательская стража, *garde nationale*, чивика, *akademische Freischärler Legion* *.

¹ фойе (англ.).— *Ред.*

Все так... совершенно в порядке... и мы снова светло смотрим в будущее.

Переменчивы времена, а с ними и душа человеческая — кому не приснопамятны строгие поучения «Дня» студентам за цветы, брошенные на могилу Грановского, за их вмешательство в их собственные дела, за оппозицию матрикулам * и пр.; строг был «День» в дни бедствий и полицейского избиения студентов *; он хотел, чтоб студенты, как институтки в Смольном монастыре или арестанты в Шпильберге, жили вне общественных вопросов, по крайней мере вне участия в них. И вдруг с неизреченным удовольствием мы читаем в «Дне»:

До нас дошел слух, вполне достоверный, что многие, очень многие студенты Московского университета; возмущенные оскорбительными надеждами, возлагаемыми врагами России на русское молодое поколение, хотят заявить открытым протестом, что никогда, ни в каком случае не отделятся они от русского народа, что его дело — их дело, его знамя — их знамя, что в случае опасности они вместе со всем русским народом станут за единство, целостность и честь русской земли. Мы от всей души приветствуем такую мысль московских студентов. Пора, давно пора обличить словом и делом наглую и дерзкую ложь публицистов, которые посеяли столько подозрений и раздора в русском обществе и разъединили русскую учащуюся молодежь с русским народом. Пора, давно пора освободиться из-под нравственного гнета того фальшивого демократизма, который, именем народа, учит изменять родной земле и обманывать русское крестьянство! Пусть же возвратят себе русские студенты доверенность русского народа... Редакция «Дня» с своей стороны готова всеми способами содействовать осуществлению этой прекрасной мысли. Такой пример Московского университета могущественно подействует на прочие университеты, на все наше молодое учащееся поколение *.

По делу преданности

Шведский журнал «Allchanda» подробно рассказывает отеческие усилия Рокоссовского, чтоб поддеть на адрес граждан Гельсингфорса. Чего и чего он им не обещал: и государеву любовь, и свою дружбу, и собрание диеты осенью *, и всякие петербургские блага, и московские льготы. Даже слово *адрес* было ловко избегнуто, но финляндцы никак не могут почувствовать остзейского жара к всероссийскому престолу *, ни возбудить в себе курляндской любви к нашему отечеству.

А хотелось адресца от финских скал! «Allchanda» вот как

повествует о причине особенного внимания к финнам: Непир в разговоре с Горчаковым говорил о том, что в настоящем положении России нелегко будет противостоять внешней войне *. На это Горчаков отвечал, указывая на адреса. Непир заметил между прочим, что адресов из Финляндии еще нет. «Это ничего не значит, через две недели вы увидите всю Финляндию у ног государя». День Троицын проходит, Мальбука нет как нет!*

По делу зажигателей

У нас есть *след следа*, чтоб добраться до знаменитых зажигателей-революционеров, которых ищут с того памятного времени, когда на алтаре отечественного якобинства сгорел Шукин двор *. Сколько раз мы ни спрашивали, чем кончилось дело *, рыбе молчанье всех русских журналов красноречиво говорило, что комиссия ничего не нашла, кроме несколько сот арестантов, подозреваемых, что они начитались Бюхнера до зажигательства. В правительстве составились три партии: князь Суворов и все *честные* люди с ним хотели обнародовать, что в зажигательствах не открыто никакого участия политических партий. Валуев и все *ловкие* люди с ним нашли, что таких печальных фактов обнародовать не следует, и что лучше на всякий случай оставить молодую Россию в подозрении, что для нее нет ничего святого, ни даже Шукина двора. Третья партия, самая радикальная, идет далее, ставит все *на карту*, ее в правительстве представляет Н. Ф. Павлов. Эта партия *гнет* от намека к положительному обвинению, — средство отчаянное, бескозырное, но которое удастся, как это знает переводчик «Отелло» по роле честного Яго ¹*

Чтоб помочь правительству и III отделению, мы обращаем внимание на два факта, которые могут бросить некоторый свет на то, что зажигатели принадлежат больше *отцам*, чем *детям* *, и что их надобно искать не столько в молодой России,

¹ «Бунты могут быть везде, но бунт еще не революция. Поэтому ее устроить у нас нет никакого средства. Вот поджечь дом, кого-нибудь исподтишка зарезать — это дело осуществимое. За этим *иногда не углядишь*» («Н<аше> В<ремя>»).

Каково извинение должностного и сильно озабоченного *наблюдателя!*

сколько в адрес-календаре. В гельсингфорсском театре представлялись живые картины, публика аплодировала шведскому знамени. Услышав об этом, Рокоссовский отправился сам в следующее представление. При нем повторилась та же история. Рокоссовский горячо принял дело к сердцу и говорит директору, нельзя ли упразднить знамя; а директор говорит: нельзя, публика ждет, и Рокоссовский отвечает: как, дескать, хотите. А тут как нарочно накануне *театр возьми да и сгори*. Полиция выбилась из сил, ищет, ищет, нет виновных... Уж не те ли это, что Щукин двор-то подожгли?

Второй намек очень тонкий: приготавливая умы к непредвиденным пожарам и предупреждая слухи о *поджоге* какой-то полицейской типографии, вот какой приказ отдал московский обер-полицмейстер, *мая 7 дня 1863, № 82*:

1446 статьею улож. о наказ. уголовн. и исправ. воспрещается курить табак в копошне, на сеновале, чердаке или в кладовой, где хранятся удобовоспламеняющиеся вещества, а также не дозволяется курить и на улице.

Ныне замечено мною, что на улицах в городе являются лица, курящие сигары и папиросы в явное нарушение сказанного закона.

Предписываю по полиции иметь наблюдение, чтобы никто не курил на улицах и везде, где это воспрещается.

Вслед за тем, чтоб и *воде* не было обидно, он приказал *8 мая 1863, № 124*:

Предписываю иметь строгое наблюдение, чтобы в реках, протекающих в городе, отнюдь никто не купался с барок и вообще на открытых местах.

Подписал свиты его величества генерал-майор, *граф Крейц*.

Oh, der Kreuz — guter Mann!*

Теория чистого грабежа и возведение оногo в гражданское право и военную привилегию. Приказ войскам киевского военного округа. Мая 12-го дня 1863 года. Предписываю, при поражении мятежнических шаяк, когда вместе с войсками участвуют крестьяне, с отбиваемой от мятежников с боя добычею поступать следующим порядком: лошадей и прочие предметы, составляющие рабочие средства и продовольственные припасы, выдавать

участвовавшим в действиях крестьянам, которые весьма часто, преследуя шайки, истощают свои запасы и вынуждаются для своего продовольствия покупать хлеб на свои деньги. Отбитый скот и продовольственные припасы, ежели войска будут в них нуждаться, разделять между войсками и крестьянами; ежели же войска в продовольствии нуждаться не будут, то эти предметы обращать в пользу крестьян. Пожитки отдавать также в пользу крестьян. *Деньги, ценные вещи, оружие и боевые припасы должны быть отобраны и при описи представлены тому начальству, в ведение которого будут отправлены пленные для суждения и обследования их действий.* Если случится командам казачьих полков без участия других войск или крестьян отбивать добычу, то поступать с оною согласно пунктов 275—280 приложения 38 к 3077 статье 2-й книги 1-й части свода военных постановлений, но с тем однако, чтобы отбиваемое казаками оружие поступало на пополнение утраченного или взамен приведенного в негодность, а остальное было представлено для хранения в арсенале по той причине, что оно, как остающееся у казаков без употребления, могло бы быть ими продано в частные руки, что строжайше воспрещается в здешнем крае в настоящее время. Когда же казаки будут действовать совместно с другими войсками и крестьянами, то предоставлять в исключительную их пользу только то, что ими самими отбито, а в прочей добыче они входят в общий раздел, как сказано выше о войсках, и, наконец, если добыча приобретает без содействия крестьян, то все те предметы, которые на основании вышесказанного предоставляются в пользу крестьян, оставлять в пользу нижних чинов не иначе как с ведома и с разрешения начальника отряда. Затем возлагаю на начальника войск отстранение всяких своеволий со стороны подчиненных им лиц, предваряя, что *грабеж и насильственное отнятие чужой собственности подвергнет виновных и пачальников строжайшей ответственности по законам.* Подписал: командующий войсками, генерал-адъютант *Анненков 2-й.* («Киев. тел.»).

Что мало компетентнее судей этого дела, как Анненков 2, в этом согласятся все занимавшиеся отбиванием от мятежников их имущества. Он первый постановил прекрасный пример, не пощадив своего племянника, сосланного по 14 декабря*, воспользовался его именем и не возвратил его после его возвращения. Так как добыча эта была добыта без казаков и крестьян, то Анненков и не делился ни с кем.

Лавры и мирты. В окрестностях Житомира крестьяне заметили, что у одного помещика большое сборище, но, не давая ни малейшего повода к подозрению, дали повстанцам поужинать, уложить оружие и пр. на повозки, и затем связали их и доставили в город. Когда губернатор подарил крестьянам повозки и лошадей, то один из них сказал: «Скажите слово, и за 1000 руб. ляха нельзя будет отыскать» («Сев. почта»).

Государь по докладу Валуева «о вредном направлении газеты „Современное слово“ и о неоднократном напечатании в той же газете статей с нарушением постановления о цензуре» велел прекратить дальнейшее издание газеты*.

Казалось бы по здравому смыслу, что, где есть цензура, там не издатель отвечает; но ведь и не сказано, что дело это решено по здравому смыслу, только по высочайшей воле.

В 4 № «Времени» статья под заглавием «Роковой вопрос» показалась Валуеву (Персиньи — да и только!) направленной «прямо *наперекор всем патриотическим чувствам и заявлениям, вызванным нынешними обстоятельствами, а с тем вместе и всем действиям правительства, до них относящимся*» (до чувства и заявлений!). В силу сего Валуев нажаловался государю, а тот и повелел прекратить издание журнала «Время»*.

Нельзя ли, кстати, прекратить и *Финляндию* за ее *прямо наперекор, за ее бесчувствие и незаявление?**¹

Ну а вас, редакторы от *короны*, поздравляем с новыми подпсичиками...

Не уметь остановиться вовремя, не знать меры — страшный недостаток в государственном *щеголе*, как Валуев. Пошлая комедия адресов доходит не только до скучного и смешного, но до отвратительного и гнусного, до открытого вымогательства в Финляндии, до угроз и тюремного заключения в западных губерниях. Скоро Муравьев будет нападать из-за угла на прохожих с веревкой и криком: «Адрес или горло!»

И как не стыдно печатать весь этот однообразный хлам, высосанный полицейским насосом из уездных городов, посадов, сел, деревень, местечек, волостей!

Кого они обманывают?¹ Или это игра вроде того, как дети

¹ Да ведь как упорно! «Сев. почта», «Journal de St.-Petersbourg», а потом «Nord» и др., опровергая «Opinion Nationale», говорят, что министерство внутренних дел не рассылало образцовых форм для адресов и возбудительных речей. На это мы отвечаем почтенным редакторам, что у нас цел печатный оригинал циркуляра, полученного нами из Петербурга и перепечатанного в «Колоколе», л. 164. Мы готовы подвергнуть его

играют, — «ты будешь лошадыю, я буду кучером», — и, действительно, один начинал выкидывать ногами, а другой его хлестать.

До какого цинического неистовства дошло это адресоложство — доказывают старообрядцы города Спасска и его уезда (Тамбовской губернии). Они до того заврались и запутались в верноподданнических построках, что в адресе-то государю начали хвастаться тем, что у них есть собрат по вере, М. Кораушев, который *ловил поляков в Тамбовской губернии**, был по охоте, по влечению сыщиком, доносчиком, — и это ставится в заслугу и доказательство верноподданничества.

Юхновцы. Мы всегда были уверены, что юхновский патриотизм лучше самарского, так и вышло. Подождем только, что скажут *кайцы* (право, есть город *Кай*, хоть и обиженный, по зашгатный, а все же есть). Самарцы (а вслед за ними и казанцы) не хотели, чтоб прикрепленные к их губернии дворяне баловались в чужих краях*. Юхна говорит: зачем же и в своих баловаться? Она положила 19 мая*: «На все время теперичных тревожных обстоятельств считать неприличным и оскорбляющим общественное мнение всякие излишние расходы, поездки за границу или пребывание без нужды в столицах, траты на иностранные изделия» и пр. «Да сохранит каждый из нас (юхновцев) избыток на усиление средств к поражению задорного врага»... Юхновцы не только победили самарцев в патриотизме, но хотя еще голодом победить Петербург.

Гегель-то и выходит прав, что каждое дело можно довести до такой крайности, что выйдет совсем противоположное.

Погодин. Маститый *Михаил Петрович*, распорядившись насчет будущей судьбы славянского мира, почувствовал неотлагаемую нужду завернуть в «Москов. ведомости», чтоб довести до сведения публики «о каких-то людях в странных костюмах», сильно подозреваемых в намерении поджечь Москву* (вероятно для большей тайны одевшихся в странные костюмы!). Погодин советует им уехать подобру да поздорову — и хорошо делает, потому что, натравивши таким образом народ, недалеко до всякой верещагиновщины*.

экспертам для определения *шрифта, бумаги и пр...* Le jeu est fait! Mr. le Ministre, угодно-с?*

Предав таким образом своей судьбе людей в странных костюмах, Погодин повествует, что он, с своей стороны, доволен польскими женщинами, находит польский патриотизм героическим, но жалеет, что средства они употребляют подлые (экая галиматья!), называет поляков народом Конрадов Валленродов (?), причем замечает, что Мицкевич ему подарил экземпляр своей поэмы.

Старость! Что делать, хорошо писали, Михаил Петрович, нечего сказать, немножко жестко, рябо, а все же хорошо — пора и перестать!

Правительственное разрешение кражи оружия и грабежа разного имущества. В 149 № «Северной пчелы» напечатана инструкция Муравьева* об образовании систематического преследования польского населения в Виленской, Ковенской, Гродненской, Минской, Витебской и Могилевской губерниях. Сверх диких мер военно-полицейского своеволия, сверх всякого рода тиранства и лишения всех человеческих прав жителей края, отданного ему *кратким* Александром на уничтожение, в этих инструкциях можно почерпнуть теорию собственности русского правительства (ставящего себя ее твердым защитником). В 6 § сказано: отобранное оружие (у помещиков, шляхты, ксендзов, монастырских жителей, горожан и пр. и пр.) передавать в военное ведомство для вооружения, где нужно, сельской стражи¹. В 14 § велено на имения всех помещиков (неблагонамеренных) налагать немедленно секвестр. «Разного рода хлеб, находящийся в секвестрованных имениях, употреблять *тотчас* на продовольствие войск и сельских караулов, *прочие продукты* и *имущество* также немедленно продавать и вырученные деньги и все доходы обращать на покрытие расходов казны по укрощению мятежа».

Каннибальский обед в Москве. Москвичи давали обед в Английском клубе издателю «Моск. вед.» *Каткову**. На этом обеде был пит тост за *Муравьева Вешателя*. О таковой чести был ему послан телеграмм в Вильно.

Два года тому назад, когда невинная кровь крестьян лилась в Бездне, какие-то крепостники хотели дать в Казани обед

¹ Во Франции и Австрии когда отбирали оружия, все же их не крали, а выдавали билеты. В числе оружия могут быть охотничьи ружья, старинные, наследственные и пр., большой цены.

Апраксину, но остановились перед замечанием одного из предводителей, что «нехорошо мешать шампанское с кровью»*.

А теперь на обеде, данном в честь правительственного публициста, пьют за здоровье изверга и палача, нагло в глазах всего мира принимая солидарность его мер и казней.

Вот, гг. «День» и товарищи, куда вы попали с вашим патриотобесием*. Бойтесь смерти Кокошкина!*

Рядом с каннибальским обедом идет и целая *каннибальская литература*.

Вот как рассказывает корреспондент Павлова казнь, бывшую в дер. Варки*:

Три предводителя банд, Кононович, Садовский и Лабенский, расстреляны на месте преступления. Вследствие нового состоявшегося приказа толпы народа собрались на место казни; генерал сказал речь, эффект которой, говорят, был потрясающий. Кононович и Садовский — отставные офицеры. По выражению очевидца, *у всех трех перед казнью ноги ходили ходуном, и немудрено*. Между прочими *куриозами*, заключающимися в цитадели, я, проходя ежедневно мимо одного решетчатого окна, вижу трех женщин, одна старая и две молодые, у старой вид забитый, у молодых отчаянный. Все три взяты в банде, молодые в мужском наряде, с красными конфедератками на головах. *Любопытно* знать, какую *роль играют эти женщины* в бандах?

Вот как в «Нашем времени» описывается казнь Генриха Абихта и ксендза Конарского*:

Берусь за перо под гнетом тяжелого впечатления, сейчас я видел смертную казнь, видел в первый раз в жизни, и дай бог, чтоб в последний. Повесили Абихта и ксендза Конарского. Абихт судился уже несколько месяцев; это важный политический преступник. Несколько лет тому назад Абихт бежал за границу, был членом общеевропейского революционного комитета, «участвовал в „Колоколе“»¹, как сказано в конфирмации, а следовательно, был в связи с нашими лондонскими агитаторами и *их знаменитыми деяниями*. В прошлом году в марте месяце возвратился в Варшаву и с тех пор до арестования неутомимо пропагандировал восстание; при допросах он ничего важного не открыл и никого не назвал. Капуцин Конарский взят на днях отрядом генерала Меллер-Закомельского в банде; в лице его правительство, *вероятно, покарало сословия*, стоящее в главе восстания. Виселица была поставлена на гласисе цитадели

¹ Генрих Абихт действительно год почти работал в нашей типографии*.

и выстроена без трапа; осужденных поставили на скамеечки, которые потом из-под них выбивали. Утром в три четверти шестого часа подсудимых вывели из 10-го павильона, под сильным эскортом жандарм. Впереди ехал верхом палач, в красном плаще; палач играл самую пассивную роль; он не прикоснулся ни к чему рукой, нужен был только его плащ. Кругом эшафота разместили войско; подсудимых поставили в центре каре, сделали на караул, и аудитор прочел подтверждения. Затем принесли белые рубашки. С возвышенного места, на валу, где стоял, я видел, что Абихт надел рубашку сам, поправил длинные рукава, приподнял полы и пошел. За Абихтом шел Конарский; он был тверже, потому что был проще, без аффектации. И это понятно: Конарскому 43 года, Абихту только 27. Начали с Абихта; ему долго надевали петлю; кажется, она была мала. Покуда неловкие помощники палача расправляли веревку, Абихт скатился со скамейки; он не выдержал до конца трудной роли предсмертных эффектов и от сильного напряжения лишился чувств; палачи втащили его уже на руках. Через несколько секунд оба качались на воздухе! Католический ксендз стоял на коленях возле Конарского, с молитвенником в руках, с опущенной головой; возле Абихта был лютеранский пастор. Я подошел к эшафоту; колпаки свалились с голов повешенных. Абихт висел зеленобледный, волосы его развевались ветром; это был красивый мужчина, с выразительными чертами лица. Лицо Конарского меня поразило, цвет его не изменился нисколько; Конарский смотрел во все глаза, как будто еще не умер. Я обошел эшафот сзади, и загадка разъяснилась: преступник висел только передней частью шеи, сзади петля приподнялась на голову и не затянулась вполне; несчастный, вероятно, жил несколько минут, что доказывали и руки его, судорожно сведенные вперед, хотя и связанные сзади.

А вот рассказ «С.-Пб. вед.» о взятии Сераковского*:

Вечером приехал офицер Копорской роты, который с несколькими солдатами в густом лесу, на болотистой поляне наткнулся на маленькую мызу, запертую со всех сторон. Ее окружили; отворилось окно, из которого слышали: «Входите, я здесь, Сераковский». Кроме того, тут были Колышко и часть штаба Сераковского, всего 21 человек, которых после дела перевезли в ближайшую мызу Пошьели какого-то графа, который сам был в шайке. Узнав об этом, наш генерал послал меня с 40 стрелками, чтобы перевезти этих пленных в штаб.

Часов в 12 ночи мы приехали на мызу. В передней были копорцы; пробравшись до дверей, у которых стояли двое часовых, я вошел в комнату, где было до 12 пленных, спавших на соломе, исключая одного молодого человека сильного телосложения, с красивым, но резким лицом. Он встал и рекомендовался: «Колышко». На некоторых из спавших было белье черного цвета — вероятно, *нижний траур*. Я вошел в соседнюю комнату и был поражен обстановкой. Посреди комнаты, увешанной картинами, на большой кровати лежал раненый Сераковский. У его изголовья сидели

два доктора в польских костюмах. В глубине комнаты, на соломе, лежало шесть раненых. Ко мне подошел на цыпочках молодой человек очень красивой наружности, поклонился и сказал: «Я граф Косаковский, адъютант нашего генерала». Я невольно улыбнулся, говоря: «*Кончите эту комедию и разбудите Сераковского; мне велено немедленно перевезти вас всех в штаб, в Медейку*». Но Косаковский продолжал в том же духе: «Это невозможно, поручик; рана нашего генерала опасна, теперь кризис, он не переживет. Подождите до семи часов утра». Не знаю, с целью ли смягчить меня, доктора и Косаковский окружили меня и упрасивали на французском языке. Нужно сказать, что на мызе распустили слух (вероятно, чтобы напугать нас), что по дороге в Медейку, в лесу, находится часть шайки Мацкевича, сделавшая засаду и замыслившая отбить пленных. Этот слух привел меня в сомнение. Я разбудил *самозванного* генерала, который, просыпаясь, сказал: «Вы приехали взять меня, но я не могу ехать, г. офицер; погодите до семи часов утра; я буду полезнее живой, а то мертвого привезете». Но я объявил им, что эти просьбы для меня подозрительны, что если они надеются на помощь мятежников, то это напрасно. В два часа начало светать немного. Я разбудил всех и велел одеваться, что было исполнено неохотно. Наконец их всех посадили на подводы. Для Сераковского (по случаю раны) найдена была на мызе коляска. Но он не выходил, прося позволения выпить чаю, говоря, что это придаст ему сил для предстоящего путешествия. Я позволил, но приготовления длились слишком долго. Я сказал ему: «Сераковский, про вас идет слава в шайках, *что вы человек с железною волей, докажете, что вам чашка чаю нипочем*». Через минуту он сидел в коляске с доктором и Косаковским. Еще не доходя Вилкомира, мы видели великолепную мызу, не уступающую дворцу: это было имение Косаковского. Этот юноша лет двадцати, красивый и богатый, не был ранен. О нем никто не знал, что он в шайке, и он легко мог бы скрыться в своей мызе после дела. «Я не мог оставить моего генерала, когда он в несчастье»,— сказал он мне и стал жать руки Сераковского.

...Мы приблизились к лесу и ехали шагом; ко мне подбежал унтер-офицер, говоря: «*Ваше благородие, в случае нападения прикажете колоть?*» — «Что за Азия,— воскликнул Сераковский,— спрашивать громко такие приказания!» Я сел в его коляску и объяснил ему, что солдаты не считают их военнопленными, а *разбойниками, и не без основания*¹. Мы разговорились. «Я вышел из Ковна с тремя человеками,— говорил Сераковский,— в непродолжительное время у меня уже сформировалась тысячная шайка. Наше шествие по Жмуди было триумфальное: *c'était une protestation sanglante!*² Везде нас встречали, как семью. Бабы крестьянские приводили своих сыновей, но мы не брали — у нас без них было довольно». Я не выдержал и сказал ему, что это неправда, что мы шли за ним шаг за шагом и везде видели ужасные следы шайки и бедствующий народ.

¹ Все это отвратительное место скромный наборщик «М. вед» выпустил!*

² Это было кровавое выражение протеста! (франц.).— *Ред.*

Он и тут нашелся: «Мы нарочно говорили крестьянам, чтоб они жаловались на нас, — это нужно, чтоб вы их не трогали». Вдруг из лесу вышли несколько мятежников, и на минуту это нас привело в сомнение. Но они тотчас замахали конфедератками в знак покорности и готовности сдаться, и встретившиеся по дороге два казака привели их. Один был лет 17, с раненою рукой. Я спросил его, по своей ли охоте он был в шайке. «Нет, — отвечал он, — у меня хотели отца повесить, если не пойду». Сераковский призадумался, а потом сказал: «Он врёт. — «Сераковский, какое же бремя вы брали на свою совесть, сколько теперь по вашей милости несчастных!» — «Ничего, — сказал он, — это кровавые семена, которые потом дадут белые цветы; нужно, чтобы Польша давала знать о себе, чтоб ее не забыли».

Корреспондент «Моск. ведом.», рассказывая о казни *Лесневского* в Вильне, говорит*:

Осужденного вывели из ворот монастыря в сопровождении ксендза. Страшно исхудалое и поспившее от изнурения лицо политического преступника представляло резкую противоположность с физиономией ксендза, *возбуждавшею во мне невыразимое отвращение. Впечатление, производимое этими резкими чертами ничем не умеряемой злобы, подлости и коварства, нисколько не смягчалось образом креста и шептанием молитвы...*¹ Лесневского осудили за распространение между крестьянами возмутительного манифеста и за возбуждения их к мятежу. Как только отошел ксендз, палач завязал преступнику глаза и надел рубаху, которая закрывала всю голову несчастного. Два человека повели под руки эту белую шатавшуюся фигуру и привязали к столбу, за которым вырыта была яма. *Самый акт расстреливания далеко не производит того ужасного впечатления, как вид этой фигуры, привязанной к столбу.* Раздался залп. Фигура, спустя некоторое время, обнаружила движение. Прошло несколько минут. Раздался другой залп. Фигуру ощупали, отвязали, свалили в яму и здесь же зарыли.

VI

Хрестоматия из русских газет

*Юмористическая корреспонденция из Варшавы в «Моск. вед.»**
Как только юморист приехал в Варшаву, —

Явились жида с предложением различных услуг, товаров и *удовольствий*. Слуга поспешил заявить нам, — говорит он, — что в настоящую пору, по случаю ухода множества чиновников, ремесленников и всякого люда «до лясу», *жены их скучают*, очень затрудняются в дневном пропитании, и поэтому выбор «удовольствий» может быть, по его мнению, самый об-

¹ Мы и не знали, что у нас разрешили священников ругать по-офидерски.

ширный и разнообразный. Итак, траур по отчизне и вражда к русским,— подумал я,— не мешают здесь прекрасному полу цивилизованного среднего класса, недостающего варварской России, делить свой досуг с грубыми москалями. Признаюсь, я не ожидал, на первом шагу своем в Варшаве, в городе, где народ, как слышно было, находится в полном восстании против своих притеснителей,— не ожидал, чтобы доблестные граждане, известные целому свету своим патриотизмом, так легко поддавались покушениям своих будто бы исконных врагов. Но все это, конечно, проистекает из мягкости и цивилизации нравов, которые никаким способом не могли бы выказать русские бабы, если бы польские войска какими-нибудь судьбами зашли в Москву или в Сызрань...

Театры здесь пусты; никто из поляков не посещает, или, лучше, никому из поляков не позволено посещать театры; они *развлекаются* изредка зрелищами казней на гласисе Александровской цитадели.

Мы искренно уверяем, что никогда не предполагали, чтоб печать могла дойти до такой храбрости. Как же после этого не верить иностранным газетам, что Муравьев дозволил публичным женщинам носить траур и велел у каждой женщины в трауре спрашивать полицейский билет, и, если его нет, отводить в полицию и записывать в список публичных женщин.

Панегирик Муравьеву. (Из «Моск. ведом.»)*. Россия, конечно, не забудет службы, сослуженной ей в трудное время. Она прославит людей, действующих теперь верно, несмотря на клеветы и крамолы. Эти люди должны верить, что Россия поддержит их своим сочувствием, которое есть долг ее. Да, Россия обязана стать твердым щитом вокруг людей, которые не отступают перед грозною необходимостью блюсти всю строгость закона для спасения отечества. Она должна радоваться, что находит таких людей среди кажущегося всеобщего расслабления, но было бы бессмысленно и бесчестно укорять ее в том, что она будто бы радуется самим казням. Если поднимается мятеж, мы должны подавлять его. Мы были бы *подлецами и изменниками*, если бы отказались от исполнения этой обязанности. О полководце, покрывающем себя лаврами, не говорят, что он кровоийца; столь же мало заслуживает упрека в кровожадности сановник, приводящий в действие энергические меры, когда они требуются необходимостью и оправдываются законом...

Мы должны заранее приготовиться к тому крику, который произойдет в Европе, когда совершится покорение Самогитии. Уже теперь, когда только предчувствуется это убийственное для мятежа событие, поднялись вопли против жестокостей, которые *будто бы* позволяет себе генерал Муравьев. *Из Вильны нам ничего не пишут об этих жестокостях.* Если польским дамам запрещено носить траур, то это не что иное, как запрещение политической демонстрации, поддерживающей волнение, и притом такой демонстрации, которую стеснялась свобода частных лиц... Нам пишут

из Вильпа, что в усадьбе Свенторжецкого, которую велено было *сравнять с землей, жили отец и мать его* (жена его находится за границей) и что они были перевезены под арестом в Минск. Если б они даже и не были виновны в содействии преступлениям их сына, то с ними ничего другого нельзя было сделать, как перевезти их в Минск. Что же касается до усадьбы, то военное начальство имело полное право распорядиться с нею, как оно нашло нужным. Как скоро не было сомнения в том, что о. Конопасевич повешен по приказанию Свенторжецкого одним из его служителей, то скрытие его усадьбы было делом справедливым и разумным: лучше скрыть усадьбу, чем поддерживать убеждение, что подобные преступления могут совершаться безнаказанно.

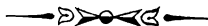
*Донос «Московских ведомостей» на Костомарова**. Мы считаем своим долгом объявить г. Костомарову, чтобы он не трудился присылать в редакцию нашей газеты объявления о пожертвованиях, собираемых им в пользу издания малороссийских книг. Таких объявлений мы печатать не будем и каемся, что в начале этого года, по случайной оплошности, эти объявления раза два появлялись в «Московских ведомостях». Мы думаем, что общественный сбор на такой предмет по своим последствиям, если не по намерениям производящих его лиц, гораздо хуже, чем сбор на Руси *доброхотных подаяний в пользу польского мятежа*.

Плач о слабости тайной полиции. Мы читаем в «Моск. вед.»:

У всякого правительства в тревожные эпохи, кроме явной полиции, бывают секретные; разительным примером силы секретной полиции служит та секретная полиция, которая состоит при подземном правительстве; но у законного правительства секретная полиция чрезвычайно слаба; на все отпускается около 500 р. в месяц*.

Почему же редакции «Моск. вед.» не открыть патриотическую подписку на увеличение окладов тайной полиции в Польше — да уж и в России.

Настоящий ли жемчуг? В 146 л. «Моск. ведомостей» летописец путешествия наследника говорит, что «шлиссельбургские крестьяне пришли из окрестностей в своих оригинальных нарядах, весьма богатых, если только жемчуг, которым наряд улизан, настоящий»*. Одна возможность этого вопроса доказывает шереметьевское богатство сельского населения около Шлиссельбурга; что значит Троицкая ризница и предание о кафтане Болинбрука в сравнении с *деревенскими* костюмами, шитыми жемчугом, состоящим в подозрении неподдельности?

ПЛАЧ О МИНИШЕВСКОМ

Всякого убитого человека жаль, — жаль, прежде чем успеешь подумать, дать себе отчет. Жаль героических детей Польши, юношей, идущих на смерть за свою веру, любовь и надежду. Жаль русских солдат, идущих поневоле, исполняя обязанность. Жаль защитников Пуэбло, жаль американцев *... Но почему из массы сраженных, убитых, умерших от ран вырвать жандармского офицера, пред которым Павлов склонил свой ятаган «на погребень»?* Почему «Nord» и «Крейцейтунг» так огорчились смертью польского журналиста, служившего видам русского правительства, и это во время восстания его отечества?*

Минишевский, по словам «Норда», был не только внешним фельетонистом «Дневника»*, но и чиновником министра внутренних дел Келлера. И не одного Келлера. «Положим, — продолжает „Nord“, — что Минишевский писал *только те статьи, которые ему заказывал Велепольский, но зато он их всегда подписывал*» — и, несмотря на эту облегчающую причину, за такую безделицу польское правительство Минишевского приговорило к смерти.

Введи подобные обычаи, просто нельзя будет продаваться русскому правительству, и Головнин с Валуевым должны будут закрыть лавочку (по крайней мере польское отделение).

И ведь подумаешь, какая злоба! Мало что *невинного* человека казнили, но продолжили казнь после смерти. «По милости террора, царящего здесь, *никто* не следовал за гробом Минишевского, кроме жены и трех полицейских, командированных от начальства» (зачем же из Третьего отделения не прислали трех московских журналистов?). И трем-то полицейским тоже Келлер и Велепольский продиктовали их горячее участие, а они только шли его! «Ни один священник *не смел* идти за

гробом», а выйдет, пожалуй, еще хуже, — ни один и не хотел. «Вот как почтили, — громозаключает „Nord“, — *мужественного патриота, который говорил истину* людям».

Несчастный Сократ! Не послать ли Тебу, «с светлой улыбкой молодого чела», за какой-нибудь вечно отравляющей цикутой?* Павлов поместил своего жандарма в св. мученики, Минишевский пошел в Сократы, в Джордано Бруно.

...А я все думаю о наших: своя рубашка, хоть посконная и грязная, а все ближе к телу; большое счастье, что у нас в нравах утверждается больше и больше полная свобода торговли своей совестью и убеждениями; продавайся кому хочешь, пиши доносы, радуйся конфискациям, требуй голов, виселиц и цепей и только доживешь до того, что ляжет «аннинская лента широко тебе на грудь».

Что хочешь говори, а образование и прогресс, смягчая нравы, делают жизнь приятнее.

Впрочем (от слова ничего не будет), на всякий случай не мешало бы охотникам до правительственной маратовщины и с тем вместе до хороших похорон вперед заготовить какого-нибудь неопалимокупинского или николомокринского попа, чтобы он шел за гробом с певчими, которые могут после вечной памяти грянуть:

А мы золото хороним!

А мы серебро хороним!

САМАРА

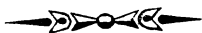
А в Самаре-то разбойнички шумят!

Нет, не разбойнички, а дворянчики; крепостное право у них отняли, сами знаете, без крепостного права что за жизнь благородному человеку... Делать нечего, мужичков не воротить, дворовых еще меньше. Благородным самаритянам* и пришло в голову самих себя и друг друга обратить в крепостное состояние, чтоб им быть к Самаре крепкими. Кто может человеку помешать (если он не на рекрутской очереди) уродовать себя, — хоть розгой секи! Почин они сделали славный: снеслись через предводителя с министерией вызывать из-за границы всех со-губерников*. Впредь не хотят им давать плакатные паспорта иначе, как на самый короткий срок, а просрочит — беда. Говорят, что новая форма паспортов будет такая: «Объявитель сего, самарский крепостной дворянин, отпущен мною (предводителем) на три месяца для приискания (здоровья, гувернанты), и, буде означенный дворовый самарский дворянин просрочит срок, нигде его содержанием гостиниц не держать, а поступить, как с беглым и не помнящим Самарской губернии (т. е., наказав в *police correctionnelle*¹ или в *county court*'e² черкасскими розгами* не свыше двухсот ударов, препроводить в Самару по этапу, дав на прокормление по 3 коп. сер. в день...)».

«Сев. пчела», помещая телеграфическую новость об этом, прибавляет, что печатает ее с удовольствием*. Что тут «пчелам» нравится, право, не знаю — на людской вкус это отвратительно. Мы, судя по меду, имели гораздо лучшее понятие о пчелином вкусе*.

¹ исправительной полиции (франц.).— *Ред.*

² окружном суде (англ.).— *Ред.*

НЕТ РОЗЫ БЕЗ ШИПОВ

Шипов? Какой Шипов? Шипов 14 декабря, Шипов Паскевича, Шипов Николая, польский Шипов, варшавский министр Шипов, генерал-адъютант Шипов, памятный в Польше, забытый в России Шипов — словом, *тот* Шипов является в печати и на кимвале сладкозвучном бряцает похвалу николаевской кротости, мудрости Паскевича, хвалит их добрые меры, хвалит самого себя, несколько давая чувствовать теперичнему правительству, что даже и в «Московских ведомостях» не все розы для него без шипов...

TO THE EDITOR OF «THE DAILY NEWS»

Sir,— An important agent of the Russian secret police, councillor of state Matvey Khotinsky, is again in London. We believe it our duty to announce this arrival to alls Poles and to our Russian friends in England.— I am, etc.

Alexander Herzen,
Editor of the *Kolokol*.

Orsett-house
Westbourne-terrace, June 2.

ПЕРЕВОД

ИЗДАТЕЛЮ «THE DAILY NEWS»

Сэр, один из главных агентов русской тайной полиции, действительный статский советник Матвей Хотинский, снова в Лондоне. Мы считаем своим долгом оповестить о его приезде всех поляков и наших русских друзей в Англии.— Остаюсь и пр.

Александр Герцен,
издатель «Колокола».

Orsett-house
Westbourne-terrace, 2 июня.

ФИНЛЯНДИЯ И АДРЕС

Мы помещаем с истинным удовольствием отрывок из «Теймса» о fiasco адресного министра*. Когда-то Головин мечтал о том, что надобно награждать чиновников за *независимость*, он может теперь наградить целую страну. Абортив Валуева не произвел в Финляндии ложных потуг патриотического бреда по образцам*... Приветствуя ее благородное пробуждение и признавая ее полную аутономию, как аутономию Польши, Украины, мы признаемся откровенно, что мало знаем внутренний вопрос их и с радостью открыли бы колонны «Колокола» для финских вопросов.

Старания агентов русского правительства вызвать со стороны гельсингфорского муниципального совета и финского литературного общества, имеющего большое влияние в краю, верноподданнические адреса совершенно не удалась, несмотря на обещания всякого рода льгот и уступок. Третий опыт был тогда сделан с академическим сенатом, думали, что он будет не так упорен¹. Граф Армфельд писал к генералу барону Мунку, вице-консулу университета, г. Арпа — ректору и другим членам сената. Барон Мунк тотчас же собрал чрезвычайный совет и предложил ему совсем готовый адрес преданности и усердия, писанный, как думают, Армфельдом. Двое членов были за адрес (*Шелман*, недавно сделанный сенатором и управляющим финансами, и *Арнель*, директор (?)). Сенат просил 48 часов для обсуждения вопроса и в следующем собрании, по предложению одного профессора, отвергнул предложение на том основании, что русские законы не позволяют служащим подписывать политические адреса и что сенат не имеет на то никакого права. Решение сената было принято с большою радостью. Подобные вызовы адресов были деланы и в других городах без успеха. В Або сенатор Брешер, созвав граждан, предложил написать адрес усердия и преданности петербургскому правительству, граждане не согласились, вице-президент Тильман был не более счастлив в апелляционном суде и пр.

¹ Вероятно, по сравнению с академическим сенатом Московского университета*.

ПИР В СТОКГОЛЬМЕ

В ответ нападениям на Швецию в полуофициальных журналах стокгольмские граждане сделали пир в честь М. Бакунина. Бакунин, мы уверены, — первый русский, в честь которого шведы давали не дипломатический, вынужденный обед, а дружеский, братский пир. Наконец-то и шведы увидели, что петербургское правительство и русский народ не одно и то же. На этом обеде молодой поляк провозгласил тост «в память Потебни и всех русских, погибших за польское дело!» Подробностей праздника у нас нет, ждем их с нетерпением.

Г-н М. ХОТИНСКИЙ И III ОТДЕЛЕНИЕ¹

Мы получили от г. М. Хотинского следующее письмо:

Милостивые государи,
в № 161 «Колокола» я прочел статью, в которой вы извещаете о полученном вами уведомлении, что какой-то профессор Ходинский или Хотынский отправлен от III отделения наблюдателем в разные страны и, между прочим, в Лондон, с жалованьем по 12 000 фр. или руб., засим вы прибавляете, что какой-то д. с. с. Хотинский проживает в Лондоне и занимается разными наблюдениями и пр.

Я не отвечал тотчас же на это извещение, потому что находился в России. Ныне, возвратясь на короткое время в Лондон, спешу настоящим ответом, покорнейше прося вас, милостивые государи, во имя *правды*, которой защитниками вы себя объявляете, напечатать это письмо в ближайшем номере вашего журнала.

До профессора Ходинского или Хотынского, которого я вовсе не знаю, мне нет никакого дела, равно как и до сделанного ему будто бы поручения. Что же касается до меня, нижеподписавшегося, то я долгом считаю довести до вашего и всех ваших читателей сведения, что я ни от кого подобных поручений не принимал, да вообще исполнять такие поручения не согласно с моим характером и убеждениями. Я в течение с лишком двадцати лет занимаюсь постоянно науками, а в последнее время

¹ О вторичном приезде ученого корреспондента III отделения собственной е. в. канцелярии мы уведомили в свое время поляков и русских друзей наших английскими журналами*.

присоединил к тому еще промышленно-торговое предприятие; к соглядатайству же и миссионерству чувствую себя совершенно не способным. Что касается до средств моих к жизни, то хотя до этого никому нет никакого дела, но я могу откровенно сказать вам, что, не говоря о собственном небольшом состоянии, я напечатал более двадцати томов учено-литературных трудов и сотрудничал во многих русских журналах, что доставляло мне постоянно около 4.000 руб. в год и менять этого *честного труда* на тот, который вы мне навязываете, я не намерен и даже не вижу выгоды.

Если вы имеете какие-либо положительные доказательства, что я продал себя, то напечатайте их, и пусть публика судит нас. Если же этих доказательств нет, то взводимое на меня обвинение есть чистая *клевета!* Спрашиваю вас и каждого: позволительно ли бросать грязью на честное имя человека из-за подозрения, не имеющего никаких положительных оснований? Вызываю вас доказать мою виновность, и если вы не докажете (что я энергически утверждаю), то пусть весь стыд клеветы падет на се изобретателя. Я был в Лондоне и теперь нахожусь здесь по моим частным делам и занимаюсь покупками да посещениями здешних ученых учреждений, а не присматриванием за кем бы то ни было или выведыванием каких-либо тайн политической пропаганды.

Повторяя просьбу мою о напечатании этого письма в ближайшем номере «Колокола», я желаю вам, милостивые государи, того же спокойствия совести, которым сам наслаждаюсь.

М. Хотинский.

31, Leicester square, London.

Для нас эта исповедь наивного сердца так же мало опровергает связи ученого автора «двадцати томов» с III отделением канцелярии е. в., как его личное объяснение у князя П. В. Долгорукова, которое г. Хотинский запомнил, несмотря на то что «Листок» мог ему легко напомнить*.

Требовать от нас доказательств *документальных* — старая шутка. Мы можем доказать только доносом на того, кто писал, но доносов мы не делаем или делаем их, на основании *similia similibus*, исключительно на шпионов*. Письмо, в котором нас извещали о служебных рекреациях г. Хотинского, я ему читал *вслух* при пяти свидетелях*, и он не изъявил никакого сомнения в его материальной достоверности. Но дело не ограничивается этим письмом. Мы были извещены и о *последующих действиях* ученого корреспондента потаповского заведения*; мы знали, что он снова едет в Лондон (в чем можем сослаться на князя П. В. Долгорукова и на несколько других свидетелей), и не знали, чему больше дивиться — цивическому ли мужеству г. Хо-

тинского или нелепости Потапова, посылающего того же тайного корреспондента в тот же город, где его тайный труд был так явно оценен, забывая, что маскарадная шутка оканчивается там, где падает маска.

Засим издатели «Колокола» отказываются от помещения всякого рода писем и статей г. Хотинского, — кроме «Колокола», есть много органов для таких продуктов.

ЛИЧНОЕ ОБЪЯСНЕНИЕ

На днях я получил следующую записку: «Старик писал из-за границы в Москву, что редакция просит денег за то, чтоб не печатать записки Трубецкого. В Москве об этом толковали с злорадством*. Несколько строк по этому поводу будут полезны — и чем скорей, тем лучше».

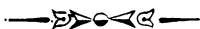
Жаль, что приходится объясняться в таком деле. Жаль, что старик, некогда мне знакомый, стал так легковерен. Я, может, и промолчал бы из уважения к памяти другого старца*, но чтоб отравить радость московских *друзей* наших, я напечатаю единственное письмо, писанное мною по делу записок князя Трубецкого, а личных разговоров я вовсе не имел.

31 декабря 1862 г.

М. г., письмо ваше огорчило меня по многим причинам. Предпринимая с религиозным уважением издание «Записок декабристов», я объявил об этом месяцев шесть тому назад и сказал о назначении денег, вырученных за их продажу*.

Я не имел ни малейшего понятия о том, что «Записки кн. Трубецкого» были присланы человеком, не имеющим права, и напечатал их. «Записки И. Д. Якушкина» продались и доставили 1000 фр. в пользу сосланных. Не имея в виду вашего письма, я на тех же основаниях уступил г. Трюбнеру «Записки кн. Трубецкого». Вы меня очень одолжили бы, написав, как мне следует поступить. Если остановить издание (что без объявления в «Колоколе» сделать нельзя), то, сверх издержек за печать, вы лишаете 1000 фр. несчастных людей и не захотите, чтоб я принял на себя расход.

Я полагаю, что лучше всего «Записки» издать и на них напечатать, что ваш протест опоздал*. Ответа вашего я буду ждать месяц, после которого «Записки» выйдут*.

ПОДЛЫЕ!

Монах *Конарский* и Генрих *Абихт* были повешены в Варшаве.

Муравьев расстрелял ксендза С. Ишору, потом повесил Болеслава Колышку¹.

Женщин, содержавшихся за пение гимна, секут, мужчин при допросе засекают, собираются наказывать за траур и пр.

«Покажи мне, как ты испугался, я скажу тебе, кто ты такой».

Подлость низких, ограниченных, пошлых натур во всей грязи своей выступает при страхе и чувстве своего бессилия. Злодеи расстреливали пленных начальников, — вещь, неслыханная по сю сторону Африки. Но...становится страшнее — первый дворянин вооружает мужиков *, Толль бьет помещиков по зубам*... еще степень страха, ну как, в самом деле, француз-то двинется — что мы сделаем, силенки наши малые, дело сиротское, *так давай вешать*, т. е. давай прибавлять к смерти оскорбление, ослепить человека, но прежде наплевать ему в глаза.

Роману Сангушке, да что Роману Сангушке — Христу плевали в глаза*, потом его повесили. Знаете вы ту великую картину, где Иисус с связанными руками кротко смотрит на беснующую полицейскую чернь, которая его бьет розгами*, — перед этим образом молились века, что же, много взяли палачи и их начальники?

Ни сердце, ни ум, ни опыт ничему их не учат, оттого что они *подлые*.

¹ Мы взяли имена пострадавших из русских газет. По иностранным прибавляют еще несколько убитых виленским злодеем — в том числе графа Платера и помещика Лешкович*.

Все прежние грехи, все настоящие недостатки Польши искупают ей — ее мученики и наши мучители. Они смертью своей убивают врагов своих. Каждое замученное тело, брошенное грязными палачами в землю польскую, освобождает ее и освобождает нас самих от призрачного патриотизма.

Нет, мы не верим, чтоб юное поколение России приняло на себя эти капли непорочной крови, эти веревки, срезанные с виселицы. Чтоб оно из любви к империи Российской стало со стороны палачей, грабителей, со стороны пытки, — для этого надобно быть самому подлым, проданным или сумасшедшим.

«ДЕНЬ» И «КОЛОКОЛ»

Наконец пришел и для «Колокола» *черный день*. Какой-то неутомимый г. Касьянов, проживающий в Париже, разгромил всех русских, не пощадил даже русской девицы Б., дочери заволжских степей, с луговой стороны матушки Волги, которая говорила *eh ben* вместо *eh bien*, — дошел, наконец, и до нас, грешных*.

Помещаем отрывки из его обвинений и сетования:

Никакими нравственными побуждениями не может быть оправдан союз с врагами родной страны, ничто в мире не может извинить призыв иноземной рати на родную землю! Разве не изменником русскому народу является теперь Бакунин, предводительствующий польским отрядом или шайкою *всякого сбора мастеров, подмастерьев и работников революции, охотников до крови* и до разрешения всяких задач грубою силою вооруженного кулака? Вы, конечно, знаете, что эта экспедиция не достигла своего назначения и вместо Либавы попала в Швецию. Стоит ли обращать внимание на такие противоречия!.. *Положительно* известно, что Бакунин в Швеции *торжественно* обещает шведам от имени России (!!) Финляндию и остзейские провинции, а Польше прибавку нескольких русских губерний. Москву, кажется, не отдает — ну и за это спасибо!

Что это такое? Разве не измена? Вы скажете — сумасшествие, но если и так, то это сумасшествие такого злого качества, что человек, нравственно способный впасть в подобное сумасшествие, уже тем самым преступен, преступен этою своею способностью! Верьте мне — лжет он: ни любви, ни уважения к народу нет в том человеке, который вносит меч и огонь к народу в дом и, самозванно величаясь представителем народа, навязывает ему силою, втесняет в него своими и чужими кулаками благо свободы своей личной выдумки и приговора! А то, что затеяно Бакуниным, разве это не та же вбиваемая, всаживаемая пулями, *всекаемая* свобода?!

Неужели в самом деле, как мне рассказывали, не только в Петербурге, но даже в Москве есть молодые люди, которые и после этих поступков Бакунина продолжают еще благоговеть пред его авторитетом и счи-

тать его дело честным и благородным? Не верю. Для этого были бы нужны два условия: или прогнать нравственно насквозь, или иметь в голове, вместо человеческого, мозг цыплячий, а всего этого в нашей молодежи я предполагаю не хочу и не смею.

Но кого мне искренно жаль — так это Герцена. Вы знаете резкую противоположность наших основных воззрений, вы знаете, как я смотрю на «Колокол», — но тем не менее я многое прощал этому человеку ради высокой искренности его убеждений и всегдашней готовности отречься от своего взгляда, если он убеждался в его ошибочности. Мне случилось его видеть вскоре после Восточной войны, и он рассказывал мне, какой мучительный год он прожил один в Англии, вдали от России, осажденной со всех сторон сильнейшим неприятелем; с каким лихорадочным трепетом брался он каждое утро за газеты, боясь прочесть в них известие о взятии Севастополя, как гордился его мужественной обороной. Когда я упрекал его за вредное влияние на русскую молодежь, в которой его сочинения развивают кровожадные революционные инстинкты, и указал ему на одну фразу его статьи в «Полярной звезде», Герцен оправдывался с жаром, отклонял от себя упрек в кровожадности, старался дать иное толкование своей фразе и положительно уверял, что не принимал ни малейшего участия в воззваниях к раскольникам, незадолго пред тем перехваченных в России.

И теперь этот человек — *в союзе* с деспотической Францией, с противным ему Бонапартом, с аристократической Англией, с политическими изгнанниками всех стран (о которых — собственно о французах — он отзывался с глубочайшим презрением, понятным только русской душе, ненавистнице лжи и фразы), *в союзе* с поляками, проповедующими не восстановление Польши, а порабощение русской народности в Западном крае и уничтожение русского народа, — с поляками, не признающими за нами никаких прав на политическое бытие и провозгласившими (в прокламации, *изданной там, у Бакунина, в Швеции*), что Польша должна быть восстановлена в пределах 1771 года! И Герцен в союзе с ними! И не только он в союзе с врагами русской земли — он содействует им советом и указанием, он, как сторонник их, радуется успехам польских шаек, т. е. поблению русских, празднует вместе с ними *варфоломеевскую ночь Польши, где несколько тысяч русских людей были умерщвлены самым предательским образом...* Конечно, Герцен не действует заодно с Бакуниным и, вероятно, не решится, как он, навести ружейное дуло на русского солдата, но он солидарен с Бакуниным, он не отрекся от него, и русская кровь, которую вскоре обгабится, а может быть, уже и обгадился Бакунин, забрызжет и на Герцена! От Бакунина мы ничего другого и не ждали и не уважали его никогда нисколько — но от Герцена мы не могли этого ожидать и — ждем... да, ждем раскаяния. Не может же быть, чтобы Герцен не понимал социальных и исторических требований русского народа. Он не так уже ослеп, чтоб не видеть, что русский народ не потерпит ничего чужого вмешательства, а тем менее вооруженного, что русский народ встанет весь, как один человек, за русское государство, за того, кого считает

своим представителем, кому вручил оберегательство чести народной и государственной... Стало быть, и Бакунину и Герцену пришлось бы иметь дело не с правительством и не с войском только, а со всею русскою землею, со всем русским народом. Народ не поддастся ласкательствам непрощенных и неуполномоченных попечителей о его благе, которые захотят отделить народное дело от государственного и предлагают ему чужестранную помощь против русского же правительства! Если и имеются у народа какие-нибудь свои порядки, то не путем крови, не насилем желает народ отстранить их... Неужели Герцен забыл русскую пословицу «Свои собаки грызутся, чужая не приставай»? Неужели Герцен сумел заглушить в себе то русское народное чувство, которое заставляет забыть все раздоры, все неудовольствия, все споры — в виду внешней опасности, грозящей всему государству?

Не только бездну роет Герцен между собой и русским народом, не только отлучает он себя навеки от родной земли, но если он не прекратит своего образа действий, если его возбуждениями прольется хоть одна лишняя капля русской крови — кровь русского народа, вместе с народным проклятием, падет ему на голову. И одна ли лишняя капля! Целые реки крови могут потечь — благодаря воззваниям, фальшивым манифестам и всяким соблазнам, расставленным совести безбородых увлекающихся юношей! Руки ли по локоть в русской крови, в крови русского народа, протянет он братски к русскому народу?!

Но знаете? Вы назовете меня сумасбродом, поэтом, по мне все сдастся, что Герцен не вынесет этого противоречия, что ему не удастся заглушить свою русскую совесть и что когда-нибудь, в одно прекрасное утро, он поступит совершенно по-русски. Кто знаком с психологической стороной русской уголовщины, читал уголовные дела и изучал русских преступников из народа, тот хранит в памяти своей множество случаев, как иной преступник-бродяга, в самом раздолье грабежа и разбоя, вдруг, ни с того ни с сего, вместо того, чтоб идти направо, по проторенной дорожке в кабак, берет налево — в земский суд, объявляет о себе и своем преступлении, отдается суду и несет наказание!.. Стоскуется русский человек по правде, надоеет ему ложь, опротивеет зло — и восстанавливает он правду наказанием и искуплением! Что-нибудь подобное, верьте мне, случится и с Герценом. Теперь, может быть, он еще будет потешаться над моими словами (а еще более станут глумиться над ними ваши петербургские весельчаки) — но как бы ни смеялся Герцен, а слова мои врежутся в его память... Пусть бы только перестал он губить нашу несчастную русскую молодежь, пусть бы внушал он ей истинное уважение к народу, а не деспотизм демократов, считающих себя вправе издеваться над невежеством народа обманами и подлогами! Фальшивые манифесты... Какая подлость, какое ругательство над народом! Этот обман, этот подлог, разве это не то же насилие, разве это не такой же деспотизм, не эксплуатация грамотного над неграмотным, зрячего над слепым, образованного над необразованным?!

Лист этот «Дня» дошел до нас поздно; мы будем непременно отвечать г. Касьянову в одном из следующих «Колоколов»; но нам казалось необходимым просить издателя «Дня» поместить в своем почтенном журнале следующее письмо *, посланное ему по почте 11 июня:

«М. г. В 19 № „Дня“ вы напечатали письмо г. Касьянова, который меня знает, но которого я вовсе не знаю*. Г-н Касьянов, вероятно, без больших слез оплакивает меня и, может, без дурного намерения клеветает на Бакунина. Ответ мой впереди — им я не буду беспокоить ваш „День“, но позвольте мне вступить за отсутствующего и просить вас о помещении этих строк в вашем журнале.

Напечатать их вы можете. Я уверен, что вы не решились бы воспользоваться начальническим разрешением обвинять нас, не испросив дозволения напечатать ответ. Сверх того, зная скромные размеры отечественной цензуры, я сокращусь до невозможности.

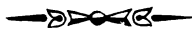
Бакунин никогда не предводительствовал никаким польским отрядом и не имел намерения предводительствовать. Его поездка имела совсем другую цель. Я не слыхал (а, кажется, мог бы!) ни о каком участии его в прокламациях, манифестах и пр.

„Положительно известно, — говорит г. Касьянов, — что Бакунин в Швеции торжественно обещает шведам от имени России (вы сами не вытерпели и поставили тут два восклицательных знака) Финляндию и остзейские провинции, а Польше — прибавку нескольких русских губерний“. „Что это такое, — продолжает г. Касьянов, — разве не измена?“

Нет, гораздо проще — это неправда.

Позвольте, почтенный сотоварищ, надеяться, что вы не откажете в просьбе уважающего вас изд. „Колокола“.

Orsett-house, Westbourne-terrace, 10 июня, 1863.»

ВОЛЖСКИЙ МАНИФЕСТ И РОССИЯ В ОСАДНОМ ПОЛОЖЕНИИ

Вот текст манифеста, разосланного по деревням на берегах Волги *. Мы его берем с печатного экземпляра.

*Божиею милостию
Мы, Александр Второй, и пр.*

В постоянной заботливости нашей о благе всех верноподданных наших, мы, указом в 19 день февраля 1861 года, признали за благо отменить крепостное право над сельским сословием богом вверенной нам России.

Уступая просьбам помещиков, мы, как ни тяжело было нашему монаршему сердцу, повелели однако всем временнообязанным крестьянам оставаться в течение двухлетнего срока, т. е. по 19 февраля настоящего 1863 года, в полной подчиненности у их бывших владельцев.

Ныне призвав всемогущего на помощь, настоящим манифестом объявляем полную свободу всем верноподданным нашим, к какому бы званию и состоянию они ни принадлежали. Отныне свобода веры и выполнение обрядов ее церкви составят достояние всякого.

Всем крестьянам, как бывшим крепостным, так и государственным, даруем в определенном размере землю без всякой за оную уплаты, как помещикам, так и государству, в полное, неотъемлемое потомственное их владение.

Полагаясь на верность народа нашего и признав за благо для облегчения края упразднить армию нашу, мы отныне впредь и навсегда освобождаем наших любезных верноподданных от всякого рода наборов и повинностей рекрутских; затем солдатам армии нашей повелеваем возвратиться на места их родины.

Уплата подушных окладов, имевших назначением содержание столь многочисленной армии, с дня издания сего Манифеста отменяется. Всем солдатам, возвращающимся из службы, также всем дворовым людям, фабричным и мещанам повелеваем дать без всякого возмездия надел земли из казенных дач обширной империи нашей.

В каждой волости, равно в городе, народ избирает четырех пользующихся его доверием человек, которые, собравшись в уездном городе, изберут совокупно уездного старшину и прочие уездные власти, четыре депутата от каждого уезда; избравшись в губернский город, изберут губернского старшину и прочие губернские власти. Депутаты от каждой губернии, призванные в Москву, составят Государственный совет, который с нашею помощию будет управлять всею Русскою землею.

Такова монаршая воля наша.

Всякий объявляющий противное и не исполняющий сей монаршей воли нашей есть враг наш. Уповаем, что преданность народа оградит престол наш от покушений злонамеренных людей, не оправдавших наше монаршее доверие.

Повелеваем всем подданным нашим верить одному нашему монаршему слову. Если войска, обманываемые их начальниками, если генералы, губернаторы, посредники осмелятся силою воспротивиться сему манифесту — да восстанет всякий для защиты даруемой мною свободы и, не щадя живота, выступит на брань со всеми дерзающими противиться сей воле нашей.

Да благословит всемогущий господь бог начинания наши!

С нами бог! Разумейте языцы и покоряйтесь, яко с нами бог!

Дан в Москве, в тридцать первый день марта, в лето от рождества Христова тысяча восемьсот шестьдесят третьье, царствования же нашего в девятое.

В подлинном собственною е. и. в. рукою подписано

(М. П.)

Александр

Печатан в С.-Петербурге при Правительствующем сенате.

Велика ответственность, которую берут на себя авторы такого рода воззваний. Путь этот опасен: народ перестанет верить печатному слову.

Мы уверены, что общество *Земли и Воли*, принимающее за правило устранять отдельные попытки, не имеет никакого участия в составлении этого манифеста *. Мы не сомневаемся, что это воззвание сделано людьми благородными, но не сообразившими, между прочим, и того, что они в нем поддерживают старую, несчастную мысль, что царь хочет дать настоящую волю, только ему все кто-то мешают, в то время когда ясно, что не только другие мешают царю, но он сам себе мешает, потому что он сам настоящей воли дать не хочет.

Если этот манифест издан особым кружком, то нельзя не посоветовать ему и всем другим присоединиться к главному обществу и действовать тогда с единством плана.

Хорошо и правительство, которое за распространение какого-то листка, *не имевшего никакого действия*, отдало всю Россию и всех русских произволу губернских начальств, т. е. диких губернаторов вроде пермского Лашкарева*. «Подобные преступления не должны оставаться безнаказанными, хотя бы цель, к которой они направились, и была для них недостижимой. Губернским начальствам вменено в обязанность, по высочайшему повелению, предавать распространителей лжеманифеста и *других* возмутительных воззваний военному суду *на тех основаниях*¹, на которых в прошедшем году повелено было производить военно-судные дела о поджигателях».

¹ То есть самым неосновательным образом расстреливать *, как два года тому назад расстреляли несчастного еврея в Одессе *.

ПОЛЬСКИЙ МАРТИРОЛОГ

УБИЕНИЕ ПЛЕННЫХ И РАНЕННЫХ

Русскими солдатами по приказу начальства убиты:

В Люблине *Франковский*, тяжело раненный.

В Киеве *Зелинский*.

В д. Варки *Кононович*, *Садовский*, *Лабенский*.

В Динабурге граф *Платер*, взятый не на поле битвы, не с оружием в руках...

В Вильне Юлиан *Лесневский*.

В Седльцах Константин *Мицевич*, Александр *Чарнецкий**.

Чему же удивляться, что солдаты добивают раненых, у них есть цель — снять сапоги. А эти отчего убивают? Оттого что они звери, оттого что они мерзавцы. Нет, не то: ни зверя такого нет, ни слова.

Покойтесь, святые мученики! Авось-либо русское имя, запятнанное вашей кровью, отмстит русской мезтью за вас! И да погибнут палачи ваши!

Мы кончили кровавый список, когда прочли, что раненый *Сераковский* повешен в Вильне. А в г. Лиде расстрелян ксендз *Фальковский**.

...Далее разбой, насилие и палачество идти не могут. Так вели Тридцатилетнюю войну, так оканчивали Богемию, так дикие в Азии и Африке истребляют целые поколения...

И есть рабы-риторы и рабы-доктринеры, прославляющие это злодейское царствование! И есть безумные, простодушно защищающие это кровавое правительство и подзадоривающие его!..* Тот, кто любит народ русский, тот должен во искупление его звать на главу его кару очистительных несчастий... Насколько поляки счастливее нас: им предстоит только честная кончина — позор завещается нам!

...Чего ждет старый мир — мир цивилизации, гуманности? Красноречием палат и журналов не развяжешь ни одной петли, затягиваемой царем, не отведешь ни одного дула от груди приговоренных.

Пора, наконец, разрешиться вопросу, кто из нас прав... мы ли в нашем недоверии к Европе или ее поклонники в своей вере?

Много горя приняли мы за нашу дерзость от наших ученых соотчичей, пока им *служба* не мешала быть рабами и Европы...

Кого же оправдывает она?

...В самом начале восстания мы отвечали на вопрос: «Что же Европа, разве допустит усмирить Польшу, как в 1831?» — «*Допустит!*» *

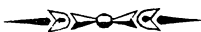
То же повторили мы через четыре месяца*. И теперь, через полгода, нам кажется, что она *допустит гораздо больше, чем* в 1831 году.

Конечно, Европа может сказать, что это не ее дело, и даже будет права по тому высокому понятию братства народов и круговой их поруки, которым так кичится Англия и которое называется *невмешательством*. Без сомнения, она имеет полное право сложа руки смотреть, как лучший, поэтический, рыцарский, доблестный представитель ее — Польша — гибнет, терзаемая грубым, плотоядным животным, паразитно выросшим на несчастном, забитом народе, и еще больше — смотреть с тем наслаждением, с которым, по словам Лукреция, человек, сидящий на берегу, смотрит на утопающего*.

Все это так — но Европа исходит участием... она, гуманная, сострадательная, вовсе не радуется, а кричит утопающему: «Работай, держись, выбивайся из сил... я тебе подам ..если не руку, то прекрасный совет и слезу сердца — не очень молодого, но все же чувствительного!»

Да и кому она повинна ответом?

Не поможет — так и не поможет. Неужели ей смотреть на то, что какой-нибудь сумасшедший датский принц скажет: «Одни публичные женщины и судомойки воют и причитывают тогда, когда надобно действовать!» *

«КОЛОКОЛ» И «ДЕНЬ»

(Письмо к г. Касьянову)

Милостивый государь,
после той доброй и благочестивой женщины, которая года четыре тому назад так усердно сокрушалась обо мне или по крайней мере об будущих судьбах моей души*, вы первый русский, пожалевший меня и признавшийся в этом в русском журнале, выходящем в России, — как же мне не быть благодарным и не отвечать вам? Журнальные или, лучше сказать, *дежурные* противники мои ограничиваются обыкновенным полицейским красноречием и думают, что, обругав меня, они исполнили все, что требует от них служба.

Вы если и *на патриотизме*, то все же не на службе, и я чрезвычайно рад поговорить с партикулярным соотечественником.

Вы сказали в вашем письме из Парижа, что *искренно* меня жалеете, — и я не хочу в этом сомневаться, но, по несчастью, можно быть очень искренним и очень ошибаться. Вы меня считаете в этом положении и, вероятно, ничего не имеете против того, чтоб я вам платил тою же монетой.

Как самый искренний человек под влиянием страстного увлечения может, любя истину, принимать за правду всякую ложь — это я вам сейчас докажу. Если б вы не были одержимы острым патриотизмом, могли ли бы вы поверить в «варфоломеевскую ночь Польши, где *несколько тысяч человек русских* были умерщвлены самым *предательским* образом»?

Где, в каком месте была эта варфоломеевская ночь? Когда погибли эти *несколько тысяч человек, предательски* убитых? Несколько тысяч трупов не могут процасть, как булавка. Делали ли вы эти вопросы? Спросили ли вы имена погибших полков, имена городов и сел, в которых они погибли?

Повторяя каннибальскую клевету, выдуманную полицией, подумали ли вы, какой страшный вред вы делаете? Пока полицейскую фантазию *муссировали* (как говорят у вас в Париже) *на вес* покупаемые журналисты, которых все презирают — а поляки иногда в самом деле *вешают**, — порядочные люди не верили; но, видя то же самое в журнале, представляющем хотя и крайнее мнение, но все же мнение, а не ведомство, многие убедятся, что в самом деле было так, — и вы плеснули масла в разжигаемую правительством племенную ненависть...

Встречая вашей верой варфоломеевскую ночь Польши, вы вместо грома проклятий *русскому*, «радующемуся избиению нескольких тысяч соотечественников», «жалаете» об нем. В этой непоследовательности я вижу что-то вроде сомнения насчет варфоломеевской ночи и, с своей стороны, начинаю жалеть, что меня не было с вами, когда вы были удручены ужасной вестью. Какой елей пролил бы я на вашу скорбь — я сказал бы вам, что эти несколько тысяч убитых, за исключением нескольких человек, слава богу, здоровы и значительно поправили свое бедственное положение, *молодецки* ограбивши пол-Польши*.

В начале восстания в двух-трех местах несколько солдат, застигнутых врасплох, были убиты. Эти кровавые и ненужные жестокости повредили повстанцам больше десяти *телеграфических* побед Шильдер-Шульднера, Витгенштейна, *Миллера*, *Шульца* и других немецких Пожарских*, спасающих Россию в виду Кракова, предательски отданного Австрии отцом нынешнего государя*.

Из этих отдельных фактов выдумали сказку о предполагаемой варфоломеевской ночи для поощрения солдат и патетического введения их в пугачевский день. Об нескольких тысячах я и не слыхал, несмотря на то, что с января месяца слежу с сердечным трепетом и самым напряженным вниманием за ходом дел в Польше. Я знаю многих из главных деятелей, я видел, как люди ехали в Польшу, и видел, как возвращались, я говорил с людьми, которые едва успели вымыть руки от пороху и от крови своих ран, и могу вас уверить, что ничего не слыхал похожего на разбой русских солдат, грабеж их начальников, добиванье, расстреливанье пленных и раненых. В последнее время явилось с польской стороны больше ожесточения, чем

прежде; пенять не на кого — это вызвано пожарами, грабежом, убийствами и начальническими зуботычинами.

Не говорите, пожалуйста, об этих интересных жертвах, которых карает таинственная, но жестокая рука вемического суда*, над которыми не могут довольно наплакаться *их товарищи по службе*... Приподнимите немного виноградные листья «*Journal de St.-Pétersbourg*» и, с другой стороны, банные листы «*Московских ведомостей*», и вы ясно увидите, что эти невинные жертвы — шпионы, доносчики, переметчики.

Они имеют, конечно, от природы право на жизнь, но приобрели тоже своим трудом право на побои и на все другие последствия ими избранной карьеры... Что прикажете делать с этой растленной тварью, ползающей по окровавленному полю, подслушивая, подглядывая, продавая, предавая своих? Как с ними быть не только в разгаре междоусобия, но на мирных берегах Москвы-реки? Что, напр., прикажете делать с... что это?.. будто кто-то испугался?.. а я нарочно сказал, у меня и имени собственного никакого в голове не было...

Если вы этих негодяев жалеете, то сделайте одолжение — не жалейте меня. Да и что вам об них печалиться?.. ночные гады, подслушивающие в мраке и тишине, по своему званию враги *Дня и Колокольного звона*.

И что значит уничтожение шпионов и переметчиков в сравнении с расстреливанием этих героических людей, отваге, преданности которых удивляется весь свет? За рядами солдат, за крепостной стеной сидит спокойно и безопасно какой-то презус Семяка* и приговаривает к расстреливанию — сегодня Нечая, завтра Падлевского, послезавтра Франковского. Правительство, переговаривая с Европой и корча гуманное лицо*, торопится в полумраке, на скорую руку, пока ее кто-нибудь не схватил за обшлаг, убить, придушить наибольшее число вождей, которым оно само может только поставить в вину их фанатическую любовь к отечеству. И ваше сердце молчит, когда на крепостном валу проклятых цитаделей один молодой труп падает за другим не в бою, а по Семякину суду?..

...Так, как вы поверили в варфоломеевскую ночь, несмотря на то, что петербургская история зажигательств* могла вам дать меру правительственного вранья, так, увлеченные ревнивым

патриотизмом, вы поверили всяким газетным сплетням, которые удят и продают *à la ligne** в низменных политических болотах тощие рыболовы немецких газет*, — и громите Бакунина, бросая в человека, много вынесшего за свои убеждения, ряд нелепых обвинений. Зачем же у вас так мало памяти, так мало критики, — и, простите меня, так мало сердца? Отчего вы не остановились ни перед каким раздумьем? Я не принадлежу к числу сентиментальных поклонников всякого страдания и всякого мученичества, но, признаюсь откровенно, что, прежде чем бы я решился на резкое порицание человека, вышедшего после двенадцатилетних каземат и ссылок* с тою же верой и с полной готовностью снова идти в каземат, с которой взшел в них, я десять раз подумал бы или по крайней мере поискал бы доказательств. Может, ваши московские круги очень обильны этими несокрушаемыми энергиями, этими цельными характерами, — все же это не резон.

Бакунин после своего приезда в Лондон несколько раз высказывал свое мнение об Литве и Волыни, об Подоле и Украине*. Оно *совершенно согласно с нашим мнением*, заявленным не один, а двадцать раз с 1848 года. Что наши мнения не совершенно ошибочны — в этом нас удостоверяют три свидетельства. С нами соглашались деятельные, передовые представители польского восстания*. С нами соглашались русские офицеры* и вообще русские независимые, т. е. не несущие на себе креста патриотизма и не ищущие аннинского креста в петлицу. Наконец, с нами соглашались — и это важнее остального — украинцы. Автор превосходной статьи в «Колоколе», 1860, лист 61, заключает следующими словами, сжато представляющими все воззрение наше: «Пусть же ни великорусы, ни поляки не называют *своими* земли, заселенные *нашим народом**».

Мы признаем отдельным провинциям полное право на всяческую аутономию, на вольное соединение, на полное слитие, на полное расторжение. Кто из нас будет оспаривать права остзейских провинций на неразрывную связь с петербургской империей? Их к этому паразитизму влечет, сверх симпатии и химического сродства, их гадкое отношение к финнам; немецкий элемент беспомощно потерялся бы на балтийских берегах без огромной полицейской руки, поддерживающей его; поэтому

мы находим, например, совершенно естественным адрес Езеля и других его товарищей. Ну, а Финляндия — она вовсе не просит полицейской поддержки, она вообще ничего не просит от Пестербурга, кроме того, чтоб он ее оставил в покое*; на каком же справедливом основании можно ей, против ее воли, втеснять благодеяния полиции, цензуры, III отделения?

Разумеется, что мысль федерализации и расчленения так же, как мысль национальности, можно довести до карикатуры преувеличениями. Но это будет шалость, а не возражение; только те группы, провинции, те части государства и будут добиваться до самобытности, которые имеют действительные элементы на особность, на самобытность. С какой стати Калужская губерния или Тульская скажет, что она хочет быть *своей*, как Украина?

Мы не верим ни в благосостояние, ни в прочность чудовищных империй, нам не нужно столько земли, чтоб любить родину. Желание географических расширений принадлежит к росту народов, и если оно переживает ребячество, то это свидетельствует только о неспособности такого народа к совершеннолетию. Все неразвитое — органическая пластика, начальное искусство — бросается на количественную категорию, все неразумное опирается на силу кулака.

Между вами, нами, русским народом и империей Всероссийской совсем нет столько общего, как думают. Мы знаем, как сильны предрассудки в этом отношении, но ведь и другие предрассудки были сильны и так же облиты были кровью жертв и кровью преданных, а где они теперь? Целость агломерата, хранение его наростов, отстаивание насильно проглоченных кусков, которых желудок не переваривает, — все это постороннее судьбам народа, враждебное им. Во имя сильной, несокрушимой империи народ был раздавлен, обобран, во имя ее держалось крепостное право, чиновничество, рекрутчина. И это не все. Отнимая все гражданские права у простого человека, у этого круглого раба, поддерживали в нем кичливую мысль о непобедимости Российской империи, в силу которой у него развилось, вместе с высокомерием относительно иностранцев, смиреннейшее раболепие перед непобедимыми своими властями.

Неужели и православный «День» принимает бусурманскую мысль немецких любомудров, что цель народа — государство..

так, как цель мужа и жены — брак? Кроме немца или доктринаера, никто не будет поддерживать такие школьные нелепости. Оставьте государственным людям, как Катков и Горчаков, проповедовать целостность империи. Они по своему положению должны защищать ими представляемое государство. Катков сознается, что не может без боли думать о потере Польши, он страдает, как будто у него отнимают ногу или казенные объявления. Ваш «День»-то зачем хочет владеть католиками? Эта патриотическая жадность никуда не годится, и можно, вовсе не делая преступления, отдать чужое. Никто не обвиняет английских министров в измене за то, что они отдают Ионические острова*. Лорд Чатам век тому назад говорил, что Америка настолько зрела, что не останется под опекой метрополии, и что потому умнее ее оставить в покое.

Ни сила без права, ни право без силы ничего не решают. Исторические воспоминания, археологические документы так же недостаточны для восстановления национальности, как насилие для ее подавления. Предание и *statu quo* составляют своего рода *выборку* — одно погибло, другое осталось, изменилось; разные элементы, разные следы прошедшего переплелись в *настоящем* жизни народной, создали свои стремления, запросы. Чего хотят народы, они умеют заявить.

Навязать решение гораздо мудренее, чем кажется, и равно трудно правительству и революции. Что сделала прусская камера, призывая народ, не имеющий смысла политической свободы, к защите конституции? Что сделало русское правительство с Польшей тридцатью николаевскими годами? Поляки *в самом деле* хотят независимости и идут один против десяти, коса против ружья, револьвер против пушки.

Из сказанного вы видите, что ни один из нас не *предрешал* ни одного вопроса, относящегося до провинций. Мы присматривались, изучали этот предмет, но не решали ничего. Изучали не в польских воспоминаниях, не в мнениях русских государственных людей, а в самих совершавшихся событиях, насколько они доходили до нас.

Вы помните, может, торжество, устроенное народом Ковенской губернии осенью 1861? Целые деревни, старый и малый, с богородицами и хоругвями, с своими ксендзами и женами,

шли брататься с польским населением в воспоминание соединения Литвы с Польшей.

Испуганное правительство тотчас схватилось за оружие и, вслед за другой демонстрацией в Вильне, подвергло весь край военному положению*. Какое же еще доказательство может быть яснее, что Литва действительно тянет к Польше? — «Да это, видите, не литовский народ, а несколько помещиков, потерянных в целом народонаселении, и несколько горожан, составляющих едва заметную точку в итоге крестьян». Так для чего же войско, казаки, кавалерия, инфантерия? Неужели можно вести правильную войну с несколькими шляхтичами и горстью работников?

Осадное положение вообще делает очень подозрительным пламенную любовь народонаселения к правительству. И мы вправе были сделать наше заключение. Заключение это вовсе не ведет к признанию, что Литва принадлежит Польше, а что если ей не будут препятствовать насильем, то она пойдет с ней*.

Мнения нашего мы вовсе не скрывали, напротив, мы только во имя его и соединялись — и когда варшавский Центральный комитет хотел сблизиться с нами, тогда он нам писал, вперед заявляя свое согласие с двумя основами нашей религии, что «восстающая Польша признает права крестьян на землю, обрабатываемую ими, и полную самоправность всякого народа располагать своей судьбой»*.

Признавая это, члены Комитета могли остаться при своем желании восстановить прежние границы Польши. Раздел Польши никогда не был признан поляками, зачем же они с своей стороны вперед откажутся от провинции, не зная, не изведав, чего там хочет народ. Они могли догадываться, что Киевская губерния, напр., не с ними, но их ли это было дело говорить?

Около того же времени, т. е. прошлой осенью, три офицерских письма из Польши, просивших нашего совета, дали нам случай еще раз подробно и ясно повторить наше мнение и то, что мы подали руку Комитету именно на этих основаниях («Кол.», 147)*.

Какой же акт, какое слово можете вы привести в доказательство, что Бакунин изменил свое воззрение? Какую статью, какую фразу «Колокола» можете вы указать как предпрещающую вопрос о провинциях?

Вы говорите, что *положительно* знаете о каких-то *торжественных* обещаниях Бакунина, — дайте их!

Вероятно, вы не называете положительными доказательствами слова «собственного корреспондента» какой-нибудь немецкой газеты, пишущего свои *стокгольмские* письма из ближайшей полпивной?

Вспомните еще раз: вы это говорите во время войны, когда Россию полицейски толкают в кроважидный патриотизм и она подымает если не оружие, то адреса. Неужели же доблестно и хорошо в такое время, когда всякие кочегары à la Павлов и Валув разжигают дикие страсти, натравливать верящих вам людей на человека, который если и не согласен с вашим мнением, то все же действует из чистого убеждения, который если и не на ваш лад, то все же страстно любит народ русский, который не шарахнулся ни перед топором палача (который à la lettre был занесен над его головой), ни перед цепями, ни перед заточением, который вчера оставил страну долгой ссылки и сегодня пошел на новую опасность*.

Воля ваша — нехорошо!

Вы посмотрите, до чего доводит *дневной* патриотизм: «Nord» переводит статьи из «Дня»* рядом с отрывками из «Моск. ведомостей»; «Jour. de St.-Pétersbourg» их хвалит. И эти статьи пишутся бескорыстно, из любви к отечеству! Недаром я покои века любил народ русский и терпеть не мог патриотизма. Это самая злая, ненавистная добродетель из всех!

Нет, господа, вы мелко плавааете, ваш независимый патриотизм так неосторожно близко подошел к казенному, что издали кажется, будто бы у него красный воротник. В припадке фанатизма для вас не существует больше ни объективная истина, ни свободное суждение, вы не можете дать волю ни чувству, ни уму. Вы воображаете, что потом можно будет наверстать, а теперь не до спора, — но ведь до этого *потом* далеко, да сверх того вам надобно *chemin faisant*¹ не только стоять на одной доске с палачами, вроде изверга Муравьева, но поддерживать их вместе с Потаповыми и Катковыми.

Вы не можете больше признать незлодея в противнике.

¹ попутно (франц.). — *Ред.*

А было время, когда, «терзая друг друга в журнальных статьях, ни мы не сомневались, ни наши противники (т. е. ваши друзья) в горячей любви нас и их к России»¹. Было и другое время, когда эти слова вызвали дорогой для меня отзыв сочувствия*.

Теперь не те времена.

Теперь нас называют изменниками.

А ведь мы те же, стоим на том же чужом берегу, как в 61 году, может, немного виднее — от понижения хора. Слабые — разбежались от страха, фанатики — от изуверства; людишки, никогда не знавшие, что такое боль по народной воле, клеветавшие на нашего крестьянина, чтоб оправдать свое безучастие, свое эстетическое *fare niente*² и эпикурейское дегустаторство жизни, — людишки, таскавшиеся годы из угла в угол Европы, не зная, что делается в России, когда мы рвались страстью и мыслью домой и следили с лихорадкой за каждой подробностью крестьянского дела... и эти-то людишки туда же отвернулись от нас с патриотическим негодованием... ха, ха, ха...

Нет, не ждите моего раскаяния. Я все же скорее пойду в кабак, чем в земский суд. Моя совесть покойна, и не только совесть — покойна и незыблема моя любовь к русскому народу; что же бы я был без нее? Вся теплая, личная, поэтическая сторона моего нравственного бытия только в этой любви и в уповании, основанном на ней, потому-то я так ненавижу и *их* Петербург, и *вашу* Москву, и всю эту отвратительную империю, которой пульс меряется кнутом и пролитой кровью мучеников и которой каждая победа — обида всему, что дорого человеку.

Мы не можем изменить нашему воззрению, это сильнее нас, да и не хотим вовсе. Пусть все идет прочь, пусть идут старые друзья... их столько ушло, что остальных жалеть нечего. Пусть, читая на память свежие уроки своих профессоров рабства*, идет прочь часть молодого поколения. Жаль его; но мы знаем, как его воспитали нравственные кастраты, испугавшиеся *слишком большой воли*, захватившей их после смерти Николая, трусы, торопившиеся подтянуть паруса*, чтоб избежать бурь и кораблекрушений в корыте...

¹ Это было сказано в статье на кончину К. С. Аксакова. «Колокол», 1861*.

² *ничегонеделание* (итал.).— *Ред.*

Мы останемся в смиренной грусти ждать другого прилива... придет он или нет, придет на радость или на горе — мы все же не изменим ни истине; ни русскому народу... и если не можем ничем другим ему быть полезными, то будем полезны тем, что искупим его и вас в глазах грядущих поколений, свидетельствуя, что были же трезвые люди, когда вы все опьянели на царской попойке от страха перед Европой и от дешевой, поддельной Валуевки.

Придет время — и, вероятно, оно не за горами, — мы скажем своим и чужим, что мы делали во время кровавой борьбы... Ошибались мы или нет — не знаем, но знаем, что любовь наша равно не изменила ни родным, ни друзьям, что мысль наша ни на волос не отошла от тех оснований, на которых мы жили всю нашу жизнь, во имя которых говорилось каждое слово наше.

Вы понимаете, что это время не пришло, червь не источил еще трупы мучеников и падших воинов, раны не закрылись настолько, чтоб можно было касаться к ним, кровь льется как из ведра — и в руках полиции, тупой и бесчеловечной, бездна дорогих людей.

Вот главное, что я хотел вам сказать. Теперь, что вы там толкуете о *моем союзе* с Францией, с Наполеоном, с аристократической Англией, это — будемте откровенны — такой вздор, что тут просто хочется хохотать... Ведь вы это все употребили так, для тени, ведь *вы не верите этому*...

Сами же вы напомнили (хоть и не совсем верно) о Крымской войне. Я не скрывал перед расвирепевшим старым миром моего мнения и говорил его с варварской откровенностью в лицо, говорил и после*, когда еще «Русский вестник» ползал тяжелым и бескрылым насекомым около ног Англии... я и теперь то же говорю. Но мое мнение об Европе несколько не мешает мне еще откровеннее отзываться о казнях, грабеже и гнусностях, делаемых в Польше. «Язык мой — враг мой»; но ищите смело, может, сыщете двух врагов, подвойного языка не найдете.

Если же вы обвиняете меня за то, что диапазон наших статей изменился, что тон их другой, то в этом трудно оправдаться. Хороши бы мы были, нечего сказать, если б рассуждали теперь с тем философским спокойствием о польских делах, с которым я писал об них в 1859 году*.

Как будто тон живого разговора зависит исключительно от одного из участников? Расскажу вам в заключение один случай, который вам покажет, что камертон не всегда у нас в руках.

В начале 61 года в нашем изгнании готовился праздник, — праздник странный, небывалый. Русские выходцы сзывали изгнанников на свободной британской земле, сзывали представителей самого красного радикализма, самых крайних социальных учений; на этом празднике, при громе «Марсельезы», я должен был провозгласить тост за «Александра II, начавшего освобождение крестьян!»*

Что бы ни говорили с точки зрения чиновной *Vornehmtuerei*, бюрократической *Blasiertheit*¹ и доктринерского лакейства — а этот тост раздался бы далеко... Не ищите в этих словах ни хвастовства, ни высокомерия. О значении нашего праздника мы можем догадываться а *contrario*², взяв в счет то нежное внимание, которым правительство нас окружает, посылая одного лазутчика за другим присматривать за нами и заставляя двух-трех журналистов беспрестанно, но не бесплатно обругивать нас.

Пришло 10 апреля. Все было готово — и вдруг депеша о варшавских убийствах. Сжалось сердце. Стало как-то неловко от праздничных приготовлений... принесли письма от польских друзей; они не могли идти вброд по свежей крови и перешагнуть через родные трупы, чтоб праздновать с нами, и я глубоко чувствовал, что они правы. Украли у нас и этот день. Все точившее нашу жизнь, все исполнявшее желчью наше слово и приучившее к ненависти наше сердце снова всплыло... Отложить праздник не было никакой возможности, стали собираться гости, иностранцы щадили нас, русские краснели с нами вместе. О тосте за императора и помину не было, с тяжелым сердцем, без речей, а со слезами выпили мы за *освобожденных крестьян и освобождающихся поляков* и грустно опустили бокалы.

Вот как меняется тон.

На первый раз довольно; если вы будете отвечать, то позвольте мне обратиться к вам с просьбой: вы в вашей статье говорите о каких-то подложных манифестах* — что же, вы и их нам приписываете, что ли? Пожалуйста, уведомьте готового к услугам вашим

1 июля 1863.

И—р.

¹ аристократизма... пресыщенности (нем.).— *Ред.*

² от противного (итал.).— *Ред.*

НЕ ВЕРИМ!

22 № «Дня» в корреспонденции из Парижа говорит о новой мере иронического наказания поляков, преувеличивающих злодеяния русского начальства. Ее изобрел знаменитый И. С. Тургенев. Даровитый автор «Отцов и детей» будто бы вознамерился в подложной корреспонденции рассказать, «как один казачий полковник поссорился с своим есаулом за то, что тот жареных польских детей ест с французской, а не с английской горчицей»*.

Анекдот этот, напоминающий *дедов* и *внучат* (*дедов* каким-то букетом кургановского письмовника *, *внучат* — детской бесхитростности изобретения), нам кажется апокрифным. Тургенев вовсе не политический человек, это он доказал так же блестяще, как все, что он доказывал. Но не будучи человеком политическим, он все же *человек* — и понимает, как было бы безнравственно жартовать над поляками, когда над ними тешатся такие милые забавники, как Муравьев и вся палачующая братия. Не верим да и только! *

ПРОТЕСТ

Если останутся в изгнании десять французов, я останусь в их числе, если двое, я буду один из них; если останется один, я буду этот один!

Виктор Гюго*.

...Десять раз клали мы перо, чтоб прийти в себя, чтоб подавить горе и негодование. Слишком много ужаса и позора! Кровь пьянит *их... они* глумятся, *они* обругивают идущих на смерть, они оскорбляют трупы и пятнают вдов и жен павших и сражающихся — и все это русские, грамотные, *воспитанные*, пишущие в журналах... В нашей литературе ничего подобного не было.

Все скверное в русской натуре, все искаженное рабством и помещичеством, служебной дерзостью и бесправием, палкой и шпионством, — все всплыло наружу, украшенное *либеральными* бубенчиками, — всплыло, совмещая в себе в каком-то чудовищном соединении Аракчеева и Пугачева, крепостника, подьячего, капитан-исправника, голь кабацкую, Хлестакова, Тредьяковского и Салтычиху...

И в этом-то чаду убийств, пыток, стога, рукоплесканий палачам, в этом свирепом шабаше разъяренного патриотизма, дрожащего перед Европой и фырдыбачащегося перед связанным и раненым арестантом, просыпается, воскресает народ русский от долгой смерти под двумя гробовыми крышами! Неужели эта грязь, смешанная с кровью, послужит цементом, которым сплотятся сословия и касты — *в один народ?*.. Неужели выход из петровской эпохи будет со всей петровской бесчеловечностью и со всей допетровской исключительной национальностью?

Что делается в народе — мы не знаем. Прodelка адресов ничего не значит*. Но зато знаем, что *общество*, что дворянство, вчерашние крепостники, либералы, литераторы, ученые и даже

ученики повально заражены; в их соки и ткани всосался *патриотический сифилис*. Как далеко пошел яд, Москва доказала по-своему — стерлядями. Тост Муравьеву — историческое событие*. В пущее время разгара Французской революции мы не помним, чтоб в Париже пили за Карье или Фуше, ни даже чтоб делали овации литературным помощникам Фукье Тиввиля, журнальным *rougeoyeurs de la guillotine* — «поставщикам гильотины».

Перед таким падением молчать нельзя, надобно, чтоб честное меньшинство заявило свое *veto*, свой протест, чтоб оно заявило свой разрыв с обществом, потерявшим голову и сердце. Пусть они апеллируют «от пьяной России к России трезвой», пусть они положат начало очищения *России* в глазах всех народов, потому что теперь беснующийся Саул — не один Николай, а вся дворянская, служебная Россия.

Если никто не сделает этого протеста, мы одни будем протестовать. На голос человеческого негодования никакого права не надобно, тут нет ни ценса, ни табели о рангах; тут достаточно иметь совесть и не иметь безучастного хладнокровия. Личность человека вовсе не так поглощена государством и не так подвластна ему, как проповедуют по немецким теориям великорусские патриоты. Втеснять человеку поневоле племенную солидарность в преступлениях — последнее отрицание всякого нравственного достоинства его. В праве свободных людей не делать злодейств и не хвалить их никто не сомневался. Наши патриоты толкуют, что перед страшной опасностью, грозящей России, должны умолкнуть совесть и ум. Где эта опасность? Трусость — худой критерий. Если кому-нибудь грозит опасность, то разве одряхлевшей, неспособной в своих старых, немецких формах империи, которая ничего не умеет предупредить, ничего не умеет поправить и, полгода борясь с несколькими кучками повстанцев, от бешенства и досады, что не может их победить, принялась убивать раненых, вешать больных и грабить помещиков. Чем скорее эта империя развалится, тем лучше.

А они для спасения этой империи хотят поглотить всякую личную инициативу, заглушить вольный голос казенным хором, затерять лицо в массах, распустить его в стихиях, влекомых безотчетными приливами и отливами и которых именно оттого легко увлечь.

Если, в самом деле, вся Россия поверит им, что теперь следует обняться с Муравьевым и протянуть руку III отд., если она будет настолько *патриотична*, что не содрогнется ни от казней, ни от их апотеозы в журналах, то, одолевши восстание, Российская империя сложится в огромное славянское затишье, военный Китай, стоячий и скучный, который замрет в своем безвыходном рабстве и личной стертости.

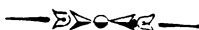
Вот почему надобно протестовать.

Для оппозиции молчания мало. При Николае еще можно было молчать, он сам молчал или отдавал приказы. Велеречие правительства и его *статеешников*, его канцелярий энтузиазма, его фабрики адресов не дают места молчанию.

Бывают минуты утомления и горечи, в которые кажется, что надобно переждать, что ничего не сделаешь против стихийного бешенства, спущенного с цепи и намеренно разъяренного, что не пересилишь словом горячечный бред и не совладаешь доводами с диким безумием... вовсе не ищущим себе логических оправданий. На деле выходит не так. Нет сил молча выждать, оттого что нет возможности отсрочивать боль и печаль... оттого что тут и схоронено и посеяно все, что у нас есть. Мы не монахи, чтоб стоять немymi свидетелями ужасов, совершающихся около нас, — у них была за временными бедствиями целая вечность и за слезой молитва, у нас нет ни молитвы, ни вечности; наша любовь, наши упования, наши интересы — всевременные, даже локальные, и мы не имеем интересов разве их.

Если наш вызов не найдет сочувствия, если в эту темную ночь ни один разумный луч еще не может проникнуть и ни одно отрезвляющее слово не может быть слышно за шумом патриотической оргии, *мы останемся одни с нашим протестом*, но не оставим его. Повторять будем мы его для того, чтоб было свидетельство, что во время общего опьянения узким патриотизмом были же люди, которые чувствовали в себе силу отречься от гниющей империи во имя будущей, нарождающейся России, имели силу подвергнуться обвинению в измене во имя любви к народу русскому. Может, наша речь иной раз, как угрызение совести, помешает пирующим между кулебякой Каткову и кубком Муравьеву!

15 июля 1863.

СИГИЗМУНД СЕРАКОВСКИЙ

«Он погиб, — говорит „Теймс“, — от рук солдат, которым сделал столько блага».

«Сераковский, — повествует корреспондент Н. Ф. Павлова, — начал говорить при допросе о долге, о чести, но был, *как говорится, срезан*. Сераковский должен, конечно, понять». И точка — даже a linea ¹. Это загадка, которой смысл должен быть мерзок, но непонятен.

Сказание «Кёльнской газеты» проще. «Сераковский, раненый в спинной хребет, не мог держаться на ногах. В день казни его солдаты принесли на помост и потом *его вздернули на веревке снизу вверх* (mit dem Strange von Unten in die Höhe). Накануне было разрешено проститься с ним его жене, но раненый был без памяти».

Теперь скажем и мы несколько слов русским солдатам о том, кого они несли и кого *вздергивали на веревке*. Нам все сдается, что русский солдат еще опомнится, а потому он должен знать. Сераковский в очень молодых годах попался в одну из николаевских проскрипций *, был отдан в солдаты в Оренбургский корпус и отправлен на берега Сыр-Дарьи. Там коротко изучил он ужасное положение полкового крепостного, военного раба, называемого солдатом. В дали, в которой не было ни контроля, ни посторонних, кроме киргиз, он наглядился на телесные наказания, и с тех пор им овладела одна мысль, дошедшая у него до фанатизма, до *idée fixe*, — добиться уничтожения палок, розог, шпицрутенов и пр. в русской армии.

В начале царствования Александра II Сераковский был возвращен в Петербург и в скором времени поступил офице-

¹ черта (лат.).— Ред.

ром в Главный штаб. С этого времени начинается непрерывный, упорный труд его. Имя офицера Сераковского так же мало должно быть забыто в деле отмены телесных наказаний в армии, как имя князя Орлова*.

Сераковский говорил, убеждал, проповедовал *уменьшение* телесных наказаний старым генералам, фрунтовикам, которые всю свою службу лупили солдат, он приучал их уши к своей якобинской мысли. Вторым шагом Сераковского были сравнительные статистические таблицы, составленные им самим, в которых наглядно доказывалось, что число преступлений в разных армиях находится не в обратном, а в прямом отношении с свирепостью наказаний, особенно телесных, так что, где больше наказаний и где они свирепее, там и преступления свирепее и многочисленнее. Как ни ясны были выводы Сераковского, им недоставало в глазах консерваторов авторитета. Сераковский выхлопотал у Сухозанета место делегата в статистический конгресс, собиравшийся в 1860 году в Лондоне.

Тотчас по приезде своем в конгресс Сераковский втеснил свой вопрос о телесных наказаниях солдат. Потребовал цифры, процессы, все подробности. Сначала в самой Англии на это смотрели с неудовольствием: им не нравилось сравнение с французской карательной системой. Военным секретарем или министром был тогда благородный и умный Сидней Герберт; нервный, подвижной, страстный Сераковский увлек холодного британца, *sir Herbert* велел ему доставить все сведения, дружески принимал его, познакомил с своей семьей и пр.

Мнение конгресса оправдывало выводы Сераковского. Тут не было, собственно, и вопроса, но Сераковскому нужно было это мнение для того, чтоб *генералми науки* и людьми, так высоко поставленными в мнении всего мира, как лорд Брум и др., пришибить наших генералов-дантистов.

Едва он сvez свой рапорт в Петербург, как снова поехал в Алжир и Францию для изучения на самой практике дисциплины и дисциплинарных заведений без телесных наказаний*.

Год тому назад он женился в Париже.

Мы познакомились с ним в 1860.

Человек деятельности непомерной, рассеянный, как все люди, поглощенные одной мыслью, сосредоточенные на одном

деле, он никогда не знал не только часу, но не знал, обедал или нет; постоянно занятый своим проектом, он не стеснялся с другими и несколько раз приезжал за полночь, будил меня, если я спал, и садился возле постели читать записку, листов в пять, которую ему надо было везти утром часов в 8 к Сиднею Герберту или в конгресс.

Мистик, как большая часть поляков, да мистик и по самой фанатической, нервной натуре своей, Сераковский по политическим мнениям был всего ближе к чисто социальному воззрению. К России у него не было не только тени ненависти, но он с любовью останавливался на мечте о независимой Польше и дружественной с ней вольной России *.

Не думал я, подтрунивая над его мистическими фантазиями и над его рассеянностью, что передо мной будущий мученик, что люди, для избавления которых от палок и унижения он положил полжизни, своими руками его, раненого, его, не стоящего на ногах, вздернут на веревке и задушат «не как *военнопленного* — что великодушно ему заметил конвоировавший его офицер-литератор, — а *как разбойника!*»*

У кого правильно поставлено сердце, тот поймет, что Сераковскому не было выбора, что он должен был идти с своими *... И такая казнь!

«ДЕНЬ» И «КОЛОКОЛ»

Богомольная старушка в комедии Островского рассказывала любопытный факт о каком-то салтане Махноте, который творил суд *по неправде*, так что и решение у него всякий раз выходило *неправое**.

Издатель «Дня», отодвинувший на второй план г. Касьянова*, сильно смахивает на этого Махнута. Конечно, г. Аксаков волен то же думать о нас, но на то есть третейский суд, и в этом случае довольно обширный, т. е. весь род людской. *Суд по правде* понятен всякому нормальному человеку, в какой губернии он бы ни родился, любит Москву или Петербург, ходит под благословение папы римского, попа русского или белокриницкого владыки. Суд *по неправде*, как постукивание духов, доступен только верующим и посвященным.

Правда обязывает до некоторой степени всякого человека, не лишенного здравого смысла и не награжденного *смыслом больным*. Вера не обязательна нисколько для ближнего, и сам г. Аксаков прекрасно доказал это в своем назидании кн. Августина Голицына*. Издеваясь над раскольническими верованиями простого народа, он, несколько кощунствуя в монополю господствующей церкви, обзывает, не без остроумия, их догматы, *их* святую веру «фокус-покусами спасения» и в то же время прибавляет, что они могут быть совершенно *искренны*. Августин Голицын, вероятно, с своей стороны находит аксаковский синодальный фокус-покус подозрительной пробы, да на беду еще имеет за собой весь католический мир. Поверка тут одна — инквизиция и костер. Но для этого надобно иметь на своей стороне полицию, свободу жечь людей — к тому же все это очень больно, но ничего не доказывает.

Издатель «Дня» имеет и другой критерий, он основан на «значительной доле русскости». Тут тоже беда. Не всякий родится русским, кто захочет. Как же убедить того несчастного, который с рождением принес в крови значительную долю андалузскости или скандинавскости?.. а таких очень много. Придется и тут внушать русскость муравьевщиной, т. е. казнь людей, лошадей, волов, усадьбы, поля и леса...

Мы считаем *неправдами те правды*, которых доказательства зависят от стихий, внешних разуму, и которые так близки к костру и виселице.

Двадцать лет тому назад я с ужасом отпрянул от славянофилов из-за их рабства совести. Я долгое время не умел понять дельную сторону воззрения, окруженного эпитимьями, отлучением, изуверством, духом гонения и нетерпимостью. Они на меня сердились за то, что я говорил — попадись им власть в руки, они за пояс заткнут III отделение и что, несмотря на все возгласы о Петербурге и немецкой империи, в них самих дремлет Николай, да еще постриженный в русские попы. *Ne réveillez pas le chat qui dort!*¹ По счастью, сущность их учения не зависит от них. Московские могоканы славянофильства пройдут скоро, а то, что было истинного в их воззрении, найдет мозги и сердца больше человеческие и меньше патриотические.

«Наши чужекрайные русские,—говорит г. Аксаков,—обеспокоились; они хлопочут *теперь* о том, как бы примирить житье-бытье за границей с „любовью к отечеству“, с живым участием в его судьбах. Одним словом, они хотят любить Россию издали и прослыть любящими ее, не расходуясь на эту любовь никакими пожертвованиями, не разделяя с Россией ее бед и напастей, не подсобляя нести общую ношу.

Они избрали часть весьма благую: пользоваться удобствами чужестранного быта и в то же время не тянуть никакой лямки — ни той, которую тянут народы, среди которых они проживают в качестве *гостей*, ни той, которую тянем мы все у себя дома...² Нам *решительно непонятны* притязания тех рус-

¹ Не будите спящего кота (франц.).— *Ред.*

² Какие же это особенные тяги несут у нас издатели? Что они—пошли на войну или пожертвовали полсостоянья? Не разорился ли уж издатель.

ских, которые слишком откровенно и явно выделили себя из среды русского общества и народа, стали не тайными, а гласными эмигрантами, в той или другой форме явились отступниками русской народности, нарушили духовное общение с русским народом; нам *непонятны их притязания* считаться русскими *наравне* со всеми нами, пользоваться правом нравственного гражданства в русском обществе».

Китайское обвинение человека за то, что он живет по ту или по другую сторону границы, вне Азии и Самары*, совершенно непонятно. Кажется, англичан мудрено обвинить в недостатке энергического патриотизма, но когда, в какое время целые семьи англичан не жили и не умирали на континенте, в Америке, и пришло ли кому-нибудь в голову ставить им это в преступление? А я еще смеялся в 1848 над Арман Марастом за то, что он определял свободу признанным правом *d'aller et venir*...¹ Трудно, особенно у нас, прививаются самые простые, элементарные понятия личной свободы. Мы все еще внутри себя «временнообязанные» и долго не будем уметь ни себя считать невольнотпущенными, а вольными, ни в ближнем уважать его личную независимость, все хочется по-помещичьи распоряжаться человеком *на его пользу*, не замечая, что этим путем люди доходят до военных поселений и до страшной полицейской бюрократии.

Г-н Аксаков, враг путешествий, как Николай Павлович, помещает меня в число тех русских, которые *теперь* хлопочут о «примирении житья-бытья за границей — с живым участием к судьбам России», и заключает тем, что ему решительно непонятны мои притязания быть русским *наравне с ним и другими*.

Ну, это *теперь* продолжается довольно давно, а именно *четырнадцать* лет. В 1849 я писал моим друзьям в Россию (у меня были тогда друзья в России), что я остаюсь на Западе *исключительно* для того, чтоб начать свободную русскую речь,

«Моск. ведом.»? Не проиграл ли Павлов на бивуаках «Наше время»?* В Англии мы платим и *income-tax* <подходный налог> и другие поборы, здесь других тяг не требуют. Конечно, мы в Европе гости, но во Франции меня трактовали совершенно за своего, и высылали, и осматривали бумаги, и не пускали десять лет.

¹ *уходить* и *приходить* (франц.).— *Ред.*

устроить для России бесценсурный орган*, и *исключительно* занимался этим с тех пор. Чего же мне было дожидаться касьяновского «Дня», чтоб заявлять мое живое участие и таковую же преданность?

Притязаний на равенство в «русскости» с г. Аксаковым и всеми русскими вообще я тоже никогда не покидал, и оно только не всегда было так *совершенно непонятно* славянофилам, как теперь. Я сберег несколько писем, дорогих для меня по глубокому сочувствию к моей деятельности, писем от людей серьезных и высоко стоявших в том стане, к которому принадлежит редактор «Дня». «Дело, вами начатое,— сказано в одном из них,— займет не последнее место в истории русского просвещения, „Колокол“—единственный орган, к которому прислушивается правительство... он заменил в нем совесть»*. Почему же мне было не считать себя русским наравне со всеми русскими? Не мог же я думать, что все это была ложь или мистификация, поддерживавшая меня в пагубном заблуждении, со стороны людей, которым я не делал никакого зла, которых любил, несмотря на разномыслие, но суждения которых я *не спрашивал*.

Не понимая, почему я имею притязание на нравственное гражданство в русском обществе, г. Аксаков естественно не понял, почему я хотел, чтоб мое письмо было напечатано в «Дне» (хотя я и сказал, что отвечать г. Касьянову буду в другом месте, что и сделал в прошл. листе «Кол.»*). Правительство, запрещавшее до шедоферротьевской брошюры* произносить мое имя, разрешило меня ругать*. Льготой этой жадно воспользовались квартальные надзиратели журналов благочиния. Я ждал нападку в независимом листе, чтоб приобрести право ответа, не наступивши в полицию. Мне казалось, что издателю будет совестно обвинять человека с завязанным ртом, и не ошибся. Письмо с моей подписью в русском журнале увеличивает мое нравственное гражданство в русском обществе.

«Что же касается до начальнического разрешения обвинять его и Бакунина,— заключает г. Аксаков,— то гг. Герцен и Бакунин, ставши явно в ряды противников русского народа и приняв участие в настоящем кровопролитии, сами дали разрешение обвинять их без всякого на то официального дозволе-

ния. *Никому и в голову не придет спрашивать или давать разрешение, чтобы обвинить Лангевича, Свенторжецкого, Чарторижского и им-подобных. Точно так же никому и в голову не придет заботиться о том, можно ли будет поместить возражение Лангевича, Свенторжецкого и других „бандитов“, когда им открыто поле всей европейской журналистики...»*

Итак, издатель «Дня» признается, что в России никто не считает нужным, осыпая бранью и обвинениями какого-нибудь «бандита» (кто не знает, что на русском языке, да и на всех, кроме итальянского, «бандит» не значит изгнанник, а разбойник), вроде Лангевича, заботиться, позволят ему отвечать или нет. Вот как азиатски бесцеремонно у нас еще обходятся с лицами, находящимися под гневом правительства. Это бросает печальный свет на популярность Муравьева, вешающего зря, и на Москву, запивающую шампанским его труды*...

Положим, что исключительный *патриотизм* г. Аксакова идет до грубости Бакунину, мне, всякому русскому, осмеливающемуся иначе понимать благо России, чем петербургские немцы, и иначе любить народ русский, чем московские славяне; но так по-генеральски обращаться с поляками, несущими не меньше его тягу своей родине, любящими свое отечество столько же, сколько г. Аксаков свое, — это непонятно! В чем состоит удовольствие назвать «бандитом» молодого героя, чистого поляка, который с горстью юношей бросил перчатку пресловутому Колоссу, продержался несколько месяцев без порядочного оружия, без воинов, прибывших к строю, подвергаясь ежечасно смерти, дрался, как лев, и кротко, бесшумно сошел с диктаторского кресла в австрийскую тюрьму..?* Да еще при этом наивно признаваться, что про Чарторижского, Лангевича можно печатать черт знает что, не заботясь о том, разрешат ли полицейские напечатать их ответ, и зная наверное, что иностранные журналы, в которых он будет, останутся за границей цензуры и империи! Жалкое паденье!..

...Но идем далее.

*Pièce de résistance*¹, Малахов курган неприятельских действий против меня составляет Бакунин, на нем и им издатель «Дня» хочет уличить меня во лжи, двоедушии, двусмысленном

¹ Основное звено (франц.).— *Ред.*

языке — словом, во всем, что делает из чиновника министерства иностранных дел прекрасного дипломата, а из неслужащего человека отъявленного негодяя.

На главное обвинение Бакунина я уже отвечал в письме г. Касьянову (прошл. листе «Колокола»), мнение Бакунина о самозаконности провинций *осталось неизменно*, я не читал ни в одной речи, ни в одной статье, чтоб он от него отказался. Может, он иной раз не возражал на какую-нибудь ультраэкзальтированную выходку поляка, но разве он не сказал в своем первом послании к славянам¹, что русские всего меньше имеют права восставать против ошибок поляков, что мы «слишком грешны против Польши, чтоб судить ее»*. Нечистая совесть, незаглаженное преступление, кровь на руках обязывает нас к большой скромности... сколько раз я эгоистически желал полного торжества польского дела, чтоб, наконец, стать с ними на равную ногу...

«Из Англии отправляется пароход, нагруженный оружием и целым польским отрядом для высадки на русском берегу. *Всем известно*, что пароход попал в Швецию случайно, вследствие отказа английского шкипера продолжать плавание до Либавы. С этим же отрядом находился на пароходе, *по уверению всех газет*, и Бакунин».

А сверх всех *есть еще многие*, которые знают, что Бакунин поехал в Стокгольм *месяцем раньше* экспедиции Лапинского и Демонтовича* и что его поездка не имела никакого отношения к экспедиции, о которой тогда, вероятно, не думал сам Демонтович. Положим, что Бакунин имел самые несбыточные цели, самые фантастические надежды, но все же он не имел целью *предводительствовать польским отрядом*; да и вряд ли было бы это сообразно желанию поляков, особенно в экспедиции, которой начальствовал такой опытный, знающий и отважный партизан, как Лапинский.

В Швецию пароход попал *не случайно*. Не капитан завез экспедицию в Швецию, а воспользовался тем, что коснулись земли, чтоб привести в исполнение план, с которым он, вероятно, поехал из Соутенда.

¹ «Колокол», 15 февраля 1862.

Вера в писания журнальные — вещь хорошая, но критика — вещь страшно полезная. Издатель «Дня» поверил даже *морской утке*, пущенной на берег русскими крейсерами, бояся *вахт «и продолжительных, и хладных»**.

«Бакунин, — говорит „День“, — остался в Швеции, когда, после долгой стоянки, экспедиция Лапинского попыталась вновь пробраться к курляндскому берегу, но, *завидев крейсеров и сославшись на бурю*, возвратилась в Швецию».

Итак, г. Аксаков в самом деле воображает, что Лапинский возвратился, испугавшись грозных аргусов наших, и выдумал бурю? Не нарочно ли он утопил двадцать товарищей своих, бывших на одной из двух лодок, спущенных в виду земли? Имена их известны, большая часть были французы и итальянцы. Лапинский не только не бежал от крейсеров, но *был уже на берегу* с экипажем маленькой лодки, когда большая лодка стала тонуть¹, ему ничего не оставалось делать, как плыть назад. Вторая экспедиция Лапинского не удалась, но это было верх отваги.

Издатель «Дня» верит не только гардемаринской утке, но и сухопутным лебедям первой величины, например, он верит тому, что «русских военных начальников в Польше упрекают в излишней и неумеренной деликатности с поляками», и не верит (не верить очевидностям, — такой же акт веры, но с другой стороны) в страшный ряд грабежей русских солдат, выжиганье городов и сел, в убийство раненых (которое теперь приняло на себя правительство*, а сначала предоставлялось охотникам). Офицеры испугались деморализации солдат, солдаты грубили им, офицер генерального штаба, Мехеда, был убит, останавливая русских солдат*. Многие из начальников помогали разбою и принимали львиную часть добычи; составились рынки, на которых открыто продавались вещи, награбленные у жителей, не принимавших никакого участия в восстании; сотни семейств бежали в Галицию укрыться от этого организованного разбоя. Все это делалось в самом начале восстания и

¹ На этой лодке были большей частью молодые люди, большая часть французов и итальянцев; когда не было больше никакого спасения, они громко прокричали на общем им языке: «Vivat Polonia!» («Да здравствует Польша!») и погибли.

продолжалось месяца. «Инвалид», «Север. почта» и даже «Моск. вед.» не могли вполне скрыть тех ужасов, которыми запятнали себя солдаты, а издатель «Дня», публицист, будто никогда не слышал ни слова об этом, упрекает нас, что мы выкапываем отдельные факты, невыгодные для храброго российского войска, и смягчаем зверские поступки поляков, вроде убийства какого-то жандармского капитана.

В моем письме г. Касьянову я признался, что действительно мы очень мало жалеем жандармов и сыщиков и вовсе не жалеем шпионов, казенных журналистов и других чиновников III отделения*... туда им и дорога. А то, если дать волю сентиментальности, придется плакать, когда какой-нибудь поляк пристрелит Муравьева, — зачем же нам отбивать хлеб у «Моск. ведомостей»?

Далее издатель «Дня» ставит ряд фактов и после каждого упрекает, что мы не протестовали. Почему он знает, против чего мы протестовали и против чего не протестовали? Разве только одно средство и есть протестовать? Славянофилы в старые годы лучше понимали строй партии. В прошлом «Колоколе» мы сказали: «Придет время, и, вероятно, оно не за горами, мы скажем своим и чужим, что мы делали во время кровавой борьбы... Ошибались мы или нет — не знаем, но знаем, что любовь наша равно не изменила ни родным, ни друзьям, что мысль наша ни на волос не отошла от тех оснований, на которых мы жили всю нашу жизнь, во имя которых говорилось каждое слово наше. Вы понимаете, что это время не пришло, червь не источил еще трупы мучеников и падших воинов, раны не закрылись настолько, чтоб можно было касаться к ним, кровь льется как из ведра — и в руках полиции, тупой и бесчеловечной, бездна дорогих людей»*.

Ну и довольно...

Хотел я эту статью кончить иначе, снова явилось желание высказать еще раз наш символ веры. Один период нашей заграничной деятельности явным образом пришел к своему рубежу. На его-то пределе, вступая в грозное и черное время, хорошо было бы приостановиться, проверить себя, сказать еще раз, кто мы и почему мы считаем себя русскими не хуже изда-

теля «Дня», — и в то же время «с злобной радостью» видим, как заседается петербургская империя, в которой для нас совместилось все, что мы ненавидим по мелочи на Западе, все, что отравляло жизнь нашу с молодых лет — от скованного слова, от отсутствия воли, от непрерывного зрелища наглого насилия и безвыходного рабства до начальнического тона, генеральского «ты» и помещичьего секущего раболепия¹. Хотелось нам потом спросить, что же удивительного, что боль от страданий народа, не бравшего никакого участия в оргиях империи, стоявшего молча и печально под ее же изнуряющими ударами, вместе с одинакой кровью в наших жилах до того тесно срастила нас, что мы, любя и жалея его за его несчастное прошлое, за бедственное настоящее, мало-помалу уловили несколько черт его *будущего* и этому *будущему* посвятили нашу жизнь так, как Альфиери посвятил свои трагедии — *al popolo italiano libero futuro?*..*

Но оставим это до другого раза. Не место в этой статье внутреннему голосу, в ней его примут за оправдание, а нам не перед кем оправдываться. На злые нападки, на узкие обвинения нельзя отвечать исповедью, тут надобно парировать удары противника, а не открывать ему свою грудь.

25 июля 1863.

¹ Есть что-то бесконечно возмутительное в постоянном противопоставлении русского дворянства польской *шляхте*, точно оно в самом деле было демократичнее ее. Не тем ли, что соединяло в себе все *хлопское* перед царем со всем *шляхетным* относительно хлопа? Да и давно ли же отняли из бесчеловечных рук помещиков-секарей русских крестьян? Ложь и постоянная ложь! Мало что нам выдумали целую хлестаковскую историю петровского периода, нам выдумывают настоящее и наговорят до того, что кто-нибудь и поверит.

...А ДЕЛО ИДЕТ СВОИМ ЧЕРЕДОМ

The emperor of Russia is himself at this moment the first revolutionist in Europe...

It is a popular insurrection against property, and the emperor is at the head of it...

Лорд Элленборо (Речь 24 июля 1863)*.

В этом-то и состоит вся непреодолимая сила *дела*, вся некогда умилявшая чувствительных естествоиспытателей *упорная экономия* и настойчивость природы. Весь секрет ее состоит в том, что если дело хорошо заквашено, то — вертись как хочешь — оно пойдет своим чередом, ему все на пользу, как иному обжорливому ребенку: ест себе всякую всячину, живот болит, а сам растет.

Много раз ставили мы вопрос: кому служат все ужасы, делаемые в западных губерниях, кому они идут впрок, в чью игру играют? И намекали на *суженого, которого конем не объедешь* («Кол.», л. 165)*; на наши слова мало обращали внимания. Ну вот, наконец, явился лорд Элленборо, который с британской откровенностью, в полном парламенте, да еще в высшем, сказал в чью и назвал суженого. «Русский император — первый революционер в Европе, он становится во главе освобожденных крестьян против их прежних господ, против землевладельцев, против собственности».

Мы воображаем, какие глаза Юноны сделает Александр Николаевич, прочитавши эти слова лорда Элленборо.

«Михаил Николаевич, — будет он телеграфить Муравьеву 2, — помилуйте, я забыл вам старые грешки, неплоченные прогоны, отложенные деньжонки, противодействие освобождению крестьян * и послал вас царским бульдогом православия,

народности и самодержавия, послал на усмирение мятежа, папежа, революции и конституции, а вы, забыв генерал-аншефское звание и вензель на эполетах, пошли в Прудоны, в Кабе... Обо мне в лондонском дворянском собрании какой-то уездный предводитель открыто сказал... страшно вымолвить, того и гляди, что отец и благодетель забудет, что он исключен за смертью из списков, встанет в ботфортах, каске... открыто сказал, что *Мы — первый революционер в Европе*, — мы, сказавшие, что мы первый дворянин московский? * С нами бог — и да расточатся поляцы!»

Как будет отвечать бульдог православия, обтерши кровь с губ, мы не знаем, а знаем то, что месяц тому назад мы сказали, что сам царь, когда хочет возбудить русский народ, с какой бы своекорыстной целью ни было, сейчас ударится в Пугачевы*. Если б Александр Николаевич читал «Колокол», как прежде, его Элленборо не удивил бы и не пришлось бы ему краснеть.

Там он мог бы прочесть еще два-три назидательные места и, между прочим, узнал бы нашу философию *дела, идущего своим чередом*, и зародыша, развивающегося путем *безумным*, когда ему нет разумного выхода*.

Каким хочешь будь *самодержцем*, все же будешь поплавром на воде, который действительно остается наверху и будто заведует ею, а в сущности носится водой и с ее уровнем подымается и опускается. Человек очень силен, человек, поставленный на царское место, еще сильнее, но тут опять старая штука: силен-то он только *с теченьем* и тем сильнее, чем он его больше понимает, но течение продолжается и тогда, когда он его не понимает и даже если противится ему: запруженный поток обходит плотину, низвергается порогами, вертится круговоротами, увлекает в омуты, бросает на отмели.

...Что может быть противоположнее усмирению восстания, как революция? А Элленборо совершенно прав: муравьевское усмирение политически-национального восстания — аграрная коммунистическая революция, пугачевщина, организованная самим правительством.

Что правительство русское хватилось за это средство — тут нет ничего удивительного: сколько раз толковали мы, что

петровская империя — диктатура, не имеющая никаких нравственных начал, ничего заветного, что она из Мономаховой шапки может делать все — от дурацкой прусской каски до фригийской шапки, ее цель — *власть и династия**. Император-Спартак нас так же мало удивляет, как гайдамачущая императрица *. Важный вопрос не в этом, а вот в чем: почему меры, именно эти, — меры экспроприации шляхты и землевладельцев, отдачи земель крестьянам, — первые представились правительству *естественными, необходимыми и возможными?*

Об этом мы поговорим в следующей статье *. А теперь прибавим еще один вопрос.

Почему с своей стороны Центральный комитет польский с самого начала поставил общей основой уступку земли крестьянам и выкуп ее правительством? * Почему при начале восстания в Литве земля провозглашена принадлежностью крестьян? *

ВИЛЛАФРАНКА ПЕРЕД СОЛФЕРИНО

Войны не будет!

На этот раз кто отгадал? Чье доверие оправдала Европа?
И *какое* доверие?

К чему же была у нас вся эта роскошь патриотизма, фанатизма, адресов, к чему 1812 год без неприятеля и с своими двадцатью подкупленными языками? *

Страх уляжется в сердце, адреса улягутся в архиве, а круговая порука с Муравьевым, а тосты ему останутся на совести, останутся в истории...

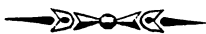
И. КЕЛЬСИЕВ И Н. УТИН

Два энергических представителя университетской молодежи — с двух совершенно разных сторон — спаслись от преследования петербургского правительства.

И. Кельсиев, брат издателя раскольниковских сборников *, был арестован по делу московских студентов и сослан в Верхотурье, оттуда его выписывали для каких-то допросов по делу Аргиропуло и Зайчневского. Аргиропуло умер в тюрьме. Зайчневского отправили в каторжную работу *. Кельсиева сенат приговорил к шестимесячному тюремному заключению, после которого ему приходилось снова продолжать свое изгнание в Верхотурье (так же, как это было сделано с Сулиным, Новиковым и Гольц-Миллером после их заключения в смиренном доме). Он предпочел — и прекрасно сделал — оставить сначала частный дом, в котором содержался, а потом и общий острог, в котором содержится Россия. Теперь он вне ее границ.

Н. Утин был в Петербургском университете, его имя, как имя Кельсиева, знакомо нашим читателям. Он был в числе *зачинщиков* петербургской университетской демонстрации, содержался в Петропавловской крепости и перед новым арестом решился оставить Россию.

От души приветствуем их обоих в Европе.

ВИСЕЛИЦЫ И ЖУРНАЛЫ

Мы не будем больше помечать политические убийства русского правительства, ни делать выписки из русских газет. Смертные казни взошли у нас в обыденный порядок. После собственноручных упражнений Петра I в России ничего подобного не бывало ни при Бироне, ни при Павле. Мы отворачиваемся со стыдом и горестью от виселиц и от их дневников.

1863 год останется памятным в истории русской журналистики и вообще в истории нашего развития. Героическая эпоха нашей литературы прошла. С университетских историй, с петербургского пожара* обличилось в ней новое направление: она сделалась официальной, официозной, в ней появились доносы, требование *небывалых* казней* и пр. Правительство, подкупая, поощряя всеми средствами поддавшиеся ему журналы, запрещало на французский манер органы независимые. Полицейская литература воспользовалась этим, она говорила не стесняясь, возражать ей в России никто не мог. Из независимых журналов, имевших политическую мысль, удержался один «День», его великорусский патриотизм ставил его в особое положение. Направление «Дня» мы знали; но откровенно признаемся, что если б год тому назад кто-нибудь сказал, что «День» будет называть открытых противников, сражающихся за независимость своего отечества, *бандитами*, а польское правительство, организовавшее восстание и управляющее между жизнью и смертью всей страной, *вертепом разбойников и вешателей*, мы бы не поверили, так, как не поверили бы тому, что на вопрос, что делать с инсургентами в провинциях, тот же журнал отвечал: разумеется, *казнить**,—и это без малейшей нужды — инсургентов и без того казнят, — а из желания заявить свое сочувствие, свое одобрение.

Патриотическое остервенение вывело наружу все татарское, помещичье, сержантское, что сонно и полузабыто бродило в нас; мы знаем теперь, сколько у нас Аракчеева в жилах и Николая в мозгу. Это заставит многих призадуматься и многих приведет к смирению. Не очень, видно, далеко образованная Россия забежала перед правительством? Ни французский язык в былые времена, ни берлинская философия, ни Англия по Гнейсту * ничего не сделали. Говоря чистым парижским наречием, мы секли дворовых и крестьян; рассуждая по Гнейсту, мы требуем конфискации военного управления и казней по секретному суду. Славянофилам есть чему радоваться: национальный, допетровский фонд не изменился по крайней мере в дикой исключительности, в ненависти к иностранному и в неразборчивости средств суда и расправы. Усовершенся один язык, все злое, прорывавшееся у Мара и у «Père Duchesne'a», перешло к нам: от каннибальских фраз до тонких намеков, ведущих прямо на виселицу или на исключение из живых. Таковы красноречивые *умалчивания* «Моск.вед.» об измене Константина Николаевича и графа Велепольского*, это в своем роде *chef-d'oeuvre'y*, которые наверно заслужили бы 4 на экзамене у Яго или у Don Basilio.

Рядом с полицейской мараатовщиной идут разбитные корреспонденции из Польши.

Человек по натуре свиреп. Толпы оставляют работу, не спят ночи, идут двадцать верст, чтоб увидеть, как вешают какого-нибудь несчастного или как сам Леотар висит на каком-нибудь мизинце. Первые всегда довольнее. Леотар когда еще сорвется и упадет, а на казни зрелище заключается всегда трагическим финалом. Из всех зверей один человек любит смотреть, как мучат ему подобного, один он из убийства делает удовольствие и называет его по преимуществу *охотой*. Но человек в гуманность воспитывается, он средой отучается от кровожадных инстинктов — какая же среда, в которой жили корреспонденты наших журналов? Мы не можем привыкнуть к их повествованиям. Это рассказы студентов в анатомическом театре о вивисекциях, смягчаемые иногда шутками и островами, от которых волос становится дыбом.

Один повествует, как дрожали ноги у человека, приведенно-

го на место казни для расстреливания*. Другой— как цвет лица осужденного на виселицу был зеленый и потом бледный, как в глазах была видна тревога*. Третий, сказав, что Падлевский не ожидал, что его осудят на смерть, прибавляет: «Забавник, он думал за свои злодеяния отделаться арестом..., но он забыл, что от великого до смешного один шаг»*. Где же во всем этом смешное? Надо иметь необыкновенную смешливость, чтоб находить забавным положение осужденного¹.

Какие же тут выписки и споры? Грустно проводивши старого знакомого в сумасшедший дом, мы станем ждать его выздоровления, навещая изредка и веря в здоровый организм, который все вынесет. Патриотическое бешенство слишком яростно, чтоб долго продержаться.

Тем, которые растлили наше слово, даром это не пройдет. Совесть пробудится — не у них, так у молодого поколения, не помеченного ни московскими профессорами, ни петербургским двором; оно с ужасом отпрянет от псалмопевцев виселицы, от клакёров Муравьева, от всех этих Коцебу православия и фельетонных Аракчеевых. Мы не сомневаемся в этом и потому оставляем их неистовствовать и оканчивать свое гнилое брожение.

5 августа 1863.

¹ Воображение привыкло у нас до того ко всем ужасам, что страшные образы пыток и истязаний являются первыми в голову. Один мирный фельетонист, который пишет вовсе не о Муравьеве и не о Польше, а о прогулке в Кронштадте, вот как выражается о непогоде, застигнувшей его: «Это была не та буря, про которую Пушкин говорит:

То, как зверь, она завоет,
То заплачет, как дитя.

Нет! А это был такой раздирающий душу и нервы рев, как если бы положить рядом батальон солдат и нещадно начать пороть его батожем; тогда бы, мне кажется, это было несколько похоже!»* Возьмите все литературы, от Саади и Гафиса до Диккенса и Гюго, и вы не найдете подобного сравнения.

ВЫВОД ИЗ ВЛАДЕНИЯ

Конфискация дело не новое, и тут мудрено отличиться даже Муравьеву. Когда убийство возводится в добродетель, а казнь противника в любовь к отечеству — чему же удивиться, что право собственности так же улетучивается, как право на жизнь. Конфискация относится к грабежу так, как оптовая торговля к мелкой, и доказывает только, что правительства в сущности никогда серьезно не принимали за право—право собственности. Что оно очень условно и вовсе не состоит в праве *d'user et d'abuser*¹, в этом, конечно, не мы будем спорить; но конфискация гнуснее всякой экспроприации тем, что она заключает в себе *не меру*, вызванную необходимостью, безличную, а наказание, месть. Тут вся бесконечная разница рекрутского набора вообще и рекрутского набора по выбору полиции, как это было в Варшаве. Одно — просто несчастье, другое — несчастье и обида.

Новое в сполации польского дворянства состоит не в отобрании их имений под бессмысленными предложениями², не в *выводе их из владения*, а в *вводе во владение их и мушкетером крестьян*.

План правительства очевиден, оно хочет, *per fas et nefas*³, вытеснить из Западного края польское население и привязать к России население православное, русинское узамы, более крепкими, чем статьи М. П. Погодина и филологические исследования великороссийских патриотов.

¹ употреблять и злоупотреблять (франц.).— *Ред.*

² «Кёльнская газета», напр., рассказывает о конфискации имения, принадлежавшего фамилии *Комар*, за то, что из их фамилии какой-то молодой человек 16 лет был взят в числе повстанцев.

³ правдами и неправдами (лат.).— *Ред.*

Решиться на азиатскую меру всеобщего изгнания, насильственного переселения не хватило духу; это было бы свирепо, несправедливо, но сильно. Низкое средство обвинений частных, основанных на доносах, т. е. растление крестьян, показалось ему приятнее. Не надобно думать, чтоб петербургское правительство вообще церемонилось употреблять такие *радикальные* средства; считая себя, по восточному понятию, собственником земли и населения, оно никогда не останавливалось ни перед чем и, не стесняясь, брало меры, которые берут хозяева со стадами. В Пскове голод, в Тобольске хлеб уродился хорошо; Николай приказывает гуртом, столько-то тысяч семейств, гнать из Пскова в Тобольск. В западных провинциях задача была мудренее. В Псковской губернии дело шло о мужиках... батальон солдат, несколько казаков в должности пастушеских собак, воз розог, и с богом в дальнюю дорогу *. В западных провинциях — дворяне, шляхта, ксендзы, горожане, и все это не молча страдает от голода, а громко требует воли и отчины. Ограбить их просто как-то неловко, тут и дворянская грамота и грамота, которую они знают, — гласность, шум. Что же делать?.. А духи-то подземные шепчут, как в «Фаусте»: «Отдай несправое стяжание крестьянам, отдай землю крестьянам, ты видишь, — и начальный комитет польский, и наши *заграничные* рефюжье, и рефюжье, оставшиеся в границах, только и бредят о том, чтоб землю отдать крестьянам... Отдай сам!»

И вот Гретхен-Муравьев спрашивает «Ihr Fläschchen (mit Tinte), Nachbarin»* и пишет:

Во время настоящего мятежа в числе лиц разных сословий, принявших участие в оном, находится значительное число мелкой шляхты, а также и однодворцев, имеющих притязание на свое некогда шляхетское происхождение. Лица эти, состоя большею частию поселенными на землях, принадлежащих обществам крестьян, как казенных, так и временнообязанных, оставляют свои жилища и хозяйство и присоединяются к мятежникам или, оставаясь на месте своего жительства, содействуют мятежническим шайкам, снабжая оные различными припасами, скрывая от военных команд их местопребывание и давая в своих жилищах пристанище злоумышленникам. Почитая справедливым лишить такие *лица права пользования теми выгодами и удобствами*, какие предоставляются верному своему долгу и присяге крестьянскому сословию, среди которого они поселены, я предлагаю вашему превосходительству сделать распоряжение,

чтобы земляные участки с усадьбами, на которых водворены однодворцы, шляхта и другие разночинцы, были немедленно отобраны от тех лиц, которые присоединились к мятежным шайкам или оказывают содействие оным, и таковые участки вместе с находящимся на оных хозяйством передать в распоряжение казенных или временнообязанных крестьянских обществ, в составе которых оные находятся, с тем: 1) чтобы общества предоставляли такие участки в пользование крестьянам-огородникам и бобылям или кутникам, которые не имеют полевых наделов, 2) чтобы участки эти отдаваемы были обществами тем из крестьян, которые отличаются порядочною жизнью и преимущественно оказавшим особые услуги по содействию своему к преследованию и уничтожению мятежников и 3) чтобы ввод во владение этими участками был производим не иначе, как по мирскому приговору. Затем прошу ваше превосходительство приказать прочесть во всех крестьянских обществах на полном сходе настоящее мое предписание, объявить, что, будучи уверен в преданности этих обществ государю и правительству, я поручаю их заботливости, чтобы они не допускали со стороны крамольной шляхты вероломных поступков и удерживали как шляхту и однодворцев, так и прочих разночинцев и дворовую челядь, живущую на земле, принадлежащей обществу, а также официалистов и помещичью прислугу от участия в мятеже и содействия оному; всех же, кто окажется виновным или будет заподозрен в сношении с мятежниками, задерживали, без различия звания и состояния, и передавали ближайшим военным командам, и если бы по какому-либо случаю нашелся между крестьянами такой, который, изменив верно-подданническому долгу, отлучился с места жительства для присоединения к шайкам мятежников или был уличен в содействии оным, то с участком и хозяйством такого крестьянина общество обязано поступить по приведенному выше указанию¹.

(11/23 июня 1863).

Попад на эту похвальную дорогу, Муравьев и пошел, и пошел. «Эту землю ты на аренду взял?.. На столько-то лет? Есть условие? Плотишь как надобно? Хорошо, а гимн пел? Вот тебе твое условие, вот тебе твоя аренда. А вы чего зеваете, в надел его аренду».

¹ Мы взяли этот образчик как один из самых характеристичных, хотя и сознаемся, что муравьевские приказы, предложения, распоряжения по этой части следовало бы перепечатать под заглавием *«Энклиридион Сполации»*— это образцовый кодекс отобрания собственности у целого сословия по мелочи. Если будущий Пугачев предпочтет такие воровские и нечистые средства *откровенному объяснению*, то ему стоит только муравьевские распоряжения перевести на свой язык, и ни один русский помещик не ускользнет, и ни один больше рубашки да разве трубки с собой не унесет.

Во всем этом нельзя не заметить наивность, достойную просвещенных времен и политической экономии персидского Кира и библейского Нимрода. Признание права собственности *наградой за порядочное поведение*, царской милостью — что скажете? Кого люблю, того дарю!

Далеко шел Гракх Бабёф, но Западом и администрацией ни он, ни Конвент 1794 года, ни коммунисты не могли подняться до того, до чего естественно дошел наш татарский Гракх *; вот что значит черпать премудрость из прямых источников Востока.

...Если правительство в самом деле распространит эти спартаковские меры во всей России и найдет таких рьяных исполнителей, то, пожалуй, людям, проповедовавшим права крестьян на землю и землю государственной почвой, никому, собственно, не принадлежащей, придется тоже строчить адрес Александру Николаевичу и благодарить его за то, что он державными руками (хотя и надев Муравьева рукавицы) изволил взять на себя все скорбное, насильственное, противное будущего *земского переворота*.

ПИСЬМО ИЗ ГЕЙДЕЛЬБЕРГА

Мы получили длинное письмо из Гейдельберга от 6 августа, автор не прочь, чтоб мы напечатали его без имени, но с нашим ответом. Мы не напечатаем ни имени, ни письма, ни ответа.

Мы еще раз просим всех господ, недовольных нами, посылать статьи в другие русские журналы, особенно когда в них, как в гейдельбергском послании, все так согласно с постановлениями императорской цензуры. Мы не намерены из редакции «Колокола» делать фехтовальную залу, в которую каждый, знакомый и незнакомый, может ходить пробовать свою рапиру с пуговкой и искусство своей руки.

ТОЧКА ПОВОРОТА

Господин издатель,
общество русских в Италии поручило мне прибегнуть к посредству вашего журнала, чтобы протестовать противу ложнопатриотических чувств, заявляемых официально Россией по поводу польского восстания.

Сам я пользуюсь этим случаем, чтобы вновь высказать мое живейшее сочувствие благородным деятелям польской независимости и заявить вам лично совершенное уважение и преданность.

Л. Мечников.

Флоренция, 8 августа 1863.

Мы с искренней радостью передаем нашим читателям *первое слово проснувшейся* русской совести. Подписавшие этот акт (нам известны имена) не ждали нашего протеста*, чтоб исполниться негодованием и порвать всякую солидарность с куртизанами Муравьева.

В ЭТАПЕ

Нас лягают... по слабости и форме копыт нетрудно догадаться, что за звери торопятся не отстать от жандармских одношерстных лошадей и от водовозных патриотических кляч, откровенно убежденных, что мир перестанет есть овес и утратит все добродетели конюшни, если снять отечественную дугу. Их усердие, предприимчивость и бесцеремонность ясно доказывают, что мы *в немилости* не только у Зимнего дворца, но и у большинства читающей России.

Мы привыкли к опале, мы всегда были в меньшинстве, иначе мы и не были бы в Лондоне, но до сих пор нас гнала власть, теперь к ней присоединился хор.

Союз против нас полицейских с доктринерами, филозападов с славянофилами — своего рода отрицательное признание нашего «нравственного гражданства» в России. За настоящим кварталным и поддельным зипуном поплелось от нас все слабое, шаткое, ни то ни сё, — нищие духом, расслабленные телом, приживалки литературных кругов, лазари, питающиеся крупицами с доктринерского стола, перешли на другую сторону и туда перенесли оптический обман своего существования. Они представляют ложную силу: думаешь, будто это мышцы, а на деле опухоль; во время борьбы это опасно, а потому они хорошо сделали, что ушли. Мы признаемся откровенно, что решительно не боимся ни оставаться в меньшинстве, ни даже совсем в пустой комнате.

Лет пятнадцать тому назад мы были в таком же положении перед европейской реакцией, мы не уступили ей ни на йоту и, только высказавши всю свою мысль, отошли в сторону, сохраняя сознание, что *правда* с нашей стороны¹.

¹ 179 стр. «С того берега»*.

В настоящем случае мы не отойдем и не замолчим, в русском деле нам недостаточно сознания своей правоты, мы хотим участвовать в нем. Оно развивается уродливо, безумно, преступно — *но идет своим чередом* *.

Западный мир был нам чужой не потому, что он за Таурогеном и Вержболовом, а по другому. Мы не признаем ни генерального, ни специального межеванья в общечеловеческих делах; у нас, как у Ноздрева, по эту сторону границы и по ту — все наше *. Люди имеют полное право мешаться во все и особенно в то, что делается около них. Философию собак, которую недавно нам проповедовал один великорусский журнал *, мы отвергаем, как отвергаем пошлую non-intervention дипломатов *; может, с борзой или гончей точки зрения и не следует приставать «чужой собаке, когда свои дерутся», но с антропологической не так, и Дон-Кихот, мешающийся не в свои дела, в тысячу раз больше человек, чем какой-нибудь лавочник, которому ни до чего нет дела, кроме до чужих денег. Королева Елизавета, вызвавшая своего посла из Франции после варфоломеевской ночи, и пивовары Берклея и Перкинса, выдравшие ус Гейнау *, без сомнения, играли лучшую роль, чем министры королевы Виктории, которые пьют портер Берклея с Бруновым в то время, как гнусный царский сатрап изводит поляков *. Называя Европу чужой, мы вовсе не думали о разноплеменности, — разноплеменность снята единством образования.

Чужим западный мир был для нас (и для многих своих) так, как ветхозаветная Иудея была *чужой* для христиан. Давно сложившийся юдаический мир, успокоенный в своем консерватизме, оселся в своих пределах и привык к ним; без тоски по лучшему, без угрызения совести, он свел жизнь на обряд, на ритуал, выработал форму для всех мелочей и для всех подробностей. Такой мир был *чужд* протесту жизни, задыхавшейся в нем, и подавлял силой стремление вырваться из коченеющей среды. Точно так и западный мир своим *назареем* противопоставляет законченный организм установившихся отношений, не допускающих сомнения в своих основах. Захватывая человека с самого рождения в свою сложно сплетенную паутину, он увлекает его с беспощадностью рока, не позволяя ему ни

одного движения *не по форме*; ни одного вопроса, ни одного сомнения далее известных границ, уродуя его мысль лжеаксиомами, суживая его горизонт заборами, отнимая у него всякий досуг и сталкивая его в омут мелочей, называемый по преимуществу *практической сферой*.

Выбьется западный человек или нет на волю, мы не знаем. Процесс длится и далеко не кончен. Во всяком случае задача его трудна; нитки крепки, узлы спутаны, и все не только вошло в тело, но вросло в него.

Мы вовсе не в этом положении; окончательного склада наша жизнь не приняла. В ее шаткости, в ее противоречиях бездна дурного, но не об этом речь. Речь о том, что мы не вступили в *консервативную эпоху* нашего существования, что у нас консерватизм — или полицейское сопротивление, или доктринерское подражание Западу; в обоих случаях — не вызванная необходимостью помеха.

Бытовое существование народа едва теперь приходит к сознанию и слову; полное сил и указаний, самобытности и способностей — оно бедно развитием. Другая жизнь, больше обозначенная, представляет у нас западную цивилизацию, переложенную на наши нравы. Народному характеру русскому не все стороны западной жизни соответствуют, это он доказал страдательным *non possumus** внизу и путаницей понятий наверху.

В западной жизни выработались нравственные понятия, совершенно независимые от всякого географического определения; это ряд истин, которые, однажды будучи открытыми, принадлежат всем, становятся вечным достоянием, присущим известному развитию, т. е. известному возрасту мозга. Но быт Запада не на них основан, он *своим бытом до них дошел*, и они оказались в явном противуречии с ним.

По мере усвоения их начинается ряд столкновений с ними преданий, привычек, сословных интересов и монополий, разрешающихся рядом сочетаний, уступок, компромиссов. Эти компромиссы, по большей части постепенно сложившиеся с случайными перевесами и искажениями той или другой стороны, по большей части едва прикрывают страшные противуречия существующего и логики и едва держатся на материальных

выгодах и на неразвитости масс. И их-то хотело сначала правительство втеснить нам под предлогом порядка и образования, а теперь втесняют умники под предлогом, что западный государственный и общественный быт — единая спасающая церковь цивилизации.

Они не заботятся даже о том, что если и у нас должны быть компромиссы, то они должны идти от *другого быта* и от других столкновений.

Неопределенность и беспорядок русской жизни, доводящий ее до безобразных крайностей и противуречий, до беспокойного отыскивания начал и бессмысленного хватанья за все на свете — с одной стороны, — элементарная прочность, выносливость народного быта, безучастность его к экспериментальным реформам и улучшениям — с другой — доказывает ясно, что жизнь наша не приняла окончательного склада, не натолкнулась на формы, ей соответствующие, не развила их из своего быта, не может найтись в чужих домах, не может осесться и живет на кочевье.

Первый раз, когда на своей окраине встретились две жизни, две России, первый раз, когда вопрос, их занимавший, разрешился не кнутом, — он разрешился *не по-западному*. По-западному даже *поставить* этого вопроса нельзя. С того дня, в который правительство косвенно признало право крестьян на землю, в который литература принялась обсуживать, с землей или без земли следует освобождать крестьян и если с землей, то как ею владеть — общинно или лично, начался первый серьезный компромисс между русским народным бытом и идеалом западной цивилизации. Вот почему молчавший века крестьянин заговорил, и заговорил дело.

Теперь, после этого первого, может, самого трудного шага, — теперь нам надобна ширь сличений, воля мысли, открытые во все стороны заставы, пуще всего снятые стропилы, отброшенные модели, которых оригиналы оказались негодными на Западе. И теперь, в это самое время, нашлись «изменники», проповедующие западно-восточный консерватизм петербургских балаганов.

То, чего не сделала цивилизующая империя, собираются сделать доктринующие цивилизаторы.

Веревки, которыми нас опутало правительство, легко порвать; это дело мышц, а не совести — как на Западе. Литературные Муравьевы хотят затянуть петли да еще уверить нас, что все это для нашего блага, они хотят не только подавить властью, но и развратить убеждением. Они теперь, в эпоху, в которую нам надобно разбить наш план, поставить вехи, хотят сузить нашу мысль, стыдят ее варварской необузданностью, ее неустановившейся многосторонностью, хотят привить нам консервативное старчество Европы и прививают только ее застарелые болезни; а то, что восполняет тупую покорность закону, оторопелую неразвязность мысли в Англии, то, что восполняет в романской Европе ее давно утраченную молодость, то, что сгладилось от долгого трения, — этого они не могут захватить; ни таможня, ни цензура не пропускают, да вряд и хотят ли. Они сами легко умеют обходиться без свободных учреждений, без свободы книгопечатания и поздравляют себя с победой над *революцией* 1862 года в Петербурге, о которой никто из нас не слышал.

Эту лишнюю, скучную страницу нашего учебника надобно выдрать. Довольно муштровали нас в петровскую эпоху, и нет необходимости, уничтожая телесные наказания, вводить духовные.

Мы, с своей стороны, насколько есть сил (много ли их — все равно, подают же воинственные адреса деревеньки в два дома и киргизские кибитки), будем мешать мандаринам-паукам заплетать нас в эту паутину, будем противудействовать этому второму и ненужному вторжению немцев. А что они нас будут осаживать задом жандармских лошадей, при одобрительном ржании и братской помощи их единоутробных подражателей, — это нас не остановит. Жаль только, что они перед ляганьем не обтирают копыт, грязи уж очень много; но *à la guerre comme à la guerre**.

20 августа 1863. []

POST SCRIPTUM

Нельзя дальше идти, не бросив взгляда на путь, пройденный от последнего этапа.

Пока мы плелись, прокладывая скромную дорогу нашему

русскому станку, шли и события — и дошли до какого-то поворота; тени явным образом прокладываются в другую сторону.

Десять лет тому назад Россия молчала, и перед нами стоял один враг — правительство. Оно не имело защитников в литературе и яростных партизанов в обществе. Литература молчала об нем, общество боялось его. Литература, за исключением всеми презираемых органов полиции, была оппозиционная. Общество не было оппозиционно: равнодушное и сонное, оно не имело мнения, оно *журировало* под кровом самодержавия.

Потом общество разделилось: одна часть возненавидела правительство за освобождение крестьян, другая полюбила за него. Вся литература стала в этом вопросе за правительство, а с легкой руки этого вопроса стало за него и в некоторых других. Литераторы в первый раз увидели возможность и удовольствие оставаться при всех выгодах либерализма без всех невыгод оппозиции. Таким образом, исподволь началась система *надежд и упований* со стороны литературы и система *хорошего понемножку (постепенности с хроническим задержанием прогресса)* со стороны правительства. Россия жила в каком-то оптическом обмане: правительство ничего не уступало, литература и доля общества были уверены, что они берут все. Правительство даже те мелочи, которые допускало, не узаконивало и могло всегда взять назад. Литература, имея анонимную гласность и временно смягченную цензуру, вообразила себе, что мы накануне радикального переворота, что конституция дописывается или уже переписывается, что свобода книгопечатания *est garantie*¹, что недостает некоторых формальностей, а главное дело сделано. Уверовавшие журналы приняли тотчас чрезвычайно европейский характер — несколько консервативный, но далеко не прочь от прогресса; они заговорили о политических партиях, об оппозиционных листах, о демократических, федеральных, социальных — забывая, что у нас много полиции и мало прав, что цензура *в самом деле*, а суд *только по форме*, и облегчая, таким образом, значительно работу Третьего отделения.

¹ обеспечена (франц.).— *Ред.*

Журналистика и правительство в этот медовый месяц казенного либерализма были в отношениях деликатнейшей учтивости. Журналы показывали величайшее доверие к реформирующему начальству, правительство толковало о горести, что оно не может так скоро улучшить и исправить все учреждения как ему хочется, толковало о своей любви к гласности и ненависти к откупу.

Они были похожи на двух благородных людей, споривших друг с другом в вежливости — один, требуя долг, говорил, что он вполне чувствует, как должнику его приятно заплатить; другой отсрочивал, уверяя, что он делает жертву, отдаляя наслаждение уплаты.

Это надоело, и не без причины, особенно правительству. В какую щель ни пропусти свет, он осветит что-нибудь нескромное, в какой искаженной форме ни давай волю слова, она доведет до дел. Правительство хмурилось, ждало каких-нибудь беспорядков, чтоб иметь предлог; беспорядков не было, пришлось взять меры решительные. Выдумали матрикулы и Путятина, набили битком Петропавловскую крепость студентами, набили самих студентов на Тверской площади в Москве *, но дело не удалось. Возникавшее общественное мнение не было в пользу драгонад, журналистика, еще державшаяся в границах стыда, не заявила ни любви к матрикулам, ни нежности к Путятину, ни одобрения к уличным сражениям с безоружными, барышни не хотели танцевать с преображенскими победителями *. Драгонады не удались; правительство, чтоб скрыть ошибку, вытолкало Путятину и Игнатьева. *Революция* в Петербурге («Московские ведомости») продолжалась, террор продолжался, правительство не знало, что выдумать, какие новые матрикулы... по счастью, пожар выручил. Недаром народ русский любит поджог.

Москва в 1812 пожаром освободила страну от иноплеменного ига, Петербург через пятьдесят лет тем же средством освободил императорскую власть от ига либерализма и многих публицистов от насилия притворяться благородными людьми.

Революция, террор были побеждены. Туча, нависнувшая над головами, прошла, плита, лежавшая на груди, превратилась в Станислава 1-ой степени... Испуганное общественное

мнение жалось к правительству, журналистика была за него. В это время показываются первые опыты доносов в печати, первые требования *энергических* мер, т. е. казней. Правительство, видя это настроение, воспользовалось им.

Что сказал бы наш незабвенный Чичиков, если б он увидел, как на развалинах мнимых баррикад и на пепле толкучего рынка Головнин и Валуев учредили открытые рынки, на которых покупались «мертвые души» *литературного мира?** Ремонтеры были посланы в Москву, где ни одной живой души не было после смерти Грановского и, следовательно, мертвых тьма-тьмуца.

Вскоре в нашей журналистике нельзя было никого узнать:

Все изменилось под нашим зодиаком*.

Как переменились наши публицисты... так ли, как образа *меняются* или по убеждению, — знает о том Н. Ф. Павлов, а не мы. Мы знаем одно: никогда нельзя было думать прежде, чтоб Щукин двор был так близок к их душе; только при утрате его можно было оценить, как он глубоко врос в сердце «Нашего времени», «Моск. ведомостей» и других «Пчел» и «Записок»*.

С поджогов, лишенных поджигателей, начинается циническая близость полиции и печати, *открытая связь* правительства с журналистикой. Государь рука об руку с Катковым на бале московского дворянства напоминает прогулку Нерона с Пифагором по улицам Рима*.

Сконфуженное общество не знало, куда повернуться; пожары его настращали, но их не было, правительство лыняло от всякого объяснения по этому делу и начинало пробовать смертные казни, каторгу за статьи... Снова было начался ропот, но тут на счастье правительства восстала Польша. Дворянство, отшарахнувшееся от престола за освобождение крестьян, страстно ринулось к нему при первой вести о порабощении Польши и заявило готовность принять в нем участие.

И вот перед нами, вместо одного Николая, трое врагов: правительство, журналистика и дворянство — государь, Катков и Собакевич.

ИЗ ЗАВЕДЕНИЯ А. А. КРАЕВСКОГО

... Таково... (каково было поведение французских эмигрантов первой революции) свойство всех выходцев, не умеющих действовать в трудные минуты отечества, которого они не знают и не любят, а принимающих на себя разные красивые позы агитаторов *издали, с того берега...*

С нашими эмигрантами та же история. Именно в то время, когда Россия приготавлилась к обновлению и наиболее нуждалась в людях талантливых, честных, дельных и знающих, когда готовилась уже крестьянская реформа, поднявшая народный дух и оживившая весь организм государства, когда мы напрягали все силы, чтоб вступить на путь новой гражданской жизни, — эти господа почли за благо *распродать* свои имения с своими *крепостными*, собрать деньги и уехать из родной земли, чтобы там, на другом берегу, спокойно наслаждаться зрелищем болезней, переносимых обновляющейся Россией, и утешать себя тем, что вот они, эмигранты, так высоко поставлены натурою и так великодушны, что не могут перенести русских порядков, предоставляя нам, чернорабочим, трудиться на самом деле; они же будут только издали писать нам наставления, похваливать изредка за прилежание или пускать в нас каламбурами, если что не по ним сделается... Гаже этой роли трудно что-нибудь придумать!.. («Голос», № 195)*.

Если б ученый автор этих достопримечательных строк спросил у своего принципала, он увидел бы, что очень легко не только придумать, но вспомнить роли гораздо гаже. Андрей Александрович Краевский, занимаясь двадцать пять лет пристанодержательством в русской литературе*, много видел и много помнит.

Действительно, судьба этого замечательного содержателя литературных притонов сама по себе очень интересна и может служить примером несправедливости и безапелляционности нашего суда. Краевский состоит четверть столетия в подозрении *грамотности и образа мыслей*, обнаруженного в ряде статей, писанных другими, но подшитых лист к листу им самим.

Напрасно люди, принимавшие участие в нем, оправдывали его, говорили, что грамота грамоте рознь, что есть три грамоты: одна читает, одна пишет, одна счета сводит — и что Краевский только дошел до первой и отличился в последней. Мало ли, говорили они, примеров у нас: читать человек читает, а писать не пишет, другой не пишет и не читает, а на счетах пощелкивает, словно орехи грызет. Но противники Краевского и тут нашлись, они говорят — это не доказывает, что у него нет образа мыслей, он не писал, но он диктовал, одному Белинскому томов десять продиктовал, а Белинский-то, сами знаете, что такое за человек. Так и остался Краевский в подозрении и мнении образа мыслей. Двадцать пять лет не шутка — кабы мнение его было беспорочное, можно было бы его представить к пряжке, вместо которой он исходатайствовал бы у Головина денежное вознаграждение. Это, впрочем, одно предположение. Беспорочного образа мыслей у нас нет, по крайней мере он не называется *образом мыслей*.

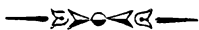
Открывая свои притоны приходящим, Краевский не мог отвечать за нравственность и ум посетителей. Радикалы и полицейские, натуралисты и богословы — кто не завертывал в горькую минуточку к нему. Дело Краевского было торговое, теткинское: он искал сбить цену товара, покупал иногда гнилой; но прежде у него была сметка, чутье, а с годами и богатством все это притушилось. Мы ему советуем, по старому знакомству, возбудить свою бдительную осторожность: она может с успехом заменить благородство.

Статья, из которой мы выписали несколько строк, направлена против кн. П. В. Долгорукова, и он в долгу не остался * — но по дороге задеты и мы.

О праве и значении эмиграции, о том, полезна или нет была наша десятилетняя деятельность, мы с Краевским и его лаборантами рассуждать не будем. Этого дела не разрешишь в коммерческом суде, на это есть инстанции повыше. Мы возьмем предмет, больше доступный практическому взгляду неогцианта, а именно: *продажу имения с крепостными людьми*. Положим, честнейший Андрей Александрович, что ваш фельетонщик не знает, продавал я или нет *крещеную собственность* *, но вы-то знаете, что я не продавал никогда никакого имения,

никаких людей; я смело говорю, *что вы это знаете*. Не отговаривайтесь тем, что я не назван по имени — это только *гаже*, говоря языком вашего фельетонщика; за прямое обвинение есть ответственность, а в прозрачном намеке всегда остается возможность ее отклонить. «С того, мол, берега — это не значит с вашего, коли есть Цепной мост, стало, есть и у III отделения и тот и этот берег».

Итак, вы, бесребреннейший Андрей Александрович, поместили *эту клевету совершенно сознательно*, чтоб подслужиться Головнину, угодить Валуеву, подладиться Долгорукову, и вы воображаете, что поступили расчетливо. Где ваше чутье? Великий... *(далее ценсура не пропустила)*.

ПОМЕШАТЕЛЬСТВО ПОГОДИНА ПРИНИМАЕТ ОПАСНЫЙ ХАРАКТЕР

На днях еще Михаил Петрович мог ходить по воле или содержаться под легким надзором сродников. Болезнь его была кроткая, он заговаривался, но безвредно. Так, например, он объявлял, что он почти знает, что Грейг не на Невском кладбище схоронен, но все-таки будет говорить, что он там схоронен *. Но болезнь растет так быстро, что на него следует надеть куртку. Судите сами:

Папского нунция принимать нам не надо, но от своих отщепенцев сугубо и трегубо оборони нас боже! Папский нунций, будь он сам Фома Кемпийский, Франсуа де Саль, Лас-Казас, Лакордер, не обратят у нас никого или очень мало, а Печерин, повторяю, обратит тысячи. Русский католик, чем он выше, чище, умнее, лучше, тем он опаснее, особенно ввиду русской мягкости, легкости, восприимчивости — и невежества! Покажите вы маленькое послабление в этом отношении, и половина нашего высшего сословия, особенно дамы, кинутся в объятия любезных французских аббатов! *О, с каким остервенением готов я был вцепиться в волосы (извините) какой-то Воронцовой или Бутурлиной, встретив ее в Риме с молитвенником в руках близ Piazza de Spagna («Моск. вед.»)*.*

Каково это великое *извините* в скобках!

СТАРИКА ВЁДРИНА КРЕПКОЕ ДО ПОЛЬСКИХ БРАТИЙ СЛОВЦО¹

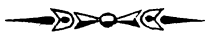
Братья! Сестрины дети! Одной матери дети! Не шали! Полно! Ведь впрямь безмозглые, одна кровь в жилах течет. Забыли, что ли? Ну, побаловали, и шабаш, надобно честь знать. Люблю вас, потому и говорю... не любил бы, не говорил бы; мне что до вас... велика надобность, пропадайте совсем со света. Ан нет, не усидел покойно в своей мурье: возьму, мол, да и скажу им слово. Русское сердце незлопамятное — сорвет злобу и отляжет. Михаил-то Николаевич спуску не дает, мы знаем этого Ваньку Каина, тяжел на руку... а вас, небось, по головке гладить да вяземскими ковригами кормить? Без наказания нельзя, «Домострой» того требует, семья без кулака не устоит, бог любит наказать. На что жезл у пастыря? — чтоб бить. Скипетр у царя зачем? — тоже палка, чтоб бить. У Ивана Васильевича Грозного была долбня; у Петра Алексеевича дубинка с железным набалдашником, теперь еще в кускамере хранится. Спине православной бывало больно, зато теперь сердцу хорошо. Петрополь вызвал из блат... флот, академия наук! Да что толковать, у вас под носом торчала гетманская булава — зачем? Волосы, что ли, расчесывать? Покойник Федор Лукич Морошкин, товарищ по факультету, говорил: «Булава ничего, — обиды нет — булава об голову стучит, голова об голову стучит». Помер не так давно, и не старый был человек, смахивал на покойного Николай Павловича со стороны, честный мужик был, малую толику семье оставил — на профессорстве не разживешься.

¹ Вёдрин тряхнул стариной и после двадцатилетнего молчания хватил и свой адрес — я, дескать, тоже Валуев!

...Что, бишь, я говорил? — Да, да, помню, ну, круто наказал Михаил Николаевич, что за беда!.. Свой ведь, не немец, варяго-рус, боярин, стыда нет, одной матери дети! Да и уж что влещил, того не воротить. Раб жестокий наказал, царь мягкодушый простит наказанного; царь простит — мужик простит! Царев ум — мужиково сердце!

Брось дело, говорят тебе, добра не будет! Не слушайся ты у меня этих проклятых ксендзов, эту вероломную шляхту. Что за поп, коли в православной церкви не бывает, «едина же на потребу?» Что за дворянин, коли белому царю не служит? Мятежники, крамольники, *бандиты*, как загнул им Деньской Сергееч*. Да и ты, шляхта, одумайся, не баламуть, одумайся, пока есть время, побереги ты руки-ноги свои, да и копейку-то побереги, пригодится, поверь — пригодится. Ты гонор-то под лавку, да и строчи батюшке царю челобитную: так, мол, и так, по молодости лет, по дурному товариществу и пр. Простит, ум у него не змеиный, а сердце голубиное, за всех болеет; 60 миллионов — шутка сказать! А потом уж заверни к старику, в Первопрестольную; возрадуюсь — что тебе Симеон Богоприимец — к сердцу прижму, в губы поцелую, не раз, три раза, по-нашему, по-русски, вытирай рыло, сестрин сын, и баста, все забыто, кто старое помянет — глаз вон!

Господи, владыко живота моего! Поляк, русский, лях, хорват, чех, украинец, хохол, москаль, чуб — единоутробцы, пальцы одной руки, а лезут в потасовку! Разбойники! Братья вы мои родные!

ЧИСТАЯ ЛОЖЬ

Несмотря на пошлую нелепость, напечатанную сначала в одном австрийском журнале и перепечатанную в нескольких немецких и даже в лондонском «Daily Telegraph'e», я все же считаю бесполезным заявить, что я никогда ни в какой переписке с императором Александром не был, что ни он и вообще никто у меня никаких проектов не спрашивал и, следовательно, я не посылал. Подобные новости распространяются русскими агентами с явной целью поселить недоверие к нам со стороны польских друзей наших. С этой же целью, вероятно, были посланы на мое имя *три письма* (два из Парижа и одно из Варшавы)*. Автора парижских писем *мы, наконец, узнали*. Из Варшавы ждем ответа; кажется, и варшавское письмо из той же фабрики — мы не преминем сообщить ее фирму.

29 августа 1863.

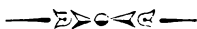
〈АДРЕСОЛОЖСТВО〉

Адресоложство продолжается, только, падая глубже и глубже, оно запуталось в розгах и орудиях пытки. В 210 № «Сев. пчелы», в *одном* № напечатаны приветствия Муравьеву: от Моршанского общества, из Тамбова, из Смоленска, еще из Моршанска, из Луги, из Симбирска, из Рязани, из Ахтырска и от петербургск. купеческ. общества для взаимного вспоможения*.

Русскому человеку не раз случалось спяну просыпаться в помойной яме, на этот раз он проснется в кровавой.

Нам кажется, что Муравьев напрасно теряет время, надобно ковать железо, пока горячо. Похерил бы он теперь Александра Николаевича, да и сел бы на его место. Общество, которое публично пьет за палача, вполне заслуживает, чтоб бразды правления над ним были в руках *вешателя*.

Что правительство и в этих демонстрациях играет роль подстрекателя, это мы знаем по сношениям кн. Долгорукова с *одним публицистом, которому было приказано хвалить Муравьева* *.

ТРАГЕДИЯ ЗА СТАКАНОМ ГРОКА

Тебе, друг мой Тата, дарю я этот рассказ
в память нашего свиданья в Неаполе.

28 сентября 1863 г.*

Очерки, силуэты, берега беспрерывно возникают и теряются — вплетаясь своей тенью и своим светом, своей ниткой в общую ткань движущейся с нами картины.

Этот мимолетный мир, это проходящее — все идет и все не проходит, а остается чем-то *всегдашним*. Мимо идет, видно, *вечное* — оттого оно и не проходит. Оно так и отражается в человеке. В отвлеченной мысли — нормы и законы; в жизни — мерцание едва уловимых частных и пропадающих форм.

Но в каждой задержанной былинке несущегося вихря те же мотивы, те же силы, как в землетрясениях и переворотах, — и буря в стакане воды, над которой столько смеялись, вовсе не так далека от бури на море, как кажется.

I

Я искал загородный дом — утомившись одними и теми же вопросами, одними и теми ответами, я взошел в трактир, перед которым стоял столб и на столбе красовался портрет Георга IV — в мантии, шитой на манер той шубы, которую носит бубновый король, в пудре, с взбитыми волосами и с малиновыми щеками. Георг IV, повешенный, как фонарь, и нарисованный на большом железном листе, не только видом напоминал путнику о близости трактира, но и каким-то нетерпеливым скрежетом петель, на которых он висел.

Сквозь сени был виден сад и лужайка для игры в шары — я прошел туда. Все было в порядке — то есть совершенно так

как бывает в загородных трактирах под Лондоном. Столы и скамьи под трельяжем, раковины в виде руин, цветы, посаженные так, чтоб вышел узор или буква; лавочки сидели за всеми столами с супругами (может быть, не с своими) и тяжело наливались пивом, сидельцы и работники играли шарами тяжести и величины огромного пушечного ядра, не выпуская из рта трубки.

Я спросил стакан гроку, усаживаясь в стойло под трельяжем.

Толстый слуга, в очень истертом и узком черном фраке, в черных и лоснящихся панталонах, приподнял голову и вдруг, как обожженный, повернулся в другую сторону и закричал: «Джон — водки и воды в 8-й №!» Молодой, неловкий и рябой до противности малый принес поднос и поставил передо мной.

Как ни быстро было движение толстого слугителя, но лицо его мне показалось знакомо; я посмотрел — он стоял спиной ко мне, прислонясь к дереву. Фигуру эту я видел... но как ни ломал себе голову, вспомнить не мог; удрученный, наконец, любопытством и улучив минуту, когда Джон побежал за пивом, я позвал слугу.

— Yes, Sir!¹— отвечал спрятавшийся за дерево слуга, и как человек, однажды решившийся на трудный, но неотвратимый поступок, как комендант, вынужденный сдать крепость, он бодро и величественно подошел ко мне, несколько помахивая грязной салфеткой.

Эта величественность и показала мне, что я не ошибся, что я имею дело с старым знакомым.

...Три года тому назад останавливался я на несколько дней в одном аристократическом отеле на Isle of Wight. В Англии эти заведения не отличаются ни хорошим вином, ни изысканной кухней, а обстановкой, рамами — и на первом плане прислужгой. Официанты в них совершают службу с важностью наших действительных статских советников прежнего времени — и современных камергеров при немецких *задних* дворах*.

Главным waiter'ом² в Royal hotel был человек неприступ-

¹ Да, сэп (англ.).— *Ред.*

² лакеем (англ.).— *Ред.*

ный, строгий к гостям, взыскательный к живущим, он бывал снисходителен только к людям, привычным к отельной жизни. Новичков он не баловал и вместо ободрения — взглядом обращал назад дерзкий вопрос, «как могут котлета с картофелем и сыр с латуком стоить 5 шиллингов?» Во всем, что он делал, была обдуманность, потому что он ничего не делал спроста. В градусе поворота головой и глазами, и в тоне, которым он отвечал «Yes, Sir», можно было до мелочи знать лета, общественное положение и количество издерживаемых денег господина, который звал.

Раз, сидя один в кабинете с открытым окном, я его спросил, позволяют ли здесь курить. Он отступил от меня к двери и, выразительно глядя на потолок, он мне сказал голосом, в котором дрожало негодование: «Я, Sir, не понимаю, Sir, что вы спрашиваете».

— Я спрашиваю, можно ли курить здесь? — сказал я, поднимая голос, что всегда удается с вельможами, служащими в Англии за трактирным, а в России за присутственным столом.

Но это был не обыкновенный вельможа, — он выпрямился, но не потерялся, а отвечал мне с видом Каратыгина в «Кориолане»*:

— Не знаю — в мою службу, сэр, этого не случилось, *таких* господ не бывало = я справлюсь у говернора.

Не нужно и говорить, что губернатор велел меня за такую дерзость конвоировать в душный smoking-room¹, куда я не пошел.

Несмотря на гордый нрав и на постоянно бдящее чувство своего достоинства и достоинства Royal hotel, главный waiter сделался ко мне благосклонен, и этому я обязан не личным достоинствам, а месту рождения — он узнал, что я русский. Имел ли он понятие о вывозе пеньки, сала, хлеба и казенного леса, я не могу сказать, но он положительно знал, что Россия высылает за границу огромное количество князей и графов и что у них очень много денег. (Это было до 19 февраля 1861 г.)

Как аристократ по убеждениям, по общественному положению и по инстинктам — он с удовольствием узнал, что я

¹ курительную комнату (англ.). — Ред.

русский. И, желая поднять себя в моих глазах и сделать мне приятное, он как-то, грациозно играя листком плюща, висевшего над дверью в сад, обратился ко мне с следующей речью: «Дней пять тому назад я служил вашему великому князю — он приезжал с ее величеством из Осборна».

— А!

— Ее величество, «His Highness»* кушали лонч, ваш эрчдук очень хороший молодой человек, — прибавил он, одобрительно закрывая глаза, и, ободрив меня таким образом, поднял серебряную крышку, под которой не простывала цветная капуста.

Когда я поехал, он указал мизинцем дворнику на мой дорожный мешок — но и тут, желая засвидетельствовать свою благосклонность, схватил мою записную книжку и сам ее донес до кеба. Прощаясь, я ему подал гафкرونу сверх взятого за службу, он ее не заметил, и она каким-то чародейством опустилась в карман жилета такой белизны и крахмальной упругости, которых мы с вами не допросимся у прачки...

—... Ба! — сказал я, сидя в стойле трактирного сада, служителю, подававшему мне спички, — да мы старые знакомые!.. Это был он.

— Да, я *здесь*, — сказал waiter и вовсе не был похож ни на Каратыгина, ни на Кориолана.

Это был человек, разбитый глубоким горем, в его виде, в каждой черте его лица выражалось невыносимое страдание, человек этот был убит несчастьем. Он сконфузил меня. Толстое, румяное лицо его, откормленное до арбузной упругости и полноты мясами Royal hotel'я, висело теперь неправильными кусками, обозначая как-то мускулы в лице; черные бакенбарды его, подбритые на пол-лице, с необыкновенно удачным выемом к губам, одни остались памятником иного времени.

Он молчал.

— Вот не думал... — сказал я чрезвычайно глупо.

Он посмотрел на меня с видом пойманного на деле преступника и потом окинул глазами сад, деревянные скамьи, пиво, шары, сидельцев и работников. В его памяти очевидно воскресал богатый стол, за которым сидели русские эрчдук и ее величество, за которым стоял он сам, благоговейно нагнувшись

и глядя в сад, посаженный по кипсеку и вычищенный, как будуар..., воскресла вся столовая, с ненужными вазами и кубками, с тяжелыми, толстыми шелковыми занавесами, — и его собственный безукоризненный фрак воскресал, и белые перчатки, которыми он держал серебряный поднос со счетом, приводившим в уныние неопытного путника...

А тут — гам играющих в шары, глиняные трубки, плебейский джинватер и вечное пиво draft*.

— Тогда, Sir, было другое время, — сказал он мне, — а теперь другое!..

— Waiter, — закричал несколько подгулявший сиделец, стуча оловянной стопкой по столу, — пинту гафанаф*, да скорее, please! ¹

Мой старый знакомый взглянул на меня и пошел за пивом — в его взгляде было столько унижения, стыда, презрения к себе, столько помешательства, предшествующего самоубийству, что у меня мороз пробежал по жилам. Сиделец стал расплачиваться медью, я отвернулся, чтобы не видеть лишний пенс.

Плотина была прорвана — ему хотелось сказать мне что-нибудь о перевороте, низвергнувшем его из Royal hotel'я в «Георга IV». Он подошел ко мне без моего зова и сказал: «Я очень рад вас видеть в полном здравье».

— Что нам делается!

— Как это вам вздумалось прогуляться в *наши* захолустья?

— Дом ищу.

— Домов много, вот тут, пройдя шагов десять направо — да еще другой. А насчет того, что со мной случилось, это точно замечательно.

Все, что я заработал с малых лет, все погисло — все до фардинга... Вы, верно, слышали о типерарском банкротстве* — именно тут-то все и погисло. Я в газетах прочитал, сначала не поверил, бросился, как поврежденный, к солиситору — тот говорит: «Оставьте всякое попечение, вы не спасете ничего, а только последнее израсходуете — вот, например, мне за совет потрудитесь 6 шилл. 6 пенсов отдать».

Ходил я, ходил по улицам — день целый ходил — думаю, что ж тут делать, со скалы да и в море — самому утопиться да и де-

¹ пожалуйста (англ.). — *Ред.*

тей утопить, — я даже испугался, когда их встретил. Слег я больным — это в нашем деле первое несчастье; через неделю воротился к службе — разумеется, лица нет, а внутри словно рана не дает покоя. Губернор два раза заметил, что вид у меня печальный, что сюда, мол, не с похорон ездят, гости не любят печальные физиономии. А тут середь обеда я уронил блюдо — отроду подобного случая не бывало — гости хохочут, а содержатель вечером отзывает меня в сторону и говорит: «Вы уж себе поищите другое место — у нас нельзя служить невоздержному человеку».

— Как, говорю я, я был болен.

— Ну, так и лечитесь — а здесь для *таких* места нет.

Слово за слово пошло крупно — он мне в отместку ославил по всем отелям пьяницей и буяном. Как ни бился, нет места — переменял я имя, как какой-нибудь вор, и стал искать хоть на время место — нет как нет, между тем всё, даже серьги и брошка жены — ей их подарила герцогиня, у которой она жила четыре года в должности *upperlady-maid*¹, — все пошло на крючок. Пришлось закладывать платье — это у нас первая вещь — без платья ни в одно хорошее заведение не примут. Служил я иногда во временных буфетах и в этой бродячей жизни совсем обносился — я и сам не знаю, как меня принял хозяин «Георга IV», — и он взглянул с отвращением на свой старый фрак, — кусок хлеба могу для детей заработать, и жена... она теперь... — он приостановился — она стирает на других, не надобно ли вам, Sir, вот карточка... она очень хорошо стирает. А прежде никогда... никогда... она... ну, да что толковать — где же нищим выбирать работу. Лишь бы *милости* не просить — а только тяжело...

Слеза, дрожавшая на реснице, блеснула и капнула на его грудь, уже не покрытую жилетом из лубка или латуни с белой эмалью.

— Waiter! — кричали с другой стороны.

Yes, Sir!

Он ушел, и я тоже.

II

Такой искренней, разрушающей боли я давно не видал. Человек этот явным образом подавался под тяжестью удара,

¹ главной горничной (англ.). — *Ред.*

разрушившего его существование, и, конечно, страдал не меньше всех падших величин, прибываемых со всех сторон к английскому берегу...

Не меньше?.. Да полно, так ли? Не больше ли в десять, во сто раз страдал он, чем Людвиг-Филипп, например, живший возле «Георга IV»?*

Крупные страдания, перед которыми обыкновенно останавливаются целые столетия, пораженные ужасом и состраданием, большею частью достаются крупным людям. У них бездна сил и бездна врачеваний. Удары топора в дуб раздаются по целому лесу, раненое дерево стоит себе, потряхивая верхушкой, — а трава грядой падает, подрезанная косой, и мы, не замечая, топчем ее ногами, идучи за своим делом. Я нагляделся на столько несчастий, что сознаю себя знатоком, экспертом в этом деле, и потому-то у меня перевернулось сердце при виде обнищавшего слуги, — у меня, видевшего столько *великих нищих*.

...Знаете ли вы, что значит везде, и особенно в Англии, слово *нищий* — *beggar*, произнесенное им самим? В этом слове заключается все: средневековое отлучение и гражданская смерть, презрение толпы, отсутствие закона, судьи..., всякой защиты, лишение всех прав... даже права просить помощи у ближнего...

...Усталый, оскорбленный возвращался этот человек в свою конуру из «Георга IV», преследуемый своими воспоминаниями, с своей открытой раной в груди, — и там его встречала старшая горничная герцогини, сделавшаяся по его милости прачкой. Сколько раз, должно быть, бессильный, чтоб наложить на себя руки, то есть покинуть детей на голодную смерть, он искал облегченья у единого утешителя бедных и страждущих — у джина, у оклеветанного джина, снявшего на себя столько бремени, столько горечи и столько жизней, которых продолжение было бы одно безвыходное страдание, одна боль в невидимой мгле...

...Всё это очень хорошо — да почему этот человек не стал выше своего несчастья? В сущности, быть напыщенным лакеем в *Queen's hotel* или скромным половым «Георга IV» — разница не бог знает какая...

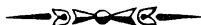
— Для философа, — но он был трактирным слугой, в их числе редко бывают философы — я помню только двух: Езопа и Ж. Ж. Руссо — да и то последний в молодых годах оставил

свою профессию. Впрочем, спорить нельзя, гораздо было бы лучше, если б он *мог* стать выше своей беды — ну, а если он *не мог*?

Да зачем же не мог?

Ну, уж это вы спрашивайте у Маколея, Лингарда и пр..., а я вам лучше когда-нибудь расскажу о других *нищих*.

Да, я знал *великих нищих* — и потому-то, что я их знал, я и жалею слугу в «Георге IV», а не их.

МИХАИЛ СЕМЕНОВИЧ ЩЕПКИН

Пустеет Москва... и патриархальное лицо Щепкина исчезло... а оно было крепко вплетено во все воспоминания нашего московского круга. Четверть столетия старше нас, он был с нами на короткой, дружеской ноге родного дяди или старшего брата. Его все любили без ума: дамы и студенты, пожилые люди и девочки. Его появление вносило покой, его добродушный упрек останавливал злые споры, его кроткая улыбка любящего старика заставляла улыбаться, его безграничная способность извинять другого, находить облегчающие причины — была школой гуманности.

И притом он был великий артист. Артист по призванию и по труду. Он создал *правду* на русской сцене, он первый стал *нетеатрален* на театре, его воспроизведения были без малейшей фразы, без аффектации, без шаржи; лица, им созданные, были теньеровские, остадовские.

Щепкин и Мочалов, без сомнения, два лучших артиста из всех виденных мною в продолжение тридцати пяти лет и на протяжении всей Европы¹. Оба принадлежат к тем *намекам* на сокровенные

¹ В 1847 я еще успел видеть два-три превосходные создания Фредерика Леметра*, и его я охотно поставил бы в стороне от больше или меньше талантливого гаерства парижских театров; но по мере старости и потери настоящих сил Фредерик Леметр заменял их преувеличением и впадал в такое неделикатное ставление точек на *i*, что я на него смотрел, как на развалину, ярко раскрашенную пестрыми красками, в том роде, как наше художественное правительство, бывало, белит и размазывает памятники. В исторических воспроизведениях и в необыкновенной спестости игры Théâtre Français сделал много; великих артистов он не развил, но развил необыкновенно умных артистов и превосходную труппу, играющую прескверные пьесы. Мы преимущественно говорим о мужчинах; женщинами европейская сцена богаче. Несмотря на все немецкие воз-

силы и возможности русской природы, которые делают неизбежной нашу веру в будущее России.

В разбор таланта и сценического значения Щепкина мы не взойдем; заметим только, что он был вовсе не похож на Мочалова. Мочалов был человек порыва, не приведенного в покорность и строй вдохновения; средства его не были ему послушны, скорее он им. Мочалов не работал, он знал, что его иногда посещает какой-то дух, превращавший его в Гамлета, Лира или Карла Мора, и поджидал его... а дух не приходил, и оставался актер, дурно знающий ролю. Одаренный необыкновенной чуткостью и тонким пониманием всех оттенков роли, Щепкин, напротив, страшно работал и ничего не оставлял на произвол минутного вдохновения. Но роль его не была результатом одного изучения. Он также мало был похож на Каратыгина, этого лейб-гвардейского трагика, далеко не бесталанного, но у которого все было до того заучено, выштудировано и приведено в строй, что он по темпам закипал страстью, знал церемониальный марш отчаяния и, правильно убивши кого надобно, мастерски делал на погребение. Каратыгин удивительно шел николаевскому времени и военной столице его. Игра Щепкина вся от доски до доски была проникнута теплотой, наивностью, изучение роли не стесняло ни одного звука, ни одного движения, а давало им твердую опору и твердый грунт.

Но, вероятно, о таланте Щепкина и о его значении будет у нас довольно писано. Мне хочется рассказать мою последнюю встречу с ним.

Осенью 1853 г. я получил письмо от М. К. из Парижа, что такого-то числа Щепкин едет в Лондон через Булонь*. Я испугался от радости... В образе светлого старика выходила молодая жизнь из-за гробов; весь московский период... и в какое время... десять раз говорил я о страшных годах между 1850—1855*, об этом пятилетнем безотрадном искусе в многолюдной пустыне. Я был совершенно одинок в толпе чужих и полужнакомых лиц... Русские в это время всего меньше ездили за границу и всего

гласы русских ценовщиков, Рашель была великая художница, а Франция реставрации, Франция Беранже, последняя веселая Франция, имела своим живым, веселым, гениальным представителем — Дежазе.

больше боялись меня. Горячечный террор, продолжавшийся до конца Венгерской войны *, перешел в равномерный гнет, перед которым понизилось все в безвыходном и беспомощном отчаянии. И первый русский, ехавший в Лондон, не боявшийся по-старому протянуть мне руку, был Михаил Семенович.

Ждать я не мог и утром в день его приезда отправился с экспрессом в Фокстон.

«Что-то он мне расскажет, какие вести привезет, какой поклон, какие подробности, чьи шутки... речи?» Тогда я еще так многих любил в Москве!

Когда пароход подошел к берегу, толстая фигура Щепкина в серой шляпе с дубиной в руках так и вырезалась; я махнул ему платком и бросился вниз. Полицейский меня не пускал, я оттолкнул его и так весело посмотрел, что он улыбнулся и кивнул головой, а я сбежал на палубу и бросился на шею старика. Он был тот же, как я его оставил: с тем же добродушным видом, жилет и лацканы на пальто так же в пятнах, точно будто сейчас шел из Троицкого трактира к Сергею Тимофеевичу Аксакову. «Эк куда его принесло, это ты приехал эдакую даль встречать!» — сказал он мне сквозь слезы.

Мы поехали вместе в Лондон; я расспрашивал его подробности, мелочи о друзьях, — мелочи, без которых лица перестают быть живыми и остаются в памяти крупными очерками, профилями. Он рассказывал вздор, мы хохотали со слезами в голосе.

Когда улеглось нервное раздражение, я мало-помалу заметил что-то печальное, будто какая-то затаенная мысль мучила честное выражение его лица. И действительно, на другой день мало-помалу разговор склонился на типографию, и Щепкин стал мне говорить о тяжелом чувстве, с которым в Москве была принята сначала моя эмиграция, потом моя брошюра «*Du développement des idées révolutionnaires...*» * и, наконец, лондонская типография. «Какая может быть польза от вашего печатания? Одним или двумя листами, которые проскользнут, вы ничего не сделаете, а III отделение будет все читать да помечать, вы сгубите бездну народа, сгубите ваших друзей...»

— Однако ж, М. С., до сих пор бог миловал, и из-за меня никто не попался.

— А знаете ли вы, что после ваших похвал Белинскому * об нем запрещено говорить в печати?

— Как и обо всем остальном. Впрочем, я и тут сомневаюсь в моем участии. Вы знаете, какую роль играло знаменитое письмо Белинского к Гоголю в деле Петрашевского*. Смерть спасла Белинского — мертвых я не боялся компрометировать.

— А Кавелин-то, кажется, не мертвый?

— Что же с ним было?

— Да то, что после выхода вашей книги, где говорится об его статье о родовом начале и о споре с Самариним, его призывали к Ростовцеву *.

— Ну!

— Да что же вы хотите? Ну, ему и сказал Ростовцев, чтоб он *вперед был осторожнее*.

— Михаил Семенович, неужели вы уже и это считаете мученичеством — пострадать при четверовластнике Иакове * советом быть осторожнее?

Разговор продолжался в этом роде, я видел ясно, что это *не только* личное мнение Щепкина; если б оно было так — в его словах не было бы того императивного тона.

Разговор этот для меня очень замечателен, в нем слышны первые звуки *московского консерватизма* не в кругу князя Сергей Михайловича Голицына, праздных помещиков, праздных чиновников, а в кругу образованных людей, литераторов, артистов, профессоров. Я слышал в первый раз это мнение, выраженное таким ясным образом; оно меня поразило, хотя я тогда был очень далек, чтоб понять, что из него впоследствии разовьется то упрямо-консервативное направление, которое из Москвы сделало в самом деле Китай-город.

Тогда это еще была *усталь, загнанность*, сознание своего бессилия и материнская боязнь за детей. Теперь Москва нагло и отважно пьет за Муравьева...

— А. И.,— сказал Щепкин, вставая и прохаживаясь с волнением по комнате,— вы знаете, как я вас люблю и как все наши вас любят... Я вот на старости лет, не говоря ни слова по-английски, приехал посмотреть на вас в Лондон; я стал бы на свои старые колена пред тобой, стал бы просить тебя остановиться, пока есть время.

— Что же вы, Михаил Семенович, и ваши друзья хотите от меня?

— Я говорю за одного себя и прямо скажу: по-моему, поезжай в Америку, ничего не пиши, дай себя забыть, и тогда года через два, три мы начнем работать, чтоб тебе разрешили въезд в Россию.

Мне было бесконечно грустно, я старался скрыть боль, которую производили на меня эти слова, жалея старика, у которого были слезы на глазах. Он продолжал развивать заманчивую картину счастья — снова жить под умилостивленным скипетром Николая, но, видя, что я не отвечаю, спросил: — Не так ли, А. И.?

— Не так, Михаил Семенович. Я знаю, что вы меня любите и желаете мне добра. Мне больно вас огорчить, но обманывать я вас не могу: пусть говорят наши друзья что хотят, *я типографию не закрою*; придет время — они иначе взглянут на рычаг, утвержденный мною в английской земле. Я буду печатать, беспреестанно печатать... Если наши друзья не оценят моего дела, мне будет очень больно, но это меня не остановит, оценят другие, молодое поколение, будущее поколение.

— Итак, ни любовь друзей, ни судьба ваших детей?

Я взял его за руку и сказал ему:

— Михаил Семенович, зачем вы хотите мне испортить праздник свиданья — я в Америку не поеду, я в Россию при этом порядке дел тоже не поеду, печатать я буду, это единственное средство сделать что-нибудь для России, единственное средство поддержать с ней живую связь; если же то, что я печатаю, дурно, скажите друзьям, чтоб они присылали рукописи, — не может быть, чтоб у них не было тоски по вольном слове.

— Никто ничего не пришлет, — говорил уже раздраженным голосом старик; мои слова его сильно огорчили, он почувствовал прилив в голове и хотел послать за доктором и пиявками.

На разговор этот мы не возвращались. Только перед отъездом в амбаркадере он грустно сказал, качая головой:

— Много, много радости вы у меня отняли вашим упрямством.

— М. С., оставьте каждого идти своей дорогой, тогда, может, иной и придет куда-нибудь.

Он уехал; но неудачное посольство его все еще бродило в нем, и он, любя сильно, сильно сердился и, выезжая из Парижа, прислал мне грозное письмо*. Я прочитал его с той же любовью, с которой бросился ему на шею в Фокстоне, и — *пошел своей дорогой*.

Прошло пять лет после моего свиданья с Михаилом Семеновичем, и русский станок в Лондоне снова попался ему на дороге. Дирекция московских театров задерживала какие-то экономические деньги, которые следовали в награду артистам. Тогда было время *рекламации*, и артисты избрали Щепкина своим ходатаем в Петербурге. Директором тогда был известный Гедеонов. Гедеонов начал с того, что отказал наотрез в выдаче денег за прошлое время, говоря, что книги были контролированы и возвращаться на сделанные распоряжения было невозможно.

Разговор стал упорнее со стороны Щепкина и, как разумеется, дерзче со стороны директора.

— Я должен буду беспокоить министра, — заметил артист.

— Хорошо, что вы сказали, я ему доложу о деле, и вам будет отказ.

— В таком случае я подам просьбу государю.

— Что вы это — с такими дрязгами соваться к его императорскому величеству? Я, как начальник, запрещаю вам.

— Ваше превосходительство, — сказал откланиваясь Щепкин, — деньги эти принадлежат, в этом и вы согласны, бедным артистам, они мне поручили ходатайствовать об их получении; вы мне отказали и обещаете отказ министра. Я хочу просить государя, вы мне запрещаете, как начальник... мне остается одно средство, я передам все дело в «Колокол».

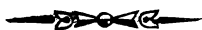
— Вы с ума сошли, — закричал Гедеонов, — вы понимаете ли, что вы говорите, я вас велю арестовать. Послушайте, я вас извиняю только тем, что вы сгоряча это сказали. Из эдаких пустяков делать кутерьму, как вам не стыдно. Приходите завтра в контору, я посмотрю.

На другой день сумма была назначена артистам, и Щепкин поехал домой¹.

¹ Анекдот этот, тогда же переданный нам из очень прямого источника*, мы не печатали по понятной причине.

...А как-то потухала его жизнь?.. Декорации, актеры и самая пьеса еще раз изменились... Что делал старик,^а доживший, с одной стороны, до осуществления своей вечной мечты об освобождении крестьян, в среде пресыщенного либерализма, патриотизма, кровожадного по службе, в среде доносов университетских *, литературных, окруженный изменниками своей юности, своих благороднейших стремлений, рукоплескающими возгласам Писемского*, статьям «Московских ведомостей» и казням Муравьева?

10 сентября 1863.

ВАРШАВА УТЕШЕНА!

«Ты возвратишься, благодатный!»

Из будущей песни.

Константин Николаевич, оставляя Варшаву на какую-то десятидневную экзекуцию и на муравьевское усмирение, утешил ее вполне *обещанием возвратиться*, когда опасность и тяжелое положение пройдут*. Какое счастье! Утерты слезы, утерта кровь, Варшава может быть покойна... жителей не будет, домов не будет, но великий князь возвратится!

Где те дни юных мечтаний, когда Константин Николаевич, вперя взгляд в широкое море и в крошечного Головнина*, мечтал о великом будущем... Плохо разыгралась игра, и это не случайно: без твердых начал, без полной веры, без всякой мысли в обыкновенный штиль можно еще кой-как поплавать с Головинным у руля, а в бури действительно лучше куда-нибудь в порт, да и возвратиться в хорошую погоду...

С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ ЛИВРЕИ И ЗАПЯТОК

«Граф Старжинский, избранный в гродненские губернские предводители дворянства, являлся к губернатору в *пиджаке*, без малейшего знака уважения, подобающего представителю законной власти в губернии» («Москов. вед.»)*.

Пиджак графа Старжинского первый после пальто князя Меншикова вносится в скрижали бытописания*, и этому он обязан *делириуму фискальства* одного из самых *муравленых* правительственных органов.

Тяжелый формализм, военная вытяжка (ррруки по швам!) и гражданское подобострастие в одежде, наружности и словах идет у нас рядом с другими мерзостями из самой неуклюжей страны в мире — из Германии. Неотесанность немецких нравов обуздывалась только чинопочитанием. Немецкие *Ферсали* постоянно сбивались на кордегардию и переднюю. Для немцев, не получающих вовсе воспитания, что не мешает им быть очень учеными, надобно было опростить нюансы, к которым привыкло порядочное общество во Франции и Англии, и заменить его этикетом внешним и обязательным. А потому церемониймейстеры и вахтмейстеры расписали для немцев, сколько пуговиц надо застегнуть в знак уважения, как кланяться и как говорить, когда сидеть и когда держать спину на ногах. Узкими штанами и фракком заявлялось уважение к старшему, застегнутым воротником — таковая же преданность и пр. Все это было перевезено под фирмой цивилизации в Россию. Византийские нравы московского двора с аристократами, которых пороли на конюшне, и сановниками, которых секли кнутом, давали удивительную почву для табели о рангах, для этикета, для заявления раболепия и самоуничтожения. Дворяне и дворни вскоре заткнули за пояс немцев. Русский лакей (до освобождения) и русский чиновник (может,

до конституции Лагероньера*) дошли до физиологической границы дисциплины и подобострастия. Еще шаг, и лакей-чиновник превратился бы в негра, еще шаг, и *вытяжной* офицер вытянулся бы в столбняк.

Кто жила в провинции, тот знает, до какой казуистики, до каких тонкостей и усовершенствований довели мы подлость чиновничества и наружные знаки раболепия. Чиновники в Вятке снимали шубы на губернаторском дворе и оставляли их в саниях; были губернские власти, которые если не успевали подать губернатору, которого называли *генералом*, шубу, то с умилением поправляли ее.

Один протест, одно негодование и слышалось против подлости в нравах. Русская литература позорила клиентизм, делала его смешным и гадким, делала его презрительным и заставляла стыдиться его.

А теперь печатно защищают «знаки уважения подобающие» и под этими знаками разумеют, вероятно, *фрак поутру*. В те времена, когда литературу держали в черном теле и гнали науку, не было красноречивых защитников «подобающих знаков», не было и кафедр рабства*, во всей России *тогда* не осмеливались публично пить ни одного не казенного тоста, но во всей России не нашлось бы рта, чтоб пить за здоровье Муравьева.

Есть гниения, которые только и обнаруживаются, когда до них коснется чистый воздух. По счастью, у нас материала немного, и разложение идет ужасно быстро, так что едва мы успеем обернуться, а вся верхняя короста из отвратительной гнили перейдет в то, во что должна — в тучное удобрение полей.

Все это так, но нет возможности оборониться от чувства негодования, боли и стыда при виде этого залавка в передней, в который упало наше *образованное* общество, наша торговая литература, наши университеты, украшенные новыми членами. Эта боль — последняя дань уважения комнате родительского дома или школы, где мы провели детство и юность и где теперь живет будочник или сыщик.

Еще слово. Как же это наши англомены в *нечистой* отставке* не подумали, что в Англии, в этом идеале преобладания собственности, капиталов, землевладельцев, — в аристократической Англии ни к одному министру, ни к одному сановнику, ни

к кому вообще никто *не ездит во фраке утром*. Фрак утром — признак лакея и может только накупиться на то, что человек в пиджаке пошлет его за своей каретой.

Господа, в честь пиджака графа Старжинского бросьте дикую привычку *являться* к начальству во ффраке в 8 часов утра.

С КОНТИНЕНТА

Письмо из Неаполя

5 октября 1863, Неаполь,
Chiaja, hotel Washington.

Ну вот я и на Киаие, и потухнувший Везувий передо мной, и синее небо, и синее море... Опять увидел я своими глазами романскую половину старого мира, проверил ее еще раз от Кале до Неаполя — и с тем же тяжелым чувством, с которым я покидал Лондон, гляжу на Сент-Эльм и Капри.

Светлых заметок, хороших воспоминаний я не привезу. На этот раз все хорошее и светлое принадлежит природе и *партикулярной* жизни.

Положение русского становится бесконечно тяжело. Он все больше и больше чувствует себя чужим на Западе и все глубже и глубже ненавидит все, что делается дома. Ни вблизи, ни вдали нет для него ни успокоения, ни отрады — такое печальное положение редко встречалось в истории. Разве в первые века христианства испытывали подобную скорбь — *чуждости в обе стороны* — монахи германского происхождения, развившиеся в римских монастырях. Спасать языческий мир не их было дело, его падение они предвидели, но не могли же они сочувствовать диким ордам единоплеменников, бессмысленно шедших на кровавую работу совершающихся судеб. Им оставалось одно — идти с крестом в руках и с словом братского увещания к рассвирепевшим толпам, стараясь добраться до чего-нибудь человеческого в их загрубелых сердцах. Креста у нас нет... слово осталось... но до человеческого чувства мы еще не договорились...

Как далеко мы разошлись в последние десять лет с западным миром, трудно себе представить. Мы в это время расправили

немного наши мысли, дали им обжиться в груди нашей, и с ними нам стало вдвое невыносимее стучаться на каждом шагу в какие-то крепостные стены, негодные на защиту, но оскорбляющие глаз и суживающие горизонт. Западные декорации нам пригляделись, пригляделись и здешние актеры, мы знаем их силу и их границу; они нас вовсе не знают. Мы оскорблены здесь в тех сторонах нашей внутренней жизни, которые мы дорого ценим в себе, и уважены в тех, которые мы сами презираем.

Еще в Англии жить сноснее, не потому, что там больше родного, а потому, что там чуждость полнее, резче, серьезнее. Колоссальность добра и зла, размер утесов, которые двигает этот дебелий, полнокровный Сизиф, привязывают к нему и к его оригинальным судьбам. К тому же он так занят, что ему дела нет до какого-нибудь иностранца, копышащего в своем углу. Великий талант оставлять человека в покое принадлежит одной Англии.

Но — как бы то ни было — я в Неаполе и хочу вам рассказывать свои *сенсации* *.

С теплым, мягким воздухом, с южными горизонтами становится легче на душе, люди и города меньше давят, меньше занимают, природа выступает на первый план. С Генуи начиная, свободнее дышать, и мне не раз приходило в голову, не прав ли наш друг Маццини и не найдет ли вдова двух миров, двух Римов свежие силы в себе для третьего брака *. Но шумная, яркая, пестрая Италия в худшее время своего угнетения так же благотворно действовала на путешественника, как и теперь; она берет своим теплым веянием и ясным солнцем, двумя-тремя закраинами, взморьями да очерками гор.

Паскаль говорит, что если б у Клеопатры линия носа была другая, то судьбы древнего Рима были бы иные *. Тут нет ничего удивительного. Шутка — линия носа! Линия вообще! Отнимите у Неаполя линию моря, линию гор, полукруг его залива, что же останется? Кишащее гнездо нравственной ничтожности и добродушного шутовства, грязь, вонь, нестройные звуки, ослиный крик возчиков и самих ослов, крик и брань торговков, дребезжанье скверных экипажей и хлопанье бичей — рядом с совершенным умственным затишьем и с отсутствием всякого стремления выйти из него. А с ними, с этими линиями, будущ-

ность Неаполя обеспечена. С ними он будет во веки веков звать путника, и путник, откуда бы ни шел, преклонится перед этими пределами красоты. Я смело говорю *пределами*; могут быть такие же красоты, могут быть иные, но лучше, изящнее, музыкальнее не могут быть.

Когда наш пароход при восхождении солнца тихо и плавно огибал мыс Мизен и вслед за Искией и Прочидой открывалась вся дуга от Позилипа до Сорренто, все присмирело на палубе, все с умилением молилось этому великому преобразению земли, воды и воздуха.

Но с городом я далеко не так светло встретился, как пятнадцать лет тому назад*. Кто из нас изменился—не знаю. Вероятно, оба. Судьбы Неаполя были тяжелы, пока мы не видались. От баррикад на улице Толедо в 1848 г. и бойни, которой Фердинанд II окончил конституционную эру своего правления*, до вшествия Гарибальди с своими ополченцами * жизнь Неаполя, шумливая, суетливая, но не сильная и пустая, была подавлена, забита и еще больше обращена на бессмысленный толчок и ежедневные дрызги.

Потеря политической деятельности в других местах заменялась материальными улучшениями; я не узнал марсельских улиц, проезжая теперь. Ничего подобного в Неаполе. Неаполитанские Бурбоны были скряги, мелкие стяжатели. В Каподи Монте* до сих пор мебели и бронзы — все мюратовское; Бурбоны обрадовались добыче и захватили все обзаведение пышного врага, легли спать в его постель, стали обедать на его посуде. На огромном столе был вензель Иоахима, вензель переменили, но на беду вся мозаичная кайма круг стола покрыта наполеоновскими пчелами, их менять было дорого, добрые Бурбоны не побрезгали, так и сели кушать и кушали до 60 года*. Такие короли не поправляют городов, и новая дорога Via Terezia (как-то вдруг сделавшаяся Via Vittorio Emanuele¹) начата уж при Франческе. Нечего удивляться, что Неаполь, по большей части скверно построенный, старел, чернел и совсем осунулся в последние годы. Где тут было думать об улучшениях и о комфорте! Он жил все это время в вечной тревоге, боясь явного

¹ дорога Терезии... дорогой Виктора-Эммануила (итал.).— *Ред.*

правления короля и тайного—каморристов*; откупаясь от обоих, боясь полиции и революционеров, боясь светской и духовной цензуры, запертый на ключ от всего мира, он рад был, что его сколько-нибудь оставляют в покое. Следы того, что было, остались; в Неаполе нет никакой умственной деятельности, книжные лавки бедны книгами, кафе — газетами, в кабинете для чтения на Толедо нет книг, да нет и журналов; хозяин извиняется тем, что иностранцев еще мало, а неаполитанцы не читают.

...Одним вечером Неаполь по обыкновению лег спать у ног своего короля и утром проснулся у ног Гарибальди*. Это пришло сюрпризом для всех. «Что же делать теперь?» — спросил испуганный король* Либерио Романо. — «Ехать вон», — отвечал министр. Король уехал, Гарибальди приехал, а вслед за ним приехал и Виктор-Эммануил — *la révolution était faite!*¹ Неаполь остался при этом *avortement*², но не стал на свои ноги, как Генуя, и не мог: он вовсе не так воспитан; он, как все города, выходящие из-под самодержжного гнета, привык к помочам, к опеке, к покровительству и поощрению и вовсе не привык ни к какой инициативе. Неаполь ждал обновления откуда-то свыше, ждал политических подарков и административных «маккарони», а ему говорят: «Ты не маленький, сам возраст имеешь; вот тебе права, вот тебе выборы, делай как знаешь». А он не знает как и чувствует, что вместо благ, которые он ожидал, он дождался потери своего значения как столицы, конскрипции и разных податей.

Беспечное легкомыслие и вечное рассеяние мешают неаполитанцу сложиться до совершеннолетия и подумать о своем положении, и то же беспечное легкомыслие помогает ему весело переносить все на свете. Станный народ: он трусит перед вздором и строит свои дома под вчерашним кратером. Все остальные стороны его жизни носят тот же характер небрежности и необдуманности. Работники и простой народ живут в каменных щелях между шестиэтажными домами, в грязи и вони, о которой теперь в Европе не имеют понятия; для них ничего не сделано, у них нет ни воздуха, ни воды, а они-то и составляют все насе-

¹ революция свершилась (франц.).— *Ред.*

² выкидыше (франц.).— *Ред.*

ление Неаполя. Народу уступлена, правда, улица—улица, но не солнце—солнце за стеной, и этот народ, так грязно живущий, страстно любит свет, цвет, веселье, хохот, зрелища, наружный блеск; ему королевский дворец необходимее чистой квартиры, и в три месяца один фейерверк дороже свечки у себя дома.

Озабоченный король Италии, мучимый, как Танта́л, Венецией и Римом *, ничего не делает, чтоб занимать этого большого ребенка, и, не замечая того, оскорбляет его без нужды всякими пустяками. «Посудите сами,— говорил один недовольный офицер из неаполитанцев,— при Франческе у нас было несколько форм, четырех разных цветов панталоны, считая белые летние, а теперь как нас одели? Стыдно ходить по улице, служба потеряла весь престиж».

Вы будете смеяться над офицером, и я смеялся. А в сущности, зачем Виктор-Эммануил не прибавил пятую пару? «Оставляя, мол, в ознаменование признанной самобытности Королевства Обеих Сицилий прежнюю военную форму, Мы прибавляем еще общую итальянскую с таким-то шитьем» и пр. Офицер нашел бы в панталонах dell'unità¹ новую приманку для службы и не стал бы вздыхать о Франческе.

Трезвый Пиэ́монт этих вещей не понимает, он думает, как некогда княгиня², что «если у ребенка есть башмаки, так игрушек ему не надобно». Оттого-то он и не имеет ничего общего с разгульным городом. Требования Пиэ́монта большей частью дельны и справедливы, да Неаполю не нужно ни дела, ни справедливости; он хочет, чтоб его занимали, а там, пожалуй, можно его и постращать.

Брак Неаполя с Пиэ́монтом решительно не удался; он так и просится на San Carlino. Розина, Колумбина, сидевшая на заперти и бросавшая исподтишка любовные цидулки дон Маццини и назначавшая свидания дон Гарибальди, вышла замуж за Бартоло * — за дельного, но бесконечно скучного, прозаического, ограниченного, провинциального Бартоло. И Розина очень ограничена, только на свой лад, на веселый; она хочет жить спустя рукава, а пожалуй, и платье; она любит жуировать, любит зрелища; не все же смотреть процессии, в которых

¹ объединение (итал.).— *Ред.*

² См. «Былое и думы» *.

богородица с кринолинами, — ей надобно двор, гвардия, балы, на которые ее не пригласят, но и не запретят смотреть, как подъезжают пышные экипажи, выходят пышные принцессы... Это опять пятые панталоны. Розина совершенно права: на пустой дворец гадко смотреть, и лошади, подаренные Николаем своему другу Фердинанду II*, ушли бы, если б не были медные. И на что же все эти принцы Умберты¹, герцоги и князья Карианские? Да и зачем сам хозяин живет круглый год в каком-то захолустье, когда есть Неаполь и Казерта?

Пиэмонт верит в свою магнитную силу, Турин — в свое значение итальянской столицы и подтягивают к себе части Италии. Великое самоотвержение Флоренции избаловало их. Как будто там, где есть Рим, может быть другая столица! Да, по счастью, и самый Рим никогда не делается поглощающим центром Италии, как он был в эпоху цезарей.

...Бедный народ, едва имеющий одни панталоны и те с заплатами, так же недоволен, как и офицер, которому надобно было четыре пары панталон разного цвета, для того чтоб защищать отечество. Он недоволен вводимыми порядками, потому что они порядки, он недоволен и тем, что ничего не выиграл при перемене, для совершения которой он, впрочем, ничего и не сделал. «*Re ladro, re galantuomo e lo stesso. Ni l'un capite, ni l'altro non mi rapano niente!*»² — говорит он и, в сущности, жалеет о прежнем порядке вещей, когда правительство, грабя Сицилию, давало льготы неаполитанской черни, потворствовало всем ее гадостям, принимало участие в распрях лаццарон С. Лучии с лаццаронами порта и гор и жило в той же нравственной грязи и неразвитости, в которой и она. Неаполитанские Бурбоны и неаполитанская чернь любили друг в друге родные черты. Разбойник Нарди, сделавшийся полковником Франческа, входя в Рапалло с своей шайкой, сказал собравшемуся народу: «*Si dice che Francesco II è un ladro. Or bene — io ladro di professione vengo a restaurare un ladro sul trono*»³.

¹ Сон в руку. Умберто приехал в Неаполь пять дней после нашего отъезда.

² Король-вор и король-честный человек — одно и то же. Вы понимаете, ни тот ни другой мне ничего не платят (итал.). — *Ред.*

³ «Говорят, что Франциск II вор. Очень хорошо, я вор по ремеслу —

Народ, выносивший все, даже побои (которых не выносит нигде итальянец), будирует теперичное правительство, с недоверием смотрит на пизмонтских берсальеров и с негодованием принимает усилия правительства очистить город, подмести улицы. Как ни старалось новое «муниччио», чтоб завоевать половину широкого тротуара на Санта Лучии, заваленного плетушками, шкапчиками, столиками с продажной рыбой, с *frutti di mare**, — не могло. Лаццарони уперся и отстоял себе Санта Лучию — по тротуару ходить нельзя. «Умру или останусь грязен!» Бедный Лазарь! * Грязный Лазарь! И главное, Лазарь, сидящий на первом месте!

В этом-то все и дело, что в Неаполе лаццарони занимает казовый конец. Здесь нет богатой, образованной буржуазии, которая служила бы крытым переходом между принципе и ничим. Есть, правда, какая-то балаганная торговля, которая вьет свою паутину от шестиэтажных домов к каменным конурам работников, но она не скрывает пустоты между ними, а только придает ей нечистый вид.

Государство без сильного среднего состояния поражает нас отсталой дикостью в самых обычных вещах, оно выводит нас из торной колеи наших образованных привычек, и мы теряемся. При известных условиях в буржуазном государстве жить легко и удобно.

Среднее состояние, как гуммиластиковая подушка, смягчает все столкновения, стирает все разности, мешает революции, мешает реакции, разоряет богатого, поглощает бедного, все уравнивает, все приводит в порядок, ограничивает кражу

иду восстанавливать на престол другого вора». M. Monnier, *Brigantaggio nelle provincie napoletane* 1863. Сочувствие это обоюдно. Когда Фердинанд I плелся с австрийским обозом, чтоб после Мюрата занять трон своих праотцев, австрийский генерал — рассказывал мне известный Пепе — при переходе через неаполитанскую границу доложил королю, что ему следует лично принять начальство и въехать в Неаполь без иностранного войска, которое будет его охранять на благородной дистанции; Фердинанд не хотел ни под каким видом «подвергать себя такой опасности». «Да чего в. в. боится, — сказал, наконец, выведенный из терпения генерал, — разве вы не знаете, что неаполитанцы — страшные трусы?» — «Знаю — отвечал король, — *Anch'io sono napoletano, ho paura!*» («Я тоже неаполитанец — и трушу»).

и обман и возводит их зато в тариф и привилегию, не позволяет извозчику брать лишний франк, ни истцу заплатить адвокату или нотариусу золотым *меньше*, оно-то сметает с улиц нечистоту и с нечистотой—мелкую торговлю и нищих. В Неаполе его нет, и оттого Неаполь остается *столицей черни*. Следует ли радоваться этому или печалиться?

Трудно сказать. Потому что трудно себе представить, чтоб неаполитанский народ легче перешел в больше человеческую жизнь, чем оттертый корыстным посредником пролетариат других стран. Чем он доказал это? Он живет века так, как теперь. Возьмите хроники, возьмите путешественников прошлого века, и вы увидите, что он так же мало изменился, как кошки и обезьяны... Глядя на то, что здесь, при отсутствии сильной буржуазии, столичная чернь остается лаццаронами, а провинциальная становится разбойниками, поневоле приходит в голову, что народ по тяжелому закону *sélection*¹ только и поднимается через буржуазию к более развитой жизни.

Может, буржуазия вообще *предел* исторического развития, к ней возвращается забежавшее, в нее поднимается отставшее, в ней народы успокаиваются от метанья во все стороны, от национального роста, от героических подвигов и юношеских идеалов, в ее уютных антресолях людям привольно жить.

Какой-то внутренний голос, какая-то человеческая скорбь заставляют нас протестовать против окончательного решения; претит нам сознаться, что все реки истории (по крайней мере все западные) текут в мареммы мещанства... Но мало ли у нас таких скорбей, разве алхимики не скорбели о прозе технологии, и мало ли по каким идеалам мы тоскуем. Я очень недавно испытал, как страшно больно стоять у могилы и знать, что нет *того света!* *

...Однако вопрос этот оставим открытым.

А я лучше скажу в заключение моего письма, какая мысль пришла мне на днях в голову в Камалдулинском монастыре. Монастырь этот стоит одиноко на вершине горы, с которой видна Гаета и Террачина, гряды гор, идущих в Абруццы, гряды идущих в Калабрию — Неаполь, море, острова. Старый монах ука-

¹ естественного отбора (франц.).— *Ред.*

зывал мне и называл горы и местечки, потом замолчал. Сделалась та особая, нагорная тишина, которую я когда-то слушал на Monte Rosa; солнце садилось не по-итальянски, тускло и бледно, даль покрывалась с одной стороны темно-синими тучами, накануне был сильный дождь и гроза, к'ночи готовилась другая. Я облокотился на ограду, и смотрел, и смотрел...

И не только смотрел на вид, но и на монаха, и на него-то именно я смотрел с глубокой завистью — пожил бы в этом торжественном одиночестве, — но монастырь для нас заперт, это чужой отдых, покой от другого бремени, ответ на другие стремления. Куда, в самом деле, денется человек усталый, сломленный или просто неосторожно заглянувший за кулисы и понявший *оптический обман?*

Потребность одиночества и удаления будет непременно расти, она, разумеется, никогда не поглотит столько рук и сил, как всякий гарнизон, но расти будет. Для страждущих духом современное общество приготовило только *сумасшедший дом*.

Психология христианства была глубже и гуманнее — она пожалела уставших!

POST SCRIPTUM

12 октября. Завтра мы едем отсюда, и мне почти жаль Неаполь. С ним скоро сживаешься, как с некоторыми женщинами наперекор разуму и в прямом отношении к их недостаткам и слабостям. Неаполь, может, потому и нравится, что он так же неисправим, как они.

Геология и история сделали все, чтоб он покаялся и шел в путях благочестия, но на него ничего не действует, или хуже — все подстрекает его идти в противоположную сторону. Везувий, Низида, катакомбы — эти грубые угрозы, эти гуртовые *tempesto mori*¹ — притушили здесь свое жало, и «Гетера, пляшущая на Геркулануме, т. е. на гробовой доске», пока, до лавы, так же мало заботится о ней, как Лаура в «Дон-Жуане» о том, что в Париже холодно *. Глядя на струйку дыма, напоминающую, что Везувий не умер, а только спит, никто не думает об извержении. Да многие ли думали, останавливая взгляд на белом здании, соста-

¹ помни о смерти (лат.).— Ред.

вляющем точку связи между Низидой, небом и морем, что по другую сторону этой стены были королевские катакомбы, в которых хоронили живых людей!

Эта художественная бездушность, эта беспечность ребенка и куртизаны — вдохновение Неаполя. Его ничем не возмущаемая жажда наслаждений увлекает в круговорот его вихря его поклонников и притупляет в них все чувства, кроме чувства красоты.

Нецеремонный эпикуреизм этого края — не новость; это его геологическая физиология. При входе в один помпейский дом выкладено камнем:

«Salve lucrum!»¹

Какое наглое простодушие! Какая отвратительная откровенность!

Только на этой вулканической корке, звенящей местами под копытом лошади или под брошенным камнем, могла прийти в голову эта циническая надпись, и не только прийти в голову, но и быть исполнена отличной мозаикой. «Salve lucrum», а вместо барыша пришла лава. Везувий перехитрил остряка, ему догадаться и написать еще вместо «Cave sapem»², как его сосед, «Cave montem»³.

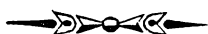
Но вот он, колоссальный cave montem, вышедший из тысячулетней могилы, вот он, скелет целого города, стряхнувший с себя пепел. Неаполитанец сквозь его каменные ребра весело смотрит на свежую зелень, на зреющие лозы и, стоя на террасе Диомедова дворца, думает, хорош ли будет сбор винограда в эту осень.

А там зальет ли лава Портичи или что-нибудь другое, дохнут ли потеющие, непростывшие солфатары своим отравленным дыханием и скоро ли его самого (если он бедный человек) стащат едва умершего, полунагого, без имени в темную яму темных катакомб, где такая же теснота трупов, как живых на улице, — до этого ему дела нет!

¹ «Привет барышу!» (лат.).— *Ред.*

² «Берегись собаки» (лат.).— *Ред.*

³ «Берегись горы» (лат.).— *Ред.*

〈Г. С. БАТЕНЬКОВ〉

Гавриил Степанович Батеньков скончался в Калуге. Кто из русских не знает подробности о длинной, страдальческой жизни Батенькова. Спешим сообщить читателям, что в следующем № «Листка» будет помещена биография этого святого старца.

В ВЕЧНОСТЬ ГРЯДУЩЕМУ 1863 ГОДУ

«...Все было готово к приступу. Генерал Толь осмотрел еще раз передовые орудия и остановился; он вынул часы — время, данное для ответа, не прошло. Наступила страшная тишина... у всех билось сердце, так прошло несколько минут. Генерал показал стоящим возле часы и положил их в карман — сигнальная ракета взвилась со свистом, лопнула и рассыпалась. Пушки грянули разом — приступ начался. Через полчаса ничего нельзя было разобрать в дыму, огне и шуме страшного боя...»

Так рассказывал мне когда-то очевидец о приступе и взятии Варшавы в 1831 году.

Мы, Европа, весь мир — находимся теперь в том самом положении: генерал вынул часы. Кто этот генерал — Наполеон III, Александр II, лорд Россель, кн. Горчаков?

— Ни один из них, все они, да еще кто-то анонимный. Жаль, что в наш скептический век не верят даже в диавола, часы были бы по праву у него, и он по крайней мере был бы от души рад, а теперь все, с внутренним ужасом чуя грозные последствия, поджидают ракету, которая должна быть сигналом общему несчастью всей Европы.

История продолжает развивать свою импровизацию путями безумия и крови. Почти всякий раз все можно предупредить, отворотить, иначе направить; почти всякий раз ничего не предупреждено, не отвращено. Народы и правительства дивятся, как Гоголев Селифан, что «ведь вот видели, что колесо сломано, да ничего и не сделали»*.

Утром, когда все спят с закрытыми ставнями, рано проснувшиеся видят по заре, что день будет бурный; их свидетельству не верят, небо кажется ясным, против грозы никто не берет мер — а день возвращается к своей программе утра, и когда всего менее ждут, черная туча шлет свою ракету.

Кто ждал при тихом и невзрачном начале 1863 г., что он нас поставит лицом к лицу перед столкновением, которое казалось далеким и которое теперь стоит грозно и, может, неотвратимо перед нами?

Борьба, которую пятьдесят лет тому назад предвидел Наполеон, которой прелюдия разыгралась несколько лет тому назад в Черном море*, о которой доктринеры отзывались, пожимая плечами, как о пустой мечте, завязалась на стародавней трагической почве, «где каждая горсть земли — прах мученика, мощи»*.

Россия является на барьер, облитая польской кровью, дикая, свирепая, сбита с толку, потерявшая всякое различие между добром и злом, между своим и чужим, между любовью и ненавистью. Она идет с прежним знаменем военного деспотизма, в той же ливрее чужой цивилизации, во имя которой поднимаются на нее западные державы. Она одна. Кроме немца-камердинера, который остался верен русской передней, догадавшись, что он существует только силою штыков и покровительством соседнего барина, с ней нет никого.

Против нее — союз непримиримых между собой врагов. Они долго не подымали перчатки. Старый мир охотно оставил бы Польшу на усмотрение; его нервы не испугались каким-нибудь Муравьевым, разграбленными домами и невинными жертвами. Что ему до Польши? Но перед дерзостью русских ответов* и, главное, перед их обнародованием он не мог остаться в долгу. Хотела ли Россия, без денег, едва оправившись от Крымской кампании, не умевшая в десять месяцев покорить восстания, додразнить Европу до войны — мы не знаем. Вероятно, нет; правительство хотело скорее похвастаться перед своими и повторило ошибку, которую сделал Николай: он тоже рассчитывал на то, что Европа не вынет меча из ножен; она бы и не вынула ни из-за Турции, ни из-за иерусалимских ключей, но Франция вынула его из-за того, что он не назвал *братом* Наполеона. Дуэль, по западным понятиям, очень редко делается из-за дела, а почти всегда из-за оскорбления чести. Point d'honneur¹ Европы задет русскими нотами. Старые бойцы долго не обижались, долго отходили, отступали, давали все средства России

¹ Вопрос чести (франц.).— *Ред.*

сделать *amende honorable*¹, но Петербург закусил удила, и Европа тяжело и нехотя надевает на себя доспехи, с надеждой, что на год, на полгода борьба отдалена; союзники чуют важность борьбы, их мучит взаимное недоверие, грозные предчувствия, а может, и встревоженная совесть.

Между ними Польша — представительница юности и доблести старого мира, последний венок живых цветов на латинском кресте. Польша, не знающая предела преданности, отдающая четвертого сына после трех падших, пятого после четырех, — мужественная, неуловимая, исходящая кровью, гибнущая здесь и возрождающаясяazole. В ней апофеоза Запада, в ней великая и честная кончина старого мира. Десять месяцев борьбы, горсть людей против армии — какая эпопея представляет что-нибудь героичнее? А это правительство, обругиваемое ежедневно подлой, шпионской журналистикой в России, это правительство, скрывающееся в звериных когтях разъяренного врага и управляющее, между его пальцами, страну Будущие поколения не поверят этому... Что бы с Польшей ни было, но это восстание, эти десять месяцев борьбы ставят ее на необыкновенную высоту... И что бы ни было с Россией, она долго не смоеет с себя усердия к усмирению и сквернословия своих подкупных и даровых клеветов.

И есть печальная отрада в том, что Польша в своем преображении оставалась одинокой и, приготавливаясь к своей Голгофе, подымалась на своем Фаворе без ветхозаветных Моисеев и Илий западного мира*.

Для России польское восстание было несчастьем²; оно

¹ почетное удовлетворение (франц.).— *Ред.*

² Какой-то г. Питкевич напечатал *sub auspiciis* (< благословения > Шедо-Ферроти (Скедо-Ферротт по «Моск. ведом.») письмо к польскому правительству*. Не имея перед глазами самой брошюры, выписываем из «Моск. ведом.» место, относящееся до нас. «Г-н Герцен и К^о (кого он считает в этой компании, мы не знаем, издатели „Колокола“ не составляют целую компанию с г. Герценом, их только двое — Герцен и Огарев) уверяли, что находятся во главе обширного заговора, обнимающего целую Россию, и простирали свое фанфаронство до того, что предлагали Польше содействие какого-то *русского революционного комитета*». Г-н Питкевич рассказывает, что польские патриоты требовали у этих господ доказательств их влияния. Но, продолжает он, «вместо всяких доказательств редакторы

врывалось в начатое русское дело, путало его, усиливало правительство и будило в народе чувства звериные и кровожадные. Остановить польское движение было трудно; русское правительство делало ошибку за ошибкой. Людей, готовых на гибель, сознательно идущих на нее, вообще останавливать нельзя. Да и что же можно было сказать полякам? «Подождите, не чувствуйте боли, не чувствуйте оскорблений, дайте себе связать руки и

„Колокола“ могли представить только хвастливые уверения в своем революционном могуществе; а потому, без всяких церемоний и не падя их самолюбия, они устранили их как отъявленных вралей». Г-н Питкевич очень доволен, что польские патриоты не уронили своего достоинства формальным союзом с врялами; но, продолжает он, «зачем же польские патриоты не были настолько проникательны, чтоб убедиться, что не только роль признанных вождей русского восстания, на которую претендовал лондонский триумvirат, но и самые элементы восстания, которые, по их уверениям, будто бы существуют в России,— чистая выдумка? Где эти симпатии студентов к польскому делу, тайные общества, составленные русскими офицерами, решение, будто принятое солдатами не сражаться с братьями поляками, стачка раскольников для ниспровержения верховной власти? Все это существовало только в хвастливых столбцах „Колокола“, редакторы которого лгали, и лгали заведомо, для того только, чтобы доставить себе ребяческое удовольствие прослыть вождями могущественной революционной партии...»*

Как ни противно нам касаться до поры до времени некоторых вопросов и как ни противно дотрогиваться до этой выписки, удобренной как следует самой крепкой и жирной *катковиной*, нельзя же терпеть такой вредной лжи, такой полной клеветы. Пусть укажут хоть одну строку «Колокола», «Полярной звезды» или чего бы то ни было из наших изданий, в которой бы мы себя выдавали «вождями могущественной революционной партии», в которой бы мы говорили, что Россия готова восстать, подстрекали поляков и пр. Но, печатая одно, мы могли писать и говорить другое. А потому мы просим всех поляков и неполяков, бывших в сношениях с нами, привести хоть *одно слово*, сказанное нами в смысле цитаты. Мы позволяем все нескромности, развязываем все языки. Само собою разумеется, что, цитируя «Колокол», надобен № листа, а цитируя человека, надобна его *фамилья*.

Повторять по этому поводу наши убеждения, которые мы повторяли сто раз, мы не станем. Печатать документы, и притом *подписанные*, не время. Но чиновники брошюрного департамента нас обязали бы искренно, сказавши, *кто эти поляки*, устранившие нас, и устранившие с такой ловкостью, что мы по простоте сердечной и не заметили этого. Не те ли, которые писали подметные письма с *поддельной* печатью народного польского правительства? *

ноги, дайте лучших из вас отдать в солдаты — подождите: мы еще не готовы». И это в то самое время, когда торжественно праздновалось тысячелетие нашего *ребячества!* *

Смирясь перед фактом, мы говорили польским друзьям нашим: «Если ваше восстание неотвратимо, да совершится судьба его. Помните, что у вас только *одна* хоругвь может быть общая с нами; свято и высоко держа ее, вы не встретите против себя Руси народной, а будете иметь дело с Россией — официальной, петербургской, петровской, карамзинской, погодинской, той, которая держала донельзя народ в крепостном состоянии, той, которая на кнутах и штыках, на казематах и каторгах упрочила сильную державу, основанную на отрицании всех человеческих прав».

Мы знали, как тяжело будет полякам нести нашу простую хоругвь, и всем сердцем и помыслением желали, чтоб они нашли силу — не против врага, в этом у них недостатка нет, а против собственных предрассудков.

ЗЕМЛЮ КРЕСТЬЯНАМ, ВОЛЮ ОБЛАСТЯМ.

И то и другое, с западной точки зрения, — нелепость, и то и другое, с исторической точки зрения, — чуть не предательство!

Западные воззрения стали нам чужды; исторического знамени у нас нет; мы его видим в будущем, мы не *возвращаемся* к нему, а *к нему идем*. И это вовсе не фантазмагория и мечта, а ясный, простой факт.

Мы любим русский народ и Россию, но не одержимы никаким патриотическим любострастием, никаким бешенством русомании; и это не потому, чтоб мы были стертыми космополитами, а просто потому, что наша любовь к отечеству не идет ни до вымыслов несуществующего, ни до той стадной солидарности, которая оправдывает злодейства и участвует в преступлениях. Для нас всегда существовали интересы выше и дороже всех патриотизмов в мире; мы никогда не подкрашивали объективной истины никакими красками личными, семейными или племенными и так же не обинуясь говорим *теперь* о будущности русского народа, как, не оглядываясь и не рассчитывая, стали со стороны Польши с самого начала восстания.

Народ русский, для нас, *больше, чем родина*. Мы в нем видим

ту почву, на которой разовьется новый государственный строй,— почву, не только не заглохшую, не истощенную, но носящую в себе все зерна всхода, все условия развития. Будущность ее для нас логическое заключение.

Тут речь не о священной миссии, не о великом призвании, весь этот юдаический и теологический хлам далек от нашей мысли. Мы не говорим, видя беременную женщину, что ее миссия быть матерью, но, без сомнения, считаем себя вправе сказать, что она родит, если ей не помешают.

Убеждение наше, что в России осуществится часть социальных стремлений, — совершенно не зависимо от того, что мы родились в России. Физиологическое сродство, кровная связь с народом, с средой, может, предшествовали пониманью, ускорили, облегчили его — но *вывод*, однажды достигнутый,— или вздор, или должен стать независимо от пристрастий и случайностей. Человек, родившийся в Берлине или Потсдаме, вероятно, имеет какую-нибудь привязанность к родине; но что же может он вывести из своей любви к отечеству, кроме необходимости разложения уродливого прусского королевства?

То, что делается теперь в России, в эту черную полосу, которая оставит по себе страшные угрызения совести, ничего не доказывает против наших упований. Вся эта оргия палачества и пьяного патриотизма обнаруживает больше и больше только то, что такими мерзкими абортивами внутреннего движения остановить нельзя. Само правительство, срываясь с своей обычной колеи, всякий раз уносится в какую-то пугачевщину*. Имея в виду одно уничтожение польского восстания, изводя польский элемент в Литве, оно, не сознавая того, ведет Россию вовсе не туда, куда думает... «Не нам, не нам, а имени твоему!» так и останется, с легкой руки Павла, девизом его внучат*.

Это, наконец, стали отчетливо понимать злейшие противники России¹. Этого только не понимают наши жандармствующие

¹ Мы очень рекомендуем нашим читателям брошюру, вышедшую несколько месяцев тому назад в Париже, под заглавием «La Pologne et la cause de l'ordre». Автор ненавистью понял то же, что мы — любовью. Католицизмом, цезаризмом, консерватизмом дошел до того, до чего мы дошли мыслью, свободной от всяких изуверств и от всякой традиции*. Какое же доказательство может быть полнее?

литераторы и примечивающие доктринеры — их обращать на путь истины не наша забота. Но в последнее время безнравственная и бесстыдная пресса затемнила возникавшее и укреплявшееся сознание. Честные люди, люди, не забившие свой ум схоластикой, ни сердца усердием к престолу, исполняются сомнением. И действительно, надобно иметь страшную силу веры и любви, чтоб не отпрянуть от беснования не одного Саула*, а целого общества с ним, — общества, полуобразованного и дерзко мутящего немое море чуждой ему жизни народной, вызывая из его глубины демонические страсти, которых разгар и круг действий не ему очертить и обуздать.

Перед этими сомнениями, перед этим смещением понятий наше дело ясно. Мы торопимся прочесть отходную в вечность грядущему году и снова поставим на первый план развитие нашей мысли — о будущности нарождающейся России. Оставляя все другие вопросы, мы будем следить, шаг за шагом, пульс за пульсом, за движениями младенца, за его ростом и указывать и обличать бессилие и нелепость палачей, врачей, заклинателей и всех подкупленных повивальных бабок, призванных известить его.

Польскому делу мы принесли что могли, далее нам приходится повторять одно и то же. Мы горды тем, что за него лишились нашей популярности, части нашей силы; мы горды той бранью, той клеветой, той грязью, которой бросали в нас за Польшу ярыги патриотизма и *содержанцы* III отделения. Ни нападения подлых врагов, ни сожаления слабодушных и слабоумных друзей не своротили нас с дороги... Мы с злой радостью смотрели на бегущие от нас стада кабанов и баранов, сопровождаемых чириканьем их пернатых товарищей... смотрели, как их Долгоруков загонял на скотный двор Муравьева и в свои собственные птичники — не завидуя ни тому, что одним отдадут поношенное платье, награбленное у литовских панов, а других научат еще лучше петь по органчику III отделения. Черт с ними!

Мы остались вопреки всему верными польскому делу и верными русскому народу. Время справедливости не за горами. Но далее мы чувствуем наше бессилие во всем вне русского вопроса. Потому-то мы и будем говорить исключительно о нем — с людьми, которым дорога не кровавая, не терзающая Польшу Рос-

сия, а Россия, вспахивающая в тиши с своими полями — поле будущего развития. Их будем мы звать нашим *Колоколом* вместе с молодым поколением, которое надобно спасти во что б ни стало от казенных лжеучителей и нравственно растленных бездельников.

Пять лет мы без устали *сзывали живых*. Теперь, благо мертвые ушли и никто от мертвых не остался, будем звонить к самой *обедне*, звать к сознательному делу!

Флоренция, 10 ноября 1863.

ВВОЗ НЕЧИСТОТ В ЛОНДОН

Какой-то плоцкий корреспондент «Северной пчелы» (№ 308) повествует о том, что я «сложил свой вольный станок и собираю компанию, чтобы вывозить нечистоты из Лондона»*. Плоцкий корреспондент ошибся, до него дошли слухи о нечистоте, о Лондоне, о станке... но он не понял, в чем дело. Я расскажу его сам для пользы северных пчел, жуков и других насекомых.

После трехмесячного отсутствия из Англии * меня чуть не постигла участь николаевской памяти генерал-адъютанта Кокошкина*: я попал в кучу русских газет и чуть не задохнулся в этих ямах полицейского срама и инквизиторского гноя. Что перед ними неаполитанские катакомбы и парижские клоаки, что перед ними Мара и гебертисты... Те были фанатики (*tout de bon*¹, не по тысяче целковых с фанатизма; они, едва воскреснувшие от долгого гнета, неслись без оглядки, ошибались, ломали, лили кровь, теряли морально и физически голову, но были честны, но были чисты в своем идеале, в своей вере — а наши невыеские и москворецкие Камиль Демулены, наши Père Duchesne'ы III отделения, фанатики рабства, бульдоги, дрессированные Муравьевым на поляков, цинические, дерзкие, мерзкие, наглые, опертые на две полиции, на цензуру, на консисторию, — они возвели в литературную речь все грубое и гадкое, что грязнило у нас казарму, съезжую, помещичью переднюю и исправительную конюшню российского *демократического* дворянства.

Меня почти обрадовал ввоз этих нечистот в Лондон, — дальше гниль, тупость, глупость, паденье идти не могут, далее полное разложение или новая жизнь... Ну, до разложения нам

¹ всерьез (франц.).— Ред.

далеко, — здесь я скажу, как нянюшка принцессы Тюндентен-Тронг в «Кандиде»: *On ne meurt pas de ces choses...** Россия загрязнилась, но вынесет эту Mist-Kur!*

А забавно видеть, как на вонючей поверхности этой помойной ямы всякие пчелы, черви, оводы и золотом шитые мухи поедают друг друга, особенно московские петербургских*. Тут наш литературный Шешковский-Катков оттащил в одном номере двух министров и одного великого князя и прямо говорит: «Я служу, — да, я несу добровольную службу»* — как будто можно человека заставить против воли и доносить, и клеветать, и указывать жертвы, и рукоплескать палачам? Твердо идет Катков по следам Шервуда на завоевание титула *Верного*, недаром Байборода напоминал спокон века Майбороду* ...Тут — возле сильных доносами — слабые, дрянные фискальчики.

Куда конь с копытом мчится,
Рак с клешней туда тащится —
И давай *писать*.

Какой-нибудь экс-рак «Библиотеки для чтения», романист, аферист, драматист, ставит на сцену новую русскую жизнь с подхалюзой точки зрения подъячего, не совсем вымывшего руки от... канцелярских чернил, делает шаржи на события, от которых еще до сих пор льются слезы, и чертит силуэты каких-то дураков в Лондоне, воображая, что это наши портреты*.

Видно, придется нам выручать рака и прибавить ему небольшую картинку из романа*.

ВЗБОЛТАННАЯ ПОМОЙНАЯ ЯМА

Глава XVIII

ПОДЧИНЕННЫЙ И НАЧАЛЬНИКИ

П о д ч и н е н н ы й. Находясь проездом в здешних местах, счел обязанностью явиться к вашему превосходительству.

Н а ч а л ь н и к А. Хорошо, братец. Да что-то про тебя ходят дурные слухи?

П о д ч и н е н н ы й. Невинен, ваше превосходительство, все канцелярская молодежь напакостила, а я перед вами, как перед богом, ни в чем-с.

Н а ч а л ь н и к В. Вы не маленький, чтоб ссылаться на других. Ступайте...

Эпиграф этот из романа, который был бы очень известен, если б существовал, живо представился герою нашего рассказа одним летним днем 1862 года *...

Было вечером, было в дождливую погоду, было на острове Вайт.

Герой наш сидел у окна и смотрел на море.

Почтовый фактор стоял у дверей и смотрел на рыжую Кецаию.

Кецаия взшла с письмом и посылкой и вышла без письма и посылки.

Герой наш перестал смотреть на море.

Почтовый фактор продолжал смотреть на златовласую Кецаию.

Герой наш прочел следующее: «Одна из главнейших целей моей поездки в Лондон состояла в том, чтоб лично узнать вас, чтоб пожать руку человека, которого я так давно привык любить и уважать. Когда вы воротитесь? Пожалуйста, сообщите об этом NN, которого я имел счастье знать еще в R. R.»*

P. S. «Я прошу вас принять новое издание моих сочинений в знак *глубокого... глубокого* уважения к вам»...

И герой наш развернул сочинения, переплетенные в сафьянах и позолотах, — и не читал их.

Прошла неделя, лето и дождь продолжались... Кецаия осталась на маленьком острове, герой наш был на очень большом*. В девять часов вечера шел дождь на Вестборн-террас *, и не один дождь...

(Продолжение потом)

P. S. По какому-то странному случаю, который мнительному человеку показался бы вовсе *не случаем*, мы получили все №№ «Север. пчелы» *за исключением 308*. Если б князь П. В. Долгоруков не сказал нам о том, что в нем напечатана навозная новость, мы не позаботились бы достать его. Несколько предшествующих строк были набраны, когда мы прочли полную корреспонденцию. Вот что пишет плоцкий корреспондент «Север. пчелы»:

Я прежде удивлялся, читая повести и рассказы из прошедшего Польши, в которых говорится, что ни одного сеймика у поляков не обходилось без сабли и драки. Теперь это меня нимало не удивляет, как не

удивляет и то, что Герцен вступил с поляками в близкое родство. Кстати, об Герцене. Поляки считают Герцена своим передовым человеком и хотя усыновить его (прекрасно! наши законы не мешают такому сочетанию); через евреев они в большом количестве прежде выписывали печатные бредни Герцена. Припомнился мне при этом случай, бывший со мной года 3 тому назад. Мне привелось по делам службы быть в обществе польских помещиков. Между своими разговорами они, между прочим, завели речь и о Герцене: хвалили его, изъявляли сожаление, что они не довольно хорошо знают русский язык, чтобы понимать Герцена. Я, разумеется, потупя глаза, слушал, а сам думал про себя: «Подождите, он еще удружит вам и выведет вас на свежую воду». И точно вывел. В самом деле, если сличить учение Герцена с действиями поляков, то нетрудно заметить в польском пожаре тень этого человека. Поляки вешают — это родная мысль Герцена; поляки отравляют — это тоже по его части; поляки бросают гранаты и жгут — этому ремеслу подучил их Герцен. Теперь поляки понемногу начинают понимать Герцена. Сужу это потому, что они пускают про него не очень лестные слухи. Например, здесь говорят, что Герцен уже сложил свой «вольный стапок, поставленный на британской земле», и собирает компанию — как вы думаете, для чего? Для того, чтобы подрядиться у англичан вывозить все нечистоты из Лондона. Выгоды громадные, говорят, от этого подряда, а главное — тут будет много работы уму. Немало также услужил полякам и странствующий Долгорукий своим сочинением о России. По его словам, так вот Россия и упадет и разрушится, и он же ящерицей ползет по ее развилкам, а поляки ему и поверили, да и не одни поляки, а кто-то и повыше их поверил. Недаром Наполеон заученным языком говорит: «Мне изменили, мне изменили!», стыдись сказать: «Меня обманули, меня обманули Герцен, Долгорукий и подобные им индивидуумы».

Мы не могли не перепечатать этих гнусных строк, мы указываем их всем *честным* противникам и врагам нашим, пусть они знают, с кем они идут заодно. Не вытерпела «Северная пчела», ей не спалось от зависти — и в один фельетон бежала Каткова... а ведь как она огорчилась, когда мы ее назвали *официозной*? *

〈ОДИН ПОКРАСНЕЛ〉

Один покраснел... и очень хорошо сделал. Мы знали, что *платонические* приверженцы *сильных* мер недолго останутся под обаянием полицейского архистратига Михаила *, недолго простоят на одной доске с его тезкой «Москов. ведомостей» *. Но неужели недостаточно покраснеть после полугодового опьянения мысли, сердца, всех человеческих инстинктов — и все забыто? Вопрос этот на мази с легкой руки «Дня», у нас теперь пойдет лафа на Магдалин, грешно скорым забвением мешать покаянию. Слишком легкое раскаяние не предохраняет от вторичного падения.

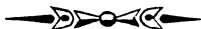
«Никогда,— говорит редактор „Дня“ в 46 №,— полицейская функция государства не пользовалась у нас большим сочувствием общества, как в наше время. Если во времена Грибоедова Фамусов выразился о дамах, что они „к военным людям так и льнут, а потому что патриотки“, то современный Фамусов мог бы сказать и теперь то же самое, поставив, вместо слова „военным“, слово „полицейским“. Читатели скажут, что мы намекаем здесь на известную дамскую телеграмму, посланную в Варшаву к одному офицеру, добросовестно, с мужеством и с талантом исполняющему свою трудную полицейскую обязанность. Да, мы именно ее и разумеем. Мы видим в ней очень любопытную черту нравов и очень любопытный качественный симптом нашего общественного современного направления. Мы не думаем ни порицать, ни тем менее издеваться или относиться к делу иронически. Мы говорим очень серьезно. Мы вполне признаем всю важность, пользу, необходимость, даже в некотором отношении благодетельность в настоящую минуту полицейской деятельности в Варшаве и всю меру внимания, кото-

рой она заслуживает,— но обществу, кажется нам, пора бы подумать, не слишком ли уже оно далеко зашло в патриотическом увлечении государственными интересами, не уклонилося ли несколько от своего общественного призвания в ущерб своим общественным интересам? Нельзя, конечно, предполагать, чтоб общество взошло *во вкус* такого рода отправления государственного организма, которых необычайное развитие редко обходится без вреда самому организму,— но нельзя и не предостеречь общество насчет опасности некоторых рождающихся в нем наклонностей» *...

А разве «День» предостерегал его, когда начались ужасы в Литве, разве он не находил муравьевские меры необходимыми, разве не называл людей, иначе с ними думающих, преступниками и изменщиками, а открытых врагов своего московского кумира бандитами, которых можно обвинять, не давая права оправдываться*, и пр.?

Несмотря на все на это, мы знали, что придет время, в которое издателю «Дня» будет не по себе... *wird gewiß einmal bei seiner Katkoff-Ähnlichkeit bange*¹.

¹ ему наверно когда-нибудь станет жутко от его сходства с Катковым (нем.).— *Ред.*

〈ГРАФ АМУРСКИЙ〉

Имя амурского графа в числе подписавшихся на икону, поднесенную виленскому палачу *, исполнило нас умилением. Видно, мы не так-то *ошиблись* в нем, *как он говорил*... гневаясь на нас за несколько слов, сказанных о нем по поводу беклемишевского дела*. Вот он, прогрессивный генерал-губернатор, демократ-военачальник, государственный человек *aux larges vues*¹. Какой страшный пробный камень — этот 1863 год.

〈БИОГРАФИЯ М. Н. МУРАВЬЕВА〉

Князь П. В. Долгоруков издал чрезвычайно любопытную биографию Муравьева Вешателя *, рекомендуем ее нашим читателям, эта историческая монография вместе с житеем ныне забытого Панина* составляют очень хороший материал для изучения нравственного уродства, до которого петербургское управление довело Россию.

¹ с широкими взглядами (франц.).— *Ред.*

**РЕДАКЦИОННЫЕ ЗАМЕТКИ,
ПРИМЕЧАНИЯ, ОБЪЯВЛЕНИЯ**

ИЗ ПЕТЕРБУРГА

⟨ПРИМЕЧАНИЯ⟩

⟨1⟩

Ни о г-же Павловой, ни о г-же Милорадович мы ничего не знаем*.

⟨2⟩

Мы не отвечаем за верность этих новостей и удостоверяем только в том, что мы их печатаем *слово в слово* из письма, полученного нами. Мы даже сильно сомневаемся в последней новости об жандармском наборе корпуса сотрудников «Русского вестника». В числе сотрудников московского журнала есть имена, которые привыкла уважать вся Россия, — стоит назвать И. С. Тургенева и П. В. Анненкова. («Le Nord» обещал новую повесть И. С. Тургенева в «Р. в.»*).

ОБЩИЙ ФОНД

Получено из Швейцарии 400 франков и из Германии 10 фунт. 3 шил.

А. А. ЯКОВЛЕВ

⟨ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНЫЕ СТРОКИ⟩

Прибавлять к этому нечего, разве только подивиться, что почта из Пекина в Петербург скорее ходит, чем из Зимнего дворца в «Северную пчелу» — конфирмация напечатана через *двадцать восемь дней*.

ПРУССКИЙ ПОЧТАМТ

Лондонские подписчики в Кёльне на «Московские ведомости» не получили еще ни одного номера. Может, есть почетные исключения, но почему же не все получили?

ИСПОВЕДЬ РУССКОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА

〈ВСТУПЛЕНИЕ〉

Мы не можем удержаться от сильного желания передать нашим читателям, как горчаковский журнал философствует о рекрутском наборе в Польше, о польском восстании и о прочем и как «Инвалид» переводит его, а *пчела* принимает за мсд.

ВИКТОР ГЮГО РУССКОМУ ВОЙСКУ ¹

Солдаты, будьте людьми. Слава эта представляется вам теперь, воспользуйтесь ею.

Если вы продолжите эту дикую войну; если вы, офицеры, имеющие благородное сердце, но подчиненные произволу, который может лишить вас звания и сослать в Сибирь; если вы, солдаты, крепостные вчера, рабы сегодня, невольно оторванные от ваших матерей, невест, семейств, вы, телесно наказываемые, дурно содержимые, осужденные на долгие годы военной службы, которая в России хуже каторги других стран,— если вы, сами жертвы, пойдете против жертв, если вы в тот торжественный час, когда скорбящая Польша восстает, когда еще есть время выбора между Петербургом и Варшавой, между самовластием и свободой; если при этом роковом столкновении вы не исполните единого долга, лежащего на вас, долга братства, если вы пойдете с царем против поляков, если вы станете за их и за вашего палача; если вы в вашем рабстве научились только тому, чтоб поддерживать притеснителя; если вы, имеющие оружие в руках, отдаете его на службу чудовищному деспотизму, давящему русских так же, как поляков; если вы, вместо того чтоб обернуться против палачей, подавите числом и превосходством средств героическое народонаселение, выведенное из терпения, заявляющее свое святое право на отечество; если в XIX столетии вы зарежете Польшу, если вы сделаете это,— знайте, люди войска русского, что вы падете ниже вооруженных ватаг Южной Америки и возбудите отвращение всего образованного мира. Преступления силы остаются преступлениями, и общественное отвращение — уголовное наказание их.

Воины русские, вдохновитесь поляками, не сражайтесь с ними.

Перед вами в Польше не неприятель — а *пример*.

В и к т о р Г ю г о .

Готвиль-гаус, февраля 1863.

¹ Сейчас получил я при письме Виктора Гюго из Гернсе его воззвание к русским воинам для напечатания в «Колоколе»*. Спешу передать его нашим читателям. Есть великие имена, являющиеся при всех великих событиях, без них они были бы словно неполны.

〈КН. П. В. ДОЛГОРУКОВ〉

Князь *П. В. Долгоруков*, вследствие преследований правительств русского и французского, принужден был оставить Бельгию и уехать в Голландию. Через несколько дней он прибудет в Лондон, где, по устройстве своей типографии, будет продолжать издание «Листка», первые пять №№ коего напечатаны были в Брюсселе. Он пишет нам, что будет также продолжать издание своего политического обозрения «*Le Véridique*». Письма кн. П. В. Долгорукову можно пока адресовать на польско-русскую книжную лавку: *S. Tchorzewski, 1, Macclesfield street, Gerrard street, Soho, W.* Кн. Долгоруков снова заверяет петербургское правительство, что молчать его никак не заставят*.

〈15 ФЕВРАЛЯ. «МОСКОВСКИХ ВЕДОМОСТЕЙ» ВСЕ НЕТ...〉

15 февраля. «Московских ведомостей» все нет. А деньги взяты вперед, что это — плутовство или небрежность? Газеты посылать тюками и брать почтовые деньги с листа — это из рук вон.

〈В ОБЩИЙ ФОНД ПОЛУЧЕНЫ...〉

В *Общій фонд* получены 15 тал. от *К. П.*

РЕКРУТСКИЙ НАБОР В РОССИИ

〈ВСТУПИТЕЛЬНЫЕ СТРОКИ〉

Г-н А. Берталь напечатал в «Мос. вед.» некоторые особенности и милые обычаи саратовского рекрутского присутствия. Он не мог удержаться, чтоб не рассказать во всеуслышание (и превосходно сделал), не можем удержаться и мы, чтоб не повторить часть его рассказа.

〈СВОБОДНОЕ СЛОВО〉

В Брюсселе вышла первая книжка «Свободного слова», изд. г. Л. Блюммером. Мы предсказываем большой успех предприятию г. Блюммера. Состав I кн. очень хорош. Обращаем особенное внимание читателей на письмо *Литвина* к *Бажунину* и ответ на него *Русского*.

〈ОБЩИЙ ФОНД〉

В *Общий фонд* получено: из Германии 3 фунта, от Будапешта 1 фунт, от Русского 1 фунт.

〈РУССКИЕ В ФЛОРЕНЦИИ, ЖЕНЕВЕ И НИЦЦЕ〉

В *Флоренции*, на митинге, собранном в пользу польского дела, говорят английские журналы, русский офицер, служивший у Гарибальди во время Сицилийской кампании, произнес речь *, принятую с большим сочувствием.

В *Женева*, на поминках 24 февраля 1848 года*, были собраны между русскими деньги для отправления двух поляков в Польшу.

Зато в *Ницце* верноподданные иного толка — *Валериан Скрыпицын*¹, *граф Александр Апраксин*, *Симеон Сулима* — собрали до 5000 фр. для русских солдат в Польше.

〈УВЕДОМЛЕНИЕ〉

Мы считаем необходимым уведомить тех, кому нужно знать, что г. *Осип Демонтович* назначен временным польским правительством *комиссаром* в Литве.

СТУДЕНТАМ В РОССИИ

〈ВСТУПЛЕНИЕ〉

Друзья, мы получили на днях воззвание к вам, юношеское, восторженное, от студентов из Пизы. Ведь и вы молоды, и ваше сердце не отвыкло еще сильнее биться при тех великих словах, которые существуют как звук для успокоившихся в лоне эгоизма умников, поучающих вас философии повиновения и поэзии полицейского порядка *. Примите же с любовью слова, посылаемые вам итальянскими юношами из *Circolo democratico fra studenti in Pisa*.

ДОМБРОВСКИЙ И МЕХЕДА

Нас просят известить, что полковник *Домбровский* и капитан главного штаба *Мехеда* убиты в Томашове.

¹ Не тот ли Скрыпицын, который известен обращением униат в греческое православие?

Исполняя желание корреспондента, мы прибавим, что по одному из писем, полученных нами, капитан *Мехеда* погиб не в сражении*, а был поднят на штыки русскими солдатами, недовольными тем, что он останавливал грабеж.

〈ОБЩИЙ ФОНД〉

В *Общий фонд* получено от В. Печерина 1 фунт (№ 1)*, из Германии 7 фунт. 10 шил. (№ 2), из Парижа 125 франков и для польского дела от нескольких русских студентов из Германии 40 гульденов*.

«МОЛОДЕЦКОЕ ПОВЕДЕНИЕ СОЛДАТ»

〈ПОСЛЕСЛОВИЕ〉

С ужасом и отвращением напечатали мы этот кровавый документ и будем ждать, когда «Инвалид» опровергнет его достоверность. Мы хотели бы задернуть покров и скрыть не гроб, а зияющие раны — мы устали, читая и читая всякий день об этих ужасах. Молча хотели бы мы оплакать судьбу несчастных крестьянских детей, из которых правительство воспитывает своих бульдогов. Но молчание невозможно перед цинизмом официальной прессы. Есть какое-то приводящее в ужас легкомыслие в отрицании неопровержимых преступлений императорскими *лейб-скрибальерами**, особенно когда к их укрывательству прибавляется царская благодарность грабившим солдатам «за молодецкое поведение»*. Нельзя молчать при виде монарха, ласкающего пьяных грабителей и приголубливающего диких убийц... Стук деревяшкой калеки «Инвалида» не заглушает, а делает звучнее стон умирающих от *молодечества* милых шалунов*.

«THE SERBIAN NATION AND THE EASTERN QUESTION»

BY VLADIMIR IOVANOVITCH, LONDON

Иванович — известный сербский патриот. Рекомендуем его книгу русским читателям.

〈В ОБЩИЙ ФОНД ПОЛУЧЕНО...〉

В *Общий фонд* получено: от русского ученого 3 фунта, от Д. 1 фунт. Из Италии для польского дела 100 франк.

ПЯТЬ ЛЕТ КАТОРГИ

〈ВСТУПИТЕЛЬНЫЕ И ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНЫЕ СТРОКИ〉

Под нелепым названием «Взыскание» «Север. пч.» сообщает нам новое политическое дело, со всей старой обстановкой каторги, розог и проч. Вот в чем состояло мнение Государственного совета.

Пять лет каторжной работы за распространение *какого-то* воззвания, без малейших последствий, и безобразное поронье розгами. Какое жалкое состояние русского народа и какое гнусное управление!

ПОЛЬСКИЙ МАНИФЕСТ В «DAILY NEWS»

«Daily News» напечатал 4 апреля длинную диссертацию о польских делах, присланную каким-то польским комитетом, но так как многие приняли эту диссертацию за манифест Народного правительства польского, то уполномоченный представитель его в Лондоне, Иосиф Цверцякевич¹, счел своей обязанностью протестовать.

〈В ОБЩИЙ ФОНД 10 ШИЛ...〉

В *Общий фонд* 10 шил. (№ 9) и 40 фр. (№ 10).

〈ПОЛУЧЕННЫЕ 2000 ФР. ИЗ НЕАПОЛЯ...〉

Полученные 2000 фр. из Неаполя для польского дела переданы И. Цверцякевичу.

〈ПИСЬМО О ДЕЛЕ КРАСОВСКОГО...〉

Письмо о деле Красовского получили, величайшая благодарность за него. Мы совершенно согласны с корреспондентом.

¹ Уполномоченный представитель польского правительства в Париже — *Ордена*.

ОПАСНОСТЬ ИМЕТЬ ДОМ В ПЕТЕРБУРГЕ.
ДЕЛО ЗЕЙФЕРТА

⟨ПРИМЕЧАНИЕ⟩

Мы поздравляем г. Зейфферта, он ордонансгаузом спасся от незавидных лавров, которые его товарищи-усмирители поднимают в Польше.

⟨В ОБЩИЙ ФОНД ОТ В. ПЕЧЕРИНА...⟩

В *Общий фонд* от В. Печерина 2 ф. (№ 6), из Швейц. 20 фр., от № (3,131) 29 фр. и 50 фр. с знаком 3,14.

«ПОЛЬСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ И ГОРДИЕВ УЗЕЛ
ЕВРОПЕЙСКОЙ ПОЛИТИКИ»

Спешим указать нашим читателям на эту замечательную брошюру, вышедшую в Берлине у Шнейдера.

⟨В ОБЩИЙ ФОНД ПОЛУЧЕНО ОТ «РУССКОГО ОФИЦЕРА» ...⟩

В *Общий фонд* получено от «русского офицера на русское дело» 31 т. 20 гр. (что составляет 4 ф. 15 шил.).

«СВОБОДА»

⟨ПРИМЕЧАНИЕ⟩

«Колокол» искренно приветствует «Свободу».

ДВА ОБРАЗЧИКА, ЦИРКУЛЯРНО РАЗОСЛАННЫЕ ВАЛУЕВЫМ

⟨ПРИМЕЧАНИЕ⟩

Мы только что получили эти два документа, разосланные в западные губернии; откровенно бесстыднее редко поступало даже петербургское правительство.

ДЛЯ [СВЕДЕНИЯ

Правительство предписало пограничным таможням арстовать при въезде в Россию гг. Головчикова, Бакста и Зальцмана.

〈В ОБЩИЙ ФОНД ПОЛУЧЕНО ОТ № 69...〉

В *Общий фонд* получено от № 69 один фунт, от Украинца три руб. сер.

〈МЫ ПОЛУЧИЛИ ОТ ДВУХ ОСОБ...〉

Мы получили от двух особ «в пользу поляков» два либра и передали их по принадлежности.

〈В ОБЩИЙ ФОНД: ЗА № 2102...〉

В *Общий фонд*: за № 2102 — сто франков; за № 2103 — сто пятьдесят франков; за № 2101 — сто фр.

〈ОБЩИЙ ФОНД〉

Получено в *Общий фонд*, через С. Тхоржевского, под буквою *Ъ* шесть ф. Из Германии 2 ф. От № 19 — 1 ф. 12 ш.

〈ДЛЯ СЕМЕЙСТВ УБИТЫХ...〉

Для семейств убитых и раненых поляков от русских — 4 фунта.

〈В ОБЩИЙ ФОНД (№ 20) ОТ МАЛОРОССА...〉

В *Общий фонд* (№ 20) от Малоросса 5 фунт.; (№ 7), через С. Тхоржевского 5 ф. 6 ш. 4 п. От В. Печерина 2 фунта *.

〈СОЧИНЕНИЯ М. Л. МИХАЙЛОВА...〉

сочинения м. л. михайлова, изданные в пользу автора в Берлине, 1862, у *Георга Стильке*.

Р. С. В следующем листе (который выйдет 1 августа) мы поместим *Тобольское дело*, т. е. полицейские сплетни по поводу проезда Михайлова через Тобольск.

ПИСЬМО КН. П. В. ДОЛГОРУКОВА К РЕДАКТОРУ
«СОВРЕМЕННОМУ»

⟨ЕСТУПЛЕНИЕ⟩

Мы получили от кн. П. В. Долгорукова следующее письмо, посланное им в «Современник». Что же, издатель «Дня» и тут удивится, зачем кн. Долгоруков желает, чтоб его письмо было напечатано именно в «Современнике»? * Довольно, что правительство конфискует имущества отсутствующих *, конфисковать *право ответа* было бы из рук вон. Мы уверены, что письмо кн. Долгорукова будет напечатано. Вот оно.

В ОБЩИЙ ФОНД

Из Германии 5 фунт., исключительно для вспомоществования русским эмигрантам.

[⟨ВТОРОЙ ЛИСТ «СВОБОДЫ» ВЫШЕЛ...⟩

Второй лист «Свободы» вышел, мы еще не имеем его.

В ОБЩИЙ ФОНД

От бывшей институтки 50 фр., от старообрядца-беспоповщина 10 руб. сер. (№ 37).

⟨В ОБЩЕМ ФОНДЕ НЕ ТОЛЬКО НИЧЕГО НЕТ...⟩

В *Общем фонде* не только ничего нет, но дефицит растет с необходимостью поддерживать русских, не имеющих возможности возвратиться в Россию.

⟨В ОБЩИЙ ФОНД ПОЛУЧЕНО: ЗА № 74, ОТ СТАРООБРЯДЦА...⟩

В *Общий фонд* получено: за № 74, от старообрядца, признающего белокриницкое священство, 40 франков. За № 2104 — 1000 франков, за № 2105 — 50 франков.

⟨В ОБЩИЙ ФОНД ПОЛУЧЕНО: ИЗ ЛЮБЕКА...⟩

В *Общий фонд* получено: из Любека — 100 франк., от № 100 — 5 талеров, от № 113 — 10 талеров, от № 145 — 50 талеров, от № 146 — 14 шиллингов, от № 200 — 4 фунта стерл.

⟨В ОБЩИЙ ФОНД ПОЛУЧЕНО: ЗА № 2999...⟩

В *Общий фонд* получено: за № 2999—1 фунт ст., за № 3000—100 франков.

⟨В ОБЩИЙ ФОНД НА КОНТИНЕНТЕ СОБРАНО...⟩

В *Общий фонд* на континенте собрано 125 франков и издержаны на вспомоществование русским, которые спаслись от преследований правительства, но еще не успели приискать себе средств существования. Еще собрано 105 фр.

В ОБЩИЙ ФОНД

Из Швейцарии 150 и 100 фр., из Германии 1000 фр. и один фунт стерл.

⟨«КОЛОКОЛ» В 1864...⟩

«Колокол» в 1864 будет издаваться на тех же основаниях, как и в прошлые годы.

Как ни скучно толковать одно и то же, но постоянно повторяющиеся обвинения в бескорыстных русских журналах, что «Колокол» продается слишком дорого, заставляют нас еще раз сказать, что цена, которую платят в Германии, Франции и пр., до нас не касается*.

Печать в Лондоне дорога. Английские журналы живут объявлениями и рассчитывают на огромный сбыт. Пока мы печатаем в Лондоне, цену уменьшить нельзя*. Мы делаем огромную уступку книгопродавцам; на каком основании они берут дороже объявленной цены, мы не знаем. Всякий, кто хочет выписать экземпляр от гг. Трюбнера или Тхоржевского, получит «Колокол» и «Общее вече» по объявленной цене с прибавлением весовых, по английской таксе, *один пенс с листа и с границы*.

D U B I A

⟨ПРАВДА ЛИ, ЧТО ОРЕНБУРГСКИЙ ГУБЕРНАТОР АКСАКОВ...⟩

¿ Правда ли, что оренбургский губернатор Аксаков по собственному усердию отправил недавно сосланного поляка *Корсона* и его жену из Уфы в Оренбург противно их желанию?

⟨ПРАВДА ЛИ, ЧТО ГЕНЕРАЛ СКАЛОН...⟩

¿ Правда ли, что генерал Скалон послан в Сибирь с приказанием ухудшить состояние политических сосланных вообще и Михайлова в особенности и что Михайлов, вследствие его распоряжений, посажен в тюрьму?

ГЕНЕРАЛ-МАЙОР ФРЕЙГАНГ

Из Москвы нам пишут, что храбрый кавказский генерал взял, занял и покорил II московский кадетский корпус. Вслед за покорением он принялся за изгнание лучших учителей, полицмейстера, инспектора классов, старшего доктора, эконома, четырех ротных командиров и пр. Он их заместил мирными немцами, более или менее родственниками, знакомыми по Кавказу. Правда ли?

СМЕРТНАЯ КАЗНЬ В ВАРШАВЕ

Первый шаг дорог: однажды разрешив себе кровавую расправу, прогрессивное правительство преспокойно казнит людей, вешает и расстреливает. Полицейский городской И. Злобицкий был расстрелян в Варшаве 3 января. Официальный рассказ заставляет думать, что Злобицкий был *сумасшедший*: он подал в отставку, обиженный штабс-капитаном Бродовским, и за то, что Бродовский из участия к нему напомнил, что дело еще можно переменить, хватил его обнаженным палахом,

потом принялся рубить мебель, всё, что попадалось. И этого сумасшедшего, вместо больницы, отослали на казнь.

«Час», а за ним английские журналы рассказывают дело иначе: они говорят, что Злобицкий был дворянин, что комиссар полиции дал ему оплеуху, а тот его убил. Это еще менес давало право казнить его.

Подписывать смертную казнь — дурная привычка, она может далеко завести. Кровавые казни приучают к убийству. Третий шпион пал недавно под ударами убийц в Польше.

ВОЛЬСКИЙ И МАРКЕВИЧ

Вольский и Маркевич были расстреляны 31 января в Новогеоргиевске. Маркевич был подпоручиком Витебского полка и взят в плен при одной из схваток с инсургентами.

SCHINDERKNECHT

...Il y a toujours eu dans l'estime des peuples quelqu'un au-dessous même du bourreau — c'est son *valet*! ¹

Le C-te de Montalambert.

«Valet du bourreau» — verdeutsch — «Schinderknecht»...*

Deut.-Fran. L e x i c o n .

Русский офицер *Климкевич*, пишет «Бреславская газета», был остановлен пруссаками и выдан России.

Трое молодых поляков: Пронцовский, Дзиковский и Коперчинский — схвачены на дороге из Парижа в Польшу пруссаками и *выданы* России («Opin. Nation.»).

<ГЕНЕРАЛ ХРУЩЕВ>

‡ Просим наших корреспондентов написать нам, правда ли, что генерал Хрущев скупает головы инсургентов, т. е. что он положил награду за каждую голову, которую принесут крестьяне?

¹ ...Один человек извечно стоял в глазах народа еще ниже, чем палач, — это его *подручный* (франц.). — *Ред.*

〈ПОЛКОВНИК КОРФ〉

Правда ли, что полковник *Корф* застрелился, чтоб не исполнить варварский приказ?

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННАЯ ПУГАЧЕВЩИНА

Генерал-адъютант *Назимов* напечатал нечто вроде пугачевского воззвания к топорам; напомнив крестьянам об освобождении их государем, он говорит:

Еще не приведена окончательно в исполнение высочайшая воля, открывшая вам новую гражданскую жизнь и обеспечившая ваше будущее благосостояние, и уже стараются возбудить в вас преступные чувства неблагодарности и возмущения против того государя, которому вы обязаны этими благодеяниями! Вы должны доказать безнадежность подобных покушений, и, немедленно задерживая всякого, кто бы на них отважился, предавать его в руки ближайшего начальства, для поступления по законам. Содействуя охранению в крае общественного спокойствия, вы тем самым будете способствовать, для собственной вашей пользы, скорейшему открытию действий поверочных комиссий, которые должны окончательно устроить ваш поземельный быт и коих учреждение было бы замедлено и затруднено возникновением беспорядков.

〈НЕЧАЙ〉

Нечай расстрелян, так, как расстреляны несколько офицеров из предводителей. Как торопятся *они* убивать пленных, и чему же дивиться, что солдаты их просто прикалывают, без военно-судной пародии. Торопятся потому, что боятся не успеть. Шакалы порядка!

СОВСЕМ ПОШЕЛ В НИКОЛАИ

«В〈едомости〉 СПб. г〈ородской〉 п〈олиции〉» сообщают следующее дикое распоряжение государя, реформатора юридической части*:

15 февраля на Невском проспекте крестьяне Афанасьев и Иванов сорвали с головы прохожего бобровую шапку. «По докладу о поступке означенных крестьян государю е. в. повелеть соизволил: крестьян Афанасьева и Иванова *отдать в солдаты* с тем, чтобы они служили в отдаленных от столицы местах. О таком высочайшем повелении дано знать 2-му департаменту управы для немедленного приведения его в исполнение».

Неужели нет у нас закона о краденых шапках? Неужели надобно об этом докладывать государю? Неужели с тех пор, как армия наша побеждает грабежом*, ее снова делают арестантскими ротами? Николай Филиппович*, «Северная почта», «Московские ведомости», защитники царского прогресса! Объясните нам, по каким законам судит у нас земский царь?

СЛОВЕСНЫЕ РОЗГИ

Мы всегда готовы отдать полную справедливость смягчению нравов и прогрессу, где бы они ни являлись в обширном отечестве нашем. Так, мы с большим удовольствием увидели удачную замену крепостных розог наказанием духовным, шляхетным шпынянием над бывшими рабами.

Теперь господа не посылают сечь людей ни в конюшню, ни в частный дом, а в «Московские ведомости». Рядом с справедливыми упреками Николаю Павловичу за излишнее великодушие к полякам, с защитой южноамериканских крепостников журнал москворецкого торизма, «Ведомости» завели исправительную колонну, и вот как проплетил словами А. Щербачев дворовых людей Козельского уезда*:

Дворовые люди здешнего уезда задумали отпраздновать 19 февраля как день для них незабвенный; но вопрос, как бы это сделать лучше и сообщая, сильно затруднял их. Мысль о *дешевке*, на которую упирали некоторые из них, была отвергнута большинством. Чтобы разрешить недоумение, отрядили депутатов к посредникам, которые и предложили им устроить *бал*. Предложение было принято, и тут же решено дать *бал* в первый день масленицы, так как 19 февраля приходилось постом. Набрали распорядителей, которых уполномочили собирать с желавших участвовать в этом предприятии. Каждый *кавалер* должен был платить 50 к., а дама — 20 к.

Новость эта нашла себе сочувствие не в одних дворовых, но многие из *благородных* жертвовали в пользу бала.

Мировые посредники уступили им дом, нанятый для съездов; в назначенный для бала день, часов в 7, он уже был полон гостей. Бал открыт тостом за здоровье императора.

Сначала шло очень чинно и монотонно: новость положения, по-видимому, стесняла их. *Дамы* хихикались и угощались чаем и фруктами; кавалерам был устроен буфет. Но чем дальше, тем становилось оживленней. Кавалеры более галантерейного обращения подходили к дамам с любезностями. «Ах, помилуйте! Напротив!» — слышалось часто. — «Вы в конфуз меня приводите!» и пр. Начались пляски, песни, игры в соседях — словом, бал был настоящий и продолжался часов до трех.

Удовольствие такого рода до того понравилось бывшим дворовым, что они, помимо посредников, затеяли устроить другой бал и с этой целью наняли дом. 7 февраля был другой, еще оживленнее первого. С каждого постороннего посетителя взималось 50 к.

А. Щ е р б а ч е в

Не забудьте, друзья, тона этой статейки, он вам знаком, барыни ваши так «хихикались», говоря вслух об вас в гостиной. Вы видите, помещики неисправимы, в душе они останутся крепостниками. Это ваши заклятые враги. Чем-нибудь они

вас будут сечь, какие-нибудь «Московские ведомости» да найдут вместо конюшни и частного дома.

ТОТ ЛИ ПАНОВСКИЙ?

Глубокое знание польских дел, открывающееся в передовых статьях «Моск. вед.», заставляет многих думать, что этот источник сведений принес с собою *третий при двух* — г. Пановский*. Один г. Пановский долго и с отличием служил в Варшаве при Паскевиче.

ДУХОВНОЕ ТИРАНСТВО

Архимандрит Феодор, жертва происков Аскоченского, до сих пор содержится в переяславском Никитском монастыре. Он два раза подавал в синод прошение об увольнении его из духовного звания *в крестьяне*. Синод отказывает, но предлагает отказаться от ученой части, на это он не соглашается.

ДОРОГОВИЗНА КУХОННЫХ СНАРЯДОВ КНЯГИНИ ЧЕРНЫШЕВОЙ

«Теймс» извещает нас, что маркиз Пеполи нанял дом князя Чернышева за 11 000 руб. в год. Дом, разумеется, нанят был послом — *furnished, meublée*¹, т. е. с кухонными снарядами и пр., но таковых в доме княгини не оказалось. Пеполи потребовал, и княгиня согласилась дать кастрюльки, сковороды и вертелы за пустую прибавку 9000 руб. в год. Каково торгует княгиня? А ведь дом-то (замечает «Теймс») подарок Николаем Чернышеву.

Как Виктор-то Эммануил убивался, чтоб послать своего итальянского посла в Петербург — вот и плати теперь за соусники да чумички 9000 руб. в год.

АБРАМОВИЧ И КЕЛЛЕР

Правительство не только упало в Берга, но и в Абрамовича. Вот термометр Александра II. По лицам судить можно о духе.

Мин. вн. д. Келлер говорит в циркуляре, разосланном гу-

¹ мебелированный (англ. и франц.).— *Ред.*

бернаторам, что правительство очень недовольно рапортами местных властей относительно поведения русских войск. Он дает знать местным властям, что правительство только в том случае будет принимать подобные рапорты, когда они будут основаны на сведениях, *доставленных военным начальством*. В заключение запрещается гражданским властям называть сражающихся «русскими императорскими войсками» и «инсургентами», а называть их впредь «наши войска» и «мятежники».

Корреспондент «Daily Telegraph» (29 апреля) пишет: «Весть об этом распоряжении была прежде напечатана вкратце (в „Times'e“ и даже в французских газетах), мы откровенно винимся, что не поверили ей. Здесь она повторена с такими подробностями, что нет места сомнению».

ПАТРИОТИЗМ В ПАРИЖЕ

Русские, живущие в Париже, собрали для раненых солдат в Польше 7000 фр. Имена известные и знаменитые участвовали в этой коллекте, назначенной не столько для закрытия ран, полученных на войне, сколько для раскрытия верноподданнических чувств.

КОВАЛИНСКИЙ СЕЧЕТ БЕРЕМЕННЫХ

Екатеринославской губернии, в Ростовском уезде, возникло уголовное дело *о наказании беременной женщины* землевладельцем Михаилом Ковалинским и пр... и пр... Для нас важно то, что два года после освобождения варвары эти секут *беременных* женщин.

«ОЧЕРКИ» И «LE NORD»

«Очерки», *вынужденные обстоятельствами*, прекратили свое издание. Злой, иронический «Le Nord» насмешливо прибавляет: «А газеты консервативного направления процветают».

〈ТОЛЬ СЕКУЩИЙ〉

«Теймс» и другие газеты полны анекдотов о генерале *Толе*; он забивает насмерть помещиков—сечет, дерется и проч.

НАСЛЕДНИК ПРЕСТОЛА И ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМИЯ В ПУТЕШЕСТВИИ

Не без удовольствия прочли мы в «Nord'е» известие о сопровождении юного наследника в его прогулке по России — нашим многосторонним и политическим экономом Бабстом, известным филологическими студиями и филологически-раскольническими адресами. Небезосновательно замечает «Nord»: «C'est une excellente idée, qui sera d'une utilité réciproque» (это прекрасная идея, которая принесет обоюдную пользу).

ПОБЕДА!

Наконец-то роковосские и валуевские неусыпные труды увенчались если и не богатым, то сельским венцом. Несколько финских мужиков из *Поелисьяри*, *Куопио*, *Рандасальми* и *Симянге* изъявили чувства благоговения и преданности государю императору...

К МУРАВЬЕВЩИНЕ

В «Кёльнской газете» от 19 авг. напечатано в корреспонденции из Риги в «Ostsee-Zeitung»: «В дюббельнских водах умерла несколько дней тому назад девица Сляпова, скончавшаяся вследствие телесного наказания, к которому ее приговорил Муравьев за ношение траура. Все поляки и немцы, находящиеся здесь, присутствовали на ее похоронах». Какова кожа носорога у правительства, если это неправда и оно не оправдывается? И каково правительство, если это правда?

ПРИЛОЖЕНИЯ

КОРРЕСПОНДЕНЦИИ И МАТЕРИАЛЫ, ОБРАБОТАННЫЕ В РЕДАКЦИИ «КОЛОКОЛА»

ПЕРЕДНЯЯ ТЕШИТСЯ И ПОЛИЦИЯ ТОЖЕ

Мы получили очень интересное письмо из Москвы, но, по несчастью, оно сильно опоздало, и потому новости, им сообщаемые, не имеют больше интереса. Письмо это писано вскоре после отъезда государя из Москвы. В нем есть поправки к помещенной нами статейке о пребывании государя (в 147 л.)*; наш корреспондент говорил, что обед, данный в коронацию кушцами, стоил 12 000 руб., а в новом письме сказано, что обед стоил 120 000 руб. С раскольников взяли не 28 000, а недостававшие 9000 руб. и проч.

Одна из самых интересных подробностей, о которой нам не удалось слышать, состояла в *секретном* спектакле, данном 15 декабря в московском Малом театре. Играли комедию «Дядя и племянник». Комедию эту написал отставной николаевский генерал Марков; в ней обругано все молодое поколение, выставлены живые литераторы самым отвратительным образом, не пощажены и мертвые — особенно Гоголь; в ней обруганы воскресные школы, молодые офицеры (в лице Пындрикова), выставленные негодьями, обруганы университеты и проч. Театральный комитет не разрешил представление этого пасквиля. Марков обратился в Адлербергу I. Адлербергу пьеса понравилась, он приказал ее пропустить; но комитет, боясь последствий, отказался разрешить представление без высочайшего приказа. Адлерберг к государю. Однако и он уперся, говоря, что пьесу освищут и что все-таки все будут знать, что она дается по его разрешению. Но желая утешить Адлерберга и дворню, государь позволил дать пьесу Маркова *секретно* 15 декабря 1862 — в субботу. Билеты раздавали Адлерберг и Львов. Причем Адлерберг сказал Львову (директору московского театра), что если кто-нибудь осмелится шикнуть или свистнуть, то директор лишится места. Спектакль был дан, Адлерберг с всякой челядью хохотал, все аплодировали; государь однак посовестился и не был.

К письму приложена афишка печатная, без означения года и театра; афишка эта библиографическая редкость.

В субботу, 15 декабря

ПЛЕМЯННИК И ДЯДЯ

Комедия в 4-х действиях с эпилогом, соч. г-на Маркова.

В эпилоге г-жа *Егорова* будет танцевать Rondéja.

Действующие:

Пындрик, Зенон Аркадьич, офицер, в отпуску г. Самарин
Пудовик, Андрей Семеныч, его дядя,
председатель гражданской палаты г. Шумский
Зарницкая, Надежда Павловна, молодая вдова г-жа Медведева
Трикото, Раиса Власьевна г-жа Таланова
Генерал, начальник войск, квартирующих
в губернии г. Полтавцев
Хохолков, Тарас Иваныч, офицер местного
гарнизона, товарищ Пындрика г. Колосов
Растаковский, Ян Яныч, ходатай по делам г. Садовский
Агнеса Камельская, танцовщица, сопутству-
ющая Растаковскому г-жа Егорова
Рустинов, секретарь гражданской палаты . . . г. Живокини
Зубарев, советник той же палаты г. Никифоров
Прокурор г. Живокини 2-й
Гнилинский, шулер г. Ольгин
Квартальный г. Матвеев
Слуга Зарницкой г. Дудкин
Слуга Пудовика г. Садовский 2-й
Слуга в общественном саду г. Кремнев
Гости обоего пола

1-е действие происходит в деревне Зарницкой; 2-е в губернском городе;
3-е в общественном саду этого города; 4-е в квартире Пудовика.

Действующие в эпилоге:

Пындрик г. Самарин
Пудовик г. Шумский
Надежда Павловна Пындрик, бывшая Зарницкая г-жа Медведева
Растаковский г. Садовский
Агнеса Камельская, танцовщица г-жа Егорова
Исправник г. Никитин
Становой г. Калинин
Опекун г. Соколов
Управляющий завещанного имения г. Турчанинов
Зарницкий, прямой наследник завещанного
имения. г. Ленский
Слуга г. Завьялов
Почетные гости на свадьбе

Действие происходит в деревне, в главном доме завещанного имения,
спустя 4 месяца после предыдущего акта.

ДЯДЮШКИН ФРАК И ТЕТУШКИН КАПОТ

Комедия-водевиль, в 2-х картинах, соч. Н. Яковлевского.

Действующие:

Кузьма Аникеевич Кочерыжкин г. Никифоров
Машенька, дочь его г-жа Познякова (восп.)
Осип Осипович Сморчков г. Шумский
Федор Максимович Квасов г. Соколов
Матрена Карповна, жена его г-жа Таланова
Пашенька, дочь их г-жа Никулина (восп.)
Акулина, кухарка Кочерыжкина г-жа Акимова
Извозчик г. Шапкин

Это уже не *le roi s'amuse*, а *l'antichambre s'amuse*...*

А вот как тешится полиция. В письме приложены отрывки Дневника происшествий из «Московских полицейских ведомостей».

26 декабря 1862 года, утром, Мясницкой части, в Кривом переулке, поднят в бесчувственном состоянии неизвестный человек, лет 30, светлорусый, одетый в черном суконном сюртуке и брюках, который по доставлении в частный дом умер. По осмотру у умершего! на теле оказались незначительные ссадины и пятна, но знаков насилия не было.

29 декабря, Мясницкой части, на набережной реки Москвы, у Устинского моста, усмотрено мертвое тело неизвестной женщины, по-видимому лет 40, одетой в старом люстриновом пальто на вате и прочем ветхом платье; у неизвестной по осмотру на теле знаков насилия не оказалось.

29 декабря, Суцевской части, близ Марьиной рощи, на земле почетного гражданина Алексева, найдено мертвое тело неизвестного человека, по-видимому крестьянина, лет около 50, среднего роста, светлорусого, одетого в красной рубахе, полосатых портах и сапогах, на котором знаков насилия не было.

30 декабря, Лефортовской части, на Измайловском шоссе, поднято мертвое тело неизвестного звания человека лет 40, среднего роста, волосы на голове и бороде русые, одетого в триковом сером жилете, ситцевой рубахе и черных суконных панталонах, на голове черный картуз; по осмотру на теле этого человека знаков насильственной смерти не было.

1 января, утром в 4 часу, Мясницкой части, 1 квартала, на Рождественском бульваре поднято мертвое тело неизвестной женщины, лет 40, слабого телосложения, волосы на голове темнорусые, одетой в люстриновой на вате кофте, ситцевом платье, на голове большой шерстяной платок, по осмотру же на теле этой женщины никаких знаков не оказалось.

2 января, в 5 часов утра, Мясницкой части, 1 квартала, на мостовой около дома купца Щекина, найдено мертвое тело неизвестного человека, лет 50, волосы темнорусые с проседью, одетого в люстриновом пальто,

сатиновом сюртуке и триковых брюках, на котором по осмотру никаких знаков не было.

4 января, утром, Пресненской части, на проезде Камер-Коллежского вала, усмотрено мертвое тело неизвестного звания человека, лет 24, среднего роста, волосы на голове и усах русые, одетое в миткалевой рубашке, в камловых серых жилете и брюках, на шее красноватый шерстяной шарф. По осмотру на теле этом никаких знаков не оказалось.

5 января, днем, Пресненской части, за Камер-Коллежским валом, найдено мертвое тело неизвестного человека, лет 50, крепкого телосложения, среднего роста, смуглый лицом, волосы на голове и бороде с проседью, одетого в ветхом триковом холодном пальто, в полосатых портах и валеных сапогах, на голове черный картуз; по осмотру же на теле этого человека никаких знаков не было.

6 января, в 10 часов вечера, Пресненской части, на 2-й Ямской улице был поднят в бесчувственном состоянии неизвестный человек, лет 30, росту выше среднего, светлорусый, одетый в голубой нанковой рубашке, полосатых панталонах, валеных сапогах, который по доставлении в частный дом оказался уже мертвым. По осмотру у неизвестного, кроме ссадин на носу, из коего вытекло малое количество крови, никаких знаков не найдено.

20 января, проживающая Мещанской части, 4 квартала, в Сокольниках, на даче г. Коновалова, подольская мещанка Наталья Антонова объявила полиции о покраже у нее, в ночь на означенное число, неизвестными людьми денег 100 руб. и имущества на 100 руб. При дознании Антонова объяснила, что 19 числа, в 7 часов вечера, она услышала стук в сениую дверь, и когда дверь была отворена, то в квартиру вошли четыре человека, из коих двое были одеты в солдатские шинели, с тесаками, а двое в чуйках; один из этих людей, зажав ей рот, делал угрозы и приказал товарищам ломать сундук и вытаскивать имущество, после сего неизвестные скрылись и она от испуга не могла различить примет похитителей.

Последнее происшествие самое интересное; с тех пор прошло много времени, мы особенно просим известить нас, чем кончилось это дело и кто были эти два вора в солдатских шинелях с тесаками.

Из этого можно было бы заключить, что полиции вовсе нет в Москве или что она чрезвычайно слаба. Но вот доказательство противного: обер-полицмейстер Крейц дал секретное предписание частным приставам, чтобы во все пребывание государя в Москве не было ни значительных краж и ни одного убийства, и действительно не было. Приходится бедным москвичам просить государя о перенесении резиденции в первопрестольный град.

Зато ведь как и горевали москвичи после отъезда государя, служившего им life-preserver'ом*. Город покрылся мраком.

фонари стали зажигаться не в 4¹/₂ часа, а в 6¹/₂ и гаснуть в 11 часов, а не в три — и воровство снова пошло *как по маслу*, которое осталось в экономии.

СЕКРЕТЫ ЧАСТНЫЕ И ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЕ

а) *Секрет частный: Макар Денисович без фамилии и без означения места служения.*

Зять братьев Р. и муж любимой ими сестры жил в г. Остроленке Плоцкой губернии; 22 апреля муж сестры братьев Р. получил *предписание арестовать* какого-то пана; в лесу на него напали «китайские либералы». Сам Макар Денисович «был человек полнокровный лет под 50 и горячка большой», его повесили; братья Р. через «Мос. вед.» требуют о взносе его в число жертв (без фамилии и места служения) «либерального деспотизма». А ведь мы догадываемся, где зять служил*... Хотите пари?

б) *Секрет правительственный: офицеры принца Карла полка перешли к мятежникам.*

Государь император, в 19-й день сего мая, всемилостивейше соизволил пожаловать рядовому Либавского пехотного принца Карла прусского полка Александру *Ровбе* серебряную медаль с надписью «за усердие» для ношения в петлице на аннинской ленте за верность его долгу и присяге и выказанную смелость при побеге из шайки мятежников, к которым он был взят офицерами означенного полка, передавшимися мятежникам. Вместе с тем рядовому *Ровбе* пожаловано 50 руб. сер.*

КАЗНИ И ПЫТКА

Уроженец Гродненской губернии, Сокольского уезда, Матвей *Цюхна* оказался виновным в подговоре крестьян к восстанию, распространении между ними брошюр вредного содержания и нелепых слухов о действиях правительства; за преступления эти Матвей Цюхна — *расстрелян* 6 июня, в 10 часов утра, в г. Соколке, на плацу около Белостокской заставы («С. П.»).

Вильно. Сын помещика Новогрудского уезда, Минской губернии, Адам *Пулсовский* оказался виновным в принятии участия в действиях мятежнической шайки, за что он, по утвержденному приговору суда, подвергнут смертной казни — *расстрелянием* 26-го числа сего июня, в 6 часов пополудни, в г. Новогрудке («Вил. вест.»).

24 июня (2 июля) в Вильне *расстрелян* поручик 6 артиллерийской бригады Константин *Жабровский*.

Нельзя не заметить, что кровожадность явным образом растет. Теперь уже казнят смертью не предводителей, а уча-

стников в действиях мятежнической шайки» и «распространителей брошюр и ложных слухов».

«Кёльнская газета» положительно утверждает второй раз, что со времени устройства в Варшаве военного управления в крепости *пытают* арестантов и, между прочим, называет одного, по имени *Гейне*.

ЯВЛЕННЫЙ СЛУХ

«С. пч.» от 25 июня (7 июля) говорит: «Недавно *появился* в Москве *слух*, что московское купечество собирается дать обед И. С. Аксакову в знак сочувствия к газете „День“».

КОММЕНТАРИИ

ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

В разделе «Комментарии» приняты следующие условные сокращения:

1. Архивохранилища

ЦГИАЛ — Центральный Государственный исторический архив. Ленинград.

ЦГИАМ — Центральный Государственный исторический архив. Москва.

2. Печатные источники

К — «Колокол».

Л (в сопровождении римской цифры, обозначающей номер тома) — А. И. Герцен. Полное собрание сочинений и писем под редакцией М. К. Лемке, П., 1919—1925, т. I—XXII.

ЛН — сборники «Литературное наследство».

ОК — оглавление «Колокола».

ПЗ — альманах «Полярная звезда».

Письма КТГ — Письма К. Дм. Кавелина и Ив. С. Тургенева к Ал. Ив. Герцену. С объяснительными примечаниями М. Драгоманова, Женева, 1892.

Т — сборник: «Колокол». Избранные статьи А. И. Герцена (1857 — 1869) <С предисловием и примечаниями Л. А. Тихомирова>, Женева, 1887.

Семнадцатый том Собрания сочинений А. И. Герцена содержит статьи и заметки, написанные в 1863 г., большая часть которых появилась впервые на страницах «Колокола». В томе печатается также рассказ Герцена «Трагедия за стаканом грока».

Из произведений Герцена, не включавшихся до сих пор в собрания его сочинений, в основном разделе тома помещены открытые письма в редакции английских газет: «To the editor of „The Star“», «To the editor of „The Daily News“» и две заметки из «Колокола»: «Бессословность в Москве» и «Г. С. Батеньков». В этом же разделе печатается ряд статей и заметок, отнесенных в издании под редакцией М. К. Лемке к разряду «Dubia»: «Французский гут, австрийский гут, а прусский гутее», «Huxley и его чтения», «Граф Ностиц», «Зарница совести», «Sta, Borussia!», «К летописям петербургского шпионства», «Александр Николаевич пошел в горы», «Какое правление в России?», «Нет розы без шипов», «Адресоложство», «Варшава утешена!», «Биография М. Н. Муравьева».¹

Обзоры, публиковавшиеся в нескольких листах «Колокола» под общим заглавием «Россиада»,² печатаются в настоящем издании в основном разделе тома как единый цикл. В издании М. К. Лемке каждый раздел этого цикла печатался отдельно, среди произведений того листа «Колокола», в котором он был опубликован. Первый раздел «Россиады» был отнесен в издании М. К. Лемке к разряду «Dubia» и напечатан, как и другие, со значительными сокращениями, без текстов документов.

В раздел «Редакционные заметки, примечания, объявления» впервые включается 12 публикаций из «Колокола».

В раздел «Dubia» 10 заметок включаются впервые.

В приложении к тому печатаются корреспонденции и материалы, обработанные в редакции «Колокола»; три из них помещаются в собрании сочинений Герцена впервые.

Для атрибуции некоторых статей и заметок 1863 г. учитываются свидетельства М. К. Лемке об автографах Герцена, местонахождение которых сейчас неизвестно, равно как и его же справки о несохранившихся документах и письмах Н. П. Огарева, С. Тхоржевского, Л. Чернецкого, А. А. Герцена, Н. А. Герцен и т. д. В текстологическом комментарии отсутствие всех этих материалов особо не оговаривается.

Большая часть статей и заметок Герцена, помещенных в 1863 г. в «Колоколе», перепечатывалась во французском переводе в газете «La Cloche», издававшейся в Брюсселе Л. Фонтеном. Переводы для «La Cloche» осуществлялись, по всей вероятности, без участия Герцена и не являлись авторизованными. Переводы делались по вышедшим листам «Колокола», а иногда и по корректурам (так, в письме от 31 января 1863 г. Герцен писал Огареву: «Тебе послал сегодня корректурный лист; отошли его, пожалуйста, поскорее в Bruxelles, M-g Fontaine»). Перепечатка статей Герцена в газете «La Cloche» в настоящем томе не оговаривается.

В томе не помещены следующие заметки, включавшиеся в издание М. К. Лемке: 1) объявление о выпуске лл. 158 и 159 (*К*, л. 157 от 1 марта 1863 г., стр. 1309), носящее узко справочный характер; 2) заметка «М. Хотинский», представляющая собой русский перевод из газеты «Листок» открытого письма Герцена издателю «The Daily News»; это письмо было неизвестно М. К. Лемке и печатается в наст. томе (стр. 187); 3) заметка «Английская и французская горчица московского „Дня“» (*К*, л. 168 от 1 августа 1863 г., стр. 1388), воспроизводившая строки из письма И. С. Тургенева (см. стр. 439 наст. тома); 4) заметка «Преступления в Биарице» («Общее вече», № 22 от 1 ноября 1863 г.), не имеющая достаточных признаков авторства Герцена; 5) заметка «Казнь в Нижнем Новгороде» («Общее вече», № 22 от 1 ноября 1863 г.), принадлежность которой Огареву устанавливается содержащейся в ней прямой ссылкой на его же статью «Современное положение России» (*К*, л. 171 от 1 октября 1863 г., стр. 1405); 6) заметки «К адресобесию» и «Еще о вдове Сераковского» (*К*, л. 174 от 1 декабря 1863 г., стр. 1436), являющиеся корреспонденциями, без явных следов редакционной обработки. Против принадлежности последних четырех заметок Герцену свидетельствует также и то, что в период подготовки № 22 «Общего веча» и л. 174 «Колокола» Герцена в Лондоне не было. Во время отсутствия Герцена (с 15 сентября до 6 декабря 1863 г.) редакционная работа по «Колоколу» осуществлялась одним Огаревым.

В том не включается также, ввиду отсутствия аргументов в пользу авторства Герцена, прокламация «Русские люди» (датированная 4 февраля 1863 г.), которая, по предположению Е. Н. Кушевой, «могла быть написана Герценом» (*ЛН*, т. 41-42, стр. 85, 86—89).

Некоторые публикации в «Колоколе», носящие следы редакторской обработки, которая могла принадлежать в той или иной части Герцену, в настоящий том не включаются ввиду их незначительности или недостаточно выраженного характера этой обработки. Таковы, например, сопроводительные редакционные строки к публикациям или редакционные заглавия к заметкам: «Третье отделение сечет» (*К*, л. 153 от 1 января 1863 г., стр. 1276); «Сенат или дом умалишенных?» (*К*, л. 155 от 1 февраля 1863 г., стр. 1292); «Последние могикане крепостного права» и «Книгосожигатель Савва» (*К*, л. 161 от 15 апреля 1863 г., стр. 1329)—в последней заметке является, возможно, редакционной реплика в скобках: «Филарету об этом дала знать императрица» (*женская нескромность!*); «Еще каторжная

работа» (*К*, л. 163 от 15 мая 1863 г., стр. 1346). Заметка «Аксаковский „День“» (*К*, л. 170 от 1 сентября 1863 г., стр. 1404) открывалась редакционным вступлением: «Мы прочли в „Дне“ следующий *донос* на поляков и киевское начальство...»

В том же включено редакционное вступление к публикации «Невинная вина» (*К*, л. 170 от 1 сентября 1863 г., стр. 1401), а также некоторые редакционные примечания к статьям, напечатанным в тех листах «Колокола», которые вышли в свет в отсутствие Герцена: «Братское слово» (*К*, л. 171 от 1 октября 1863 г., стр. 1406), «Из летописи за два последние года» (*К*, л. 173 от 15 ноября 1863 г., стр. 1426, 1427), «Исторические документы (Переписка по делу об убийстве аракевевской Настасьи)» (*К*, л. 174 от 1 декабря 1863 г., стр. 1430), «Заключение генерал-аудиториата по делу о подпоручике Григорьеве» (*К*, л. 174 от 1 декабря 1863 г., стр. 1432). Не вошло в том и следующее вступление к публикации «Письма г. Рошковского»: «Мы помещаем с весьма небольшими выпусками письмо капитана генерального штаба г. Рошковского. Оно живо представляет печальную картину процесса, которым петербургское правительство посылает отвращение ко всему русскому» (*К*, л. 171 от 1 октября 1863 г., стр. 1410; сообщение о получении письма капитана Рошковского было опубликовано в *К*, л. 170 от 1 сентября 1863 г., стр. 1404).

Текстологический комментарий к произведениям настоящего тома составлен *И. Г. Птушкиной*; к рассказу «Трагедия за стаканом грока» — *М. А. Соколовой* и *Л. Р. Ланским*.

Реальный комментарий составили: *И. М. Беляевская* и *С. Д. Лицинер* («Официальный контрадрес», «Франко-русский союз», «Eхiаtіо!», «Уравнение прав иностранцев с русскими перед каторгой», «Но *другое*-то правительство, полно, немецкое ли?», «Resurrexit!», «По делу адреса офицеров», «Наглое злоупотребление полицейского слова», «Удельные князья», «Французский гут, австрийский гут, а прусский гутее», «Преступления в Польше», «Surtout pas trop de zèle, Mr] Budberg», «Вспомогательное французское войско в Польше», «Плач», «Александровская конституция и павловское время», «Great Western», «Русская женщина у Лангевича», «Die Geschicklichkeit ist mit einer Ökonomie verbunden», «Прокламация „Земли и воли“», «Граф Ностиц», «Графиня Хребтовичева и архиерей Фелинский», «Русские посланники», «А. А. Потегбня», «К летописям петербургского шпионства», «Ward Jackson», «Первое мая», «С. Падлевский», «Росспада», «Пир в Стокгольме», «Польский мартиролог», «Не верим!», «Сигизмунд Сераковский», «Вывод из владения», «Тот ли Пановский?», «В. Гюго русскому войску», «Свободное слово», «Русские во Флоренции, Женеве и Ницце», «Уведомление», «Домбровский и Мехеда»), *И. Г. Птушкина* («С континента»), *В. А. Путинцев* («Трагедия за стаканом грока»), *В. П. Тараканова* (1831—1863). Комментарии ко всем другим статьям и заметкам составлены *С. Д. Лицинер*.

СТАТЬИ ИЗ «КОЛОКОЛА»
И ДРУГИЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ 1863 ГОДА

MDCCCLXIII

Печатается по тексту *К*, л. 153 от 1 января 1863 г., стр. 1269 — 1270, где опубликовано впервые, с подписью: *И — р*. Этой статьей открывается лист «Колокола». Автограф неизвестен.

Итоговые годовые статьи были традиционными в «Колоколе» (таковы статьи «1860 год» — см. т. XIV наст. изд., «На новый год» Н. П. Огарева — *К*, л. 89 от 1 января 1861 г., «Mortuos plango» — т. XVI наст. изд., «В вечность грядущему 1863 году» — в наст. томе, «1864», «К концу года» — т. XVIII наст. изд.). В настоящей статье Герцен, определяя своеобразие общественно-политической обстановки в России на рубеже 1862 — 1863 гг., видит его в резком усилении реакции и откровенном повороте правительства к репрессиям против революционного лагеря, а с другой стороны — в росте политического сознания в передовых слоях офицерства, пробуждении демократического протеста в армии.

Созыв бессословного Земского собора для демократического решения главных вопросов — о земле и власти — представляется Герцену в этих условиях ближайшей целью революционного движения. Это требование неоднократно высказывалось в «Колоколе» на протяжении 1862 г., в частности, оно было сформулировано в статье-прокламации Огарева «Что надо делать народу» («Общее вече», № 2 от 22 августа 1862 г.). С основными положениями этой статьи Герцен выразил полное согласие в письме к Е. В. Салиас де Турнемир от 21 августа 1862 г. Агитация за созыв бессословного Земского собора была рассчитана на принятие царем этого требования под воздействием передовой общественности и натиском революционных сил или на окончательную дискредитацию Александра II в случае его отказа (см. рукопись Огарева «Заграничные общества» — *ЛН*, т. 61, стр. 509). Теоретически эта тактика затем обосновывается в работе Огарева «Расчистка некоторых вопросов. Статья вторая. Конституция и Земский собор» (*К*, лл. 164, 166, 172, 174, 175 от 1 и 20 июня, 1 ноября, 1 и 15 декабря 1863 г.).

Называя Земский собор «земской плотиной» против самодержавной власти, Герцен, по существу, не верил в добровольный созыв его царем. Именно поэтому издатели «Колокола» все больше внимания уделяют конкретному определению путей подготовки крестьянской революции. Особенное значение приобретает для них революционизация армии как

«готовой организованной силы» (см. «К офицерам» — т. XVI наст. изд., стр. 261). Именно в 1862 г. завязываются непосредственные связи издателей «Колокола» с зарождающимися революционными армейскими организациями, в частности, с комитетом русских офицеров в Польше, руководимым А. А. Потембей (см. в наст. томе заметку «А. А. Потембей» и комментарий к ней, а также «Письмо к Гарибальди» — т. XVIII наст. изд.).

В воззвании к «Русским офицерам в Польше» (см. т. XVI наст. изд.) развигается план создания в армии единой и разветвленной сети революционных организаций. Обращение к «Офицерам русских войск от комитета русских офицеров в Польше», напечатанное в *К*, л. 151 от 1 декабря 1862 г., переключаясь во многом с рукописью Огарева «Цель русского движения» (см. *ЛН*, т. 61, стр. 501), рисует следующую картину будущего народного «бескровного» восстания во главе с революционной армией: «От Петербурга и Бессарабии, от Урала и Дона, от Черноморья и Кавказа пойдемте спокойным строем через всю землю русскую, не допуская ненужного кровопролития, давая народу свободно учреждаться в волости и области и клича клич на Земский собор людей, выбранных ото всей земли русской для общего союза и разумного устройства» (*К*, стр. 1246). Надежды на социально-политическое переустройство страны Герцен связывает, таким образом, с пробуждением политического сознания народа и, в частности, с революционизированием армии как «передовой фаланги земского дела». Отсюда исторический оптимизм в определении перспектив русского демократического движения, которым проникнута настоящая статья

Стр. 7. ...*московский помещик (как Александр Николаевич)*... — В речи на торжественном приеме дворянских депутатов Московской и смежных с ней губерний 28 ноября 1862 г. Александр II сказал: «Мне особенно приятно, господа, видеть вас собранными здесь, в нашей древней столице, которая мне вдвойне дорога, как собственная моя колыбель <...> А вы, господа московские дворяне, знаете, что я за особую честь считаю принадлежать, как помещик вашей губернии, к вашей среде» (см. С. С. Т а т и щ е в. Император Александр II, его жизнь и царствование, т. I, СПб., 1903, стр. 406).

...*когда нет поджогов, то очень трудно сыскать зажигателей и чрезвычайно легко наполнить тюрьмы невинными жертвами.* — Речь идет о пожарах в Петербурге в мае 1862 г., которые были использованы царским правительством как предлог для организации жестокого террора против революционно-демократического движения. Реакционная и либеральная пресса («Московские ведомости», «Наше время», «Отечественные записки», «Северная пчела»), прибегая к темным намекам на мнимых «зажигателей», развязывала своими выступлениями руки правительству для открытого похода против революционеров. Были образованы две следственные комиссии: комиссия для обнаружения участников поджогов и комиссия для расследования источников и путей распространения прокламаций и других революционных изданий (о второй комиссии, под председательством кн. А. Ф. Голицына, см. комментарий на стр. 365). Комиссиями был сфабрикован ряд политических процессов, в частности, «процесс 32-х» (обвинившихся в сношениях с лондонскими пропагандистами), процесс Чернышевского и др. Нелепые обвинения демократической молодежи в поджогах реакция связывала, в частности, с тем, что пожары начались вскоре после появления революционной прокламации «Молодая Россия», которая объявляла кровавую борьбу всему современному строю и оправдывала всякие средства» (В. И. Л е н и н. Сочинения, изд. 4, т. 5, стр. 27). Все запросы Герцена по этому поводу в «Колоколе» в 1862 г. (см. «Отчего

правление притаилось с следствием о зажигательстве?», «Третий раз спрашиваем мы...», «Четвертый запрос от издателей „Колокола“» — т. XVI наст. изд.) оставались без ответа. См. о петербургских пожарах также в «Былом и думах» — т. XI наст. изд., стр. 310—311.

Стр. 8. *Моряк Путятин, моряк Константин Николаевич, моряк Головнин* ∞ *Один не сумел погубить просвещение, другой не сумел его восстановить, третий ∞ не сумел разом губить и восстанавливать Польшу.* — 20 июня 1861 г. министром народного просвещения был назначен адмирал Е. В. Путятин. Время его деятельности ознаменовалось поворотом к реакционной политике в области просвещения: вводился строгий полицейский надзор за студентами, уничтожались зачатки студенческого самоуправления, отвоеванные в период демократического подъема. Нелепые распоряжения по введению новых университетских правил, послужившие поводом к студенческим волнениям осенью 1861 г., репрессии против студентов, закрытие Петербургского университета показали полную неспособность министра восстановить хоть малейший порядок в университетах и привели Александра II к необходимости уже 25 декабря 1861 г. заменить его А. В. Головниным, который с 1848 по 1859 г. также служил в морском министерстве, являясь долгое время редактором ведомственного органа — «Морского сборника» и секретарем морского министра вел. князя Константина Николаевича.

Последний был назначен 27 мая 1862 г. наместником Царства Польского. Его политический курс формулировался как «система примирения и твердости», т. е. был продолжением жестокой расправы с революционным движением при некоторых уступках польской аристократии (восстановление Государственного совета Царства Польского, назначение вице-председателем Совета и начальником гражданской администрации Польши поляка маркиза А. И. Велёпольского и т. п.).

Иные говорят, что он земледовный, ни то ни се, — нам кажется с е. — А. В. Головнин стремился к поддержанию своей репутации как свободомыслящего, «передового» министра. И. С. Тургенев в письме от 11 февраля 1862 г. просил Герцена «не трогать пока Головнина», ибо «за исключением двух-трех вынужденных<...> уступок, все, что он делает, хорошо» (см. *Письма КТГ*, стр. 144—145). Ироническое замечание Герцена, намекая на долгую службу Головнина по морскому ведомству, было направлено одновременно против мнений либеральной части общества о Головнине как о «прогрессисте».

...казнь Арнгольда, Сливицкого, Ростковского и Щура. — Поручик И. Н. Арнгольд, подпоручик П. М. Сливицкий, унтер-офицер Ф. Ростковский были расстреляны в крепости Новогеоргиевск (Модлин) 16 июня 1862 г. по приговору военно-полевого суда за распространение в войсках революционных брошюр и «крайне зловерных идей, имевших целью поколебать <...> дух верности и повиновения законным властям». Рядовой Л. Щур, приговоренный по этому же делу к наказанию шпицрутенами и каторге на 12 лет, был забит насмерть. Подробности о поведении их на суде см. в корреспонденции «Русские мученики и мучители в Польше» — *К*, л. 143 от 1 сентября 1862 г., стр. 1181 — 1182. Текст приговора был воспроизведен в статье Герцена «Выстрелы, раны и убийства» (см. т. XVI наст. изд.). О «черном дне» казни Герцен писал в заметке «Арнгольдт, Сливицкий и Ростковский» (т. XVI наст. изд.).

...ссылавшем людей за ∞ письмо Белинского к Гоголю. — Это обвинение было предъявлено в 1849 г. ряду лиц, привлеченных к суду по делу М. В. Петрашевского, в частности Ф. М. Достоевскому, который был осужден за чтение на собрании кружка письма Белинского на 4 года каторги и 6 лет службы рядовым в сибирском линейном батальоне.

Этот нероновский поступок, сделанный лицемерно, чужими руками, под фирмой Лидерса ∞ убийства с утайкой причины. — Приговор

Аргольдту, Сливцкому, Ростовскому и Шуру был утвержден временно главнокомандующим войсками в Польше генерал-адъютантом гр. А. Н. Лидерсом. В статье «Выстрелы, раны и убийства» Герцен писал о «новой методе убийств при нынешнем государе»: «Он в стороне; он скорбит душою и плачет ...это все другие <...>, какой-нибудь Лидерс убивает...» (см. т. XVI наст. изд., стр. 208). Жестоко подавляя проявления революционного протеста в войске, правительство и официальная пресса в то же время старались скрыть факты недовольства в армии и отказа некоторых офицеров участвовать в удущении Польши (см. ниже статью «Официальный контрадрес»). Поэтому в мотивировке приговора обходился вопрос о принадлежности обвиняемых к революционной организации в армии. Герцен писал в статье «Аргольдт, Сливцкий и Ростовский»: «Может, что-нибудь скрыто под фразой „возбуждать к восстанию“? Разве правительство думает, что для публики приятнее знать, что оно купается в крови без достаточной причины?» (см. т. XVI наст. изд., стр. 215).

...от произвольного ареста Огрызки до приговора на шесть лет каторжной работы Михайлова ∞ в великую годовщину 14 декабря! — И. П. Огрызко находился под арестом в Петропавловской крепости с 26 февраля по 13 марта 1859 г. за напечатание в редактировавшейся им в Петербурге газете «Слово» (№ 15 от 21 февраля 1859 г.) статьи с отрывками из писем И. Лелевеля и сочувственным отзывом о нем (см. заметку «Лелевель и казематы» и комментарий к ней — т. XIV наст. изд.). М. Л. Михайлов был приговорен 23 ноября 1861 г. к 6 годам каторги за написание и распространение прокламации «К молодому поколению», составленной им и Н. В. Шелгуновым. Приговор был публично объявлен обвиняемому 14 декабря 1861 г. Герцен написал по этому поводу заметку «Годовщина четырнадцатого декабря в С.-Петербурге» (см. т. XVI наст. изд.). Тогда же в «Колоколе» были помещены стихи «Узнику», приписываемые Н. И. Утину, «Михайлову» Н. П. Огарева и «Ответ» М. Л. Михайлова (см. К, л. 119-120 от 15 января 1862 г., стр. 1001).

Стр. 8—9. ...подражая красноречию его величества, сказать государю: «Здравствуйте, московский помещик! ∞ Теперь прощайте, бог с вами!» — Герцен в своем гневном обращении к царю пародирует речь Александра II на приеме в Кремле волостных старшин и сельских старост из временнообязанных крестьян Московской губернии 25 ноября 1862 г.: «Здравствуйте, ребята! Я рад вас видеть. Я дал вам свободу, но, помните, свободу законную, а не своеволие <...> Требую от вас точного исполнения установленных повинностей. Хочу, чтобы там, где уставные грамоты не составлены, они были составлены скорее <...> затем, после составления их, т. е. после 19 февраля будущего года, не ожидать никакой иной воли и никаких новых льгот <...> Не слушайте толков, которые между вами ходят, и не верьте тем, которые вас будут уверять в другом, а верьте одним моим словам. Теперь прощайте, бог с вами!» (С. С. Т а и щ е в. Император Александр II, его жизнь и царствование, т. I, СПб., 1903, стр. 407)

Стр. 9. ...не верьте ∞ ни Адлербергам, ни Гагариным, ни Коцебу, от Коцебу рожденным... — Имеются в виду влиятельные члены придворной камарилы и генералитета, служившие постоянным объектом разоблачений в «Колоколе». О гр. В. Ф. Адлерберге см., например, в т. XVI наст. изд. заметки «Юбилей», «Старая история», заключение к корреспонденции «Адлерберг I как хозяин, судья и золотопромышленник». О кн. П. П. Гагарине см. в статьях «Павел Гагарин» — т. XVI наст. изд., «Львов и Гагарин» — К, л. 140 от 1 августа 1862 г. Герцен упоминает также генерал-адъютанта П. Е. Коцебу (см. о нем публикацию «Генерал-губернатор Коцебу» — К, л. 152 от 15 декабря 1862 г., стр. 1266), который был сыном немецкого драматурга А. Коцебу, тайного агента правительства Александра I.

...до гоффурыеров ∞ издающих потаенный журнал «Его время»...— При дворе велся «Камер-фурьерский журнал», отражавший все придворные события и регистрировавший каждый шаг императора.

Стр. 10. *Расстрелянная Хрулевым молитва в Варшаве, расстрелянное недоумие крестьян в Бездне...*— Герцен говорит о расстреле по приказу генерала С. А. Хрулева патриотической манифестации на Замковой площади в Варшаве 8 апреля 1861 г. (см. об этих событиях статью «Матер dolorosa», т. XV наст. изд.) и о кровавом подавлении волнений крестьян в с. Бездна Спасского уезда Казанской губ. 12 апреля 1861 г. (см. «Русская кровь льется!» и «12 апреля 1861», т. XV наст. изд.).

Стр. 11. *К русскому войску в Польше, Лондон, 1854 г.*— Речь идет о прокламации «Вольная русская община в Лондоне. Русскому воинству в Польше», которую Герцен не вполне точно цитирует в тексте статьи (см. т. XII наст. изд., стр. 202).

...это вам говорят расстрелянные мученики, это вам говорят Обручевы, Григорьевы, Игнатьевы, Трувеллеры, Красовские...— О «расстрелянных мучениках» И. Н. Арнольдте, П. М. Сливичком и Ф. Ростковском см. комментарий к стр. 8. Далее Герцен перечисляет имена офицеров, осужденных за революционную пропаганду в войсках и народе. В. А. Обручев, после исполнения над ним обряда гражданской казни 31 мая 1862 г., был за распространение прокламации «Великорус» сослан на каторгу на три года, с оставлением на поселение в Сибири (о нем см. в статье «Молодая и старая Россия» — т. XVI наст. изд., стр. 204 — 205). Подпоручик Н. А. Григорьев в 1862 г. был лишен всех прав состояния и сослан в отдаленные места Сибири «за намерение» агитировать против «верховой власти» (см. «Приказ по отдельному гвардейскому корпусу» — *К*, л. 151 от 1 декабря 1862 г., стр. 1256). Флотский юнкер В. В. Трувеллер был приговорен к ссылке в Сибирь за распространение лондонских изданий среди матросов фрегата «Олет» (см. о нем также в «Былом и думах», гл. «Апогей и перигей» — т. XI наст. изд., стр. 305—306). Подполковник А. А. Красовский, приговоренный сначала к смерти, был присужден 11 октября 1862 г. к 12 годам каторги за написание и распространение прокламации, призывавшей солдат не участвовать в карательных экспедициях «против безоружных крестьян, своих же русских» (выписки из его «дела» помещены в *К*, л. 162 от 1 мая 1863 г., стр. 1336—1338. См. о нем также заметку «Хроника террора и прогресса» — т. XVI наст. изд.).

...секретные циркуляры из милютинских прилавок...— В *К*, л. 152 от 15 декабря 1862 г., в статье «Военный министр Милютин как министр просвещения» (стр. 1262—1263), был опубликован циркуляр Милютина от 14 июля 1862 г., № 287, разосланный полковым командирам. В нем говорилось о необходимости пресечь революционную пропаганду «между нижними чинами», закрыть воскресные школы, очистить войска от неблагонадежных офицеров и т. п. Особым пунктом было выделено требование «не допускать офицеров до фамильярного сближения с солдатами».

«Мы не дворяне, мы народ»,— говорит тверское дворянство.— Речь идет об адресе тверских дворян Александру II от 2 февраля 1862 г., где они высказывались за слияние сословий, отказывались от всех своих сословных привилегий и т. д.; текст «Адреса тверского дворянства» был напечатан в *К*, л. 126 от 22 марта 1862 г., стр. 1045—1046.

...первым дворянином...— Намек на речь Александра II от 4 сентября 1859 г. «Я считал себя первым дворянином, когда был еще наследником,— сказал он, обращаясь к депутатам губернских комитетов,— я гордился этим, горжусь этим и теперь и не перестаю считать себя в вашем сословии» (С. С. Т а т и щ е в. Император Александр II, его жизнь и царствование, т. I, СПб., 1903, стр. 359—360).

ОФИЦИАЛЬНЫЙ КОНТРАДРЕС

Печатается по тексту *К*, л. 153 от 1 января 1863 г., стр. 1271, где опубликовано впервые, с подписью: *И — р (А. Герцен)*. Автограф неизвестен. В настоящем издании в текст внесено следующее исправление:
Стр. 14, строка 17: № 147 вместо: № 148.

В *К*, л. 148 от 22 октября и л. 151 от 1 декабря 1862 г. были опубликованы адрес на имя наместника в Царстве Польском вел. князя Константина Николаевича и адрес на имя офицеров русских войск. Эти документы были составлены членами комитета русских офицеров — революционной организации русских офицеров в Царстве Польском (см. статью «Арнгольдт, Сливичкий, Ростковский» и комментарий к ней в т. XVI наст. изд.) и появились не только в «Колоколе», но и в ряде западноевропейских газет. Как видно из письма комитета русских офицеров издателям «Колокола», авторы не ждали никаких положительных результатов от адреса Константину Николаевичу, написанного, по их словам, «лишь для очистки совести» (см. *К*, л. 151, стр. 1245). Особенно обеспокоил русское правительство второй адрес, излагавший революционные воззрения членов комитета и призывавший всех русских офицеров включиться в освободительную борьбу. Стремясь нейтрализовать значение этих документов и доказать, что в русской армии господствуют верноподданнические убеждения, командование царских войск, расквартированных в Польше, составило контрдрес, разослало его для подписания во все воинские части, а затем передало для опубликования в ряд газет Западной Европы. В комментируемой статье Герцен разоблачил проделку командования царских войск. К этому же вопросу Герцен возвращается в ряде статей 1863 г.: «О якобы офицерском письме в „Теймс“», «По делу адреса офицеров», «Наглое злоупотребление полицейского слова», «История адреса и контр-адреса продолжается».

Стр. 13. ...*надеемся, что она не откажет поместить и этот ответ...* — О публикации контр-адреса в «The Times» см. в заметке «О якобы офицерском письме в „Теймс“» (стр. 21—22 наст. тома).

...*ф р а н ц у з с к и м и г а р а н т и я м и с в о б о д н о й п о д а ч и г о л о с о в...* — Выборы в новое Законодательное собрание Франции, состоявшиеся 20 декабря 1851 г. и формально проходившие на основе всеобщего избирательного права, были проведены в обстановке террора бонапартистов против левых республиканцев. По замечанию В. Гюго в памфлете «Napoléon le Petit», изданном в 1852 г., «Францию пригнали на это голосование, как стадо скотины на бойню» (книга шестая — «Оправдание (7 500 000 голосов)», гл. III — «Голосование. Принципы. Факты»). По своим результатам эти выборы в Законодательное собрание означали ликвидацию республики и восстановление монархического строя во Франции.

Стр. 14. ...*приписывал сам себе ∞ «Юрия Мирославского», «Фенеллу» и «Сумбеку».* — Герцен передает слова Хлестакова по первой редакции «Ревизора», напечатанной в Петербурге в 1836 г. (действие III, явление 6). В окончательной редакции пьесы Хлестаков приписывает себе из этих произведений только «Юрия Мирославского».

«*C'est la faute de Voltaire, c'est la faute de Rousseau...*» — «В том вина Вольтера, в том вина Руссо...» Герцен приводит далее неточную цитату из популярной в свое время песенки П. Беранже «Mandement des Vicaires-généraux de Paris. Mars 1817» («Послание генеральных викариев Парижа»): «Если бог залил землю, то это по вине Вольтера, если он устроил потоп,

го это по вине Руссо». Антиклерикальное сатирическое стихотворение Беранже явилось откликом на пастырское послание каноника Собора Парижской богородицы аббата Котре (Cottret), опубликованное в 1817 г. и содержавшее нападки на Руссо и Вольтера; в ряде городов церковниками было устроено публичное сожжение книг Руссо и Вольтера. В романе В. Гюго «Отверженные», вышедшем в свет в Париже в 1862 г., куплеты этой песни поет на баррикаде Гаврош (ч. V, гл. XV).

...«письмо к офицерам» (15 окт. 1862, «Кол.», № 147)... — См. письмо Герцена «Русским офицерам в Польшу» (т. XVI наст. изд.).

...три письма, полученные мною. — Два из этих писем, написанные А. А. Потемной «по поручению товарищей», были опубликованы в К: первое — в л. 135 от 1 июня 1862 г., в составе статьи Герцена «Письмо от офицеров» (см. т. XVI наст. изд.), второе, датированное 7 июня 1862 г., — в л. 162 от 1 мая 1863 г., в составе статьи Огарева «Надгробное слово». В нем Потемня писал Герцену: «...мы настолько сблизились с патриотами польскими, что во всяком случае примем участие в близком восстании Польши, но мы настолько привыкли уважать ваше имя, что хотели бы прежде знать ваше мнение по этому вопросу».

...воинов, которые, как Красовский, не хотят быть палачами. — О подполковнике А. А. Красовском см. комментарий к стр. 9.

ФРАНКО-РУССКИЙ СОЮЗ

Печатается по тексту К, л. 153 от 1 января 1863 г., стр. 1276, где опубликовано впервые, без подписи. Автограф неизвестен.

Авторство Герцена устанавливается на основании тематических и стилистических особенностей заметки. В своих произведениях Герцен постоянно выступал против союза России с Францией Наполеона III (см. «Франция или Англия?» — т. XIII наст. изд.; «Война и мир» — т. XIV наст. изд. и др.). В настоящей заметке разоблачается «союз двух полиций», русской и французской, в частности, «трогательный пример солидарности» этих полиций, проявившийся в аресте нескольких поляков. Об этом же Герцен сообщал 24 декабря 1862 г. в письме к старшим дочерям: «У нас есть и невеселые новости: из польских знакомых, которые бывали с Мих. Ал. <Бакуниным>, несколько арестованы в Париже <...>»; 30 декабря 1862 г. он писал Н. А. Герцен: «Наши знакомые поляки все еще сидят». Об аресте И. Цверцьякевича, И. Хмельнского и В. Миловича Герцен рассказал также в «Былом и думах» (часть VII, гл. «Пароход „Ward Jackson“ R. Weatherley & Co», т. XI наст. изд., стр. 378—379), подчеркивая при этом, что оказавшиеся в руках русской полиции бумаги Цверцьякевича «были сообщены французской полицией русскому посольству».

Упоминаемая в заметке книга Ч. Дарвина «Происхождение видов путем естественного отбора», вышедшая в свет в 1859 г., вызвала живой интерес со стороны Герцена. Он писал о ней сыну 20 апреля 1860 г., а затем выслал ему книгу Дарвина, называя ее так же, как и в настоящей заметке, сокращенно — «On species».

Заключительная фраза подстрочного примечания — «Мы еще займемся их фауной...» (по адресу «нового вида чиновничества» — «русских альзасцев») — переключается со следующими строками в заметке Герцена «Крайне нужно»: «„Колокол“ собирает небольшой альманах под заглавием „Скотный двор“ или „Отечественная фауна“» (т. XV наст. изд., стр. 25).

Характерны для стиля Герцена иронические строки о «хронической надежде» поляков на Францию, а также концовка заметки: «Каковы

русские немцы, да и каковы немецкие русские!» (ср. статью «Русские немцы и немецкие русские» — т. XIV наст. изд.).

Включено в издание М. К. Лемке (*Л XVI, 10—11*).

Заметка явилась откликом на первые дипломатические шаги нового посланника России в Париже барона А. Ф. Будберга, реакционного дипломата, сменившего на этом посту гр. П. Д. Киселева (в ноябре 1862 г.) и призванного укрепить союз России и Франции на основе общей борьбы против революционного движения в Европе. Первоначально правительство Наполеона III положительно реагировало на представления Будберга по польским делам. Помимо описываемого ареста четырех членов польской демократической эмиграции, оно отозвало по его требованию из Варшавы французского генерального консула Сегюра, обвиненного Будбергом в сношениях с революционерами. Эти факты подкрепляли убеждение Герцена в круговой поруке международной реакции в борьбе с демократией. В дальнейшем Герцен продолжал высмеивать реакционный характер дипломатической миссии Будберга — см. в наст. томе заметки: «Князь Орлов и барон Будберг», «*Surtout pas trop de zèle, Mr Budberg*», «Г-н Будберг», «Александр Николаевич пошел в горы» и др.

Стр. 15. *...союз двух полиций*. — Сообщение Герцена о сотрудничестве французской и русской полиций в борьбе с польским освободительным движением подтверждается документами, сохранившимися в архиве III отделения. Так, 23 сентября 1862 г. Будберг сообщил начальнику III отделения В. А. Долгорукову содержание 13 пакетов, которые были изъяты французской полицией при обыске у польских эмигрантов и пересланы ему префектом парижской полиции для просмотра (см. И. М. Белявская. А. И. Герцен и польское национально-освободительное движение 60-х годов XIX века, М., 1954, стр. 109).

Четверо поляков задержаны в Париже... — В декабре 1862 г. парижской полицией были арестованы польские эмигранты: И. Цверцякевич, И. Хмельнский, В. Милович, Ф. Годлевский. Все они принимали активное участие в подготовке восстания в Польше.

...трое остались в тюрьме. — И. Цверцякевич, В. Милович и Ф. Годлевский были освобождены из тюрьмы лишь в феврале 1863 г. и тогда покинули Францию; см. об этом в заметке «Французский гут, австрийский гут, а прусский гутее» (стр. 37 наст. тома) и в письме Герцена к Н. А. Герцен от 7 февраля 1863 г.

Какой урок полякам, больным хронической надеждой на Францию... — Аристократическая часть польской эмиграции в своих националистических планах делала главную ставку на вмешательство в польские дела западных держав; см. также далее комментарий к статье «Между молнией и громом».

Государь разрешил Валуеву принять австрийский орден Леопольда а... — «Высочайшее разрешение» было опубликовано в «Северной почте», № 264 от 4 декабря 1862 г.

Мы еще займемся их фауной... — См. статьи и заметки: «Балтийские немцы», «Немцы и не-немцы в Зимнем дворце», «Возвращение е. и. в главнокомандующего действующей армией в Варшаву», «Александр Николаевич пошел в горы» и другие.

БАЛТИЙСКИЕ НЕМЦЫ

Печатается по тексту *К*, л. 153 от 1 января 1863 г., стр. 1276, где опубликовано впервые, без заглавия и подписи. Заглавие взято из *ОР*. Автограф неизвестен.

Заметка построена на материалах иностранной прессы (газета «Le Constitutionnel»), которые в «Колоколе» обычно обрабатывал сам Герцен. Характеристика остзейского дворянства, отстаивающего «с закоснелостью» «свои монополии и средневековые права», близка к оценке «балтийских немцев» в работе Герцена «О развитии революционных идей в России» (см. т. VII наст. изд., стр. 142—145). Принадлежность заметки Герцену подтверждается ее идейно-тематической и стилистической связью со статьей «Русские немцы и немецкие русские». Слова «nos amis de la maison» текстуально совпадают с цитатой из этой статьи (см. т. XIV наст. изд., стр. 156), использованной для характеристики казарменно-лакейского управления и пруссаческих симпатий царской семьи и верхушки государственного аппарата:

Et par diverses raisons
Gardons les amis de la maison.

Включено в издание М. К. Лемке (*Л* XVI, 11).

Стр. 16. *На днях он поместил небольшую корреспонденцию об о с т з е й с к и х п р о в и н ц и я х.*— Герцен имеет в виду корреспонденцию из Петербурга, напечатанную в «Le Constitutionnel», № 350 от 16 декабря 1862 г.

Мы настолько знали русских немцев (nos amis de la maison), чтоб не удивляться их ур-консерватизму...— Определение «русских немцев» как «наших друзей дома» (см. также стр. 88) Герцен в данном случае распространяет на остзейское дворянство, особенно упорное в своем «первобытном консерватизме».

ЕХРИАТЮ!

Печатается по тексту *К*, л. 154 от 15 января 1863 г., стр. 1277, где опубликовано впервые, с подписью: *И — р.* Этой статьей открывается лист «Колокола». Автограф неизвестен.

Осенью 1862 г. царские власти приняли решение о проведении в Царстве Польском рекрутского набора, который должен был проводиться по заранее составленным спискам. Этот проект, получивший полное одобрение наместника Царства Польского вел. князя Константина Николаевича, был предложен маркизом А. И. Велёпольским с целью обезвредить наиболее революционно настроенные круги населения Польши (об этом см. также статью «Подтасованный набор» и комментарий к ней — т. XVI наст. изд.). Набор, проводившийся в Варшаве в ночь с 14 на 15 января 1863 г., послужил одним из поводов для начала восстания. Герцен рассматривал рекрутский набор в Польше как провокацию; определяя отношение русских офицеров и солдат к начавшемуся восстанию (см. также статью «Русским офицерам в Польше» — т. XVI наст. изд.), он полагал, что значительная часть русских офицеров и солдат поддержит освободительную борьбу польского народа и это будет способствовать разрыванию освободительной борьбы непосредственно на территории России; в то же время Герцен предостерегал их от опасности

растворения «в польском деле» и рекомендовал им сохранить свои силы и организацию для «русского дела».

Есть все основания полагать, что если не вся, то значительная часть военной организации «Земли и воли» в Царстве Польском приняла участие в польском восстании. Наиболее показательны в этом плане действия одного из ее руководителей, друга Герцена, молодого русского офицера А. А. Потехни (см. в наст. томе заметку «А. А. Потехня»).

К рассмотрению вопроса о позиции русских офицеров и солдат во время польского восстания Герцен возвращался в ряде своих статей 1863 г. (см. в наст. томе статьи: «Братская просьба к русским воинам», «К русским офицерам, писавшим нам из Польши», «Русские офицеры в рядах инсургентов» и др.).

Стр. 17. ...что там Минквиц ни пиши...— О верноподданническом адресе, составленном начальником штаба русских войск в Царстве Польском генералом А. Ф. Минквицем, см. выше в статье «Официальный контрадрес».

Стр. 18. ...спасла бы людей своих, как в библейской легенде?— По библейской легенде, Авраам решил принести в жертву богу своего сына Исаака, но занесенная им рука с ножом была остановлена ангелом.

Брут делается палачом своих детей...— Основатель и первый консул римской республики Люций Брут (VI в. до н. э.), согласно легенде, осудил на смерть собственных сыновей за их участие в заговоре против республики.

...Карагеоргий сербский казнит своего отца.— Кара-Георгий, руководитель сербского восстания против турок 1804 г. и родоначальник сербской династии Карагеоргиевичей, по преданию, убил в 1787 г. своего отца за то, что тот хотел выдать туркам сербских повстанцев.

...святую печать — соединенные братски руки с словами Земля и Воля!— Эмблема на печати революционной организации русских офицеров, возникшей в конце 1861 — начале 1862 г. в Царстве Польском. Эта же эмблема была и на печати общества «Земля и воля», в состав которого вошла революционная офицерская организация.

РАПОРТ — RAPPORT, A NE DÉNONCIATION

Печатается по тексту *К*, л. 154 от 15 января 1863 г., стр. 1284, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без подписи. Автограф неизвестен.

Авторство Герцена определяется редакционным характером заметки и ее непосредственной связью с другими его статьями о судьбе русских офицеров Арнгольда, Сливицкого и Ростковского (см. например, статью «Арнгольдт, Сливицкий и Ростковский» в т. XVI наст. изд.). Заметка написана на основе информации газеты «Le Nord» (№ 10 от 10 января 1863 г.), материалы которой обычно обрабатывал для «Смеси» сам Герцен.

Свойственно стилю Герцена использованное в концовке заметки ироническое противопоставление понятий «официальное» и «официозное» (см. заметки «Ернический тон русских газет» и «Объяснение <Фельетон „Северной пчелы“ от 11 апреля...>», т. XVI наст. изд.).

Включено в издание М. К. Лемке (*Л* XVI, 18).

Стр. 19. В «Колоколе» от 1 сентября 1862 г. было помещено письмо из Польши с «р а п о р т у Тамландера и Кроха».— Герцен цитирует часть письма из Польши, напечатанного в *К*, л. 143 от 1 сентября 1862 г., стр. 1182, под заглавием «Русские мученики и мучители в Польше» (см. вступительные редакционные строки к этой публикации в т. XVI наст. изд.).

ДОНОС ИЛИ НЕ ДОНОС?

Печатается по тексту *К*, л. 154 от 15 января 1863 г., стр. 1285 (страница помещена в «Общем вечере», № 9 от 15 января 1863 г.), где опубликована впервые, без подписи. Автограф неизвестен.

Комментируемая заметка, так же как и заметки «Уравнение прав иностранцев с русскими перед каторгой», «*Но другое-то правительство, полно, немецкое ли?*», «Что за история была в лейб-уланском полку?..», «О якобы офицерском письме в „Теймс“», «Полицейская пропаганда и налоги», «Правда ли, что оренбургский губернатор Аксаков...» (наст. том, стр. 319), «Правда ли, что генерал Скалон...» (там же), предназначалась для отдела «Смесь» 154 листа «Колокола». В конце этого листа сообщалось: «Доля не взошедшей смеси напечатана на последней, 52 странице „Общего веча“» (стр. 1284). Все перечисленные выше заметки были опубликованы в «Общем вечере» под заголовком «Доля не взошедшей смеси 154 л. „Колокола“». Страница 1285, помещенная в «Общем вечере», входила в общую пагинацию «Колокола», в связи с чем первая страница следующего, 155 листа «Колокола» от 1 февраля 1863 г. была обозначена 1286-й.

Заметка включена в издание М. К. Лемке (*Л XVI*, 18—19) со следующей справкой: «Сверено с подлинником, хранящимся в архиве семьи Герцена» (*Л XVI*, 568). В тексте издания Лемке отсутствует слово «тропики» (стр. 19 наст. тома, строка 19).

Начав в статьях 1862 г. обличение продажной журналистики (см. «Дурные оружия», «По поводу крепких слов г. Каткова и слабостей генерала Потапова» и др. — т. XVI наст. изд.), Герцен на протяжении 1863 г. продолжает высмеивать Каткова и его сторонников, ставших литературными адвокатами злодеев царизма в Польше, подстрекателями реакции и доносчиками (см. «Преступления в Польше <Печален наш удел...>», «Донос на „СПб. ведомости“», «Манифест и литературный Липранди», «Россиада» и др.). Эти факты «литературного растения» он обобщает также в статьях «Виселицы и журналы», «В этапе» и др.

Характеристика, данная в настоящей заметке Каткову («Не ясно ли, что Катков — тайный сенатор и действительный советник <...>»), фразеологически совпадает с заглавием статьи Герцена «Сенаторам и тайным советникам журнализма» (т. XVI наст. изд.).

Принадлежность заметки Герцену подтверждается ее некоторыми стилистическими особенностями. В частности, типична для стиля Герцена оценка III отделения как «оранжереи Потапова» и ироническое упоминание о «высших цветах правительственной литературы» (ср. в статье «По поводу крепких слов г. Каткова и слабостей генерала Потапова»: «Позвольте, генерал, позвольте! Всем известно, что теперь по вашей ботанике тайнобрачные разделяются на два семейства: на семейство *подлушивающих* и на семейство *убеждающих*, на семейство *липрандовидных* и на семейство *павловоустых*» (т. XVI наст. изд., стр. 234).

Стр. 19. «Северная почта», рассказывая с достоподобной риторикой *гофшурьерского журнала о бале, данном 6 декабря московским дворянством...* — Речь идет о корреспонденции «Из Москвы», напечатанной в официальной газете министерства внутренних дел «Северная почта», № 269 от 11 декабря 1862 г., стр. 1087. Подобострастный тон описания бала в Благородном собрании, данного 6 декабря 1862 г. московским дворянством в честь посещения Москвы Александром II, Герцен уподобляет стилю писаний придворного «Камер-фурьерского журнала».

Стр. 20. ...*Валуев, изобретатель масок в печати...* — Герцен, вероятно, имеет в виду «Временную инструкцию цензурному комитетам и отдельным цензорам» от 17 мая 1862 г., составленную министром народного

просвещения А. В. Головинным в связи с замеченными министром внутренних дел П. А. Валуевым упущениями цензоров. Параграф IV инструкции гласил: «В рассуждениях о недостатках и злоупотреблениях администрации не допускать печатания *имен лиц и собственного наваiania мест и учреждений*» (К, л. 140 от 1 августа 1862 г., стр. 1163— «Временнообязанная Головинну литература»).

...*игнатъевских арестантских картузов*...— Петербургский военный генерал-губернатор гр. П. Н. Игнатъев издал 19 сентября 1860 г. приказ городской полиции за № 169. Этот приказ, «в видах уменьшения преступлений для обережения чувства стыда от всякого преждевременного оскорбления», предписывал «при пересылке арестантов в здешней столице из временных мест заключения (...) надевать на арестантов особенные шапки, которые закрывают верхнюю часть лица и голову пересылаемого». Приказ был высмаен Герценом в заметке «Полицейские маскарады Игнатъева» (см. т. XIV наст. изд.). Ср. также упоминания об этом в заметках «Игнатъевские маски» (т. XIV наст. изд.), «Профессор П. В. Павлов и Тимашевка», «Клоповник (не растительного царства, а царства русской полиции)», «Исправительные письма», «Игнатъев заказывает бунт» (т. XV наст. изд.).

«Le Nord» сообщает ∞ М. Катков ∞ познакомился там с государем, и они, кажется, очень сошлись.— О «длительной беседе» Александра II с М. Н. Катковым во время бала 6 декабря 1862 г. сообщалось в корреспонденции из Петербурга, напечатанной в газете «Le Nord», № 365 от 31 декабря 1862 г. Несколько ранее «высочайшего одобрения» удостоилась передовая статья Каткова в «Современной летописи», № 23 от 6 июня 1862 г., в которой автор, не называя имени Герцена, намекает на его причастность к петербургским пожарам (см. К. Ц в е т к о в. Добровольный ответ на «Вынужденное объяснение» Н. М. Павлова — «Русское обозрение», 1895, № 10, стр. 840—841).

За что же было на нас сердиться? ∞ Катков — тайный сенатор и действительный советник...— На статью Герцена «Сенаторам и тайным советникам журнализма» (см. т. XVI наст. изд.) последовал раздраженный ответ М. Н. Каткова в «Современной летописи», № 20 от 16 мая 1862 г. Об этой полемике см. также статьи «Дурные оружия», «Письмо гг. Каткову и Леонтьеву» и комментарии к ним (т. XVI наст. изд.).

Николай Филиппович, повеситесь!— Имеется в виду Н. Ф. Павлов, издатель репительной газеты «Наше время»; см. о нем в наст. томе статьи «Александровская конституция и павловское время», «Россиада», «Виселицы и журналы» и др. и комментарии к ним.

УРАВНЕНИЕ ПРАВ ИНОСТРАНЦЕВ С РУССКИМИ ПЕРЕД КАТОРГОЙ

Печатается по тексту К, л. 154 от 15 января 1863 г., стр. 1285 (см. комментарий к заметке «Донос или не донос?»— наст. том, стр. 351), где опубликовано впервые, без подписи. Автограф неизвестен.

Включено в издание М. К. Лемке (Л XVI, 19) со следующей справкой: «Принадлежность устанавливается пометкой Огарева на корректуре, хранящейся в архиве семьи Герцена» (Л XVI, 568).

Принадлежность заметки Герцену подтверждается ее редакционным характером, тематикой (польские события 1863 г., судьба деятелей польского освободительного движения), а также типичным для Герцена ироническим упоминанием о «немецком» характере царского правительства. О «записках» Андриана Герцен вспоминал в «Былом и думах» (где он так же, как в настоящей заметке, назван Андрианом—см. т. IX наст. изд., стр. 144).

Стр. 20. *Швейцарец Эдуард Бонгард* ∞ принадлежал к тайному обществу.— Приговор военно-полевого суда по делу Э. Бонгарда, обвинявшегося в принадлежности к тайному революционному обществу, в переписке с Л. Мерославским, в сборе средств для вооруженного восстания и участии в его подготовке, был напечатан вместе с конфирмацией вел. князя Константина Николаевича в составе заметки «Варшава в С.-Петербургских ведомостях», № 275 от 16 декабря 1862 г.

...напоминает нам судьбу *Адриана — француза, посаженного ∞ в одно время с графом Гонфалоньери, Сильвио Пеллико.*— Неаполитанская революция 1820 г. и революция 1821 г. в Пьемонте нашли широкий отклик во всех итальянских землях, в том числе в Ломбардии, где развернулась деятельность тайного общества карбонариев. Австрийское правительство, под властью которого находилась Ломбардия, преследуя карбонариев, арестовало в конце 1820 г. поэта Сильвио Пеллико, а в конце 1821 г. графа Конфалоньери, француза А. Андриана и других карбонариев. Андриан, Конфалоньери и Пеллико были приговорены к смертной казни, замененной для двух первых пожизненными каторжными работами, а для последнего 15-летней каторгой в австрийской крепости Шпильберг.

...*Адриани напечатал ∞ «Mémoires d'un prisonnier d'Etat».*— Герцен имеет в виду книгу: A. Andryan. Mémoires d'un prisonnier d'Etat au Spielberg, Paris, 1837 — 1838. В 1862 г. вышло в свет в Париже четвертое издание книги. На русский язык она не была переведена.

¿ НО ДРУГОЕ-ТО ПРАВИТЕЛЬСТВО, ПОЛНО, НЕМЕЦКОЕ ЛИ?

Печатается по тексту К, л. 154 от 15 января 1863 г., стр. 1285 (см. комментарий к заметке «Донос или не донос?»), где опубликовано впервые, без подписи. Автограф неизвестен.

Включено в издание М. К. Лемке (Л XVI, 20) со следующей справкой: «Принадлежность устанавливается пометкой Огарева на корректуре, хранящейся в архиве семьи Герцена» (Л XVI, 568).

Авторство Герцена подтверждается редакционным характером заметки, а также тем, что именно Герцен выступал в своих статьях против «унизительной необходимости узнавать *через немца*, что делается дома» (см. реальный комментарий).

Заглавие заметки указывает на ее непосредственную композиционную связь с предыдущей статьей, завершающейся ироническими строками о «*другом немецком правительстве*» (наст. том, стр. 20).

Стр. 21. «*Кельнская газета*», — пишут «С.-Пб. ведомости», — сообщает нам следующее о процессе, происходящем в Варшаве.— Герцен приводит начальные строки заметки «Процесс членов тайного общества в Польше», напечатанной в «С.-Петербургских ведомостях», № 275 от 16 декабря 1862 г. Используя сведения, почерпнутые из «Кельнской газеты», автор ее сообщает о ходе начавшегося 12 декабря 1862 г. в Варшаве процесса по делу 66 членов тайной революционной организации.

Мы много раз писали об этом...— См., например, заметки Герцена «Отечский совет», «Урок из географии» (т. XV наст. изд.), «Северная пчела» (т. XVI наст. изд.) и др.

...о *фициальные новости*, переводимые с французского из «*Journal de St.-Petersbourg*».— Эта газета, издававшаяся в Петербурге на французском языке, была официальным органом министерства иностранных дел.

〈ЧТО ЗА ИСТОРИЯ БЫЛА В ЛЕЙБ-УЛАНСКОМ ПОЛКУ?..〉

Печатается по тексту *К*, л. 154 от 15 января 1863 г., стр. 1285 (см. комментарий к заметке «Донос или не донос?»), где опубликовано впервые, без заглавия и подписи. Автограф неизвестен.

Включено в издание М. К. Лемке (*Л XVI*, 20) со следующей справкой: «Принадлежность устанавливается пометкой Огарева на корректуре, хранящейся в архиве семьи Герцена» (*Л XVI*, 568).

Принадлежность заметки Герцену подтверждается редакционным характером содержащегося в ней запроса («просим покорнейше прислать нам»), а также тем, что она написана на основе материалов газеты «L'Indépendance belge», которые обрабатывал для «Колокола» обычно сам Герцен.

О ЯКОБЫ ОФИЦЕРСКОМ ПИСЬМЕ В «ТЕЙМС»

Печатается по тексту *К*, л. 154 от 15 января 1863 г., стр. 1285 (см. комментарий к заметке «Донос или не донос?»), где опубликовано впервые, без подписи. Автограф неизвестен.

Включено в издание М. К. Лемке (*Л XVI*, 20) со следующей справкой: «Сверено с подлинником, хранящимся в архиве семьи Герцена» (*Л XVI*, 568). В издании Лемке имеются разночтения с текстом «Колокола»: в «Теймсе» *вместо*: в «Теймс» (в заглавии); раскрытию *вместо*: к раскрытию (стр. 21 наст. тома, строка 20).

Принадлежность заметки Герцену подтверждается ее редакционным характером и непосредственной связью со статьями Герцена «Официальный контрадрес» и «По делу адреса офицеров» (см. наст. том, стр. 12 — 14 и 28 — 31).

Стр. 21. ...*письмо к директору «Теймса» от директора главного штаба...*— Речь идет о письме офицеров в редакцию газеты «Теймс», которое было помещено в «Колоколе», л. 153 от 1 января 1863 г. в составе статьи Герцена «Официальный контрадрес» (см. наст. том). Там же Герцен высказывает предположение о том, что письмо написано начальником штаба Варшавского военного округа генерал-лейтенантом А. Ф. Минквицем.

ПОЛИЦЕЙСКАЯ ПРОПАГАНДА И НАЛОГ

Печатается по тексту *К*, л. 154 от 15 января 1863 г., стр. 1285 (см. комментарий к заметке «Донос или не донос?»), где опубликовано впервые, без подписи. Автограф неизвестен.

Включено в издание М. К. Лемке (*Л XVI*, 20—21) со следующей справкой: «Сверено с подлинником, хранящимся в архиве семьи Герцена» (*Л XVI*, 568). В издании Лемке есть следующее разночтение с текстом «Колокола»: столпов *вместо*: столбов (стр. 23 наст. тома, строка 3).

Авторство Герцена подтверждается редакционным характером заметки («Нам прислали из Ковно следующий циркуляр», «пишет наш корреспондент») и польской тематикой, входившей в круг ближайших интересов Герцена.

Стр. 22. ...*правительство и полиция пятнают особенно вестники своей дружбой и поличениями.*— Высказывая замечание о «Вестнике Юго-Западной и Западной России», Герцен в то же время намекает и на «Русский вестник» М. Н. Каткова.

Стр. 23. ...*складки для Мерославского*... — В 1862 г. тайные революционные общества в Польше организовали сбор средств для будущего восстания (см. об этом выше в комментариях к заметке «Уравнение прав иностранцев с русскими перед каторгой»).

ОТ ИЗДАТЕЛЕЙ <«ЗАПИСКИ» КН. ТРУБЕЦКОГО...>

Печатается по тексту сборника «Записки декабристов», выпуск второй и третий, Лондон, 1863, стр. 183, где опубликовано впервые, с подписью: *И — р.* Авторграф неизвестен.

О начале издания «Записок декабристов» Герцен извещал в сентябре 1862 г. в заметке «Записки декабристов», помещенной в «Колокола» (см. т. XVI наст. изд.). Здесь же сообщалось о целях издания, назначении «вырученных денег» и порядке публикации полученных рукописей, в том числе «Записок» кн. С. П. Трубецкого.

Первый выпуск, включавший «Записки» И. Д. Якушкина, поступил в продажу около 15 декабря 1862 г.; «Записки» кн. С. П. Трубецкого, предназначенные для второго выпуска, к тому времени находились уже в печати (см. объявление в «Общем вече», № 7 от 15 декабря 1862 г.). Упомянутое в комментируемом тексте письмо, написанное неизвестным лицом по поручению наследников С. П. Трубецкого, было получено Герценом, вероятно, в конце декабря 1862 г., о чем свидетельствует ответное письмо Герцена, датированное 31 декабря 1862 г. (см. далее в наст. томе «Личное объяснение»). В нем Герцен, разъясняя нежелательность приостановки уже почти завершенного издания, сообщал о своем намерении выпустить его с данным заявлением, если в течение месяца от наследников Трубецкого не поступит других предложений о путях урегулирования конфликта. От дальнейших переговоров последние отказались (см. Д. Н. Свербеев. Воспоминания об А. И. Герцене. — «Русский архив», 1870, № 3, стр. 680, а также комментарий к стр. 191 наст. тома). В день написания комментируемого послесловия (19 января 1863 г.) Герцен писал Н. И. Тургеневу в ответ на его «Письмо к редактору „Колокола“» по поводу «Записок» И. Д. Якушкина (письмо Тургенева было опубликовано затем в *К*, л. 155 от 1 февраля 1863 г.): «„Записки“ Якушкина бросают большой свет на тогдашнее время; рядом с ними печатаются „Записки“ кн. Трубецкого, в которых те же факты являются отрицательными под иным углом. Мне кажется, что только этим образом и можно будет реставрировать события и личности ваших товарищей и друзей и наших отцов в духе. Внешние противоречия и личные ошибки пропадают в целом».

RESURREXIT!

Печатается по тексту *К*, л. 155 от 1 февраля 1863 г., стр. 1286, где опубликовано впервые, с подписью: *Искандер*. Этой статьей открывается лист «Колокола». Авторграф неизвестен.

Статья Герцена открывала цикл его выступлений, связанных с польским восстанием 1863 г. В своих прокламациях и статьях, опубликованных на страницах «Колокола», Герцен с первых шагов деятельности Вольной русской типографии в Лондоне неустанно пропагандировал требование независимости Польши. Когда в январе 1863 г. в Польше началось восстание, все симпатии и сочувствие Герцена были на стороне повстанцев. Понимая,

что польское восстание может победить лишь при объединении: русским революционным движением, Герцен высказывает сожаление, «что польское восстание пришло рано», когда в самой России еще отсутствовали необходимые условия и предпосылки для развертывания открытой борьбы. Надеясь, однако, что весной-летом 1863 г. развернется также восстание русского крестьянства, Герцен указывает на необходимость координации действий русских и польских революционеров. «Старайтесь пользоваться и поддерживать польскую революцию, — писал он 27 марта 1863 г. В. И. Касаткину, — чтобы, в свою очередь, они нас поддержали. С весной это примет настоящие размеры».

В статьях и письмах Герцена ставится вопрос не только об использовании ситуации, созданной польским восстанием, для дела русской свободы, но и о прямом участии русских революционеров в освободительном движении польского народа. Однако это участие Герцен ставил в зависимости от того, какой характер в конечном счете примет польское восстание и какие тенденции в нем будут преобладать. Отвечая 7 апреля 1863 г. на сообщении В. О. Ковалевского о решении группы русских революционеров принять участие в восстании, сын Герцена, А. А. Герцен, писал: «Я вам скажу, что я сделал бы: я подождал бы 2, 3, 4 недели, чтобы дать время польскому национальному движению принять окончательное положительно-политическое направление, установиться и прийти в равновесие среди разных партий, враждебных между собою. А кто может предвидеть, которая из этих партий возьмет верх и увлечет за собой все восстание? <...> Возможность еще есть, чтобы дело приняло там другой, наш характер, этого и надо выждать» (ЛН, т. 63, стр. 140). К этому письму А. И. Герцен сделал приписку: «Я тоже думаю так, вопрос очень важный. Будет ли в Литве народное восстание? Оно могло быть, но многое изменилось. Не побережешь ли свои силы на свое дело? В Польше правое дело, необходимость заявления со стороны русских была очевидна. Может, составление русского легиона сделало бы чрезвычайную пользу для России, но возможно ли это?..»

Однако ход событий в Польше и России в 1863 г. был таков, что польское восстание не переросло в крестьянское и не явилось «ферментом» для подъема освободительного движения в России. Надежды Герцена на военно-крестьянское восстание в России весной 1863 г., возникшие у него в начальный период польского восстания, не оправдались. Тем не менее Герцен не прекратил своей деятельности, направленной на поддержку и защиту дела польской независимости и свободы, освободительной борьбы польского народа. Эта деятельность Герцена в условиях самодержавно-крепостнической России, в условиях шовинистической пропаганды, особенно усилившейся в период польского восстания, имела огромное общественно-политическое значение. Она получила высокую оценку В. И. Ленина, который писал: «Когда вся орава русских либералов отхлынула от Герцена за защиту Польши, когда все „образованное общество“ отвернулось от „Колокола“, Герцен не смутился. Он продолжал отстаивать свободу Польши и бичевать усмирителей, палачей, вешателей Александра II. Герцен спас честь русской демократии» (В. И. Ленин. Сочинения, изд. 4, т. 18, стр. 13).

Мысли, высказанные Герценом в комментируемой статье, получили развитие и отражение во многих его статьях, помещенных в настоящем томе: «Преступления в Польше», «Плач», «Great Western», «Прокламация „Земли и воли“», «Между молнией и громом», «В вечность грядущему 1863 году» и др.

Стр. 25. Туча, которую мы указывали месяцы, разразилась! Восстание распространяется в Польше. — Вооруженное восстание в Польше

началось в ночь на 23 января 1863 г. На вероятность его, в связи с рекрутским набором по «полицейским спискам», Герцен указывал ранее в статьях «Подтасованный набор» (см. т. XVI наст. изд.), «Expiatio!» (см. выше в наст. томе).

И вы, маркиз, недаром старались ваше длинное имя записать в польскую историю!— Речь идет об А. Велёпольском, имевшем титул маркиза Гонзаго-Мышковского.

Стр. 26. ...*ружья, которые стреляли в Бездне ∞ приклады, которыми били петербургских студентов...*— Речь идет о подавлении царскими войсками в 1861 г. крестьянского восстания в с. Бездна Спасского уезда Казанской губ. (об этом см. статьи «Русская кровь льется!», «12 апреля 1861» и др.— т. XV наст. изд.); о разгоне жандармами и солдатами Преображенского полка студенческой демонстрации в Петербурге 13 октября 1861 г. Герцен писал в статьях «Преображенская рота и студенты», «Гретья кровь», «По поводу студентских избиений» (т. XV наст. изд.).

...*многие, и мы в том числе, делали все ∞ возможное, чтоб задержать его...*— Считая восстание в Польше преждевременным и обреченным на неудачу, Герцен писал об этом деятелю польского освободительного движения И. Цверцякевичу 22 октября 1862 г., а также русским революционным офицерам, прося их оказать влияние на руководство польской повстанческой организации и отсрочить начало восстания (см. «Русским офицерам в Польше», т. XVI наст. изд.).

Велепольский и его Телемак...— Иронически сравнивая вел. князя Константина Николаевича с героем «Одиссеи» Телемаком, который, путешествуя в поисках отца, руководствовался указаниями своего наставника и воспитателя Ментора, Герцен намекает на то, что наместник в своей деятельности в Польше, в особенности при проведении рекрутского набора, находился под влиянием А. Велёпольского. См. об этом также в статье «Преступления в Польше» (стр. 43 наст. тома).

Стр. 27. ...*устами другого монарха обеспечит ∞ не погибнет...*— Имеется в виду Наполеон III. Герцен приводит слова Луи Филиппа из его тронной речи 1831 г.

...*«порядок царствует в Варшаве».*— Эти слова были сказаны в Национальном собрании Франции 16 сентября 1831 г. министром иностранных дел Себастиани в связи с известием о том, что царские войска овладели восставшей Варшавой.

В Англии будут ненужные ∞ митинги...— На запрещение митинга английской общественности в защиту Польши в начале апреля 1863 г. Герцен откликнулся заметкой «Hyde Park и запрещенный митинг» (стр. 129 наст. тома); см. также далее комментарий к заметке «Между молнией и громом»

ПО ДЕЛУ АДРЕСА ОФИЦЕРОВ

Печатается по тексту *К*, л. 155 от 1 февраля 1863 г., стр. 1287—1288, где опубликовано впервые, без подписи. Автограф неизвестен.

Статья написана от имени издателей «Колокола». В подстрочном примечании имеется подпись: *Издатели «Колокола».*

Авторство Герцена подтверждается непосредственной связью настоящей статьи со статьей «Официальный контрадрес» (стр. 12 — 14 наст. тома).

Включено в издание М. К. Лемке (*Л* XVI, 27—30).

Стр. 28—29. ...*письмо к Константину ∞ помещено уже на столбах вашего журнала.*— Об адресе «Его императорскому высочеству вели-

кому князю Константину Николаевичу от русских офицеров, стоящих в Польше», опубликованном в *К*, л. 148 от 22 октября 1862 г., см. выше в комментарии к статье «Официальный контрадрес».

Стр. 29. ...*ваши искренние советы...*— Авторы письма подразумевают статью Герцена «Русским офицерам в Польше» (см. т. XVI наст. изд.).

...«Северная пчела» поместила выписку из 334 номера вашего уважаемого журнала...— В «Северной пчеле», № 317 от 23 ноября 1863 г., была помещена корреспонденция «Вести из Польши», заимствованная из «L'Indépendance belge», где она была напечатана 30 (18) ноября 1862 г. (№ 334), в отделе известий из России. Автор ее утверждал, что письмо офицеров вел. князю Константину Николаевичу «было подложное». Об этом см. также заметку Герцена «Северная пчела» и комментарий к ней (т. XVI наст. изд.).

Стр. 30. ...канал Новогеоргиевской крепости вторично увидел бы кровь русских офицеров.— О казии офицеров И. Н. Аргольдта, П. М. Сливицкого и Ф. Ростковского см. в комментарии к стр. 8.

Стр. 31. ...что же выиграло своими дementиями ∞ правительством?— Говоря об опровержениях (démenti — франц.) и фокусах (das Kunststück — нем.), Герцен имеет в виду, в частности, офицерское письмо в «Таймс», опровергавшее подлинность адреса революционно настроенных русских офицеров вел. князю Константину Николаевичу (см. выше статью Герцена «Официальный контрадрес»).

НАГЛОЕ ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЕ ПОЛИЦЕЙСКОГО СЛОВА

Печатается по тексту *К*, л. 155 от 1 февраля 1863 г., стр. 1288, где опубликовано впервые, без подписи. Автограф неизвестен.

О принадлежности статьи Герцену свидетельствует ее редакционный характер, полемическая направленность против «катковщины» русской прессы и М. Н. Каткова, борьбу с которым вел на страницах «Колокола» сам Герцен (см. комментарий к заметке «Донос или не донос?»). Упоминание «нашей статьи о сенаторах», т. е. статьи Герцена «Сенаторам и тайным советникам журнализма» (см. т. XVI наст. изд.), также подтверждает авторство Герцена.

Включено в издание М. К. Лемке (*Л* XVI, 30—32).

Стр. 32. «Промаяхнулся друг любезный...» — Эпиграфом к статье служат строки из куплетов Килиана в опере К. Вебера «Freischütz» («Волшебный стрелок», акт I, сцена 1). Немецкий текст оперы написан И. Киндом.

...п о д л о ж н о е письмо, написанное будто бы офицерами ∞ офицеры русской армии ∞ написали от своего имени протест...— См. выше статью «Официальный контрадрес» и комментарий к ней.

В 52 № «Совер. лет.» напечатано ∞ отрывок которого помещен в последнем номере «National-Zeitung». — Герцен цитирует с сокращениями начальные строки редакционной заметки, помещенной в «Современной летописи», № 52 от 27 декабря 1862 г., стр. 14. Далее в этой заметке приводился отрывок из «контрадреса», опубликованный в «Nationalzeitung».

Видя, что «Теймс» не получил контрадреса, мы сами его послали в «Теймс» и другие журналы. — Об этом см. выше заметку «О якобы офицерском письме в „Теймс“» и комментарий к ней.

Нет, сенатор, вы плохой стрелок ∞ наша статья «о сенаторах». — Имеется в виду М. Н. Катков, который совместно с П. М. Леонтьевым являлся издателем «Современной летописи», воскресного приложения к журналу «Русский вестник». См. также комментарий к стр. 20.

Стр. 33. ...мы посмеялись над тоном бурсачных учителей и над педагогическим самодовольством издателей «Сов. лет.»... — В статье «Сенаторам и тайным советникам журнализма» Герцен писал, обращаясь к М. Н. Каткову и П. М. Леонтьеву: «Добрейшие педели нашего просвещения <...> нельзя же вносить всех привычек и всех приемов школьного учителя в окружающую вас жизнь <...> Вне школы этого тона вынести нельзя, особенно когда <...> в каждом слове сквозит спокойное, олимпийское чувство самодовольства» (т. XVI наст. изд., стр. 90).

БРАТСКАЯ ПРОСЬБА К РУССКИМ ВОИНАМ

Печатается по тексту К, л. 155 от 1 февраля 1863 г., стр. 1288—1289, где опубликовано впервые, с подписью: И — р. Автограф неизвестен.

12 февраля 1863 г. И. С. Тургенев писал Герцену: «Твое послание к русским солдатам в последнем „Колоколе“ меня прослезило» (*Письма КТГ*, стр. 179).

Стр. 34. ...подтасованный польский набор совершился! — См. выше комментарий к статье «Expatrio!».

ИСКЛЮЧЕНИЕ ИЗ СПИСКОВ М. И. ТОПИЛЬСКОГО

Печатается по тексту К, л. 155 от 1 февраля 1863 г., стр. 1291, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без подписи. В ОК озаглавлено: «М. И. Топильский». Автограф неизвестен.

Авторство Герцена определяется редакционным характером заметки, ее идейно-тематической и стилистической близостью ко всем обличительным выступлениям Герцена против бывшего министра юстиции графа В. Н. Панина и его «верного оруженосца» М. И. Топильского (см. «Польза от гласности», «О граф Виктор Никитич!» — т. XIII наст. изд.; «Граф В. Н. Панин», «Топильский в ненужном месте», «Слово графа Виктора Панина к депутатам», «Paniniana» — т. XIV наст. изд. и др.). Заметка, сообщающая об исключении «из списка наших натуращиков М. И. Топильского», заключает собой эту серию статей Герцена, в которых он «время от времени» сообщал «наиболее любопытные черты» из жизни Панина, «со включением в них и таковых же из жизни М. И. Топильского» (т. XIV наст. изд., стр. 301). Имя «удобоуправляемого» Топильского стало для Герцена нарицательным (ср. письмо Герцена к И. С. Тургеневу от 11 апреля 1862 г.: «Ев. Корш сделался Топильским при Чич <ерине>»).

Включено в издание М. К. Лемке (*Л* XVI, 33).

Стр. 36. «E rotta l'alta Colonna...» — «И разбитая высокая колонна и зеленый лавр». Первая строка из сонета CCLXIX «Sanzoniste» Петрарки.

Михаил Иванович исчезает, как плющ, делящий падение бревна юстиции... — М. И. Топильский был уволен в конце 1862 г., вслед за отставкой Панина. Ироническое сравнение Герцена перекликается с карикатурой на Панина и Топильского, которая была помещена в сатирическом еженедельнике «Гудок», № 43 от 9 ноября 1862 г., с подписью, пародирующей стихотворение В. А. Жуковского «Дружба»:

Скатившись с горной высоты,
Лежит здесь дуб, перунами разбитый,
А с ним и гибкий плющ, кругом его обвитый...
О, служба, это ты.

УДЕЛЬНЫЕ КНЯЗЬЯ

Печатается по тексту *К*, л. 155 от 1 февраля 1863 г., стр. 1292, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без подписи. Автограф неизвестен.

Включено в издание М. К. Лемке (*Л XVI*, 34) со следующей справкой: «Принадлежность устанавливается запиской Тхоржевского, хранящейся в архиве семьи Герцена» (*Л XVI*, 568).

Авторство Герцена подтверждается тематикой заметки, а также рядом стилистических особенностей. Деятельность вел. князя Константина Николаевича в Польше была объектом пристального внимания Герцена (см. «Что-то сделает Константин Николаевич в Польше?», «Выстрелы, раны и убийства», «Аргольдт, Сливичкий и Ростовский», «По экзамену „единица“», «Подтасованный набор» — т. XVI наст. изд.).

Упоминание о возможности «отделения Польши под скипетром и трезубцем Константина Николаевича» также свидетельствует об авторстве Герцена, постоянно иронизировавшего над деятельностью «сухопутного адмирала» (см. т. XVI, стр. 264, и наст. том, стр. 8). Характерна для Герцена игра слов: «Мы предчувствуем, что oiseleur наш будет в Кур-ляндии». Герцен неоднократно называл вел. князя Николая Николаевича «oiseleur» (см. об этом в комментарии к заметке «Первый и последний русский дворянин» — т. XVI наст. изд., стр. 428).

Стр. 36. *Михаил Николаевич получает в удел Кавказ...* — Вел. князь Михаил Николаевич в декабре 1862 г. был назначен наместником Кавказа и главнокомандующим Кавказской армией. В начале февраля 1863 г. он выехал из Петербурга в Тифлис.

...успешно покоренный Бярятинским. — Генерал А. И. Бярятинский командовал Кавказской армией, ведшей борьбу с отрядами Шамиля. В августе 1859 г. был взят оплот Шамиля — аул Гуниб, но в начале 60-х годов борьба с горцами еще продолжалась.

ФРАНЦУЗСКИЙ ГУТ, АВСТРИЙСКИЙ ГУТ, А ПРУССКИЙ ГУТЕЕ

Печатается по тексту *К*, л. 155 от 1 февраля 1863 г., стр. 1293, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без подписи. В *ОК* озаглавлено: «Наш дядя на берегах Шпре». Автограф неизвестен.

Авторство Герцена определяется редакционным характером заметки («Мы получили на днях известие», «мы с бесконечным удовольствием увидели на днях» и т. п.) и содержащейся в ней ссылок на помещенную в л. 153 «Колокола» статью «Франко-русский союз» (наст. том, стр. 15). О принадлежности заметки Герцену свидетельствует также использование материалов газеты «The Times», которые обычно обрабатывал для «Колокола» сам Герцен, и стиль заметки, в частности игра слов, построенная на использовании немецкого слова «gut» (хорошо).

В издании М. К. Лемке отнесено к разряду *Dubia* (*Л XVI*, 34—35).

Стр. 37. *Во Франции были захвачены поляки ∞ в 153 листе «Колокола»...* — Об аресте в декабре 1862 г. в Париже И. Цверцякевича, И. Хмельнского, В. Миловича, Ф. Годлевского Герцен сообщал в заметке «Франко-русский союз».

...наш дядя на берегах Шпре. — Прусский король Вильгельм I был дядей Александра II (братом его матери императрицы Александры Федоровны).

...полную справедливость отдает «Теймс» ∞ «The Times», January 17, 1863.— Цитируется редакционная статья, помещенная в «The Times», № 24458 от 17 января 1863 г.

HUXLEY И ЕГО ЧТЕНИЯ

Печатается по тексту *К*, л. 155 от 1 февраля 1863 г., стр. 1293, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без подписи. Автограф неизвестен.

Авторство Герцена определяется редакционным характером заметки («Нам часто повторяют в письмах») и ее тематикой. Начиная со статьи «Западные книги» (см. т. XIII наст. изд.), именно Герцен на страницах «Колокола» знакомил русского читателя с новыми изданиями, выходящими на Западе, преимущественно с книгами исторического и естественнонаучного характера (см. статью «Религиозное значение „СПб. ведомостей“» — т. XIV наст. изд., стр. 283; а также комментарий к статье «Франко-русский союз» — наст. том, стр. 347).

В издании М. К. Лемке отнесено к разряду *Dubia* (*Л* XVI, 35).

Стр. 38. ...хорошо было бы указывать на книги ∞ Мы это иногда и делали.— Так, например, в статье «Религиозное значение „СПб. ведомостей“» (см. т. XIV наст. изд.) Герцен рекомендовал русскому читателю «Историю цивилизации в Англии» Г. Т. Бокля, «О соотношении физических сил» У. Р. Грове, «Происхождение видов путем естественного отбора» Ч. Дарвина и другие книги. В заметке «Уравнение прав иностранцев с русскими перед каторгой» помещена подобная рекомендация по поводу книги А. Андриана «Mémoires d'un prisonnier d'Etat» (см. стр. 20 наст. тома). В письме к Н. М. Сатину от 29 мая 1860 г. Герцен советовал Н. М. Щепкину перевести и издать «Историю цивилизации в Англии» Бокля.

Мы обращаем внимание переводчиков на теперь изданные шесть лекций *Huxley*'я «О нашем знании о причинах органических явлений». — Лекции Г. Гексли были изданы в Лондоне в 1863 г. на английском языке. Привлекая внимание читателей «Колокола» к трудам английского естествоиспытателя, последователя идей Дарвина, Герцен в настоящей заметке продолжал пропаганду естественно-научных знаний и материализма, которую он вел на протяжении многих лет, начиная с «Писем об изучении природы». Перевод книги Гексли вышел в Москве в издании М. О. Вольфа в 1866 г. под заглавием: «Наши сведения о причинах явлений в органической природе. Шесть популярных лекций, прочитанных в музее для практической геологии профессором Т. Г. Гексли. С предисловием Карла Фохта, приложенным к немецкому переводу».

ПРЕСТУПЛЕНИЯ В ПОЛЬШЕ <СЛОВА ПОРИЦАНИЯ УМАЛКИВАЮТ...>

Печатается по тексту *К*, л. 156 от 15 февраля 1863 г., стр. 1294 — 1295, где опубликовано впервые, с подписью: *Искандер* (в конце текста, перед Р. S.). Этой статьей открывается лист «Колокола». Автограф неизвестен.

Одно из самых значительных мест в публицистике Герцена периода польского восстания 1863 г. занимали статьи, разоблачавшие реакционнуюшовинистическую политику царизма в Польше и направленные против тех органов печати, которые оправдывали и поддерживали эту политику,

разжигали шовинистический угар. И «Московские ведомости» Каткова, и славянофильский «День», и либеральные «Отечественные записки» выступали тогда с требованием установления в Царстве Польском военной диктатуры, расправы с повстанцами, усиления русификаторской политики в Польше и ее полного слияния с Российской империей. Зло и остро бичуя «стадо Каткова», Герцен метко определил политический характер позиции этого «стада», указав, что они требовали подавления польского восстания в первую очередь «потому, что у каждого из них была своя Литва в деревне и свои мятежники в передней» (т. XVIII наст. изд., стр. 346).

Выступления в защиту освободительной борьбы польского народа, борьба с царизмом и реакционерами в период польского восстания явились важным звеном в идейной эволюции Герцена. События в Польше помогли ему уяснить истинную природу либералов и окончательно порвать с ними, способствовали преодолению Герценом либеральных иллюзий и колебаний, чем объяснялся, в частности, тот «отлив людей» и писем, о котором говорил он в «Былом и думах» (глава «Апогей и перигей» — т. XI наст. изд.), характеризую этот период в деятельности «Колокола». Одновременно Герцен высказывал твердую уверенность в том, что будущее покажет правильность его позиции. «Придет время,— писал он И. С. Тургеневу 10 апреля 1864 г.— не „отцы“, так „дети“ оценят и тех трезвых и тех честных русских, которые одни протестовали и будут протестовать против гнусного умиротворения. Наше дело, может, конечно. Но память того, что не вся Россия стояла в разношерстном стаде Каткова, останется <...> Мы спасли честь имени русского...»

Отвечая реакционным и либеральным журналистам, которые клеветали на него, обливали грязью всю его деятельность, изображали врагом России и русского народа, Герцен через несколько лет после польского восстания писал, что вся его жизнь была «постоянной защитой России, русского народа от их внутренних и внешних врагов, от <...> Катковых и прочих тормозов на колесе русского прогресса» (см. статью «Нашим врагам» — т. XX наст. изд.).

Помимо комментируемой статьи, ту же тему раскрывают и другие произведения Герцена, напечатанные в настоящем томе: «Зарница совести», «Плач», «Странные игры случайности», «Первое мая», «Чего они так испугались?», «Россиада», «Подлые!», «„День“ и „Колокол“», «„Колокол“ и „День“», «Протест», «...А дело идет своим чередом», «Виселицы и журналы», «В этапе» и многие другие.

Стр. 39. ...картину русской ночи в Варшаве.— В полемике с официальными измышлениями о «варфоломеевской ночи», будто бы устроенной поляками русским солдатам и офицерам в начале восстания, Герцен называет «русской ночью» ночь с 2 (14) на 3 (15) января 1863 г., когда проводился рекрутский набор по «полицейским спискам» в Варшаве (о нем см. выше в комментарии к статье «Expiatio!»).

«Северная пчела» ∞ напечатала удивительную корреспонденцию из Варшавы...— Герцен далее цитирует письмо корреспондента из Варшавы о рекрутском наборе, напечатанное в газете «Северная пчела», № 10 от 11(23) января 1863 г., стр. 37.

Стр. 40. ...правительство стало рассказывать об ужасах ∞ говорил свою речь Александр II на измайловском параде? — 13(25) января 1863 г. на разводе лейб-гвардии Измайловского полка в Михайловском манеже Александр II, бывший шефом этого полка, произнес речь перед офицерами. В ней он, в частности, заявил: «После столь благополучно совершившегося набора, с 2-го на 3-е января, стали появляться мятежнические шайки на обоих берегах Вислы <...> Наконец, в ночь с 10-го на 11-е число по всему царству <...> было сделано внезапное нападение на войска наши, стоящие

ис квартирам, причем совершены неслыханные злодейства. Так, например, около Седлеца атакованные солдаты оборонялись отчаянно в одном доме, который мятежники подожгли, не видя средств им овладеть» (см. «Гусский инвалид», № 11 от 15 января 1863 г.).

...*вопреки мнению подкупных журналистов, заявить, что ∞ есть люди, которым «роль палача» (как они сказали в адресе Константину) надежда.*— О подложности адреса русских офицеров в Польше вел. князю Константину Николаевичу писалось в газетах «L'Indépendance belge», «Северная пчела», «Современная летопись» и др. (см. выше статьи «По делу адреса офицеров», «Наглое злоупотребление полицейского слова», стр. 29, 32 и комментарий к ним). В своей же речи к офицерам Александр II, приписав польские события «работе революционной партии», сказал: «Мне известно, что партия эта рассчитывает на изменников в рядах ваших, но они не поколеблют мою веру в преданность своему долгу верной и славной моей армии».

«Я был виноват перед ним ∞ но я простил ему!»— Слова Робера Макера в пьесе Б. Антье «L'Auberge des Adrets».

В то же время «J. de St.-Petersbourg» печатал ∞ о избении русских солдат во время сна.— О неожиданном нападении повстанцев на русские войска писалось в редакционных статьях «Journal de St.-Petersbourg», № 15 от 18 (30) января и № 16 от 19 (31) января 1863 г.

Стр. 41. ...*Маркграбий с своим великокняжеским воспитанником.*— Маркиз (margravia — польск.) А. Велёпольский и вел. князь Константин Николаевич, одобривший проект рекрутского набора в Польше.

Иностранная газета назвала того русского ∞ умолять Константина Николаевича не делать этого набора.— Имеется в виду русский посланник в Брюсселе кн. Н. А. Орлов. Об этом см. также в наст. томе заметку «Князь Орлов и барон Будберг».

...*господа, подписавшие минквицевский maladresse.*— См. выше заметку «Официальный контрадрес» и комментарий к ней. Здесь, по-видимому, игра слов: «maladresse» — неловкость, оплошность и «male adresse» — дурной адрес (франц.).

Стр. 42. ...*напечатало в «Nord'e» адрес готовности бить поляков?* — Имеется в виду «Протест офицеров варшавского гарнизона», датированный 10(22) января 1863 г. и помещенный в газете «Le Nord», № 29 от 29 января 1863 г. О нем см. далее заметку «История адреса и контрадреса продолжается».

Стр. 43. ...*некогда молились памяти юношей, брошенных другими палачами в пещь огненную.*— По-видимому, речь идет о казненных декабристах.

...*Телемак ссорится с Ментором.*— См. комментарий к стр. 26.

...*напоминает состав Валленштейновых полчищ, составленных ∞ из офицеров всех стран.*— Во время Тридцатилетней войны (1618 — 1648) чешский граф Валленштейн, перешедший на сторону Габсбургов, возглавлял большую наемную армию, в которой служили офицеры из ряда стран Европы.

К РУССКИМ ОФИЦЕРАМ, ПИСАВШИМ К НАМ ИЗ ПОЛЬШИ

Печатается по тексту К, л. 156 от 15 ф. в. 1863 г., стр. 1295, где опубликовано впервые, с подписью: *Изд. «Колокола»*. Автограф неизвестен.

Заметка, являющаяся заявлением обоих издателей «Колокола», скорее всего была написана одним Герценом, поскольку л. 156 «Колокола» готовился в отсутствие Огарева (он уехал из Лондона 30 января 1863 г.— см. письма Герцена к дочери Н. А. Герцен от 30 января 1863 г. и к Огареву от 31 января 1863 г.— и возвратился после 15 февраля).

Герцен предполагал издать л. 156 к 10 февраля 1863 г., о чем было сообщено в л. 155 «Колокола»: «Если обстоятельства потребуют, следующий „Колокол“ выйдет 10 февраля». 3 февраля Герцен писал Огареву: «Хотелось бы „Кол(око)л“ издать к 10-му. Я напишу Чернецк(ому), чтоб он тебе прямо послал корр(ектуру), а ты, не задерживая, пришли мне; обойдется и без „Веча“».

Стр. 44. ...к нам все дошло.— В частности, в предыдущем листе «Колокола» (от 1 февраля 1863 г.) было опубликовано в составе статьи Герцена «По делу адреса офицеров» письмо от русских офицеров к издателю «Колокола» (см. стр. 28—29 наст. тома). И в дальнейшем материал писем русских офицеров из Польши использовался в ряде статей Герцена — например, «Русский грабеж и разбой в Польше», «Русские офицеры в рядах инсургентов», «Россиада» и др. (см. в наст. томе).

ИСТОРИЯ АДРЕСА И КОНТРАДРЕСА ПРОДОЛЖАЕТСЯ

Печатается по тексту *К*, л. 156 от 15 февраля 1863 г., стр. 1295 — 1297, где опубликовано впервые, без подписи. Автограф неизвестен.

В тексте «Колокола» к словам «оп <контрадрес> нами был послан прежде в „Теймс“» сделано подстрочное примечание, в котором повторен, без всяких изменений, текст «официального контрадреса» на имя директора газеты «The Times». Первоначально текст этого контрадреса был приведен Герценом в его статье «Официальный контрадрес» (наст. том, стр. 12—13).

Авторство Герцена определяется на основании непосредственной связи данной статьи с другими статьями и заметками, освещающими историю возникновения и публикации «официального контрадреса» (см. в наст. томе: «Официальный контрадрес», «О якобы офицерском письме в „Теймс“», «По делу адреса офицеров»).

Включено в издание М. К. Лемке (*Л* XVI, 53—54).

Стр. 45. *Отношения «Современной летописи» к офицерскому адресу...*— См. выше статью «Наглое злоупотребление полицейского слова» и комментарий к ней.

Государь ∞ намекнул об нем в измайловской речи своей.— См. об этом статью «Преступления в Польше» (стр. 40 наст. тома) и комментарий к ней.

ИЗ ПЕТЕРБУРГА

PROCES MONSTRE

Печатается по тексту *К*, л. 156 от 15 февраля 1863 г., стр. 1300, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без подписи. Автограф неизвестен.

Авторство Герцена определяется редакционным характером заметки, ее содержанием и стилем. Характеристика «давнишнего знакомого» А. Ф. Голицына как «инквизиторского помощника в 1834, инквизитора en chef в 1863» перекликается с оценками, данными ему в «Былом и думах» («Для большего успеха второй комиссии государь послал из Петербурга отборнейшего из инквизиторов, А. Ф. Голицына»— т. VIII наст. изд., стр. 204), в заметке «Князь А. Ф. Голицын» (т. XIV наст. изд., стр. 285) и в статье «Молодая и старая Россия» («инквизитор Голицын»— т. XVI наст. изд., стр. 199). Упоминание о «зажигательстве» продолжает тему, начатую в «Колоколе» заметкой Герцена «Зарево» (см. в т. XVI наст. изд.:

«Отчего правительство притаилось с следствием о зажигательстве?», «Третий раз спрашиваем мы...», «Четвертый запрос от издателей „Колокола“».

Включено в издание М. К. Лемке (*Л XVI, 55*).

18 мая 1862 г. в Петербурге была учреждена особая следственная комиссия, председателем которой был назначен статс-секретарь кн. А. Ф. Голицын (на это назначение Герцен откликнулся в статье «Молодая и старая Россия»). Комиссии предстояло, по повелению Александра II от 13 сентября 1862 г., расследовать «все вообще пути направленной против правительства как заграничной, так и внутренней пропаганды, а равно все предпринимаемые злоумышленниками средства к поколебанию в народе доверия и уважения к правительству» (см. «Краткий отчет по делам Высочайше утвержденной в Санкт-Петербурге следственной комиссии 1862—1871 гг.», «Голос минувшего», 1915, № 4, стр. 198). В комментируемой заметке речь идет, по-видимому, об одном из наиболее крупных дел, сфабрикованных следственной комиссией А. Ф. Голицына, — «процессе 32-х», по которому были привлечены лица, обвиняемые в сношениях с лондонскими пропагандистами». Расследование по этому делу велось в комиссии с июля 1862 г. и было передано в сенат в январе 1863 г. Одновременно ему производились и другие следствия, в частности, по делу «Карманной типографии» П. Д. Баллода (см. М. К. Лемке. Политические процессы в России 1860-х гг., изд. 2, М., 1923, стр. 505 — 598).

Стр. 49. *В Москве, в Петербурге хватают людей ∞ по всей Европе шьют через консулов, попов, послов — русских всех лет и возрастов.* — О многочисленных арестах в России по «делу 32-х» Герцену писал, в частности, В. И. Касаткин 15 ноября 1862 г. (см. *ЛН*, т. 41-42, стр. 53—54). 7 декабря 1862 г. Голицын доложил Александру II о необходимости вызвать по этому делу из-за границы А. А. Серно-Соловьевича, В. И. Кельсиева, И. С. Тургенева, В. И. Касаткина, А. А. Черкесова (о вызове Н. И. Жуковского и П. С. Мопкалова по делу типографии П. Д. Баллода см. комментарий к стр. 52). Были сделаны соответствующие распоряжения по министерству иностранных дел (см. М. К. Лемке. Очерки освободительного движения «шестидесятых годов», СПб., 1908, стр. 143). О последовавших действиях консульств см. письмо Герцена к Огареву от 5 февраля 1862 г., а также далее в наст. томе заметку «Светское консульство в Лондоне». На вызов правительства откликнулся, однако, лишь И. С. Тургенев, сначала письмом к Александру II в феврале 1863 г., затем письменным ответом 22 марта 1863 г. на допросные пункты и, наконец, личной явкой в Петербург на суд сената 7 января 1864 г. (см. М. К. Лемке. Очерки освободительного движения «шестидесятых годов», стр. 160—174, 182, 206—208, 220).

Посмотрим, чем этот рекрутский набор окончится и что сделает из процесса Голицын. — Герцен сравнивает массовые аресты и розыски русских демократических деятелей с рекрутским набором в Польше, проведение которого в январе 1863 г. послужило поводом к восстанию. Через несколько дней после опубликования заметки Герцен получил сведения о передаче «дела о лицах, обвиняемых в сношениях с лондонскими пропагандистами», в сенат и об именах многих из привлеченных к суду (см. письмо В. И. Касаткина к Герцену от 21 февраля 1863 г. — *ЛН*, т. 41-42, стр. 59). Слушание дела в сенате было закончено 10 декабря 1864 г. По утвержденному Александром II 30 марта 1865 г. приговору наибольшим репрессиям подверглись Н. А. Серно-Соловьевич, П. А. Ветoshников, сосланные по лишении всех прав состояния пожизненно в Сибирь, и М. Л. Налбандян, сосланный в Саратовскую губернию.

...дело о зажигательстве так и кануло ∞ скажите [же словечко об зажигателях.— См. комментарий к стр. 7.

КНЯЗЬ ОРЛОВ И БАРОН БУДБЕРГ

Печатается по тексту *К*, л. 156 от 15 февраля 1863 г., стр. 1300, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без подписи. Автограф неизвестен.

Включено в издание М. К. Лемке (*Л XVI*, 55—56) со следующей справкой: «Принадлежность ясна из пометки Чернецкого на корректуре» (*Л XVI*, 569).

Авторство Герцена подтверждается тематической связью заметки с другими выступлениями Герцена против рекрутского набора в Польше (см. «Подтасованный набор»— т. XVI наст. изд., «Братская просьба к русским воинам», «Преступления в Польше <Слова порицания умалчивают перед роскошью злодеиства...>» и др. в наст. томе), а также тем, что заметка написана на основе корреспонденции газеты «The Times», обработку материалов которой делал обычно сам Герцен. Оценку деятельности русского посланника в Париже А. Ф. Будберга см. в статье «Франко-русский союз» (наст. том, стр. 15). Характерна для стиля Герцена ироническая концовка заметки.

Стр. 49. «Теймс» от 6 февраля говорит...— Имеется в виду корреспонденция из Парижа, напечатанная в «The Times», № 24475 от 6 февраля 1863 г.

...от кн. Орлова до барона Будберга... — Противопоставляя этих лиц (о выступлениях русского посланника в Бельгии кн. Н. А. Орлова против телесных наказаний см. «Князь Орлов и Филарет-митрополит»— т. XVI наст. изд. и комментарий к стр. 219 наст. тома), Герцен имеет в виду дипломатические шаги А. Ф. Будберга, предпринятые им с целью добиться преследования польских эмигрантов французским правительством (см. в наст. томе «Франко-русский союз», «Surtout pas trop de zèle, Mr Budberg», «Г-н Будберг»).

SURTOUT PAS TROP DE ZÉLE, Mr BUDBERG

Печатается по тексту *К*, л. 156 от 15 февраля 1863 г., стр. 1300, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без подписи. Автограф неизвестен.

Включено в издание М. К. Лемке (*Л XVI*, 56) со следующей справкой: «Принадлежность ясна из пометки Чернецкого на корректуре» (*Л XVI*, 569).

Принадлежность заметки Герцену подтверждается ее идейно-тематической связью с его обличительными выступлениями против А. Ф. Будберга (см. в наст. томе «Франко-русский союз», «Князь Орлов и барон Будберг»). Обыгрываемый в заметке девиз на медали Клейнмихеля «Усердие все превозмогает» неоднократно иронически используется Герценом в его произведениях (ср., например, в «Былом и думах», ч. II, гл. XIV— т. VIII наст. изд., стр. 250, в заметке «От часу не легче — кража восьмидесяти верст!!» — т. XIII наст. изд., стр. 366).

Стр. 50. *Surtout pas trop de zèle, Mr Budberg.*— «Главное, поменьше усердия, г. Будберг». Герцен перефразирует приписываемые Ш. Талейрану слова «Surtout, messieurs, pas de zèle!», с которыми он якобы обратился в министерстве иностранных дел к молодым дипломатам, советуя

им для пользы дела не выказывать излишнего рвения к службе. Об этом «изречении Талейрана» Герцен упоминал также в «Былом и думах» (см. т. IX наст. изд., стр. 80).

Усердие не все преодолевает... времена Клейнмихеля прошли.— В 1838 г. по приказу Николая I была выита в честь гр. П. А. Клейнмихеля золотая медаль с надписью: «Усердие все преодолевает». Об этом см. также в комментарии к статье Герцена «Охашкадровец старушки» (т. XIII наст. изд., стр. 539).

...чтоб в Париже закрыли польскую школу в Батиньолях...— Польская школа (Szkoła Narodowa Polska) была основана в предместье Парижа Батиньоле в 1842 г. для обучения и воспитания детей польских эмигрантов и содержалась за счет пожертвований. Летом 1861 г. Герцен направил директору этой школы 2 тысячи франков, присланных ему из России (см. в т. XV наст. изд.— «Редактору „Przeglądu Rzeczy Polskich“»). С 1851 г. школа стала получать субсидии от французского правительства. Обеспокоенное этим обстоятельством, русское правительство начало переговоры с французским правительством о ликвидации Батиньольской школы. Однако эти переговоры не увенчались успехом и были прерваны накануне Крымской войны.

Отчего же Киселев не делал подобных усердий?— П. Д. Киселев, русский посол в Париже в 1856—1862 гг., в действительности неоднократно, хотя и безуспешно, ставил перед французскими властями вопрос о закрытии Батиньольской школы.

ВСПОМОГАТЕЛЬНОЕ ФРАНЦУЗСКОЕ ВОЙСКО В ПОЛЬШЕ

Печатается по тексту *К*, л. 156 от 15 февраля 1863 г., стр. 1300, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без подписи. Автограф неизвестен.

Включено в издание М. К. Лемке (*Л* XVI, 56) со следующей справкой: «Принадлежность ясна из пометки Чернецкого на корректуре» (*Л* XVI, 569).

Авторство Герцена подтверждается редакционным характером заметки («Мы к этому прибавим...»), а также ее тематикой (обработка материалов газеты «The Times», освещающих политику русского правительства в Польше).

Стр. 50. *...устроил в Варшаве тайную полицию по образцу парижской.*— Как видно из конфиденциальной записки генерала И. П. Липранди на имя начальника III отделения кн. В. А. Долгорукова от 11 ноября 1862 г., царские власти в это время проводили реорганизацию тайной полиции в Царстве Польском. Эта реорганизация была вызвана бессилием полицейского аппарата в борьбе с польским освободительным движением. «Совершившиеся и совершающиеся еще там события,— писал Липранди в своей записке,— очень естественно, у каждого вызывают возглас: „Да где же тайная полиция?“» (*Л* XVI, стр. 56—57).

«Теймс» (6 февраля) говорит ∞ отправился в Варшаву с этой целью.— Цитируется корреспонденция из Парижа, напечатанная в «The Times», № 24475 от 6 февраля 1863 г.

ЗАПРОС СВЯТЕЙШЕМУ СИНОДУ О ИЕРЕЙСКОМ ДВОЕЖЕНСТВЕ

Печатается по тексту *К*, л. 156 от 15 февраля 1863 г., стр. 1301, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без подписи. Автограф неизвестен.

Включено в издание М. К. Лемке (*Л XVI*, 62—63) со следующей справкой: «Принадлежность ясна из пометки Чернецкого на корректуре» (*Л XVI*, 569).

Авторство Герцена подтверждается несомненной близостью пародийного «священнослужительского» слога заметки к слогу статей Герцена подобного же рода (см. «Архипастырское рвение о мраке», «О усердному, о пастырю благоревностному!», «Распространение иезуитизма в Петербурге» — т. XIII наст. изд. и т. д.).

Упоминание о «горячем служении» Филарета телесным наказаниям перекликается с упреком Филарету, содержащимся в статье Герцена «Смерть Пиотровского, доносы Филарета, инквизиция на всех парах» (см. т. XVI наст. изд.). Очевидно, именно статью «Запрос Святейшему синоду...» имел в виду Герцен, когда сообщал Огареву 5 февраля 1863 г.: «На душе так скверно, что посылаю второе письмо семинариста о мужеложестве».

Стр. 50. *С отшествием к преждеусопшим святителям пастырь ∞ высокопреосвященнейшего Григория...* — Герцен имеет в виду умершего в 1860 г. митрополита петербургского и новгородского Григория (Постникова), о котором он неоднократно упоминал в своих статьях (см. «Распространение иезуитизма в России», «О усердному, о пастырю благоревностному!» — т. XIII наст. изд.; «Попытка предания анафеме», «Богомокрицы и богосаранча» — т. XIV; «Козел и осел» — т. XV наст. изд. и др.).

Стр. 51. *...мы могли бы обеспокоить Филарета московского ∞ Но его горячее служение телесным наказаниям делает несообразным духовные с ним беседы тем паче, что у него не только розги временные, но и вечные...* — Речь идет о выступлении московского митрополита Филарета в 1862 г. в защиту телесных наказаний. «Вопрос об употреблении или неупотреблении телесного наказания в государстве стоит в стороне от христианства, — писал Филарет. — Если государство найдет неизбежным в некоторых случаях употребить телесное наказание, христианство не осудит сей строгости...» (см. статью «Князь Орлов и Филарет-митрополит», напечатанную в *К*, л. 130 от 22 апреля 1862 г., стр. 1080). Реакционная позиция Филарета неоднократно разоблачалась «Колоколом» (см. редакционное вступление и заключение к статье «Князь Орлов и Филарет-митрополит» — т. XVI наст. изд., «Филарет и розги (письмо к издателю)» — *К*, лл. 135 и 136 от 1 и 15 июня 1862 г., стр. 1120—1121, 1127—1129). Кроме того, в комментируемом тексте содержится иронический намек Герцена на прямые доносы Филарета, который выступал с обвинениями передовых литераторов в богоотступничестве. Один из подобных случаев, окончившийся трагически, рассказан был в статье «Смерть Пиотровского, доносы Филарета, инквизиция на всех парах» (см. т. XVI наст. изд.), где Герцен с возмущением писал о Филарете и его «духовных розгах, которыми он засекает до плотской смерти».

...престола, антимином покрытого... — Антиминс — атрибут православного богослужения — покрывало с зашитыми в нем частицами мощей.

...скрепы мытарские... — По евангелию, мытари — откупщики и сборщики податей; название этих представителей римской государственной власти было синонимично также понятию грешника, корыстолюбца.

СВЕТСКОЕ КОНСУЛЬСТВО В ЛОНДОНЕ

Печатается по тексту *К*, л. 156 от 15 февраля 1863 г., стр. 1301, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без подписи. Автограф неизвестен. Включено в издание М. К. Лемке (*Л XVI*, 63) со следующей справкой:

«Принадлежность ясна из пометки Чернецкого на корректуре» (Л XVI, 569).

Авторство Герцена подтверждается редакционным характером заметки («мы не советуем им идти туда», «мы не можем не отдать справедливости») и письмом Герцена к Огареву от 5 февраля 1863 г., в котором также сообщалось о приглашении эмигрантов в русское консульство в Лондоне: «Жуков(ского), Кельсиева и какого-то Мат... Моп... вызывают в „Теймсе“».

Студент П. С. Мошкалов (по документам следственной комиссии Машкулов) уехал за границу с разрешения правительства «для лечения» 24 апреля 1862 г., предварительно отпечатав в тайной типографии П. Д. Баллода и распространяв прокламацию «Русское правительство под покровительством Шедо-Ферроти». О вызове его было дано распоряжение 5 августа 1862 г. в связи с расследованием дела типографии Баллода (см. М. К. Лемке. Политические процессы 1860-х гг., изд. 2, Москва, 1923, стр. 537—538, 569, 572—573, а также П. И. Валескалн. Революционный демократ Петр Давидович Баллод, Рига, 1957, стр. 62—91). Одновременно по этому же делу вызывался Н. И. Жуковский, уехавший из России летом 1862 г. под угрозой ареста после раскрытия той же типографии. В К, л. 144 от 8 сентября 1862 г. он поместил письмо к издателям «Колокола» с благодарностью польским революционерам за помощь «при побеге за границу». Политический эмигрант с 1859 г., В. И. Кельсиев (см. о нем в «Былом и думах», в гл. «В. И. Кельсиев» — т. XI наст. изд.) вызывался в Россию по требованию следственной комиссии под председательством А. Ф. Голицына 7 декабря 1862 г. в связи с расследованием «дела о лицах, обвиняемых в сношениях с лондонскими пропагандистами» (см. М. К. Лемке. Очерки освободительного движения «шестидесятых годов», СПб., 1908, стр. 18—230).

Стр. 52. *Русское консульство в Лондоне вызывает через «Теймс» Павла Машкулова, Василия Кельсиева и Николая Жуковского для какого-то сообщения.* — Вызов перечисленных лиц в консульство был опубликован в газете «Таймс», 5 февраля 1863 г.

...мы не советуем им идти туда, потому что, наверное, им сообщат что-нибудь неприятное. — Ко времени публикации вызова П. С. Мошкалов находился в Фрейберге, В. И. Кельсиев осенью 1862 г. уехал в Турцию для налаживания новых связей с русскими революционерами и агитации среди старообрядцев и с октября 1862 г. по декабрь 1863 г. жил в Константинополе. Находившийся тогда в Лондоне Н. И. Жуковский 9 февраля 1863 г. уведомил письмом генерального российского консула А. Ф. Берга о своем отказе явиться в консульство. Подобное письмо направил консулу также П. С. Мошкалов из Фрейберга 1 марта 1863 г. (см. М. К. Лемке. Политические процессы 1860-х гг., стр. 577—578). Оба они были заочно осуждены сенатом (решение утверждено Александром II 16 октября 1864 г.) к лишению всех прав состояния и вечному изгнанию из пределов государства (см. там же, стр. 591 — 595). Аналогичное решение было вынесено в отношении В. И. Кельсиева 30 марта 1865 г.

...средство, употребленное консулом не желающим служить русскому правительству. — Адрес Н. И. Жуковского консулу удалось установить, и, помимо газетной публикации, А. Ф. Берг прислал ему повестку 8 февраля 1863 г., на которую Жуковский ответил упомянутым выше письмом.

Печатается по тексту газеты «La Cloche», № 14 от 25 февраля 1863 г., где опубликовано впервые, с подписью: *A. Herzen, éditeur du Kolokol*. Авторграф неизвестен.

Заметку Герцена сопровождали в «La Cloche» следующие вступительные строки: «Les rédacteurs du „Kolokol“ nous communiquent une nouvelle très-importante» («Редакторы „Колокола“ сообщают нам весьма важную новость»).

Это вступление, а также форма, в которой сделано сообщение («Faites savoir à vos lecteurs», «vous pouvez être sûr»), позволяют сделать предположение, что извещение о «Земле и воле» было прислано Герценом редактору «La Cloche» Л. Фонтену в личном письме, которое и было использовано для этой заметки.

Заметка была первым сообщением Герцена в печати о деятельности революционного общества «Земля и воля». Она появилась, по всей видимости, в результате переговоров Герцена и Огарева с членом Центрального комитета общества А. А. Слеповым, приехавшим для этой цели в Лондон в начале февраля 1863 г. Помимо А. А. Слепцова, в Лондоне находился с 15 по 22 февраля также А. А. Потехина, руководитель влившегося в общество «Земля и воля» комитета русских офицеров в Польше. Об этих переговорах см. во вступительной статье Б. П. Козьмина к публикации письма Герцена и Огарева Слепову (*ЛН*, т. 63, стр. 150—151). О связях Герцена и Огарева с организационным центром «Земли и воли» со времени его возникновения, а также о политической программе общества см. далее в комментарии к статье «Земля и воля», а также во вступительной статье и публикации М. В. Нечкиной «Новые материалы о революционной ситуации в России» (*ЛН*, т. 61, стр. 482—489, 502—522) и в работе Я. И. Линкова «Роль А. И. Герцена и Н. П. Огарева в создании и деятельности общества „Земля и воля“» («Вопросы истории», 1954, № 3).

Опубликование настоящей заметки явилось свидетельством достигнутой во второй половине февраля договоренности о последующей координации действий Центрального комитета «Земли и воли» и редакции «Колокола». Через несколько дней общество заявило о своем существовании в специально выпущенном листке «Свобода», № 1, который распространялся в Петербурге и Москве в конце февраля 1863 г.

Тому же событию — объединению местных кружков под руководством Центрального комитета общества «Земля и воля» — посвящены публикуемые далее открытое письмо Герцена и Огарева «Издателю „The Star“», статья «Земля и воля», напечатанное в *К*, л. 157 от 1 марта 1863 г. обращение Совета общества «Земля и воля» о денежных пожертвованиях в помощь организации (см. стр. 374 наст. тома).

Стр. 53. ...*время служить благодарственные «Te Deum» по поводу гнусной поддержки Пруссии еще не наступило...* — Церковный католический гимн «Te deum laudamus...» («Тебя, боже, славим...») обычно исполнялся во время молебствий по случаю победы или какого-нибудь торжественного события. Герцен в данном случае имеет в виду преждевременность утверждений об обреченности польского восстания, которые высказывались после заключения 27 января (8 февраля) 1863 г. конвенции Альвенслебена, предусматривавшей помощь Пруссии Александру II в расправе с восставшей Польшей. Герцен ошибочно считал инициатором соглашения Александра II (ср. далее статьи «Преступления в Польше <Печален наш

удел...»), «Schinderknecht», «Die Geschicklichkeit ist mit einer Ökonomie verbunden»). В действительности инициатива принадлежала Бисмарку, который писал прусскому послу в Лондоне 11 февраля 1863 г.: «Подавление польского восстания является для нас вопросом жизни, всякая попытка восстановления Польши есть покушение на существование Пруссии как государства» (см. «Die auswärtige Politik Preussens. 1858—1871», 2-te Abt., Band III, Berlin, S. 236—237).

TO THE EDITOR OF «THE STAR»

«ИЗДАТЕЛЮ «THE STAR»

Печатается по тексту газеты «The Morning Star» от 2 марта 1863 г., где опубликовано впервые, с подписью: *Alexander Herzen, N. Ogareff, Editors of the K o l o k o l*, под редакционной рубрикой: «The popular cause Russia» («Народное дело в России»). Автограф неизвестен.

Текст открытого письма издателю «The Morning Star» был опубликован также во французской прессе (см. *ЛН*, т. 63, стр. 129—130).

Вслед за текстом письма в газете «The Morning Star» было напечатано «обращение» от имени Центрального комитета «Земли и воли», текст которого был несколько раз опубликован в «Колоколе» от имени Совета общества «Земли и воли» (см. *К*, л. 157 от 1 марта 1863 г., стр. 1309, л. 160 от 1 апреля 1863 г., стр. 1325, л. 163 от 15 мая 1863 г., стр. 1348). Приводим текст этого «обращения» по «Колоколу»:

Совет общества «Земли и Воли»

Приглашает всех русских на денежное пожертвование в пользу сосланных и ссылаемых и на сопряженные с общим делом расходы. Путешествующие за границей могут доставлять деньги к издателям «Колокола», обозначая присылку какой-нибудь цифрой; получение и № будут немедленно напечатаны в «Колоколе». Желающие могут получать квитанции. За исправную доставку денег по назначению издателя «Колокола» ручаются.

Публикация этого обращения в газете «The Morning Star» не содержит существенных разночтений с текстом «Колокола». Однако в английской и французской газетах имеется указание: «Россия, февраль 1863 г.», свидетельствующее о том, что «обращение» исходило, по-видимому, из русского центра «Земли и воли». Кто был его автором, точно неизвестно. В воспоминаниях М. Слепцовой содержится указание на то, что «обращение» писал А. А. Слепцов (см. «Звенья», т. II, 1933, стр. 450).

О составе и функциях Совета общества «Земли и воли», от имени которого было написано обращение о пожертвованиях, см. также в работе Я. И. Линкова «Роль А. И. Герцена и Н. П. Огарева в создании и деятельности общества „Земля и воля“» («Вопросы истории», 1954, № 3, стр. 123) и вступительной статье В. П. Козьмина к публикации письма Герцена и Огарева А. А. Слепцову (*ЛН*, т. 63, стр. 151—152).

ЗЕМЛЯ И ВОЛЯ

Печатается по тексту *К*, л. 157 от 1 марта 1863 г., стр. 1302, где опубликовано впервые, без подписи. Этой редакционной статьей открывается лист «Колокола». Автограф неизвестен.

Включена в издание М. К. Лемке (*Л XVI*, 107 — 108) со следующей справкой: «Принадлежность ясна из пометки самого Герцена» (*Л XVI*, 569).

С осени 1861 г., с момента зарождения тайной революционной организации в России, получившей впоследствии название «Земля и воля», Герцен и Огарев поддерживали связь с ее инициаторами — Н. А. Серно-Соловьевичем, Н. Н. Обручевым, А. А. Слепцовым и др.

Первоначальной программой организации явилась написанная Огаревым (с учетом советов Н. Н. Обручева, а также, возможно, Н. В. Шелгунова и М. Л. Михайлова) в июне 1861 г. статья-прокламация «Что нужно народу?» (см. *Ж*, л. 102 от 1 июля 1861 г.). На поставленный в заглавии статьи вопрос Огарев отвечал: «Очень просто, народу нужна земля да воля». В статье выдвигалось требование передачи крестьянам земли, находившейся в их пользовании до реформы, с прирезкой за счет помещичьих земель везде, где прежний надел являлся недостаточным (с 1862 г. Огарев говорит уже о передаче крестьянам всей земли). Требование воли мыслилось как установление полного самоуправления в общинах и волостях через выборных от крестьян, уездного и губернского самоуправления, наконец общегосударственного народного представительства.

В 1862 г., в период крупнейших потерь в революционном лагере (арест Н. Г. Чернышевского, Н. А. Серно-Соловьевича и других), Огарев в переписке с петербургским центром общества дает практические советы, рекомендуя, в частности, более интенсивные формы работы в провинции, объединение уже существующих там организаций. Огарев, по совету Герцена, предложил обществу название, взятое из его статьи «Что нужно народу?», которое и было принято в середине августа 1862 г. (см. свидетельства об этом А. А. Слепцова — *Л* XVI, стр. 73, 83).

А. А. Слепцов в феврале 1863 г. мог уже информировать издателей «Колокола» о новом этапе деятельности организации, которой удалось добиться к концу 1862 г. объединения под руководством Русского центрального народного комитета немалого числа революционных групп и кружков на местах и отчасти в армии. На очередь стал вопрос о более четких организационных отношениях редакции «Колокола» и руководства «Земли и воли». И хотя предложенная Слепцовым форма объединения была неприемлема для Герцена (см. т. XI наст. изд., стр. 372 — 373), он выразил готовность помогать революционерам, «служить им», писать для них и т. п. (см. письмо Герцена к Огареву от 15 февраля 1863 г.).

Герцен в этот период в наибольшей мере связывает надежды на развитие революционно-демократического движения в России с деятельностью «Земли и воли» (см. письма к Ж. Мишле от 24 марта 1863 г. и В. И. Касаткину от 4 апреля 1863 г.). И в дальнейшем редакция «Колокола» приветствует каждое открытое проявление деятельности организации (см. далее «Le Nord», «Прокламация „Земли и воли“», «Петербург», «Свобода», «Второй лист „Свободы“ вышел...» и др.), руководит сбором средств в пользу организации, посылает Центральному комитету свои рекомендации и конкретные тактические указания (см. письмо к А. Сохновскому от 4 апреля 1863 г.), критикует отдельные выступления в России, ошибочные в идейном и тактическом отношении (см. в наст. томе «Волжский манифест в России в осадном положении»). От редакции «Колокола» организация получала основную часть пропагандистского и агитационного материала, необходимого для практической революционной работы. Помимо изданий Вольной русской типографии в Лондоне, переправлявшихся в Россию для нелегального распространения (например, номера «Общего веча» и «Колокола», перепечатанные отдельными изданиями статьи-прокламации Огарева «Что надо делать войску?», «Что надо делать народу?»), это были прокламации и брошюры, печатавшиеся до середины 1863 г. в Бернской типографии и в большинстве также принадлежавшие Огареву: «Братья-солдаты! Одумайтесь, пока время...», «Братья-солдаты, ведут вас бить поляков...», «Всему народу русскому, крестьянскому, от людей, ему преданных, поклон и грамота» и др.

С программой общества «Земля и воля» Герцен связывает в настоящей статье свои излишленные мысли об особой, «социалистической» миссии общинной России. Он утверждает мысль о неразрывной связи вопроса об освобождении Польши с перспективами развития русского революционно-демократического движения и отвергает все надежды на помощь реакционной Европы делу польского восстания.

Продолжая всемерно помогать «Земле и воле» во все время ее дальнейшего существования (организация распалась в 1864 г.), Герцен, однако, уже к концу апреля 1863 г. отдавал себе отчет в ее слабости и нереальности надежд на немедленное восстание в России под ее руководством (см. его письма к Огареву от 29 апреля и 1 мая 1863 г.).

Стр. 56. Пусть он погодит служить молебн с своим бренденбургским коршуном, которого повал на пир усмирения великого народа.— Герцен имеет в виду герб бывшего курфюршества Бранденбургского, представлявший (как и герб Российской империи) двуглавого орла, изображение которого сохранилось также в составе герба королевства Пруссии. См. комментарий к стр. 53.

Земля и Воля — родные слова для нас ∞ ими огласили раннюю зорю настоящего дня.— Герцен имеет в виду начало деятельности Вольной русской типографии в Лондоне, содержание первых ее изданий (например, листка «Юрьев день! Юрьев день! Русскому дворянству», программы «Полярной звезды», изложенной в «Объявлении о „Полярной звезде“ 1855», «Письма к императору Александру Второму», листка «Колокол» — см. т. XII наст. изд., «Предисловия к „Колоколу“» — т. XIII наст. изд.). О последовательном отстаивании этих требований на протяжении десятилетней истории «русского станка» Герцен писал также в статье «1853—1863» (см. далее в наст. томе).

С жадностью будем мы следить каждый шаг ваш ∞ с любовью будем передавать их... — См. далее в наст. томе: «Le Nord», «Прокламация „Земли и воля“», «Петербург», «Свобода» и др., а также письма к А. Сохновскому от 4 апреля 1863 г., к В. И. Касаткину от 27 марта и 4 апреля 1863 г.

ПРЕСТУПЛЕНИЯ В ПОЛЬШЕ <ПЕЧАЛЕН НАШ УДЕЛ...>

Печатается по тексту *К*, л. 157 от 1 марта 1863 г., стр. 1302—1304, где опубликовано впервые, с подписью: *И—р*. В *ОК* озаглавлено: «Лучше поздно, чем никогда». Автограф неизвестен.

В тексте статьи (стр. 58, строки 32—37) учтена «Поправка», помещенная в следующем листе «Колокола» (стр. 1313); в соответствии с этой поправкой в начале второго раздела статьи сняты слова «„Теймс“ говорит» и кавычки, в которые был заключен текст первого абзаца.

Стр. 57. ...*finis Poloniae*... — «Конец Польше!» (лат.) — слова раннего Т. Костюшко, произнесенные им после битвы польских повстанцев с царскими войсками при местечке Мацеёвицах 10 октября 1794 г. Поражение повстанцев в этом бою и пленение самого Костюшко решили исход восстания 1794 г. за независимость Польши. Восклицание Костюшко было повторено затем главнокомандующим повстанческими войсками в польском восстании 1830—1831 гг. Я. Скшинецким после неудачного сражения под Остроленкою 14 мая 1831 г.

Стр. 58. *Прав был Юлиан Клячко в своей речи в Батиньольской школе...* — В своей речи на празднике, посвященном годовщине школы в Батиньоле (см. комментарий к стр. 50) летом 1862 г., член совета

школы Ю. Клячко сказал: «Какая-то средневековая легенда говорит о прекрасном ответе пустычника на вопрос гордого кесаря: что за деятельность его на земле? Ремео — отвечал он: возвращаюсь к богу, от которого вышел. — Каждый польский изгнанник, добросовестно исполняющий свой долг <...>, тоже возвращается к родине, из которой вышел. Каждый добрый поступок <...>, каждый святой пример, подаваемый им, есть шаг вперед на этом возвратном пути». («Свободное слово», вып. 7-8, Берлин, 1862, стр. 575—579).

...*военная нелепость, созданная королем-энциклопедистом*...— Введя политику агрессивных войн, прусский король Фридрих II укреплял государственную систему военно-бюрократического абсолютизма, что не мешало ему объявлять себя «другом Вольтера» и поклонником энциклопедистов.

Стр. 59. *Два-три закупленные журналиста*...— Речь идет о Ф. В. Булгарине и Н. И. Грече, связанных с III отделением.

Статья «Journal de St.-Petersbourg»...— имеется в виду статья, помещенная в газете «Journal de St.-Petersbourg», № 18 от 21 января 1863 г. Она была перепечатана в К, л. 156 от 15 февраля 1863 г. с редакционным вступлением (см. ниже в наст. томе «Исповедь русского правительства», а также комментарий на стр. 475).

...«*Московские ведомости*» ∞ *находят, что рекрутский набор — по в ы б о р у п о л и ц и и — с о в е р ш е н н о з а к о н е н*...— Имеется в виду передовая статья «Московских ведомостей», № 23 от 29 января 1863 г. В ней М. Н. Катков с позиций якобы защиты «законности» полемизирует с автором статьи «Journal de St.-Petersbourg», который признавал незаконность рекрутского набора в Польше, но пытался оправдать эту меру исключительными обстоятельствами. Катков, также одобряя этот набор, утверждал, что «в этой мере нет ничего беззаконного». О наборе в Польше см. комментарий к статье «Eхрiatio!»

Начав одну статью ∞ «*Московские ведомости*» *говорят* ∞ *мы протерли свое новое великодушие до самоубийства*...— Имеются в виду статьи, напечатанные в «Московских ведомостях», № 24 от 30 января 1863 г. Рассуждениями о «несокрушимом патриотизме» поляков открывалась передовая статья этого номера; «беспечность» и «неосмотрительность» русских властей в Польше подвергнуты критике в статье П. Лебедева «О последних событиях в Польше», которую цитирует Герцен.

«*Отеч. записки*» ∞ *требовали каких-то неслыханных казней зажигателям*...— Имеется в виду статья А. В. Эвальда «Все и ничего», напечатанная в «Отечественных записках», 1862, № 6. Цитаты из нее Герцен приводил ранее в своей статье «По поводу крепких слов г. Каткова и слабостей генерала Потапова» (см. т. XVI наст. изд., стр. 232—233).

Стр. 60. ...*полицейских композиторов* ∞ *которые накануне взрыва писали, что «рекруты довольны тем, что рекрутство избавило их от притязательности революционной партии»*.— В передовой статье «Московских ведомостей» (№ 12 от 16 января 1863 г.) М. Н. Катков писал о польских рекрутах: «...они тяготились притязаниями революционной пропаганды и рады, что избавляются от них»

...*броситься к прусскому дяденьке с криком «Shelfen Sie mir, Onkelchen!»*— «Помогите мне, дядюшка!»— Прусский король Вильгельм I приходился дядей Александру II. О соглашении между Россией и Пруссией см. комментарий к стр. 53.

Стр. 60—61. ...*печатают она с немецких голосов* ∞ *поляки пляшут с русскими*.— Герцен приводит в отрывках заметку, напечатанную в «Северной почте», № 23 от 27 января 1863 г., стр. 59. Сообщаемые в ней сведения взяты автором из корреспонденций газет «Ostseezeitung» от 28 (16) января и «Kreuzzeitung» от 29 (17) января 1863 г.

Стр. 61. *Генерал-лейтенант Синельников объявил в «Север. пч.»* ∞

что он дал не расписку, а свои револьверы...— В «Северной пчеле», № 30 от 31 января 1863 г., стр. 118, было перепечатано письмо генерал-лейтенанта Н. П. Синельникова в редакцию «С.-Петербургских ведомостей», в котором опровергалось напечатанное ранее в этой газете (№ 19 от 23 января 1863 г., стр. 79) сообщение об ограблении его польскими повстанцами.

Франковский — генерал Высоцкий ∞ *сейчас газеты перепечатают биографию генерала Высоцкого*...— В заметке «Генерал Франковский» («Северная пчела», № 31 от 1 февраля 1863 г.) сообщалось: «Под этим вымышленным именем должен скрываться не кто иной, как известный по прежней польской революции генерал Высоцкий. Далее излагались факты его биографии. О слухах, что Франковский — генерал Высоцкий, писал также в передовой статье «Московских ведомостей» (№ 29 от 6 февраля 1863 г.) Катков. Один из руководящих деятелей польского восстания, Л. Франковский был взят в плен царскими войсками в ночь на 28 февраля 1863 г. и затем повешен в Люблине 4 июня 1863 г. О его казни Герцен писал с возмущением в статье «„Колокол“ и „День“» (см. стр. 205 наст. тома).

Стр. 62. *Россель-то не находит, что людокрадство не выходит из законности*.— Отвечая 20 февраля 1863 г. на запрос консерватора лорда Элленборо в палате лордов об отношении английского правительства к польскому восстанию, «спровоцированному поведением русских», Дж. Россель охарактеризовал рекрутский набор как «меру, которую ни один британский министр не отважится оправдывать <...>. Это было самым неблагоприятным и самым несправедливым шагом, какой только могло сделать русское правительство» (цитируется по книге В. Г. Ревуненкова «Польское восстание 1863 г. и европейская дипломатия», Л., 1957, стр. 150).

Опять стрелок-сенатор промахнулся.— Имеется в виду М. Н. Катков (см. выше в наст. томе статью «Наглое злоупотребление полицейского слова» и комментарий к ней, а также заметку «Бессловесность в Москве»). Говоря о нем как «англикующем журналисте», Герцен намекает на восхваления Катковым на страницах предреформенного «Русского вестника» английских конституционных форм и правовых институтов (см. также далее комментарий к статье «Какое правление в России?»).

...мы готовы приветствовать ∞ Австрию на ее новом пути ∞ чтоб она не сбилась с него.— Австрия, обеспокоенная сближением Пруссии и России, враждебно отнеслась к заключению конвенции между ними, направленной против польского восстания (см. также статью «...И Россия», «Земля и воля» и комментарий к ним). Вместе с Англией и Францией она готовилась к дипломатическому демаршу «в защиту» Польши. 17 апреля 1863 г. посланники этих стран в Петербурге вручили министру иностранных дел А. М. Горчакову свои ноты по польскому вопросу (см. далее комментарий к заметке «Между молнией и громом»).

...преступники невольны «скверные счетчики»...— Намек на «теорию преступлений», разработанную И. Бентамом и изложенную им в книге «Traité de législation civile et pénale» (1802). См. об этом также в повести «Доктор Крупов» (т. IV наст. изд., стр. 266).

Стр. 63. *Сольферино за Маджентой*...— 4 июня 1859 г. произошло сражение у г. Мадженты между австрийскими и франко-сардинскими войсками, в котором австрийская армия потерпела поражение и отступила. Вслед за тем, 24 июня 1859 г., она была вновь разгромлена в битве при Сольферино. Эти поражения решили исход австро-итало-французской войны 1859 г. (см. также далее комментарий к заметке «Виллафранка перед Сольферино»).

...запустил глубоко свои когти в льва св. Марка...— Речь идет о Венеции, находившейся под властью Австрии. Крылатый лев св. Марка

считался символом бывшей Венецианской республики, называвшейся также по имени своего покровителя республикой св. Марка.

...своего знаменитого противника... — Имеется в виду Дж. Маццини.

⟨Г-п БУДБЕРГ⟩

Печатается по тексту *К*, л. 157 от 1 марта 1863 г., стр. 1308, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без заглавия и подписи. Заглавие взято из *ОК*. Автограф неизвестен.

Включено в издание М. К. Лемке (*Л XVI*, 124) со следующей справкой: «Принадлежность ясна из записки А. А. Герцена, хранящейся в архиве семьи Герцена» (*Л XVI*, 570).

Авторство Герцена подтверждается непосредственной связью с его заметкой «*Surtout pas trop de zèle, Mr Budberg*» (см. наст. том, стр. 50).

Напоминая о своей заметке «*Surtout pas trop de zèle, Mr. Budberg*», Герцен подразумевает в данном случае, вероятно, уже не частную неудачу барона А. Ф. Будберга (см. выше комментарий к статье «Франко-русский союз»), а провал всей его дипломатической миссии во Франции, усиление в правительстве Наполеона III антирусских настроений, а также активизацию в России деятельности «Земли и воли». Вслед за данной заметкой в тексте «Колокола» были напечатаны объявление Совета общества «Земля и воля» (см. стр. 371) и выдержка из статьи в газете «*Morning Post*» от 24 февраля 1863 г., содержавшей призыв к объединению усилий Англии, Франции и Австрии для дипломатического нажима на Россию и Пруссию.

21 ФЕВРАЛЯ 1863

Печатается по тексту *К*, л. 157 от 1 марта 1863 г., стр. 1309, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», с подписью: *И — р*. Автограф неизвестен.

В настоящем издании в текст статьи внесено следующее исправление:
Стр. 64, строка 18: униженное вместо: униженно

Боевой революционный оптимизм, надежда на скорую «развязку» «романовской трагедии» в результате народной революции, отразившиеся в заметке, характерны также для ряда других выступлений Герцена этого времени (см. выше — «...И Россия», «Земля и воля») и связаны с активным включением издателей «Колокола» в конспиративную работу «Земли и воли» по подготовке революционного выступления в России, предполагавшегося весной-летом 1863 г. О настроениях Герцена той поры дает представление также его переписка. В письме к члену общества В. И. Касаткину от 27 марта 1863 г. Герцен писал: «Революция не только не погасла, но увеличилась; вести из России благоприятны, и наши труды не пропадут даром (...). Старайтесь пользоваться и поддерживать польскую революцию, чтобы в свою очередь они нас поддержали. С весной это примет настоящие размеры» (ср. также письма к А. Сохновскому и В. И. Касаткину от 4 апреля 1863 г.). Десятилетней деятельности Вольной русской типографии в Лондоне Герцен посвятил тогда же специальную статью — «1853—1863» (см. далее в наст. томе).

Стр. 64. *Ровно десять лет тому назад ∞ о скором открытии Вольной русской типографии в Лондоне.* — Имеется в виду обращение «Вольное русское книгопечатание в Лондоне. Братьям на Руси», написанное Герце-

ном 21 февраля 1853 г. и впервые опубликованное отдельной литографированной листовкой весной 1853 г. (см. т. XII, наст. изд., стр. 62).

...мы ждем за нашим станком о р и г и н а л у, чтоб набрать приговор преступному правительству.— Ожидание издателями «Колокола» народного восстания в России весной-летом 1863 г. подкреплялось, в частности, сведениями об активизации деятельности «Земли и воли», полученными от приехавшего в Лондон в феврале 1863 г. А. А. Слепцова (см. выше статьи «...И Россия», «Земля и воля» и комментарии к ним).

ПЛАЧ

Печатается по тексту К, л. 158 от 8 марта 1863 г., стр. 1310—1311, где опубликовано впервые, с подписью: И — р. Этой статьей открывается лист «Колокола». Автограф неизвестен.‡

5 марта 1863 г. Герцен писал своим дочерям: «В „Колок(оле)“ будет ужасная статья „Плач“».

В следующем листе «Колокола» (стр. 1317) была помещена «Поправка»: «В 158 листе, на стр. 1311, в левой колонне, строка II напечатано: кровью, читай: словом», которая учтена в тексте данной статьи (см. наст. том, стр. 67, строка 11).

Статья «Плач», как и другие выступления Герцена периода польского восстания 1863 г. (см., например, в наст. томе «Прокламация „Земли и воли“», «„Колокол“ и „День“», «„День“ и „Колокол“ <Богомольная старушка в комедии Островского...>», «Протест»), с особенной остротой выражает идеи революционного патриотизма, которыми проникнута вся его публицистика. Любовь к России, побуждающая к борьбе за ее демократизацию, за «землю и волю», — неустанно подчеркивает Герцен, — неотделима от защиты прав и свободы других народов, угнетаемых господствующими классами России.

В этих статьях Герцен призывает русскую общественность поднять голос протеста против бесчинств царских усмирителей Польши, вызывающих в нем острое чувство стыда за родину, «позоренную мать», и клеймит «молчание рабов».

В статье «Не демократично, гражданин Керенский!», опубликованной 15 июня 1917 г., В. И. Ленин писал, вспоминая «Плач»: «Когда-то А. И. Герцен сказал, что когда посмотришь на „художества“ господствующих классов России, то становится стыдно сознавать себя русским <...> Теперь Россия свергла царя. Теперь от имени России говорят Керенские и Львовы. Россия Керенских и Львовых обращается с подчиненными национальностями так, что и теперь невольно напрашиваются на язык горькие слова А. И. Герцена» (В. И. Ленин. Сочинения, изд. 4, т. 24, стр. 527—528).

Стр. 65. ...после этого набора?— О рекрутском наборе, проводившемся в Царстве Польском в середине января 1863 г., см. выше в комментарии к статье «Expiatio!», стр. 349.

«Инвалид» печатает ∞ славу и красу каждой армии.— Цитируемые строки взяты из передовой статьи «Русского инвалида», № 27 от 2 февраля 1863 г., стр. 118. На страницах этой газеты не раз получали отражение официальные тенденции оправдать «увлечение и жестокости» царских войск при усмирении польского восстания (см., например, передовую статью в № 58 газеты от 14 марта 1863 г.).

Стр. 65—66. Николай, когда ему предлагал вешающий Муравьев гайдаматчину, отпрянул с ужасом ∞ м а т ь о т е ч е с т в а могла

резать головы помещиков...— О плане М. Н. Муравьева натравить крестьян на польских помещиков в период подавления польского восстания 1831 г. Герцен писал также в статье «Россияда» (см. стр. 155 наст. тома). Об отношении Екатерины II к восстанию гайдамаков 1768 г. см комментарий к стр. 232 наст. тома. Титул «матери отечества» был предложен Екатерине II «Комиссией об уложениях» в 1767 г.

Стр. 66. ...первого дворянина...— См. комментарий к стр. 11.

...московского помещика...— См. комментарий к стр. 7.

Стр. 67. ...обвиняя восторженных юношей в пожаре Апраксинского двора.— См. комментарий к стр. 7.

Они будут упрекать Николая и Паскевича в излишнем великодушии, а поляков в варфоломеевской ночи...— Намек на корреспонденцию «Московских ведомостей». О ней см. в статье «Преступления в Польше», стр. 59 наст. тома и комментарий к ней.

Стр. 68. *Республика 24 февраля...*— В результате начавшейся 24 февраля 1848 г. французской буржуазно-демократической революции король Луи Филипп отрекся от престола. 25 февраля была провозглашена республика.

РУССКИЙ ГРАВЕЖ И РАЗБОЙ В ПОЛЬШЕ

Печатается по тексту *К*, л. 158 от 8 марта 1863 г., стр. 1312, где опубликовано впервые, без подписи. Автограф неизвестен.

Включено в издание М. К. Лемке (без текста писем, *Л* XVI, 126—127) со следующей справкой: «Принадлежность ясна из записки Чернецкого, хранящейся в архиве семьи Герцена» (*Л* XVI, 570).

Авторство Герцена подтверждается редакционным характером вступления и его идейно-тематической связью с другими выступлениями Герцена против «казенной и откупной журналистики», защищавшей террор царских войск в Польше (см. в наст. томе: «Преступления в Польше (Печален наш удел...)»— стр. 58—59, «Виселицы и журналы»).

Стр. 70. ...«Инвалид», защищая поведение разбойничьих шайк наших в Польше...— О статьях в официальном органе военного министерства «Русский инвалид» в связи с действиями русской армии в Польше см. выше статью «Плач» и комментарий к ней.

АЛЕКСАНДРОВСКАЯ КОНСТИТУЦИЯ И ПАВЛОВСКОЕ ВРЕМЯ

Печатается по тексту *К*, л. 158 от 8 марта 1863 г., стр. 1313, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без подписи. Автограф неизвестен. Включено в издание М. К. Лемке (*Л* XVI, 127) со следующей справкой: «Принадлежность ясна из записки Чернецкого» (*Л* XVI, 570).

Авторство Герцена подтверждается содержанием и стилем заметки. Политика царского правительства в Польше и особенно вел. князя Константина Николаевича постоянно была в центре внимания Герцена (см. в наст. томе статьи: «MDCCLXIII», «Resurrexit», «Преступления в Польше (Слова порицания умалкивают...)», «Плач» и др.). Характерны для Герцена не только полемическая заостренность заметки против реакционной журналистики, особенно против «Московских ведомостей» и «Нашего времени», но и сатирическое звучание заголовка, построенного на каламбурном использовании названия журнала Н. Ф. Павлова «Наше время», а также ироническая концовка.

Стр. 72. *Александровская конституция и павловское время.* — Слухам о намерении царского правительства восстановить в Царстве Польском конституцию 1815 г. Герцен противопоставляет высказывания газеты Н. Ф. Павлова «Наше время», в которой подчеркивалась необходимость усилить репрессии против польских повстанцев.

«Теймс» повторяет ∞ о предполагаемом даровании конституции Польше ∞ в короли польские. — Имеется в виду корреспонденция из Парижа, напечатанная в газете «The Times», № 24499 от 6 марта 1863 г. под рубрикой «France and Poland». Автор ее передавал помещенные в парижских газетах «La France» и «Le Pays» сообщения о предполагавшемся, по слухам, даровании Александром II «независимости» Польше.

...без приказа Наполеона, без совета Пальмерстона, без дружбы Пруссии, без ненависти Австрии. — В начале марта 1863 г. в беседе с А. Ф. Будбергом Наполеон III заявил, что Александр II мог бы предотвратить дипломатический демарш европейских держав, лишь объявив о своем желании создать в Польше «независимую королевскую власть для одного из своих сыновей или для своего брата». Аналогичные рекомендации содержались в ноте английского правительства России от 9 марта 1863 г. (см. В. Г. Ревунков. Польское восстание 1863 г. и европейская дипломатия. Л., 1957, стр. 211, 217). О дальнейших дипломатических шагах европейских держав по польскому вопросу — см. комментарии к заметке «Между молний и громом», а также к стр. 53, 62.

...без побед Лянгевича? — С начала польского восстания М. Лянгевич руководил силами повстанцев в Сандомирском воеводстве. Отряд Лянгевича успешно действовал против русских войск под Сташовом и Гроховисками. О его победах Герцен 7 февраля 1863 г. писал дочери Наталии, напоминая ей о встрече с Лянгевичем в Лондоне.

...«Наше время» ∞ описывает с примерным азартом убийство жандармского капитана Гроуэрта... — Герцен далее излагает иронически комментирует корреспонденцию из Люблина, помещенную в газете «Наше время», № 31 от 12 февраля 1863 г. и подписанную М: Р. Описывая убийство жандарма, автор называл его «мучеником, виновным в исполнении своего долга», и призывал «москвичей» к денежным пожертвованиям в пользу «несчастной вдовы капитана Гроуэрта, растерзанного варварами».

...генерала Хрущева (скупающего головы инсургентов)... — В том же листе «Колокола», что и настоящая заметка, был помещен запрос редакции в связи со слухами об этом (см. в наст. томе заметку «Генерал Хрущев» и комментарий к ней).

НЕМЦЫ И НЕ-НЕМЦЫ В ЗИМНЕМ ДВОРЦЕ

Печатается по тексту К, л. 158 от 8 марта 1863 г., стр. 1313, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без подписи. Автограф неизвестен.

Авторство Герцена устанавливается на основании идейно-тематической связи заметки, представляющей очередное выступление против политики «немецкой партии» при русском дворе, со статьей «Русские немцы и немецкие русские» (см. т. XIV наст. изд., стр. 148—149). Принадлежность заметки Герцену подтверждается той иронической оценкой, которая дана в ней А. В. Адлербергу (ср. в наст. заметке: «Как будто Адлерберг имеет какое-нибудь мнение, представляет что-нибудь уловимое не только всей России, но и кредиторам своим?!») со следующими строками из заметки «Еще о Радзивилле: «Не адресоваться ли кредиторам в агентство Адлерберга sen., jun. et c» и из статьи «1860 год»: «Адлерберг, известный в литературе только как плодовитый писатель векселей» — т. XIV наст. изд., стр. 143 и 221). Характерен для Герцена и стиль заметки, в частности, каламбурный заголовок и остро полемическая концовка.

Заключительные слова заметки «*Ordnung und strenge Disziplin*» («Порядок и строгая дисциплина»), по-видимому, представляют собой несколько измененную цитату из «Венецианских эпиграмм» Гёте, которую Герцен приводил ранее в «Письмах из Франции и Италии»: «*Leben und Weben ist hier, aber nicht Ordnung und Zucht*» (т. V наст. изд., стр. 102).

Включено в издания Л. А. Тихомирова (Т, 381) и М. К. Лемке (Л XVI, 127 — 128).

БЕССОСЛОВНОСТЬ В МОСКВЕ

Печатается по тексту К, л. 158 от 8 марта 1863 г., стр. 1313, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без подписи. Автограф неизвестен.

В издании М. К. Лемке включена лишь вторая часть настоящей публикации от слов: «Кстати, к „Моск. вед.“, стрелок-сенатор...» — (Л XVI, 128) со следующей справкой: «Принадлежность ясна из пометки Чернецкого» (Л XVI, 570). Эта часть, отделенная в «Колоколе» от предшествующего текста интервалом и тире перед начальными словами, оформлена как отдельная заметка, хотя не имеет в ОК своего заглавия. Вместе с тем обе части публикации связаны между собой идейно-тематически и формой изложения («Кстати к „Моск. вед.“») и примыкают к другим выступлениям Герцена против верноподданнической позиции «Московских ведомостей» и их редактора М. Н. Каткова (см. об этом в комментарии к заметке «Донос или не донос?», стр. 351 наст. тома). Говоря о «стрелке-сенаторе», Герцен повторяет формулу, которую он использовал постоянно при характеристике Каткова (см., например, в заметке «Наглое злоупотребление полицейского слова»: «Нет, сенатор, вы плохой стрелок!», «Но стрелок-сенатор и тут промахнулся» и в статье «Преступление в Польше: «Опять стрелок-сенатор промахнулся» — наст. том, стр. 32, 33, 62).

В настоящем издании в текст внесено следующее исправление:

Стр. 73, строки 28—29: погран. городе Пруссия, лежащем на восток от Торна вместо: погран. городе от Торна (по тексту «Московские ведомостей»).

С т р. 73. «*Москов. вед.*» (13/25 февр.) *извещают ∞ кроме м е щ а н с к о г о, которое, к сожалению, отсутствовало.* — Герцен цитирует начальные строки передовой статьи «Московских ведомостей» (№ 33 от 13 февраля 1863 г.), посвященной переговорам городских выборных от дворянства и купечества по поводу кандидатур на предстоявших 16 марта 1863 г. выборах московского городского головы.

...«*В Страсбурге ∞ нападение это поднимет вопль во всей Германии.*» — Цитата из передовой статьи «Московских ведомостей», № 29 от 6 февраля 1863 г., посвященной ходу польского восстания и отношению к нему Пруссии и Австрии.

1853—1863

Печатается по тексту сборника «Десятилетие Вольной русской типографии в Лондоне. Сборник ее первых листов, составленный и изданный Л. Чернецким. Лондон, 1863», стр. V—XX, где опубликовано впервые, в качестве предисловия к сборнику, с подписью: *Искандер*. Автограф неизвестен. В оглавлении сборника статья названа: «Предисловие Искандера».

Отрывок из предисловия (от слов «В мае месяце...» до «Наконец-то нас заметили...», стр. 74—78 наст. тома) был опубликован в К, л. 159 от 15 марта 1863 г., стр. 1316—1317.

Объявление о выходе в свет сборника было напечатано в «Колоколе», л. 157 от 1 марта 1863 г., стр. 1309.

Характеризуя вошедшие в сборник статьи, которые «относятся к первым годам русского печатания в Лондоне», и формулируя цели их переиздания, Герцен подводит в предисловии итоги десятилетней работы типографии, о значении которой В. И. Ленин писал: «Герцен создал вольную русскую прессу за границей — в этом его великая заслуга. „Полярная Звезда“ подняла традицию декабристов. „Колокол“ (1857—1867) встал горой за освобождение крестьян. Рабье молчание было нарушено» (В. И. Ленин. Сочинения, изд. 4, т. 18, стр. 12).

Герцен прослеживает идейный путь «вольной русской прессы» и отмечает ее последовательность и целеустремленность в отстаивании «крестьянского дела», в борьбе за демократизацию политического строя России и независимость Польши. Одновременно он отдает себе отчет в идейном росте и политическом созревании лондонской пропаганды. Герцен отмечает здесь ту грань в своей идейной эволюции, сущность которой впоследствии сформулировал Ленин: если ранее Герцен догматически «либеральную апелляцию к „верхам“», то теперь он, избавив «колебания между демократизмом и либерализмом», обращается «с революционной проповедью к народу» (там же, стр. 12, 15).

В обострившейся борьбе с реакционной и либеральной прессой Герцену особенно важно было подчеркнуть в статье «живую связь» лондонской пропаганды с передовым, демократическим общественным мнением России, связь, которую пытались отрицать его идейные противники (см., например, «Москва нам не сочувствует» — т. XVI наст. изд.).

Наряду с некрологом «Михаил Семенович Щепкин» (см. далее в наст. томе) и статьей «Смерть Станислава Ворцеля» (см. т. XII наст. изд.), настоящие предисловие существенно дополняет рассказ о Вольной русской типографии в «Былом и думах» (гл. «Апогей и перигей» — т. XI наст. изд.).

Стр. 74. *Десять лет тому назад, в конце февраля, было разослано объявление об открытии в Лондоне Вольной русской типографии.* — Листовка «Вольное русское книгопечатание в Лондоне. Братьям на Руси», написанная Герценом 21 февраля 1853 г. (см. т. XII наст. изд.), была тогда же литографирована и при содействии польской демократической эмиграции переправлена в Россию. Текст этой листовки открывался (после предисловия) сборник «Десятилетие Вольной русской типографии в Лондоне».

В мае месяце вышел первый отпечатанный в ней лист... — Первая печатная прокламация Вольной русской типографии «Юрьев день! Юрьев день! Русскому дворянству» (см. т. XII наст. изд.) была издана в конце июня 1853 г. (см. об этом письмо Герцена к М. К. Рейхель от 25 июня 1853 г.). Она также вошла в сборник.

Стр. 75. *...могло ли быть, чтоб никто не откликнулся на это первое vivos voco?* — Открытие Вольной русской типографии в Лондоне Герцен считает первым «призывом к живым». Впоследствии эти слова из эпиграфа к «Песне о Колоколе» Ф. Шиллера стали девизом «Колокола».

Весь в том, что мы печатаем по-русски в Лондоне, — испугало. Многие советовали остановиться и ничего не печатать; один близкий человек за этим приезжал в Лондон. — Об отрицательном отношении «московских друзей» Герцена к его книге «О развитии революционных идей в России», вышедшей в 1851 г., см. в комментарии к этой работе (т. VII наст. изд., стр. 421). Открытие Вольной русской типографии вызвало новые их попытки призвать Герцена к «осторожности» (см. письмо Т. Н. Грановского к Герцену, август 1853 г. — ЛН, т. 62, стр. 100 — 101). В этих же целях была использована ими поездка М. С. Щепкина в Лон-

дон в сентябре 1853 г., подробно описанная Герценом в статье-некрологе «Михаил Семенович Щепкин» (см. в наст. томе).

В конце «Сборника» помещена небольшая статья о его кончине из «Полярной звезды». — Речь идет о статье «Смерть Станислава Ворцеля», напечатанной впервые в ПЗ на 1857, кн. III (см. т. XII наст. изд.).

Ст р. 76. *Второй был о П о л ь ш е.* — Статья «Поляки прощают нас» была написана Герценом 20 июля 1853 г. и выпущена отдельным листком (см. т. XII наст. изд.); она также вошла в сборник.

...все печатанное нами лежало ∞ в книжных подвалах благочестивого *Paternoster Row.* — Право на продажу изданий Вольной русской типографии было передано лондонской книгоиздательской и книготорговой фирме Н. Трюбнера и К^о, торговые помещения которой были расположены в City, Paternoster Row, 60 («Paternoster» в переводе с латинского языка означает: «Отче наш»).

Ст р. 77. *Автор «Видений св. Кондратия», статьи «Что такое государство?» в I кн. «Полярной звезды» и пр.* — Прокламации В. А. Энгельсона «Первое видение св. отца Кондратия», «Второе видение св. отца Кондратия» были выпущены Вольной русской типографией в 1854 г. и вошли в «Сборник...» В том же году были напечатаны еще две его прокламации: «Емельян Пугачев честному казачеству и всему люду русскому плет низкий привет» и «Емельян Пугачев честному казачеству и всему люду русскому вторично плет низкий поклон». Статья «Что такое государство?» была опубликована в ПЗ на 1855, кн. I.

Ст р. 78. *Я тотчас написал напечатанное потом письмо к императору Александру...* — Первое открытое письмо Герцена к Александру II, отразившее его либеральные колебания и иллюзии, было написано 10 марта 1855 г. и напечатано в ПЗ на 1855, кн. I (см. т. XII наст. изд., стр. 272—274 и комментарий к ним).

«Да здравствует разум!» ∞ пятью распятиями. — Герцен называет программой «Полярной звезды» «Объявление о „Полярной звезде“», датированное им 25 марта (6 апреля) 1855 г. и опубликованное в виде отдельной листовки (эпиграфом к нему Герцен взял слова из стихотворения А. С. Пушкина «Вакхическая песня», впоследствии ставшие эпиграфом ко всем книжкам «Полярной звезды»). Далее Герцен приводит автоцитату из «Объявления о „Полярной звезде“» (см. т. XII наст. изд., стр. 265), в которой говорится об альманахе «Полярная звезда» (1823—1825) К. Ф. Рылеева и А. А. Бестужева и затем новой «Полярной звезде», начавшей в 1855 г. выходить в Лондоне. Выпуск первой книги «Полярной звезды» Герцен намеревался приурочить ко дню казни декабристов (13 июля). Страстная (Великая) пятница — день, в который, по евангельскому преданию, был распят Христос.

Ст р. 78—79. *«Дайте свободу русскому слову ∞ чтоб спасти народ от крови!»* — Герцен приводит (не совсем точно) строки из своего «Письма к императору Александру Второму» (см. т. XII, стр. 274).

Ст р. 79. *...изобрел переходное время...* — «Положением 19 февраля 1861 г.» предусматривалось двухгодичное переходное время. В течение этих двух лет должны были быть введены повсеместно в действие уставные грамоты, определявшие величину надела крестьян и их повинности помещику. До введения в действие уставных грамот, т. е. в продолжение всего переходного времени, крестьяне должны были отбывать повинности в пользу помещика на дореформенных основаниях.

«Вы видите, правительство признало справедливость наших требований ∞ пусть выборные всего народа разберут дело и обсудят, что чиноположить и как предотвратить кровавый взрыв негодования и досады». — Герцен перефразирует отрывок из статьи Н. П. Огарева «На Новый год», напечатанной в К, л. 89 от 1 января 1861 г., стр. 749.

Ст р. 80. *Милютинь, Валугевы меняют его на мелкие губернские*

думы...— «Волна общественного возбуждения и революционного натиска» (В. И. Ленин. Сочинения, изд. 4, т. 5, стр. 30) заставила правительство заняться подготовкой реформы местного управления, для чего в 1859 г. была создана особая комиссия под председательством товарища министра внутренних дел Н. А. Милютина. После увольнения его в отставку, как «либерала», в апреле 1861 г. комиссию возглавил новый министр внутренних дел П. А. Валуев. Составленный комиссией проект «Положения о губернских и уездных земских учреждениях» был утвержден Александром II 1 января 1864 г. Это был такой «кусочек конституции», по определению Ленина, «посредством которого русское „общество“ отмакивали от конституции. Это — именно такая, сравнительно очень мало-важная, позицию, которую самодержавие уступило растущему демократизму, чтобы сохранить за собой главные позиции, чтобы разделить и разъединить тех, кто требовал преобразований политических» (там же, стр. 59).

...королева Марья-Антуанетта в деле ожерелья, — великое по дразме ее в ее.— В 1785 г. в Париже разразился скандал в связи с покупкой кардиналом Л. Роганом по поручению Марии Антуанетты жемчужного ожерелья, которое она затем отказалась оплатить.

...мысль о Земском соборе носится в русском воздухе ∞ военные заставляют его созвать.— О требовании Земского собора см. выше статью «MDCCLXIII» и комментарий к ней.

Ведета — сторожевой пост (vedetta — итал.).

...ругательства борзых и гонимых публицистов в т о р о й р у к и Т р е т ь е г о о т д е л е н и я, к о т о р ы м и о ж о т я т с я н а н а с к а р ы п р о с в е щ е н ь я и r o u l é s в н у т р е н н и х д е л...— Открытая клеветническая кампания против Герцена в русской реакционной печати, начатая статьей М. Н. Каткова «Заметка для издателя „Колокола“» в «Русском вестнике» за июнь 1862 г., велась по прямому указанию министра народного просвещения А. В. Головина и министра внутренних дел П. А. Валуева. Их-то и подразумевает Герцен, говоря о «карле просвещения» (Головин был маленького роста) и «шалопае внутренних дел»; для характеристики деятельности Валуева Герцен и в других случаях пользуется подобными сатирическими формулами (см., например, в «Россиаде» — «государственный шеголь как Валуев», стр. 174 наст. тома, а также «Из Петербурга», т. XVIII, наст. изд.).

Только «Тюрьма и ссылка» кой-как расходилась да маленькие брошюрки, вроде «Крещеной собственности» и «Юмора».— Книга «Тюрьма и ссылка» (составившая вторую часть «Былого и дум») была опубликована впервые в 1854 г. «Крещеная собственность» вышла из печати в 1853 г., но вскоре потребовалось второе издание, которое было осуществлено с новым предисловием Герцена в 1857 г. Поэма Огарева «Юмор» вышла в свет в 1857 г. с предисловием Герцена (см. т. XIII наст. изд., стр. 423). «Прерванные рассказы Искандера» изданы впервые в 1854 г., в 1857 г. вышло из печати их второе издание. Первое русское издание «С того берега» было отпечатано в Вольной русской типографии в январе 1855 г. «Письма из Франции и Италии» опубликованы полностью по-русски впервые в ноябре 1854 г. Затем «Тюрьма и ссылка», «Крещеная собственность», «С того берега», «Письма из Франции и Италии» были вновь переизданы в 1858 г. Н. Трюбнером.

Сверх вторых изданий «Полярной звезды» и всех наших книг, Н. Трюбнер предпринял сам целый ряд новых изданий ∞ кн. Щербатов и Радищев и пр.— Н. Трюбнер осуществил второе издание первых четырех книжек «Полярной звезды» («Полярная звезда» на 1855, 1856 и 1857 гг. была перепечатана в 1858 г., и «Полярная звезда» на 1858 г.— в 1861 г.). Помимо перечисленных выше изданий, Трюбнер в 1858—1859 гг. также переиздает первые четыре книжки «Голосов из России», печатает русский перевод

произведений Герцена: «Старый мир и Россия», «Русский народ и социализм», «Франция или Англия?», выпускает роман «Кто виноват?» (первое издание вышло в России в 1847 г.) и второе издание многих листов «Колокола».

...около того же времени открылись две или три русские типографии в Германии.—С 1856 г. в Берлине работала русская типография К. Шульце, а с 1857 г.— типография Тровича и сына. В Лейпциге в это время русские издания печатались в типографиях Ф. А. Брокгауза и Г. Бера, а в Наумбурге с 1858 г.— в типографии Г. Пеца (Петца). О них Герцен писал в заметке «Вольное русское книгопечатание за границей» (т. XIV наст. изд.). Несколько позже, в 1862 г., была создана с исключительной целью печатания революционных изданий типография В. И. Бакста в Берне. Ее организаторы поддерживали непосредственную связь с Герценом через В. И. Касаткина (см. письма Герцена к нему от 27 марта и 4 апреля 1863 г.) и печатали, помимо прокламаций и брошюр, его произведения (например, «Концы и начала»). Типография просуществовала до лета 1863 г. (см. о ней в статье Б. П. Козьмина «Герцен, Огарев и „молодая эмиграция“» — ЛН, т. 41-42, стр. 11—14).

GREAT WESTERN .

Печатается по тексту К, л. 159 от 15 марта 1863 г., стр. 1314 — 1315, где опубликовано впервые, с подписью: И—р. Автограф неизвестен.

Стр. 82 — 83. ...король прусский — уже он ли... Архимед ∞ чуть не сдвинул Францию на Рейн...— Речь идет о прусском короле Вильгельме I и об опасности войны между Францией и Пруссией в связи с позицией, занятой Пруссией в отношении польского восстания (об этом см. в наст. томе— «...И Россия», «Земля и воля», «Преступления в Польше <Печален наш удел...>»), а также комментарии к ним).

Стр. 83. ...это были люди ∞ заброшенные на чужбину...— Герцен имеет в виду встречи с представителями польской повстанческой организации, прибывшими в Лондон для переговоров с издателями «Колокола» в конце сентября 1862 г. Он описал эти встречи в «Былом и думах», в главе «М. Бакунин и польское дело» (см. т. XI наст. изд., стр. 368—372).

Один ∞ возвратился из русской каторжной работы...— А. Гиллер, член Центрального национального комитета, представитель умеренного крыла в нем. За участие в польском восстании 1830—1831 гг. он был сослан на каторгу в Сибирь, откуда возвратился по амнистии в конце 50-х годов.

...другой шел туда прямой дорогой...—З. Падлевский (см. о нем ниже заметку «С. Падлевский» и комментарий к ней).

...третий сам оставил Сибирь...— М. А. Бакунин, бежавший в 1861 г. из сибирской ссылки. О побеге Бакунина Герцен писал в «Былом и думах» (см. т. XI наст. изд., стр. 357—359) и в статье «М. А. Бакунин» (см. т. XVI наст. изд.).

...четвертый бросил свой полк...—А. А. Потехня, один из руководителей революционной организации русских офицеров в Царстве Польском, инициатор и автор писем от офицеров и комитета русских офицеров издателям «Колокола», а также офицерских адресов, напечатанных в «Колоколе» в 1862 г. (см. К, л. 135 от 1 июня, л. 148 от 22 октября, л. 151 от 1 декабря). Потехня принял непосредственное участие в польском восстании и в марте 1863 г. был убит в сражении у местечка Скала. На гибель Потехни «Колокол» откликнулся заметкой Герцена «А. А. Потехня» (см. далее) и статьей Огарева «Надгробное слово» (л. 162 от 1 мая 1863 г.)

«Что в имени тебе...»— Начальные слова стихотворения А. С. Пушкина «Что в имени тебе моем?»

Стр. 84. ...какие-то мытари и грешники, какие-то рыбаки—сделались кормчими человечества на целые осьмнадцать веков. — Среди апостолов христианства были, по евангельской легенде, рыбаки — братья Петр и Андрей, братья Иаков и Иоанн Заведеевы, мытарь Матфей (см. евангелие от Матфея, IV, 18—19; X, 3). О значении слова «мытарь» см. комментарий к стр. 51.

...какие-то каторжные, сосланные сказали Италии: «Возьми одр твой и иди!»— Намек на руководителей национально-освободительного движения в Италии — Д. Маццини и Д. Гарибальди. Маццини был в 1831 г. выслан из Генуи австрийскими властями; Гарибальди в 1834 г. приговорен ими заочно к смертной казни. Говоря об их революционных призывах, нашедших отклик в итальянском народе, Герцен использует слова Христа, обращенные, по евангельскому преданию, к «расслабленному» (см. евангелие от Матфея, IX, 6).

Стр. 85. ...«*Sie sollen ihn nicht haben*»...— Герцен имеет в виду начальные строки немецкой патриотической песни «*Sie sollen ihn nicht haben, den freien deutschen Rhein*» («Не владеть им свободным немецким Рейном»), написанной Р. Шуманом на слова стихотворения Н. Беккера «*Der freie deutsche Rhein*» (1840).

Стр. 86. *Один женский голос раздался, и то с Украины*...— Герцен имеет в виду воззвание «К русским женщинам», опубликованное в «Колоколе» 8 марта 1863 г. (л. 158) за подписью «Украинка». В этом воззвании выражалось сочувствие освободительной борьбе польского народа и содержались призывы не выступать против него. По всей вероятности, автором воззвания была известная украинская писательница Марко Вовчок (М. А. Вилинская-Маркович).

РУССКАЯ ЖЕНЩИНА У ЛЯНГЕВИЧА

Печатается по тексту *Ж*, л. 159 от 15 марта 1863 г., стр. 1317, где опубликовано впервые, без подписи. В *ОЖ* озаглавлено: «Хвала русской женщине». Автограф неизвестен.

Включено в издание М. К. Лемке (*Ж* XVI, 142) со следующей справкой: «Принадлежность устанавливается из письма Н. А. Герцена к брату, хранящегося в архиве семьи Герцена» (*Ж* XVI, 570).

Авторство Герцена подтверждается редакционным характером заметки («Мы видели фотографию русской дамы», «Мы не печатаем ее фамилии») и ее тематикой (события в Польше).

В заметке речь идет о Генриетте Пустовойтовой, которая в период польского восстания была адъютантом Д. Чаховского, командира одного из повстанческих отрядов, находившихся под общим командованием М. Лянговича и действовавших на границе Царства Польского с Австрией. Дочь русского генерал-майора Пустовойтова, она в 1861 г. проживала в Люблине у своей бабушки по матери — польки. Как сообщалось в официальных донесениях, Пустовойтова принимала там участие в национальных демонстрациях поляков, за что в августе 1861 г. была выслана в г. Житомир под надзор полиции; с нее была взята подписка о неучастии в «беспорядках» (*ЦГИАЛ*, ф. 1282, оп. 1, д. 19, 1861, л. 56). Однако Пустовойтова участвовала в польских демонстрациях в Житомире, за что подвергалась высылке и заточению в одном из московских монастырей (там же, л. 139). При каких обстоятельствах она вырвалась из монастыря и оказалась в польском повстанческом отряде, остается невыясненным.

После разгрома отрядов Лянговича во второй половине марта 1863 г.

и их перехода на территорию Галиции Пустовойтова в числе других повстанцев была интернирована австрийскими властями и первые годы после подавления польского восстания проживала за границей. Участие Пустовойтовой в операциях повстанческих соединений Лянгевича широко освещалось европейской прессой в марте 1863 г.

«НАДВИСЛЯНИН»

Печатается по тексту *К*, л. 159 от 15 марта 1863 г., стр. 1317, где опубликовано впервые, без заглавия и подписи. Заглавие взято из *ОК*. Автограф неизвестен.

Включено в издание М. К. Лемке (*Л XVI*, 143) со следующей справкой: «Принадлежность устанавливается из письма Н. А. Герцен к брату, хранящегося в архиве семьи Герцена» (*Л XVI*, 571).

Авторство Герцена подтверждается польской тематикой заметки, а также концовкой, свидетельствующей о ее непосредственной связи с четвертым разделом статьи Герцена «Преступления в Польше», где Герцен писал, характеризуя позицию Австрии в польском вопросе: «Мы готовы приветствовать от всей души Австрию на ее новом пути и пожелать ей, чтоб она не сбилась с него» (см. наст. том, стр. 62).

Стр. 87. «*Сев. пч.*» выписывает из «Надвислянина» ∞ в пользу *инсургентов*.— Цитируемые строки из корреспонденции познанской газеты «Надвислянин» были приведены в «Северной пчеле», № 50 от 22 февраля 1863 г., в составе заметки «Мерославский»,

Что за чудное свойство польского восстания, что оно очищает ∞ даже Австрию...— См. комментарий к стр. 62.

DIE GESCHICKTLICHKEIT IST MIT EINER ÖKONOMIE VERBUNDEN

Печатается по тексту *К*, л. 159 от 15 марта 1863 г., стр. 1317, где опубликовано впервые, без подписи. Автограф неизвестен.

Включено в издание М. К. Лемке (*Л XVI*, 143) с следующей справкой: «Принадлежность устанавливается из письма Н. А. Герцен к брату, хранящегося в архиве семьи Герцена» (*Л XVI*, 571).

Авторство Герцена подтверждается редакционным характером («пишет нам один знакомый»), тематикой и стилистическими особенностями заметки. Выделенное курсивом выражение «друзья дома» для обозначения царского правительства встречалось ранее в статьях Герцена (см. об этом в комментарии к заметке «Балтийские немцы», наст. том, стр. 349). Характерно для Герцена ироническое упоминание о «родственной дружбе» Александра II с Вильгельмом I: Герцен постоянно иронизировал в своих статьях и заметках по поводу родственных отношений Александра II с домом Гогенцоллернов (см. т. XII наст. изд., стр. 353 и 434, и наст. том, стр. 37, 60, 115, 126). Цитата из комедии Грибоедова «Горе от ума» («пуговки, погончики, петлички») неоднократно приводилась в статьях Герцена этого времени (см., в частности, в «Конецх и началах»: «николаевское пристрастие к „выпушкам, погончикам, петличкам“»— т. XVI наст. изд., стр. 185).

Стр. 88. В одном пограничном местечке в Познани ∞ небольшое депо русских солдатских шинелей, фуражек, ружей и пр. ...— Русское правительство после заключения конвенции с Пруссией (см. комментарий к стр. 53) использовало территорию Познанщины, входившей в состав Пруссии, для борьбы против польских повстанцев.

...«пуговки, погончики, петлички...» Герцен неточно цитирует слова Скалозуба из комедии «Горе от ума» А. С. Грибоедова: «В мундирах выпушки, погончики, петлички» (действие III, явление 12).

«LE NORD»

Печатается по тексту *К*, л. 159 от 15 марта 1863 г., стр. 1317, где опубликовано впервые, без заглавия и подписи. Заглавие взято из *ОК*. Автограф неизвестен.

Включено в издание М. К. Лемке (*Л XVI*, 143) со следующей справкой: «Принадлежность ясна из пометки Огарева на чистом экземпляре „Колокола“» (*Л XVI*, 571).

Авторство Герцена подтверждается редакционным характером заметки и ее непосредственной связью со статьей «Прокламация „Земли и воли“» (см. наст. том, стр. 90—91). Характерна для стиля Герцена и каламбурная концовка заметки.

С т р. 88. *«Le Nord» (от 14 марта) говорит, что 3 марта (19 февр.) в Петербурге были разбросаны прокламации с зеленой печатью 3 е м л я и В о л я.*— Герцен имеет в виду корреспонденцию из Петербурга от 5 марта 1863 г., напечатанную в разделе «Russie» газеты «Le Nord», № 73 от 14 марта 1863 г. В ней с реакционных позиций комментировалась прокламация «Льется польская кровь, льется русская кровь...» Далее следовали клеветнические измышления о восстании в Польше и авторстве прокламации, якобы инспирированной из-за границы. На упоминания в русской реакционной прессе об этой прокламации Герцен вскоре откликнулся статьями «Прокламация „Земли и воли“», «Манифест и литературный Липранди», которые были напечатаны в следующем листе «Колокола» (см. далее комментарий к ним).

УБИЙСТВО В ЯПОНИИ

Печатается по тексту *К*, л. 159 от 15 марта 1863 г., стр. 1317, где опубликовано впервые, без подписи. Автограф неизвестен.

Авторство Герцена определяется редакционным характером заметки и письмом И. С. Тургенева к Герцену от 12 февраля 1863 г. Из письма следует, что материал для этой заметки был сообщен Герцену при личной встрече Рудольфом Линдау, с которым Тургенев переслал Герцену свое письмо. «Он долго путешествовал в Японии — сообщал Тургенев, — и занят теперь сочинением, в котором опишет свои странствования. Между прочим, он тебе в прошлом году прислал ректификацию рассказа об убийстве одного русским офицером; не знаю, получил ли ты ее и поместил ли в „Колоколе“; во всяком случае его словам можно верить: он вполне честный человек» (*Письма КТГ*, стр. 178). 20 февраля 1863 г. Герцен отвечал Тургеневу: «Письмо твое от милого японца получил».

Включено в издание М. К. Лемке (*Л XVI*, 144).

С т р. 88. *В одном из давних листов «Колокола» история об убийстве японца русским морским офицером.*— Речь идет о заметке «Каков поп, таков и приход», напечатанной в *К*, л. 92 от 15 февраля 1861 г. (см. т. XV наст. изд.). В ней сообщалось о намеренном убийстве японца-лодочника гардемаринном Крашиловым за отказ перевезти его с берега на корабль во время бури.

С т р. 88—89. *На днях имели мы случай встретиться в Лондоне с путешественником, который тогда был сам в Японии...*— Рудольф Линдау приехал в Лондон около 20 февраля 1863 г. (см. выше).

Стр. 89. *Начальнику того места не был дан выкуп...*— В заметке «Какое поп, таков и приход» указывалось, что после убийства «офицеры дружески сделали складчину, собрали 690 р. и дали взятку японским чиновникам» (т. XV, стр. 248).

ПРОКЛАМАЦИЯ «ЗЕМЛИ И ВОЛИ»

Печатается по тексту К, л. 160 от 1 апреля 1863 г., стр. 1318, где опубликовано впервые, с подписью: И—р. Этой статьей открывается лист «Колокола». Автограф неизвестен.

Стр. 90. *...за мнение публицистов ∞ ссылают на каторжную работу...*— Намек на М. Л. Михайлова. О нем см. комментарий к стр. 8.

Прокламация ∞ была о Польше.— Прокламация «Льется польская кровь, льется русская кровь...» открыто защищала польское восстание как справедливую борьбу польского народа против самодержавия и провозглашала право Польши на независимость. Подчеркивая, что «с освобождением Польши связана свобода нашей страдальческой родины», прокламация призывала русских солдат и офицеров не выступать против Польши и направить оружие против общего врага — царизма. На прокламации была печать общества «Земля и воля» и пометка: «Типография общества „Земля и Воля“». Одним из составителей этой прокламации был видный деятель общества А. А. Слепцов (текст прокламации см. Л XVI, стр. 151—155).

... in partibus...— Сокращенная форма латинского выражения «in partibus infidelium» («в странах неверных»), которое прибавлялось к титулу епископов, направляемых римской церковью в страны преимущественно нехристианского вероисповедания; здесь употреблено в значении «за границей».

Холопы слова ∞ полицейские вестники ∞ навязывают их и нас изменниками России...— Имеются в виду выступления издателя «Русского вестника» М. Н. Каткова, например, его статья «Польский вопрос», исполненная клеветы на революционеров, которая была помещена в «Русском вестнике», 1863, № 1 (см. приведенные Герценом отрывки из нее — стр. 112—113 наст. тома), а также отклики на прокламацию «Льется польская кровь, льется русская кровь...», появившиеся в заграничных печатных органах, связанных с царским правительством, в частности, в «Le Nord» (об этом см. выше в заметке «Le Nord» и комментарий к ней).

В другом месте ∞ выписываем ∞ фразу из манифеста правительственной редакции.— См. в наст. томе «Манифест и литературный Липранди».

1831—1863

Печатается по тексту К, л. 160 от 1 апреля 1863 г., стр. 1318—1321; л. 161 от 15 апреля 1863 г., стр. 1327—1329; л. 163 от 15 мая 1863 г., стр. 1343—1345, где опубликовано впервые, с подписью: И—р. Автограф неизвестен.

Статья была написана вскоре после получения Герценом известия о распространении в Москве и Петербурге в марте 1863 г. прокламации «Льется польская кровь, льется русская кровь...», которую Герцен расценивал как факт большой исторической важности, как перелом в общественной жизни России (см. выше заметку «Прокламация „Земли и воли“» и комментарий к ней).

Стр. 92. «Можно ли было думать ∞ говорила его жена.— Слова леди Макбет в трагедии Шекспира «Макбет» (акт V, сцена 1). *Старик* — король Дункан, убитый Макбетом.

...не было убитого в лесу, которого тень стала бы являться на каждую пирушку.— Во время пира Макбету является тень Банко, убитого подосланными им убийцами в парке, окружающем замок (акт III, сцена 4).

Стр. 93. ...на узкую государственно-патриотическую точку зрения Карамзина.— Н. М. Карамзин в своих беседах с Александром I доказывал, что независимость Польши несовместима с величием и безопасностью Российского государства (см. N. Tourgueneff. La Russie et les russes, t. I, Paris, 1847, pp. 87—89).

Стоит вспомнить факты, рассказанные Якушкиным...— Декабрист И. Д. Якушкин в своих «Записках» рассказывает о слухах, ходивших в Петербурге в 1817 г.: «...во-первых, что царь влюблен в Польшу <...>, во-вторых, что он ненавидит Россию <...>, в-третьих, что он намеревается отторгнуть некоторые земли от России и присоединить их к Польше, <...> наконец, что он, ненавидя и презирая Россию, намерен перенести столицу свою в Варшаву» (И. Д. Якушкин и н. Заметки, статьи, письма, М., 1915, стр. 16). Отрывки из «Записок» Якушкина были первоначально напечатаны в ПЗ на 1862, кн. 7, вып. I, затем первые две части «Записок» Герцен издал отдельной книжкой в серии «Записки декабристов» (вып. I, Лондон, 1862).

...негодование М. Орлова...— Как рассказывает декабрист Н. И. Тургенев, «генерал Орлов составил нечто вроде протеста против учреждений, которые Александр только что даровал Польше, и хотел представить его императору. Он попытался даже собрать подписи нескольких генералов и других влиятельных лиц и успел некоторых склонить к этому... Когда я узнал об этом,— пишет Тургенев,— я не преминул упрекнуть Орлова в узком патриотизме, патриотизме раба, продиктованшем ему этот протест...» (см. N. Tourgueneff. La Russie et les russes, pp. 86—87).

...статью Лунина...— Имеется в виду статья М. С. Лунина «Взгляд на дела Польши». В редакционном примечании к публикации «Из воспоминаний о Луине», помещенной в К, л. 36 от 15 февраля 1859 г., сообщалось: «У нас есть письма Лунина к сестре на французском языке и статьи: „Coup d'œil sur les affaires de Pologne. 1840“ и „Aperçu sur la société occulte en Russie. 1816—1821“» (см. т. XIV наст. изд., стр. 362). Наряду с горячим сочувствием полякам, статья Лунина содержала ошибочные мысли: в частности, автор отрицал закономерный характер польского национального движения 1831 г., считая его следствием «возбуждения молодости». Эта статья была впервые опубликована в сборнике «Декабристы на каторге и в ссылке», М., 1925.

...судьбе целые армии тифом и голодом в балканских дефилеях...— Имеется в виду русско-турецкая война 1828—1829 гг.

Стр. 93—94. ...смени опасного Ермолова на Кавказе бездарным Паскевичем.— Генерал А. П. Ермолов, известный в передовых слоях русского общества своими оппозиционными настроениями, в конце марта 1827 г. был уволен в отставку; его место занял И. Ф. Паскевич.

Стр. 94. ...весть парижской революции 1830 года ∞ он Людвигову Филиппу нагрубил без всякого вызова.— После Июльской революции и вступления на престол Луи Филиппа Николай I, считая его «узурпатором», намеревался прервать дипломатические отношения с Францией, и только безуспешность попыток составить коалицию европейских держав против Франции заставила его воздержаться от этого шага. В своем ответе от 6 (18) сентября 1830 г. на официальное письмо Луи Филиппа он ограничился лишь условным признанием факта его власти, демонстративно отказавшись от соблюдения обычных форм вежливости, принятых тогда

в переписке между главами государств. Письмо Николая I было расценено французскими официальными кругами как оскорбление достоинства Франции (см. Н. К. Ш и л ь д е р. Император Николай I, его жизнь и царствование, т. II, СПб., 1903, стр. 288—305).

...Пушкин, писавший им ответ в стихах.— Имеется в виду стихотворение «Клеветникам России».

Стр. 95. ...при посещении Николаем Англии.— Николай I прибыл в Англию 31 мая 1844 г.

... времена «Очакова и покоренья Крыма».— Слова Чацкого из комедии А. С. Грибоедова «Горе от ума» (действие I, явление 5).

... времена татарских нашествий ∞ которыми ее страдал иезуитской памяти Донозо Кортес.— Реакционный политический деятель Донозо Кортес 30 января 1850 г. произнес речь в Законодательном собрании в Мадриде, в которой угрожал революционной Европе нашествием славян. Герцен намекает на то, что действия Николая I как душителя революции в Европе были бы более решительны, если бы не внутреннее революционное развитие России. О Донозо Кортесе Герцен рассказал в книге «С того берега», гл. «Донозо Кортес, маркиз Вальдегамас, и Юлиан, император римский» (см. т. VI наст. изд.).

Печерин искал спасения в католицизме...— О В. С. Печерине см. «Былое и думы», гл. «Pater V. Petcherine» (т. XI наст. изд.).

Стр. 96. ...ходившую по улицам без калабрской шляпы...— Намек на широкое распространение в итальянской провинции Калабрии бандитизма из-за крайнего обнищания населения.

Стр. 98. ...Чаадаева письмо...— «Философическое письмо» П. Я. Чаадаева было опубликовано в журнале «Телескоп», 1836, № 15. О впечатлении, произведенном на Герцена «Письмом» Чаадаева, см. гл. XXV «Былого и дум» (т. IX наст. изд.). Далее неточно цитируются отрывки из «Философического письма» Чаадаева (см. «Телескоп», 1836, № 15, стр. 282, 284—285).

Mea culpa, mea maxima culpa! — «Мой грех, мой величайший грех» (лат.) — слова католической молитвы «Confiteor».

Стр. 100. ...на отвагу Н. С. Мордвинова, державшего не только иметь, но и подавать мнение.— «Мнения» и проекты гр. Н. С. Мордвинова, подававшиеся им в Государственный совет по различным вопросам при Александре I и Николае I, расходились по рукам в многочисленных копиях и своим «либеральным» духом завоевали ему широкую известность. В этих документах, объективно преследовавших цели буржуазного развития России, намечались пути преодоления экономической отсталости страны при помощи упорядочения законов и правосудия, осуществления протекционистской политики, реформы просвещения и т. п.

...полицейские профессора, проповедующие философию рабства и пишущие доносы целой конференцией...— Намек на Б. Н. Чичерина и других профессоров Московского университета. Об их «донасах» см. комментарий к стр. 310.

Стр. 101. Педагогия противустояла даже своего рода chef d'œuvre'у— ростовцевской инструкции преподавателям военно-учебных заведений.— Имеются в виду «Наставления для преподавателей в военно-учебных заведениях» Я. И. Ростовцева. В письме к Герцену от июня 1849 г. Т. Н. Грановский писал: «Для кадетских корпусов составлены новые программы. Иезуиты позавидовали бы военному педагогу, составителю этой программы» («Звенья», VI, 1936, стр. 359). См. также в т. XIII наст. изд. статью Герцена «Черный кабинет» и комментарий к ней.

Стр. 102. ...взять охотничье ружье и бить по земле и на лету дичь крепостного права.— Намек на «Записки охотника» И. С. Тургенева.

...уже светлые звуки малороссийского напева неслись издали...— Первое издание «Кубзаря» Т. Г. Шевченко вышло в свет в 1840 г.; возможно,

что Герцен имеет здесь в виду «Вечера на хуторе близ Диканьки» и «Миргород» Гоголя.

Стр. 103. ...когда он ∞ увлекся разумностью всегосущего, он безбожанинно написал свою бородинскую статью.— Имеется в виду статья В. Г. Белинского «Бородинская годовщина» («Отечественные записки», 1839, № 10), написанная в период его увлечения идеалистической философской системой Гегеля. В ней, как и в нескольких других статьях («Очерки Бородинского сражения» — «Отечественные записки», 1839, № 12; «Менцель, критик Гёте» — «Отечественные записки», 1840, № 1), развивались идеи «примирения с действительностью».

...не могли простить двух стихотворений Пушкину...— «Клеветникам России» и «Бородинская годовщина». Оценку этим стихотворениям Герцен давал ранее в работе «О развитии революционных идей в России» (см. т. VII наст. изд., стр. 203, 220), а также в «Былом и думах», гл. XXV и XXX (см. т. IX, стр. 22, 136) и гл. «В. И. Кельсиев» (см. т. XI, стр. 329).

На Белинского многие (и я в том числе) сердились...— О теоретических спорах с Белинским осенью 1839 г. Герцен рассказывает в «Былом и думах», гл. XXV (см. т. IX наст. изд., стр. 22—23, 27—28).

...об ней и мы говорили много.— О «нравственной свободе» и «трезвости» разума как о чертах русского национального характера Герцен писал в статье «Россия» (см. т. VI наст. изд., стр. 187, 188), в книге «О развитии революционных идей в России» (см. т. VII наст. изд., стр. 182—183, 236—238) и др.

Nous sommes une immense spontanéité. ∞ Lettres à Al. Tourgueneff. — «Мы в безграничных внутренних возможностях... Русский ум — ум по преимуществу объективный». Герцен приводит строки из письма 1835 г. П. Я. Чаадаева к А. И. Тургеневу (см. «Ouvres choisies de Pierre Tchaadaïeff, publiées pour la première fois par le P. Gagarine», Paris, 1862, pp. 176, 178).

Стр. 105. ...пчелы облепили ее мантию...— Имеется в виду государственный переворот во Франции и провозглашение Наполеона III императором в 1852 г.; изображение пчел, украшавшее императорскую мантию Наполеона I, стало затем эмблемой французской империи.

Социальный Адаон не был так счастлив, как Юпитер, не увлек Европу.— Адаон — одно из библейских имен бога. Далее подразумевается древнегреческий миф о похищении Европы Зевсом (в римской мифологии — Юпитер), явившимся ей в виде белого быка (см. также Гомер. Илиада, гл. XIV, 321).

Стр. 106. Тогда-то, долго терпевши и не видя выхода, Грановский, утомленный, измученный, благословляя судьбу умершего Белинского и заводал его смерти!...— В июне 1849 г. Т. Н. Грановский писал Герцену: «Положение наше становится нестерпимее день ото дня. Всякое движение на Западе отзывается у нас новой стеснительною мерою. Доносы идут тысячами... О литературе и говорить нечего. Есть от чего сойти с ума. Благо Белинскому, умершему вовремя» («Звенья», VI, 1936, стр. 359—360).

Стр. 107. Заговора не было, но Липранди, как трюфельная ищайка, чуял его.— Чиновник особых поручений при министерстве внутренних дел И. П. Липранди, более года наблюдавший за кружком петрашевцев, представил Дубельту четыре списка лиц, «прикосновенных» к обществу. Заметки Липранди, поданные в следственную комиссию, рассматривались как важные свидетельские показания против обвиняемых.

...по «мертвым домам»...— Герцен называет сибирские остроги «мертвыми домами», имея в виду описание каторги в «Записках из Мертвого дома» Ф. М. Достоевского (1861—1862).

...флот Sir Charles Napier'a. Николай съездил посмотреть на него...— Николай I посетил Кронштадт 25 июля 1854 г. Адмирал Чарлз Непир командовал британским флотом на Балтике во время Крымской войны.

Стр. 108. «Зелена жизнь и седа наука», — говорят сами немцы... — В «Фаусте» Гёте Мефистофель говорит, обращаясь к студенту:

Grau, teurer Freund, ist alle Theorie,
Und grün des Lebens goldner Baum.

W. G o e t h e. Faust, B. I,
«Studierzimmer».

Стр. 110. *Грустно, твердо явился Михайлов пред сенатом.* — Михайлов был арестован в 1861 г. за распространение написанной совместно с Н. В. Шелгуновым прокламации «К молодому поколению». Вся вину составления прокламации Михайлов взял на себя. О его поведении перед судом см. статью Герцена «Ответы М. Л. Михайлова» (т. XVI наст. изд., стр. 93—95).

Спокойно, мужественно стояли юности — А р н г о л ь д т, С л и в и ц к и й и Р о с т к о в с к и й — перед рейтерами... — См. комментарий к стр. 8.

...в брошюре Серно-Соловьевича... — Имеется в виду брошюра Н. А. Серно-Соловьевича «Окончательное решение крестьянского вопроса», вышедшая в Берлине в 1861 г.

⟨МАНИФЕСТ И ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЛИПРАНДИ⟩

Печатается по тексту К, л. 160 от 1 апреля 1863 г., стр. 1323, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без подписи. Заглавие взято из *ОК*. Автограф неизвестен.

Включено в издание М. К. Лемке (*Л* XVI, 194—195) со следующей справкой: «Принадлежность устанавливается из письма Н. А. Герцен к брату, хранящегося в архиве семьи Герцена» (*Л* XVI, 571). Авторство Герцена подтверждается прямой ссылкой в примечании к статье «Прокламация „Земли и воли“» на данную заметку (см. наст. том, стр. 90), связью с другими статьями Герцена, направленными против Каткова, и некоторыми стилистическими особенностями.

Стр. 112. *...правительствующая редакция «Русского вестника» напечатала манифест к родственному нам народу польскому.* — Цитата из передовой статьи, предназначавшейся М. Н. Катковым для «Московских ведомостей», № 39 от 21 февраля 1863 г., но задержанной цензурой. Она была затем опубликована в «Русском вестнике», 1863, № 1, стр. 483—488, как дополнение к напечатанной перед ней его же статье «Польский вопрос».

Каков наш Мазаниелло! — Герцен иронически сравнивает казенно-патриотические заявления Каткова с революционными манифестами вождя народного восстания в Неаполе в 1647 г. Мазаниелло.

Вот образчик жандармской литературы к из III отделения «Русского вестника»... — Далее Герцен цитирует отрывки из статьи «Польский вопрос», напечатанной в «Русском вестнике», 1863, № 1, стр. 471—482.

⟨ГРАФ НОСТИЦ⟩

Печатается по тексту К, л. 160 от 1 апреля 1863 г., стр. 1323, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без заглавия и подписи. Заглавие взято из *ОК*. Автограф неизвестен.

Авторство Герцена определяется идейно-тематической и стилистической близостью заметки ко всем другим его выступлениям, посвященным событиям в Польше. О «викториях» генерал-майора Ностица Герцен упоминал также в статье «Чего они так испугались?» (см. наст. том,

стр. 138). Для стиля Герцена характерен иронический подтекст в упоминании о неудачах «храбрых русских генералов»: говоря о «несчастьях», преследующих в Польше, «с Дибича начиная», и «храброго Рамзая», и «цветущего Ламберта», и графа Ностица, Герцен намекает на результаты их борьбы с польским национально-освободительным движением (см. реальный комментарий).

В издании М. К. Лемке отнесено к разряду *Dubia* (*Л XVI*, 196).

Стр. 114. *Граф Ностиц* *расстроил свое здоровье* *получил увольнение от командования отрядом.*— Герцен иронически излагает содержание приказа № 71 от 27 февраля 1863 г. по войскам виленского военного округа об увольнении гр. Ностица с выражением ему «глубочайшей благодарности за все действия во время командования отрядом». Приказ был напечатан в газете «Русский инвалид», № 53 от 8 марта 1863 г. Однако подлинной причиной его отставки была безуспешность его борьбы с повстанцами в Брестском и Пинском уездах (в частности, с отрядом Рогинского).

Как несчастия преследуют в Польше храбрых русских генералов, с Дибича начиная.— Генерал-фельдмаршал Дибич, который командовал русской армией, подавлявшей польское восстание 1830—1831 г., 29 мая 1831 г. умер от холеры.

...удар паралича сразил храброго Рамзая.— Генерал-адъютант Рамзай командовал войсками варшавского округа в начальный период восстания 1863 г. и выполнял функции помощника главнокомандующего вел. князя Константина Николаевича. Указом Александра II от 17 (29) марта 1863 г. он был заменен генералом Ф. Ф. Бергом (см. стр. 129, 138 наст. тома и комментарий к ним).

...цветущий Ламберт расстроил свое здоровье и здоровье Герштенцвейга.— В августе 1861 г. гр. К. К. Ламберт был назначен наместником Царства Польского. Генерал А. Д. Герштенцвейг в это время был военным генерал-губернатором Варшавы. Их правление ознаменовалось новым подъемом массовых демонстраций и выступлений в Польше. По вопросу о методах управления Царством Польским между Ламбертом и Герштенцвейгом возникли разногласия, завершившиеся «американской дуэлью» между ними, по условиям которой один из них по жребию должен был покончить с собой. 5 (17) октября 1861 г. Ламберт телеграфировал Александру II: «Ген.-ад. Герштенцвейг застрелился утром в 7 час., умирает. Болезнь моя так усиливается, что ненадежен. Ради бога, пришлите тотчас кого-нибудь на наши места» («Русская старина», 1883, № 2, стр. 348).

КРЕСТЬЯНЕ-ДЕМАГОГИ

Печатается по тексту *К*, л. 160 от 1 апреля 1863 г., стр. 1324, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без подписи. Автограф неизвестен.

Авторство Герцена определяется на основании содержания заметки (обработкой иностранной прессы, а тем более полемикой с ней, занимался в «Колоколе» обычно Герцен). О принадлежности заметки Герцену свидетельствует также упоминание о Вятке.

Включено в издание М. К. Лемке (*Л XVI*, 197).

В настоящем издании в текст внесено следующее исправление:

Стр. 114, строка 17: чего-нибудь вместо: что-нибудь

Стр. 114. *...«Северн. почта» объявила высоч. повеление, чтоб указ о крестьянах-демагогах 1861 года остался во всей силе*

в 1863.— Положение «О наказании лиц, виновных в подстрекательстве крестьян к неповиновению и беспорядкам» было утверждено Александром II 1 июня 1861 г. По этому положению, подозреваемые в подстрекательстве «мещане, крестьяне и вообще лица податных состояний, а также разночинцы и отставные солдаты» подлежали административной высылке «из мест жительства в другие губернии» даже в случае недостатка улики для их судебного обвинения (см. «Крестьянское движение 1827—1869 гг.», М., 1931, вып. II, стр. 19, 158). Положение было установлено на 1861 г., но затем ежегодно, до 1865 г., следовали специальные высочайшие повеления о продлении срока его действия. «Северная почта» (№ 39) 19 февраля 1863 г. в заметке «О подстрекателях крестьян к беспорядкам» сообщала, что 30 января Александр II утвердил указ о продолжении действия правил 1861 г. об удалении подстрекателей — на 1863 г.

«Норд» заметил, что указа о крестьянах-демагогах никогда не существовало.— Герцен иронически передает содержание «Resumé», помещенного в разделе «Partie politique» газеты «Le Nord», № 73 от 14 марта 1863 г. (подпись: *Pergameni*). Автор статьи писал: «Такого указа не существует, как не существует в России и крестьян-демагогов. Речь идет о распоряжениях против подстрекателей к беспорядкам, крикунов и распространителей ложных слухов в общинах. Продолжать их действия дают основания не донесения губернаторов с мест, а попытки революционных пропагандистов...»

...*paisans kochetans*... — крестьяне-коштань; коштанями называли на востоке европейской России ходатаев по мирским делам, ходочков, коноводов на сходках; коштанить — сводить счета с чиновниками.

КОМАНДИР БРАНДЕНБУРГСКОГО КИРАСИРСКОГО РЕГИМЕНТА

Печатается по тексту *К*, л. 160 от 1 апреля 1863 г., стр. 1324, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без подписи. Автограф неизвестен.

Авторство Герцена определяется тематической связью заметки с другими статьями Герцена, в которых он иронизировал по поводу родственных отношений Александра II с прусским королем Вильгельмом I (см. в наст. томе «Die Geschicklichkeit ist mit einer Ökonomie verbunden» и комментарий к ней). О принадлежности Герцену свидетельствует и стиль заметки (в частности, ироническое словоупотребление: «император aller Reußen»).

Включено в издание М. К. Лемке (*Л* XVI, 197).

Стр. 115. *Обристом этого regimenta король-дядя назначил императора aller Reußen.*— Герцен называет Александра II «императором aller Reußen» по аналогии с титулом его дяди Вильгельма I (*der König aller Preußen* — король всей Пруссии). *Der Oberst* — полковник; *das Regiment* — полк (нем.).

... *неаполитанский король*...— Фердинанд II.

ВОЗВРАЩЕНИЕ Е. И. В. ГЛАВНОКОМАНДУЮЩЕГО ДЕЙСТВУЮЩЕЙ АРМИЕЙ В ВАРШАВУ

Печатается по тексту *К*, л. 160 от 1 апреля 1863 г., стр. 1324, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без подписи. Автограф неизвестен.

Включено в издание М. К. Лемке (*Л XVI*, 197—198) со следующей справкой: «Принадлежность ясна из пометки Чернецкого» (*Л XVI*, 571).

Авторство Герцена подтверждается идейно-тематической связью заметки с другими его статьями, посвященными вел. князю Константину Николаевичу (см. комментарий к заметке «Александровская конституция и павловское время», наст. том, стр. 378).

Заключительные строки — о существовании при русском дворе «немецкой партии военного деспотизма, неограниченного самодержавия, ритертума, юнкертума, педантства и доктринаризма», ведущей свое начало еще со времени Петра I, — переключаются с подобными же высказываниями Герцена в статье «Русские немцы и немецкие русские» (см. об этом в комментарии к заметке «Немцы и не-немцы в Зимнем дворце», наст. том, стр. 379). В статьях Герцена неоднократно встречается использованная в заметке форма для обозначения прибалтийских немцев: «кур-, эст- и лифляндские Шульцы и Миллеры» (ср. в статье «Чего они так испугались?»: «кур-, эст- и лифляндские русские» — наст. том, стр. 138; в статье «М. А. Бакунин»: «Кур-, Эст- и Лифляндия» — т. XVI наст. изд., стр. 18).

ГРАФИНЯ ХРЕБТОВИЧЕВА И АРХИЕРЕЙ ФЕЛИНСКИЙ

Печатается по тексту *К*, л. 160 от 1 апреля 1863 г., стр. 1324, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без подписи. Автограф неизвестен.

Включено в издание М. К. Лемке (*Л XVI*, 198) со следующей справкой: «Принадлежность ясна из пометки Чернецкого» (*Л XVI*, 571).

Авторство Герцена подтверждается идейно-тематической близостью заметки к другим его статьям, характеризующим подробности политической борьбы в Польше. Об архiereе Фелинском Герцен также писал в статье «Чего они так испугались?» (см. наст. том, стр. 138).

Стр. 116. *Какое-то письмо гр. Хребтовичевой ∞ попало великому князю — отсюда ∞ удаление.* — Гр. М. И. Хребтович был управляющим двором наместника Царства Польского вел. князя Константина Николаевича. В марте 1863 г. он был вынужден оставить эту должность.

...и Фелинский не хочет оставаться в «совете нечестивых». — В марте 1863 г. варшавский архиепископ З. Фелинский подал прошение об освобождении его от обязанностей члена Государственного совета Царства Польского и обратился к Александру II с письмом, в котором заявлял, что учреждения, «дарованные» Польше, недостаточны и умиротворение в Польше наступит лишь тогда, когда ей будет предоставлена полная политическая и национальная независимость. В июне 1863 г. Фелинский был выслан в Ярославль.

ПОБЕДЫ НА ПОЛЕ ТЕЛЕГРАФА (КАК ВЫРАЗИЛСЯ «DAILY TELEGRAPH»)

Печатается по тексту *К*, л. 160 от 1 апреля 1863 г., стр. 1324, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без подписи. Автограф неизвестен.

Включено в издание М. К. Лемке (*Л XVI*, 198—199) со следующей справкой: «Принадлежность ясна из пометки Чернецкого» (*Л XVI*, 571).

Авторство Герцена подтверждается тематикой заметки (события в восставшей Польше) и характерными для него особенностями стиля (ироническое изложение газетных материалов, каламбурный заголовок).

Стр. 116. «Инвалид» *извещает, что 11 марта Падлевский убит.*— О разгроме отряда З. Падлевского численностью в 1500 человек и гибели его самого 27 февраля (11 марта) 1863 г. писалось во многих русских газетах (см., например, корреспонденцию под заголовком «В Плоцком военном отделе» в газете «Русский инвалид», № 54 от 9 марта 1863 г., телеграмму из Варшавы в газете «Наше время», № 48 от 5 марта 1863 г.). Сведения эти оказались ложными, и уже 19 марта газета «Наше время» (№ 60) в телеграмме из Варшавы сообщала о дальнейших действиях «шайки Падлевского». З. Падлевский был взят в плен 10 (22) апреля 1863 г. и 3 (15) мая по приговору военного суда расстрелян в Плоцке. Об этом см. далее в наст. томе статьи «С. Падлевский», «Россиада», «Виселицы и журналы», а также письма Герцена к дочерям и М. Мейзенбуг от 23 мая и к сыну Александру от 25 мая 1863 г.

«Le Nord» ∞ прибавляет, что покойник ∞ на другой день напал на русских.— О мнимой гибели З. Падлевского 11 марта 1863 г. сообщалось в телеграмме из Варшавы, напечатанной в газете «Le Nord», № 76 от 17 марта 1863 г. Более подробные сведения об этом бое содержались в выписке из «Официальной газеты Царства Польского», напечатанной в «Le Nord», № 78 от 19 марта. В том же номере была помещена телеграмма из Кракова, рассказывавшая о новом столкновении 12 марта 1863 г. русских войск с отрядом повстанцев, возглавляемым Падлевским.

Шайки ∞ соединились (по телеграмму, помещенному в «Le Nord») от отчаяния в 6000 войска...— О соединении отрядов повстанцев в шеститысячное войско под командованием М. Лянговича в лагере у местечка Скала сообщалось в «Le Nord», № 73 от 14 марта 1863 г.

Стр. 116—117. *Не даром «Сев. пчела» 2/14 марта говорит ∞ употребляют энергические меры против людей, уже давно смирившихся.*— Герцен приводит строки из передовой статьи газеты «Северная пчела», № 58 от 2 марта 1863 г., в которой автор, касаясь по другому поводу выступлений принца Наполеона по польскому вопросу и его «ораторских талантов», сравнивает его речи с живыми донесениями сардинских проконсулов в Неаполе.

Стр. 117. *Двое из шпионов захвачены, говорят газеты.*— В телеграмме из Кракова от 24 марта 1863 г., помещенной 26 марта в газете «Le Nord» (№ 85), сообщалось: «Здесь полиция задержала двух русских шпионов».

РАЗВРАТ ВОЙНЫ

Печатается по тексту *К*, л. 160 от 1 апреля 1863 г., стр. 1324, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без подписи. Автограф неизвестен.

Включено в издание М. К. Лемке (*Л XVI*, 199) со следующей справкой: «Принадлежность ясна из пометки Чернецкого» (*Л XVI*, 571).

Авторство Герцена подтверждается непосредственной идейно-тематической и стилистической связью заметки с опубликованной в следующем листе «Колокола» статьей Герцена «Русские офицеры в рядах инсургентов», где он упоминал о русских солдатах, «исполнявших свой долг, слепо веря в присягу, но исполнивших его *без восторга*, о котором говорит „Инвалид“» (наст. том, стр. 121—122).

Цитируемыми в заметке строками начиналась корреспонденция «Отрывок из письма из Вильно», напечатанная в «Русском инвалиде», № 89 от 3 марта 1863 г.

БЕДНОЕ РУССКОЕ ИМЯ

Печатается по тексту *К*, л. 160 от 1 апреля 1863 г., стр. 1325, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без подписи. Автограф неизвестен.

Включено в издание М. К. Лемке (*Л XVI*, 199—200) со следующей справкой: «Принадлежность устанавливается пометкой Чернецкого» (*Л XVI*, 572).

Авторство Герцена подтверждается редакционным характером заметки («Мы получили из Парижа письмо...») и ее идейно-тематической связью со статьей Герцена «Плач», в которой, рассказывая об аналогичном эпизоде, происшедшем с ним в 1848 г. в Италии, Герцен писал: «и через пятнадцать лет я снова, идя по улице, боюсь, чтоб не узнали, что я русский...» (наст. том, стр. 69).

Стр. 117. ...на бале в Прадо...— Prado — танцевальный зал в Париже.

Стр. 118. ...Мабиле.— Mabilles— увеселительное заведение в Париже.

<РУССКИЕ ПОСЛАННИКИ>

Печатается по тексту *К*, л. 160 от 1 апреля 1863 г., стр. 1325, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без подписи. Заглавие взято из *ОК*. Автограф неизвестен.

Включено в издание М. К. Лемке (*Л XVI*, 200) со следующей справкой: «Принадлежность устанавливается пометкой Чернецкого» (*Л XVI*, 572).

Авторство Герцена подтверждается содержанием и стилистическими особенностями заметки. Характерно для Герцена определение русских посланников, как «немцев в должности русских представителей», упоминание об Австрии, которая и «капли польской крови не берет в рот» (об отношении Австрии к польскому вопросу см. в наст. томе, на стр. 62—63 и 375). Типичны для стиля Герцена каламбур об «инвалидных мнениях» «Московских ведомостей» (ср. в статье Герцена «Русские офицеры в рядах ишургентов»: «Кстати к грабжам и разбою — интересно посмотреть, какими инвалидными средствами правительство опровергнет отвратительную историю...» и т. д.— см. наст. том, стр. 121) и концовка заметки.

Стр. 118. ...принц Наполеон излагает мысли, нисколько не похожие на инвалидные мнения «Московских ведомостей»...— Почти все слои французского общества относились к польскому восстанию сочувственно. Даже представители официальных кругов, преследуя свои корыстные политические цели, заявляли о симпатиях к польским повстанцам. Двоюродный брат Наполеона III принц Жозеф Наполеон, лелея авантюристические планы перекройки политической карты Европы, поддерживал отношения с польскими повстанцами и высказывался за независимость Польши.

...папа показывает к а т о л и ч е с к и е пристрастия.— Римский папа Пий IX, вначале осудивший польское восстание, по мере усиления «пропольских» выступлений западных держав и присоединения к восстанию «белых», объединивших крупных польских помещиков, крупную буржуазию и высшее духовенство, стал выступать в защиту восставшей Польши. Вслед за нотами западных держав, 10 апреля 1863 г. Пий IX обратился с письмом к Александру II, в котором требовал «справдлив-

вности и благожелательности» для Польши, а также расширения прав католической церкви в России.

Стр. 118—119. *Австрия ∞ капли польской крови не берет в рот.*— См. статью «Преступления в Польше», стр. 62 наст. тома и комментарий к ней.

Стр. 119. *И только ты, Пруссия ∞ одна останешься п е т е р б у р г е р - т р е й...*— Герцен имеет в виду союз России и Пруссии и заключенную ими для борьбы с польскими повстанцами так называемую Альвенслебенскую конвенцию (см. «...И Россия», «Земля и воля» и комментарий к ним); *peterburger treu* — верная Петербургу (нем.).

...т в о я камера ходит ∞ поправлять папеньку страны ∞ с днем тезоименитства.— Герцен иронически характеризует трусливое поведение членов прусской палаты представителей в период конституционного конфликта 1862—1863 гг. Либерально-буржуазное большинство ландтага отказало в сентябре 1862 г. правительству в кредитах на усиление и реорганизацию армии. Правительство Бисмарка, однако, не считаясь с бюджетными правами парламента, проводило в жизнь военную реформу. 22 января 1863 г. палата представителей приняла решение вручить королю Вильгельму I адрес с требованием смены министерства, нарушающего конституцию, однако король отказался принять депутацию с адресом. 23 марта 1863 г. палата представителей направила к Вильгельму I депутацию во главе с президентом палаты В. Грабовым для принесения верно-подданических поздравлений по случаю его дня рождения

А. А. ПОТЕБНЯ

Печатается по тексту *К*, л. 161 от 15 апреля 1863 г., стр. 1326, где опубликовано впервые, без подписи. Этим некрологом открывается лист «Колокола». Автограф неизвестен.

Включено в издание М. К. Лемке (*Л* XVI, 209) со следующей справкой: «Принадлежность устанавливается письмом сына Герцена к старшей сестре» (*Л* XVI, 572).

Авторство Герцена подтверждается почти дословным совпадением текста заметки с его письмом от 14 апреля 1863 г. к редактору газеты «Opinion National» — Владиславу Мицкевичу, которого Герцен просил опубликовать извещение о гибели Потепни в его газете.

Оценка, данная в некрологе А. А. Потепле, близка к тому, что писал о нем Герцен в «Былом и думах»: «Осенью 1862 явился на несколько дней в Лондон Потепня. Грустный, чистый, беззаветно отдавшийся урагану, он приезжал поговорить с нами от себя и от товарищей и — все-таки идти своей дорогой» (т. XI наст. изд., стр. 365). Интересно, что в «Былом и думах», как и в некрологе, говорится, что Потепня был «убит в сражении у Песковой горы» (см. т. XI наст. изд., стр. 547). В статье же Огарева «Надгробное слово», посвященной памяти Потепни и опубликованной в следующем листе «Колокола», говорилось: «В одной из схваток у Песочной Скалы он был убит» (*К*, л. 162 от 1 мая 1863 г., стр. 1334).

В заметке «А. А. Потепня» (*К*, л. 163 от 15 мая 1863 г., стр. 1348) сохранилась поправка к статьям Герцена и Огарева. В ней, на основе сообщения из «Gazeta Narodowa», указывалось, что «А. Потепня (...) погиб не при Песочной Скале (как было сказано в „Колоколе“), а в известном ночном нападении на кладбище при Скале».

Стр. 120. *Наш близкий друг Андрей Афанасьевич Потепня ∞ убит в сражении у Песковой Скалы.*— Один из руководителей революционной организации русских офицеров в Царстве Польском, созданной в конце 1861 — начале 1862 г., подпоручик А. А. Потепня испытал силь-

ное идейное влияние Герцена и был хорошо знаком с ним лично. 7 июня 1862 г. он писал Герцену: «...мы настолько сблизились с патриотами польскими, что во всяком случае примем п р я м о е участие в близком восстании Польши (<...> теперь войско, квартирующее в Варшаве, стоит на такой ноге, что готово драться с своими, если б они вздумали идти против поляков» (отрывки из этого письма были приведены в статье Н. П. Огарева «Надгробное слово», *К*, л. 162 от 1 мая 1863 г.). Этому решению Потебня остался верен до последних дней своей жизни. Возвратившись в середине февраля 1863 г. из Лондона, где он встречался с Герценом, Потебня направился в лагерь повстанцев, возглавлявшихся ставленником «белых» М. Ляпгевичем. В ночь с 4 на 5 марта 1863 г. Потебня принял участие в сражении с царскими войсками у местечка Скала и, смертельно раненный, вскоре умер. См. в «Былом и думах» ряд страниц, рисующих облик революционера Потебни (т. XI наст. изд., стр. 365, 368, 372—373).

В следующ. листе мы поговорим об нем.— В следующем, 162 листе «Колокола» от 1 мая 1863 г. была напечатана статья Н. П. Огарева «Надгробное слово», посвященная памяти Потебни.

РУССКИЕ ОФИЦЕРЫ В РЯДАХ ИНСУРГЕНТОВ

Печатается по тексту *К*, л. 161 от 15 апреля 1863 г., стр. 1326—1327, где опубликовано впервые, с подписью: *И — р.* Автограф неизвестен.

Стр. 121. *П о д л о ж н ы й а д р е с о ф и ц е р о в ∞ о к а з ы в а е т с я н а с т о я щ и м.*— Об офицерском адресе вел. князю Константину Николаевичу см. в наст. томе статьи «Официальный контрадрес», «По делу адреса офицеров», «История адреса и контрадреса продолжается» и др., а также комментарии к ним.

К о р р е с п о н д е н т «Геймса» (3 апреля), говоря о двух русских братьях Рыковых ∞ прибавляет ∞ во всяком случае их много.— Герцен цитирует корреспонденцию из Кракова, опубликованную под рубрикой «The polish insurrection» в газете «The Times», № 24523 от 3 апреля 1863 г. Сведения о переходе многих русских офицеров в ряды восставших он получил и непосредственно из Польши. 7 апреля 1863 г. Герцен писал В. О. Ковалевскому в связи с его проектом «составления русского легиона»: «Офицеров много готовых для этого предприятия: из 3-го округа нас извещают, что, кроме Рыковых, много других уже ушло в польские отряды. Во всяком случае, мы согласны помогать». В конспиративном списке членов комитета русских офицеров в Польше, сохранившемся в записной книжке Огарева, значится фамилия штабс-капитана 7-го стрелкового батальона 2-й пехотной дивизии Рыка (см. *ЛН*, т. 61, стр. 516). Можно предположить, что он и явился одним из руководителей повстанческих отрядов в Литве. Подпоручик 18 стрелкового батальона Антоний Рык, вместе с братом И. Рыком, был арестован в марте 1863 г. и заключен в Петропавловскую крепость по «Мариенгаузскому делу» (в связи с обнаружением на мызе Мариенгауз Люцинского уезда Витебской губ. склада оружия и продовольствия для польских повстанцев, а также типографии общества «Земля и воля»).

...в деле русских офицеров в стану восставших.— В ряды повстанцев вступило большинство членов военной организации «Земли и воли» в Польше. Кроме ее руководителя А. А. Потебни, в польских повстанческих отрядах мужественно сражались русские офицеры М. Подхалозин, М. Безкишкин, Я. Левкин, Никифоров и другие. Участие 40 офицеров войск Царства Польского» в польском восстании признано было и официальной русской печатью (см. редакционную статью в «Северной почте».

№ 221 от 10 октября 1863 г., стр. 902). О присоединившихся к восставшим русским офицерах Герцен писал также в статьях «Преступления в Польше», «А. А. Потемня», «Россиада», «Вольский и Маркевич» (см. наст. том), а также в «Письме к Гарибальди» (см. т. XVIII наст. изд.) и других статьях.

...отвратительную историю с английским купцом Ф и н к е н ш т е й н о м ∞ в «Теймсе» и других журналах.— В упомянутой выше корреспонденции из Кракова газеты «The Times» сообщалось также об ограблении казаками в марте 1863 г. английского купца Финкенштейна, направлявшегося из Кракова в Мехов.

Стр. 121—122. ...б е з в о с т о р г а, о котором говорит «Инвалид»...— Герцен подражает корреспонденцию «Русского инвалида» «Отрывок из письма из Вильно», о которой он писал ранее в заметке «Разврат войны» (см. стр. 117 наст. тома).

Стр. 122. ...сердобольных друзей, умиляющихся над долготерпением «христоролюбивого воинства, два года оскорбляемого поляками».— Имеется в виду редакционная статья в газете «Русский инвалид», № 58 от 14 марта 1863 г., в которой была сделана попытка оправдать жестокость царских войск.

...осмеливались петь гимны, несмотря на хрулевские пули...— См. комментарий к стр. 10.

...не верьте, когда они говорят ∞ вы стоите за общенародное, русское дело».— Герцен перефразирует слова М. Н. Каткова из передовой статьи, напечатанной в «Московских ведомостях», № 53 от 9 марта 1863 г., стр. 2.

...молодые офицеры ∞ стараются всеми силами удерживать солдат от гребезжа и убийства...— См. об этом в статье «„День“ и „Колокол“» и заметке «Домбровский и Мехеда» (стр. 227, 311 наст. тома).

Стр. 123. ...православный Мерод— Милютин ∞ настойчиво предпобывает ∞ чтоб не было сближения между офицерами и солдатами.— Герцен иронически сравнивает военного министра Д. А. Милютина с папским военным министром гр. К. де Меродом. О циркуляре Милютина см. комментарий к стр. 11 наст. тома.

ЗАРНИЦА СОВЕСТИ

Печатается по тексту К, л. 161 от 15 апреля 1863 г., стр. 1331—1332, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без подписи. Автограф неизвестен.

Авторство Герцена определяется редакционным характером заметки («Мы почти обрадовались, увидя в правительственном органе...», «Мы не верим в вечные падения...») и ее идейно-тематической близостью к статьям и заметкам Герцена, направленным против русской реакционной прессы, особенно «Московских ведомостей» Каткова, полемику с которым вел в «Колоколе» сам Герцен (см. в наст. томе: «Донос или не донос?», «Наглое злоупотребление полицейского слова», «Бессословность в Москве», «Манифест и литературный Липранди» и др.). Принадлежность заметки Герцену подтверждается также ее стилем, в частности сатирической оценкой газеты Каткова как «литературного III отделения» (ср. «И каков литературный Липранди? Вот образчик жандармской литературы, обещанный нами, из III отделения „Русского вестника“» — наст. том, стр. 112).

В издании М. К. Лемке отнесено к разряду Dubia (Л XVI, 212).

Стр. 124. Вот отрывки из ∞ лепета проснувшейся совести...— Герцен далее цитирует в отрывках передовую статью М. Н. Каткова в «Московских ведомостях», № 65 от 23 марта 1863 г.

СТРАННЫЕ ИГРЫ СЛУЧАЙНОСТИ

Печатается по тексту *К*, л. 161 от 15 апреля 1863 г., стр. 1332, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без подписи. В *ОК* озаглавлено: «Игры случайности». Автограф неизвестен.

Авторство Герцена определяется на том основании, что заметка является прямым ответом на выпад «Московских ведомостей» против Герцена, и подтверждается текстуальным совпадением со статьей «Чего они так испугались?», продолжающей полемику с «Московскими ведомостями»: «... еще меньше нам дела до витийства *хамов или космополитов* казенной науки, до этой нечистоты, разведенной со времен Тредьяковского в университетских зелях» (см. наст. том, стр. 142). Строки: «Нам не случилось встречать врагов церкви больше страстных, как аббат Ламенне, демократов больше искренних и простодушных, как графа Станислава Ворцеля и Дефлота, родившихся в высшей аристократии» — текстуально близки признанию Герцена в статье «Ответ Гарибальди» (т. XVIII наст. изд.): «Революция 48 года показала нам, что самые открытые и последовательные демократы — те, которые по роду и воспитанию принадлежали к высшей аристократии, как Дефлот, как граф Ворцель».

О Станиславе Ворцеле см. в «Былом и думах» (т. XI наст. изд., глава «Польские выходцы», ч. VI).

Включено в издание М. К. Лемке (*Л* XVI, 213).

В настоящем издании в текст внесено следующее исправление:

Стр. 125, строка 28—29: привилегий вместо: привилегией.

Стр. 125. ... *Хамы ∞ делаются страшными Иафетами, отчаянными Симами и наоборот.* — Используя библейский рассказ о сыновьях Ноя — «непочтительном» Хаме и «почтительных» Симе и Иафете (Бытие, IX, 20—24), Герцен намекает на ренегатство либералов в период реакции 1862—1863 гг., в частности редактора «Московских ведомостей» М. Н. Каткова, который из либерала-конституционалиста превратился в одного из самых рьяных защитников самодержавия.

STA, BORUSSIA!

Печатается по тексту *К*, л. 161 от 15 апреля 1863 г., стр. 1332, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без подписи. Автограф неизвестен.

Авторство Герцена устанавливается непосредственной связью заметки со статьей «Преступления в Польше <Печален наш удел...>» (см. раздел IV — «Лучше поздно, чем никогда», где выражено то же отношение Герцена к позиции Австрии в польском вопросе, стр. 62—63 наст. тома) и с заметкой «Французский гут, австрийский гут, а прусский гутее» (см. наст. том, стр. 37), в которой также говорилось о выдаче Пруссией польских повстанцев русскому правительству. О принадлежности Герцену свидетельствует и характерная для его публицистики памфлетная форма заметки, ее резкая направленность против Пруссии — «страны-дяди», помощь которой царскому правительству в его борьбе против польского восстания постоянно разоблачалась Герценом (ср. в статье «Преступления в Польше»: «С одной стороны героизм до безрассудства <...> С другой — властолюбивый каприз <...> сила и *прусская помощь*»; «Но клепать на народ, героически поднявшийся и бросивший перчатку такой силе, так же мало рыцарски, как при первом выстреле броситься к прусскому дяденьке с криком: „Караул, караул, helfen Sie mir, Onkelchen“» — наст. том, стр. 57 и 60).

В издании М. К. Лемке отнесено к разряду *Dubia* (*Л* XVI, 214).

Стр. 126. *Sta, Borussia!* — «Стой, Боруссия!». *Borussia* — новолатинское название Пруссии.

Heil dir im Siegeskranz! — «Слава тебе в венке победителя!» — начальная строка прусского национального гимна.

... *страна-дядя!* — См. комментарий к стр. 37.

... *поляка, другого, но в ы б о р у, выдать ∞ на казнь...* — Об этом см. в наст. томе заметки «Французский гут, австрийский гут, а прусский гутее» и «Schinderknecht».

АСТРОНОМ-НАБЛЮДАТЕЛЬ И МИССИОНЕР ХОТИНСКИЙ

Печатается по тексту *R*, л. 161 от 15 апреля 1863 г., стр. 1333, где опубликовано впервые, в отделе «Смсь», с подписью: *Издатели «Жолокола»*. Автограф неизвестен.

Герцен неоднократно выступал со статьями, разоблачающими шпионскую деятельность М. Хотинского, и при этом постоянно иронизировал над «учеными поручениями» «астронома-наблюдателя», над «ученым корреспондентом потаповского заведения» (см. в наст. томе: «To the editor of „The Daily News“», «Г-н М. Хотинский и III отделение» и заметки «Графиня Антонина Блудова и Матфей Хотинский», «Чрезвычайное собрание минералогического общества» — в т. XVIII наст. изд.). В статье «Действительный статский советник и кавалер М. С. Хотинский», написанной в связи со смертью М. Хотинского, Герцен вспоминал о комментируемой заметке (см. т. XIX наст. изд.).

Заметка была написана после публичного объяснения Герцена с М. С. Хотинским по поводу полученного из Петербурга письма о связях последнего с III отделением. Объяснение произошло 10 апреля 1863 г. на квартире кн. П. В. Долгорукова. Этот эпизод Герцен впоследствии описал подробно в статье «Действительный статский советник и кавалер М. С. Хотинский» (см. т. XIX наст. изд.). О нем же рассказывает Герцен в письме к дочери Наталии от 11 апреля 1863 г.: «Вчера мы ходили на охоту, — Ага <Огарев>, кн. Долгоруков, Саша <А. А. Герцен>, Тхорж <евский> и Жуковский — и затравили действит. стат. советника, старика-литератора и профессора, который познакомился с нами и оказался шпионом. Я ему прочел письмо, Ага — правоучение, а Долгоруков выгнал его вон, и он пошел». Об этом же событии сообщает Герцен в письме к И. С. Тургеневу от 11 апреля и в совместном с Н. П. Огаревым письме к М. А. Бакунину от 21 апреля 1863 г. Во время объяснения Герцен предупредил Хотинского, что, в случае неудовлетворительности его оправданий, поместит сообщение в печати о его миссии. Подобное сообщение появилось также в «Листке», № 6 за май 1863 г., где Долгоруков описывал бесплодные попытки Хотинского разведать, «с кем русские эмигранты находятся в сношениях в России и какими путями идут сношения», а далее упоминал о неприятном для Хотинского объяснении, после которого он покинул Лондон. О дальнейших эпизодах борьбы с поисками этого шпиона см. в настоящем томе открытое письмо Герцена «Издателю „The Daily News“» и заметку «Г-н М. Хотинский и III отделение».

Стр. 127. «Сведения, которые нам случалось получать этим путем, всегда оправдывались». — В статье «Действительный статский советник и кавалер М. С. Хотинский» (см. т. XIX наст. изд.) Герцен рассказывает, что те же корреспонденты своевременно предостерегли его, например, относительно Г. Михаловского, продавца книжного магазина Трюбнера, оказывавшегося шпионом (о Г. Михаловском см. также заметку «От изда-

теля» — т. XIII наст. изд., стр. 49 и «Былое и думы» — т. XI наст. изд., стр. 379—381).

Какой-то действительный статский советник и кавалер М. Хотинский в самом деле проживает в Лондоне и занимается разными наблюдениями.— Ученый химик и астроном М. С. Хотинский приехал в Лондон в феврале 1863 г. В названной выше статье 1866 г. рассказано о его знакомстве с Герценом, неловких попытках войти в доверие к нему, о посещениях им Герцена в феврале — марте 1863 г.

Предоставляя г. Хотинскому все средства подтвердить или опровергнуть официальность своего учебного поручения...— Хотинский не ответил тогда на это предложение и не попытался опровергнуть обвинение. Лишь после вторичного разоблачения в июне 1863 г. (см. «Издателю „The Daily News“») он написал оправдательное письмо в «Колокол», опубликованное в составе статьи Герцена «Г-н М. Хотинский и III отделение» (см. стр. 189—190).

... постараемся следовать его миссионер-наблюдателя рекомендовать английскому народу.— Это обещание Герцен впоследствии исполнил относительно того же М. С. Хотинского в его второй приезд в Лондон в мае — июне 1863 г., напечатав в английских газетах объявление об его полицейской миссии.

... обстоятельства, впрочем, к тесному знакомству именно теперь хороши.— Герцен намекает на рост негодования английской общественности против зверств царского правительства в Польше. Так, 4 апреля 1863 г. он писал А. Сохновскому: «Англичане потеряли равнодушие, и польский вопрос им важнее американского; кажется, будку российского посольства они разнесут». 17 марта 1863 г. в лондонской ратуше состоялся митинг в защиту Польши. См. также в наст. томе заметку «Hyde Park и запрещенный митинг».

К ЛЕТОПИСЯМ ПЕТЕРБУРГСКОГО ШПИОНСТВА

Печатается по тексту К, л. 161 от 15 апреля 1863 г., стр. 1333, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без подписи. В ОК озаглавлено: «К летописям русского шпионства». Автограф неизвестен.

Авторство Герцена определяется идейно-тематической и стилистической близостью заметки к другим его статьям, посвященным польским событиям и разоблачению «министра от просвещения, поневоле немножко жандарма» А. В. Головина (см. в т. XVI наст. изд.: «Ah, les misérables!», «Валуев и Головин» и др.). О «напутственном концерте, данном почтенному предшественнику Головина Путятину в Гейдельберге», Герцен писал в 1862 г. в заметках «Новая победа Путятина», «Немцы не были» (см. т. XVI наст. изд.). Характерно для Герцена использование изречения Гиппократа: «Quae medicamentae non sanant — ferrum sanat...» (ср. в статье «Молодая и старая Россия» — т. XVI наст. изд., стр. 204). Типичны для стилистической манеры Герцена каламбур: «от частных приставов до публичных женщин» и упоминание «дыбы преображенского застенка» в связи с оценкой деятельности русского императора (ср. в статье «Первое мая»: «... он <царь> умеет из весеннего торжества сделать пир преображенского застенка» — наст. том, стр. 136).

В издании М. К. Лемке отнесено к разряду Dubia (Л XVI, 215—216).

Стр. 127. Слух ∞ подтверждается самим «Нордом».— Об убийстве повстанцами двух шпионов на улицах Варшавы сообщалось в телеграмме из Берлина, напечатанной в «Le Nord», № 88 от 29 марта 1863 г.

«С.-Пб. ведомости» от 11/23 марта сообщают ∞ фамилии этих несчастных: Михальская, Хмилевская и Доброногий.— Герцен цитирует

с сокращениями часть корреспонденции Н. Берга, напечатанной в «С.-Петербургских ведомостях», № 61 от 16 (28) марта 1863 г., стр. 254, под заглавием «Варшавские письма. XIII». Курсив в цитате принадлежит Герцену. Обращая внимание на фамилию сестры милосердия — Доброногий, — Герцен сравнивает ее с фамилией Елизаветы Воробей, крепостной Собакевича, которую тот включил в список «мертвых душ» мужского пола (см. Н. В. Г о г о л ь. «Мертвые души», том I, гл. VII).

Стр. 128. *Quae medicamentne non sanant — ferrum sanat...* — Первая часть изречения Гиппократ: «*Quae medicamentac non sanant, ferrum sanat; quae ferrum non sanat, ignis sanat*» («Что не излечивается лекарствами, излечивается железом, что не излечивается железом, излечивается огнем» — лат.).

У императора моего обителей много... — Перефразировка свангельского выражения: «В доме отца моего обителей много» (см. евангелие от Иоанна, XIV, 2).

... дыбы преображенского застенка... — Созданный Петром I преображенский приказ с 1702 г. ведал следствием по политическим делам.

... квадратика на полу Третьего отделения... — Герцен имеет в виду слухи о существовании в одной из комнат III отделения тайных люков.

... nitrate d'argent. — Герцен использует двойной смысл этих слов, подразумевая и яд, и подкуп: *nitrate d'argent* — ляпис; одновременно *argent* — серебро, деньги (франц.).

... молодых людей, участвовавших в напутственном концерте предшественнику Головинина Путятину в Гейдельберге. — Члены гейдельбергской колонии русских студентов осvistали в 1862 г. приехавшего в Гейдельберг бывшего министра народного просвещения графа Е. В. Путятина (см. выше текстологический комментарий).

HYDE PARK И ЗАПРЕЩЕННЫЙ МИТИНГ

Печатается по тексту К, л. 161 от 15 апреля 1863 г., стр. 1333, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без подписи. В ОК озаглавлено: «Митинг в Hyde Park'е». Автограф неизвестен.

Включено в издание М. К. Лемке (Л XVI, 217) со следующей справкой: «Принадлежность ясна из пометки Огарева на чистом экземпляре <„Колокола“>» (Л XVI, 572).

Авторство Герцена подтверждается редакционным характером содержащегося в заметке отклика на запрещение митинга в Hyde Park'е («Мы не знаем, кто сзывал этот митинг...»), а также неожиданным переходом к повествованию от первого лица («не знаю, многому ли научили Константина Николаевича два лондонских полисмена...»), которое в неподписанных редакционных статьях допускал в «Колоколе» только Герцен.

Стр. 129. *...побойщ между английскими гарибальдийцами и ирландскими п и и т а м и...* — 29 августа 1862 г. при попытке освободить Рим от папской власти Гарибальди был ранен в столкновении с войсками итальянского правительства под Аспромонте и арестован. 5 октября на митинге в Гайд-парке произошло кровавое столкновение между сторонниками Гарибальди, преимущественно рабочими, и напавшими на них ирландскими католиками-напистами (см. Лу и Б л а н. Письма об Англии, т. 2, СПб., 1866, стр. 187—190).

... назначение Берга в какие-то адлатус'ы... — телохранители (лат.). 17 (29) марта 1863 г. был подписан Александром II указ о назначении гр. Ф. Ф. Берга помощником заместника Царства Польского вел. князя Константина Николаевича в его должности главнокомандующего войсками в Польше. 4 апреля Берг выехал в Варшаву (см. коррес-

понденцию и. Петербурга в газете «Le Nord», № 102 от 12 апреля 1863 г., отдел «Russie»). Назначение генерала Берга, выразившее решимость Александра II перейти к жестокому усмирению восстания военной силой, было для Герцена свидетельством усиления реакционного курса политики царизма. Он писал И. С. Тургеневу 11 апреля 1863 г. в связи с вызовом последнего в Россию по требованию следственной комиссии кн. А. Ф. Голицына: «Туда ехать теперь небезопасно: Berg... генерал — auf» («Bergauf» — означает одновременно «в гору»). См. об этом также в наст. томе «Александр Николаевич пошел в горы», «Чего они так испугались?», «Абрамович и Келлер».

... о расстройстве умственных способностей прусского короля... — Намекая на помешательство прусского короля Фридриха Вильгельма IV, в последние годы жизни (1857—1861) не участвовавшего в управлении государством, Герцен одновременно пронизирует по поводу реакционной политики правительства Вильгельма I в период польского восстания.

«WARD JACKSON»

Печатается по тексту *К*, л. 161 от 15 апреля 1863 г., стр. 1333, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без подписи. Автограф неизвестен.

Авторство Герцена определяется идейно-тематической связью заметки с главой «Былого и дум» — «Пароход „Ward Jackson“ R. Weatherley & Co» (ч. VII, см. т. XI наст. изд., стр. 378—390).

24 марта 1863 г. Герцен писал своим дочерям об этой экспедиции: «В субботу отплыл пароход с целым легионом поляков отсюда, под начальством полковника Лапинского, который уж воевал на Кавказе. Старики и мальчики — Сиротский из типогр. и старик, который носил корректуру <...>, — все поехало, несколько французов — одного поместил Бокэ, несколько итальянцев. Все это в полном вооружении, с пушками, штуцерами и револьверами. Мы провожали их. Минута отъезда по железной дороге была торжественна. Они поехали с особым train». 6 апреля 1863 г. Герцен сообщал тем же адресатам о провале экспедиции.

В заметке использованы, в частности, некоторые факты, сообщенные М. А. Бакуниным в письме от 31 марта 1863 г. (см. «Письма М. А. Бакунина к А. И. Герцену и Н. П. Огареву», Женева, 1896, стр. 110—117).

Включено в издание М. К. Лемке (*Л* XVI, 217—218).

Стр. 130. *Пароход „Ward Jackson“* находится в Мальме. — Пароход «Ward Jackson» вышел из Англии 21 марта 1863 г. В Копенгагене английский капитан и его команда отказались вести пароход дальше. Напаятая здесь датская команда привела 30 марта пароход в шведский порт Мальме, где он был интернирован (см. также сообщение В. Тренина «Полковник Лапинский и его мемуары» — *ЛН*, т. 41—42, стр. 558—560).

МЕЖДУ МОЛНИЕЙ И ГРОМОМ

Печатается по тексту *К*, л. 162 от 1 мая 1863 г., стр. 1333¹, где опубликовано впервые, без подписи. Этой статьей открывается лист «Колокола». Автограф неизвестен.

¹ Страница 1333 повторяется в комплекте «Колокола» дважды. Последняя страница л. 161 также была обозначена 1333-й.

Авторство Герцена определяется на основании его писем этого времени, полных предчувствий «новой войны» (см. ниже комментарий).

Включено в издание М. К. Лемке (Л XVI, 235).

С начала восстания в Польше Герцен предостерегал польских революционеров от необоснованных надежд на помощь европейских государств (см. выше «Франко-русский союз», «Resurgit!», «Французский гут, австрийский гут, а прусский гутее», «Вспомогательное французское войско в Польше» и другие статьи). Однако в апреле 1863 г., в связи с выступлениями демократической общественности на Западе в защиту Польши (о них см. выше «Great Western», «Hyde Park и запрещенный митинг», а также письмо к А. Сохновскому от 4 апреля 1863 г.), перед Герценом встал вопрос о реальной возможности европейской войны. Размышления о подобной перспективе содержатся, в частности, в письме Герцена к польскому эмигранту И. Пиотровскому от 12 апреля 1863 г.: «Англия ершится, и весь народ за вас; политике Пальмерстона несдобровать». Ожидания возможной «новой войны» в лондонском окружении Герцена сказались также в письме его сына Александра к А. Пипо от 3 мая 1863 г. (см. ЛН, т. 64, стр. 774—775).

Напряженное ожидание, чем разрешится дипломатический демарш Англии, Франции и Австрии против России, сомнение, служат ли ультиматумы этих держав от 5 (17) апреля с угрозами царскому правительству «молнией», предвещающей «грозу», «серьезную бурю», или только «зарницей», нашли отражение и в переписке Герцена этой поры (см. письма его к дочерям от 20 и 27 апреля, к Н. Д. от 23 апреля, письма к Н. П. Огареву и М. А. Бакунину от 29 апреля 1863 г.).

Ответная нота Горчакова от 14 (26) апреля 1863 г. и дальнейшее бездействие западных держав, выступления которых определялись не действительным их желанием помочь восставшей Польше, а главным образом интересами борьбы этих держав против русско-прусского сближения, их стремлением изолировать Россию на международном арене, скоро подтвердили сомнения Герцена. В дальнейшем он еще резче разоблачает своекорыстие буржуазных правительств в польском вопросе (см. статьи «Первое мая», «Чего они так испугались?», «Польский мартиролог», «Виллафранка перед Солферино», «В этапе», «В вечность грядущему 1863 году» и комментарии к ним).

ПЕТЕРБУРГСКИЙ «ГОЛОС» И БАЛТИЙСКАЯ БОЛТОВНЯ О ЦЕНТРАЛЬНОМ КОМИТЕТЕ

Печатается по тексту К, л. 162 от 1 мая 1863 г., стр. 1339, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без подписи. В ОК озаглавлено: «Болтовня о Центральном Комитете». Автограф неизвестен.

Авторство Герцена определяется идейно-тематической связью заметки с другими статьями и заметками Герцена, посвященными польским событиям. О принадлежности Герцену свидетельствует также форма первого лица («Я, с своей стороны, то же думаю»), которую в неподписанных статьях употреблял в «Колоколе» только Герцен, и стилистические особенности заметки (каламбурный заголовок, ироническая концовка).

Включено в издание М. К. Лемке (Л XVI, 236).

Стр. 132. «Голос» выписывает из «Ostsee-Zeitung» ∞ им удалось, до настоящего времени, сохранить анонимность общества». — Герцен цитирует в сокращении корреспонденцию газеты «Ostseezeitung», перепеча-

танную в газете «Голос», № 72 от 25 марта 1863 г. в отделе «Известия о Польше», под рубрикой «Иностранная почта».

Стр. 133. ... *члены-то другие, если не все ∞ Вот сюрприз-то будет!* — Представитель революционно-демократического крыла партии «красных» С. Бобровский играл видную роль в польском Центральном национальном комитете, являясь его членом с 3 января до середины февраля 1863 г., когда, в знак протеста против назначения Л. Мерославского военным диктатором восстания, он вышел из комитета, оставаясь, однако, на посту военного руководителя варшавской городской организации; в начале апреля 1863 г. погиб на дуэли с познанским аристократом гр. А. Грабовским. Л. Марчевский и приверженцы Мерославского В. Иеско и В. Данилевский также входили в состав Центрального национального комитета в начальный период восстания, но к марту 1863 г. выбыли из числа действующих руководителей повстанческой организации (Марчевский был арестован, Иеско и Данилевский после разгрома отряда Мерославского эмигрировали) и были заменены в Центральном комитете другими деятелями.

ПРОКЛАМАЦИЯ

Печатается по тексту К, л. 162 от 1 мая 1863 г., стр. 1339, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без подписи. Автограф неизвестен.

Включено в издание М. К. Лемке (Л XVI, 237—238) со следующей справкой: «Принадлежность устанавливается по указанию А. А. Слепцова» (Л XVI, 573). Авторство Герцена подтверждается польской тематикой заметки, а также характерным для Герцена ироническим замечанием о царской цензуре, которая *«и не одобряет и не дозволяет»*.

Стр. 133. *«Инвалид» ∞ разбирает!* прокламацию «предводителей инсургентов», напечатанную в «Daily News», называя ее «замечательным документом». — Манифесту, напечатанному в газете «Daily News» 4 апреля 1863 г. (авторов его установить не удалось), была посвящена редакционная статья в Иностранном отделе «Русского инвалида», № 71 от 30 марта (11 апреля) 1863 г.

... в стране, где цензура и не одобряет и не дозволяет. — Намек на повеление Александра II от 1 марта 1863 г. об изменении формулировки цензурного разрешения книг к печати. На это повеление Герцен откликнулся заметкой «К свободе книгопечатания в России», помещенной в «Колоколе» непосредственно вслед за настоящей заметкой (см. далее).

И. Цверцякевич ∞ давно покончил с «замечательным документом». — 7 апреля 1863 г. в «Daily News» было опубликовано заявление И. Цверцякевича о том, что напечатанный в этой газете манифест не исходит от Центрального национального комитета. Затем 15 апреля в «Колоколе» было помещено редакционное заявление о протесте Цверцякевича против «диссертации» «какого-то польского комитета», выдаваемой за «манифест Народного правительства» (см. «Польский манифест в „Daily News“», стр. 312 наст. тома).

К СВОБОДЕ КНИГОПЕЧАТАНИЯ В РОССИИ

Печатается по тексту К, л. 162 от 1 мая 1863 г., стр. 1339, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без подписи. Автограф неизвестен.

Авторство Герцена определяется непосредственной связью с заметкой «Прокламация». Вступительные строки («Для пояснения различия, сде-

ланного нами выше между одобрением и дозволением...) иронически продолжают печатую в заметке «Прокламация» тему о введенном в цензуре различии между «одобрением» и «дозволением».

Включено в издание М. К. Лемке (*Л* XVI, 238).

В настоящем издании в текст внесено следующее исправление:

Стр. 133, строка 20: «С. почта» вместо: «С. пч.».

Стр. 133... *перепечатаваем из «Северной почты» ∞ улучшение цензуры...*— Приводимое Герценом повеление Александра II от 1 марта 1863 г. было напечатано в «Северной почте», № 73 от 5 апреля 1863 г. Оно вызвано было неудобством, с которым столкнулись судебные инстанции во время процессов Н. А. Серпо-Соловьевича, Д. И. Писарева, Н. Г. Чернышевского и других публицистов-демократов: обвинения против них фабриковались большею частью на основе их печатных выступлений, одобренных в свое время цензурой. В частности, в «Кратком отчете по делам высочайше утверждепной в Санкт-Петербурге следственной комиссии 1862—1871 гг.» Чернышевскому инкриминировалась проповедь «крайних демократических и коммунистических идей, найденных в примечаниях к переводу „Политической экономии“ Милля и особливо в романе „Что делать?“» (см. В. Б о г у ч а р с к и й. Общественное движение 60-х годов под пером его казенных исследователей.— «Голос минувшего», 1915, № 4, стр. 207).

«ЗАПИСКИ ДЕКАБРИСТОВ» И СОЧИНЕНИЯ М. МИХАЙЛОВА

Печатается по тексту *К*, л. 162 от 1 мая 1863 г., стр. 1340, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», с подписью: *И — р.* Автограф неизвестен.

Стр. 134. *Цель обоих изданий известна.*— Целью издания сочинений Михайлова, предпринятого в 1862 г. в Берлине, была помощь томящемуся на каторге поэту (см. об этом в заметке «Стихотворения Михайлова» — т. XVI наст. изд.). Об издании «Записок декабристов» см. в комментариях к заявлению «От издателей» и к заметке «Личное объяснение» (стр. 355, 430 наст. тома).

I, II и III выпуски «Записок» вышли.— «Записки декабристов. Выпуск первый. Записки И. Д. Якушкина» вышли из печати в середине декабря 1862 г. (см. объявление в «Общем вечае», № 7 от 15 декабря 1862 г., стр. 44); «Записки декабристов, выпуск второй и третий» вышли в свет около 1 мая 1863 г., что видно из настоящей заметки, впервые упоминающей об их появлении. Туда вошли: «Записки князя Трубецкого», «Разбор донесения тайпой следственной комиссии государю императору в 1826 г.» Никиты Муравьева и Лунина, «Четырнадцатое декабря» И. Пущина и др.

Г-н Трюбнер взял почти все издание.— См. об этом также в наст. томе заметку «Личное объяснение».

«ВСЕОБЩИЙ ДНЕВНИК» И «МОСКОВСКИЕ ВЕДОМОСТИ»

Печатается по тексту *К*, л. 162 от 1 мая 1863 г., стр. 1340, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без заглавия и подписи. Заглавие взято из *ОК*. Автограф неизвестен.

Авторство Герцена определяется на основании идейно-тематической и стилистической близости заметки к другим статьям и заметкам Герцена,

разоблачающим политику русского царизма в Польше и ту позицию, которую занимала в оценке этой политики газета М. Н. Каткова «Московские ведомости». О принадлежности заметки Герцену свидетельствует употребление формы первого лица, а также ироническое предложение о присуждении «монтионовской премии» шпиону Хотинскому (см. комментарий к заметке «Астроном-наблюдатель и миссионер Хотинский» — стр. 402 наст. тома).

Включено в издание М. К. Лемке (*Л XVI, 238—239*).

Стр. 134—135. ... «во „Всеобщем дневнике“ объявлено ∞ Хорошо будет там влияние этих юношей. ∞ Им будут поклоняться товарищи, а может быть, и начальники» («*Мос. вед.*»).— Герцен цитирует отрывок корреспонденции «Из Царства Польского», помещенной в «Московских ведомостях», № 68 от 28 марта 1863 г., стр. 3. В ней излагалось и комментировалось распоряжение гражданской администрации Царства Польского, опубликованное в газете «*Dziennik Powszechny*», № 32 от 30 января (11 февраля) 1863 г.

Стр. 135. ... *Монтионовскую премию в нынешнем году за скромную добродетель*...— Французским филантропом бароном А. де Монтионом была учреждена в 1780 г. при Парижской академии ежегодная премия за добродетель (*prix de vertu*).

... *прусскому королю*.— Иронический намек на помощь правительства Вильгельма I Александру II в подавлении польского восстания. ... *действие. ст. сов. и кав. М. Хотинскому*.— См. о нем в наст. томе «Астроном-наблюдатель и миссионер Хотинский», «Издателю» „*The Daily News*“, «Г-н М. Хотинский и III отделение».

... «В церквах стали слышаться возмутительные проповеди ∞ служители алтаря могут явно проповедовать восстание».— Приводится отрывок заметки, напечатанной под рубрикой «Польские дела» в «Московских ведомостях», № 67 от 27 марта 1863 г.

АЛЕКСАНДР НИКОЛАЕВИЧ ПОШЕЛ В ГОРЫ

Печатается по тексту *К*, л. 162 от 1 мая 1863 г., стр. 1340, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без подписи. Автограф неизвестен.

Авторство Герцена определяется на основании идейно-тематической и стилистической близости заметки к статье «Русские немцы и немецкие русские», где, говоря о господстве «немцев при России», Герцен называет среди них «двуипостасных Адлербергов (*filiusque*)». «Выше этих гор и орлов ничего нет...» — иронически замечает Герцен, имея в виду русский перевод немецкой фамилии *Adlerberg* (см. т. XIV наст. изд., стр. 148 и 149). Настоящая заметка построена на том же каламбуре. Перечисляя фамилии лиц из ближайшего окружения Александра II (Берг, Будберг, Адлерберг), Герцен сатирически заостряет заметку, используя в ее заглавии русское значение немецкого слова «*Berg*» — гора.

Характерно для Герцена каламбурное использование немецкой поговорки «*Da stehen die Ochsen am Berge*» (ср. в заметке «Берг, магистры и телеграф» — т. XIV наст. изд., стр. 293, а также использование этой поговорки в русском переводе в «Концах и началах» — см. т. XVI наст. изд., стр. 180).

В издании М. К. Лемке отнесено к разряду *Dubia* (*Л XVI, 239*).

Стр. 135. *Лучший генерал у него Б е р г...*— См. комментарий к стр. 129.

... *лучший дипломат — Б у д б е р г...*— О нем см. в наст. томе заметки «Франко-русский союз», «*Surtout pas trop de zèle, Mr Budberg*», «Г-н Будберг» и комментарии к ним.

Da stehen die Ochsen am Berge.— Каламбурным применением немецкой поговорки, означающей безвыходность положения (буквально: «Уперлись быки в гору»; «Ochse» означает одновременно: «бык» и «болван»), Герцен выражает мысль о тупике, в который зашла самодержавная власть со своей реакционно-пруссаческой политикой.

ПЕРВОЕ МАЯ

Печатается по тексту *К*, л. 163 от 15 мая 1863 г., стр. 1341, где опубликовано впервые, с подписью: *И — р.* Этой статьей открывается лист «Колокола». Автограф неизвестен.

Стр. 136. ...*правительство наше празднует первое мая в Польше.*— Манифест, подписанный Александром II 31 марта 1863 г., обещал «полное и совершенное прощение» тем польским повстанцам, которые «сложат оружие и возвратятся к долгу повиновения до 1/13 мая 1863 г.» (см. «Московские ведомости», № 74 от 4 апреля 1863 г.). После 1 мая репрессии в отношении участников восстания были усилены.

Благословенна судьба твоя, друг и брат Потебня! — См. выше некролог «А. А. Потебня».

...пир преображенного застенка...— См. комментарий к стр. 128.

Стр. 137. *И он идет, несчастный alter ego, морской Пилат.*— Герцен сравнивает вел. князя Константина Николаевича с римским правителем Иудеи Понтием Пилатом, который, по библейской легенде, допустил казнь Иисуса Христа, умыв при этом руки в знак своей непричастности к ней (см. евангелие от Матфея, гл. XXVII, 24—26). Об отъезде Константина Николаевича из Варшавы см. в заметке «Варшава утешена!» (стр. 275 наст. тома).

Поседеет как Мария-Антуанетта в ночь своего путешествия из Варена?— Французская королева Мария-Антуанетта вместе с Людовиком XVI и семьей бежала в июне 1791 г. из революционного Парижа, но в Варене была задержана и возвращена в Париж.

И Маркграбий исчезает...— Маркиз А. Велёпольский в это время фактически был уже отстранен от управления Царством Польским (см. комментарий к стр. 138).

И Европа допустит? — спрашивали мы в феврале.— См. выше статью «Resurrexit!».

ЧЕГО ОНИ ТАК ИСПУГАЛИСЬ?

Печатается по тексту *К*, л. 163 от 15 мая 1863 г., стр. 1341—1343, где опубликовано впервые, с подписью: *И—р.* Автограф неизвестен.

Стр. 138. *Адресы, панихиды, молебны от кур-,^гэст- и лифляндских русских от старшин Рогожского кладбища и от школяров кладбища науки, называемого московским университетом.*— О верноподданных адресах на имя Александра II в связи с польским восстанием и нотами европейских держав от 5 апреля 1863 г. см. далее в наст. томе «Россиаду» и комментарий к ней. Еще ранее в Москве происходили инспирированные властями панихиды по убитым в Польше солдатам (см. передовую статью в «Московских ведомостях», № 67 от 27 марта 1863 г.), а 22 марта в петербургском дворянском собрании был принят предложенный Н. А. Безобразовым верноподданныческий адрес на имя Александра II (текст адреса напечатан в «Московских ведомостях», № 68 от 28 марта 1863 г.). Особенно широкий характер эта кампания приобрела в связи с празднованием 17 апреля 1863 г. дня рождения царя, сопровождавшимся

молебными в Петербурге и на Красной площади в Москве, депутациями к царю от дворян Петербургской и Московской губерний, Московской городской думы, временнообязанных крестьян, старообрядцев Рогожского и Преображенского согласий, от Московского университета (адресы опубликованы в прибавлении к «Московским ведомостям», № 82 от 17 апреля 1863 г.). Одним из первых выразили также свою преданность престолу во всеподданнейшем письме дворяне Прибалтийских губерний (см. «Наше время», № 78 от 23 апреля 1863 г.).

... наши «молодцы солдатъ» ∞ уничтожают по несколько р а з? — Об этом см. выше — «Победы на поле телеграфа». Солдаты русской армии в Польше были названы «молодцами» в благодарственной телеграмме Александра II вел. князю Константину Николаевичу (см. комментарий к стр. 311 наст. тома).

... замену Бергом одной половины Константина Николаевича, Велёпольского и архиепископа Фелинского? — В связи с переходом правительства к политике военной диктатуры в Царстве Польском и назначением гр. Ф. Ф. Берга помощником главнокомандующего войсками в нем (см. комментарий к стр. 129) функции гражданского управления в Польше сводились к нулю. Маркиз А. Велёпольский 3 апреля 1863 г. подал прошение об отставке с поста начальника гражданского управления в Царстве и вице-председателя Государственного совета; с начала июня он, получив отпуск, уехал за границу, а в конце августа 1863 г. последовал высочайший рескрипт об его увольнении. О З. Фелинском см. также выше заметку «Графиня Хребтовичева и архиепископ Фелинский» и комментарий к ней.

Цепная Пруссия бежит на веревке по всей познанской границе... — См. комментарий к стр. 53.

Стр. 139. ... концертами, в которых последнюю ноту поет Горчаков. — О дипломатических нотах Англии, Австрии и Франции русскому правительству по польскому вопросу и ответной ноте А. М. Горчакова см. в комментарии на стр. 406 наст. тома.

... рекрутским набором ∞ набором слов, выданным под ироническим названием амнистии 31 марта. — См. комментарии к статьям «Expiatio!» и «Первое мая».

... покойник Ростопчин бежит с зажженной спичкой по Москве... — О Ф. В. Ростопчине в связи с московскими пожарами, начавшимися 2 сентября 1812 г., Герцен писал ранее в «Былом и думах» (см. т. VIII наст. изд., стр. 18) и в статье «Русские немцы и немецкие русские» (см. т. XIV наст. изд., стр. 178).

Стр. 140. ... призывать в Зимний дворец двух генерал-губернаторов, одного декана и одного ректора, дворянских предводителей ∞ чтоб государь прочел им свою антикритику и возражение на статьи «Opinion Nationale» или «Daily News». — Имеется в виду речь Александра II во время торжественного приема в Зимнем дворце по случаю дня его рождения 17 апреля 1863 г. На приеме присутствовали петербургский военный генерал-губернатор А. А. Суворов, московский военный генерал-губернатор П. А. Тучков, ректор Московского университета С. И. Баршев и другие лица. Обращаясь к ним, Александр II сказал: «Враги наши надеялись найти нас разъединенными, но они ошиблись. При одной мысли об угрожающей нам опасности все сословия земли Русской соединились вокруг престола» (см. «Наше время», № 76 от 20 апреля 1863 г.). Либеральные газеты «Opinion Nationale» и «The Daily News» занимали в период восстания 1863 г. пропольскую позицию.

... в Швеции хорошо приняли Чарторижского. — В. Чарторыйский приехал в Стокгольм в конце мая 1863 г., был принят королем и вел переговоры с официальными лицами о помощи Польше.

Стр. 140—141. «Хотим ли мы удовлетворить нынешним притяза-

ниями скоро покончит с польским восстанием» («Моск. вед.», 20 апр.).— Первый абзац цитаты взят из передовой статьи М. Н. Каткова в «Московских ведомостях», № 83 от 19 апреля 1863 г., посвященной верноподданническим адресам на имя Александра II в связи с нотами западных держав по польскому вопросу. Второй и третий абзацы цитаты взяты из передовой статьи «Московских ведомостей», № 84 от 20 апреля 1863 г., в которой М. Н. Катков анализирует ноты европейских держав.

Стр. 141. ... *Père Duchesne III отделения!* — Герцен иронически сравнивает «Московские ведомости» с органом левых якобинцев газетой Ж. Эбера «Le père Duchesne» (1791—1794), требовавшей усиления революционного террора (см. также стр. 298 наст. тома).

... ирония поручика Жеребятникова ∞ еще ему, крепче сироте,— ха, ха... — Герцен излагает эпизод глумления поручика Жеребятникова над арестантом, рассказанный в «Записках из мертвого дома» Ф. М. Достоевского (часть II, глава 2).

... не проповедовал английского парламентаризма, свободы печати, уважения к личности.— Намек на М. Н. Каткова (см. комментарий к стр. 62).

Стр. 142. ... он понесет с усердием свою охапку дров, чтоб лучше разжечь мученический костер... — По легенде, во время казни Яна Гуса одна верующая старушка подложила в костер принесенную ею охапку дров. Гус, видя это, воскликнул: «О, святая простота!».

... ха м о в о л и к о с м о п о л и т о в ... — См. выше заметку «Странные игры случайности» (стр. 125—126) и комментарий к ней.

Ниже ученых и журналистов никто не падает ∞ император Александр Шатобриану.— Этот эпизод описан Герценом в гл. XXX «Былого и дум» (см. т. IX наст. изд., стр. 137).

... Московский университет ∞ у подножия трона... — Адрес на имя Александра II от профессоров Московского университета был составлен С. М. Соловьевым.

ДОНОС НА «СПБ. ВЕДОМОСТИ»

Печатается по тексту К, л. 163 от 15 мая 1863 г., стр. 1345—1346, где опубликовано впервые, с подписью: И—р. Автограф неизвестен.

Стр. 143. ... и мы не особенно щадили полицейски-литературную шваль III отделения... — См., например, статьи «Журналисты и террористы» (т. XVI наст. изд.), «Донос или не донос?», «Преступления в Польше <Печален наш удел...>», «Манифест и литературный Липранди», «Чего они так испугались?»

... «Московские ведомости» ∞ д о н о с я т н а т о, ч т о «П е т е р б у р г с к и е в е д о м о с т и» (т. е. В а л е н т и н К о р ш) не горяч в патриотизме... — Герцен имеет в виду передовую статью в «Московских ведомостях», № 86 от 23 апреля 1863 г., где говорилось: «...И вот русский патриотизм упрекают в кровожадности, упрекают не французские или немецкие газеты, а „С.-Петербургские ведомости“, газета российская». Речь шла о передовой статье «СПб. ведомостей», № 86 от 20 апреля 1863 г., автор которой писал: «Что было бы толку, если бы все русские публицисты соединили свои голоса в одном неистовом, кровожадном крике, зывая к истребительной, неумолимой, крайней политике?» Очень скоро, однако, «С.-Петербургские ведомости» заняли ту же казенно-патриотическую позицию в польском вопросе (см. в наст. томе статью «Россиада»).

... В. Корш — л и ч н ы й в р а г Каткова, бывший издатель «Московских ведомостей», брат Е. Корша, бывшего создателя «Русского вестника». — В. Ф. Корш в 1856 г. сменил М. Н. Каткова на посту редак-

тора «Московских ведомостей». Каткову удалось вновь взять в свои руки газету лишь с 1863 г., когда она была превращена в частное издание и сдана ему в аренду. С этого же времени В. Ф. Корш стал издателем и редактором «С.-Петербургских ведомостей» (1863—1874). Е. Ф. Корш был соиздателем и членом редакции «Русского вестника» в 1856—1857 гг., до разрыва с Катковым.

...в *Потаницу*...— III отделение, управляющим которого был тогда генерал-адъютант А. Л. Потанов.

...восторженный юноша ∞ прирежет немца Коцебу...— Речь идет об убийстве немецким студентом Карлом Зандом в 1819 г. немецкого реакционного писателя А. Коцебу, тайного агента русского правительства.

...жене пенсию ∞ невидимая рука казнит Минишевского.— 2 мая 1863 г. по приговору революционного польского правительства был казнен журналист И. Минишевский, печатавший в варшавской газете «Dziennik Powszechny» изменнические статьи по заказу царского правительства (см. также в наст. томе статью «Плач о Минишевском» и комментарий к ней). Вдове Минишевского была назначена ежегодная пенсия в 1000 руб.

Стр. 143—144. Кто не оплакивал непреклонной Агари ∞ под кровом брачного ложа ∞ благоговением к просветительной силе австрийского жандарма.— Имеется в виду разрыв Е. Ф. Корша с М. Н. Катковым в 1857 г. и основание первым журнала «Атеней» (1858—1859). Герцен иронически пользуется библейской легендой, согласно которой патриарх Авраам, по наущению жены Сарры, удалил из дома рабыню-наложницу Агарь, и она, поселившись в Аравийской пустыне, родила сына Исмаила (см. Бытие, гл. XXI).

«Атеней» был одним из первых либеральных органов, повернувших от либерализма к открытому союзу с полицейско-самодержавной властью. О Б. Н. Чичерине, который проповедовал на страницах «Атеней» доктрину бюрократической централизации, Герцен писал в «Былом и думах», что он, будучи «почитателем французского демократического строя», «в императорстве видит воспитание народа» и утверждает «идол государства с царем наверху и палачом внизу» (т. IX наст. изд., стр. 249, 253).

Tempora mutantur...— Первая часть латинского афоризма «Tempora mutantur et nos mutanur in illis» («Времена меняются и мы меняемся с ними»).

Стр. 144. ... было время ∞ Катков посетил нас в Лондоне...— М. Н. Катков ездил в Лондон в 1859 г. О своем посещении Герцена он упоминает в «Заметке для издателя „Колокола“, напечатанной в «Русском вестнике», 1862, № 6. В «Былом и думах» Герцен передает оценку Катковым «Колокола» при этом посещении: «„Колокол“ — власть», — говорил мне в Лондоне, horribile dictu, Катков и прибавил, что он у Ростовцева лежит на столе для справок по крестьянскому вопросу...» (т. XI наст. изд., стр. 300).

... акт этот он называет ∞ «пилигримствованием к вольноотпущенным сумасшедшего дома».— Герцен цитирует передовую статью «Московских ведомостей», № 86 от 23 апреля 1863 г.¶

КАКОЕ ПРАВЛЕНИЕ В РОССИИ?

печатается по тексту К, л. 163 от 15 мая 1863 г., стр. 1347, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без подписи. Автограф неизвестен.

Авторство Герцена определяется на основании идейно-тематических и стилистических особенностей заметки. Написанная на материале газеты «Morning Post», заметка полемически направлена против редактора «Московских ведомостей» Каткова и тематически примыкает к статьям Герцена, в которых он выступал с критикой его позиции (см. в наст. томе: «Донос или не донос?», «Наглое злоупотребление полицейского

слова», «Бессословность в Москве», «Манифест и литературный Липранди», «Зарница совести» и др.).

Характеристика Крткива («Начальник „Москов. вед.“ „тем себя прославил“, что он по Гнейсту и по другим немцам проповедовал (<...>) английскую конституцию, английский суд (<...>)» переключается со следующим местом из статьи Герцена «Виселицы и журналы»: «Не очень, видно, далеко образованная Россия убежала перед правительством? Ни французский язык в былые времена, ни берлинская философия, ни Англия по Гнейсту ничего не сделали» и т. д. (см. наст. том, стр. 236).

О принадлежности заметки Герцену свидетельствует и иронический стиль, в котором она написана (в особенности, риторические вопросы в начале заметки, каламбур: «забывать незабвенного» и т. д.).

В издании М. К. Лемке отнесено к разряду *Dubia* (*Л XVI*, 253—254).

Стр. 145. «*Morning Post*» вдруг ∞ объявляет, что правительство в России деспотическое.— Речь идет о передовой статье, напечатанной в газете «*Morning Post*», № 27865 от 9 апреля 1863 г.

Если офицеров расстреливали — это не деспотизм, это Лидерс.— Намек на расстрел офицеров И. Н. Арнольда, П. М. Сливцова, Ф. Ростковского 16 июня 1862 г. по приговору командующего армией в Польше генерал-адъютанта гр. А. Н. Лидерса (подробнее об этом см. выше статью «MDCCLXIII» и комментарий к ней).

Справедливо говорит начальник «*Москов. вед.*» ∞ наш образ правления деспотическим.— Герцен цитирует передовую статью «Московских ведомостей», от 5 апреля 1863 г., посвященную полемике с «*Morning Post*».

ПЕТЕРБУРГ

Печатается по тексту *K*, л. 163 от 15 мая 1863 г., стр. 1348, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без подписи. Автограф неизвестен.

Включено в издание М. К. Лемке (*Л XVI*, 255) со следующей справкой: «Принадлежность устанавливается по имени адресата приведенной корреспонденции, хранящейся в архиве семьи Герцена» (*Л XVI*, 574).

Авторство Герцена подтверждается редакционным характером заметки («Мы только что получили „Свободу“, «Мы прибавим к этому...»), а также содержащимися в ней ссылками на иностранную прессу, которую обычно обрабатывал для «Колокола» сам Герцен.

Стр. 146. ... о какой-то тайной прокламации ∞ о первом листе журнала «Свобода» ∞ напечатан в следующей листе.— Как указывал М. К. Лемке, в это время в Петербурге распространялась прокламация Огарева «Всеми народу русскому, крестьянскому от людей ему преданных поклон и грамота», которая была отпечатана в марте 1863 г. в Бернской типографии В. И. Бакста и направлена в Россию «южным путем», через В. И. Кельсиева (см. *Л XVI*, стр. 255—259). Листок «Свобода», № 1, был перепечатан в л. 164 «Колокола» от 1 июня 1863 г. (см. редакционное примечание к этой публикации в наст. томе, стр. 313, и комментарий).

... офицера Лукина и студента...— Вероятно, речь идет об аресте 26 февраля 1863 г. в Псковской губ. отставного штабс-капитана И. Г. Жукова и студента Д. Т. Степанова, работавших в типографии «Земли и воли» в Мариенгаузе (см. *ЛН*, т. 62, стр. 616—617). Об А. А. Красовском см. «Крестьянское движение 1827—1869 годов», вып. II, 1931, стр. 47—48.

Печатается по тексту *К*, л. 163 от 15 мая 1863 г., стр. 1348, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без подписи. Автограф неизвестен.

Авторство Герцена определяется редакционным характером заметки («Редакция „Колокола“... извещает...», «Письмо, полученное нами о телеграмме г. Титова...»), а также особенностями ее стиля. В частности, характерна для стиля Герцена ироническая концовка заметки («забыл утрату тех алых дней, когда он с *доброшюрным* Кавелиным воспитывали будущность России»).

Включено в издание М. К. Лемке (*Л XVI*, 261).

Стр. 147. ... о телеграмме г. Титова и какой-то барыни ∞ что «русская колония поздравляет государыню с днем рождения государя»... — Русский посланник в Штутгарте В. П. Титов, известный ранее своими умеренно-либеральными взглядами (о нем см. также заметку «Частное дело и комментарий к ней — т. XIX наст. изд.), одним из первых включился в кампанию верноподданнических адресов по случаю дня рождения Александра II (см. комментарий к стр. 138).

... г. Титов ∞ вовсе не злопамятен и забыл утрату тех алых дней, когда он с *доброшюрными* Кавелиным воспитывали будущность России... — В 1857 г. В. П. Титов, одновременно с К. Д. Кавелиным, был приглашен ко двору в качестве наставника наследника престола Николая Александровича. Ему было поручено преподавание международного права и общее руководство обучением цесаревича, Кавелин преподавал русскую историю и гражданское право. Титов и Кавелин были отстранены от этой деятельности в 1858 г. в связи с публикацией Н. Г. Чернышевским в «Современнике», № 4, в составе статьи «О новых условиях сельского быта», извлечений из «Записки об освобождении крестьян в России» Кавелина (см. статью «Черный кабинет» — т. XIII наст. изд.). В комментируемом тексте содержится также намек на резкое изменение позиций К. Д. Кавелина после реформы, выразившееся, в частности, в опубликовании в 1862 г. в Берлине брошюры «Дворянство и освобождение крестьян». Прочитав ее, Герцен в письме к Кавелину от 7 июня 1862 г. заявил о своем разрыве с ним (см. также письмо Кавелина к Герцену от 6 августа 1862 г. — *Письма КТГ*, стр. 81—82). В. И. Ленин писал в статье «Памяти Герцена»: «Когда один из откровеннейших типов либерального хамства, Кавелин, восстал против конституции, напал на революционную агитацию, восстал против „насилия“ и призывов к нему, стал проповедовать терпение, Герцен *порвал* с этим либеральным мудрецом. Герцен обрушился на его „тощий, нелепый, вредный памфлет“, писанный „для негласного руководства либеральничавшему правительству“, на кавелинские „политико-сентиментальные сентенции“, изображающие „русский народ скотом, а правительство умницей“» (В. И. Ленин. Сочинения, изд. 4, т. 18, стр. 13).

ИМЯ? — ИМЯ? — [БОГА РАДИ, ИМЯ!]

Печатается по тексту *К*, л. 163 от 15 мая 1863 г., стр. 1348, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без подписи. В *ОК* озаглавлено: «Покушения на английскую прессу». Автограф неизвестен.

Включено в издание М. К. Лемке (*Л XVI*, 262) со следующей справкой: «Принадлежность ясна из указания А. А. Герцена сестре» (*Л XVI*, 574).

Авторство Герцена подтверждается непосредственной тематической связью заметки со статьями Герцена, направленными против М. Хотин-

ского и газеты «Московские ведомости», а также стилем заметки. О «головнинских подкупах» говорилось также в статье «Донос на „СПб. ведомости“»: «Думал ли Головнин, когда он защищал в Париже теорию подкупов (ругая взятки!)...» (см. наст. том, стр. 143).

Стр. 147. ... *головнинскими подкупами*...— См. комментарий к стр. 251.

... *подсылать Хотинских*...— Об М. С. Хотинском см. в наст. томе заметки «Астроном-наблюдатель и миссионер Хотинский», «Издателю „The Daily News“», «Г-н М. Хотинский и III отделение» и комментарии к ним.

С. ПАДЛЕВСКИЙ

Печатается по тексту К, л. 164 от 1 июня 1863 г., стр. 1349, где опубликовано впервые, без подписи. Этим некрологом открывается лист «Колокола». Автограф неизвестен.

Принадлежность некролога Герцену определяется его непосредственной связью со статьей «Great Western». Упомянув здесь о Падлевском, который был «в числе *тех шести*, о которых мы говорили», Герцен имеет в виду эпизод, рассказанный им в этой статье (см. наст. том, стр. 83). Авторство Герцена подтверждается также его письмом к сыну от 25 мая 1863 г., в котором Герцен писал: «Судьбу Падлевского, вероятно, вы знаете: 15 мая его расстреляли в Плоцке. Жертва за жертвой...» О гибели Падлевского Герцен писал также в письме к дочерям и М. Мейзенбург 23 мая 1863 г.

Включено в издание М. К. Лемке (Л XVI, 270).

Стр. 148. ... *Падлевский расстрелян царскими солдатами в Плоцке*.— Офицер русской армии З. Падлевский в 1861 г. эмигрировал за границу, где возглавил революционную организацию «Польская молодежь». Многие члены этой организации были знакомы с Герценом и состояли с ним в переписке (см. И. М.² Б е л я в с к а я. А. И. Герцен и польское национально-освободительное движение 60-х годов XIX века, 1954, стр. 110). В конце августа 1862 г. Падлевский нелегально возвратился в Варшаву и вошел в состав Центрального национального комитета. Как представитель этого комитета он в конце сентября 1862 г. участвовал в переговорах с издателями «Колокола» в Лондоне и в ноябре этого же года с обществом «Земля и воля» в Петербурге. Падлевский выступал за независимость Польши, освобождение крестьян, за совместную борьбу польского и русского народов против самодержавия. Вскоре после начала восстания 1863 г. он возглавил отряд повстанцев в Плоцком воеводстве; 22 апреля 1863 г. был захвачен в плен, предан военно-полевому суду и 3 (15) мая расстрелян (см. также комментарий к стр. 116).

РОССИАДА

Печатается по тексту К, л. 164 от 1 июня 1863 г., стр. 1352—1355 (раздел I), л. 165 от 10 июня 1863 г., стр. 1357—1363 (разделы II—III, разделом II открывается лист «Колокола»), л. 166 от 20 июня 1863 г., стр. 1368—1370 (раздел IV), л. 167 от 10 июля 1863 г., стр. 1377—1380 (раздел V), л. 168 от 1 августа 1863 г., стр. 1386—1387 (раздел VI), где опубликовано впервые, без подписи. Автограф неизвестен.

Под заглавием «Россиада» в пяти листах «Колокола» публиковалось газетное обозрение, назначение которого было так определено самим автором: «Под этим херасковским названием мы будем сообщать нашим

читателям новости об успехах разложения официальной, казарменной, канцелярской, императорской, гвардейской, армейской, немецкой, дворцовой, полицейской России» (наст. том, стр. 149).

«Россиада» составлялась из газетных сообщений, из присланных в редакцию «Колокола» корреспонденций, которые или перепечатывались без всякой обработки и комментария, или сопровождалась авторскими размышлениями по поводу приведенных фактов и ироническими и язвительными замечаниями. Наряду с этим в составе «Россиады» был опубликован гневный политический памфлет против Муравьева Вешателя. Весь этот разнородный материал организуется и связывается единством темы и цели: рассказать о России, опозоренной злодействами царского самодержавия в Польше и реакционной журналистикой, оправдывавшей эти злодейства, о России, запятнавшей себя «каннибальскими обедами Каткову, столами в честь Муравьева Вешателя, «каннибальской литературой», «правительственной жакри», около которой «вьется гирлянда ядовитых цветов полицейской литературы». Тематическое и композиционное единство «Россиады» подчеркивается единой нумерацией ее разделов в «Колоколе». В первом разделе говорится о «начале» «Россиады», в конце второго — о намерении помолчать «до другого раза» и т. д.

Хотя нет никаких документальных данных, подтверждающих, что «Россиада» писалась одним Герценом, несомненно, что и замысел «Россиады», и подготовка материалов для нее принадлежали именно ему. Весь круг вопросов, освещавшихся в «Россиаде» (польский вопрос, полемика с Катковым, с аксаковским «Днем», с М. П. Погодиным и др.), был постоянно в поле зрения Герцена. Об авторстве Герцена свидетельствуют также содержащиеся в «Россиаде» ссылки на его статьи и заметки (см., например, раздел «По делу зажигателей», идейно-тематически связанный с заметками Герцена, посвященными петербургским пожарам: «Зарево», «Отчего правительство притаилось с следствием о зажигательстве?», «Третий раз спрашиваю мы...», «Четвертый запрос от издателей „Колокола“» — т. XVI наст. изд.). Стиль «Россиады» (остроумные сравнения, каламбуры, в особенности построенные на использовании иностранных слов и выражений, и т. д.) говорит о ее принадлежности Герцену. Ярко проявляется мастерство Герцена в тех заголовках, которые он дает выдержкам из газет («Повальный патриотизм», «По делу преданности», «Каннибальский обед в Москве», «Плач о слабости тайной полиции» и т. д.). Авторство Герцена подтверждается также тем, что о прекращении публикации материалов «Россиады» в «Колоколе» было заявлено в подписанной им статье «Виселицы и журналы» (см. наст. том, стр. 235).

Принадлежность Герцену второго раздела «Россиады» подтверждается прямой связью этого раздела с письмом Герцена к сыну от 20 мая 1863 г., в котором Герцен писал: «Поздравь Бакунина: государь сел задом в муравейник, все Муравьевы около него: М. Н. <Муравьев Вешатель>, Н. Н. <Карский> и Помд'амурский demokrate Irkutsk <Н. Н. Амврский>». Имея в виду заключительную часть этого раздела (см. стр. 156), Герцен писал в статье «...А дело идет своим чередом»: «Много раз ставили мы вопрос: кому служат все ужасы, делаемые в западных губерниях <...> И намекали на суженого, которого конем не объедешь („Кол.“, л. 165)» (наст. том, стр. 230).

В настоящем издании в текст внесено следующее исправление:
Стр. 151, строка 10: фамилию вместо: фамилия.

Стр. 149. «Россия, бранная царица!»... — Строка из стихотворения А. С. Пушкина «Наполеон». Указание Герцена на авторство Г. Р. Державина

вина ошибочно (см. «Россия, бранная царица» и комментарий — т. XII наст. изд.).

Стр. 153. В «Общем вече» ∞ подробности об остром характере патриотической эпидемии в Москве.— В «Общем вече», № 17 от 1 июня 1863 г., стр. 82—83, было напечатано «Письмо из Москвы», важнейшие известия из которого Герцен далее иронически пересказывает.

Стр. 154. ... адрес беспоповцам написал перед чаем Катков...— Корреспонденция из Москвы в «Общем вече» обнажает механику фабрикаций казенных адресов от крестьян и раскольников. Раскольников, в частности, запугивали в канцелярии военного генерал-губернатора П. А. Тучкова тем, что они будут преследоваться как пособники поляков и эмигрантов. Для раскольников-беспоповцев Преображенского согласия такой адрес с готовностью написал, по словам корреспондента, М. Н. Катков, «позволив себе взять за труд цибик чаю» (стр. 83).

... на адрес поповцев был открыт бег ∞ Бабст, как немец и протестант, бежал православного Павлова.— Раскольникам-поповцам Рогожского согласия, как сообщал корреспондент из Москвы, написал адрес Н. Ф. Павлов, редактор газеты «Наше время». Известный либеральный экономист И. К. Бабст, узнав об этом, в лакейском усердии «изъявил желание написать сам». Из двух адресов, представленных на выбор Тучкову, он избрал для подписи адрес Бабста.

Молебен 17 апреля представлялся по случаю приезда секретаря французского посла...— Речь идет о молебне, устроенном в Москве 17 апреля 1863 г., в день рождения Александра II. Одной из целей казенно-патриотической кампании 1863 г. было показать Англии, Франции и Австрии, предъявившим 5 апреля ультиматумы России по польскому вопросу, поддержку царской политики в Польше самыми широкими кругами русской общественности.

«Палачи служили благодарственный молебен по случаю отмены телесных наказаний».— 17 апреля 1863 г. Александр II подписал указ Правительствующему сенату «о некоторых изменениях в существующей ныне системе наказаний уголовных и исправительных» (см. публикацию его в «Северной почте», № 91 от 18 апреля 1863 г.). Указом отменялись телесные наказания, однако с многими ограничениями и изъятиями. Так, были сохранены розги для ссыльных и каторжных, для крестьян по приговору волостных судов и т. п.

Злой тоской удручена, К Муравью ползет она.— Строки из басни П. А. Крылова «Стрекоза и муравей».

Zuchthaus und Festungs-Kur ∞ Soldatenkur...— «Лечение исправительным домом и заключением в крепость, лечение кнутом и свинцом, лечение солдатами». Далее Герцен использует в каламбуре немецкое и русское значение слова «Kur» (нем.— лечение).

... за неимением Реада...— Речь идет об убитом во время Крымской войны в бесславном сражении на р. Черной 4 августа 1855 г. генерале Н. А. Реаде, который особенно отличился при подавлении польского восстания 1831 г. В севастопольской песне Л. Н. Толстого «Как четвертого числа...», которая была опубликована в ПЗ на 1857, кн. III (см. предисловие Герцена к публикации «Две песни крымских солдат» — т. XII наст. изд., стр. 458), говорилось об этом сражении:

Туда умного не надо,
Так пошлем туда Реада.

Стр. 155. ... опытный фершал ∞ Бибииков своей единственной рукой? — Д. Г. Бибииков, будучи ряд лет киевским генерал-губернатором, проводил политику насильственного обрусения Украины. Во время войны 1812 г. Бибииков лишился одной руки.

... правительство ∞ салуевского адресизма...— Министр внутренних дел П. А. Валуев вскоре после начала польского восстания 1863 г. приказал разослать по губерниям образец верноподданнического адреса для подписания и направления царю (см. также в наст. томе «Адресоложство», примечание к публикации «Два образчика, циркулярно разосланные Валуевым» и комментарий к ним).

... снова прибегает к человеку, который сам себя по доброй воле назвал п а л а ч о м.— Речь идет о назначении 1 мая 1863 г. М. Н. Муравьева генерал-губернатором и главнокомандующим войсками Северо-Западного края с чрезвычайными полномочиями. Приводимые Герценом ниже слова («Я не из тех Муравьевых, которых вешают, а из тех, которые вешают»), как сообщает кн. П. В. Долгоруков в своем памфлетном очерке о Муравьеве, были произнесены последним в 1831 г. в связи с вопросом одного из жителей Гродно, не является ли новый губернатор родственником декабриста С. И. Муравьева-Апостола (см. П. В. Долгоруков. Михаил Николаевич Муравьев, Лондон, 1863, стр. 15—16). Герцен часто упоминает в своих статьях об этом «изречении» Муравьева (см. «Michel Bakounine» — т. VII наст. изд., стр. 352; «Прославленному сенату вольного города Франкфурта-на-Майне» — т. XIII наст. изд., стр. 317, и др.).

Николай Николасвич ∞ Андрей Николаевич...— П. Н. Муравьев-Карский был главнокомандующим Кавказской армией в период Крымской войны; Николай Николаевич младший — Н. Н. Муравьев-Амурский, генерал-губернатор Восточной Сибири; Михаил Николаевич — М. Н. Муравьев Вешатель; Андрей Николасвич — А. Н. Муравьев, автор ряда работ по истории православной церкви и записок о путешествиях по странам Ближнего Востока и «святым местам».

... будучи членом пестелевского заговора...— М. Н. Муравьев был членом Союза спасения и Союза благоденствия в 1816—1820 гг. Во время следствия по делу декабристов в 1826 г. он был арестован, но вскоре освобожден и зачислен вновь на службу.

... мечты ∞ о вырезывании помещиков польского происхождения ∞ нашептывали п о к о й н и к у.— Об этом см. также статью «Плач» и комментарий к стр. 65—66.

Стр. 165. «Сев. пчела» от 12(24) мая перепечатывает ряд мер для преследования подозрительных личностей.— Герцен далее излагает, а затем цитирует распоряжения могилевского губернатора Беклемишева, которые были напечатаны в газете «Северная пчела», № 124 от 12 мая 1863 г., под заглавием «Меры начальства в Могилевской губернии».

Стр. 167. При нападении инсургентов ∞ ими начальствовал Л. Топорра ∞ в числе инсургентов.— О нападении отряда повстанцев Л. Топорра на Горки рассказывалось в корреспонденции «Из Горок», напечатанной в «Московских ведомостях», № 100 от 9 мая 1863 г.

«Ручку, батюшка, ручку». (Из записок бывшего охотника).— Слова бурмистра Софрона из рассказа И. С. Тургенева «Бурмистр», входящего в «Записки охотника».

... помеченная «Спб. вед.» ∞ пошла кричать и бросать шапки вверх.— Герцен цитирует часть корреспонденции из Вильно, помещенной в «С.-Петербургских ведомостях», № 106 от 12/24 мая 1863 г., стр. 439, за подписью «W».

Тут журналист-будочник пишет ∞ изъяснее из рук палачей несовершеннолетних инсургентов.— Герцен имеет в виду передовую статью М. Н. Каткова в «Московских ведомостях», № 96 от 4 мая 1863 г., направленную против мнимого либерализма вел. князя Константина Николаевича в борьбе с восстанием. Автор требовал безраздельной военной диктатуры, контрибуций, напоминая в качестве примеров «попуститель-

ства» гражданских властей в Польше «мятежникам» — распоряжения о «несовершеннолетних повстанцах», об удержании крестьян от эксцессов против польских помещиков в Радомской губернии и т. п. Требование использовать крестьян против повстанцев содержится и в корреспонденции «Из Царства Польского» в том же номере «Московских ведомостей». Распоряжение о «малолетних инсургентах» уже ранее критиковалось в корреспонденции «Московских ведомостей», о которой Герцен писал в заметке «„Всеобщий дневник“ и „Московские ведомости“» (см. выше в наст. томе, стр. 134—135 и комментарий).

... сказки, вроде карамзинской *Марфы Посадницы*... — Изображение событий в «Марфе Посаднице» Н. М. Карамзина носит псевдоисторический характер, герои повести произносят длинные, напыщенные казенно-патриотические речи. Сам Карамзин в предисловии рекомендовал свою повесть для чтения «любителям истории и сказок».

Стр. 167—168. ... сказки ∞ о селе *Черкизове* ∞ «*Nord*» перевел ее. — 8 мая 1863 г. в «Московских ведомостях» (№ 99) было напечатано «Письмо в редакцию» Николая Турчанинова о волостном крестьянском сходе в с. Черкизово 19 апреля 1863 г., на котором был «с восторгом» принят крестьянами текст «всеподданнейшего письма» на имя Александра II, предложенный волостным старшиной М. Н. Бычковым.

Стр. 168. ... *делая из триумфальных ворот каудинские фуруклы*... — *Furcula Caudinae* — Кавдинское ущелье, где в 321 г. до н. э. римское войско потерпело поражение и было вынуждено сдать его самнитам.

Стр. 169. ... *сам царь* ∞ является *Пугачевым*. — Герцен имеет в виду ряд мер правительства по привлечению на свою сторону крестьян в борьбе против польских помещиков, принявших сторону повстанцев. В марте 1863 г. был издан указ об ускорении отмены временнообязанных отношений в Литве и Белоруссии; кроме того, крестьяне получали на льготных условиях землю, конфискованную у дворян — участников восстания. См. далее в наст. томе статьи «... А дело идет своим чередом», «Вывод из владения» и комментарий к ним.

Стр. 169. *Шел в комнату — попал в другую. «Горе от...»* — Слова Софьи из комедии А. С. Грибоедова «Горе от ума» (действие I, явление 4).

... *все население поднимается мужественно за сильного против слабого и пишет адреса по валуевским прописям*. — См. комментарий к стр. 155.

... *оканчивается 54-мя подписями русских путешественников и четырьмя студентами, поддерживающими в каком-то немецком захолустье подписками трон...* — В «Северной почте», № 110 от 22 мая 1863 г., было опубликовано «всеподданнейшее письмо» от 54 «дворян и других лиц, живущих за границей».

... *introduzione marziale ∞ aux armes, citoyens!* — Говоря о «воинственных вступлениях», призывах «К оружию, граждане!» (строка из «Марсельезы»), Герцен высмеивает шумиху реакционной прессы вокруг польского восстания.

Обывательская стража, garde nationale, чивика, akademische Freischärler Legion. — В русской реакционной печати в мае — июне 1863 г. сообщалось об организации во многих местностях «народных ополчений» против поляков, которые Герцен иронически сопоставляет с добровольными революционными формированиями в других странах — французской «национальной гвардией», итальянской «городской стражей» (*guardia civica*), немецким «академическим легионом добровольцев». В «Московских ведомостях», № 111 от 24 мая, был опубликован протокол заседания Московской городской общей думы от 18 мая с приговором об обывательской страже. В номере от 8 июня газета информировала читателей, что после одобрения этого решения императором (по докладу министра внутренних дел) Дума назначила комиссию для выработки проекта такого ополчения. 1 июня «Московские ведомости» передали слухи о готовящейся

организации милиции также в Петербурге. Здесь же напечатана заметка о готовности старообрядцев Динабургского и Режицкого уездов Витебской губернии, в ответ на предложение властей, сформировать конную сотню милиции. 3 июня в газете сообщалось о предстоящем формировании народной стражи во всех губерниях, смежных с Польшей, и народного ополчения в других губерниях.

Стр. 170. ... кому не приснопамятны строгие поучения «Дня» студентам за цветы, брошенные на могилу Грановского ∞ за оппозицию матрикулам... — Речь идет о вызвавшей протест в радикальных студенческих кругах статье И. С. Асакова в газете «День», № 3 от 28 октября 1861 г. (см. «Дело П. А. Шипова и И. И. Кельсиева» в сб. «Политические процессы 60-х гг.», т. I, под ред. Б. П. Козьмина, М.—Л., 1923, стр. 86—97). В ней осуждались политические выступления студентов осенью 1861 г., в частности, их участие в гражданской панихиде по Т. Н. Грановскому 4 октября 1861 г. на Пятницком кладбище в Москве, их отказ принять матрикулы, введенные министром народного просвещения Е. В. Путятиным в разгар студенческих волнений, в начале октября 1861 г. Студентам в этой связи было предъявлено требование дать подписку в подчинении новым университетским правилам 1861 г. (отдающим университеты под строгий полицейский надзор и закрывающим их двери для необеспеченных) и получить матрикулы с подробным изложением этих правил. Матрикулы не были приняты подавляющим большинством студентов. Об этих событиях см. в К, л. 112 от 15 ноября 1861 г., корреспонденцию «Студентское дело».

... строг был «День» в дни бедствий и полицейского иабниения студентов... — Статья И. С. Асакова в «Дне» была написана после избивения студенческой демонстрации жандармами на Тверской плсцади в Москве 12 октября 1861 г. В тот же день была жестоко разгромлена демонстрация студентов в Петербурге. Более 300 студентов Москвы и столько же петербургских студентов подверглись аресту, а затем многие из них — ссылке. На студенческие волнения Герцен откликнулся статьями «Исполни прощпається!», «Преображенская рота и студенты», «Третья кровь!», «По поводу студентских избивений» и др. (см. т. XV наст. изд.).

... мы читаем в «Дне» ∞ учащееся поколение». — Герцен приводит текст заметки «Московские студенты», напечатанной в газете «День», № 20 от 18 мая 1863 г. Редакция газеты явилась не только вдохновителем, но и организатором верноподданнического адреса московских студентов. В следующем номере газеты (№ 21 от 25 мая) было опубликовано заявление московских студентов, с послесловием от редакции, приглашавшей сочувствующих присоединиться через газету «День» к «поставленному» ею «знамени». Затем в нескольких номерах печатались уведомления с перечнем фамилий присоединяющихся к адресу студентов.

... собрание диеты осенью... — Финляндский сейм (диста) был открыт Александром II 6 сентября 1863 г. в Гельсингфорсе.

... остзейского жара к всероссийскому престолу... — Дворяне прибалтийских губерний одними из первых выразили свою преданность и усердие Александру II во всеподданнейшем письме, опубликованном в газете «Наше время», № 78 от 23 апреля 1863 г. О нежелании населения Финляндии подписывать подобные адреса Герцен писал и далее в настоящей статье (стр. 174). См. также заметки «Финляндия и адрес», «Победа!» и комментарии к ним.

Стр. 171. ...Непир в разговоре с Горчаковым говорил ∞ России нелегко будет противустоять внешней войне. — Речь идет о дипломатических переговорах по польскому вопросу посла Великобритании в Петербурге Ф. Непира с русским министром иностранных дел кн. А. М. Горчаковым в связи с ультимативными нотами западных держав России от 5/17 апреля 1863 г.

День Троицын проходит, Мальбрука нет как нет! — Герцен при-

водит строки из широко распространенного в начале XIX в. перевода французской шуточной песенки о Мальбруке (герцоге Д. Мальборо).

... на алтаре отечественного якобинства сгорел Щукин двор.— Во время петербургских пожаров 28 мая 1862 г. сгорели два рынка: Щукин и Апраксин дворы (см. комментарий к стр. 7).

Сколько раз мы ни спрашивали, чем кончилось дело...— См. «Отчего правительство притаилось с следствием о зажигательстве?», «Третий раз спрашиваем мы...», «Четвертый запрос от издателей „Колокола“» — т. XVI наст. изд.

... третья партия ∞ гнет от намека к положительному обвинению,— средство отчаянное, бескозырное, но которое удается, как это знает переводчик «Отелло» по роле честного Яго.— Говоря о редакторе рептильной газеты «Наше время» Н. Ф. Павловс, в прошлом либеральном писателе, переводчике трагедии Шекспира «Отелло», Герцен одновременно намекает на страсть Павлова к карточной игре. Далее в подстрочном примечании Герцен приводит строки из передовой статьи газеты «Наше время», № 90 от 11 мая 1863 г.

... зажигатели принадлежат больше отцам, чем детям...— Намекая на провокационный характер «петербургских поджигательств», инсценированных «отцами III отделения» и использованных правительством в качестве повода для расправы с революционной молодежью, Герцен иронически пользуется фразеологией романа И. С. Тургенева «Отцы и дети», опубликованного в журнале «Русский вестник», 1862, № 2.

Стр. 172. *Oh, der Kreuz — guter Mann!* — О, прекраснейший человек! (нем.) Герцен обыгрывает в каламбуре фамилию московского обер-полицейстера гр. Г. К. Крейца; «kreuzgut» (чаще «kreuzbrav») означает «честнейший», «прекраснейший».

Стр. 173. ... не пощадив своего племянника, сосланного по 14 декабря...— Племянником генерал-адъютанта Н. Н. Анненкова был И. А. Анненков, член петербургского отделения Южного общества, находившийся на каторге до 1836 г., затем на поселении в Сибири, а после амнистии 1856 г. возвратившийся на родину в Нижний Новгород.

Стр. 174. *Государь по докладу Валуева «о вредном направлении газет „Современное слово“ ∞ велел прекратить дальнейшее издание газеты.*— Герцен цитирует текст «Высочайшего повеления», напечатанного в «Северной почте», № 122 от 5 июня 1863 г. Поводом к запрещению газеты послужило напечатание в прибавлении к № 66 от 18 апреля 1863 г. нескольких строк, исключенных цензурой.

В 4 № «Времени» статья под заглавием «Роковой вопрос» показала Валуеву ∞ направленной «прямо наперекор всем патристическим чувствам и заявлениям ∞ повелея прекратить издание журнала «Время».— Цитируется сообщение «Северной пчелы», № 119 от 1 июня 1863 г., о прекращении издания журнала «Время» М. М. и Ф. М. Достоевских. Поводом к запрещению журнала послужила статья Н. Н. Страхова «Роковой вопрос», помещенная в № 4 журнала за 1863 год за подписью «Русский». Статья была оценена в правительственных кругах, по недоразумению и отчасти из-за туманности «почвеннической» фразеологии, как полонофильская.

Нельзя ли, кстати, прекратить и Финляндию ∞ за ее бесчувствие и незаявления? — Об отказе финляндцев подписывать верноподданнические адреса см. также выше в наст. статье (стр. 170).

Стр. 174—175. «Сев. почта», «*Journal de St.-Petersbourg*», а потом «*Nord*» и др., опровергая «*Opinion Nationale*» ∞ *Le jeu est fait! Mr le Ministre, угодно-с?* — «Игра кончена! Г-н министр...» (франц.) — 2 июня 1863 г. в парижской газете «*Opinion Nationale*» были помещены в переводе секретно разосланные министерством внутренних дел России об-

разцы верноподданнического адреса и речи священника к крестьянам, ранее напечатанные в «Колоколе», л. 164 от 1 июня 1863 г. (см. далее в наст. томе — «Два образчика, циркулярно разсланные Валуевым» и комментарий). Газета «Северная почта» в статье «Внутренние известия» (№ 115 от 28 мая 1863 г., стр. 465) голословно отрицала подлинность напечатанных «Opinion Nationale» документов, выдавая их за подложные «изделия той же фабрики, которая произвела золотые грамоты, лжеманифесты...» В органе министерства иностранных дел «Journal de St.-Petersbourg», № 119 от 29 мая (10 июня) 1863 г. была приведена статья «Северной почты» с послесловием редакции, где также порицалась позиция западной прессы в отношении «современного кризиса». Затем обе указанные статьи были перепечатаны газетой «Le Nord», № 167 от 16 июня 1863 г., в разделе «Russie» под заглавием: «La „Poste du Nord“ et le „Journal de Saint-Petersbourg“ sur les bruits à propos des adresses».

Стр. 175. ... старобрядцы города Спасска ∞ начали хвастаться тем, что у них есть брат по вере, М. Кораушев, который л о в и л п о л я к о в в Т а м б о в с к о й г у б е р н и и. — Письмо старобрядцев, о котором говорит Герцен, было напечатано в «Северной почте», № 118 от 31 мая 1863 г. По доносу мещанина М. А. Кораушева были арестованы 26 апреля 1863 г. члены польской повстанческой организации А. Олехович и А. И. Маевский, распространявшие подложный манифест среди крестьян (см. в наст. томе «Волжский манифест и Россия в осадном положении» и комментарий).

Самарцы ∞ не хотели, чтоб прикрепленные к их губернии дворяне баловались в чужих краях. — О постановлении самарского дворянского собрания см. в наст. томе заметку «Самара» и комментарий к ней.

Она положила 19 мая... — Герцен далее цитирует постановление дворянского собрания Юхновского уезда, опубликованное в «Московских ведомостях», № 118 от 1 июня 1863 г.

... М и х а и л П е т р о в и ч ∞ «о каких-то людях в странных костюмах», сильно подозреваемых в намерении поджечь Москву... — Речь идет об опубликованном в «Московских ведомостях», № 117 от 31 мая 1863 г., «Письме к издателю» М. П. Погодина. Заявив о своем присоединении к «крестовому походу» против польских повстанцев, он обвинял их в засылке агентов в Москву для «причинения вреда» России, «производства смятения», пожаров и угрожал им народной расправой.

... направивши таким образом народ, недалеко до всякой верещагиновщины. — Переводчик французских и немецких романов М. Н. Верещагин был обвинен в 1812 г. в государственной измене и арестован. В день вступления французов в Москву, 2 сентября 1812 г., московский главнокомандующий гр. Ф. В. Ростопчин отдал его на растерзание солдатам своего конвоя и разъяренной толпе. (Эта расправа была впоследствии описана Л. Н. Толстым в романе «Война и мир», т. III, гл. XXV.)

Стр. 176. В 149 № «Северной пчелы» напечатана инструкция Муравьева... — Речь идет об «Инструкции для устройства военно-гражданского управления в уездах Виленской, Ковенской, Гродненской, Минской, Витебской и Могилевской губерний», подписанной 24 мая 1863 г. генералом-от-инфантерии М. Н. Муравьевым и опубликованной в «Северной пчеле», № 149 от 7 июня 1863 г.

Москвичи давали обед ∞ К а т к о в у. — Подробный отчет об обеде, данном М. Н. Каткову в Английском клубе 9 июня 1863 г., и о тосте в честь М. Н. Муравьева на этом обеде был опубликован в «Северной почте», № 132 от 16 июня 1863 г., стр. 534.

Стр. 176—177. Два года тому назад ∞ крепостники хотели дать в Казани обед Апраксину ∞ мешать шампанское с кровью. — Автор одного из писем, приводимых Герценом в статье «12 апреля 1861», описывая радость помещиков по поводу усмирения войсками гр. А. С. Апрак-

сина крестьянского восстания в с Бездна, Спасского уезда, Казанской губ., сообщал: «Казанское дворянство хотело дать обед Апраксину, когда он воротился по горло в крестьянской крови. Член губернского присутствия Трубинов удержал этих плотоядных уродов замечанием, что „как-то неловко кровю заливать шампанским!“». (т. XV наст. изд, стр. 109).

Ст р. 177. *Вот гг. «День» и товарищи, куда вы попали с вашим пагубнообесием.*— О позиции газеты «День» в польском вопросе см. также статьи «Колокол» и «День», «„День“ и „Колокол“ <Богомольная старушка в комедии Островского...>» и комментарии к ним в наст. томе.

Бойтесь смерти Кожошкина!— Намек на получившие широкое распространение слухи об обстоятельстве смерти петербургского обер-полицмейстера С. А. Кожошкина, который при обследовании выгребных ям якобы провалился в одну из них. См. также «По поводу крепких слов г. Каткова и слабостей генерала Потяпова» (т. XVI наст. изд, стр. 234) и «Ввоз нечистот в Лондон» (стр. 298 наст. тома).

Вот как рассказывает корреспондент Павлова казнь, бывшую в дер. Варки...— Герцен цитирует далее корреспонденцию из Варшавы, напечатанную в газете «Наше время», № 104 от 2 июня 1863 г., с подписью А. Р. Кононович, Садовский и Лабенский были расстреляны 25 мая 1863 г.

Вот как в «Нашем времени» описывается казнь Генриха Абихта и ксенда Конарского.— Далее приводится почти полностью нисьмо из Варшавы от 1 июня 1863 г., напечатанное в газете «Наше время», № 108 от 7 июня 1863 г., с подписью А. Р. Г. Абихт и А. Конарский были повешены 31 мая 1863 г. в Варшаве. «Каннибальское» смакование подробностей расправы было рассчитано на запугивание читателей; корреспонденция заканчивалась пожеланием большей «гласности» подобных казней: «Если цель казни — пример для толпы, то нужны присутствующие, на которых бы он мог подействовать».

Генрих Абихт действительно год почти работал в нашей типографии.— Активный деятель польского демократического движения, Г. Абихт, эмигрировав в сентябре 1857 г. из Польши, работал во время своего пребывания в Лондоне, в 1858—1859 гг., наборщиком в Вольной русской типографии. Затем он переехал в Париж, а в 1862 г. был послан Польским комитетом нелегально в Польшу для подготовки восстания. На его казнь Герцен отозвался статьей «Подлые!» (см. стр. 192—193 наст. тома); о казни Абихта Герцен сообщал также в письме к дочерям и М. Мейзенбург 19 июня 1863 г.

Ст р. 178. *А вот рассказ «СПб. вед.» о взятии Сераковского.*— Далее Герцен цитирует корреспонденцию «После дела с шайкой Доленго», помещенную в «С.-Петербургских ведомостях», № 128 от 8 июня 1863 г.

Ст р. 179. *Все это отвратительное место скромный наборщик «М. вед.» выпустил!*— Корреспонденция «С.-Петербургских ведомостей» о взятии Сераковского была перепечатана в «Московских ведомостях», № 127 от 12 июня 1863 г. При этом, однако, была пропущена часть ее текста от начала абзаца до слов, к которым сделано подстрочное примечание Герцена.

Ст р. 180. *Корреспондент «Моск. ведом.» говорит...*— Герцен приводит отрывок из корреспонденции «Казнь Лесневского», опубликованной в «Московских ведомостях», № 129 от 14 июня 1863 г. Ю. Лесневский был расстрелян в Вильно 10 июня 1863 г.

Юмористическая корреспонденция из Варшавы в «Моск. вед.»— Герцен далее приводит в отрывках и комментирует корреспонденцию «Общая характеристика Варшавы», напечатанную в «Московских ведомостях», № 138 от 25 июня 1863 г.

Ст р. 181. *Панегирик Муравьеву (Из «Моск. ведом.»).*— Далее приводятся отрывки из передовой статьи «Московских ведомостей», № 134 от 20 июня 1863 г.

Ст р. 182. *Донос «Московских ведомостей» на*

К о с т о м а р о в а.— Герцен цитирует отрывок из передовой статьи «Московских ведомостей», № 136 от 22 июня 1863 г., в которой «украинофильские тенденции» рассматривались как одно из проявлений «иезуитской» польской «интриги».

Мы читаем в «Моск. вед.» ∞ *на все отпускается около 500 р. в месяц.*— Цитируется часть корреспонденции «Из Варшавы», помещенной в «Московских ведомостях», № 145 от 4 июля 1863 г.

В 146 л. «Моск. ведомостей» ∞ *если только же м ч у е ∞ на с т о я щ и й.*— Неточная цитата из корреспонденции «Путешествие его императорского высочества наследника цесаревича», помещенной в «Московских ведомостях», № 146 от 5 июля 1863 г., стр. 2. Курсив в цитате принадлежит Герцену.

ПЛАЧ О МИНИШЕВСКОМ

Печатается по тексту *К*, л. 164 от 1 июня 1863 г., стр. 1356, где опубликовано впервые, без подписи. Автограф неизвестен.

Авторство Герцена устанавливается на основании тематической и стилистической связи настоящей статьи с другими его статьями и заметками. Так, выступая в статье «Донос на „СПб. ведомости“» против «безнравственного почина» министра народного просвещения Головкина, который «сделал в России растление журналистики», Герцен упоминал казенного Минишевского как пример продажного журналиста. «А потом,— писал Герцен,— жене пенсию, восклицания и притворное участие, когда невидимая рука казнит Мипишевского» (наст. том, стр. 143).

Заголовок статьи, несомненно, перекликается с заглавием статьи Герцена «Плач», а также заметки из «Россиады»: «Плач о слабости тайной полиции» (наст. том, стр. 65 и 182), а иронический вопрос: «почему из массы сраженных, убитых...» вырван жандармский офицер, «перед которым Павлов склонил свой ятаган „на погребень“»,— с заметками Герцена «Ятаган убит аукционом!» (см. т. XVI наст. изд., стр. 83) и «Александровская конституция и павловское время» (стр. 72 наст. тома). Характерен для Герцена переход к повествованию от первого лица: «...А я все думаю о наших...»

Включено в издание М. К. Лемке (*Л* XVI, 273—275).

Стр. 183. *Жаль защитников Пуэбло, жаль американцев.*— Речь идет о героической защите мексиканскими патриотами крепости Пуэбло, осажденной французскими войсками в 1862 г. и принужденной сдать в 1863 г. Герцен упоминает также об участниках гражданской войны 1861—1865 гг. в США, боровшихся против рабства.

... жандармского офицера, перед которым Павлов склонил свой ятаган «на погребень»?— Редакция газеты «Наше время» (редактор — Н. Ф. Павлов) попыталась провести сбор средств в помощь вдове убитого повстанцами жандармского капитана Гроурта: в № 48 от 5 марта 1863 г. сообщалось о поступлении пожертвований и было помещено письмо одного из жертвователей. Напоминаая об этой кампании (о начале ее он уже писал в заметке «Александровская конституция и павловское время»), Герцен каламбурно использует название повести Н. Ф. Павлова «Ятаган».

... «Nord» и «Крейцейтунг» так озорчили смертью польского журналиста ∞ во время восстания его отечества?— Об убийстве И. Минишевского газета «Le Nord» сообщила 4 мая 1863 г. (№ 124) в телеграмме из Берлина. Затем в «Le Nord», № 136 от 16 мая 1863 г., была переведена из «С.-Петербургских ведомостей» варшавская корреспонденция Н. Берга с подробностями о гибели журналиста-предателя. Наконец, 18 мая в № 138 газеты была перепечатана варшавская корреспонденция берлин-

ской газеты «Kreuzzeitung», которую далее цитирует и иронически комментирует Герцен.

Минишевский ∞ был ∞ фельетонистом «Дневника»... — Имеется в виду варшавская официальная газета «Dziennik Powszechny», одним из редакторов которой был И. Минишевский.

Стр. 184. *Не посылать ли Тебу, «с светлой улыбкой молодого чела», за какой-нибудь вечно отравляющей цыкутой?* — Иронический намек на обстоятельства, связанные с самоубийством в 399 г. до н. э. Сократа, приговоренного к смертной казни афинским судом.

САМАРА

Печатается по тексту *K*, л. 164 от 1 июня 1863 г., стр. 1356, где опубликовано впервые, без подписи. Автограф неизвестен.

Авторство Герцена определяется идейно-тематической и стилистической близостью заметки к другим статьям Герцена. О фактах, рассказанных в заметке, Герцен так писал позднее в «Россиаде»: «Самарцы (а вслед за ними и казанцы) не хотели, чтоб прикрепленные к их губернии дворяне баловались в чужих краях» (наст. том, стр. 175).

Принадлежность заметки Герцену подтверждается формой первого лица, которую в неподписанных статьях употреблял в «Колоколе» только Герцен («Что тут „пчелам“ нравится, право, не знаю — на людской вкус это отвратительно»), и каламбурная концовка заметки (Герцен часто использовал для своих каламбуров сокращенное название «Северной пчелы». Ср.: «Сидя под крыльями *Пчелы*...» — т. XIII, стр. 286; «неприхотливая „Пчела“, находившая *даже* в николаевском царствовании мед» — в статье «„Библиотека“ — дочь Сенковского, т. XIV, стр. 266).

Включено в издание М. К. Лемке (*Л* XVI, 277—278).

Стр. 185. *Благородным самаритянам*... — Герцен использует в ироническом каламбуре библейское обозначение жителей города Самарии в применении к самарским дворянам, имея в виду евангельскую легенду о «милосердном самаритянине» (евангелие от Луки, гл. X, 25—37).

Почин они сделали славный ∞ вызывать из-за границы всех согуберников. — Речь идет о «Постановлении собрания гг. предводителей и депутатов дворянства Самарской губернии» от 24 апреля 1863 г., в котором говорилось: «... пусть каждый из пребывающих за границею решит по совести, может ли он в настоящую пору (<...> оставаться далее вне пределов отечества, не навлекая на себя укора в равнодушии к земскому делу» («День», № 19 от 11 мая 1863 г., стр. 5—6).

... черкасскими розгами... — Кн. В. А. Черкасский выступил в 1858 г. с проектом сохранения за помещиками права «домашнего исправительного наказания крестьян» розгами после освобождения (см. статью В. А. Черкасского «Некоторые общие черты будущего сельского управления» — «Сельское благоустройство», 1858, № 9). «Черкасские розги» стали объектом гневных обличений Герцена (см. «Мы всегда думали...», «Письма из России», «Розги долой!» — т. XIV наст. изд.).

«Сев. пчел» ∞ прибавляет, что печатает ее с удовольствием. — В «Северной пчеле», № 110 от 27 апреля 1863 г., была помещена по этому поводу заметка «Вызов в Россию», начинавшаяся словами: «Сообщаем с особенным удовольствием следующее известие, полученное сегодня, по телеграфу, из Самары...» (стр. 441).

Мы, судя по меду, имели гораздо лучшее понятие о пчелином вкусе. — Замечание это связано, по-видимому, с несостоятельными попытками П. С. Усова, редактора «Северной пчелы» с 1860 г., создать болгаринской газете репутацию либерального органа. На статью Герцена «Ернический

тон русских газет» (см. т. XVI наст. изд.), где «Северная пчела» была названа «официозной», оскорбленная газета ответила оправданиями в фельстоне «Наши журналы. „Наше время“, газета, издаваемая Н. Ф. Павловым», опубликованном в № 96 от 11 апреля 1862 г.

НЕТ РОЗЫ БЕЗ ШИПОВ

Печатается по тексту *K*, л. 164 от 1 июня 1863 г., стр. 1356, где опубликовано впервые, без подписи. Автограф неизвестен.

Авторство Герцена определяется характерным для его публицистического стиля каламбурным обыгрыванием фамилии генерал-адъютанта С. П. Шипова и поговорки «нет розы без шипов», а также всем ироническим строем заметки. Вспоминая в «Былом и думах» о гостях, посещавших П. Я. Чаадаева, Герцен называл среди них «дикого генерал-адъютанта Шипова, уничтожавшего просвещение в Польше» (см. т. IX наст. изд., стр. 142), обращая внимание на ту область деятельности Шипова, резкие отзывы о которой содержатся и в настоящей заметке.

В издании М. К. Лемке отнесено к разряду *Dubia* (*J* XVI, 278).

Поводом для заметки послужило напечатанное 23 апреля 1863 г. в «Московских ведомостях» (№ 86) «Письмо к издателю» С. П. Шипова, датированное 6 апреля 1863 г. Автор его полемизирует с передовой статьей «Московских ведомостей», № 71 от 4 апреля 1863 г., посвященной манифесту Александра II об амнистии от 31 марта 1863 г. (см. комментарии на стр. 410). Притворно умиляясь этим «актом милосердия», Катков в то же время с сожалением вспоминал в ней о «спокойствии», царившем в Польше во времена Николая, когда над ней «тяготела строгая и крепкая рука». Шипов возражал против такой оценки русификаторской политики Николая I и И. Ф. Паскевича. «Спокойствие в Царстве Польском» обеспечивалось не «строгой и крепкой рукой», а «благоустроенным правлением» и «благоразумными мерами», — писал он, восхваляя тем самым и свою деятельность в качестве главного директора правительственной комиссии внутренних и духовных дел и народного просвещения Царства Польского в 1838—1840 гг. Герцен напоминает в заметке и об участии Шипова в подавлении восстания декабристов. 14 декабря 1825 г. Семеновский полк под начальством полковника Шипова одним из первых прибыл на Сенатскую площадь для борьбы с восставшими.

TO THE EDITOR OF «THE DAILY NEWS» (ИЗДАТЕЛЮ «THE DAILY NEWS»)

Печатается по тексту газеты «The Daily News» от 3 июня 1863 г., где опубликовано впервые, с подписью: *Alexander Herzen, Editor of the K o l o k o l*, под редакционной рубрикой «The russian secret police» («Русская секретная полиция»).

В письме к сыну от 8 июня 1863 г. Герцен сообщал, что это же объявление было помещено в ряде других английских газет. В статье «Действительный статский советник и кавалер М. С. Хотинский» Герцен указал, что этими газетами были «Express», «Evening Star» и др. (см. т. XIX наст. изд.).

Сообщение Герцена было перепечатано также в органе П. В. Долгорукова «Листок» (№ 8 от 12 июня 1863 г.), с редакционным вступлением: «В английских журналах напечатано следующее объявление», свидетельствующим о том, что в «Листке» это извещение было перепечатано из

английских газет. В издании М. К. Лемке напечатан текст из «Листка» (Л XVI, 279).

В написанной позднее статье «Действительный статский советник и кавалер М. С. Хотинский», опубликованной в К, л. 215 от 1 марта 1866 г. (см. т. XIX наст. изд.), Герцен рассказывает об обстоятельствах опубликования данного объявления. В конце мая 1863 г. он был извещен письмом из России о возвращении в Лондон М. С. Хотинского (см. о нем в наст. томе статью «Астроном-наблюдатель и миссионер Хотинский» и комментарий к ней). Установив его местонахождение в одном из лондонских отелей, где тот отрекомендовался польским генералом, Герцен дал о его приезде объявление в английской прессе (об этом см. выше) и просил итальянского эмигранта Валериано Тассинари наблюдать за действиями Хотинского (см. письмо Герцена к сыну Александру от 8 июня 1863 г.). Вторично разоблаченный шпион был вынужден направить оправдательное письмо в «Колокол» (см. далее в наст. томе «Г-н М. Хотинский и III отделение»).

ФИНЛЯНДИЯ И АДРЕС

Печатается по тексту К, л. 165 от 10 июня 1863 г., стр. 1363, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без подписи. Автограф неизвестен.

Авторство Герцена определяется редакционным характером заметки («мы признаемся откровенно, что... с радостью открыли бы колонны „Колокола“ для финских вопросов»), а также ее идейно-тематической связью со статьями Герцена, в которых он выступал против «адресоложства», против «ложных потуг патриотического бреда по образцам», инициатором которых был Валуев (см. об этом, например, в «Россиаде», наст. том, стр. 174). Принадлежность заметки Герцену подтверждается также тем, что обработкой корреспонденций из иностранных газет занимался в редакции «Колокола» обычно сам Герцен.

Включено в издание М. К. Лемке, без выдержки из газеты (Л XVI, 304).

На протяжении 1863 г. издатели «Колокола» не раз с одобрением отмечали рост общественного протеста и борьбы за национальную независимость в Финляндии, в частности, отказ финской прогрессивной общественности участвовать в казенно-патриотической кампании верноподданнических адресов (см. также в наст. томе «Россиада» и др.). Свои взгляды по национальному вопросу Герцен обосновывает в применении к Финляндии, затем в статье «„Колокол“ и „День“» (см. стр. 207 наст. тома).

Не ограничиваясь идейной поддержкой, редакторы «Колокола» в 1863 г. стремятся наладить живую связь с деятелями финского освободительного движения, используя в этих целях пребывание М. А. Бакунина и А. А. Герцена в Стокгольме. Огарев писал А. А. Герцену 11 июня: «О финнах писать мы будем, но для этого надо, чтоб они доставляли материалы» (ЛН, т. 41-42, стр. 74). Такая доставка вскоре начала осуществляться, о чем свидетельствует письмо А. И. Герцена к Бакунину от 1 сентября 1863 г. Вскоре в «Колоколе» (л. 173 от 15 ноября 1863 г.) была напечатана статья «Голос из Финляндии», в которой с революционно-демократических позиций характеризовались общественные настроения в Финляндии и причины правительственных уступок ей в 1863 г. «Нынешним сеймом у нас мы обязаны <...> Польше, да, может, тайному брожению общества „Земля и воля“, да сверх всего независимости нашего собствен-

ного поведения», — писал неизвестный автор этой статьи, скрывшийся за подписью «Финляндец» (стр. 1422). Предоставление страниц «Колокола» для пропаганды национальной независимости Финляндии было одной из сторон осуществления русско-финского революционного союза, о перспективах которого писал Огарев известному деятелю финского национально-освободительного движения поэту Эмилю Квантану 15 мая 1863 г. (см. *ЛН*, т. 63, стр. 148—149).

Стр. 188. ... адресного министра. — П. А. Валуева. См. комментарий к стр. 155.

Аборты Валуева не произвел в Финляндии ложных потуг патриотического бреда по образцам. — Правительству, вопреки стараниям, так и не удалось вызвать сколько-нибудь внушительную демонстрацию верноподданнических чувств в Финляндии. Об этом свидетельствовала, в частности, и помещенная вслед за настоящей заметкой выдержка из телеграммы газеты «Le Nord», № 156 от 5 июня 1863 г., озаглавленная в «Колоколе» «5 июня. Телеграмма „Nord“ а, Стокгольм»: «Гельсингфорские граждане, созданные еще раз начальством, снова отказались подписать адрес преданности императору». Такой демонстрации, безусловно, не мог заменить представленный, наконец, в июле адрес «нескольких финских мужиков» (см. о нем в заметке «Победа!», стр. 325 наст. тома).

... по сравнению с академическим сенатом Московского университета. — О верноподданническом адресе на имя Александра II от профессоров Московского университета см. статью «Чего они так испугались?» и комментарий к стр. 142 наст. тома.

ПИР В СТОКГОЛЬМЕ

Печатается по тексту *К*, л. 165 от 10 июня 1863 г., стр. 1363, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без подписи. Автограф неизвестен.

Включено в издание М. К. Лемке (*Л* XVI, 304) со следующей справкой: «Принадлежность ясна из писем сына Герцена к отцу» (*Л* XVI, 575).

Авторство Герцена подтверждается его указанием в письме к сыну от 8 июня 1863 г.: «Несколько строк я напишу о празднике».

Для усиления связи с польскими повстанцами и русскими революционными организациями М. А. Бакунин в конце февраля 1863 г. прибыл в Стокгольм, участвовал в экспедиции на пароходе «Ward Jackson» (см. «Былое и думы» — т. XI наст. изд., гл. «Пароход, Ward Jackson "...»), а после ее неудачи вернулся в Стокгольм, где установил связи с демократическими кругами Швеции. Русская официальная печать нападала на Швецию за симпатии к полякам и предоставление убежища Бакунину. В ответ на эти выступления 28 мая 1863 г. в Стокгольме был устроен банкет в честь Бакунина. На этом банкете присутствовали также А. А. Герцен и Феликс, секретарь И. Демонтовича, который произнес тост в память А. А. Потёбни.

Одним из источников заметки послужила телеграмма из Стокгольма, опубликованная в газете «Le Nord», № 156 от 5 июня 1863 г., первая часть которой была перепечатана в «Колоколе» непосредственно перед настоящей заметкой (см. комментарий к стр. 188). Несколько подробнее сообщала в тот же день об этом банкете газета «Allgemeine Zeitung» (№ 156). О речи Бакунина на банкете в Стокгольме см. ниже комментарий к статье «В вечность грядущему 1863 году».

Г-н М. ХОТИНСКИЙ И III ОТДЕЛЕНИЕ

Печатается по тексту К, л. 165 от 10 июня 1863 г., стр. 1364, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без подписи. Автограф неизвестен.

Авторство Герцена устанавливается его письмом к дочери Н. А. Герцен от 11 апреля 1863 г.: «Вчера мы ходили на охоту, — Ага, кн. Долгоруков, Саша, Тхоржевский и Жуковский — и затравили действит. стат. советника, старика-литератора и профессора, который познакомился с нами и оказался шпионом. Я ему прочел письмо (курсив наш. — Ред.), Ага — правоучение, а Долгоруков выгнал его вон...»

Включено в издание М. К. Лемке (Л XVI, 305—306).

Стр. 189. О вторичном приезде ∞ уведомили в свое время поляков и русских друзей наших английскими журналами. — См. выше письмо «Издателю „The Daily News“» и комментарий к нему.

Стр. 190. ... личное объяснение у князя П. В. Долгорукова ∞ «Листок» мог ему легко напомнить. — Объяснение Герцена с М. С. Хотинским состоялось 10 апреля 1863 г. на квартире П. В. Долгорукова, который рассказал об этом в статье «Наблюдатель Хотинский», напечатанной в «Листке», № 6, май 1863 г.

... делаем их, на основании *similia similibus*, исключительно на шпионов. — В заметке «От издателя» (см. т. XIII наст. изд.) Герцен в 1857 г. также публично оповещал читателей о шпионской роли Г. Михаловского, служившего в книжной лавке Н. Трюбнера. По его шутливому замечанию в настоящей статье, Герцен следовал при этом латинскому изречению основателя гомеопатии Ганемана «*similia similibus curantur*» («подобное излечивается подобным»).

... я е м у ч и т а л в с л у х при пяти свидетелях... — Объяснение происходило в присутствии Н. П. Огарева, С. Тхоржевского, Н. И. Жуковского, П. В. Долгорукова и сына Герцена Александра.

... потаповского заведения... — Имеется в виду III отделение, управляющим которого был генерал-адъютант А. Л. Потапов.

ЛИЧНОЕ ОБЪЯСНЕНИЕ

Печатается по тексту К, л. 165 от 10 июня 1863 г., стр. 1364, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без подписи. Автограф неизвестен.

Содержание «личного объяснения», цитируемое в нем письмо Герцена, непосредственная связь «объяснения» с заявлением «От издателей», напечатанным в «Записках декабристов» (см. наст. том, стр. 24), не оставляют сомнения в том, что оно принадлежит Герцену.

Включено в издание М. К. Лемке (Л XVI, 307).

Стр. 191. Старик писал из-за границы в Москву, что редакция пруст денег ∞ В Москве об этом толковали с алорадством. — Имеется в виду находившийся в 1862 г. за границей Д. Н. Свербеев, сын которого был женат на дочери кн. С. П. Трубецкого Зинаиде. В «Воспоминаниях об А. И. Герцене» он отрицает наличие такого письма, называя московские слухи о нем, дошедшие до Герцена, ложными. Там же Свербеев рассказывает, что был знаком с Герценом с 1839 г. (см. «Русский архив», 1870, № 3, стр. 676—680). Об этом знакомстве Герцен пишет в «Былом и думах», вспоминая, что ему «случалось бывать <...> на вечерах у Свербеева, спорить там о панславизме...» (см. т. VIII наст. изд., стр. 112).

... к памяти другого старца...— Подразумевается декабрист С. П. Трубецкой, автор «Записок».

Предпринимая с религиозным уважением издание «Записок декабристов», я объявил о назначении денег, вырученных за их продажу.— В статье «Записки декабристов», напечатанной в *К*, л. 143 от 1 сентября 1862 г., Герцен писал: «Мы с благочестием средневековых переписчиков апостольских деяний и жития святых принимаемся за печатание „Записок декабристов“ (<...>). Все вырученные деньги, за расходами на печать и бумагу, мы разделим пополам. Одну половину перешлем для вспомоществования лицам, сосланным в Сибирь вследствие политических гонений, другую — оставим в Лондоне для вспомоществования русским, которые вынуждены будут покинуть отечество по причине тех же гонений. Если же эмигрантов будет немного, то по прошествии года мы и эти деньги присоединим в сибирский фонд» (т. XVI наст. изд., стр. 237). Здесь же Герцен объявлял, что начинает издание с опубликования «Записок» И. Д. Якушкина и кн. С. П. Трубецкого.

... лучше всего «Записки» издать и на них напечатать, что ваш проект опоздал.— Второй-третий выпуск «Записок декабристов», куда вошли «Записки» Трубецкого, Герцен сопроводил послесловием «От издателей» (см. стр. 24 наст. тома).

Ответа вашего я буду ждать месяц, после которого «Записки» выйдут.— «Записки декабристов» (второй и третий выпуск) вышли из печати около 1 мая 1863 г. (см. в наст. томе заметку «„Записки декабристов“ и сочинения М. Михайлова» и комментарий к ней). Послесловие «От издателей» помечено 19 января 1863 г. Д. Н. Свербеев в «Воспоминаниях об А. И. Герцене» сообщает, что он отказался от переговоров, предложенных Герценом в данном письме.

ПОДЛЫЕ!

Печатается по тексту *К*, л. 166 от 20 июня 1863 г., стр. 1365, где опубликовано впервые, с подписью: *И — р*. Этой статьей открывается лист «Колокола». Заглавие статьи в «Колоколе» набрано крупным шрифтом. Автограф неизвестен.

Стр. 192. *Мы взяли имена пострадавших из русских газет о графа Платера и помещика Лешкович.*— Сообщение о казни в Варшаве 31 мая 1863 г. Г. Абихта и А. Конарского было напечатано в газете «Наше время», № 108 от 7 июня 1863 г. 1 июня 1863 г. в «Нашем времени» (№ 103) было перепечатано из «Виленского вестника» сообщение о казни предводителя повстанческого отряда Б. Кошышки в Вильно 28 мая 1863 г. и о расстреле там же 22 мая ксендза С. Ишоры. 27 мая 1863 г. в Динабурге был расстрелян руководитель повстанческого отряда гр. П. Платер. Об этих казнях см. также статьи «Россиада», «Польский мартиролог», «Виселицы и журналы» и комментарий к стр. 177.

... первый дворянин вооружает мужиков.— Речь идет об Александре П (см. комментарий к стр. 11). О провокационном использовании правительством классового антагонизма между крестьянами и помещиками-повстанцами в западных губерниях см. статья «Россиада» (раздел II), «...А дело идет своим чередом», «Вывод из владения» и комментарии к ним.

Толь бьет помещиков по губам.— Об этом сообщалось также и в заметке «Толь секущий» (стр. 324 наст. тома), которая была напечатана в том же листе «Колокола», что и настоящая статья.

Роману Санеушке о плевали в глаза.— В памфлетной биографии М. Н. Муравьева П. В. Долгоруков рассказал об этом случае, происшед-

цешем в бытность Муравьева гродненским военным губернатором, в 1831 г. «Жестокость его в преследовании поляков не знала пределов; он являл в лице своем не губернатора <...>, а дикого зверя. Благородного и почтенного князя Романа Евстафьевича Сангушко, за участие в событиях 1831 года приговоренного к лишению дворянства и ссылке на поселение, он велел привести к себе в дом и в зале губернаторского дома, при себе велел сорвать с него мундир и плюнул ему в лицо!!!» (П. В. Д о л г о р у к о в. Михаил Николаевич Муравьев, Лондон, 1863, стр. 16).

... ту великую картину, где Иисус ∞ смотрит на беснующуюся польщическую чернь, которая его бьет розгами...— Речь идет, по-видимому, о картине Брунотти «Flagellazione di N. S. Jesu Cristo» («Бичевание Христа», XIV—XV вв.).

«ДЕНЬ» И «КОЛОКОЛ»

«НАКОНЕЦ ПРИШЕЛ И ДЛЯ «КОЛОКОЛА» ЧЕРНЫЙ ДЕНЬ...»

Печатается по тексту К, л. 166 от 20 июня 1863 г., стр. 1370—1371, где опубликовано впервые, без подписи. Автограф неизвестен.

Авторство Герцена определяется непосредственной связью статьи с другими, обещанными здесь («мы будем непременно отвечать г. Касьянову в одном из следующих „Колоколов“») и подписанными им статьями: «„Колокол“ и „День“» и «„День“ и „Колокол“ <Богомольная старушка в комедии Островского...>» (см. наст. том). Наконец, в самый текст статьи включено открытое письмо Герцена к издателю «Дня».

Включено в издание М. К. Лемке (Л XVI, 329—332).

В открытом письме Герцена, опубликованном в «Дне» в составе публикации «Письма в редакцию „Дня“ от князя Августина Голицына и г. Герцена» (см. ниже), есть следующие разночтения с текстом «Колокола»: *Стр. 197*

⁶ *Вместо:* М. г. // Г. редактору «Дня». Милостивый государь!

^{14—15} *Вместо:* не испросив дозволения // не испросив предварительно дозволения

¹⁵ *Вместо:* ответ // наш ответ

¹⁹ *Вместо:* не имел намерения // никогда не имел намерения

²¹ *После:* манифестах и пр. // и уверен, что он не участвовал

²² *Слово:* «положительно» без курсива

²³ *Слово:* «торжественно» выделено курсивом

^{24—25} *Слова:* «вы сами ∞ восклицательных знака» без курсива

³⁰ *После:* «Колокола» // А. Герцен

³¹ *Вместо:* Orsett-house, Westbourne-terrace. 10 июня 1863 // 10 июня 1863 года. Лондон. P. S. За особенное одолжение сочту, если вы примете на себя труд прислать экземпляр вашего журнала, в котором будет помещено это письмо. А. Г.

Стр. 194. ... г. Касьянов ∞ разгромил всех русских ∞ дошел, наконец, и до нас, грешных.— Имеется в виду статья И. С. Аксакова «Из Парижа (письмо III)», помещенная в газете «День», № 19 от 11 мая 1863 г. за подписью «Касьянов». Упоминание о «русской девице, дочери заволжских степей, с луговой стороны матушки Волги, которая говорила ей ven вместо eh bien», дословно повторяет текст статьи Аксакова. «Eh bien» — ну что ж (франц.).

Стр. 197. ... просить издателя «Дня» поместить ∞ следующее письмо...— Открытое письмо Герцена к издателю «Дня» И. С. Аксакову было опубликовано в газете «День», № 25 от 22 июня 1863 г., в отделе

«Смесь», в составе статьи издателя «Письма в редакцию „Дня“ от князя Августина Голицына и г. Герцена», вместе с его резкими комментариями. Герцен отвечал ему в статье «„День“ и „Колокол“», приводя отрывок из этой статьи Аксакова (см. стр. 221—229 наст. тома).

... письмо г. Касьянова ∞ которого я вовсе не знаю. — Герцен, конечно, знал о принадлежности статьи «Из Парижа» И. С. Аксакову (см. письмо Герцена к сыну Александру от 8 июня 1863 г.).

ВОЛЖСКИЙ МАНИФЕСТ И РОССИЯ В ОСАДНОМ ПОЛОЖЕНИИ

Печатается по тексту К, л. 166 от 20 июня 1863 г., стр. 1372, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без подписи. Автограф неизвестен.

Публикация подложного манифеста Александра II, обращенного к крестьянам, сопровождалась вступительными строками и заключением, написанными от имени издателей «Колокола» («Мы уверены...», «Мы не сомневаемся...»). Оценка подложного царского манифеста и его роли в общественно-политической борьбе в России свидетельствует о том, что автором заключения мог быть скорее Герцен, чем Огарев. Это подтверждается тем, что у Герцена и Огарева был в этот период различный взгляд на сложившуюся в России общественно-политическую обстановку. Герцен писал Огареву 29 апреля 1863 г.: «Ты страстно хочешь, и не спрашиваешь, достаточно ли для творчества и создания тех элементов, которые vorhanden. Не соглашаясь с Герценом по ряду тактических вопросов, Огарев в меньшей степени был склонен к осуждению документов, подобных подложному царскому манифесту, которые могли лишь подорвать веру крестьянства в «печатное слово».

Включено в издание М. К. Лемке (Л XVI, 333—335).

Наряду с письмами редакторов «Колокола» к членам революционного общества «Земля и воля» и недавно обнаруженными рукописными материалами Н. П. Огарева (см. «Заграничные общества...» — ЛН, т. 61, стр. 502—511), комментируемая статья раскрывает роль Герцена в выработке тактических основ «Земли и воли».

Хорошо осведомленные в конспиративных действиях и планах столичных и местных комитетов весной 1863 г., редакторы «Колокола» стремятся в этот период, по возможности, направлять их работу конкретными указаниями и советами. Так, Герцен писал А. Сохновскому 4 апреля 1863 г.: «В Казани комитет отлично устроен; это — образец ума и логики (...). Прокламации печатаются бессчетно, и молодой народ с увлечением читает „Землю и волю“. Удачно составлено. Мы послали им свои заметки, как действовать». Знакомый, таким образом, с деятельностью «Земли и воли» в Поволжье, Герцен связывает появление здесь подложного царского манифеста с подпольной работой какого-то иного кружка. Он считал поэтому необходимым в печатном выступлении указать на ошибочность идейной позиции и тактики этой группы. Путь к успеху организации Герцен видит в «устранении отдельных попыток», лишь увеличивающих число жертв, в консолидации всех сил протеста в России под общим руководством, способным обеспечить «единство плана» и единство действий отдельных революционных групп.

Осуждая авантюризм авторов лжеманифеста, призывавших крестьян именем царя к захвату помещичьих и государственных земель, он предостерегает революционеров от всяких элементов демагогии и обмана по отношению к крестьянам, впоследствии столь характерных для деятельности С. Г. Нечаева и некоторых других народников конца 60-х — 70-х годов.

Заметка «Волжский манифест и Россия в осадном положении», формулируя необходимость борьбы с царистскими иллюзиями в сознании крестьянства, наряду с «MDCCLXIII», «1853—1863» и другими статьями настоящего тома, знаменовала, таким образом, отказ Герцена в этот период от «либеральной апелляции к „верхам“» (В. И. Ленин. Сочинения, изд. 4, т. 18, стр. 12).

Стр. 198. *Вот текст манифеста, разосланного по деревням на берегах Волги.*— В апреле 1863 г. участниками «казанского заговора» — членами польской повстанческой организации Е. И. Госцевичем, Ф. И. Новицким, А. Олехновичем, А. И. Маевским и членами революционного студенческого кружка, связанного с казанской организацией «Земли и воли», И. Я. Орловым, Н. Г. Орловым и В. В. Дерновым — предпринимались попытки распространить этот манифест в Казанской, Нижегородской, Тамбовской, Вятской губерниях (см. Б. П. Козьмин. Казанский заговор 1863 г., М., 1929).

Стр. 199. *Мы уверены, что общество Земли и Воли не имеет никакого участия в составлении этого манифеста.*— Осудив манифест с идейной и тактической стороны, Герцен верно определил непричастность к его составлению руководства общества «Земля и воля». Появление и распространение подложного манифеста было результатом деятельности представителя польского комитета «белых» И. Кеневича, решившего использовать подготовку землеводцами восстания в Казани для своих целей, не считаясь с общими интересами русского революционного движения и планами «Земли и воли» (см. ЦГИАМ, фонд III отделения, 1 экспедиция, 1863, д. 23, ч. 539, л. 19; ч. 181, л. 7). Текст манифеста был составлен для него членом московской организации «Земли и воли» Ю. Бензенгером без ведома Центрального комитета общества, затем отпечатан, по-видимому, в Вильно и передан Кеневичем вышеперечисленным лицам для распространения. Как сообщает М. К. Лемке на основании записки Г. П. Гофштетера, Центральный комитет, узнав о скором выпуске манифеста, добился одновременного напечатания и распространения прокламации «„Земля и воля“». Временное народное правление» (Л XXII, стр. 135—136). Она должна была парализовать вредное действие манифеста, укреплывшего в народе царистские иллюзии.

Стр. 200. *...правительство отдало всю Россию и всех русских произволу губернских начальств, т. е. диких губернаторов вроде пермского Лашкарева.*— Далее цитируется распоряжение Александра II, опубликованное в газете «Северная почта», № 108 от 18 мая 1863 г. в разделе «Внутренние известия». Об административном произволе пермского губернатора А. Г. Лашкарева уже ранее сообщалось в «Колоколе» в статьях «Сечение и убийства крестьян в Пермской губернии», «Студент И. Кельсиев и шайка разбойников-бюрократов» (Ж, л. 134 от 22 мая 1862 г., стр. 1113, 1116), «Еще Лашкарев Пермский» (см. т. XVI наст. изд.).

То есть самым неосновательным образом расстреливать...— Участники «казанского заговора» были арестованы по доносу студента И. Глассона в апреле—мае 1863 г. и преданы военному суду, учрежденному казанским временным генерал-губернатором А. Е. Тимашевым. 6 июня 1864 г. по приговору суда руководители заговора И. Кеневич, Н. Л. Иваницкий, А. Л. Мрочек, Р. Станкевич были расстреляны (в 1865 г. расстрелян также арестованный позднее М. А. Черняк). Остальные участники заговора, в частности распространители манифеста, были осуждены на каторжные работы (см. статья Герцена «Жером Кеневич» — т. XVIII наст. изд. и «Наше правосудие» — т. XIX наст. изд.).

...как два года тому назад расстреляли несчастного еврея в Одессе.— 1 июня 1862 г. в газете «С.-Петербургские ведомости» было опубликовано высочайшее повеление о предании, в связи с майскими пожарами в Петер-

бурге, военному суду «всех, кои могли бы быть взяты с поджигательными снарядами и веществами или по подозрению в поджигательстве, равно подстрекателей к беспорядкам». 5 июня действие повеления было распространено на все губернии, с правом губернаторов подтверждать приговоры суда. На основании этих повелений, как сообщал «Одесский вестник», № 81 от 26 июля 1862 г., был расстрелян в Одессе «еврей-поджигатель» по обвинению в поджоге дома со спекулятивной целью. Герцен, вероятно, подразумевает именно этот случай, рассказанный также в статье «Хроника террора и прогресса» (см. т. XVI наст. изд.).

ПОЛЬСКИЙ МАРТИРОЛОГ. УБИЕНИЕ ПЛЕННЫХ И РАНЕННЫХ

Печатается по тексту К, л. 167 от 10 июля 1863 г., стр. 1373, где опубликовано впервые, с подписью: И—р. Этой статьей открывается лист «Колокола». Автограф неизвестен.

Стр. 201. *Русскими солдатами по приказу начальства убиты* ∞ Александр Ч а р н е ц к и й.— Л. Франковский был повешен в Люблине 4 июня 1863 г., 18 мая в Киеве был расстрелян командир повстанческого отряда подпоручик Зелинский, в Могилеве 6 июня — прапорщик К. Мицевич. Об этих казнях см. также выше «Россиаду», пятый раздел которой был помещен в том же листе «Колокола», что и настоящая статья, «Подлые!», а также комментарий к стр. 177, 180, 192.

...прочли, что раненый Сераковский повешен в Вильне, а в г. Лиде расстрелян ксендз Фальковский.— О казни З. Сераковского в г. Вильно 15 июня 1863 г. см. далее в наст. томе статью «Сигизмунд Сераковский». Сообщение о расстреле А. Фальковского 10 июня 1863 г. по обвинению «в возбуждении крестьян к восстанию» было напечатано в газете «Московские ведомости», № 137 от 23 июня.

И есть безумные, простодушно защищающие это кровавое правительство и подзадоривающие его!— Намек на газету «День» и ее издателя И. С. Аксакова (см. в наст. томе статьи «„День“ и „Колокол“», «„Колокол“ и „День“» и комментарий к ним).

Стр. 202. *В самом начале восстания мы отвечали* ∞ «Допустим!» — См. выше статью «Resurgit!»

То же повторили мы через четыре месяца.— См. выше статью «Первое мая».

...смотреть с тем наслаждением, с которым, по словам Лукреция, человек ∞ смотрит на утопающего.— Вступление ко второй книге поэмы «О природе вещей» Лукреций начинал строками:

Сладко, когда на просторах морских разыграются ветры,
С твердой земли наблюдать за бедою, постигшей другого,
Не потому, что для нас будут чьи-либо муки приятны,
Но потому, что себя вне опасности чувствовать сладко.

...сумасшедший датский принц скажет ∞ надобно действовать!» — Герцен имеет в виду слова принца Гамлета из одноименной трагедии Шекспира (акт II, сцена 2).

«КОЛОКОЛ» И «ДЕНЬ» (ПИСЬМО К Г. КАСЬЯНОВУ)

Печатается по тексту К, л. 167 от 10 июля 1863 г., стр. 1374—1377, где опубликовано впервые, с подписью: И—р. Автограф неизвестен.

В настоящем издании в текст внесены следующие исправления:
Стр. 205, строка 14: предавая вместо: передавая
Стр. 211, строка 38: 1861 вместо: 1862
Стр. 213, строка 1: В начале 61 вместо: В начале 60.

Псевдонимом «Касьянов» была подписана корреспонденция И. С. Аксакова «Из Парижа (письмо III)» («День», № 19 от 11 мая), на которую Герцен отвечал в настоящей статье. Отрывки из корреспонденции Аксакова см. выше в составе статьи Герцена «„День“ и „Колокол“» (стр. 194—196).

Еще ранее Герцен отвечал издателю «Дня» также в открытом письме на его имя от 10 июня 1863 г. (текст см. на стр. 197 наст. тома), которое Аксаков опубликовал в № 25 «Дня» 22 июня 1863 г. в составе редакционной статьи «Письма в редакцию „Дня“ от князя Августина Голицына и г. Герцена», сопроводив его резкими возражениями и новыми нападкамии на Герцена. Ответом на них явилась статья Герцена «„День“ и „Колокол“» (см. стр. 221—229 наст. тома).

Полемика с позицией газеты «День» в польском вопросе продолжалась в статьях «Виселицы и журналы», «Один покраснел» (см. стр. 235, 302—303 наст. тома). Общую характеристику этой позиции Герцен дал впоследствии в статье «Новая фаза в русской литературе» (см. том XVIII наст. изд.).

Стр. 203. ...женщины, которая ∞ сокрушалась об ∞ будущих судьбах моей души...— Имеется в виду письмо от А. П. Глинка, полученное Герценом в конце января 1859 г. На призывы корреспондентки обратиться к религии Герцен отвечал статьей «Ответ русской даме» (см. т. XIV наст. изд. и комментарий).

Стр. 204. ...а поляки иногда в самом деле вешают...— Намек на казнь И. Минишевского (см. выше статью «Плач о Минишевском» и комментарий к ней).

...молодецки и ограбивши пол-Польши.— «Молодецким» назвал поведение русских солдат в Польше Александр II. См. об этом комментарий к стр. 311.

...десяти телеграфических побед ∞ немецких Пожарских...— См. выше заметку «Победы на поле телеграфа».

...Кракова, предательски отданного Австрии отцом нынешнего государя.— По конвенции между Россией, Австрией и Пруссией от 3 мая 1815 г. Краков был объявлен вольным городом, а после подавления краковского восстания в 1846 г. австро-русскими войсками Краков с прилегающими территориями был включен в состав Австрийской империи.

Стр. 205. ...вемического суда...— В средневековой Германии (в Вестфалии) тайные судилища (Die Vehmgerichte, в современном языке — Fehmgerichte), рассматривавшие особо тяжкие преступления, по которым обычно выносились смертные приговоры именем императора.

...какой-то презус Семьяка...— Герцен иронически сближает фамилии генерала К. Р. Семьякина, помощника командующего войсками киевского военного округа, и генерал-лейтенанта Себеки, начальника Плоцкого военного отдела, с именем «неправедного» судьи Шемяки из народной сатирической сказки о шемякином суде.

...переговаривая с Европой и корча гуманное лицо...— О дипломатических нотах Англии, Франции и Австрии от 5 (17) апреля и 15 (27) июня 1863 г. по польскому вопросу и ответных нотах, направленных Горчаковым европейским державам 14(26) апреля и 1 (13) июля 1863 г., см. также далее комментарий к статье «Виллафранка перед Солферино».

...петербургская история зажигательств...— См. комментарий к стр. 7.

Стр. 206. ...à la ligne...— Герцен использует двойной смысл этого французского выражения, означающего и «построчно», и «на удочку».
...сплетням ∞ немецких газет...— Речь идет, по-видимому, о статье «Бакунин по поводу революционной партии в России», напечатанной в газете «Allgemeine Zeitung», № 164 от 13 июня 1863 г. Она была затем перепечатана в газете «Депь», № 25 от 22 июня 1863 г.

...после двенадцатилетних каземат и сыжлок...— Бакунин с 1849 г. находился в тюрьмах Саксонии, Австрии, в 1851 г. был выдан царскому правительству и заключен в Алексеевский рavelин Петропавловской крепости, с 1854 г. переведен в Шлиссельбург, а в 1857 г. сослан в Сибирь, откуда бежал в июне 1861 г. (см. статью «М. А. Бакунин» — т. XVI наст. изд., а также в «Былом и думах» главу «М. Бакунин и польское дело» — т. XI наст. изд.).

Бакунин ∞ высказывал свое мнение об Литве и Волыни, о Подоле и Украйне.— Бакунин приехал в Лондон 27 декабря 1861 г. 15 февраля 1862 г. в прибавлении к 122-123 листу «Колокола» была опубликована его статья «Русским, польским и всем славянским друзьям», в которой утверждалось право всех народов на самоопределение и развивались идеи демократической федерации славянских народов (см. *К*, стр. 1026—1027).

С нами соглашались деятельные, передовые представители польского восстания.— В письме к издателям «Колокола» «От Центрального народного польского комитета в Варшаве», опубликованном в *К*, л. 146 от 1 октября 1862 г., было заявлено о «полной самоправности всякого народа располагать своей судьбой» (стр. 1205).

С нами соглашались русские офицеры...— Имеется в виду, в частности, адрес «Офицерам русских войск от комитета русских офицеров в Польше», составленный А. А. Потемной и опубликованный в *К*, л. 151 от 1 декабря 1862 г.

Автор превосходной статьи ∞ заключает ∞ земли, заселенные нашими народами.— Герцен цитирует заключительные слова статьи Н. И. Костомарова «Украина», опубликованной в *К*, л. 61 от 15 января 1860 г. и начинавшейся с заявления «сердечной благодарности» Герцену за утверждение права украинского народа на независимость в статье «Россия и Польша» (т. XIV наст. изд.).

Стр. 207. ...адрес Эвели и других его товарищей ∞ чтоб он ее оставил в покое...— О верноподданнических адресах прибалтийского дворянства см. выше, стр. 138, 170 и комментарий к ним, Об оппозиции финской общественности против этой казенно-патриотической кампании см. в наст. томе статьи «Россияда» (стр. 170—171, 174) и «Финляндия и адрес».

Стр. 208. ...они отдадут Ионические острова.— По венскому трактату 1815 г. Ионические острова были отданы под протекторат Англии, но в результате национально-освободительного движения населения островов правительство Англии вынуждено было в 1862 г. поставить вопрос о передаче их Греции при условии избрания греческим королем ставленника Англии датского принца Вильгельма и демилитаризации о. Корфу. Передача Ионических островов комиссару правительства Греции состоялась 30 мая 1864 г. О праве населения этих островов на самоопределение Герцен писал в статье «Россия и Польша» (т. XIV наст. изд., стр. 35).

Что сделала прусская камера, призывая народ ∞ к защите конституции?— Имеются в виду обстоятельства, связанные с «конституционным конфликтом» 1862—1863 гг. между палатой представителей прусского ландтага и министерством О. Бисмарка. Хотя под адресом, выражающим преданность и одобрение палате представителей в связи с этим конфликтом, было собрано 377 500 подписей, либеральные парламентарии не решились

обратиться за реальной поддержкой к народным массам. См. также комментарий к стр. 119.

...торжество, устроенное народом Ковенской губернии осенью 1861? — О манифестациях в память соединения Литвы с Польшей, которые происходили в Ковно в начале августа 1861 г., рассказывалось в корреспонденции «Празднование соединения Литвы с Польшей в Ковне. (Из письма к издателям „Колокола“ от одного русского)», напечатанной в К, л. 107 от 15 сентября 1861 г.

Стр. 209. *Испуганное правительство ∞ вслед за другой демонстрацией в Вильне, подвергло весь край военному положению.* — 12 августа 1861 г. в Вильно, во время народного торжества в память соединения Литвы с Польшей и демонстрации к могиле Ш. Конарского, произошли столкновения полиции с манифестантами (см. заметки «Васильев и Назимов», «Могила Конарского» — т. XV наст. изд.). 5(17) августа 1861 г. Александр II утвердил «Положения Комитета министров о правилах на случай объявления каких-либо местностей Северо-Западного края на военном положении», а 22 августа 1861 г. в Вильно, Гродно и других городах края было объявлено военное положение.

...наше заключение ∞ что если ей не будут препятствовать насильем, то она пойдет с ней. — Имеется в виду заметка Герцена «С кем Литва?», написанная вслед за объявлением военного положения в Северо-Западном крае. В ней автор писал: «...по высочайшему повелению, Литва с Польшей...» (т. XV наст. изд., стр. 152).

...он нам писал ∞ самоправность всякого народа располагать своей судьбой. — Неточная цитата из письма Центрального народного польского комитета в Варшаве издателям «Колокола» (см. К, л. 146 от 1 октября 1862 г., стр. 1205).

...еще раз ∞ повторить наше мнение ∞ («Кол.», 147). — В 147 листе «Колокола» от 15 октября 1862 г. была опубликована статья Герцена «Русским офицерам в Польше» (см. т. XVI наст. изд.).

Стр. 210. ...сегодня пошел на новую опасность. — Подразумевается участие Бакунина в неудавшейся экспедиции Ф. Лапшинского, снаряженной в марте 1863 г. для помощи польским повстанцам. Об этой экспедиции см. в «Былом и думах» главу «Пароход „Ward Jackson“...» — т. XI наст. изд.

«Nord» переводит статьи из «Дня»... — В период польского восстания в субсидируемой царским правительством газете «Le Nord» часто перепечатывались или излагались статьи и корреспонденции газеты «День», направленные против Польши. Так, «Le Nord» 10 апреля 1863 г. помещает перевод корреспонденции из Вильно, напечатанной в «Дне»; в № 134 газеты от 14 мая перепечатан отрывок из статьи «Дня» об амнистии 31 марта; 3 июня 1863 г. в газете приводится выдержка из статьи «Дня», автор которой выступал против идей европейского конгресса для разрешения польского вопроса, в т. д.

Стр. 211. Это было сказано в статье на кончину К. С. Аксакова, «Колокол», 1861. — Герцен не вполне точно цитирует строки из своей статьи «Константин Сергеевич Аксаков», которая была напечатана в К, л. 90 от 15 января 1861 г. (см. т. XV наст. изд.).

...эти слова вызвали дорогой для меня отъезду сочувствия. — 7 июня 1861 г. И. С. Аксаков писал Герцену по поводу его статьи-некролога «Константин Сергеевич Аксаков»: «Вы на мое письмо отвечали такой статьей в „Колоколе“, за которую я вас еще крепче полюбил и которая бесконечно лучше всего, что было сказано и написано о брате и Хомякове у нас, в России, друзьями» («Вольное слово», № 60 от 1 мая 1883 г., стр. 7).

...свежие уроки своих профессоров рабства. — См. комментарий к стр. 310.

...торопившиеся подтянуть паруса... — Намек на еженедельник

И. С. Аксакова «Парус», запрещенный правительством 10 января 1859 г. на втором номере. Об этом сообщалось в публикации «Бешенство цензуры» — *К*, л. 45 от 15 июня 1859 г. (см. редакционные заметки к этой публикации в т. XIV наст. изд., стр. 364 и комментарий к ней).

Стр. 212. *Я не скрывал перед расщиревшим старым миром моего мнения ∞ говорил и после...* — Герцен имеет в виду произведение, написанные им в период Крымской войны — «Старый мир и Россия», «Народный сход в память февральской революции» (см. т. XII наст. изд.), а также более поздние — «Франция или Англия?» (см. т. XIII наст. изд.), главы «Былого и дум» «Il Pianto» и «Post scriptum» (см. т. X наст. изд.), «Джон Стюарт Милль и его книга „On Liberty“» (см. т. XI наст. изд.).

...я писал об них в 1859 году. — Герцен имеет в виду свою статью «Россия и Польша» — т. XIV наст. изд.

Стр. 213. *В начале 61 года в нашем изгнании готовился праздник ∞ я должен был провозгласить тост за Александра II, начавшего освобожденные крестьян!* — Празднование «начала освобождения крестьян» состоялось в лондонском доме Герцена 10 августа 1861 г. О предстоящем празднике Герцен извещал тогда же в заметке «Освобождение крестьян» — т. XV наст. изд., стр. 64. Текст тоста, который он предполагал произнести на этом торжестве, см. в т. XV наст. изд., стр. 217. Подробнее о празднике, омарченном вестью о расстреле мирной демонстрации в Варшаве 8 апреля 1861 г., Герцен говорит в статье «10 апреля 1861 г. и убийства в Варшаве» (т. XV наст. изд.).

...о каких-то подложных манифестах... — См. выше статью «Волжский манифест и Россия в осадном положении» и комментарий к ней.

НЕ ВЕРИМ!

Печатается по тексту *К*, л. 167 от 10 июля 1863 г., стр. 1380, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без подписи. Автограф неизвестен.

Авторство Герцена устанавливается письмом И. С. Тургенева к Герцену от 22 июля 1863 г., в котором Тургенев писал: «Сейчас прочел я № „Колокола“, где упоминается „о французской и английской горчице“ etc. Спасибо тебе, что ты не поверил этому пошлому анекдоту, но мне кажется, что ты бы выразился еще определеннее, если б совершенно не поверил» (см. *Письма КТГ*, стр. 179). В том же письме Тургенев просил Герцена: «Я (<...>) был бы тебе обязан, если бы ты в следующем № „Колокола“ напечатал, что „Мы получили положительное удостоверение, что слова, приписанные г-ну И. Тургеневу, чистая выдумка“» (там же, стр. 180). По просьбе Тургенева Герцен и поместил в следующем листе «Колокола» (л. 168 от 1 августа 1863 г., отдел «Смесь», стр. 1388) заметку с редакционным заглавием «Английская и французская горчица московского „Дня“», дословно повторяющую строки И. С. Тургенева.

Включено в издание М. К. Лемке (*Л* XVI, 398).

Стр. 214. 22 № «Дня» в корреспонденции из Парижа говорит ∞ *жареных польских детей ест с французской, а не с английской горчицей.* — Имеется в виду корреспонденция «Из Парижа», напечатанная за подписью *Х.* в газете «День», № 22 от 1 июня 1863 г., стр. 4—5. Автор ее приписывал И. С. Тургеневу намерение написать «письмо из Кракова» в насмешку над статьями в европейской прессе о зверствах царских войск в Польше.

...каким-то букетом кургановского писмовника... — В «Письмовнике», составленном и изданном в 1777 г. Н. Г. Кургановым, содержались нравоучительные повести, сатирические стихи, пословицы и исторические анекдоты.

Не верим да и только! — Помимо последующего опровержения в «Колоколе» (см. текстологический комментарий), Тургенев направил письмо-опровержение в редакцию газеты «День» (опубликовано в № 29 «Дня» 20 июля 1863 г.). В нем он, в частности, писал: «Я убежден, что мы должны бороться с поляками, но не должны ни оскорблять их, ни смеяться над ними».

ПРОТЕСТ

Печатается по тексту *К*, л. 168 от 1 августа 1863 г., стр. 1381—1382, где опубликовано впервые, с подписью: *И — р.* Этой статьей открывается лист «Колокола». Автограф неизвестен.

Стр. 215. *Если останутся в изгнании десять французов ∞ я буду тот один! В и к т о р Г ю г о.* — Герцен перефразирует последние строки из стихотворения Гюго «Ultima verba».

Проделка адресов ничего не значит. — См. комментарий к стр. 138, 155.

Стр. 216. *Гост Муравьеву — историческое событие.* — См. комментарий к стр. 176.

СИГИЗМУНД СЕРАКОВСКИЙ

Печатается по тексту *К*, л. 168 от 1 августа 1863 г., стр. 1382—1383, где опубликовано впервые, без подписи. Автограф неизвестен.

Принадлежность статьи Герцену определяется упоминанием о знакомстве с Сераковским («Мы познакомились с ним в 1860»), о чем Герцен рассказывал также в «Былом и думах» (см. т. XI наст. изд., стр. 610). Авторство Герцена подтверждает также повествование от первого лица («Не думал я, подтрунивая над его мистическими фантазиями...»).

Включено в издание М. К. Лемке (*Л* XVI, 406—408).

Стр. 218. *Сераковский в очень молодых годах попался в одну из николаевских проскрипций...* — В 1848 г. за попытку перейти границу Э. Сераковский, тогда студент Петербургского университета, был арестован и сослан в арестантские роты, сначала в Новопетровскую крепость на побережье Каспийского моря (ныне г. Форт Шевченко), а затем переведен в Оренбург.

Стр. 219. *...отмены телесных наказаний в армии ∞ имя князя Орлова.* — В 1861 г. посланник России в Бельгии кн. Н. А. Орлов подал на имя Александра II «Записку об отмене телесных наказаний в России и в Царстве Польском». «Записка» была напечатана с сокращениями в *К*, л. 130 от 22 апреля 1862 г. в составе публикации «Князь Орлов и Филарет митрополит». Полный текст «Записки» был опубликован впервые в «Русской старине», 1881, № 3. Об отмене телесных наказаний см. комментарий к стр. 154.

...для изучения на самой практике ∞ дисциплинарных заведений без телесных наказаний. — В результате изучения дисциплинарных уставов современных ему армий Сераковский написал большую работу «Извлечение из писем о военно-полевых законодательствах и о военных учреждениях главнейших европейских государств», опубликованную в «Морском сборнике» 1862 г.

Стр. 220. *...он ∞ останавливался на мечте о независимой Полше и дружественной с ней вольной России.* — Свой взгляд на урегулирование русско-польских отношений Сераковский наиболее ярко выразил в статье «Польский вопрос», которая была обнаружена III отделением уже после казни Сераковского и впервые опубликована в 1884 г. («Русская старина», № 1, стр. 48—60).

...не как военнопленного ∞ а как разбойника!» — Герцен цитирует корреспонденцию «После дела с шайкой Доленго», напечатанную в «С.-Петербургских ведомостях», № 128 от 8 июня 1863 г., стр. 527. Текст корреспонденции ранее приводился Герценом в статью «Россиада» (см. стр. 179 наст. тома и комментарий к ней).

...Сераковскому не было выбора ∞ он должен был идти с своими... — Еще в 1858 г. Сераковский возглавил тайную организацию польских офицеров в Петербурге, готовившихся к борьбе за независимость Польши. В 1862 г. он установил связи с Центральным национальным комитетом в Варшаве и повстанческой организацией в Литве. После начала восстания 1863 г. он направился в Литву, где возглавил повстанческие отряды, состоявшие главным образом из крестьян. Во время одного из сражений с царскими войсками был тяжело ранен, взят в плен и 15 июня 1863 г. повешен в Вильно. См. об этом также в статье «Россиада».

«ДЕНЬ» И «КОЛОКОЛ» «БОГОМОЛЬНАЯ СТАРУШКА В КОМЕДИИ ОСТРОВСКОГО...»

Печатается по тексту К, л. 168 от 1 августа 1863 г., стр. 1383—1386, где опубликовано впервые, с подписью: *Искандер*. Автограф неизвестен.

Стр. 221. *Богомольная старушка* в комедии *Островского* рассказывает ∞ что и решение у него всякий раз выходило не правое. — Герцен перефразирует слова странницы Феклуши в драме А. Н. Островского «Гроза» (действие II, явление I).

Издатель «Дня», отодвинувший на второй план г. Касьянова... — Псевдонимом «Касьянов» была подписана направленная против Герцена статья И. С. Аксакова «Из Парижа». О ней см. выше «„День“ и „Колокол“», «„Колокол“ и „День“».

...г. Аксаков прекрасно доказал это в своем навидании кн. Августина Голицына. — Имеется в виду статья И. С. Аксакова «Письма в редакцию „Дня“ от князя Августина Голицына и г. Герцена» (см. «День», № 25 от 22 июня 1863 г.), на которую Герцен отвечает в настоящей статье, приводя далее в тексте отрывки из нее.

Стр. 223. *Не проиграл ли Павлов на бивуаках «Наше время»?* — Намеки на страсть Н. Ф. Павлова к карточной игре содержатся также в статье «Россиада» (см. стр. 171 наст. тома).

...и Самары... — Намек на казенно-патриотические заявления самарского дворянства, высмеянные Герценом ранее в заметке «Самара» (см. наст. том, стр. 185).

Стр. 223—224. *В 1849 г. я писал моим друзьям в Россию ∞ что я остаюсь на Западе ∞ чтоб начать свободную русскую речь, устроить для России бесцензурный орган...* — Имеется в виду обращение Герцена к русским друзьям «Прощайте!», датированное 1 марта 1849 г., позднее включенное в книгу «С того берега» (см. т. VI наст. изд.).

Стр. 224. «Дело, вами начатое ∞ займет не последнее место в истории русского просвещения, „Колокол“ ∞ заменил в нем совесть». — Цитата из письма Ю. Ф. Самарина к Герцену от 9 мая 1858 г. (см. «Вольное слово», № 59 от 15 апреля 1883 г., стр. 9—12).

...я и сказал, что отвечать г. Касьянову буду в другом месте, что и сделал в прошл. листе «Кол.»... — О своем намерении ответить в «Колоколе» на статью И. С. Аксакова Герцен писал в открытом письме к Аксакову от 10 июня 1863 г. (см. стр. 197 наст. тома). Таким ответом явилась статья «„Колокол“ и „День“ (письмо к г. Касьянову)», напечатанная в 167 листе «Колокола» 10 июля 1863 г. (см. выше).

...до шедоферротьевской брошюры...— Речь идет о брошюре Шедо-Ферроти «Lettre de Mr. Herzen à l'ambassadeur de Russie à Londres avec une réplique et quelques observations de D. K. Schedo-Ferroti» («Письмо А. И. Герцена к русскому послу в Лондоне с ответом и некоторыми примечаниями Д. К. Шедо-Ферроти»), напечатанной в Берлине в декабре 1861 г. (см. об этом в статье «По делу Брутов и Кассиев III отделения» и комментарии к ней—т. XV наст. изд.). На дозволение в марте 1862 г. ее продажи в России Герцен откликнулся заметкой «Брошюра Шедо-Ферроти» (см. т. XVI наст. изд.).

Правительство ∞ разрешило меня ругать.— В 1862 г. была начата статьями М. Н. Каткова и Н. Ф. Павлова инспирированная правительством открытая клеветническая кампания русской реакционной прессы против Герцена. Об этом см. статьи Герцена «Дурные оружия», «По поводу крепких слов г. Каткова и слабостей генерала Потапова» и комментарии к ним (т. XVI наст. изд.), а также публикацию документов из архивов А. В. Головнина и председателя Петербургского цензурного комитета В. А. Цез в ЛН, т. 63, стр. 680—681, 685.

С т р. 225. ...*Москву, запивающую шампанским его труды.*...— См. комментарий к стр. 176—177.

...*молодого героя ∞ который ∞ дрался, как лев, и кротко, бесшумно сошел с диктаторского кресла в австрийскую тюрьму..?*— Речь идет о М. Лянговиче (см. комментарий к стр. 72). По инициативе руководства консервативно-помещичьей партии «белых» он был 10 марта 1863 г. провозглашен диктатором, но уже 19 марта, разбитый царскими войсками, перешел границу Галиции. Там он был арестован австрийской полицией и находился в заключении до 1875 г.

С т р. 226. ...*равне он не сказал в своем первом послании к славянам ∞ что мы «слишком грешны против Польши, чтоб судить ее?»*— См. статью М. А. Бакунина «Русским, польским и всем славянским друзьям»—К, л. 122-123 от 15 февраля 1862 г., стр. 1026.

...*Бакунин поехал в Стокгольм месяцем раньше экспедиции Лапинского и Демонтовича.*...— Бакунин выехал из Лондона в Стокгольм 21 февраля 1863 г. для установления связей с финскими и шведскими революционерами (см. об этом в наст. томе заметку «Пир в Стокгольме», а также в «Былом и думах» главу «М. Бакунин и польское дело»—т. XI наст. изд.). Он присоединился к морской экспедиции под начальством Ф. Лапинского и политическим руководством И. Демонтовича, снаряженной в марте 1863 г. в Лондоне для помощи польским повстанцам, лишь в конце марта, в шведском порту Хальсингборге (об этой неудавшейся экспедиции см. заметку «Ward Jackson» в наст. томе и в «Былом и думах» главу «Пароход „Ward Jackson“...», т. XI наст. изд.).

С т р. 227. ...*морской утке, пущенной на берег русскими крейсерами, боязя в а х т и «продолжительных, и хладных».*— Имеется в виду помещенное в газете «Русский инвалид», № 132 от 16 июня 1863 г. письмо «одного из офицеров крейсирующей у курляндских берегов эскадры». В нем опровергались сообщения печати о буре как причине неудачи второй экспедиции Лапинского, попытавшей высадиться у Мемеля ночью 11 июня 1863 г. (см., в частности, телеграмму из Стокгольма в «Русском инвалиде», № 123 от 6 июня). Автор опровержения писал: «Не буря, а невозможность обмануть бдительность наших крейсеров заставила Лапинского с братией вернуться в Швецию». Подробности о неудавшемся десанте см. в ЛН, т. 41-42, стр. 560—562. «Продолжительных и хладных»— слова из ч. I поэмы К. Ф. Рыльева «Войнаровский» (см. также т. XVI наст. изд., стр. 233).

...*убийство раненых (которое теперь приняло на себя правительство.*...— Имеется в виду, в частности, казнь тяжело раненного З. Сераковского (см. выше «Сигизмунд Сераковский»).

...офицер генерального штаба, Мехеда, был убит, останавливая русских солдат.— См. в наст. томе заметку «Домбровский и Мехеда».

Стр. 228. В моем письме г. Касьянову я признался, что ∞ мало жалею ∞ чиновников III отделения...— См. стр. 205 наст. тома.

В прошлом «Колокола» мы скакали ∞ в руках полиции, тупой и бесчеловечной, бедна дорогих людей.— См. стр. 212 наст. тома.

Стр. 229. ...Альфieri посвятил свои трагедии— *al popolo italiano libero futuro?*..— «Итальянскому народу, свободному в будущем» — слова из посвящения В. Альфери к трагедии «Брут Второй», написанной в Париже в 1789 г.

... А ДЕЛО ИДЕТ СВОИМ ЧЕРЕДОМ

Печатается по тексту К, л. 168 от 1 августа 1863 г., стр. 1388, где опубликовано впервые, с подписью: И — р. Автограф неизвестен.

Стр. 230. «*The emperor of Russia ∞ is at the head of it*»... — «Русский император сам сейчас первый революционер в Европе.. Это — народное восстание против собственности и император во главе его» (англ.) — слова бывшего генерал-губернатора Индии лорда Э. Элленборо из речи его в английской палате лордов 24 июля 1863 г. Речь была опубликована в газете «The Times», № 24620 от 25 июля 1863 г., стр. 6.

Много раз ставили мы вопрос: кому служат все ужасы ∞ И намекали на суженого, которого конем не объедешь («Кол», л. 165)... — Герцен, в частности, имеет в виду свою статью «Россиада», второй и третий разделы которой были опубликованы в К, л. 165 от 10 июня 1863 г. (см. стр. 156 наст. тома).

...я забыл вам старые грешки, неплоченные прогоны, отложенные деньжонки, противодействие освобождению крестьян... — Административно-бюрократическая деятельность М. Н. Муравьева была отмечена множеством злоупотреблений и прямым казнокрадством. Будучи одновременно министром государственных имуществ, начальником межевого корпуса и департамента уделов, Муравьев во время летней поездки по России в 1858 г. воспользовался прогонными деньгами по всем трем ведомствам (об этом см. заметку Герцена «Крайне нужно», т. XV наст. изд., стр. 115 и комментарий, а также П. В. Д о л г о р у к о в. Михаил Николаевич Муравьев, Лондон, 1863, стр. 30). Крайне реакционной позиции Муравьева в Главном комитете по крестьянскому делу и его выступлениях против отмены крепостного права Герцен писал в статьях «Одесную и ошугу», «Накануне», «Манифест», «День страха» (см. т. XV наст. изд.). В 1861—1862 гг. Муравьев был постепенно отставлен от всех перечисленных должностей, однако 1 мая 1863 г. в связи с польскими событиями и общим поворотом правительства к политике крайних мер он был назначен военным генерал-губернатором шести северо-западных губерний и наделен чрезвычайными полномочиями. Об этом назначении Герцен писал во втором разделе «Россиады» (см. выше в наст. томе).

Стр. 231. ...мы, скаавшие, что мы первый дворянин московский? — Герцен имеет в виду речь Александра II, обращенную к московскому дворянству 28 ноября 1862 г. (см. комментарий к стр. 7). Возможно, что Герцен вспомнил по этому поводу речь Александра II от 4 сентября 1859 г., обращенную к депутатам губернских комитетов, вызванным в Петербург (см. комментарий к стр. 11).

...месяц тому назад мы скавали, что сам царь ∞ сейчас ударится в Пугачевы.— См. третий раздел «Россиады» (стр. 169 наст. тома).

...нашу философию дела, и дущего своим чередом, и зародыша, развивающегося путем безумным, когда ему нет разумного выхода.— См. стр. 169 наст. тома.

Стр. 231—232. ...сколько раз толковали мы, что петровская империя — диктатура, не имеющая никаких нравственных начал ∞ ее цель — в л а с т ь и д и н а с т и я.— Герцен писал об этом, в частности, в статьях «Русское крепостничество» (см. т. XII наст. изд., стр. 54), «Старый мир и Россия» (там же, стр. 190—191, 195).

Стр. 232. ...гайдамачущия императрица.— Имется в виду Екатерина II в связи с ее отношением к крестьянско-казацкому восстанию гайдамаков против гнета польской шляхты на Правобережной Украине в 1768 г. Екатерина II вначале поощряла движение гайдамаков, ослаблявшее враждебных ей польских магнатов. Когда же крестьянская война получила широкое распространение, она в ответ на просьбы поляков дала приказ войскам усмирить восстание, использовав его для усиления своего влияния в Польше. О провокационной роли Екатерины II в отношении движения гайдамаков Герцен писал также ранее в статьях «По поводу письма из Волыни» (см. т. XV наст. изд.), «Плач» (см. выше в наст. томе).

...почему меры ∞ отдачи земель крестьянам,—первые представились правительству е с т е с т в е н н ы м и, н е о б х о д и м ы м и и в о з м о ж н ы м и? Об этом мы поговорим в следующей статье.— 1 марта 1863 г. Александр II подписал указ сенату об обязательном выкупе наделов временнообязанными крестьянами Северо-Западного края, которые причислялись с 1 мая к разряду крестьян-собственников. При этом размер выкупных платежей устанавливался на 20% меньше оброка, предусмотренного ранее уставными грамотами. Предпринималась также конфискация земель участников восстания с передачей ее крестьянам. Этим вопросам Герцен посвятил статью «Вывод из владения», опубликованную в следующем, 169 листе «Колокола» от 15 августа 1863 г. (см. в наст. томе). Мотивы подобных действий правительства, вызванных крестьянским демократическим аграрным движением, он анализирует в «Письме к Гарибальди» (см. т. XVIII наст. изд.).

Почему ∞ Центральный комитет польский с самого начала поставил общей основой уступку земли крестьянам и выкуп ее правительством? — В манифесте и декрете от 22 января 1863 г., изданных Центральным национальным комитетом, говорилось, что земля, которой крестьяне пользуются на правах чинша или барщины, становится их абсолютной собственностью. Безземельным участникам восстания была обещана земля после победы. За все убытки шляхте гарантировалось вознаграждение из государственных фондов. На решении аграрного вопроса в этих документах уже сказалась шляхетская ограниченность в руководстве восстанием, еще более углубившаяся затем с захватом диктатуры «белыми», противодействовавшими введению их в действие.

Почему при начале восстания в Литве земля провозглашена принадлежностью крестьян? — Провинциальное временное революционное правительство в Литве и Белоруссии выпустило 1 февраля 1863 г. в Вильно «Manifest Rządu Polskiego», в котором провозглашалась передача крестьянам «в полную собственность без денежного оброка и выкупа» обрабатываемой ими земли и наделение землей батраков. Распространение и начавшееся проведение в жизнь этого манифеста под руководством предводителя повстанцев в Литве революционного демократа З. Сераковского привлекло здесь к восстанию широкие крестьянские массы. Ф. Энгельс писал К. Марксу 8 апреля 1863 г.: «Литовское движение сейчас самое важное, так как оно 1) выходит за границы конгрессовой Польши и 2) в нем принимают большое участие крестьяне, а ближе к Курляндии оно приобретает даже прямо аграрный характер» (К. М а р к с и Ф. Э н г е л ь с. Сочинения, т. XXIII, стр. 142). Лишь после гибели Сераковского и проведения в жизнь

провокационных приказов М. П. Муравьева о конфискации в пользу крестьян земли шляхты, участвовавшей в восстании, и царских указов о немедленном выкупе наделов с помощью правительства крестьянское движение в Литве постепенно пошло на убыль.

ВИЛЛАФРАНКА ПЕРЕД СОЛФЕРИНО

Печатается по тексту *R*, л. 169 от 15 августа 1863 г., стр. 1389, где опубликовано впервые, без подписи. Этой заметкой открывается лист «Колокола». Автограф неизвестен.

Включено в издание М. К. Лемке (*Л XVI*, 436) со следующей справкой: «Принадлежность устанавливается запиской сына Герцена к старшей сестре» (*Л XVI*, 576).

Авторство Герцена подтверждается идейно-тематической связью с другими его статьями на ту же тему. Упоминание о «тостах» Муравьеву перекликается со следующим местом из статьи Герцена «Протест»: «Тост Муравьеву — историческое событие» (наст. том, стр. 216).

С самого начала польского восстания Герцен предостерегал польских демократов от неоправданных надежд на помощь Западной Европы в деле национального освобождения Польши (см. в наст. томе статьи «Resurrexit!», «Great Western», «Sta, Borussia!», «Между молнией и громом», «Первое мая», «Чего они так испугались?», «Польский мученик» и др.).

Дипломатическое вмешательство Англии, Франции и Австрии в польские дела — их коллективные ноты русскому правительству от 5 (17) апреля и 15 (27) июня 1863 г. — не могли помешать царской расправе с восставшей Польшей. Внутренние противоречия, раздравшие эту группировку, обрекали ее выступления на бессилие. Так, например, правительство Пальмерстона, натравливая Наполеона III на Россию, стремилось к дипломатической изоляции Франции и в самый критический момент «заступничества» за Польшу — перед подписанием резкого ультиматума царю от 15 (27) июня — вступило в закулисные переговоры с царскими министрами (см. «В этапе», стр. 245 наст. тома и комментарий к ней). Ободренный этим, А. М. Горчаков в своих ответных нотах от 14 (26) апреля и 1 (13) июля 1863 г. решительно отверг все требования западных держав (о перемирии с повстанцами, европейском конгрессе для решения польских дел и т. п.).

Последовавшие за этим заключительные дипломатические выступления трех держав были разрозненными: нота Франции от 3 (15) августа, Англии — от 30 июля (11 августа), Австрии — от 31 июля (12 августа) 1863 г. — и, знаменуя их поражение, содержали лишь бессильные увещания и призывы к «осуществлению умеренных и примирительных видов трех держав».

Статья Герцена, написанная по следам этих нот, уже самим заглавием высмеивает дипломатическое отступление западных держав, прикрытое видимостью угроз: Сольферино — деревня в Италии, где 24 июня 1859 г. произошло генеральное сражение между франко-пьемонтскими и австрийскими войсками. Поражение Австрии в этой битве привело к заключению мира 11 июля 1859 г. в городке Виллафранка.

Стр. 233. ...к чему 1812 год без неприятеля и с своими двенадцатью подкупленными явками? — Русское правительство и служившая ему казенно-патриотическая пресса («Московские ведомости», «Наше время», «Северная пчела» и др.) намеренно преувеличивали угрозу войны со стороны Франции, Англии и Австрии, чтобы подхлестнуть шовинистические настроения и обеспечить поддержку общества в борьбе с революционерами как «изменниками» национальному единству перед лицом «неприятеля».

Печатается по тексту *К*, л. 169 от 15 августа 1863 г., стр. 1389, где опубликовано впервые, без подписи. Автограф неизвестен.

Включено в издание М. К. Лемке (*Л XVI*, 436) со следующей справкой: «Принадлежность устанавливается запиской сына Герцена к старшей сестре» (*Л XVI*, 577).

Авторство Герцена подтверждается редакционным характером заметки («его имя как имя Кельсиева, знаком нашим читателям», «От души приветствуем их обоих в Европе»), а также ее стилистическими особенностями, в частности, каламбурным построением следующей фразы: «Он предпочел — и прекрасно сделал — оставить сначала *частный* дом, в котором содержался, а потом и *общий* острог, в котором содержится Россия». (ср. в фельетоне Герцена «Антракт и hors-d'œuvre»: «...частный дом, так называемый потому, что он общий полицейский» — т. XIX наст. изд.).

Вольнослушатель Московского университета И. И. Кельсиев был одним из наиболее активных участников студенческих волнений в октябре 1861 г. 12 октября 1861 г., когда студенческая демонстрация пришла к дому московского генерал-губернатора П. А. Тучкова, Кельсиев в составе делегации трех студентов отправился к нему для переговоров и был арестован. По повелению Александра II от 6 февраля 1862 г. он был выслан в г. Верхотурье Пермской губ. (см. корреспонденцию «Студент И. Кельсиев и шайка разбойников-бюрократов» в *К*, л. 134 от 22 мая 1862 г.), а 30 июля 1862 г. вновь арестован на месте поселения и отправлен в Петропавловскую крепость для расследования его прикосновенности к революционной пропаганде. Началось следствие по поводу написанной им перед ссылкой и предназначенной для «Колокола» статьи, которая была обнаружена при обыске у студента П. А. Шипова.

12 марта 1863 г. определением сената Кельсиев был приговорен к четырехмесячному заключению в крепости и возвращению на жительство в Верхотурье (см. «Дело П. А. Шипова и И. И. Кельсиева» в сб. «Политические процессы 60-х годов», т. I, под ред. Б. П. Козьмина, М.—Л., 1923, стр. 66—136). С ноября 1862 г. Кельсиев содержался в Пречистенском «частном доме» в Москве, откуда он, выпилив оконную решетку, бежал в ночь на 25 мая 1863 г. при поддержке Центрального комитета общества «Земля и воля» (см. «Материалы для истории революционного движения в России в 60-х гг.» под ред. Базилевского, Париж, 1905, стр. 114—116, 129—130 и др.). Он отправился пароходом вниз по Волге, далее в Таганрог и морем в Константинополь, куда прибыл 2 (14) июля 1863 г. (о подробностях побега см. письма его к гр. Е. В. Салиас де Турнемир — *ЛН*, т. 41—42, стр. 105—110 и к В. Т. Кельсиевой — *ЛН*, т. 62, стр. 255—258). 1 ноября 1863 г. в «Колоколе» было опубликовано заявление Кельсиева, в котором он благодарил Комитет и членов общества «Земля и воля» за содействие в побеге. Впоследствии Герцен посвятил молодому революционеру-демократу в связи с его безвременной смертью статью-некролог «И. И. Кельсиев» (см. т. XVIII наст. изд.) и упомянул о нем на страницах «Былого и дум» (т. XI наст. изд., стр. 336—339).

Н. И. Утин с 1857 по 1861 г. был студентом историко-филологического факультета Петербургского университета и являлся одним из вожаков студенческого движения. С 26 сентября по 4 декабря 1861 г. он содержался под арестом сначала в Петропавловской крепости, затем в Кронштадте (см. корреспонденцию «Студентское дело» в *К*, л. 112 от 15 ноября 1861 г., стр. 935). После освобождения по поручительству отца, установив связь с петербургским революционным подпольем, Утин с марта 1862 г. вступает в члены «Земли и воли», становится одним из ее активных деятелей. Получив сведения о готовящемся аресте, он уехал из Петербурга

2 мая 1863 г. и через один из южных портов бежал из России, направляясь в Лондон (см. Л. Ф. Пантелеев. Воспоминания, М., 1958, стр. 324—325). В том же листе «Колокола», где была помещена комментируемая статья, было напечатано письмо Утина Центральному комитету общества «Земля и воля», датированное 28 июля (10 августа) 1863 г., которое содержало благодарность за «своевременное предупреждение о грозившей гибели, за средства, как денежные, так и все другие; за пути, которые были <...> указаны» (стр. 1396). Вскоре после отъезда Утина, 18 мая 1863 г., у него в квартире был произведен обыск, а затем он был заочно предан военному суду при динабургском ординанс-гаузе и приговорен 27 ноября 1865 г. к расстрелу.

О взаимоотношениях, сложившихся между редакторами «Колокола» и Утиным, см. публикацию его писем к ним в ЛН, т. 62, стр. 607—690.

Стр. 234. *И. Кельсиев, брат издателя раскольнических сборников...*— И. И. Кельсиев был младшим братом В. И. Кельсиева. В Лондоне В. И. Кельсиев жил до осени 1862 г. и занимался главным образом изучением раскола, составил, в частности, четыре выпуска «Сборника правительственных сведений о раскольниках» (вып. I— в 1860 г., вып. II— в 1861 г., вып. III и IV— в 1862 г.), снабдив их предисловиями, в которых преувеличивал значение религиозных форм протеста. Характеристике В. И. Кельсиева Герцен посвятил главу «В. И. Кельсиев» в «Былом и думах» (т. XI наст. изд.).

...его выписывали для каких-то допросов по делу Аргиропуло и Зайчневского. Аргиропуло умер в тюрьме. Зайчневского отправили в каторжную работу. — Вторичный арест И. И. Кельсиева не имел непосредственного отношения к делу П. Э. Аргиропуло и П. Г. Заичневского, арест которых в июле 1861 г. положил начало следствию по обвинению их и многих членов их кружка (в том числе Я. Сулина, А. В. Новикова и И. И. Гольд-Миллера) в литографировании запрещенных сочинений, в создании тайной типографии и печатании революционных прокламаций. Приговор по этому делу был утвержден Александром II в ноябре 1862 г. П. Э. Аргиропуло умер в полицейской больнице 18 декабря 1862 г., еще до объявления приговора (2 января 1863 г.) (см. об этом корреспонденцию «Кончина Аргиропуло», напечатанную в К, л. 155 от 1 февраля 1863 г., стр. 1293). П. Г. Заичневский, обвинявшийся, помимо сказанного, в публичном произнесении «возмутительной» речи и революционной пропаганде среди крестьян, был приговорен к каторге на год, с оставлением на поселении в Сибири (см. «Политические процессы 60-х годов», т. I, под ред. Б. П. Козьмина, М.— Л., 1923, стр. 137—269).

ВИСЕЛИЦЫ И ЖУРНАЛЫ

Печатается по тексту К, л. 169 от 15 августа 1863 г., стр. 1389—1390, где опубликовано впервые, с подписью: *И — р.* Автограф неизвестен.

Стр. 235. *С университетских историй, с петербургского пожара...*— См. комментарий к стр. 7 и 8.

...*требование небывалых казней*...— О статьях «Отечественных записок», содержавших такие требования, см. комментарий к стр. 59.

...*называть открытых противников ∞ бандитами ∞ тот же журнал отвечал: разумеется, казнить*...— Герцен приводит, в частности, слова из статьи И. С. Аксакова «Письма в редакцию „Дня“ от князя Августина Голицына и г. Герцена» («День», № 25 от 22 июня 1863 г.,

стр. 20), которые он уже ранее цитировал и комментировал в статье «„День“ и „Колокол“» (см. стр. 225 наст. тома). В статье М. О. Кояловича «Пора собираться домой», напечатанной в газете «День», № 28 от 13 июля 1863 г., говорилось: «Что делать с людьми, которые из-под земли управляют делами польских шаек в русской отчизне? <...> Казнить, — отвечает единогласно и государственная и народная сила».

Стр. 236. ...ни Англия по Гнейсту... — Аргументацию из работ немецкого государствоведа Р. Гнейста, поборника английской системы безвозмездных должностей в органах самоуправления, обеспечивавшей участие в них только имущих классов, использовал в своих статьях 50-х годов М. Н. Катков (см. также статью Герцена «Какое правление в России?», стр. 145 наст. тома).

...красноречивые умалчивания «Моск. вед.» об измене Константина Николаевича и графа Велёпольского... — О нападках «Московских ведомостей» на политику вел. князя Константина Николаевича в Польше Герцен упоминал неоднократно, приводя выписки из статей М. Н. Каткова (см. «Что они так испугались?» — стр. 141 наст. тома, «„Всеобщий дневник“ и „Московские ведомости“» — стр. 134—135 наст. тома, «Россиада» — стр. 167 наст. тома).

В передовых статьях «Московских ведомостей» Катков недвусмысленно намекал на необходимость отстранения вел. князя Константина, требовал сосредоточения всей полноты власти в Польше в руках военной администрации, намекая на измену польских гражданских властей и их главы А. Велёпольского (см., например, передовые статьи в «Московских ведомостях», № 141 от 28 июня, № 144 и 145 от 3 и 4 июля 1863 г.). О дальнейших выпадах Каткова против вел. князя Константина см. статью «Ввоз нечистот в Лондон» и комментарий к ней.

Стр. 236—237. *Один повествует, как дрожали ноги у человека, приведенного ∞ для расстреливания.* — См. стр. 177 и комментарий к ней.

Стр. 237. *Другой ∞ как в глазах была видна тревога.* — См. стр. 178 и комментарий к ней.

Один мирный фельетонист ∞ вот как выражается ∞ тогда бы, мне кажется, это было несколько похоже. — Герцен цитирует отрывок из рассказа В. В. Крестовского «Сильные ощущения под Петербургом», входившего в цикл «Фантастические рассказы из действительного мира» и напечатанного в газете «Северная пчела», № 188 от 16 июля 1863 г.

ВЫВОД ИЗ ВЛАДЕНИЯ

Печатается по тексту *К*, л. 169 от 15 августа 1863 г., стр. 1390—1391, где опубликовано впервые, с подписью: *И — р.* Автограф неизвестен.

В настоящем издании в текст внесено следующее исправление:
Стр. 241, строка 14: рукавицы вместо: рукавицами.

Стр. 239. ... с богом в дальнюю дорогу. — Слова из «Похоронной песни» А. С. Пушкина (цикл «Песни западных славян»).

А души-то подвемные шепчут ∞ Гретхен — Муравьев спрашивает Ihr Fläschchen (mit Tinte), Nachbarin... — В «Фаусте» Гёте (ч. I), в сцене «Собор», когда нашептывания злого духа приводят Маргариту к обмороку, она, падая, кричит: «Nachbarin! Euer Fläschchen!» («Соседка, вашу склянку!»). Иронически вкладывая эти слова в уста Муравьева-Вешателя, Герцен добавляет в скобках: «с чернилами».

Стр. 241. *Далеко шел Грахх Бабеф ∞ наш татарский Грахх...* — Герцен проводит ироническую параллель между провокационными действиями Муравьева и подлинно демократическими аграрными реформами римского трибуна Т. Гракха (133 г. до н. э.), а также требованиями урав-

нительного распределения земли, выдвинутыми в период французской революции Г. Бабефом.

ПИСЬМО ИЗ ГЕЙДЕЛЬБЕРГА

Печатается по тексту *К*, л. 169 от 15 августа 1863 г., стр. 1396, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь» (в тексте «Колокола» название отдела отсутствует, по-видимому, по недосмотру; в оглавлении он обозначен), без подписи. Автограф неизвестен.

Авторство Герцена определяется важностью содержащегося в заметке редакционного заявления, которое не раз повторялось в статьях и заметках Герцена. Так, в статье «По делу Брутов и Кассиев III отделения» Герцен писал: «Мы никогда не обязывались печатать все, что посылается нам, особенно все, что посылается против нас <...> мы не брали на себя смешной роли людей, позволяющих себя наказывать своими собственными руками» (т. XV наст. изд., стр. 181). Ср. также сходное заявление в статье «Г-н М. Хотинский и III отделение»: «Засим издатели „Колокола“ отказываются от помещения всякого рода писем и статей г. Хотинского, — кроме „Колокола“, есть много органов для таких продуктов» (наст. том, стр. 191).

Включено в издание М. К. Лемке (*Л* XVI, 462—463).

«Письмо из Гейдельберга», упомянутое в заметке, в дошедших до нас частях архива «Колокола» не найдено, и содержание его установить не удалось. По-видимому, оно принадлежало одному из членов гейдельбергской эмигрантской колонии (см. статью Б. П. Козьмина «Герцен, Огарев и „молодая эмиграция“» — *ЛН*, т. 41-42, стр. 5).

ТОЧКА ПОВОРОТА

Печатается по тексту *К*, л. 170 от 1 сентября 1863 г., стр. 1397, где опубликовано впервые, без подписи. Этой заметкой открывается лист «Колокола». Автограф неизвестен.

Авторство Герцена определяется редакционным характером заключительных строк и содержащейся в них прямой ссылкой на статью «Протест» (см. наст. том, стр. 215—217).

Включено в издание М. К. Лемке (*Л* XVI, 472—473).

С т р. 243. *Подписавшие этот акт ∞ не ждали нашего протеста...* — Имеется в виду статья Герцена «Протест».

В ЭТАПЕ

Печатается по тексту *К*, л. 170 от 1 сентября 1863 г., стр. 1397—1400, где опубликовано впервые, с подписью: *И — р.* Автограф неизвестен.

Статья Герцена посвящена разоблачению идеологии и политики русского либерализма пореформенной эпохи. Вновь выступая с позиций «русского общинного социализма» против стремлений либеральных «доктринеров» вести страну избитыми путями буржуазной цивилизации, с ее кричащими противоречиями, Герцен вскрывает тот новый политический смысл, который приобрела их проповедь «западно-восточного консерватизма» в период реакции 60-х годов. Он показывает, что «доктриную»

щие цивилизаторы» типа М. Н. Каткова, Н. Ф. Павлова, Б. Н. Чичерина взяли теперь на себя роль ее идеологического авангарда.

Развивая проблематику статьи «Виселицы и журналы», Герцен в настоящей статье приходит к мысли, что крутой поворот либеральной журналистики к национализму и шовинизму знаменует наступление нового этапа в идейной жизни России, отмеченного резким размежеванием демократии и либерализма. В свете этих исторических сдвигов осмысливаются Герценом изменения в отношении русского общества к его собственной деятельности — потоки клеветы и инсинуаций против него со стороны либеральной прессы, падение популярности «Колокола» у «большинства читающей России». Симптомы такой «опалы» Герцен видел к этому времени также в снижении спроса на лондонские издания. Раздумьями об этом он делится с дочерью Н. А. Герцен и М. Мейсенбу в письме от 26 августа 1863 г., сообщая им о возникшем плане перевода типографии на континент: «Мы помышляем ехать не просто от скуки <...>, при здешних ценах содержать на свой счет типографию (ничего не продается теперь) нельзя...»

Травлю со стороны либералов Герцен осознает теперь как неизбежный результат нового соотношения политических сил в стране, приведшего к объединению дворянского общества, либеральной печати и власти в борьбе против лагеря демократии. Утверждая в этих условиях важность решительного очищения от либерального «охвостья» и перерастания дореформенной полемики в открытую борьбу с либералами, статья «В этапе» служит, таким образом, ярким подтверждением ленинской характеристики идейной позиции Герцена в период реакции.

Наряду с падением спроса на «Колокол» в либеральной среде и несмотря на значительное усложнение путей проникновения «Колокола» в Россию, популярность изданий Герцена в кругах разночинно-демократической молодежи в 1862—1863 гг. была очень велика. Принципиальная и трезвая оценка Герценом перспектив политической борьбы в России, данная, в частности, в настоящей статье, была безоговорочно поддержана многими деятелями революционно-демократического движения (см., например, письмо к Герцену Л. Мечникова от 8 августа 1863 г., напечатанное в составе статьи «Точка поворота» — стр. 243 наст. тома, письма к нему же И. И. Кельсиева от сентября и В. О. Ковалевского от 22 октября 1863 г. — ЛН, т. 62, стр. 229—230, 232, 262). «Я никогда не рассчитывал на ту массу, которая открыто высказывает теперь все свое нравственное безобразие, — писал Герцену И. И. Кельсиев. — Эта масса и прежде была, как и теперь есть, нашим прямым врагом. С одной стороны, это масса служащего и эксплуатирующего народ дворянства, с другой — это купечество и вообще все книжники <...>. Мы же социалисты и крайние сторонники народа, мы революционеры <...>. Мы никогда не могли быть с ними, и если они были, по-видимому, на нашей стороне, если они либеральничали и непрочь были почитать „Колокол“, то это только по непониманию дела и по какому-то суеверному преклонению перед вашим авторитетом <...>. Итак, только на передовых людей должен рассчитывать „Колокол“. Он должен быть их отголоском и руководителем, он должен направлять движение.»

Статья «В этапе», продолжая линию таких боевых выступлений «Колокола», как «Ученая Москва», «Москва нам не сочувствует», «Молодая и старая Россия» (т. XVI наст. изд.), «Протест» (наст. том), и вскрывая политические истоки ренегатства либералов, явилась одной из вех в размежевании и борьбе русской демократии и либерализма — «двух исторических тенденций, двух исторических сил, которые с тех пор и вплоть до нашего времени, — как писал Ленин в 1911 г., — определяют исход борьбы за новую Россию» (В. И. Ленин. Сочинения, изд. 4, т. 17, стр. 96).

Стр. 244. 179 стр. «С того берега». — Герцен ссылается на первое русское издание «С того берега», вышедшее в Лондоне в 1855 г. (см. т. VI наст. изд., стр. 123).

Стр. 245. Оно развивается уродливо, безумно, преступно — но и идет своим чередом. — О назревшем аграрном перевороте и неизбежности социального переустройства России Герцен писал ранее в статьях «Россиада», «...А дело идет своим чередом», «Вывод из владения» и др. (см. выше в наст. томе).

...у нас, как у Ноздрева, по эту сторону границы и по ту — все наше. — Подразаываются слова Ноздрева в поэме Гоголя «Мертвые души»: «Вот граница! все, что ни видишь по эту сторону, все это мое, и даже по ту сторону, весь этот лес, который вон синее, и все, что за лесом, все это мое» (т. I, гл. IV).

Философию собак, которую недавно нам проповедовал один великорусский журнал... — Имеется в виду статья И. С. Аксакова «Из Парижа (Письмо III)», опубликованная в газете «День», № 19 от 11 мая 1863 г. Клеветнически обвиняя Герцена в приглашении интервентов на русскую землю, Аксаков писал: «Народ не поддается ласкательствам непрошенных и неуполномоченных попечителей о его благе, которые захотят отделить народное дело от государственного и предложить ему чужестранную помощь против русского же правительства!.. Неужели Герцен забыл русскую пословицу: свои собаки грызутся, чужая не приставай?»

...отвергаем пошлую non-intervention дипломатов... — Имеется в виду английская политика «невмешательства», о которой ранее Герцен с возмущением писал в статье «Польский мартиролог» (см. стр. 202 наст. тома).

...пивовары Берклея и Перкинса, выдравшие ус Гейнау... — Речь идет об австрийском фельдмаршале Ю. Гейнау, палаче венгерской революции и народных восстаний в Италии в 1848—1849 гг. Посетив во время поездки в Лондон в сентябре 1850 г. пивоваренный завод Barclay and Perkins, он был встречен там взрывом негодования рабочих (см. об этом также заметку «Тимашев, сидите дома, как Бейст, не ездите, как Гейнау» — т. XV наст. изд.).

...министры пьют портер Берклея с Бруновым в то время, как гнусный царский сапран изводит поляков. — Ультимативная нота Англии, Австрии и Франции, врученная А. М. Горчакову 15 (27) июня 1863 г., содержала, в частности, требование заключить перемирие с повстанцами и предоставить европейскому конгрессу решение польского вопроса. В то же время посол России в Лондоне Ф. И. Брунов писал А. М. Горчакову 28 мая (9 июня) 1863 г. о своих беседах с английским министром иностранных дел Д. Росселем: «Лорд Россель сказал мне, что дело идет о простом обмене мнениями и что в интересах полубовного соглашения желательно, чтобы этот обмен происходил в духе взаимного примирения. Я ответил ему, что соответственно этому желал бы, чтобы между кабинетами происходила беседа, а не ссора. Россель заверил меня, что это определение полностью согласуется с его желаниями» (цитируется по книге В. Г. Ревуленкова «Польское восстание 1863 г. и европейская дипломатия», Л., 1957, стр. 293).

Стр. 246. ...non possumus... — «Не можем» (лат.) — так, по библейской легенде, отвечали апостолы Петр и Иоанн на приказание израильских старейшин и правителей не проповедовать учение Христа (см. «Деяния святых апостолов», IV, 20). Эти слова стали затем формулой отказа римских пап от выполнения требований светской власти.

Стр. 248. ...à la guerre comme à la guerre. — «На войне, как на войне» — французская поговорка.

Стр. 250. Выдумали матрикулы и Путьятина ∞ набили самих студентов на Тверской площади в Москве... — О студенческом движении

и правительственных репрессиях осенью 1861 г. см. в наст. томе статьи «MDCCLXIII», «Кельсиев и Утин», «Россиада» и комментарии к ним.

Стр. 251. *Головнин и Валуев учредили открытые рынки, на которых покупались «мертвые души» литературного мира?* — Е. М. Феоктистов, служивший в 1863 г. чиновником особых поручений при А. В. Головнине, передает в своих мемуарах следующий отзыв последнего по поводу перехода цензуры с января 1863 г. в ведомство министерства внутренних дел: «В прежнее время министерство народного просвещения преследовало печать, с этой минуты оно обязано покровительствовать ей, не щадить средств для ее поощрения... Я испросил у государя известную сумму денег, которую мне хотелось бы ежегодно распределять между нашими учеными <...> редакторами педагогических журналов». Феоктистову было поручено распределение этих денег (см. Е. М. Феоктистов. За кулисами политики и литературы, Л., 1929, стр. 134—135). Одной из газет, получивших в 1863 г. правительственную субсидию, был «Голос» А. А. Краевского (см. Л XVI, стр. 236—237).

«Все изменилось под нашим зодиаком». — Строка из анонимного фривольного двустушия, приписываемого А. С. Пушкину.

...он глубоко врос в сердце *«Нашего времени»*, *«Моск. ведомостей»* и других *«Пчел»* и *«Записок»*. — Газета «Наше время», наряду с другими перечисленными изданиями, наиболее рьяно подстрекала правительство к походу на революционеров в июне 1862 г., повторяя, что «пожары происходят от поджогов, имеющих политический отенок» (№ 120 от 7 июня 1862 г., стр. 477), требуя «действительных мер <...> к отвращению злоумышленных попыток нарушить общественное спокойствие» (см. статью С. Славутинского «Пожарные волонтеры» в № 116 от 2 июня, стр. 463). 3 июня 1862 г. редактор газеты Н. Ф. Павлов недвусмысленно указал в передовой статье «на среду, где скрывается источник неописанных страданий петербургского населения». Обрушив потоки клеветы на авторов «Молодой России», он прибавлял: «Намерение волновать Россию идет издалека, не ограничиваясь заставами Петербурга и даже границами нашего отечества» (стр. 477). А в корреспонденции из Петербурга, напечатанной в газете 9 июня, прямо называлось имя Герцена в числе организаторов революционных козней «бунтовщиков и поджигателей» (см. стр. 488). С газетой «Наше время» вполне солидаризировались в требовании «серьезных и радикальных мер» и инсинуациях по адресу революционеров «Отечественные записки» (см. «Современная хроника России» в № 6 журнала, июнь 1862 г., стр. 46—47, 58—59), а также «Северная пчела», предлагавшая использовать добровольцев в помощь полиции (см. № 143 от 30 мая, № 144 от 31 мая, № 145 от 1 июня, № 146 от 2 июня, № 151 от 7 июня 1862 г. и др.).

Государь рука об руку с Катковым на бале московского дворянства напоминает прогулку Нерона с Пифагором по улицам Рима. — О беседе Александра II с М. Н. Катковым на балу, данном московским дворянством 6 декабря 1862 г., см. выше в статье «Донос или не донос?» и в комментарии к ней. Открытый союз Каткова с царем Герцен саркастически сравнивает с одним из эпизодов чудовищных оргий римского императора Нерона, который в 64 г. н. э. публично отпраздновал свое «бракосочетание» с вольноотпущенником Пифагором (см. С. T a s i t. Annales, XV, 40).

ИЗ ЗАВЕДЕНИЯ А. А. КРАЕВСКОГО

Печатается по тексту К, л. 170 от 1 сентября 1863 г., стр. 1402—1403, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», с подписью: *И — р.* Автограф неизвестен.

Стр. 252. «Голос», № 195. — Герцен цитирует часть статьи «Вседневная жизнь», напечатанной анонимно в газете А. А. Краевского «Голос», № 195 от 30 июля 1863 г.

...занимаясь двадцать пять лет пристанодержательством в русской литературе... — С 1839 г. А. А. Краевский издавал «Отечественные записки», превратив журнал в доходное торговое предприятие. С 1852 по 1862 г. он арендовал, вместе с А. Н. Очкиным, газету «С.-Петербургские ведомости» (см. оценку этого издания Герценом, например, в статье «Религиозное значение „СПб. ведомостей“» — т. XIV наст. изд.). С 1863 г. Краевский издавал субсидированную негласно правительством газету «Голос». Позицию органов Краевского в период пореформенной реакции Герцен охарактеризовал в статье «По поводу крепких слов г. Каткова и слабостей генерала Потапова» (см. т. XVI наст. изд. . .

Стр. 253. *Статья ∞ направлена против кн. П. В. Долгорукова, и он в долгу не остался...* — Цитируемая выше Герценом часть статьи носила подзаголовок «Кое-что о кн. П. В. Долгорукове и об эмигрантах вообще». Долгоруков ответил на нее открытым «Письмом к императору Александру Николаевичу» от 4(16) августа 1863 г. («Листок», № 11 от 27 августа 1863 г., стр. 82), в котором он называет «бесчестным» со стороны Александра II «дозволять ругательства и клеветы, может быть даже подстрекая к ним», на людей, чье слово запрещено в России. Долгоруков сопроводил письмо «Примечанием для читателей», где разоблачал торговые махинации Краевского в журнальстике. Письмо П. В. Долгорукова к Александру II было перепечатано в «Колоколе» перед текстом комментируемой заметки.

...крещеную собственность... — Ответ на аналогичное клеветническое обвинение Герцен дал ранее в статье «Salomnie» (см. т. XIII наст. изд., стр. 395).

ПОМЕШАТЕЛЬСТВО ПОГОДИНА ПРИНИМАЕТ ОПАСНЫЙ ХАРАКТЕР

Печатается по тексту *К*, л. 170 от 1 сентября 1863 г., стр. 1403, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без подписи. В *ОК* озаглавлено: «Помешательство Погодина». Автограф неизвестен.

Авторство Герцена определяется идейно-тематической связью с другими его статьями, направленными против М. П. Погодина (см. «Путевые записки г. Вёдрина», «„Москвитянин“ и вселенная» в т. II наст. изд.; «Смерть Пиотровского; доносы Филарета, инквизиция на всех парах» в т. XVI наст. изд.; «Россияда» и «Старика Вёдрина крепкое до польских братьев словцо» — стр. 175—176 и 256—257 наст. тома). Сатирическая заостренность заметки против Каткова и Погодина подтверждает ее принадлежность Герцену.

Включено в издание М. К. Лемке (*Л* XVI, 482).

В тексте заметки учтена поправка, которая была помещена в конце этого же листа «Колокола»: «Замеченная ошибка. Стр. 1403, 2 кол. слово *сознаваясь* — лишнее» (слово «сознаваясь» в *К* предшествовало словам: «он заговаривался» — наст. том, стр. 255, строка 5).

Стр. 255. ...он объявлял, что ∞ все-таки будет говорить, что он там схоронен. — Имеется в виду статья М. П. Погодина «Заметки и выписки из газет. VII», напечатанная в «Московских ведомостях», № 168 от 2 августа 1863 г. В ней автор, описывая свои впечатления от посещения Невского кладбища, упоминает о могиле адмирала А. С. Грейга и тут же прибавляет: «Как попал туда Грейг? Кажется, я видел надпись. А если его нет <...>, то с каким восторгом закричат будущие мои опровергатели

<...> О друзья мои! Как вы тупы! <...> И вам на жертву я все-таки оставлю здесь Грейга, хоть его там, может быть, и нет».

Папского нунция ∞ с молитвенником в руках близ Piazza de Spagna (Моск. вед.). — Герцен приводит отрывок из статьи М. П. Погодина «Заметки и выписки из газет. IX, X», напечатанной в «Московских ведомостях», № 174 от 10 августа 1863 г. Она была написана в ответ на передовую статью М. Н. Каткова в «Московских ведомостях», № 168 от 2 августа 1863 г., в которой под видом защиты свободы совести Катков проводил шовинистическо-русификаторские идеи и предлагал в целях укрепления влияния самодержавной власти в Западном крае использовать русских католиков. В числе других он упомянул имя В. С. Печерина. Отвечая Каткову, Погодин особенно резко ополчился против предложения о возможном возвращении Печерина и заявлял при этом: «Печерина ни за что на свете не пушу я жить и священствовать в России, потому что он привлечет к себе прозелитов...» Возможно, что до Погодина дошли слухи или ему стали известны сообщения «Колокола» о пожертвованиях Печерина в революционный фонд (см. в наст. томе стр. 311, 313, 314, а также комментарии к ним).

В № 12 «Листка» П. В. Долгорукова от 23 сентября 1863 г., стр. 90—91, было опубликовано «Письмо отца В. Печерина» по поводу статей Погодина и Каткова в «Московских ведомостях». Печерин писал: «Г-н Погодин очень наивно запрещает мне въезд в Россию. Он совершенно прав: с его точки зрения от меня ничего путного ожидать нельзя. Если вследствие какого-нибудь великого переворота врата отечества отвернутся передо мною — я заблаговременно объявляю, что присоединюсь не к старой России, а к молодой, и теперь с пламенным участием простираю руку братства к молодому поколению, к любезному русскому юношеству, и хотел бы обнять их во имя будущего, во имя свободы совести и Земского собора». О Печерине и отношении к нему Герцена см. в «Былом и думах» гл. «Pater V. Petcherine» (т. XI наст. изд.). С 1862 г., после долгого духовного кризиса Печерина, возобновилась его переписка с издателями «Колокола». В ней он также выражал свое сочувствие русской демократии. Однако оно осталось по существу бесплодным, не изменив даже уклада его личной жизни католического священника (переписку его с Герценом и Огаревым см. в ЛН, т. 62, стр. 463—484).

СТАРИКА ВЁДРИНА КРЕПКОЕ ДО ПОЛЬСКИХ БРАТИЙ СЛОВЦО

Печатается по тексту К, л. 170 от 1 сентября 1863 г., стр. 1404, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без подписи. Автограф неизвестен.

Авторство Герцена устанавливается на основании непосредственной связи статьи с его фельетоном «Путевые записки г. Вёдрина» (см. т. II наст. изд.), на что указывает, прежде всего, подстрочное примечание: «Вёдрин тряхнул стариной и после двадцатилетнего молчания хватил и свой адрес». Как и в фельетоне 40-х годов, Герцен пародирует в настоящей статье «слог» Погодина, о котором он писал в «Былом и думах»: «Его шероховатый, неметеный слог, грубая манера бросать корноухие, обгрызенные отметки и нежеванные мысли, вдохновил меня как-то в старые годы, и я написал в подражание ему небольшой отрывок из „Путевых записок Вёдрина“» (ч. IV, глава XXX — т. IX наст. изд., стр. 165). В статье «„Москвитянин“ и вселенная» Герцен писал о «слоге» Погодина: «...энергические фразы, изрубленные в куски: читаешь, и кажется, будто сам едешь осенью по фашиннику» (т. II, стр. 134).

Включено в издание М. К. Лемке (Л XVI, 483—484).

Герцен обращается к оружию сатиры, используя пародирующий Погодина персонаж в полемике с его казенно-патриотическими статьями о польском восстании 1863 г. (о них см. также выше «Россиада» и «Помешательство Погодина принимает опасный характер»). Непосредственным объектом пародирования послужила статья Погодина «Польский вопрос», опубликованная в газете «Наше время», № 67 от 28 марта 1863 г., стр. 259—260.

Стр. 257. *Мятежники, крамольники, бандиты, как загнул иль деньской Сергееч.* — Ироническая ссылка на статью И. С. Аксакова «Письма в редакцию „Дня“ от князя Августина Голицына и г. Герцена» («День», № 25 от 22 июня 1863 г.). О ней см. в статье Герцена «„Дешь“ и „Колокол“», стр. 225.

ЧИСТАЯ ЛОЖЬ

Печатается по тексту К, л. 170 от 1 сентября 1863 г., стр. 1404, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», с подписью: *А. Герцен*. Автограф неизвестен.

В заметке Герцен разоблачает провокации, которые предпринимало III отделение с целью осложнить отношения между русскими и польскими революционерами, используя националистические настроения в среде польской эмиграции. Одним из наиболее активных агентов и организаторов ряда провокаций в 1861—1863 гг. был отставной подпоручик Ю. Балашевич-Потоцкий, посланный с этой целью в Париж в конце мая 1861 г. с паспортом на имя гр. Альберта Потоцкого. (Подробная характеристика его подрывной работы в польских эмигрантских организациях и печати дана, на основании архивных материалов III отделения, в статье И. М. Белявской «Польское национально-освободительное движение и Герцен» — *ЛН*, т. 64, стр. 764—767). Чтобы сорвать сотрудничество в борьбе с царизмом издателей «Колокола» и деятелей польского восстания 1863 г., он, в частности, направил Герцену из Парижа поддельное письмо от имени и с печатью Центрального национального комитета, датированное: «1 мая, Варшава», с просьбой «прекратить» вмешательство в движение настоящей революции» (см. публикацию этого письма — *Л XVI*, 284—285). Об этом «очень странном письме» Герцен сообщил 9 июня 1863 г., чтобы выяснить его «достоверность», польскому публицисту Ю. Клячко, находившемуся в Париже: «Я не могу, — писал Герцен, — оставить это дело, не расследовавши, кто его инициатор». В дальнейшем Герцену удалось, по-видимому, наметить нити, ведущие от этого письма к «русской полиции» и польской аристократической эмиграции (см. его письмо к Клячко от 26 июня 1863 г.). В конце июня 1863 г. Герцен получил новую фальшивку, на этот раз непосредственно из Варшавы, датированную 25 июня 1863 г., с «постановлением» Центрального национального комитета «удалить всех агентов г. Герцена, равно и всех тех, кому он поручил пропаганду панславистских идей и идей славянской федерации» (см. *Л XVI*, стр. 371).

Как видно из настоящей заметки (см. также статью «В вечность грядущему 1863 году» — стр. 293 наст. тома), Герцену уже к осени 1863 г. была не только ясна провокационная цель этих поддельных писем, но даже известен их автор. Найденные в «краковской коллекции» секретные донесения Балашевича-Потоцкого проясняют все стороны этого обширного провокационного предприятия. 12 июня 1863 г. он доносил: «Действия мои против Герцена увенчались полным успехом. Я послал сообщить главным лицам, что Варшавский Народный комитет приказал порвать все

сношения с Герценом. На это члены ответили: „Мы это знаем“. Эмиграция не только в Париже, но и во Франции (вероятно, ошибка — в Англии) была убеждена в истине этого. Я достиг цели очень просто: в посылках из лагеря инсургентов я прибавлял разным почерком: „Warszawski Rząd Narodowy rozkazał zerwać stosunki z Herceń(em)“ („Варшавское Национальное правительство приказало прекратить отношения с Герценом“ — польск.). Десятки подобных приписок убедили в истине. Чтобы это упрочить, я вчера отправил в Краков к моему агенту (письмо похожее руки Герцена), в котором он советует впрочем не вмешиваться в революцию Польши и пр. Копию этого письма я поручил сообщить в Варшавский комитет». Говоря далее о письме Герцена к Ю. Клячко от 9 июня 1863 г., копию с которого ему удалось снять, провокатор добавлял: «Его письмо выказывает его нравственные страдания. Я подожду до 15 июня. Увидим, что он скажет в „Колоколе“, а равно и ответ J. Kłaczko. Для этого сегодня я отправил J. Kłaczko письмо на бланке Глав(ного) комитета» (ЛН, т. 64, стр. 766).

Последние слова Балашевича дают основание предположить, что вторым поддельным парижским письмом с печатью Центрального комитета, о котором пишет Герцен в заметке, и было это письмо Балашевича к Клячко, затем пересланное последним Герцену.

Приведенное выше донесение Балашевича, а также донесение его от 28 июня 1863 г. помогают выяснить и предысторию варшавской фальшивки, которую он организовал через краковских агентов с помощью сфабрикованного им «письма псевдо-Герцена» в Краков с советами «не принимать участия в польской революции, потому что эта революция кастическая, а не народная» (ЛН, т. 64, стр. 766—767.)

Несмотря на искусно сплетенную агентурой III отделения сеть провокаций, усложнившую отношения между русскими революционерами и деятелями польского восстания (см. об этом письмо М. А. Бакунина к Герцену от 1 августа 1863 г.— «Письма М. А. Бакунина к А. И. Герцену и Н. П. Огареву», Женева, 1896, стр. 123—124), Герцен продолжал защищать в «Колоколе» дело польского освобождения и бичевать усмирителей Польши.

〈АДРЕСОЛОЖСТВО〉

Печатается по тексту К, л. 170 от 1 сентября 1863 г., стр. 1404, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без заглавия и подписи. Заглавие взято из ОЖ. Автограф неизвестен.

Авторство Герцена определяется редакционным характером заметки («Нам кажется...», «это мы знаем...»), ее идейно-тематической и стилистической связью с другими выступлениями Герцена против «адресоложства» и «общества, которое публично пьет за палача» (см. «Россиада», «Колокол» и «День», «Протест» и др.). Так, в «Россиаде» Герцен разоблачал «пошлую комедию адресов», которая доходит «не только до скучного и смешного, но до отвратительного и гнусного». «Скоро Муравьев будет нападать из-за угла на прохожих,— писал Герцен,— с веревкой и криком: „Адрес или горло!“» (наст. том, стр. 174). Сообщая о «каннибальском обеде», на котором «был пит тост за *Муравьева Вешателя*», Герцен возмущенно писал: «А теперь на обеде, данном в честь правительственного публициста, пьют за здоровье изверга и палача, нагло в глазах всего мира принимая солидарность его мер и казней» (наст. том, стр. 177).

В издании М. К. Лемке отнесено к разряду Dubia (Л XVI, 489).

Стр. 258. В 210 № «Сев. пчелы», в одном № напечатаны приветствия Муравьеву от петербургск. купеческ. общества для взаимного вспо-

можения.— В газете «Северная пчела», № 210 от 6 августа 1863 г., было напечатано девять телеграмм к М. Н. Муравьеву, в которых сообщалось о «патриотических» обедах и тостах в его честь в перечисленных Герценом городах.

...по сношениям кн. Долгорукова с одним публицистом, к которому было приковано хвалить Муравьева.— По-видимому, намек на М. Н. Каткова, инициатора восхвалений М. Н. Муравьева (см. стр. 181 наст. тома). О посещении Каткова шефом жандармов кн. В. А. Долгоруковым см.: Н. М. Павлов. В заключение нашей полемики с г. Цветковым — «Русское обозрение», 1895, № 10.

ТРАГЕДИЯ ЗА СТАКАНОМ ГРОКА

Впервые опубликовано во французском переводе в газете «La Cloche» № 46 от 25 июня 1864 г., с подписью: *Iskander*.

Печатается по тексту сборника «Еще раз», Женева, 1866, стр. 97—112. Автограф неизвестен.

Точная дата написания «Трагедии за стаканом грока» не установлена. Посвящение рассказа дочери — «в память нашего свидания в Неаполе» — Герцен датировал 28 сентября 1863 г. В письме от 4 февраля 1864 г. он писал Н. А. Герцен: «Пробую, Тата, послать тебе по почте маленькую повесть, которую я читал в Неаполе...» Как известно, Герцен приехал в Неаполь 28 сентября 1863 г. и жил там до начала ноября. Следовательно, рассказ, быть может, в какой-то первоначальной редакции, тогда был уже написан. Поэтому в настоящем издании он помещается среди произведений 1863 г.

В переводе рассказа в «La Cloche» существенных разночтений с русским текстом нет, что дает возможность предполагать, что перевод был выполнен не Герценом, который при переводе своих сочинений обыкновенно вносил во французский текст многочисленные изменения. Отметим только отсутствующее в русском тексте, в начале, указание: «Прошлым летом я искал...»; к имени Каратыгина прибавлено: «актер петербургского театра»; вместо: «Это было до 19 февраля 1861 г.» — «он еще ничего не знал об освобождении крестьян»; опущены и заменены многоточием слова: «Лишь бы милости не просить», а после слов «а только тяжело» — во французском тексте добавлено: «и для женщины». После текста рассказа в «La Cloche» приведено сопроводительное письмо Герцена редактору газеты Л. Фонтэну от 1 июня 1864 г. (см. т. XVIII наст. изд.).

«Трагедия за стаканом грока» — первое беллетристическое произведение Герцена после более чем десятилетнего перерыва (см. повесть «Поврежденный», 1851 — т. VII наст. изд.). Во вступлении к рассказу Герцен подчеркивает необходимость в мелких, повседневных явлениях действительности различать типические черты событий, отражение широкого исторического процесса. Судьба слуги одного из загородных трактиров под Лондоном показана писателем как обобщенное выражение законов всего буржуазного строя. С большой силой в рассказе прозвучал исторический пессимизм Герцена после поражения революции в Европе. По его мысли, воздействие буржуазных отношений разлагает самое сознание народных масс. Еще в цикле «Концы и начала» (1862—1863) Герцен писал, что «снизу все тянется вмещанство<...>рабочник всех стран — *будущий* мешанин» (см. т. XVI наст. изд., стр. 137—138). В «Трагедии за стаканом грока» нищий, опустившийся лакей не может стать «выше своего несчастья», оказывается не способным выйти за пределы лживой морали современного ему общества, в нем нет даже намека на возможность сопротивления губящим его порядкам. Глубоко знаменателен образ подрезанной

травы, воплощающий миллионы простых тружеников, людей из народа, раздавленных и униженных капиталистической эксплуатацией, жалких в своем бесправии.

Герцен по-прежнему, как в ряде своих публицистических выступлений 50-х годов, вызвавших резкую критику Н. Г. Чернышевского за недооценку исторической активности народных масс (см. статью Герцена «*Repetitio est mater studiorum*» и комментарий к ней в т. XV наст. изд.), не верит в революционные возможности «рабочников». В то же время он скептически смотрит на «великих нищих», тех многочисленных представителей буржуазной демократии, «прибываемых со всех сторон к английскому берегу», которых он встречал среди лондонской эмиграции: «Да, я знал великих нищих, и потому-то, что я их знал, я и жалею слугу в „Георге IV“, а не их».

О дальнейшей оценке Герценом перспектив исторического развития Европы см. в т. XX наст. изд., в комментарии к очеркам «Скуки ради» (1868—1869), повести «Доктор, умирающий и мертвые» (1869), письмам «К старому товарищу» (1869).

Стр. 260. *Тебе, друг мой Тата* ∞ 28 сентября 1863 г.— В декабре 1862 г. дочери Герцена Наталия и Ольга уехали из Лондона в Италию. 28 сентября 1863 г. Герцен встретился с ними в Неаполе. Ср. в дневниковой записи Герцена от 27 сентября 1863 г., сделанной на борту парохода «Annis»: «К ночи поплывем в Неаполь,— я еду к детям, как на большой зимний праздник...»

Стр. 261. ...*современных камергеров при немецких в адних дворах*. Имеются в виду придворные круги мелких государств, существовавших в середине XIX в. на территории Германии.

Стр. 262. ...*с видом Каратыгина в «Кориолане»*...— В. А. Каратыгин выступал в роли полководца Кориолана в одноименной трагедии Шекспира на сцене Александринского театра в Петербурге (первые представления состоялись в сезон 1840—1841 гг.).

Стр. 263. ...«*His Highness*»...— «Его высочество» (англ.).

Стр. 264. ...*плебейский джинватер и вечное пиво draff*.— Джинватер — разбавленная водка, пиво draff — мутное пиво.

...*гафанаф*...— Смесь двух разных напитков в различных количествах, преимущественно портера и эля; half-and-half — буквально «половина-наполовину» (англ.).

... *о типерарском банкротстве*... — Подразумевается известный крах банка в ирландском городе Типерери в 1855 г.

Стр. 266. ...*чем Людвиг-Филипп, например, живший возле «Георга IV»?* — Французский король Луи Филипп после февральской революции 1848 г. бежал в Англию, где и умер в 1850 г.

МИХАИЛ СЕМЕНОВИЧ ЦЕПКИН

Печатается по тексту К, л. 171 от 1 октября 1863 г., стр. 1408—1410, где опубликовано впервые, с подписью: И — р. Автограф неизвестен.

В тексте статьи учтена поправка, помещенная в следующем листе «Колокола» (л. 172, стр. 1420 — «Еггата»); *вместо*: теперь сознание печатается: сознание; *вместо*: Москва печатается: Теперь Москва (стр. 271 наст. тома, строки 30—32). В текст внесено также следующее изменение:

Стр. 274, строки 7—9: возгласам Писемского, статьям «Московских ведомостей» и казням Муравьева *вместо*: возгласами Писемского, статьями «Московских ведомостей» и казнями Муравьева.

Статья была написана по получении известия о смерти Щепкина, последовавшей 23 августа 1863 г. Герцен оценивает в ней вклад великого артиста в русское и мировое искусство, характеризует особенности мастерства основоположника реализма на русской сцене в сравнении с артистической манерой П. С. Мочалова, В. А. Каратыгина, Ф. Леметра. Статья дает представление и о месте Щепкина в «московском кругу» Герцена — Грановского в 40-е годы. Человек со стихийно-демократическими взглядами, не прошедший политической школы, но богатый жизненным опытом и зоркостью гениального художника, он пользовался всеобщим уважением и любовью (см. также «Былое и думы», часть четвертая — т. IX наст. изд.).

В центре статьи — рассказ о приезде Щепкина в Лондон осенью 1853 г. Весть о возможной встрече с ним глубоко взволновала тогда Герцена (см. письма его к М. К. Рейхель от 24 февраля, а затем от 22, 25, 29 августа 1853 г.). Герцену видела в этой встрече возможность возобновления живой связи с «московским кругом», участия его в делах типографии, однако он уже тогда понимал неосновательность надежд на «состарившихся друзей», подобных Н. Х. Кетчеру, Е. Ф. Коршу, В. П. Боткину и др. Он писал М. К. Рейхель 9 июня 1853 г.: «Я шесть лет горю всем отправляющимся: у Христоф. <Н. Х. Кетчер> есть полный список запрещенных стихов Пушкина. Теперь знают в Москве о типографии; при выезде никогда ничего не осматривают. Хотите пари держать, что и Мих<аил> Сем<енович> не привезет их? Что лучше: моя ли неосторожная деятельность, которая никого никогда не компрометировала, или эта осторожная воздержанность? Ужасно много можно было бы сделать, если б не апатия наша и не привычка к крепостному состоянию».

Приезд Щепкина в Лондон был большим событием для Герцена. С сердечной признательностью вспоминал он об этом посещении впоследствии, помимо настоящей статьи, также в «Былом и думам» (см. т. XI наст. изд., стр. 298) и в своей переписке. Так он написал Н. М. Щепкину 8 января 1857 г.: «Мих<аил> Сем<енович> был первый русский, посетивший меня после ряда страшнейших несчастий, с какой-то дикой роскошью падавших на мою голову. Я был ему бесконечно рад, хотя все, что он мне сообщил о России, было очень печально». Герцена опечалили советы Щепкина прекратить публицистическую и издательскую деятельность. Доводы его, уже знакомые Герцену по письмам из России (см. письмо Грановского, датированное 1851 г., — «Звенья», VI, 1936, стр. 356—357, и его же письмо от августа 1853 г. — *ЛН*, т. 62, стр. 100—101), были восприняты последним как мнение всего московского дружеского круга и подтвердили раздумья Герцена о его распаде и отходе большей части бывших друзей от передовой общественной деятельности. «Взгляд Мих<аила> Сем<еновича>, часто исполненный отчаяния, есть взгляд наших друзей. Они вышли из деятельности», — писал он М. К. Рейхель 8 сентября. В письмах к ней от 6 сентября (день отъезда М. С. Щепкина из Лондона), 16, 20 сентября и 17 октября 1853 г. он, резко осуждая позицию «московских друзей», стремится объяснить ее силой николаевского гнета. «Наши друзья, — пишет он, например, 16 сентября 1853 г., — представляют несчастное, страдавшееся, затомившееся благородное поколение, но не свежую силу, не надежду, не детский звонкий привет будущему». Впоследствии, в частности в настоящей статье, Герцен вносит существенный корректив в это объяснение. Отрицание Кетчером, Коршем, Боткиным и их единомышленниками его лондонской деятельности он рассматривает теперь как «первые звуки московского консерватизма», как зачатки того откровенного поворота к реакции, который ему довелось наблюдать в либеральном обществе 60-х годов.

Однако уже тогда Герцен разграничил позиции Щепкина и московских «доктринеров», под влиянием которых он находился. К тому же безбо-

язненное посещение Щепкиным «крамольного» эмигранта (как и дружеские письма Грановского) резко контрастировало с трусливым отмалчиванием Кетчера, Боткина и др. В упомянутом письме от 16 сентября 1853 г. Герцен писал М. К. Рейхель: «Ваше письмо грустно. Знаете ли причину? Вы настолько вжились в больницу, но возбужденную средю нашу, что об-лако удушающей русской жизни, захваченное с собой Мих<айлом> Сем<сно-вичем>, задавило в вас на миг все светлое <...>. Сам Мих<айл> Сем<ено-вич> — лучшее доказательство, что это не в самом деле так, — нет, это атмосфера не России, а московских доктринеров <...>». Великий артист был для Герцена воплощением гения и духовных сил русского трудового народа, уверенность в которых поддерживала его надежду на «будущность России».

С т р. 268. *В 1847 г. я еще успел видеть два-три превосходные сова-дения Фредерика Леметра...*— Свои театральные впечатления той поры, в частности от искусства Ф. Леметра, Э. Рашели, В. Дежазе, Герцен описы-вает в письме третьем (июнь 1847 г.) «Писем из Франции и Италии» (см. т. V наст. изд.).

С т р. 269. *Осенью 1853 г. я получил письмо от М. К. из Парижа* ∞ *Щепкин едет в Лондон через Булонь.*— М. С. Щепкин находился в Париже с середины августа до середины октября 1853 г. «Окончательное известие» о том, что 3 сентября 1863 г. М. С. Щепкин прибывает в Фолькстон, Герцен получал от М. К. Рейхель около 2 сентября (см. его письма к М. Мейзен-бург от 30 августа и 2 сентября 1853 г. и письмо к М. К. Рейхель от 2 сен-тября 1853 г.).

...десять раз говорил я о страшных годах между 1850—1855...— См., например, статью «Mortuos plango...» (т. XVI наст. изд.), «1853—1863» (наст. том), «Былое и думы» (т. X, стр. 116—131 и т. XI, стр. 9—12).

С т р. 270. *...до конца Венгерской войны...*— Герцен имеет в виду ин-тервенцию царской армии в Венгрию в 1849 г.; она закончилась подав-лением венгерской революции в августе 1849 г.

...о тяжелом чувстве, с которым в Москве была принята ∞ моя бро-шюра «Du développement des idées révolutionnaires»...— Недовольство «московских друзей» указанной брошюрой Герцена резко выразилось в письме Т. Н. Грановского к нему, датированном 1851 г., где она названа «несчастной книгой». «Ты отнял у нас окончательно право на возможность напомнить русской публике о Белинском, — пишет далее Грановский. — <...> Кроме новых строгих мер и новых стеснений ты ничего не доставил нам» («Звенья», VI, 1936, стр. 356—357).

С т р. 271. *...после ваших похвал Белинскому...*— Щепкин имеет в виду оценку деятельности Белинского в книге Герцена «О развитии ре-волюционных идей в России» (см. т. VII наст. изд., стр. 234—240).

...какую роль играло знаменитое письмо Белинского к Гоголю в деле Петрашевского?— См. комментарий к стр. 8 наст. тома.

...после выхода вашей книги, где говорится об его статье о родовом на-чале и о споре с Самариным, его привьсаки к Ростовцеву.— Речь идет о статье К. Д. Кавелина «Взгляд на юридический быт древней России» («Современник», 1847, № 2) и об ответной статье Ю. Ф. Самарина «О мнен-иях „Современника“ исторических и литературных», опубликованной в «Москвитянине», 1847 г., ч. II, за подписью М...З...К. Герцен, не назы-вая имен, описывал эту полемику в книге «О развитии революционных идей в России», положительно оценивая при этом позицию К. Д. Кавелина (см. т. VII наст. изд., стр. 244). По поводу этого упоминания Кавелин, слу-живший в 1850—1853 гг. в управлении военно-учебными заведениями, имел объяснение с начальником штаба этого управления генерал-адъю-тантом Я. И. Ростовцевым.

...при четверовластнике Иакове...— Герцен, видимо, иронически со-
ставляет тогдашнюю деятельность Якова Ростовцева в качестве про-
водника николаевской реакции в области просвещения с кровавыми дея-
ниями библейского правителя Галилеи «четверовластника Ирода» (см.
евангелие от Матфея, гл. XIV). Евангелие называет Ирода четверовластни-
ком как одного из четырех ставленников римского императора, которым
было доверено управление провинциями Иудеи.

Стр. 273. ...выезжая из Парижа, прислал мне грозное письмо.—
Щепкин писал Герцену перед отъездом из Парижа (т. е. не позднее 10 ок-
тября 1853 г.): «Оставьте мир расти по своим естественным законам и
помогайте его росту развитием в человеке нравственного чувства, сейте
мысль, но не поливайте кровью» и т. п. («Голос минувшего», 1913, № 8,
стр. 213—215). Оценивая подобные советы Щепкина, Герцен писал М. К.
Рейхель 17 октября 1853 г.: «Это благородная, теплая, но надломленная
рабством натура. Для него еще и речь свободная кажется дерзостью<...>
Это — мнения византийские, du découragement, de l'abattement».

Анекдот этот, тогда же переданный нам из очень прямого источ-
ника...— Приведенный в тексте эпизод был сообщен Герцену И. С. Турге-
невым в письме от 7 января 1858 г. (см. Письма КТГ, стр. 116).

Стр. 274. ...в среде доносов университетских...— Имеется в виду
«Историческая записка...» министру народного просвещения по поводу
студенческих волнений в октябре 1861 г., написанная пятью профессорами
Московского университета (см. о ней комментарий к стр. 310 наст. тома).

...рукоплексающими возгласам Писемского...—Имеются в виду клевет-
нические выпады А. Ф. Писемского против Герцена и других деятелей
русской революционной эмиграции, сделанные в романе «Взбаламучен-
ное море», печатавшемся в «Русском вестнике» Каткова в 1863 г. См. об
этом в комментарии к статье «Ввоз нечистот в Лондон», стр. 468—469 наст.
тома.

ВАРШАВА УТЕШЕНА!

Печатается по тексту К, л. 171 от 1 октября 1863 г., стр. 1412, где
опубликовано впервые, в отделе «Смесь» (в тексте К название отдела от-
сутствует, по-видимому, по недосмотру; в оглавлении он обозначен), без
подписи. Автограф неизвестен.

Авторство Герцена определяется на основании идейно-тематической
и стилистической близости заметки к другим его статьям и заметкам о
деятельности вел. князя Константина Николаевича в Польше (см. наст.
том, стр. 8, 25, 41, 67 и др.).

Ироническое использование «морской» лексики («обыкновенный
штиль», «поплавать с Головинным у руля», «в бури действительно лучше
куда-нибудь в порт» и т. д.) вообще было свойственно Герцену, когда он
писал о генерал-адмирале Константине Николаевиче (ср. в статье «Поэкза-
мену „единица“»: «Большая разница между большим кораблем в море
и большим городом в Польше. На корабле все свои, кругом вода и в ней
целое население, немое, как рыбы; Варшава <...> — в Европе; все что там
делается, известно», т. XVI наст. изд., стр. 239).

В издании М. К. Лемке отнесено к разряду Dubia (Л XVI, 509).

Стр. 275. Константин Николаевич, оставляя Варшаву ∞ утешил ее
вполне о б е щ а н и е м в о з в р а т и т ь с я, когда опасность и тяжелое
положение пройдут.—Вел. князь Константин Николаевич выехал из Вар-
шавы в Крым 27 августа 1863 г., сдав все дела по наместничеству
гр. Ф. Ф. Бергу, уже с апреля фактически управлявшему Польшей.
19 октября 1863 г. был подписан рескрипт Александра II на имя Константина

Николаевича об увольнении его от должности наместника Царства Польского и главнокомандующего войсками в Польше и указ о назначении на эту должность Берга. В конце октября 1863 г. Константин Николаевич выехал из Крыма в заграничное путешествие. О предполагавшемся еще ранее отъезде его из Варшавы см. также выше статью «Первое мая» и комментарий к ней.

...*вперя взгляд в широкое море и в крошечного Головнина...*— Намек на показной либерализм Константина Николаевича в период его службы с А. В. Головинным в морском министерстве. О пей см. комментарий к стр. 8.

С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ ЛИВРЕИ И ЗАПЯТОК

Печатается по тексту К, л. 171 от 1 октября 1863 г., стр. 1412, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь» (см. текстологический комментарий к статье «Варшава утешена!»), без подписи. Автограф неизвестен.

Авторство Герцена определяется на основании идейно-тематической и стилистической близости статьи к другим выступлениям Герцена против «лакейства» и «подобострастия» русского чиновничества, «дворян и дворни». В этом смысле статья продолжает линию обличения русской реакционной печати и с ней вместе «цветов подобострастия» и «низкопробного клиентизма» русских правительственных кругов, начатую Герценом в «Колоколе» статью «*Appel à la pudeur*». В ней Герцен также резко выступал против «изысканной невоздержанности в подобострастных выражениях», против «*языка ливрейного*»: «Пора отбросить это византийское низкопоклонство, смешанное с монгольским уничтожением, приведенное в систему и порядок немецким канцелярским стилем», — призывал Герцен (см. т. XIII наст. изд., стр. 409). Сатирический пафос настоящей статьи также направлен против «византийских нравов московского двора» и журналистики, «печатно» защищающей «знаки уважения подобающие».

Принадлежность статьи Герцену подтверждается ироническим намеком на англоманство Каткова (см. об этом также в комментарии к заметке «Какое правление в России?», наст. том, стр. 413); характерно также упоминание автора статьи о «подлости чиновничатия» и «наружных знаках раболобия» по отношению к губернатору в Вятке (об этом Герцен рассказывал в «Былом и думах» — см. т. VIII наст. изд., стр. 248—251. Герцен писал о вятском генерал-губернаторе: «В нем византийское рабство необыкновенно хорошо соединялось с канцелярским порядком» — там же, стр. 250).

Включено в издание М. К. Лемке (Л XVI, 509—511).

С т р. 276. «*Граф Старжинский ∞ являлся к губернатору в п и д ж а к е, без малейшего знака уважения, подобающего представителю законной власти в губернии*» («Москов. вед.»). — Герцен цитирует с незначительными купюрами корреспонденцию «Из Вильна», напечатанную в «Московских ведомостях», № 178 от 15 августа 1863 г., стр. 3. В. А. Старжинский подал в марте 1863 г. прошение об отставке, мотивируя ее нежеланием служить царскому правительству. Он был арестован по приказу М. Н. Муравьева и в июне 1863 г. предан военному суду, приговорившему его к заключению в крепость на один год с последующей ссылкой.

...*первый после пальто князя Меншикова вносится в скрижали бытописания...*— Речь идет о кн. А. С. Меншикове и его дипломатической миссии в Константинополь в 1853 г. О комически вызывающем поведении царского посла Герцен писал в статье «Пальто Меншикова и рубаха Муравьева Вешателя»: «Меншиков под солнцем Византии прет в пальто, чтоб показать фюрс» (см. т. XIV наст. изд., стр. 303).

Стр. 277. ... конституции Лагероньера...— Имеется в виду новая конституция Франции, составленная после прихода к власти Наполеона III и опубликованная 14 января 1852 г. Французский публицист-бонапартист Л. Лагероньер, ранее принадлежавший к умеренно либеральному направлению, встретил ее восторженными статьями в газете «Le Pays». В том же году он был избран в Законодательный корпус и впоследствии занимал ответственные административные посты в правительстве Наполеона III.

...не было и кафедр рабства...— См. заметку «Студентам в России», стр. 310 наст. тома и комментарий к ней.

... наши англоманы в нечиистой отставке...— См. комментарий к стр. 62.

С КОНТИНЕНТА

Печатается по тексту К, л. 173 от 15 ноября 1863 г., стр. 1422—1425, где опубликовано впервые, с подписью: И — р. Автограф неизвестен.

В тексте статьи учтена поправка, о которой Герцен писал Огареву 11 ноября 1863 г. из Флоренции: «Начинаю с поправки в моей статье о Неаполе,— не забудь ее. NB. Напис.: „Вольтер сказал“ то-то, следует „Паскаль...“ NB» (в наст. томе стр. 280, строка 29).

Учено также (стр. 288, строки 20—21) исправление («Errata»), помещенное в следующем листе «Колокола» (стр. 1436): «В статье „Письмо из Неаполя“ И—ра, на стр. 1425 „Колокола“ напечатано: lave lanem и lave montem; читай: save sanem и save montem».

Герцен посетил Италию осенью 1863 г. (см. комментарий к стр. 260) через пятнадцать лет со времени первого посещения ее.

На судьбе Неаполя, города, где остро отражались и классовые и политические противоречия, Герцен показывает, что объединение Италии под властью сардинской монархии не принесло народу освобождения: плодами победы, достигнутыми Гарибальди, прогнавшим Бурбонов из Неаполитанского королевства, но не решившимся провозгласить республику, воспользовались деятели либерально-дворянского крыла национально-освободительного движения.

Вопрос о путях развития общества, которые могли бы привести Италию к действительному освобождению и процветанию народа, оставался для Герцена открытым.

Стр. 280. ...хочу вам рассказывать свои сенсации.— Герцен использует заголовок поэмы И. П. Мятлева «Сенсации и замечания госпожи Курдюковой за границей дан л'Этранже», изданной анонимно в 1841—1843 гг. (т. I—II).

...не найдет ли вдова двух миров, двух Римов свежие силы в себе для третьего брака.— Герцен имеет в виду расцвет культуры и искусства в Италии в эпохи античности и Возрождения.

Паскаль говорит, что если б у Клеопатры линия носа была другая, то судьбы древнего Рима были бы иные.— См. «Мысли» Паскаля, статья IX — «Нравоучительные мысли отрывками», XLVI (см. изд. 1843, СПб., стр. 220).

Стр. 281. Но с городом я далеко не так светло встретился, как пятнадцать лет тому назад.— Впервые Герцен посетил Неаполь в феврале 1848 г., когда там шла борьба за провозглашение конституции. О своих тогдашних впечатлениях о Неаполе Герцен рассказал в «Письмах из Франции и Италии» (см. письмо седьмое, т. V наст. изд., стр. 108—114).

От баррикад на улице Толедо в 1848 г. и бойни, которой Фердинанд II окончил конституционную эру своего правления...— Баррикадные бои, происходившие в Неаполе 15 мая 1848 г., были вызваны стремлением народных масс и мелкой буржуазии не допустить контрреволюционного переворота. Восстание было жесточайшим образом подавлено правительственными войсками Фердинанда II.

...до вступления Гарибальди с своими ополченцами...— Имеется в виду вступление Гарибальди и его добровольцев в Неаполь 7 сентября 1860 г., после победы над войсками неаполитанского короля Франциска II и освобождения Сицилии от гнета династии Бурбонов. Гарибальди был восторженно встречен жителями Неаполя.

В Капо ди Монте...— Королевская резиденция недалеко от Неаполя.

... добрые Бурбоны ∞ кушали до 60 года.— Решением Венского конгресса 1815 г. в Королевстве Общих Сицилий была восстановлена власть Бурбонов (в лице короля Фердинанда I); в 1860 г. свергнута в результате национально-освободительной борьбы итальянцев.

Стр. 282. *Каморристы...*— члены тайной бандитской организации Каморры, шайки которой формировались главным образом из деклассированных элементов. Наиболее широкую сеть имело это общество в Неаполе, где в период реставрации Бурбонов каморристы использовались местной полицией в своих интересах.

...лег спать у ног своего короля и утром проснулся у ног Гарибальди.— Имеется в виду вступление Гарибальди в Неаполь в сентябре 1860 г. (см. выше).

...испуганный король...— Франциск II.

Стр. 283. *Озабоченный король Италии, мучимый, как Тантал, Венецией и Римом...*— После присоединения Королевства Общих Сицилий к Сардинскому королевству (Пьемонту) для завершения объединения страны необходимо было присоединить Венецию и Рим, что и стало главной заботой Виктора-Эммануила II.

См. «Былое и думы».— Об отношении княгини М. А. Хованской к Н. А. Захарьиной Герцен рассказал в гл. XX «Былое и думы» (см. т. VIII наст. изд., стр. 320).

Розина ∞ вышла замуж за Бартоло...— Неаполь и Пьемонт Герцен называет именами персонажей из «Севильского цирюльника» Бомарше.

Стр. 284. *...лошади, подаренные Николаем своему другу Фердинанду II...*—Имеются в виду две скульптуры П. К. Клодта, изображающие укротителя коня (подобные выполнены Клодтом для Аничкова моста в Петербурге), которые были подарены Николаем I Фердинанду II и установлены в Неаполе при входе в дворцовый сад на улице Сан-Карло.

Стр. 285. *...frutti di mare...*— Устрицы, мидии и другие съедобные моллюски (букв. от итал.— «плоды моря»).

Бедный Лазарь!— Название «лаццарони» произошло от имени библейского Лазаря.

Стр. 286. *Я очень недавно испытал, как страшно больно стоять у могилы и знать, что нет того света!*— Герцен вспоминает свое посещение в Ницце могилы жены — Н. А. Герцен. В дневниковой записи 24 сентября 1863 г. Герцен рассказал о волновавших его в могилы чувствах: «... я, 12 лет спустя, в первый раз снова пришел поклониться могиле... Я недоволен был собою на кладбище ... холодна земля, холодны камни... Я тут только заметил, как больно действует отсутствие памятника; без образа, знака, начерченного слова, словом, материального знака, человек расплывается» (о посещении Герценом могилы Н. А. Герцен см. также в «Былом и думах» — т. X наст. изд., стр. 314).

Стр. 287. ... как Лаура в «Дон-Жуане» о том, что в Париже холодно.— Имеются в виду слова Лауры в «Каменном госте» А. С. Пушкина о Париже, где

Быть может небо тучами покрыто;
Холодный дождь идет и ветер дует.
А нам какое дело?..

〈Г. С. БАТЕНЬКОВ〉

Печатается по тексту *К*, л. 175 от 15 декабря 1863 г., стр. 1437, где было опубликовано впервые, без заглавия и подписи. Заглавие взято из *ОК*. Этой заметкой открывается лист «Колокола». Автограф неизвѣстен.

Авторство Герцена в отношении настоящего извещения, написанного от имени издателей «Колокола», определяется тем, что именно он писал в «Колоколе» некрологи на смерть декабристов (см. «Кончина И. Д. Якушкина» — т. XIII, «Кончина Пушина» — т. XIV, «Кончина Басаргина» — т. XV, «Н. Р. Цебриков» — т. XVI и т. д.). При этом Герцен постоянно называл декабристов «старцами». Так в заметке «Кончина Пушина» он писал: «Все касающееся до великой, персодовой фаланги наших вождей, наших героических старцев, должно быть отмечено у нас» (т. XIV наст. изд., стр. 126). В некрологе И. Д. Якушкина Герцен писал о его возвращении из сибирской ссылки «еще бодрым старцем» (т. XIII наст. изд., стр. 71), а в заметке «Кончина Басаргина» сообщал: «Еще один из наших старцев сошел в могилу» (т. XV, стр. 85).

Декабрист Г. С. Батеньков умер в начале ноября 1863 г., на семьдесят первом году жизни. Осужденный за участие в разработке планов декабрьского переворота, подполковник Батеньков провел двадцать лет (с 1826 по 1846 г.) в одиночном заключении, сначала в Роченсальмской крепости, в Финляндии, затем в Алексеевском равелине Петропавловской крепости. После заточения он отбывал десятилетнюю ссылку в Сибири, в Томске. Лишь по амнистии 1856 г. ему было разрешено вернуться в европейскую Россию. Последние годы жизни он провел в Калуге.

В «Листке», № 16 от 22 декабря 1863 г., была помещена статья П. В. Долгорукова «Гавриил Степанович Батеньков; некрологический очерк».

В ВЕЧНОСТЬ ГРЯДУЩЕМУ 1863 ГОДУ

Печатается по тексту *К*, л. 175 от 15 декабря 1863 г., стр. 1437—1439, где опубликовано впервые, с подписью: *И — р*. Автограф неизвестен.

Настоящая статья, как и написанное несколькими днями позже, 21 ноября 1863 г., «Письмо к Гарибальди» (см. т. XVIII наст. изд.), была посвящена итоговой характеристике основных политических событий 1863 года, в частности польского восстания, анализу отношения к нему буржуазных правительств и различных идейных группировок в России, а также определению ближайших перспектив социального развития страны, ее революционно-освободительного движения.

На общность темы и главной мысли этих статей указывает сам Герцен в письме к Н. А. Тучковой-Огаревой от 25 ноября 1863 г.: «Письмо мое к Гарибальди начерно готово. Оно вроде моей последней статьи, но для иностранцев. Для меня впереди становится светлее: для нас ничего не прошло — *errig si thiove* <„И все-таки вертится!“ — слова Галилея>».

Оглядываясь на пройденный год, трагический для дела польской и русской освободительной борьбы, Герцен отдает должное справедливости

и величию неравной битвы польских революционеров с царизмом и подчеркивает свою неизменную солидарность с «польским делом» — частью борьбы за демократическую Россию. Но, не ограничиваясь этим, в итоговой статье года он считает необходимым вновь четко и полно очертить позицию «Колокола» в отношении польского восстания в период его медготвки и проведения.

Русская реакционная печать, используя клеветнические измышления польских шляхетских националистов, обвиняла Герцена в подстрекательстве поляков к восстанию. При этом редакторам «Колокола» (Катков называет их, объединяя с М. А. Бакуниным, «лондонским триумвиратом») приписывались высказывания, которые делались Бакуниным, действительно занимавшим авантюристическую позицию в тактических и программных вопросах, связанных с польским восстанием (см. письма его к польским эмигрантам И. Амборскому от 12 октября и Косилловскому от 20—21 октября 1862 г. — «Летописи марксизма», 1927, № 4, стр. 77—78 и 1928, № 5, стр. 59—60). В речи на банкете в Стокгольме 28 мая 1863 г. Бакунин заявил: «В России теперь образовалось обширное патриотическое общество, — консервативное, либеральное и демократическое вместе. Оно носит имя „Земля и воля“ (...). Оно обнимает все классы общества русского, всех сочувствующих *русских*, каково бы ни было их имущество и положение: генералы и офицеры *в массе*, высшие и низшие чиновники, помещики, купцы, священники, сыновья священников и крестьяне и миллионы сектантов раскольников...» (Л XVI, стр. 495).

Еще до начала польского восстания, а также во время его, Герцен и Огарев резко критиковали эти безответственные выступления Бакунина. «Ты затем и хочешь вредной попытки, потому что она тебе дает занятие, хотя бы и вредила делу, — писал ему Огарев 31 октября 1862 г. — Если ты ищешь себе занятия, хотя бы по дороге погибла надолго русская свобода и рост внутренней организации народа, — я враг тебе» («Письма М. А. Бакунина к А. И. Герцену и Н. П. Огареву», Женева, 1896, стр. 88). См. также письма к Бакунину Герцена от 1 сентября и Огарева от 12 сентября 1863 г. (там же, стр. 147—150), а также в «Былом и думах» главу «М. Бакунин и польское дело» (т. XI наст. изд.).

12 ноября 1863 г., в ответ на просьбу Огарева выступить с печатным опровержением инсинуаций Каткова о «подстрекательстве», Герцен писал: «О Каткове подумаю. Не лучше ли просто написать, что это ложь, т. е. Огарев и Герцен объявляют? Но как же Бакунин скажет, что это ложь, когда он все то же говорил, и даже в Стокгольмской речи?» В своей статье Герцен поэтому открыто отделяет позицию редакции «Колокола» от взглядов Бакунина (об этом см. также письмо Герцена к Н. П. и Н. А. Огаревым от 1 декабря 1863 г.).

Еще в сентябре 1862 г. Герцен, видя единственный путь к успеху польского восстания в объединении усилий польских и русских революционеров, предостерегал представителей Центрального национального комитета от преждевременного выступления (см. «Былое и думы», т. XI наст. изд., стр. 368—372). В статье «Русским офицерам в Польше» он писал 10 октября 1862 г., что «на Руси сию минуту вряд ли может быть восстание» (т. XVI наст. изд., стр. 255). Решительные доводы против немедленного восстания приводил он также в письме к И. Цверцякевичу 22 октября 1863 г., уже после объявления рекрутского набора (см. также в наст. томе статью «Resurrexit!» и комментарий к ней).

Столь же важным было для Герцена напомнить в статье выдвинутые им во время переговоров в Лондоне в сентябре 1862 г. программные условия русско-польского революционного союза о «земле крестьянам и воле областям», принятые тогда представителями Центрального национального комитета (см. письмо комитета к издателям «Колокола» — К, л. 146 от 1 октября 1862 г.).

Теперь Герцен с горечью отмечает, что шляхетско-националистические «предрасудки» взяли верх в руководстве восстанием, лишив его поддержки народных масс западных губерний и самой Польши, и это способствовало его поражению (о саботировании «белыми» даже того умеренного решения крестьянского вопроса, которое содержалось в первых актах временного Национального правительства, см. комментарий к стр. 232). То сложное положение, в котором оказались в этих обстоятельствах русские революционеры, поддерживавшие польскую революцию, обрисовано в письме Герцена к М. А. Бакунину от 1 сентября 1863 г.: «... польское дело <...> — не наше дело, хотя и право относительно, — наш принцип социальный» (см. также его письмо к Е. В. Салиас от 24 декабря 1863 г.).

Несмотря на понимание неизбежности поражения польского восстания и на «заторможенность» работы революционных организаций в России, наступившую в результате разгула реакции, статья Герцена проникнута верой в «будущность нарождающейся России». Видя в стремлении русского крестьянства к освобождению с землей «почву, на которой разовьется новый государственный строй», Герцен вновь развивает в статье положения утопической теории общинного социализма. Эту проповедь он обращает к разночинно-демократической молодежи, признавая в ней теперь единственно действенную силу освободительного движения (см. также в наст. томе статью «1831—1863»). Отмечая, что оно лишь выиграло, освободившись от либеральной «мертвечины», Герцен обращается к этому «новому кряжу» бойцов, зовя их к сознательному делу.

В подготовке нового революционного подтема он отводит «Колоколу» деятельную роль центра, идейно собирающего разгромленные силы революционно-демократического движения, вселяющего бодрость в молодых борцов (см. его письмо к Н. П. и Н. А. Огаревым от 1 декабря 1863 г.).

По поводу статьи «В вечность грядущему 1863 году» Н. И. Утин писал Герцену 8 декабря 1863 г.: «„Съезжайте же к обедне“, звоните так, как в новой своей статье, — оно, право, плодотворнее отзовется, чем безотрадное уныние» (ЛН, т. 62, стр. 634).

Стр. 290. ...как Гоголев Селифан, что «ведь вот видели, что колесо сломано, да ничего и не сделали». — Герцен имеет в виду раздумья кучера Селифана в «Мертвых душах» по поводу неисправной брички: «Вишь ты как оно мудрено случилось: и знал ведь, да не сказал!» (т. I, гл. XI).

Стр. 291. *Борьба с несколько лет тому назад в Черном море.* — Имеется в виду Крымская война 1853—1855 гг.

...«где каждая горсть земли — прах мученика, мощи». — См. стр. 148 наст. тома.

...дерзости русских ответов... — См. комментарий к статье «Виллафранка перед Солферино». Переговоры завершились нотой кн. А. М. Горчакова, в которой он в ответ на третье дипломатическое представление европейских держав заявил о решительном отказе продолжать обсуждение польского вопроса.

Стр. 292. ...Польша в своем преображении осталась одинокой с подымалась на своем Фаворе без сетхозаветных Моисеев и Илий западного мира. — Царскую расправу с восставшей Польшей Герцен сравнивает с распятием Христа. Ему предшествовало, по христианскому преданию, «преображение» Христа на горе Фаворе, где он предстал перед своими учениками рядом с Моисеем и пророком Илией (см. евангелие от Матфея, XVI, 1—9).

Какой-то г. Питкевич напечатал с письмо к польскому правительству. — Имеется в виду брошюра И. Питкевича «Lettre d'un patriote

полonais au Gouvernement national de la Pologne avec une préface et quelques notes explicatives par M. Schédo-Ferroti», изданная в Брюсселе осенью 1863 г.

Стр. 292—293. «Г-н Герцен и К^о ∞ лгали заведомо, чтоб ∞ прослыть *вождями* могущественной революционной партии...» — Герцен цитирует и комментирует передовую статью «Московских ведомостей», № 225 от 17 октября 1863 г.

Стр. 293. *Не те ли, которые писали подметные письма с по д д е л ь н о й печатью народного польского правительства?* — См. выше заметку «Чистая ложь» и комментарий к ней.

Стр. 294. ...торжественно праздновалось тысячелетие нашего *р е б я ч е с т в а!* — Намек на торжества по случаю тысячелетия России, праздновавшегося 8 сентября 1862 г. См. «Праздник тысячелетия России» и «Юбилей» в т. XVI наст. изд.

Стр. 295. ...правительство ∞ уносится в какую-то пугачевщину. — Герцен имеет в виду провокационные меры правительства по наделению крестьян западных губерний землей за счет помещиков-повстанцев. Об этом см. выше в статьях «Россиада», «...А дело идет своим чередом», «Вывод из владения».

«Не нам, не нам, а имени твоему!» так и останется, с легкой руки Павла, девизом его внучат. — Эти слова из Псалтыри (113 псалом, стих 9) с 1796 и в продолжение всего царствования Павла I чеканились на серебряных монетах, а затем были отчеканены на медали, вылитой по приказу Александра I в память победы в Отечественной войне 1812 г. (об этом см. также «Былое и думы» — т. X наст. изд., стр. 22, «От государя князю П. П. Гагарину» — т. XIX наст. изд.).

Автор ненавистью понял то же, что мы — любовью ∞ мыслью, свободной от всяких изверств и от всякой традиции. — Как указывает М. К. Лемке, автором брошюры «La Pologne et la cause de l'ordre», изданной в Париже в 1863 г. за подписью «Un polonais», был Сбышевский (Л XVI, 549).

Стр. 296. ...беснования не одного Саула... — Именем жестокого библейского царя Саула Герцен называет здесь Александра II.

ВВОЗ НЕЧИСТОТ В ЛОНДОН

Печатается по тексту К, л. 175 от 15 декабря 1863 г., стр. 1442—1443, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», с подписью: И—р. Автограф неизвестен.

Стр. 298. *Какой-то плоцкий корреспондент «Северной пчелы» (№ 308) повествует ∞ вывозит нечистоты из Лондона.* — Статья «Из Плоцка», напечатанная в «Северной пчеле», № 308 от 19 ноября 1863 г., с подписью: Св.—Стр., содержала клеветнические обвинения в инспирировании Герценом польского восстания.

После трехмесячного отсутствия из Англии... — Осенью 1863 г. Герцен предпринял поездку в Италию и Швейцарию для встречи с представителями русской революционной эмиграции на континенте, а также для свидания с дочерьми Наталией и Ольгой. Он уехал из Лондона 15 сентября и возвратился 6 декабря 1863 г.

...участь ∞ генерал-адъютанта Кокوشкина... — См. выше комментарий к стр. 177 наст. тома

Стр. 299... *скажу, как нянюшка принцессы Тюндентен-Тронг в «Кандиде»: Op ne teurt pas de ces choses...* — В романе Вольтера «Кандид» Кунигунда, баронесса Тундер-тен-тронк, на вопрос Кандида: «Вы живы! Значит вы не были обесчещены? Вам не рассекли живот?» — отвечает: «Так было, но не всегда умирают от этих двух приключений» (гл. VII).

...эту *Mist-Kur!* — «Лечение павозом» (нем.). Подобное употребление немецкого слова «die Kur» (лечение) см. также в статье «Россиада», стр. 154 наст. тома.

... *подают друг друга, особенно московские петербургских.* — В 1863 г. «Московские ведомости» вели ожесточенную полемику с петербургскими газетами «Голос», «СПб. ведомости». В ходе полемики М. Н. Катков обвинял противников в отсутствии патриотизма, в сепаратизме и т. д. (см., например, передовую статью в «Московских ведомостях». № 222 от 13 октября 1863 г., а также в наст. томе статью Герцена «Донос на «СПб. ведомости» и комментарий к ней).

... *литературный Шешковский-Катков* ∞ *говорит: «Я служу, — да, я несу добровольную службу»*... — Герцен, вероятно, имеет в виду указанную выше передовую статью «Московских ведомостей» (№ 222). В ней М. Н. Катков обвиняет министерство народного просвещения в поощрении сепаратизма и в украинофильстве. Здесь же он оценивает «систему умиротворения», которую проводили в Польше вел. князь Константин Николаевич и маркиз А. И. Велёпольский, как вредную для России (см. также комментарий к стр. 236). При этом он добавляет: «Мы обязаны касаться всех этих фактов в силу той службы, которую мы приняли на себя».

Твердо идет Катков по следам Шервуда на завоевание титула В е р н о г о, недаром Байборода напоминал спокон сека Майбороду. — Литературные доносы М. Н. Каткова Герцен сравнивает с шпионской деятельностью Шервуда и Майбороды, дописчиков по делу декабристов. 1 июня 1826 г. «в ознаменование отличного подвига, совершенного Шервудом, Николай I повелел прибавить к его фамилии слово «Верный». Псевдонимом «Байборода» подписывал свои статьи Катков в «Русском вестнике» в 1856—1858 гг.

Какой-нибудь экс-рак «Библиотеки для чтения» ∞ *ставит на сцену новую русскую жизнь с подхалюзой точки зрения подъячего* ∞ *чертит силуэты каких-то дураков в Лондоне, воображая, что это наши портреты.* — Герцен имеет в виду А. Ф. Писемского и его антинигилистический роман «Взбаламученное море» (опубликованный в «Русском вестнике», 1863, №№ 3—8). В XVI—XIX главах шестой части романа в пасквильном виде была обрисована деятельность Герцена и Огарева в Лондоне. «Писемский написал роман «Взбаламученный омут», в котором самым гнусным образом рассказал историю о взятии Ветошникова, о том, как мы ему дали печатные вещи etc», — писал Герцен дочери Наталии 15 января 1864 г. (об аресте П. А. Ветошникова см. в «Былом и думах» — т. XI наст. изд., стр. 327—328). Комментируемый текст содержит намеки на длительную (с 1844 по 1859 г. с небольшими перерывами) службу А. Ф. Писемского в качестве чиновника и затем редактирование им журнала «Библиотека для чтения» (1860—1862). Об отношениях Герцена и Писемского см. в статье Б. П. Козьмина «Писемский и Герцен» («Звенья», VIII, 1950, стр. 103—151).

Видно, придется нам ∞ *прибавить ему небольшую картинку из романа.* — Далее Герцен в форме пародии на «Взбаламученное море» описывает визит Писемского к нему 19 июня 1862 г.

С т р. 300. *Эпиграф этот* ∞ *одним летним днем 1862 года.* — Эпиграф пародии, по-видимому, передает в иронической форме содержание разговора А. Ф. Писемского с Герценом и Огаревым 19 июня 1862 г. Об этом разговоре Герцен писал Н. А. Огаревой 21 июня 1862 г.: «С Писемским и Коршем были сильные и сильно неприятные объяснения». В частности, они, вероятно, касались фельетонов Никиты Безрылова (псевдоним Писемского) в «Библиотеке для чтения» за 1861 г., вызвавших негодующую отповедь «Искры» и «Современника» (см. «Хроника прогресса» — «Искра», № 5 от 2 февраля 1862 г. и «Письмо к В. С. Курочкину» от редакторов и сотрудников «Современника» — «Искра», № 7, от 16 февраля 1862 г.).

Впервые Писемский просил Герцена о встрече, видимо, в письме из Лондона, полученном им 13 июня 1862 г. (см. письмо Герцена к Огареву от 14 июня 1862 г.). По поводу предстоящего свидания Герцен писал сыну Александру 14 июня: «Мне Писемского вообще не очень хочется видеть: он писал дурные вещи, в самом гадком смысле и направлении».

Герой наш прочел следующее ∞ Пожалуйста, сообщите об этом NN., которого я имел счастье знать еще в R. R.—Герцен цитирует, по-видимому, второе письмо Писемского к нему. NN.—Огарев, с которым Писемский познакомился в Петербурге в конце 1855 г. (см. П. Д. Боборыкин. Записка. М.—Л., 1929, стр. 147). 15 июня 1862 г. Герцен писал Огареву: «Да, думаю, что ты должен непременно написать записку к Писемскому: я получил от него еще письмо. Он просил, бог знает как, уведомить о твоём и о моём приезде». 15 января 1864 г. Герцен сообщал дочери Наталии, имея в виду Писемского и его роман: «Все догадаются, что это его записка помещена в моей статье. А ты как же думаешь, Тата, что их за такие проделки по головке гладить?»

...герой наш был на очень большом.—Герцен выехал в Лондон 17 июня 1862 г. и прибыл туда 18 июня.

...на Вестборн-террас...—Герцен в этот период жил в Лондоне по адресу: Orsett-House, Westbourne-terrace.

Стр. 301. *...а ведь как она огорчилась, когда мы ее назвали официальной.*—См. комментарий к стр. 185.

〈ОДИН ПОКРАСНЕЛ〉

Печатается по тексту К, л. 175 от 15 декабря 1863 г., стр. 1444, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без заглавия и подписи. Заглавие взято из ОЖ. Автограф неизвестен.

Авторство Герцена определяется идейно-тематической связью заметки с другими полемическими статьями Герцена, направленными против газеты «День» (см. статьи Герцена «„День“ и „Колокол“», «„Колокол“ и „День“»), а также против той шовинистической позиции, которую занял Катков в польском вопросе. Вопрос, обращенный здесь к редактору «Дня»: «... разве не называл<...> открытых врагов своего московского кумира бандитами, которых можно обвинять, не давая права оправдываться», текстуально близок следующим строкам из статьи Герцена «Виселицы и журналы»: «Направление „Дня“ мы знали; но откровенно признаемся, что если б год тому назад кто-нибудь сказал, что „День“ будет называть открытыми противников, сражающихся за независимость отечества, бандитами<...>, мы бы не поверили» (см. наст. том, стр. 235).

Включено в издание М. К. Лемке (Л XVI, 562—563).

Стр. 302. *...полицейского архистратига Михаила...*—Герцен намекает на адрес, посланный М. Н. Муравьеву из Петербурга 6 ноября 1863 г. вместе с иконой св. Михаила (см. об этом далее в наст. томе заметку «Граф Амурский» и комментарий к ней).

...с его тезкой «Москов. ведомостей».—Имеется в виду редактор «Московских ведомостей» М. Н. Катков.

Стр. 302—303. *«Никогда,—говорит редактор „Дня“ в 46 №,—полицейская функция государства ∞ некоторых рождающихся в нем наклонностей...»*—Герцен цитирует передовую статью И. С. Аксакова, напечатанную в газете «День», № 46 от 16 ноября 1863 г.

Стр. 303. *...разве не называл людей, иначе с ним думающих, преступниками и изменниками, а открытых врагов ∞ бандитами, которых можно обвинять, не давая права оправдываться...*—Здесь, в частности, имеется

в виду статья Аксакова «Из Парижа (письмо III)», напечатанная в газете «День» (отрывки из нее приводятся Герценом в статье «„День“ и „Колокол“» — стр. 194—196 наст. тома). Кроме того, Герцен напоминает о статье Аксакова «Письма в редакцию „Дня“ от князя Августина Голицына и г. Герцена» («День», № 25 от 22 июня 1863 г.), которую он цитировал в статье «„День“ и „Колокол“» (см. стр. 225 наст. тома).

〈ГРАФ АМУРСКИЙ〉

Печатается по тексту *K*, л. 175 от 15 декабря 1863 г., стр. 1444, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без заглавия и подписи. Заглавие взято из *ОК*. Автограф неизвестен.

Включено в издание М. К. Лемке (*LXVI*, 563) со следующей справкой: «Принадлежность ясна из пометки сына, хранящейся в архиве семьи Герцена» (*LXVI*, 570).

Авторство Герцена подтверждается редакционным характером заметки («исполнило нас умилением», «мы не так-то *ошиблись* в нем»), а также упоминанием «о нескольких словах, сказанных <...> по поводу беклемишевского дела» (см. ниже комментарий).

«Прогрессивным генерал-губернатором» Герцен называл Муравьева-Амурского также в статье «Тиранство сибирского Муравьева» (см. т. XIV наст. изд., стр. 316).

Стр. 304. *Имя амурского графа в числе подписавшихся на икону, поднесенную виленскому палачу...* — 6 ноября 1863 г. по случаю именин М. Н. Муравьева Вешателя ему был послан из Петербурга приветственный адрес за 79 подписями, вместе с иконой св. Михаила. Адрес со всеми подписями был затем опубликован в «Московских ведомостях», № 246 от 12 ноября 1863 г. В списке подписавшихся значилось, в частности, имя гр. Н. Н. Муравьева-Амурского.

...мы не так-то ошиблись в нем по поводу беклемишевского дела. — В листе втором «Под суд!» 15 ноября 1859 г. была помещена корреспонденция «Убийство Неклюдова в Иркутске» о дуэли Неклюдова и Беклемишева и самовольных действиях гр. Н. Н. Муравьева-Амурского. Дело о дуэли получило широкое освещение на страницах «Колокола» (см. об этом также заметки «Дуэль Неклюдова с Беклемишевым», «Тиранство сибирского Муравьева» и комментарии к ним — т. XIV наст. изд., «Граф Муравьев-Амурский и его поклонники» — т. XV наст. изд.).

〈БИОГРАФИЯ М. Н. МУРАВЬЕВА〉

Печатается по тексту *K*, л. 175 от 15 декабря 1863 г., стр. 1444, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без заглавия и подписи. Заглавие взято из *ОК*. Автограф неизвестен.

Авторство Герцена определяется редакционным характером заметки («рекомендуем ее нашим читателям»), а также ее тематической связью с другими статьями Герцена, обличающими деятельность Муравьева Вешателя и «ныне забытого Панина» (см. заметку Герцена «Потеря сотрудника» в т. XVI наст. изд.).

В издании М. К. Лемке отнесено к разряду *Dubia* (*LXVI*, 563).

Стр. 304. *Князь П. В. Долгоруков издал биографию Муравьева Вешателя...* — Pamфлетный биографический очерк кн. П. В. Долгорукова «Михаил Николаевич Муравьев» печатался первоначально в журнале «Будущность» (1861 г.), затем был перепечатан с дополнениями в «Листке», №№ 13, 14, 15, в период от 20 октября до 24 ноября 1863 г. Одновременно Долгоруков издал его отдельной брошюрой под заглавием «Михаил

Николаевич Муравьев». На титульном листе обозначен год издания 1864, но книга была отпечатана в ноябре 1863 г. (см. объявление о ее продаже в «Листке», № 15 от 24 ноября 1863 г.). Герцен впоследствии вновь рекомендовал этот памфлет читателям «Колокола» в 1866 г., в заметке «Биография Муравьева Вешателя» (см. т. XIX наст. изд.).

...с *жизнем ныне забытого Панина*... — Герцен имеет в виду изданное в 1859 г. жизнеописание «Граф В. Н. Панин, министр юстиции» (см. «Голоса из России», кн. VII, 1859), принадлежавшее, видимо, перу К. П. Победоносцева (см. ЛН, т. 41-42, стр. 605). До отставки Панина осенью 1862 г. он являлся постоянным объектом обличений и насмешек в «Колоколе» (см., например, заметки «Гр. В. Н. Панин», «Несчастный опыт домокрадства», «Что значит суд без гласности» — т. XIII наст. изд.; «Граф. В. Н. Панин», «Paniniana» — т. XIV наст. изд.; «Панин и смешение полов», «Студентское дело» — т. XVI наст. изд. и др.).

РЕДАКЦИОННЫЕ ЗАМЕТКИ, ПРИМЕЧАНИЯ, ОБЪЯВЛЕНИЯ

ИЗ ПЕТЕРБУРГА

⟨ПРИМЕЧАНИЯ⟩

Печатается по тексту *К*, л. 153 от 1 января 1863 г., стр. 1274, где опубликовано впервые, как подстрочные примечания, первое — без подписи, второе — с подписью: *Ред.* Автограф неизвестен.

В издание М. К. Лемке (*Л* XVI, 10) включено только второе примечание, которое отнесено к разряду *Dubia*.

В письме неизвестного корреспондента «Из Петербурга», напечатанном в «Колоколе», сообщалось об усилении террора в России в конце 1862 г., о многочисленных арестах и ссылках, о смертном приговоре подполковнику А. А. Красовскому (замененном затем каторгой — см. комментарий к статье «MDCCLXIII» — стр. 345 наст. тома). Автор корреспонденции, близкий, по-видимому, к революционно-демократическим кругам, с возмущением рассказывал о фабрикации обвинений против Н. Г. Чернышевского, уже более ста дней незаконно содержавшегося под арестом без допроса.

В корреспонденции характеризовалась также тактика подкупа журналистов, применявшаяся министром народного просвещения А. В. Головниным, сообщалось, что «само III отделение ищет сотрудников для „Русского вестника“, и приводился проект нового цензурного устава, представленный в октябре 1862 г. председателем особой комиссии для пересмотра постановлений о книгопечатании кн. Д. А. Оболенским.

Принадлежность Герцену редакционных примечаний определяется на основании его писем к И. С. Тургеневу, в которых Герцен высказывал резко критическое отношение к сотрудничеству И. С. Тургенева и П. В. Анненкова в катковском «Русском вестнике».

В связи с передачей «Русскому вестнику» романа «Отцы и дети» Герцен писал И. С. Тургеневу 9 февраля 1862 г.: «Зачем же ты подерживаешь Вестминстерский вестник в Леонтьевском переулке?» 12 декабря 1862 г., отзываясь на появление в № 9 «Русского вестника» статьи «Новые подвиги наших лондонских агитаторов», Герцен писал Тургеневу: «Рядом со шпионской статьей статья П. Анненкова в том же „Русском вестнике“... А что, ведь, надобно сознаться, какие сукины дети — наши друзья!» (В № 9 «Русского вестника» была помещена статья П. В. Анненкова «О Минине г-на Островского и его критиках».) Оправдывая Анненкова, Тургенев отвечал Герцену 16 декабря: «⟨...⟩ П. В. Анненков, конечно, великий преступник, но ⟨...⟩ он, отдавая свою невинную статью „Русскому вестнику“ в начале года, не мог

с достоверностью предвидеть, что ее поместят в конце года рядом с виновной...» (*Письма КТГ*, стр. 177).

Стр. 307. Ни о г-же Павловой, ни о г-же Милорадович мы ничего не знаем. — Примечание редакции «Колокола» относится к первому абзацу корреспонденции, в котором сообщалось следующее: «Вероятно, вы знаете большую часть жертв. Г-жа Павлова сослана в Холмогоры, профессор Калининский <...> и тверской помещик Берви сосланы в Астраханскую губернию. Сын полтавского губернатора Устимовича и еще четыре молодых человека Полтавской губернии сидят под арестом. Г-же Милорадович не велено выезжать из деревни. Писарев и Михаил Воропов сидят с начала ноября». В примечании, как и в письме «Из Петербурга», упоминается, вероятно, учительница воскресных школ Е. Павлова, о которой в «Кратком отчете по делам высочайше утвержденной следственной комиссии 1862—1871 гг.» находим следующее донесение, относящееся к событиям 1862 г.: «Между виновными по следствию о прокламациях вообще — домашняя учительница Павлова» (см. В. Б о г у ч а р с к и й. Общественное движение 60-х годов под пером его казенных исследователей. — «Голос минувшего», 1915, № 4, стр. 201—202). О Милорадович упоминается в отчете III отделения за 1863 г.: «По отзыву генерал-адъютанта Анненкова, в числе лиц, сочувствующих украинофильству, замечены как руководители партии, проживающие в Полтаве: учитель Пильчиков, агент литератора Кулиша Трунов и г-жа Милорадович, — за ними учреждено особое наблюдение» (сб. «Политические процессы 60-х гг.» под ред. Б. П. Козьмина, М.—Л., 1923, стр. 218). Так как редакционное примечание касается лишь Павловой и Милорадович, можно предположить, что сведения о других упомянутых автором статьи лицах уже находились в распоряжении Герцена и Огарева. В частности, о ссылке проф. Б. Ф. Калиновского в Астраханскую губернию в октябре 1862 г. за посещение Герцена во время заграничной поездки они узнали из письма В. И. Касаткина от 15 ноября 1862 г. (см. ЛН, т. 41-42, стр. 53).

«*Le Nord*» обещал новую повесть И. С. Тургенева в «Р. в.» — В газете «*Le Nord*», № 364 от 30 декабря 1862 г., была помещена корреспонденция из Петербурга под заголовком «*Chronique théâtrale*», в которой сообщалось о предстоящем напечатании в «Русском вестнике» в 1863 г. «нового романа И. С. Тургенева». Это известие не соответствовало действительности. В 1862—1863 гг. Тургенев работал над повестью «Призраки», которую предназначал для журнала «Время» (см. письмо Тургенева к П. В. Анненкову от 19(31) января 1863 г. в книге: П. В. А н н е н к о в. Литературные воспоминания, СПб., 1909, стр. 561—562). Об этом сообщалось в объявлении об издании журнала «Время», напечатанном в «Северной почте», № 6 от 8 января 1863 г., где редакторы его, М. М. и Ф. М. Достоевские, писали: «Мы имеем положительное удостоверение от И. С. Тургенева, что он ничего не напечатает нигде раньше, чем во „Времени“» (стр. 24). Узнав вскоре об этом, Герцен писал Тургеневу 24 февраля 1863 г.: «Читал в объявлениях, что ты будешь печатать во „Времени“ <...>, а не в шпионском рассаднике Каткова <...> Поздравляю с поздним, но по виду похвальным возбуждением чувствования... добродетелей». И после запрещения журнала «Время» (см. в наст. томе статью «Россиада», стр. 174 и комментарий к ней) Тургенев отказался передать законченную 1(13) июня 1863 г. повесть «Призраки» в «Русский вестник», о чем писал П. В. Анненкову 27 сентября 1863 г.: «Я „Русскому вестнику“ должен 300 рублей, и он бы принял „Призраки“ охотно, но мне как-то не хочется печататься у Каткова» (см. «Вестник Европы», 1887, № 1, стр. 13—14). См. также письма Тургенева к Герцену от 11 февраля 1862 г. и от 22 мая 1867 г. — *Письма КТГ*, стр. 145, 192).

ОБЩИЙ ФОНД <ПОЛУЧЕНО ИЗ ШВЕЙЦАРИИ...>

Печатается по тексту *К*, л. 153 от 1 января 1863 г., стр. 1276, где опубликовано впервые, без подписи. Автограф неизвестен.
Включено в издание М. К. Лемке (*Л* XVI, 11).

«Общий фонд» был основан при редакции «Колокола» в мае 1862 г. для сбора средств «на общее наше русское дело». Эти деньги предназначались «для пособия русским эмигрантам» и для материальной поддержки революционной пропаганды. В обращении «От издателей», датированном 12 мая 1862 г., сообщалось также, что «издатели „Колокола“» приняли на себя «не только обязанность хранения денег, но и тяжелую ответственность употребления их» (т. XVI наст. изд., стр. 98). С этого времени и вплоть до 15 мая 1867 г., когда Герцен известил о ликвидации «Общего фонда» (см. «Общий фонд <В Общем фонде к 15 мая...>» — т. XIX наст. изд.), в «Колоколе» регулярно печатались сообщения о полученных суммах.

Пожертвования должны были, по мысли Герцена, поступать от эмигрантов, которым предлагалось вносить в кассу «Общего фонда» от 5 до 10% годового дохода (см. заметку «Общий фонд» — т. XVI наст. изд., стр. 293), от русских, приезжающих за границу, а также из самой России. Призыв Герцена не имел, однако, успеха. Взносы в «Общий фонд» были немногочисленны и их не хватало даже на помощь нуждающимся эмигрантам, о чем Герцен не раз заявлял в своих отчетах (см., например, в наст. томе заметку «В Общем фонде не только ничего нет...» — стр. 315).

А. А. ЯКОВЛЕВ <ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНЫЕ СТРОКИ>

Печатается по тексту *К*, л. 155 от 1 февраля 1863 г., стр. 1292, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без подписи. Автограф неизвестен.

Перепечатанные в «Колоколе» из газеты «Северная пчела» (№ 5 от 6 января 1863 г.) приговор и конфирмация Александра II по делу А. А. Яковлева сопровождалась, помимо заключительных строк, следующим редакционным вступлением: «В „Сев. пч.“ от 5 января напечатано».

10 мая 1862 г. в Петербурге, в казармах лейб-гвардии саперного полка, был арестован по доносу фельдфебеля П. Ф. Миниха бывший студент Петербургского университета, участник студенческих волнений 1861 г. А. А. Яковлев, который вел среди солдат агитацию за «изменение существующего порядка правления». Военный суд приговорил Яковлева к 12 годам каторжной работы на рудниках, но по решению Александра II от 7 декабря 1862 г. срок каторги был уменьшен до шести лет. После первых известий об окончании суда по этому делу в «Колоколе» была напечатана заметка «Смертный приговор» (см. т. XVI наст. изд.). Смерти Яковлева на каторге в 1866 г. была посвящена редакционная заметка в «Колоколе» «Из Сибири <Мы получили страшную весть...>» (т. XIX наст. изд.).

ПРУССКИЙ ПОЧТАМТ

Печатается по тексту *К*, л. 155 от 1 февраля 1863 г., стр. 1293, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без подписи. Автограф неизвестен.

Принадлежность извещения Герцену, так же как и заметки «15 февраля „Московских ведомостей“ все нет...» (см. в наст. томе, стр. 309), определяется тем, что именно Герцен вел в «Колоколе» полемику

с М. Н. Катковым и его газетой «Московские ведомости» (см. в наст. томе: «Преступления в Польше», «Бессословность в Москве», «Зарница совести», «Странные игры случайности», «„Всеобщий дневник“ п „Московские ведомости“», «Чего они так испугались?», «Донос на „СПб. ведомости“», «Какое правление в России?» и др.). О задержке «Московских ведомостей» Герцен упоминает в письме к Огареву от 5 февраля 1863 г.

В издании М. К. Лемке отнесено к разряду *Dubia* (*Л XVI, 35*).

«Московские ведомости» не были получены Герценом и ко времени выпуска следующего, 156-го, листа «Колокола» (см. заметку «15 февраля. „Московских ведомостей“ все нет...»). Лишь в *К*, л. 157 от 1 марта 1863 г. содержится ссылка на 21-й номер «Московских ведомостей» (см. статью «Преступления в Польше», стр. 59—60 наст. тома).

ИСПОВЕДЬ РУССКОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА К РЕСПУБЛИКЕ

Печатается по тексту *К*, л. 156 от 15 февраля 1863 г., стр. 1299, где опубликовано впервые, без подписи, в виде вступительных строк к перепечатанной в «Колоколе» статье из газеты «Северная пчела» (об этом см. ниже). Автограф неизвестен.

Включено в издание М. К. Лемке (*Л XVI, 55*) со следующей справкой: «Принадлежность ясна из пометки Чернецкого на корректуре, хранящейся в архиве семьи Герцена» (*Л XVI, 569*).

Авторство Герцена подтверждается характерным для Герцена обыгрыванием названия газеты «Северная пчела» (ср. в статье «„Библиотека“ — дочь Сенковского: «неприхотливая „Пчела“, находившая даже в николаевском царствовании мед» — т. XIV наст. изд., стр. 266).

В газете «*Journal de St.-Petersbourg*», № 18 от 21 января (2 февраля) 1863 г. была помещена редакционная статья о польском восстании. Автор ее полемизировал с мнением иностранных газет, что рекрутский набор послужил причиной восстания. При этом он, однако, цинично признавал незаконность набора, его специальную цель — обезвредить польскую революционную молодежь — и проговаривался о провокационном характере этой меры: «правительство <...> знало, как нельзя лучше, что рекрутский набор должен послужить сигналом взрыва», но остался «твердым в своей решимости очистить Польшу от этих стихий беспорядка», обещая возвратиться к законному порядку в неопределенном будущем (см. *К*, стр. 1300). Перевод этой статьи был напечатан в газете «Русский инвалид», в прибавлении к № 19 от 24 января 1863 г., а затем перепечатан многими русскими газетами, в частности «Северной пчелой», № 24 от 25 января 1863 г., стр. 95, с указанием на «Русский инвалид» и его перевод. Об этой статье см. также в наст. томе статью Герцена «Преступления в Польше», стр. 59 и комментарий к ней.

ВИКТОР ГЮГО РУССКОМУ ВОЙСКУ

Печатается по тексту *К*, л. 156 от 15 февраля 1863 г., стр. 1301, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь». В *ОЖ* озаглавлено: «Виктор Гюго к русскому войску».

Включено в издание М. К. Лемке (*Л XVI, 64—65*).

Принадлежность Герцену подстрочного примечания («Сейчас получил я при письме Виктора Гюго из Гернсе...»), напечатанного в «Колоколе» без подписи, устанавливается письмом В. Гюго Герцену от 8 февраля

1863 г., в котором Гюго писал: «Мой доблестный брат по борьбе и испытаниям. Один русский офицер написал мне, прося о том, что я посылаю вам. Напечатайте это, воспользуйтесь им, если думаете, что это может не быть бесполезно. Будем помогать друг другу» (Л XVI, 64).

Воззвание Гюго, перевод которого был осуществлен для «Колокола» вероятнее всего самим Герценом, появилось также во французской печати, в частности, в газете «La Presse» (см. об этом в работе М. П. Алексеева «Виктор Гюго и его русские знакомства» — ЛН, т. 31-32, стр. 834. Там же см. факсимильное воспроизведение автографа воззвания Гюго).

Стр. 308. ...получил я при письме Виктора Гюго из Гернсе его воззвание к русским воинам для напечатания в «Колоколе». — В. Гюго жил во время своего изгнания на островах Жерси и Гернси, входивших в группу Нормандских островов и принадлежавших Англии. 10 февраля Гюго направил свое воззвание также издателю брюссельской газеты «Bulletin du Dimanche» Лакруа (Lacroix) с просьбой пропагандировать «это воззвание, сколько возможно» (см. ЛН, 31-32, стр. 834). Как в письме Герцену, так и в письме Лакруа, Гюго говорит о том, что с просьбой написать это воззвание к нему обратился «один русский офицер». Кто был этот офицер, осталось неизвестным. Возможно, что им был А. А. Потемкин, приезжавший в феврале 1863 г. в Лондон и выехавший в середине февраля обратно в Варшаву, чтобы принять непосредственное участие в польском восстании. Выступить с воззванием по польскому вопросу просил Гюго и Герцен, но его письмо до нас не дошло. Из этого письма известна лишь одна фраза, приведенная Гюго в его книге «Во время изгнания»: «Великий брат, на помощь! Скажите слово цивилизации» (Л XVI, 64).

«КН. П. В. ДОЛГОРУКОВ»

Печатается по тексту К, л. 156 от 15 февраля 1863 г., стр. 1301, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без заглавия и подписи. Заглавие взято из ОК. Автограф неизвестен.

Авторство Герцена определяется редакционным характером заметки, а также его письмами, содержащими извещение об отъезде Долгорукова в Голландию. Так в письме к М. Мейзенбуг и Н. А. Герцен от 17 февраля 1863 г. Герцен сообщал: «Кн. Долгоруков бежал из Бельгии в Голландию и едет сюда, в силу чего я ищу квартиру вне Лондона». 20 февраля Герцен писал И. С. Тургеневу: «Что ты скажешь об учтивости Долгорукова, который от тебя бежал и лежит в Бреду (это не болезнь, а город в Голландии)».

Включено в издание М. К. Лемке (Л XVI, 65).

Заметка написана в связи с переездом в Лондон кн. П. В. Долгорукова. Герцен внимательно следил за публицистической деятельностью Долгорукова и сочувственно относился к его резким обличениям режима Николая I и Александра II (см. письма Герцена к Долгорукову от 12 апреля и 18 декабря 1860 г., заметки «La vérité sur la Russie» — т. XIV наст. изд., «Нашего полка прибыло» — т. XVI наст. изд., «Письмо кн. П. В. Долгорукова к редактору „Современника“», «Из заведений А. А. Краевского», «Биография М. Н. Муравьева» — наст. том, «Биография Муравьева Вешателя» — т. XIX наст. изд.). Однако ни о какой идейной близости между ними не могло быть речи, что постоянно подчеркивал Герцен с самого начала их знакомства (см. например, письмо к Долгорукову от 8 октября 1860 г.). Опубликовав на страницах «Колокола» несколько писем и заметок Долгорукова, а также пользуясь иногда общенными им све-

днями и документами о закулисной стороне жизни придворных кругов, Герцен в то же время относился очень скептически к политической деятельности Долгорукова, В связи с этим отношения издателей «Колокола» и Долгорукова не раз обострялись и доходили до открытых столкновений. Такие столкновения происходили, например, в марте 1863 г. и в августе 1866 г. (см. письмо к Долгорукову Н. П. Огарева с поправками Герцена, относящееся к марту 1863 г.— *Л XVI*, стр. 147—148, письмо Огарева к гр. Е. В. Салиас де Турнемир от 20 октября 1863 г.— *ЛН*, т. 61, стр. 821, а также письмо Герцена к Долгорукову от 21 августа 1866 г.).

Кн. П. В. Долгоруков, изгнанный из Франции, поселился в Брюсселе в 1862 г. Здесь была анонимно напечатана им в августе 1862 г. книга «*La vérité sur le procès du prince Pierre Dolgoroukow*», содержащая разоблачения русской и французской правящей верхушки. В связи с распространением книги был начат брюссельскими властями процесс, инспирированный Наполеоном III и русским правительством, что и вынудило Долгорукова покинуть Бельгию 8 февраля 1863 г. Об этом см. статью Долгорукова «Переселение „Листка“ в Лондон» («Листок», № 6, май 1863 г.). П. В. Долгоруков приехал в Лондон около 20 февраля 1863 г. (см. сводку биографических материалов о Долгорукове во вступительной статье С. В. Бахрушина к изданию: П. В. Долгоруков. Петербургские очерки. Pamфлеты эмигранта, М., 1934).

Стр. 309. *Кн. Долгоруков снова заверяет петербургское правительство, что молчать его никак не заставят.*— Подобные заявления были сделаны Долгоруковым в статье «Объявление», напечатанной в *К*, л. 121 от 1 февраля 1862 г., и в письме, опубликованном в *К*, л. 138 от 1 июля 1862 г. Заявления Долгорукова были сделаны в связи с попытками русского правительства оказать давление на Долгорукова через издателей его журналов «Будущность» и «Правдивый». Подобные же заверения высказывались им неоднократно в «Листке», «Правдивом» и «*Le Véridique*».

<15 ФЕВРАЛЯ. «МОСКОВСКИХ| ВЕДОМОСТЕЙ» ВСЕ НЕТ...>

Печатается по тексту *К*, л. 156 от 15 февраля 1863 г., стр. 1301, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без заглавия и подписи. Автограф неизвестен.

О принадлежности заметки Герцену см. выше, в комментариях к извещению «Прусский почтамт» (наст. том, стр. 474—475).

Включено в издание М. К. Лемке (*Л XVI*, 67).

<В ОБЩИЙ ФОНД ПОЛУЧЕНЫ...>

Печатается по тексту *К*, л. 156 от 15 февраля 1863 г., стр. 1301, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без подписи. Автограф неизвестен. Включено в издание М. К. Лемке (*Л XVI*, 68).

РЕКРУТСКИЙ НАБОР В РОССИИ <ВСТУПИТЕЛЬНЫЕ СТРОКИ>

Печатается по тексту *К*, л. 157 от 1 марта 1863 г., стр. 1308, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без подписи. Автограф неизвестен.

Вступительные строки сопровождали перепечатанную в «Колоколе» (в сокращении) из «Московских ведомостей» корреспонденцию А. Берталя из Саратова от 12 декабря 1862 г., в которой сообщалось об издатель-

ствах и насилиях над рекрутами в местном рекрутском присутствии. В «Московских ведомостях» корреспонденция была озаглавлена «Диковинки при приеме рекрут» (см. № 5 от 8 января 1863 г., стр. 3).

«СВОБОДНОЕ СЛОВО»

Печатается по тексту *К*, л. 157 от 1 марта 1863 г., стр. 1308, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без заглавия и подписи. Заглавие взято из *ОК*. Автограф неизвестен.

Включено в издание М. К. Лемке (*Л XVI*, 115) со следующей справкой: «Принадлежность ясна из записки А. А. Герцена, хранящейся в архиве семьи Герцена» (*Л XVI*, 570).

Л. П. Блюммер, окончив юридический факультет Московского университета, в конце 1861 г. выехал за границу. В Берлине в 1862 г. он издал восемь выпусков журнала «Свободное слово», в котором выдвигал требования свободы слова и совести, равенства всех перед законом, конституционной монархии и осуждал «крайние меры» борьбы против царизма. В октябре 1862 г. Блюммер переехал в Брюссель. Здесь он стал сотрудничать с кн. П. В. Долгоруковым, в типографии которого и была напечатана первая книжка «Свободного слова» на 1863 г. Именно ее и имеет в виду Герцен в комментируемой заметке. После разрыва с Долгоруковым Блюммер переехал в Дрезден, где в феврале — июне 1864 г. издавал еженедельный журнал «Европеец». О Блюммере см. заметку Герцена «Мы с нетерпением ждем „Европейца“...» и комментарий к ней (т. XVIIII наст. изд.).

В первой книжке «Свободного слова» были помещены отрывки из брошюры, появившейся летом 1862 г. в Париже — «Michał Bakunin i odezwa jego do przyjaciół rosyjskich i polskich» («Михаил Бакунин и его воззвание к русским и польским друзьям»). Эта брошюра, подписанная «Литвин», была ответом на статью Бакунина «Русским, польским и всем славянским друзьям», опубликованную в прибавлении к *К*, л. 122-123 от 15 февраля 1862 г. (Подробное изложение статьи Бакунина было опубликовано на польском языке в марте 1862 г. также в журналах «Demokrata Polski» и «Przegląd Rzeczy Polskich»). Оставшийся неизвестным автор брошюры возражал против предложения Бакунина о распространении принципов общинного землевладения на Польшу. Особые возражения «Литвина» вызвал вопрос о границах Польши. Он решительно выступал против предоставления Литве, Украине и Белоруссии права решать самим свою судьбу, заявляя: «На Польшу в том составе, в каком она была до раздела с Литвою, Вольной, Подолией и Украиной до Днепра, имеем полное право и на обладание ею питаем в душе и надежду и веру». В «Свободном слове» был помещен и ответ «Литвину». Неизвестный автор этого ответа, скрывшись за подписью «Русский», подверг статью «Литвина» острой критике и указал на то, что она является выражением взглядов польской аристократии.

«ОБЩИЙ ФОНД»

«В ОБЩИЙ ФОНД ПОЛУЧЕНО: ИЗ ГЕРМАНИИ...»

Печатается по тексту *К*, л. 157 от 1 марта 1863 г., стр. 1309, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без заглавия и подписи. Заглавие взято из *ОК*. Автограф неизвестен.

Включено в издание М. К. Лемке (*Л XVI*, 121).

〈РУССКИЕ В ФЛОРЕНЦИИ, ЖЕНЕВЕ И НИЦЕ〉

Печатается по тексту *К*, л. 158 от 8 марта 1863 г., стр. 1313, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без заглавия и подписи. Заглавие взято из *ОК*. Автограф неизвестен.

Включено в издание М. К. Лемке (*Л XVI*, 128) со следующей справкой: «Принадлежность устанавливается тождеством с письмом к Герцену из Италии дочери его, Н. А.; „английские журналы“ указаны для отвода глаз» (*Л XVI*, 570). Местонахождение этого письма неизвестно. Но на основании письма Герцена от 5 марта 1863 г., в котором он пишет: «Все это и здесь знают, — Мечников», можно предположить, что Н. А. Герцен действительно сообщила Герцену о выступлении Л. И. Мечникова на митинге во Флоренции.

С т р. 310. ...*русский офицер* ∞ *произнес речь*... — Герцен имеет в виду Л. И. Мечникова, впоследствии известного географа и публициста, брата выдающегося русского ученого И. И. Мечникова. После окончания Харьковского университета Л. И. Мечников в конце 50-х годов XIX в. выехал в Италию, где сблизился с Гарибальди и в качестве его адъютанта участвовал в 1860—1861 гг. в освободительной борьбе итальянского народа. Л. И. Мечников был лично знаком с Герценом, посылал корреспонденции в «Колокол» и разделял его позиции по польскому вопросу (см. в наст. томе заметку «Точка поворота»).

...на поминках 24 февраля 1848 года... — См. комментарий к стр. 68.

〈УВЕДОМЛЕНИЕ〉

Печатается по тексту *К*, л. 159 от 15 марта 1863 г., стр. 1314, где опубликовано впервые, без заглавия, с подписью: *Издатели «Колокола»*. Заглавие взято из *ОК*. Этим уведомлением открывается лист «Колокола». Автограф неизвестен.

Включено в издание М. К. Лемке (*Л XVI*, 138).

«Уведомление» тесно связано с подготавливавшейся в Лондоне морской экспедицией, которая должна была высадить на берегах Литвы в помощь польским повстанцам отряды волонтеров (преимущественно из поляков). Комиссаром ее был И. Демонтович (см. комментарий к стр. 226).

СТУДЕНТАМ В РОССИИ

〈ВСТУПЛЕНИЕ〉

Печатается по тексту *К*, л. 159 от 15 марта 1863 г., стр. 1315, где опубликовано впервые, без подписи. Автограф неизвестен.

В издании М. К. Лемке отнесено к разряду *Dubia* (*Л XVI*, 142).

После редакционного вступления в «Колоколе» было напечатано воззвание к русским студентам от членов «Демократического клуба свободных студентов в Пизе» («*Circolo democratica fra studenti in Pisa*») по поводу усмирения Польши. Убеденные в «неотвратимом торжестве права и истины», они призывали русскую молодежь к протесту и борьбе против правительства, превращающего ее в «убийц людей, защищающих священнейшие достоинства человека». Заканчивается воззвание словами: «Начните, победа будет за вами, а если вы падете, вы падете в искушение».

страны вашей от позора и проклятья, которые иначе падут не на одну голову царя, а на ваше отечество».

Стр. 310. ...*для успокоившихся в лоне эгоизма умников, поучающих вас философии повиновения и поэзий полицейского порядка.*— Имеются в виду московские реакционные профессора, в том числе Б. Н. Чичерин, который поучал студентов «философии рабства, т. е. повиновения дурным законам», как писал Герцен в статье «Ученая Москва» (см. т. XVI наст. изд.). В *К*, лл. 126 и 127 от 22 марта и 1 апреля 1862 г., была опубликована «Историческая записка...» министру народного просвещения по поводу студенческих волнений в октябре 1861 г., озаглавленная Герценом в л. 127 «Донос московских профессоров». Авторы «Записки» профессор С. М. Соловьев, П. М. Леонтьев, Б. Н. Чичерин, О. М. Бодянский и С. М. Ешевский причину волнений видели в «недостатке полицейских средств в руках университетского начальства, в послаблении городских властей» и главным средством умиротворения считали усиление полицейского надзора.

ДОМБРОВСКИЙ И МЕХЕДА

Печатается по тексту *К*, л. 159 от 15 марта 1863 г., стр. 1317, где опубликовано впервые, без подписи. Автограф неизвестен.

Принадлежность Герцену определяется прямой связью этого извещения с тем, что писал Герцен о гибели Мехеды в статье «„День“ и „Колокол“» (стр. 227 наст. тома).

Стр. 311. ...*капитан Мехеда погиб не в сражении.*— В «Листке» П. В. Долгорукова (1863, № 8, стр. 63) появилось также сообщение об этом событии: «В военном приказе 23 марта сказано: „Исключается из списков генерального штаба штабс-капитан Мехеда, умерший от ран, нанесенных польскими мятежниками“. Но всем известно, что Мехеда убит не поляками, а пашими же солдатами, за то, что не хотел допускать их до грабежа».

〈ОБЩИЙ ФОНД〉

〈В ОБЩИЙ ФОНД ПОЛУЧЕНО ОТ В. ПЕЧЕРИНА...〉

Печатается по тексту *К*, л. 159 от 15 марта 1863 г., стр. 1317, где опубликовано впервые, без заглавия и подписи. Заглавие взято из *ОК*. Автограф неизвестен.

Включено в издание М. К. Лемке (*Л* XVI, 144).

Стр. 311. *В Общий фонд получено от В. Печерина 1 фунт (½ 1)...*— Деньги были посланы В. С. Печериным в начале марта 1863 г. в ответ на обращение Совета общества «Земля и воля» (см. в наст. томе письмо Герцена издателю «The Morning Star» и комментарий, стр. 371). По поводу этого пожертвования Печерин писал Герцену 10 марта 1863 г., вероятно в ответ на несохранившееся письмо Герцена, где сообщалось о получении денег: «Может быть, вы ошибаетесь, когда думаете, что мое приношение пришло из *иного* стана <...> Я даю вам полную волю напечатать, от кого вы получили тот фунт, и, признаюсь, горжусь, что моя посылка — № 1» (см. *ЛН*, т. 62, стр. 474). Ответил Печерину Н. П. Огарев (см. черновик его письма, с надписью Герцена, от 11 или 12 марта 1863 г.

в ЛН, т. 62, стр. 476). В «Колоколе» затем были помещены сообщения еще о двух пожертвованиях Печерина (см. ниже «В Общий фонд от В. Печерина...» и «В Общий фонд (№ 20) от Малоросса...»). О политических настроениях Печерина в этот период см. выше комментарий к стр. 255.

...для польского дела от нескольких русских студентов из Германии 40 гульденов.— Вероятно, речь идет о пожертвованиях членов русской студенческой колонии в Гейдельберге, сочувствовавших восстанию. О сборе средств в их среде для помощи польским повстанцам сообщает, в частности, Б. П. Козьмин в статье «Герцен, Огарев и „молодая эмиграция“» (см. ЛН, т. 41-42, стр. 6). В пользу высказанного предположения говорит и факт поездки сына Герцена Александра в Гейдельберг в начале марта 1863 г. (см. письмо Герцена к дочери Наталии от 12 марта 1863 г.).

«МОЛОДЕЦКОЕ ПОВЕДЕНИЕ СОЛДАТ»

〈ПОСЛЕСЛОВИЕ〉

Печатается по тексту К, л. 160 от 1 апреля 1863 г., стр. 1322—1323, где опубликовано впервые, в виде послесловия к документам, без подписи. Авторграф неизвестен.

Первый документ (К, стр. 1321—1322)— записка предводителя дворянства Брестского уезда А. А. Вильчевского гродненскому губернскому предводителю дворянства, в которой рассказывалось о зверском убийстве казаками пяти крестьян деревни Долбизна и помещика Викентия Снежко, о разграблении его имущества, сожжении хлеба и т. д. Второй документ, озаглавленный в «Колоколе» «Нравоучение», являлся предписанием гродненского генерал-губернатора, повелевающим местным помещикам, по случаю объявления края на военном положении, возвратиться из губернских и уездных городов в собственные имения.

Принадлежность послесловия к этим двум документам Герцену устанавливается его редакционным характером («С ужасом и отвращением напечатали мы этот кровавый документ...»), идейно-тематической близостью к другим произведениям Герцена, в которых он выступал против «цинизма официальной прессы», оправдывавшей зверства русских войск в Польше (см. в наст. томе «Русский разбой и грабеж в Польше»). Авторство Герцена подтверждается и стилистическими признаками (каламбурной концовкой заметки, словообразованием: *лейб-скрибальеры* и т. д.).

В издание М. К. Лемке послесловие включено вместе с текстом второго документа и отнесено к разряду Dubia (Л XVI, 193—194).

Стр. 311. ... *императорскими лейб-скрибальерами* и...— «Императорскими лейб-скрибальерами» названы не только публицисты официальных органов, как «Северная почта», «Русский инвалид», «Journal de St.-Petersbourg», но и реакционных «Московских ведомостей», «Нашего времени», субсидируемого правительством «Голоса» и других газет, занимавших в польском вопросе официозную шовинистическую позицию. «Scriba» — писарь (лат.).

...*царская благодарность грабившим солдатам за молодецкое поведение*».— 17 февраля 1863 г. Александр II послал наместнику Царства Польского вел. князю Константину Николаевичу телеграмму следующего содержания: «...поручаю тебе благодарить как всех начальников, так и славное войско наше за молодецкую службу. Я горжусь ими более, чем когда-либо» (см. С. С. Т а т и щ е в. Император Александр II, его жизнь и царствование, т. I, СПб., 1903, стр. 462—463).

Стук деревяшкой калеки «Инвалида» не заглушает ∞ стон умирающих от молодечества милых шалунов.— Редакция газеты «Русский инвалид» пыталась во многих статьях опровергнуть сообщения европейской прессы о зверствах царских войск в Польше (см. также статьи «Плач», «Русский грабеж и разбой в Польше» и комментарий к стр. 65).

«THE SERBIAN NATION AND THE EASTERN QUESTION»

Печатается по тексту *К*, л. 160 от 1 апреля 1863 г., стр. 1325, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», как объявление от редакции «Колокола». Автограф неизвестен.

В издании М. К. Лемке отнесено к разряду *Dubia* (*Л* XVI, 201).

Книга профессора политических наук в Белграде В. Иовановича «The Serbian Nation and the eastern Question» («Сербская нация и восточный вопрос») была издана в Лондоне в 1863 г. Автор ее, активный деятель освободительного движения в Сербии, выступал за уничтожение турецкого и австро-венгерского гнета, за политическую свободу и национальное объединение сербского народа. В 1860 г. Иованович вынужден был эмигрировать в Лондон, где познакомился с Герценом. В 1864—1865 гг., после переселения в Женеву, он издавал сербско-французские еженедельники «Слобода» (см. объявление об их выходе в свет в *К*, лл. 186 и 187 от 15 июня и 15 июля 1864 г.). В это время он поддерживал связь с русской «молодой эмиграцией», руководители которой изъявили готовность помогать новому изданию (см. письмо Н. И. Утина к Н. П. Огареву от 22 июня 1864 г.— *ЛН*, т. 62, стр. 658).

⟨В ОБЩИЙ ФОНД ПОЛУЧЕНО...⟩

Печатается по тексту *К*, л. 160 от 1 апреля 1863 г., стр. 1325, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без заглавия и подписи. Автограф неизвестен.

ПЯТЬ ЛЕТ КАТОРГИ

⟨ВСТУПИТЕЛЬНЫЕ И ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНЫЕ СТРОКИ⟩

Печатаются по тексту *К*, л. 161 от 15 апреля 1863 г., стр. 1331, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без подписи. Автограф неизвестен.

Вслед за вступительными строками в *К* был помещен приговор Государственного совета с конфирмацией Александра II от 27 февраля 1863 г. по делу студентов медико-хирургической академии В. Х. Хохрякова и П. А. Беневоленского. (В газете «Северная пчела», № 79 от 22 марта 1863 г., приговор и конфирмация были напечатаны под заглавием «Взыскание»). За распространение воззваний «с целью возбудить к неповиновению верховной власти» Хохряков был приговорен к каторжным работам, Беневоленский — к поселению в Сибирь. По повелению императора срок каторги Хохрякову был ограничен пятью годами вместо девяти. Крестьяне же, хранившие воззвания, были приговорены к наказанию розгами. (см. М. К. Лемке. Счерки освободительного движения «шестидесятых годов», СПб., 1908, стр. 401—438).

ПОЛЬСКИЙ МАНИФЕСТ В «DAILY NEWS»

Печатается по тексту *К*, л. 161 от 15 апреля 1863 г., стр. 1333, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без подписи. Автограф неизвестен.

Принадлежность Герцену определяется непосредственной связью извещения с заметкой «Прокламация», где Герцен также писал об откликах в русской прессе на публикацию «Daily News» (см. наст. том, стр. 133 и комментарий к ней).

〈В ОБЩИЙ ФОНД 10 ШИЛ...〉

Печатается по тексту *К*, л. 161 от 15 апреля 1863 г., стр. 1333, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без заглавия и подписи. Автограф неизвестен.

Включено в издание М. К. Лемке (*Л XVI*, 223).

〈ПОЛУЧЕННЫЕ 2000 ФР. ИЗ НЕАПОЛЯ...〉

Печатается по тексту *К*, л. 161 от 15 апреля 1863 г., стр. 1333, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без заглавия и подписи. Автограф неизвестен.

Включено в издание М. К. Лемке (*Л XVI*, 223), где объединено с предыдущим объявлением об «Общем фонде».

〈ПИСЬМО О ДЕЛЕ КРАСОВСКОГО...〉

Печатается по тексту *К*, л. 161 от 15 апреля 1863 г., стр. 1333, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без заглавия и подписи. Автограф неизвестен.

Речь идет, по-видимому, о письме, которое было прислано неизвестным корреспондентом вместе с документами по делу подполковника А. А. Красовского.

Приговор ему ранее был напечатан в «Колоколе» (см. «Сентенция военного суда» *К*, л. 151 от 1 декабря 1862 г.). Присланные вместе с не дошедшим до нас письмом корреспондента материалы (определение генерал-аудиториата с конфирмацией Александра II, тексты возвания Красовского к солдатам Житомирского резервного батальона и письма их к арестованному Красовскому) были напечатаны в следующем, 162 листе «Колокола» от 1 мая 1863 г., под заглавием «Подполковник Красовский» (стр. 1336—1338).

ОПАСНОСТЬ ИМЕТЬ ДОМ В ПЕТЕРБУРГЕ. ДЕЛО ЗЕЙФЕРТА 〈ПРИМЕЧАНИЕ〉

Печатается по тексту *К*, л. 162 от 1 мая 1863 г., стр. 1339, где опубликовано впервые, в виде подстрочного примечания, с подписью: *Изд.* Автограф неизвестен.

В корреспонденции, к которой относится редакционное примечание, рассказывалось об аресте владельца дома, поручика Измайловского полка Зейферта за сопротивление чинам петербургской полиции, незаконно мешавшей в его отношения с квартиронанимателями. Примечание сделано к словам: «Тем не менее Зейферт с начала ноября 1862 г. и поныне сидит в ордонансгаузе».

〈В ОБЩИЙ ФОНД ОТ В. ПЕЧЕРИНА...〉

Печатается по тексту *К*, л. 162 от 1 мая 1863 г., стр. 1340, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без заглавия и подписи. Автограф неизвестен.

Включено в издание М. К. Лемке (*Л XVI*, 240).

Деньги были посланы Герцену В. С. Печериным 20 апреля 1863 г. вместе с письмом, в котором он, намекая на свое первое пожертвование (см. выше — «Общий фонд 〈В Общий фонд получено от В. Печерина...〉»), писал: «На этот раз посылаю вам *две лепты* (2 фунта): это как-то сообразнее с евангелием. Прошу вас принять их как символ глубокого участия, которое я принимаю в русском деле — деле *Земли и воли*» (см. *ЛН*, т. 62, стр. 484).

«ПОЛЬСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ И ГОРДИЕВ УЗЕЛ ЕВРОПЕЙСКОЙ ПОЛИТИКИ»

Печатается по тексту *К*, л. 163 от 15 мая 1863 г., стр. 1348, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», в виде объявления, без подписи. Автограф неизвестен.

В издании М. К. Лемке отнесено к разряду *Dubia* (*Л XVI*, 262).

Неизвестный автор брошюры «Польская революция и гордиев узел европейской политики» (датированной 15 марта 1863 г.), отстаивая требование независимости Польши, с революционно-демократических позиций оценивал перспективы исторического развития своей родины и путь к социализму видел в устройстве демократической республики в Польше. Анализ отношения своекорыстной и «близорукой» «европейской дипломатии» к польскому вопросу он резюмировал так: «Здравая и прямая политика требует, чтобы Польша, прервав всякие сношения с официальной Европой, обратилась с просьбой о помощи к своему естественному союзнику — к революционной Европе, которая одна и поможет ей искренно и бескорыстно» (стр. 97).

〈В ОБЩИЙ ФОНД ПОЛУЧЕНО ОТ «РУССКОГО ОФИЦЕРА...»〉

Печатается по тексту *К*, л. 163 от 15 мая 1863 г., стр. 1348, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без заглавия и подписи. Автограф неизвестен.

Включено в издание М. К. Лемке (*Л XVI*, 262).

«СВОБОДА»

〈ПРИМЕЧАНИЕ〉

Печатается по тексту *К*, л. 164 от 1 июня 1863 г., стр. 1349, где опубликовано впервые, без подписи, в виде подстрочного примечания к заглавию первого номера листовки «Свобода». Автограф неизвестен.

Включено в издание М. К. Лемке (*Л XVI*, 272).

Первый номер листовки «Свобода» был отпечатан в феврале 1863 г. в тайной типографии общества «Земля и воля» на мызе Мариенгауз Люцинского уезда, Витебской губ. и получен Герценом из России около

15 мая 1863 г. (см. примечание Герцена к заметке «Петербург» — стр. 146 наст. тома). «Единственным источником всех бедствий» России листовка называла «самодержавный деспотизм», давала уничтожающую характеристику правительственным реформам и всей политике самодержавия, сообщала об организации общества «Земля и воля», объединившего отдельные прежние кружки под руководством Центрального народного комитета. Заявляя о неизбежности народной революции, Комитет далее призывал «всех русских граждан на служение великому делу народного освобождения» и заверял, что будет неуклонно «вести дело к предположенной цели — разрушению императорского самодержавия и торжеству народных интересов, которое должно выразиться прежде всего в созыве Народного собрания из выборных представителей свободного народа».

Приветствуя листовку «Свобода», редакция «Колокола» вновь выражала свою солидарность с идеями и деятельностью общества «Земля и воля» (см. выше статью «Земля и воля» и комментарий к ней).

ДВА ОБРАЗЧКА, ЦИРКУЛЯРНО РАЗОСЛАННЫЕ ВАЛУЕВЫМ 〈ПРИМЕЧАНИЕ〉

Печатается по тексту *К*, л. 164 от 1 июня 1863 г., стр. 1355, где опубликовано впервые, в виде подстрочного примечания, с подписью: *Прим. Ред.* Автограф неизвестен.

В издании М. К. Лемке отнесено к разряду *Dubia* (*Л XVI*, 273).

Примечание редакции «Колокола» сопровождало публикацию разосланных по всем уездам Западного края секретных документов министерства внутренних дел: образцов текста адреса от крестьян на имя императора и речи священника. Документы сопровождались специальным разъяснением от министерства о порядке препровождения адресов и указанием на то, что священники обязаны произносить речь на память (для сохранения в тайне источников их казенного вдохновения). Своими публикациями «Колокол» разоблачил механику шовинистической кампании, организованной царскими властями в 1863 г. (см. также статью Герцена «Россиада» и комментарий на стр. 422 наст. тома). Поэтому русская официальная пресса пыталась опровергнуть подлинность этих документов, напечатанных, вслед за «Колоколом», во французской газете «*Opinion Nationale*» (см. комментарий к стр. 174—175 наст. тома).

ДЛЯ СВЕДЕНИЯ

Печатается по тексту *К*, л. 164 от 1 июня 1863 г., стр. 1356, где опубликовано впервые, без подписи. Автограф неизвестен.

〈В ОБЩИЙ ФОНД ПОЛУЧЕНО ОТ № 69...〉

Печатается по тексту *К*, л. 164 от 1 июня 1863 г., стр. 1356, где опубликовано впервые, без заглавия и подписи. Автограф неизвестен.

Включено в издание М. К. Лемке (*Л XVI*, 278).

〈МЫ ПОЛУЧИЛИ ОТ ДВУХ ОСОБ...〉

Печатается по тексту *К*, л. 165 от 10 июня 1863 г., стр. 1364, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без заглавия и подписи. Автограф неизвестен.

Включено в издание М. К. Лемке (*Л XVI*, 307).

〈В ОБЩИЙ ФОНД: ЗА № 2102...〉

Печатается по тексту *К*, л. 165 от 10 июня 1863 г., стр. 1364, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без заглавия и подписи. Автограф неизвестен.

Включено в издание М. К. Лемке (*Л XVI*, 307), где объединено с предыдущим объявлением о получении денег «в пользу поляков».

〈ОБЩИЙ ФОНД〉

〈ПОЛУЧЕНО В ОБЩИЙ ФОНД, ЧЕРЕЗ С. ТХОРЖЕВСКОГО...〉

Печатается по тексту *К*, л. 166 от 20 июня 1863 г., стр. 1372, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без заглавия и подписи. Заглавие взято из *ОК*. Автограф неизвестен.

Включено в издание М. К. Лемке (*Л XVI*, 369).

В настоящем издании в тексте учтена «Еггала», опубликованная в *К*, л. 167 от 10 июля 1863 г., стр. 1380: «В прошлом листе напечатано: „Получено под бук. Ъ 6 фунтов“, вместо шести следует читать пять».

〈ДЛЯ СЕМЕЙСТВ УБИТЫХ...〉

Печатается по тексту *К*, л. 166 от 20 июня 1863 г., стр. 1372, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без заглавия и подписи. Автограф неизвестен.

Включено в издание М. К. Лемке (*Л XVI*, 369), где объединено с предыдущим объявлением об «Общем фонде».

〈В ОБЩИЙ ФОНД (№ 20) ОТ МАЛОРОССА...〉

Печатается по тексту *К*, л. 167 от 10 июля 1863 г., стр. 1380, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без заглавия и подписи. В *ОК* озаглавлено: «Общий фонд». Автограф неизвестен.

Включено в издание М. К. Лемке (*Л XVI*, 400).

Стр. 314. *От В. Печерина 2 фунта.* — О пожертвованиях В. С. Печерина в Общий фонд, сделанных в марте и апреле 1863 г., см. выше заметки «Общий фонд (В Общий фонд получено от В. Печерина . . .)», «В Общий фонд от В. Печерина. . .» и комментарии к ним.

〈СОЧИНЕНИЯ М. Л. МИХАЙЛОВА...〉

Печатается по тексту *К*, л. 167 от 10 июля 1863 г., стр. 1380, где опубликовано впервые, без подписи. Автограф неизвестен.

Первая часть заметки — объявление об издании сочинений М. Л. Михайлова «в пользу автора» — публиковалась прежде в лл. 163, 164, 166, а затем в лл. 168 и 169. Упоминаемые в тексте заметки материалы о «проезде Михайлова через Тобольск» были напечатаны в *К*, л. 169 от 15 августа 1863 г. под заглавием «Тобольское дело (М. И. Михайлов, тобольское общество и доносчики)».

Об издании «Стихотворений» Михайлова см. выше в наст. томе заметку «„Записки декабристов“ и сочинения Михайлова» и комментарий к ней; о «тобольском деле» — в комментарии к заметке «Правда ли, что генерал Скалон...» (стр. 490 наст. тома).

ПИСЬМО КН. П. В. ДОЛГОРУКОВА К РЕДАКТОРУ
«СОВРЕМЕННОИКА»

〈ВСТУПЛЕНИЕ〉

Печатается по тексту *К*, л. 168 от 1 августа 1863 г., стр. 1387, где опубликовано впервые, с подписью: *Ред.* Автограф неизвестен.

Включено в издание М. К. Лемке (*Л XVI*, 428).

После редакционного вступления в «Колоколе» было помещено письмо кн. П. В. Долгорукова к редактору «Современника» от 12 (24) июля 1863 г. по поводу помещенной в «Современнике», 1863, № 6, рецензии на книгу А. Аммосова «Последние дни жизни и кончина А. С. Пушкина». Рецензент вслед за автором книги утверждал, что П. В. Долгоруков вместе с И. С. Гагариным участвовал в ноябре 1836 г. в составлении анонимных писем, которые послужили причиной дуэли и смерти Пушкина. Долгоруков в своем письме отвергал это обвинение как клевету.

Письмо П. В. Долгорукова было напечатано в «Современнике», 1863, № 9, стр. 199—200.

Однако последующие исследования подтвердили участие Долгорукова в составлении пасквилей на Пушкина. См. статью Б. Л. Модзалевского «Кто был автором анонимных пасквилей на Пушкина?» — Б. Л. Модзалевский, Ю. Г. Оксман и М. А. Цявловский. «Новые материалы о дуэли и смерти Пушкина», П., 1924, стр. 13—49, а также книгу: П. Е. Щегелев. Дуэль и смерть Пушкина, изд. 3-е, М.—Л., 1928, стр. 516—525.

Стр. 315. *Что же, издатель «Дня» и тут удивится, зачем кн. Долгоруков желает с напечатано именно в «Современнике»?*—Герцен иронизирует по поводу статьи И. С. Аксакова «Письма в редакцию „Дня“ от кн. Августина Голицына и г. Герцена», помещенной в газете «День», № 25 от 22 июня 1863 г. Автор статьи писал: «Нам непонятно, почему, владея таким оружием публичного слова, как „Колокол“ (<...>, г. Герцен пожелал отвечать г. Касьянову не в „Колоколе“, а в газете, издающейся в России». Об этом замечании Аксакова Герцен с насмешкой упоминал в статье «„День“ и „Колокол“», помещенной в том же листе «Колокола», что и комментируемая заметка (см. стр. 224 наст. тома).

...правительство конфискует имущества отсутствующих...—Имение П. В. Долгорукова в России, как и ранее имение Герцена, было конфисковано в 1860 г.

В ОБЩИЙ ФОНД
〈ИЗ ГЕРМАНИИ 5 ФУНТ. ...〉

Печатается по тексту *К*, л. 168 от 1 августа 1863 г., стр. 1388, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без подписи. Автограф неизвестен. Включено в издание М. К. Лемке (*Л XVI*, 430).

〈ВТОРОЙ ЛИСТ «СВОБОДЫ» ВЫШЕЛ...〉

Печатается по тексту *К*, л. 169 от 15 августа 1863 г., стр. 1396, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь» (см. текстологический комментарий к заметке «Письмо из Гейдельберга», стр. 448), без заглавия и подписи. Автограф неизвестен.

Второй номер листка «Свобода» был выпущен Центральным комитетом общества «Земля и воля» в июле 1863 г. (текст его см. в журнале «Былое», 1906, № 8, стр. 189—192). По утверждению М. К. Лемке, «листок был послан в корректуру для одобрения в Лондон, там были внесены некоторые поправки, что видно из сравнения оттиска, хранящегося в архиве семьи Герцена» (Л XVI, стр. 99). О первом номере листка «Свобода» см. выше комментарий к заметке «Свобода», стр. 484—485.

В ОБЩИЙ ФОНД <ОТ БЫВШЕЙ ИНСТИТУТКИ...>

Печатается по тексту К, л. 169 от 15 августа 1863 г., стр. 1396, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь» (см. текстологический комментарий к заметке «Письмо из Гейдельберга», стр. 448), без подписи. Автограф неизвестен.

Включено в издание М. К. Лемке (Л XVI, 463).

О получении в Общй фонд другого взноса от старообрядца сообщалось в «Общем вече»: «Получено в *Общй фонд* от старообрядца поповщинского согласия (за № 33) *один рубль серебром*» («Общее вече», № 19 от 10 июля 1863 г.). В заметке «От издателей», помещенной в «Общем вече» (№ 21 от 1 сентября 1863 г.), в связи с получением двух этих взносов, Огарев приветствовал «старообрядцев двух различных согласий», которые первыми «подали руку помощи изгнанным и ссыльным за политические мнения» и «подали свою лепту на дело земской свободы».

<В ОБЩЕМ ФОНДЕ НЕ ТОЛЬКО НИЧЕГО НЕТ...>

Печатается по тексту К, л. 170 от 1 сентября 1863 г., стр. 1404, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без заглавия и подписи. Автограф неизвестен.

Включено в издание М. К. Лемке (Л XVI, 489).

<В ОБЩИЙ ФОНД ПОЛУЧЕНО: ЗА № 74 ОТ СТАРООБРЯДЦА...>

Печатается по тексту К, л. 171 от 1 октября 1863 г., стр. 1412, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь» (см. текстологический комментарий к заметке «Варшава утешена!»— наст. том, стр. 461), без заглавия и подписи. В ОК озаглавлено: «Общй фонд». Автограф неизвестен.

Включено в издание М. К. Лемке (Л XVI, 511).

<В ОБЩИЙ ФОНД ПОЛУЧЕНО: ИЗ ЛЮБЕКА...>

Печатается по тексту К, л. 172 от 1 ноября 1863 г., стр. 1420, где опубликовано впервые, без заглавия и подписи. В ОК озаглавлено: «Общй фонд». Автограф неизвестен.

Включено в издание М. К. Лемке (Л XVI, 513).

<В ОБЩИЙ ФОНД ПОЛУЧЕНО: ЗА № 2999...>

Печатается по тексту К, л. 173 от 15 ноября 1863 г., стр. 1428, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без заглавия и подписи. В ОК озаглавлено: «Общй фонд». Автограф неизвестен.

8 марта 1864 г. Н. А. Герцен писала Огареву, имея в виду Г. Г. Устинова: «А пргоров, припомни-ка, Огарев, получил ли ты несколько время после папашинного отъезда из Лондона 100 франков из Генуи для фонда

от Г. У. и было ли это объявлено в „Колоколе“?» (ЛН, т. 63, стр. 455). Можно предположить, что в этом письме речь идет о взносе, обозначенном в комментируемом объявлении под № 3000.

〈В ОБЩИЙ ФОНД НА КОНТИНЕНТЕ СОБРАНО...〉

Печатается по тексту К, л. 174 от 1 декабря 1863 г., стр. 1436, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без заглавия и подписи. В ОЖ озаглавлено: «Общий фонд». Автограф неизвестен.

Включено в издание М. К. Лемке (Л XVI, 537).

В заметке сообщается о средствах собранных Герценом во время его поездки осенью 1863 г. в Италию и Швейцарию, где он встречался с представителями «молодой эмиграции». Об этих встречах см., в частности, письма к Н. П. Огареву от 11 ноября и к Н. П. и Н. А. Огаревым от 1 декабря 1863 г. В последнем Герцен писал также об употреблении этих средств: «Р. я через Б. оставил 40 и Ф.— 30 фр. <...> Я оставил еще золотой Б. на случай нужды».

В ОБЩИЙ ФОНД 〈ИЗ ШВЕЙЦАРИИ...〉

Печатается по тексту К, л. 175 от 15 декабря 1863 г., стр. 1444, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без подписи. Автограф неизвестен.

Включено в издание М. К. Лемке (Л XVI, 563).

〈«КОЛОКОЛ» В 1864...〉

Печатается по тексту К, л. 175 от 15 декабря 1863 г., стр. 1444, где опубликовано впервые, без подписи, как объявление об издании «Колокола» в 1864 г. Автограф неизвестен.

Включено в издание М. К. Лемке (Л XVI, 564).

Стр. 316 ...обвинения в бескорыстных русских журналах, что «Колокол» продается слишком дорого еще раз сказать, что цена, которую платят в Германии, Франции и пр., до нас не касается.— Такие обвинения содержались, в частности, в статье «Зигзаги и арабески Русского туриста. III», напечатанной с подписью—С.—НЪ. в «Современной летописи», № 39, ноябрь 1863 г. На подобные обвинения Герцен отвечал ранее статьей «Пути! Пути!», в которой говорил об особых трудностях, сопряженных с распространением в России лондонских изданий, и заявлял, что лишь устройство постоянных и прямых путей гайного провоза их на родину сделает Вольную русскую типографию в Лондоне «независимой от трех книгопродавческих этапов», а русских читателей — от «монополии предприимчивых книгопродавцев» (см. т. XVI наст. изд., стр. 270—271).

Пока мы печатаем в Лондоне, цену уменьшить нельзя.— План перевода типографии в Швейцарию, наметившийся еще летом 1863 г. (см. письмо Герцена к дочери Наталии и М. Мейзенбург от 26 августа 1863 г.), был осуществлен весной 1865 г. Типография была отправлена из Лондона в Женеву 15 марта 1865 г.

DUBIA

⟨ПРАВДА ЛИ, ЧТО ОРЕНБУРГСКИЙ ГУБЕРНАТОР АКСАКОВ...⟩

Печатается по тексту *Ж*, л. 154 от 15 января 1863 г., стр. 1285 (см. комментарий к заметке «Донос или не донос?», наст. том, стр. 351), где опубликовано впервые, без заглавия. В *ОЖ* объединено с последующей заметкой общим заглавием: «Аксаков и Скалон».

⟨ПРАВДА ЛИ, ЧТО ГЕНЕРАЛ СКАЛОН...⟩

Печатается по тексту *Ж*, л. 154 от 15 января 1863 г., стр. 1285 (см. комментарий к заметке «Донос или не донос?», наст. том, стр. 351), где опубликовано впервые, без заглавия и подписи.

Запрос редакции «Колокола», по-видимому, был связан со слухами о так называемом «тобольском деле», для расследования которого была послана из Петербурга в Tobольск осенью 1862 г. комиссия во главе с генерал-майором царской свиты И. Г. Сколковым.

Поводом к следствию послужили доносы тобольского окружного начальника генерал-майора Мосолова и жандармского офицера Ланского на некоторых должностных лиц — вице-губернатора и председателя губернского правления Соколова, полицмейстера Кувичинского, прокурора Жемчужникова, военного врача Онучина и др., — обвинявшихся в «послаблениях» М. Л. Михайлову во время его нахождения проездом к месту каторги в Tobольск с 30 декабря 1861 г. до 27 января 1862 г. (снятие кандалов с «политического преступника», разрешение ему выезжать из острога к врачу и на обеды к знакомым, проводы его и т. д.). В результате следствия чиновники, проявившие сочувствие к Михайлову, были смещены и преданы суду.

Вероятно, в ответ на настоящий запрос было прислано в редакцию «Колокола» письмо неизвестного корреспондента с подробным изложением этого дела, датированное 8 марта 1863 г. и опубликованное в *Ж*, л. 169 от 15 августа 1863 г. под заглавием «Тобольское дело» (см. объявление о предстоящей публикации в «Колоколе» материалов по этому делу в заметке «Сочинения Михайлова» — стр. 314 наст. тома). В подстрочном примечании автор корреспонденции писал: «Дело это рассказывалось с разными вариантами, так что трудно было составить о нем верное понятие. Но в конце февраля нам удалось все подробности этого дела узнать от лиц, возвратившихся из Сибири» (*Ж*, стр. 1391).

Впоследствии «Дело о послаблениях начальствующими лицами Михайлову, Обручеву и Макееву» было опубликовано в «Колоколе» в составе статьи Герцена «После смерти» (см. т. XIX наст. изд.).

ГЕНЕРАЛ-МАЙОР ФРЕЙГАНГ

Печатается по тексту *К*, л. 155 от 1 февраля 1863 г., стр. 1292, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь».

Заметка написана в редакции «Колокола» на основании корреспонденции из Москвы.

СМЕРТНАЯ КАЗНЬ В ВАРШАВЕ

Печатается по тексту *К*, л. 155 от 1 февраля 1863 г., стр. 1293, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь».

Возможность принадлежности заметки Герцену определяется ее редакционным характером и особенностями тематики (террор в Польше)— ср. в наст. томе: «Подлые!», «Польский мартиролог» и т. п.

ВОЛЬСКИЙ И МАРКЕВИЧ

Печатается по тексту *К*, л. 157 от 1 марта 1863 г., стр. 1302, где опубликовано впервые.

В газете «Наше время», № 28 от 5 февраля 1863 г. была помещена телеграмма из Варшавы от 31 января 1863 г., которая извещала о расстреле в Новогеоргиевской крепости 29 января 1863 г. «начальника повстанческого отряда» К. Вольского и «отставного подпоручика Витебского полка» Маркевича.

SCHINDERKNECHT

Печатается по тексту *К*, л. 157 от 1 марта 1863 г., стр. 1302, где опубликовано впервые.

Заглавие статьи «Schinderknecht», что в переводе значит «подручный палача», напоминает герценовское употребление этого слова в заметке «Тимашев, сидите дома, как Бейст, не ездите, как Гейнау!» Герцен писал там, что саксонскому посланнику в Берлине Бейсту «приходится играть роль шиндеркнехта» (т. XV наст. изд., стр. 8).

В издании М. К. Лемке отнесено к разряду *Dubia* (*Л* XVI, 108).

Стр. 320. «*Valet du bourreau*» — *verdeutsch* — «*Schinderknecht*»... — «Подручный палача» — по-немецки — «*Schinderknecht*». «Подручным палача» Герцен называет здесь Пруссию за ее помощь России в удушении Польши (о конвенции между Пруссией и Россией, подписанной 8 февраля 1863 г., см. комментарий к стр. 53).

ГЕНЕРАЛ ХРУЩЕВ

Печатается по тексту *К*, л. 158 от 8 марта 1863 г., стр. 1313, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без заглавия. Заглавие взято из *ОК*.

Авторство Герцена предполагается на основании непосредственной связи настоящей заметки с заметкой «Александровская конституция и павловское время», где также сообщалось о генерале Хрущеве (см. ниже реальный комментарий).

О «правительственной пугачевщине», провокационном натравливании крестьян западных губерний на «инсургентов» и наделении их землями

и имуществом помещиков, примкнувших к восстанию, Герцен писал также в статьях «Россиада», «...А дело идет своим чередом», «Вывод из владения» (см. в наст. томе). О начальнике военного отдела Люблинской губернии генерал-лейтенанте Хрущеве, «скупающем головы инсургентов», Герцен упоминает в заметке «Александровская конституция и павловское время», напечатанной в этом же номере «Колокола» (стр. 72 наст. тома).

〈ПОЛКОВНИК КОРФ〉

Печатается по тексту *К*, л. 158 от 8 марта 1863 г., стр. 1313, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без заглавия. Заглавие взято из *ОК*.

О самоубийстве полковника Корфа сообщалось также в корреспонденции из Кракова от 28 марта 1863 г., напечатанной в газете «The Times», № 24523 от 3 апреля 1863 г.

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННАЯ ПУГАЧЕВЩИНА

Печатается по тексту *К*, л. 158 от 8 марта 1863 г., стр. 1313, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь».

В статье «Россиада» Герцен писал: «Мы не ошиблись в сущности русского переворота, в его аграрном смысле, и когда сам царь для своих видов хочет возбудить народ в свою пользу, он является Пугачевым» (наст. том, стр. 169).

〈НЕЧАЙ〉

Печатается по тексту *К*, л. 160 от 1 апреля 1863 г., стр. 1324, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь». Заглавие взято из *ОК*.

В издании М. К. Лемке отнесено к разряду *Dubia* (*Л* XVI, 196).

Доктор Я. Нечай, предводитель отряда повстанцев, действовавшего в Люблинской губ., был взят в плен русскими войсками 10 февраля 1863 г. (см. телеграмму из Житомира в газете «Наше время», № 37 от 19 февраля 1863 г.) и расстрелян в Люблине. О казни Нечая Герцен писал с возмущением в статье «„Колокол“ и „День“» (см. стр. 205 наст. тома).

СОВСЕМ ПОШЕЛ В НИКОЛАИ

Печатается по тексту *К*, л. 160 от 1 апреля 1863 г., стр. 1324, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь».

В издании М. К. Лемке отнесено к разряду *Dubia* (*Л* XVI, 196).

Стр. 321. «*В. СПб. г. п.*» сообщают следующее дикое распоряжение государя, реформатора юридической части...— Далее приводится распоряжение Александра II, опубликованное в «Ведомостях спб. городской полиции», № 44 от 26 февраля 1863 г. В это время широковещательно восхвалялась в официальной прессе готовившаяся судебная реформа. 1 октября 1862 г. были опубликованы и посланы на отзыв судебным учреждениям и университетам «Основные положения преобразования судебной части в России» (см. «Правительственные проскты»— *К*, л. 148 от 22 октября 1862 г., а также «Разбор основных положений преобразования судебной части в России» Н. П. Огарева, опубликованный в *К*, л. 150, 151,

152, 153, 154 от 15 ноября, 1 и 15 декабря 1862 г., 1 и 15 января 1863 г.). Разработанный на основе этих «Положений», проект новых судебных уставов был затем утвержден Александром II 20 ноября 1864 г.

...армия наша побеждает грабежом...— В том же 160 листе «Колокола» было помещено, с редакционным заключением, письмо брестского уездного председателя дворянства Вильчевского на имя гродненского губернского председателя дворянства о грабежах и зверствах царской армии в Польше (см. выше заметку «Молодецкое поведение солдат» и комментарий к ней).

Николай Филиппович...— Имеется в виду П. Ф. Павлов (см. о нем выше — «Александровская конституция и павловское время», «Россиада» и другие статьи).

СЛОВЕСНЫЕ РОЗГИ

Печатается по тексту *К*, л. 161 от 15 апреля 1863 г., стр. 1332, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь».

Возможность принадлежности заметки Герцену определяется ее редакционным характером и тематикой — борьбу с «Московскими ведомостями» Каткова вел на страницах «Колокола» сам Герцен (см. в наст. томе комментарий к заметке «Донос или не донос?»).

В тексте учтена «Поправка», помещенная в л. 162 от 1 мая 1863 г., стр. 1340: «В прошлом листе, на 1332 стр. в левой колонке напечатано: московского вместо: москворецкого» (стр. 322, строка 11).

Стр. 322. Рядом с справедливыми упреками Николаю Павловичу ∞ с защитой южноамериканских крепостников ∞ вот как пролетели словами А. Щербачев дворовых людей Козельского уезда...— Далее цитируется корреспонденция А. Щербачева «Бал дворовых людей в Козельске», напечатанная в «Московских ведомостях», № 42 от 24 февраля 1863 г. О «великодушном отношении» Николая I и И. Ф. Паскевича к полякам писалось в статье П. Лебедева «О последних событиях в Польше», помещенной в «Московских ведомостях», № 24 от 30 января 1863 г. (см. стр. 59 наст. тома). 21 февраля 1863 г. в «Московских ведомостях» (№ 39) была напечатана корреспонденция Сатерланда Эдварда «Из Лондона», в которой автор, касаясь гражданской войны в США, требовал сохранения рабства для негров.

ТОТ ЛИ ПАНОВСКИЙ?

Печатается по тексту *К*, л. 161 от 15 апреля 1863 г., стр. 1332, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь».

В издании М. К. Лемке отнесено к разряду *Dubia* (*Л* XVI, 213).

Стр. 323... третий при двух — г. Пановский.— «Московские ведомости» издавались и редактировались М. Н. Катковым и П. М. Леонтьевым. Их постоянным сотрудником был Н. М. Пановский, служивший в 1830-х годах начальником высшей полиции при управлении варшавского военного генерал-губернатора.

ДУХОВНОЕ ТИРАНСТВО

Печатается по тексту *К*, л. 162 от 1 мая 1863 г., стр. 1340, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь». В *ОК* вместе с двумя предыдущими заметками («Военное тиранство» и «Светское тиранство»), опубликованны-

ми в *K*, объединено общим заголовком: «Военное, светское и духовное тиранство».

В пользу принадлежности заметки Герцену свидетельствует ее связь со статьями Герцена «Духовные и светские доносы, цензороквизиция литературы, рачители и попечители» и «Инквизитор В. Аскоченский и его жертва» (т. XV наст. изд., стр. 98 и 117).

Редакционная работа Герцена проявилась, по-видимому, также в составлении заголовков к заметкам «Военное тиранство» и «Светское тиранство» и в написании следующих вступительных строк и редакционной вставки в заметке «Светское тиранство»: «83 № „Сев. пч.“, после адреса петербургского дворянства и речей князя Суворова и Скарятина, помещает снова под ироническим заглавием „Взыскание“ следующее» (далее приводилось сообщение «Северной пчелы» о приговоре по делу виленинских дворян Ф. Томашевича и М. Петровского, осужденных на каторжные работы за распространение газеты «Мужичья правда») и «Несколько дней спустя мы прочли в „Сев. пч.“ следующее объяснение о „Мужичьей правде“, которая превращается уже в *летучие листки*».

Об удалении в феврале 1861 г. архимандрита Феодора (автора книг «О православии в отношении к современности» и «Три письма к Н. В. Гоголю, писанные в 1848») в переяславский Никитский монастырь в результате статей-доносов В. И. Аскоченского в «Домашней беседе» Герцен писал в заметках «Духовные и светские доносы, цензороквизиция литературы, рачители и попечители», «Инквизитор В. Аскоченский и его жертва» (см. т. XV наст. изд.). Во время пребывания Феодора в монастыре, в Петербурге рассматривалось дело по поводу его рукописи, содержавшей объяснения на Апокалипсис и уже ранее разрешенной к печати. После упоминания в «Домашней беседе» (1861, № 1) об уклонении Феодора от догматического православия рукопись была по требованию синода возвращена из типографии в духовную цензуру для нового просмотра. Когда в 1862 г. последовало решительное запрещение рукописи, которую Феодор считал делом всей своей жизни, он подал прошение о снятии сана, но разрешение на это последовало лишь через год. 31 июля 1863 г. он вышел из монастыря и до конца жизни продолжал работать над своими сочинениями. См. П. Я. З н а м е н с к и й. Православие и современная жизнь. Poleмика 60-х годов об отношении православия к современной жизни (Александр Матвеевич Бухарев), М., 1906, стр. 71—75.

ДОРогоВИЗНА КУХОННЫХ СНАРЯДОВ КНЯГИНИ ЧЕРНЫШЕВОЙ

Печатается по тексту *K*, л. 162 от 1 мая 1863 г., стр. 1340, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь».

В издании М. К. Лемке отнесено к разряду *Dubia* (*JL XVI*, 239—240).

АБРАМОВИЧ И КЕЛЛЕР

Печатается по тексту *K*, л. 163 от 15 мая 1863 г., стр. 1347, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь».

В издании М. К. Лемке отнесено к разряду *Dubia* (*JL XVI*, 254).

Герцен писал Огареву 29 апреля 1863 г.: «Берг определил снова Абрамовича» (о генерале Ф. Ф. Берге, новом помощнике наместника Царства Польского, см. комментарий к стр. 129 наст. тома). На назначение в 1862 г. гр. Э. Ф. Келлера главным директором, председательствующим в правительственной комиссии внутренних и духовных дел Царства Польского,

Герцен откликнулся в заметке «Келлер» (см. т. XVI наст. изд., стр. 211); в мае 1863 г. он был заменен в этой должности А. Островским.

ПАТРИОТИЗМ В ПАРИЖЕ

Печатается по тексту *К*, л. 163 от 15 мая 1863 г., стр. 1347, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь».

В издании М. К. Лемке отнесено к разряду *Dubia* (*Л* XVI, 255).

Заметка написана в связи с сообщениями русской прессы о сборе средств «русскими путешественниками» в Париже «в пользу раненых и семейств убитых русских воинов в Царстве Польском». В заметке «Московских ведомостей» (№ 80 от 14 апреля 1863 г.) об этой подписке говорилось, что в ней участвовали И. С. Тургенев, В. П. Боткин, гр. Н. Н. Муравьев-Амурский.

Герцен писал Тургеневу 10 апреля 1864 г. в связи с этим: «...твое имя явилось в числе подписчиков на ранских. Не только дать два золотых, но двести—не грех, но дать *свое имя* на демонстрацию в то время, когда ясно обозначился период Каткова и Муравьева—не из самых цивических поступков, особенно, когда это идет от человека, который никогда (кроме двух недель на Isle of Wight) не мешался в политику. Я понимаю, что поврежденный Аксаков наивно затесался в кровавую грязь по горло—у него это последовательно—ну, а ты с чего сел в ту же канаву?»

Возобновляя переписку с Герценом после более чем четырехлетнего перерыва, Тургенев в своем письме от 17 мая 1867 г. счел необходимым оправдаться в этом пожертвовании, как одной из «трех» своих «великих вин» (см. *Письма КТГ*, стр. 190).

КОВАЛИНСКИЙ СЕЧЕТ БЕРЕМЕННЫХ

Печатается по тексту *К*, л. 163 от 15 мая 1863 г., стр. 1347, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь».

В издании М. К. Лемке отнесено к разряду *Dubia* (*Л* XVI, 255).

«ОЧЕРКИ» И «LE NORD»

Печатается по тексту *К*, л. 163 от 15 мая 1863 г., стр. 1347, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь».

В издании М. К. Лемке отнесено к разряду *Dubia* (*Л* XVI, 255).

О прекращении издания газеты «Очерки» сообщалось в корреспонденции из Петербурга, опубликованной в газете «Le Nord», № 123 от 3 мая 1863 г.

Ежедневная политическая и литературная газета «Очерки», выходившая в Петербурге с начала 1863 г., была основана А. Н. Очкиным (о программе газеты см. в заметке «Новая газета» — т. XVI наст. изд.), однако негласным редактором ее был Г. З. Елисеев; он и некоторые сотрудники (напр., М. А. Антонович) старались придать «Очеркам» более радикальное направление. Существование газеты прекратилось на 94-м номере от 8 апреля 1863 г. из-за цензурных затруднений, недостатка подписчиков и разногласий между редактором и издателем.

〈ТОЛЬ СЕКУЩИЙ〉

Печатается по тексту *К*, л. 166 от 20 июня 1863 г., стр. 1372, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без заглавия. Заглавие взято из *ОК*. В издании М. К. Лемке отнесено к разряду *Dubia* (*Л XVI*, 369).

НАСЛЕДНИК ПРЕСТОЛА И ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМИЯ В ПУТЕШЕСТВИИ

Печатается по тексту *К*, л. 167 от 10 июля 1863 г., стр. 1380, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь». В *ОК* озаглавлено: «Наследник престола».

В издании М. К. Лемке отнесено к разряду *Dubia* (*Л XVI*, 398).

В корреспонденции из Петербурга, опубликованной в газете «Le Nord», № 182 от 1 июля 1863 г., сообщалось о втором путешествии по России наследника престола, старшего сына Александра II вел. князя Николая Александровича. В путешествии, продолжавшемся с июня по октябрь 1863 г., цесаревича сопровождали гр. С. Г. Строганов, К. П. Победоносцев и И. К. Бабст, преподававший ему с 1862 г. статистику. Эта информация использована в заметке для иронического разоблачения проф. Бабста, входившего в 40-годах в кружок Грановского. Говоря о его «филологических студиямах», Герцен имеет в виду книгу Бабста «Государственные мужи древней Греции в эпоху ее распада» (М., 1851) и статьи «Саллюстий и его сочинения», «Антоний и Клеопатра» и др., печатавшиеся в 1852—1854 гг. в сборниках «Пропилеи». Об участии его в реакционной кампании адресов см. комментарий к стр. 154 наст. тома.

ПОБЕДА!

Печатается по тексту *К*, л. 167 от 10 июля 1863 г., стр. 1380, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь».

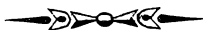
В издании М. К. Лемке отнесено к разряду *Dubia* (*Л XVI*, 400).

О долгих и тщетных попытках представителей власти вызвать демонстрацию верноподданнических чувств в Финляндии сообщалось в статьях «Финляндия и адрес», «Россиада» (см. стр. 170—171, 174 наст. тома) и др. Заметка основана на сообщении «Северной почты», № 127 от 11 июня 1863 г., где говорилось о приеме императором «нескольких финляндских крестьян приходов Поелисьярви, Куопио, Рандасальми и Сяминге», которые изъявили свое «благоговение и преданность», что, разумеется, не могло опровергнуть факта упорной оппозиции финского общественного мнения шовинистической кампании 1863 г.

К МУРАВЬЕВЩИНЕ

Печатается по тексту *К*, л. 170 от 1 сентября 1863 г., стр. 1403, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь».

В издании М. К. Лемке отнесено к разряду *Dubia* (*Л XVI*, 483).

КОРРЕСПОНДЕНЦИИ И МАТЕРИАЛЫ, ОБРАБОТАННЫЕ В РЕДАКЦИИ «КОЛОКОЛА»

ПЕРЕДНЯЯ ТЕШИТСЯ И ПОЛИЦИЯ ТОЖЕ

Печатается по тексту *К*, л. 161 от 15 апреля 1863 г., стр. 1329—1331, где опубликовано впервые, без подписи. Автограф неизвестен.

Участие Герцена в редакционной обработке статьи определяется ее ироническим заголовком, особенностями пересказа («письма из Москвы» и публикации афиш, присланных корреспондентом («Это уже не *le roi s'amuse*, а *l'antichambre s'amuse...*»), и заключительными редакционными абзацами. Царский двор назван здесь «передней», так же как в заметке «Москва» («Там, где нет гласности, там, где нет прав, а есть только царская милость, там не общественное мнение дает тон, а козьи передней и интриги алькова» — т. XIII наст. изд., стр. 88) и в статье «Император Александр I и В. Н. Каразин»: «Избалованная, пресыщенная дворня старой барыни замесилась каштенармусами и камердинерами наследника, которые внесли во дворец казарму и переднюю» — т. XVI наст. изд., стр. 44).

Шутка об императоре, служившем москвичам «*life-preserver*'ом», также свидетельствует о том, что редакционная обработка принадлежит Герцену (ср. употребление слова *life-preserver* в его заметке «Катков заводит кулачные бои» — т. XVIII наст. изд.).

Стр. 329. ...к помещенной нами статейке о пребывании государя (в 147 л.)... — Об обедах, данных купцами в честь Александра II во время коронации (1856) и его приезда в Москву 16—25 августа 1862 г., рассказывалось в корреспонденции «Из Москвы», напечатанной в *К*, л. 147 от 15 октября 1862 г.

Стр. 331. ... *ne le roi s'amuse, a l'antichambre s'amuse...* — Не король тешится, а передняя тешится (франц.). Герцен иронически использует название пьесы В. Гюго «*Le roi s'amuse*».

...отрывки *Дневника происшествий из «Московских полицейских ведомостей»*. — Герцен цитирует отрывки из информационных сообщений, печатавшихся в отделе «Дневник происшествий» газеты «Ведомости московской городской полиции».

Стр. 332. ...*life-preserver*'ом. — Дубинка для защиты от нападения грабителей. Речь идет о пребывании царя в Москве в ноябре — декабре 1862 г.

СЕКРЕТЫ ЧАСТНЫЕ И ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЕ

Печатается по тексту *К*, л. 167 от 10 июля 1863 г., стр. 1380, где опубликовано впервые, без подписи. Автограф неизвестен.

Заметка представляет собой обработку материалов из газеты «Московские ведомости», которая сказалась в отборе материалов из газеты и в иронических заголовках (как ко всей заметке, так и к отдельным ее частям).

Стр. 333. *Макар Денисович без фамилии и без означения места служения.* ∞ *А ведь мы догадываемся, где зять служил...*—«Письмо к издателям» братьев Р. с просьбой внести имя их зятя, убитого поляками, в список жертв «либерального деспотизма» было опубликовано в «Московских ведомостях», № 118 от 1 июня 1863 г., стр. 3. В своем «письме» авторы не только стыдливо обходили молчанием место службы «жертвы», но умолчали даже о фамилии убитого.

...пожаловать рядовому ∞ Ровбе серебряную медаль ∞ Ровбе пожаловано 50 руб. сер.—Распоряжение Александра II о награждении солдата Ровбе было опубликовано в «Московских ведомостях», № 119 от 3 июня 1863 г., стр. 1. Заголовок, которым сопровождается информация об этом в «Колоколе», подчеркивает факт перехода офицеров принца Карла полка на сторону польских повстанцев. См. выше «Русские офицеры в рядах инсургентов», а также «Письмо к Гарибальди» и комментарий к нему — т. XVIII наст. изд.

КАЗНИ И ПЫТКИ

Печатается по тексту *К*, л. 168 от 1 августа, 1863 г., стр. 1386, где опубликовано впервые, без подписи. Автограф неизвестен.

О расстреле М. Цюхны сообщалось в газете «Русский инвалид», № 138 от 23 июня 1863 г. Сообщение «Виленского вестника» о казни А. Пушловского было перепечатано в «Московских ведомостях», № 148 от 7 июля 1863 г. В тот же день газета «Русский инвалид» (№ 149) поместила известие о расстреле поручика К. Жабровского.

ЯВЛЕННЫЙ СЛУХ

Печатается по тексту *К*, л. 168 от 1 августа 1863 г., стр. 1388, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без подписи. Автограф неизвестен.

Участие Герцена в редакционной обработке заметки определяется пролическим характером заголовка и выделением (в соответствии с заголовком) слов «появился» и «слух» в тексте корреспонденции. Последняя заимствована из «Северной пчелы», № 167 от 25 июня 1863 г., где она была опубликована под заглавием «Обед И. С. Аксакову».

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

- Абихт Генрих (ок. 1836—1863), деятель польского демократического движения, в 1857 г. эмигрировал, в 1858—1859 гг. работал наборщиком в Вольной русской типографии в Лондоне, затем жил в Париже, в марте 1862 г. нелегально вернулся в Польшу для подготовки восстания, был арестован в ноябре 1862 г., повешен 31 мая 1863 г. в Варшаве—177, 178, 192, 424, 431
- Абрамович Игнатий Якимович (ум. 1867), генерал-лейтенант, и. о. генерал-полицейстера действ. армии в 1854—1856 гг., главнозаведующий дворцами и председатель дирекции театров Царства Польского с 1863 г.—323, 405, 495
- Абфаль, прапорщик Смоленского пехотного полка, участник подавления польского восстания 1863 г.—162, 163
- Авраам (библ.)—143, 413
- Агарь (библ.)—143, 144, 413
- Адлерберг Александр Владимирович, граф (1818—1888), генерал-адъютант, с 1861 г. генерал-лейтенант, командующий императорской главной квартирой; личный друг Александра II—73, 135, 379, 409
- Адлерберг Владимир Федорович, граф (1790—1884), генерал-адъютант, министр импер. двора с 1852 по 1870 г.—9, 273, 329, 344, 409
- Адоаи (библ.)—105, 391
- Адриани — см. Андриан А.
- Акимова Софья Павловна (1820—1889), актриса московского Малого театра—331
- Аксаков Григорий Сергеевич, орenburgский гражданский губернатор в 1862—1865 гг.—319, 351, 491
- Аксаков Иван Сергеевич; псевдоним—Касьянов (1823—1886), поэт, публицист славянофильского направления, редактор газет «Парус» (1859) и «День» (1861—1865), секретарь московского славянского комитета—73, 170, 177, 194, 197, 201, 203—213, 221—229, 257, 302, 303, 334, 417, 421, 432, 433, 435, 436, 438, 439, 441, 447, 451, 455, 470, 488, 496, 499
- «Из Парижа»—194—197, 203, 204, 213, 245, 432, 436, 441, 451, 470
- «Письма в редакцию „Дня“ от князя Августина Голицына и г. Герцена»—221—228, 235, 257, 433, 436, 441, 447, 455, 471, 488, 499
- Аксаков Константин Сергеевич (1817—1860), публицист и литературный критик славянофильского направления—106, 211
- Аксаков Сергей Тимофеевич (1791—1859), писатель—270
- Александр I (1777—1825), император—72, 93, 142, 150, 344, 389, 390, 425, 468, 492—494, 498
- Александр II (1818—1881), император—7, 8, 11, 12, 15, 20, 23, 25, 30, 40, 41, 45, 46, 49, 51, 60, 63, 65, 68, 72, 78, 79, 88, 108, 112—115, 128, 129, 133, 135, 139, 140, 145, 147, 149, 150, 152, 154, 155, 159, 165, 166, 168—171, 174—176, 192, 196, 198—200, 202, 213, 218, 230, 231, 241, 251, 257—259, 273, 290, 295, 311, 321, 323, 325, 329, 332, 333, 341—345, 348, 351, 352, 360, 362, 365, 370, 374, 379, 382, 383, 386, 393—395, 397, 403, 405, 408—412, 415, 417, 418, 420, 421, 425, 427, 429, 431, 433, 434, 436, 438, 440, 443, 444, 446, 447, 454, 461, 475, 477, 482—484, 492—494, 497—499

- Алексеев, московский домовладелец — 331
- Альфьери (Alfieri) Витторио (1749—1803), итал. драматург и поэт — 229, 443
- «Брут Второй» — 229, 443
- Анриан (Anriani, Andriane) Александр (1797—1863), политический деятель, участник революционного движения в Италии и Франции, в 1821 г. арестован по обвинению в карбонаризме, приговорен к 15 годам каторги — 20, 352, 353, 361
- «Mémoires d'un prisonnier d'Etat au Spielberg» («Записки государственного преступника в Шпильберге») — 20, 352, 353, 361
- Анненков Иван Александрович (1802—1878), поручик кавалергардского полка, член петербургского отделения Южного общества декабристов, после амнистии 1856 г. нижегородский общественный деятель — 173, 422
- Анненков Иван Васильевич (1814—1887), генерал-лейтенант, с 1860 г. начальник I округа корпуса жандармов, с 1862 до 1867 г. петербургский обер-полицмейстер — 150
- Анненков Николай Николаевич (1799—1865), генерал-адъютант, член Государственного совета, с 1855 до 1862 г. государственный контролер, с 1862 г. киевский военный, подольский и волынский генерал-губернатор, командующий войсками Юго-Западного края — 173, 422, 474
- Анненков Павел Васильевич (1813—1887), критик и мемуарист — 307, 473, 474
- Антонова Наталья, подольская мешанка — 332
- Антье (Antier) Бенжамен (1787—1870), франц. драматург — «L'Auberge des Adrets» — 40, 363; Робер Макер — 40, 363; Бертран — 40
- Апраксин Александр, граф, организовал в 1863 г. в Ницце сбор средств для семей русских солдат, подавлявших польское восстание — 310
- Апраксин Антон Степанович, граф (1817—1899), генерал-майор свиты; руководил подавлением крестьянского восстания в с. Бездна Казанской губ. в 1861 г. — 177 423, 424
- Аракчеев Алексей Андреевич, граф (1769—1834), генерал-от-артиллерии, военный министр в 1808—1810 гг., организатор и главный начальник военных поселений — 10, 42, 60, 156, 215, 236, 237
- Аргиропуло Перикл Эммануилович (1839—1862), студент Московского университета, руководил вместе с П. Г. Заичневским революционным кружком, арестован в июле 1861 г., умер в полицейской больнице — 234, 447
- Армфельдт (Армфельд) Александр Густавович, граф (1794—1875), с 1841 г. статс-секретарь вел. княжества Финляндского, член Государственного совета — 188
- Аргольдт Иван Николаевич, поручик 4 стрелкового батальона первой армии, член революционной организации русских офицеров в Польше, за пропаганду в войсках расстрелян 16 июня 1862 г. в крепости Новогеоргиевск (Модлин) — 8, 18, 19, 35, 110, 123, 343—346, 350, 358, 360, 414
- Арнель, член совета Гельсингфорского университета — 188
- Арппе (Арпа) Адольф Эдуард, профессор химии и ректор Гельсингфорского университета — 188
- Архимед (ок. 287—212 до н. э.) — 82, 83
- Аскоченский Виктор Игнатьевич (1813—1879), реакционный журналист, редактор-издатель журнала «Домашняя беседа для народного чтения» с 1858 по 1877 г. — 323, 495
- «Атеней», ежемесячный журнал критики, современной истории и литературы, издавался в Москве в 1858—1859 гг. Е. Ф. Коршем — 143, 413
- Афанасьев Иван, крестьянин, отданный в солдаты по повелению Александра II в феврале 1863 г. — 321
- Бабёф Гракх; настоящее имя — Франсуа Ноэль (1760—1797), деятель французской революции, организатор утопически-коммунистического движения «равных»,

- казнен термидорианцами — 241, 449
- Бабст Иван Кондратьевич (1824—1881), экономист, историк и филолог, профессор политической экономии в Казанском (1851—1857) и Московском (1857—1874) университетах — 154, 325, 418, 497
- Байрон Джордж Ноэл Гордон (1788—1824) — 96
- Бакст Владимир Игнатьевич (1835—1874), деятель студенческого движения 1861 г. в Петербурге, в 1862 г. выехал в Гейдельберг, участвовал в транспортировке изданий Герцена через русско-прусскую границу, осенью 1862 г. основал русскую типографию в Берне, в 1863 г. перешел на положение политического эмигранта — 313, 384, 414
- Бакунин Михаил Александрович (1814—1876) — 83, 148, 189, 194—197, 206, 209, 210, 224—227, 309, 347, 384, 402, 405, 406, 417, 428, 429, 437, 438, 442, 466, 467, 479
- «Русским, польским и всем славянским друзьям» — 206, 226, 405, 406, 417, 437, 442, 456, 479
- Балашевич-Потоцкий Юлиан, отставной подпоручик, агент III отделения, с 1861 г. вел в Париже подрывную работу в польских эмигрантских организациях и печати — 258, 292, 455
- Барятинский Александр Иванович, князь (1814—1879), генерал-фельдмаршал, главнокомандующий Кавказским корпусом и наместник Кавказа в 1856—1862 гг. — 36, 360
- Батеньков Гавриил Степанович (1793—1863), инженер-подполковник, декабрист — 289, 465
- Бедряга, полковник, участник подавления польского восстания 1863 г. — 60
- Беккер (Becker) Николаус (1809—1845), нем. поэт; — «Der freie deutsche Rhein» («Свободный немецкий Рейн») — 85, 385
- Беклемишев Александр Петрович, могилевский гражданский губернатор в 1861—1865 гг. — 165, 419
- Беклемишев Федор Андреевич, чиновник канцелярии Иркутского генерал-губернатора, с 1859 г. член совета Главного управления Восточной Сибири — 304, 471
- Белинский Виссарион Григорьевич (1811—1848) — 8, 96, 103, 104, 106, 253, 271, 343, 391, 460
- «Бородинская годовщина» — 103, 391
- «Письмо к Гоголю» — 8, 271
- Бенкендорф Александр Христофорович, граф (1783—1844), генерал-от-кавалерии, генерал-адъютант, с 1826 г. шеф жандармов, командующий императорской главной квартирой и главный начальник III отделения — 95
- Бентам Иеремиа (1748—1832), англ. буржуазный юрист и философ — 62, 375
- «Traité de législation civile et pénal» («Рассуждения о гражданском и уголовном законоположении») — 62, 375
- Беранже Пьер Жан (1780—1857) — 14, 269, 346, 347
- «Mandement des Vicaires-généraux de Paris 1817» («Последние генеральных викариев Парижа») — 14, 346, 347
- Берг Александр Федорович, дипломат, российский генеральный консул в Неаполе, затем в Лондоне (1861—1865) — 52, 369
- Берг Николай Васильевич (1823—1884), писатель, в 1863 г. варшавский корреспондент газеты «С.-Петербургские ведомости», впоследствии редактор «Дневника варшавского» — 127, 404
- «Варшавские письма» — 127, 404
- Берг Федор Федорович, граф (1794—1874), генерал-фельдмаршал, в 1853—1861 гг. генерал-губернатор Финляндии, с марта 1863 г. помощник наместника Царства Польского, с октября 1863 г. до 1866 г. наместник Царства Польского — 129, 135, 138, 393, 405, 409, 411, 461, 462, 495
- Берклей (Berkley), владелец пивоваренного завода в Лондоне — 245, 451
- Берталь А., корреспондент газеты «Московские ведомости» — 309, 478
- Бёкль — см. Бокль Г.
- Бибиков Дмитрий Гаврилович (1792—1870), генерал-адъютант, с 1838 до 1848 г. киевский воен-

- ный, подольский и волянский генерал-губернатор, в 1852—1855 гг. министр внутренних дел— 23, 155, 418
- «Библиотека для чтения», ежемесячный журнал, издавался в Петербурге в 1834—1865 гг., редактировался в 1856—1860 гг. А. В. Дружининым (с 1857 г. при участии А. Ф. Писемского), с ноября 1860 по 1862 г. А. Ф. Писемским, с 1863 г. П. Д. Боборыкиным— 299, 469, 476
- Библия — 125, 401, 451, 464
- Бирон Эрнст Иоганн (1690—1772), фаворит императрицы Анны Иоанновны и фактический правитель России в 1730—1740 гг.— 73, 115, 235
- Блюммер Леонид Петрович (1840—1888), журналист и беллетрист, в 1861—1865 гг. жил за границей, в 1862—1863 гг. издавал в Берлине, затем в Брюсселе журнал «Свободное слово», в 1864 г. в Дрездене — журнал «Европеец» — 309, 479
- Бнинская, графиня, польская помещица — 70
- Бобринский Владимир Алексеевич, граф, флигель-адъютант, гвардии полковник, гродненский военный и гражданский губернатор в 1862—1863 гг., впоследствии (1868—1871) — управляющий министерством путей сообщения— 276
- Бобровский Стефан (ум. 1863), польский революционный демократ, член Центрального национального комитета, руководитель варшавской военной организации — 132, 407
- Бокль (Бёкль, Buckle) Генри Томас (1821—1862), англ. историк— 38, 361
- «History of Civilization in England» («История цивилизации в Англии») — 38, 361
- Болингброк (Болинбрук, Bolingbroke) Генри Джон (1678—1751), англ. государственный деятель и писатель — 182
- Бомарше (Beaumarchais) Пьер Огюстен Карон де (1732—1799); — «Севильский цирюльник»; Дон Базилио — 236; Розина — 283, 464; Бартоло — 288, 464
- Бонгард Эдуард, окончил Варшавское филологическое училище, с 1857 г. учитель в семье гр. А. Старжинского, участвовал в подготовке польского восстания, арестован 23 апреля 1862 г.; осужден на 12 лет каторги— 20, 353
- Бонтан, генерал русской армии в Польше, в 1863 г. начальник военного отдела Варшавско-Петербургской железной дороги— 43
- Бреверн Ф. Л., московский домовладелец — 73
- «Бреславская газета» — см. «Breslauer Zeitung»
- Брешер, сенатор вел. княжества Финляндского — 180
- Бродовский, жандармский штабс-капитан, комиссар полиции в Варшаве — 319, 320
- Брум Генри, лорд (1778—1868), англ. политический деятель, известный оратор — 219
- Бруннов (Брунов) Филипп Иванович, барон (1797—1875), дипломат, посол в Лондоне в 1840—1854 и 1858—1874 гг.— 245
- Бруно Джордано (1548—1600)—184
- Брунотти, итал. художник XIV—XV вв.; — «Бичевание Христа» («Flagellazione di N. S. Jesu Cristo») — 192, 432
- Брут Луций Юний (ум. 509 до н. э.), основатель и первый консул Римской республики — 18, 350
- Брюннер, генерал-майор, участник подавления польского восстания 1863 г.— 137
- Будацаго, жертвователь в «Общий фонд» — 310
- Будберг Андрей Федорович, барон (1817—1881), дипломат, в 1851—1856 и 1858—1862 гг. русский посол в Берлине, в 1856—1858 гг. — в Вене, с ноября 1862 по 1868 г. — в Париже — 15, 49, 50, 64, 135, 348, 363, 366, 376, 379, 409
- Булгарин Фаддей Венедиктович (1789—1859), реакционный журналист, критик и беллетрист, редактор-издатель газеты «Северная пчела» (1825—1859) — 59, 140, 374, 426
- Бурбаки (Bourbaki) Шарль Дени (1816—1897), франц. генерал, участник Крымской и Франко-прусской войн — 41
- Бурбоны Неаполитанские, коро-

- левская династия, занимавшая престол королевства Обеих Сицилий в 1735—1806 и 1814—1860 гг.— 281, 284, 463, 464
- Бутурлин Алексей Петрович (1802—1863), генерал-лейтенант, участник подавления польского восстания 1831 г. и крестьянских волнений в Лифляндской губ. в 1841 г., в 1846—1861 г. ярославский военный и гражданский губернатор, с 1861 г. сенатор — 110
- Бутурлина Анна Петровна, графиня (род. 1823), с 1848 г. монахиня ордена иезуитов в Италии—255
- Бычков М. Н., черкизовский волостной старшина Московской губ.— 167, 420
- Бюхнер Фридрих Карл Христиан Людвиг (1824—1899), нем. физиолог — 171
- Валленрод (Wallenrod) Конрад (ум. 1393), гроссмейстер Тевтонского ордена с 1391 г.; в 1392 г. предпринял безуспешный набег на Польшу. По преданию, использованному А. Мицкевичем, но не соответствующему исторической правде, Валленрод — литвин, вступивший в орден, чтобы отомстить ему за разорение родины — 176
- Валленштейн (Wallenstein или Waldstein) Альбрехт, герцог (1583—1634), австрийский полководец, имперский главнокомандующий в Тридцатилетней войне, в 1618—1620 гг. участвовал в подавлении освободительного движения в Богемии и Моравии; применял систему комплектования армии из наемников (ландскнехтов) — 43, 363
- Валуев Петр Александрович (1814—1890), министр внутренних дел с апреля 1861 до 1868 г.— 15, 20, 23, 60, 80, 155, 168, 169, 171, 174, 175, 183, 188, 210, 212, 251, 254, 256, 313, 325, 352, 383, 403, 418, 419, 423, 428, 429, 486
- Вальдегамас Хуан Франциско Доново Кортес, маркиз (1803—1853), испанский реакционный политический деятель и публицист — 95, 390
- Вальдерзее (Вальдерзе, Waldersee) Франц Генрих, граф (1791—1873), прусский генерал — 137
- Ванька Каин (Иван Осипович Каин (1718— после 1756), московский вор, грабитель и полицейский сыщик — 155, 256
- Вашингтон Джордж (1732—1799)— 59
- Вебер Карл Мария (1786—1826), нем. композитор; — «Freischütz» («Фрейшюц», «Вольный стрелок», в России известна под названием «Волшебный стрелок») — 32, 358
- «Ведомости московской городской полиции», ежедневная газета, издававшаяся с 1848 до 1894 г. Редактор с 1861 по 1868 г. Н. Тардов — 331, 332, 498
- «Ведомости Санкт-Петербургской городской полиции», газета, издававшаяся в 1839—1883 гг.; в 1855—1862 гг. редактировалась Е. К. Огородниковым, в 1863 г.— А. Г. Ротчевым — 321, 493
- Велёпольский (Велепольский, Wielopolski) Александр, маркиз Гонзаго-Мышковский (1803—1877), член Совета управления и министр просвещения и вероисповеданий Царства Польского в 1861 г., с 1862 до августа 1863 г.— начальник гражданской администрации и вице-председатель Государственного совета Царства Польского — 16, 25, 26, 36, 39, 41—43, 131, 137, 138, 183, 236, 343, 349, 357, 363, 410, 411, 448, 469
- «Великорус», печатные прокламации, выпущенные в Петербурге в 1861 г. подпольной революционно-демократической организацией «Великорус»; всего вышло 3 номера — 111, 345
- Веллингтон Артур Уэсли, герцог (1769—1852), англ. полководец и государственный деятель; в 1826 г. посол в Петербурге, в 1827—1852 гг. главнокомандующий, в 1828—1830 гг. премьер-министр, в 1834—1835 гг. министр иностранных дел — 94
- Верещагин Михаил Николаевич (1789—1812), переводчик немецких и французских романов, убит 2 сентября 1812 г. в Москве — 175, 423
- Веселого (ум. 1863), штабс-капитан, командир 11-й роты Моги-

- левского полка, участвовал в подавлении польского восстания 1863 г.— 164
- «Вестник Юго-Западной и Западной России», историко-литературный журнал, издавался в Киеве в 1862—1863 гг., издатель К. А. Говорский— 22, 354
- Ветерли (Weatherley) Роберт, капитан парохода «Ward Jackson»— 130, 226, 406
- Виктор Эммануил II (1820—1878), король Сардинии в 1849—1861 гг. и объединенной Италии с 1861 г.— 281—284, 325, 464
- Виктория (1819—1901), королева Великобритании с 1837 г.— 245
- «Виленский вестник», официальная политическая и литературная газета, основанная в 1841 г.; до 1864 г. издавалась на польском и русском языках, затем только на русском. Редактировалась в 1860—1864 гг. А. К. Киркором— 165, 333, 431, 499
- Вильгельм I Фридрих Людвиг (1797—1888), регент прусского королевства с 1858 г., король Пруссии с 1861 г.— 37, 60, 82, 85, 88, 115, 119, 126, 135, 360, 374, 384, 386, 394, 398, 401, 405, 409
- Вислоух, участник польского восстания 1863 г., предводитель отряда повстанцев в Виленской губ.— 161
- Витгенштейн Эмилий-Карл Людвигович, князь (1824—1878), генерал-майор свиты, с 1862 г. находился в Варшаве при вел. князе Константине Николаевиче, в 1863 г.— начальник военного отдела Августовской губ.— 137, 138, 204
- Владимир Всеволодович Мономах (1053—1125), великий князь киевский с 1113 г.— 232
- Владислав IV Сигизмунд (1595—1648), польский король с 1632 г., в нач. XVII в. претендент на московский престол — 168
- Вовчок Марко (псевдоним Марии Александровны Вилинской-Маркович; 1834—1907), украинская писательница— 86, 385
- Войтаховский Ефим Дмитриевич (ум. ок. 1812), артиллерии штык-юнкер, преподаватель математики, автор учебников — 62
- «Арифметика»— 62
- Волковинский, провиантский чиновник в отставке— 71
- Володко, студент Московского университета, участник польского национально - освободительного движения — 159
- Вольский Казимир, предводитель отряда повстанцев во время польского восстания 1863 г., расстрелян по приговору военного суда 29 января 1863 г. в крепости Новогеоргиевск — 320, 400, 492
- Вольтер (Аруэ) Франсуа Мари (1694—1778)— 14, 299, 346, 347, 374, 463, 468
- «Кандид»— 299, 468; Кунигунда— 299, 468
- Воронцова, княгиня, перешла в католичество — 255
- Ворцель (Worccl) Станислав, граф (1799—1857), польский революционер, активный участник восстания 1830—1831 гг., руководитель демократической части польской эмиграции— 75, 76, 125, 331, 382, 401
- «Время», ежемесячный литературно-политический журнал, издавался в Петербурге в 1861—1863 гг. М. М. Достоевским при ближайшем участии Ф. М. Достоевского — 174, 422, 474
- «Всеобщий дневник»— см. «Dziennik Powszechny»
- Высоцкий Юзеф (1809—1873), польский генерал, участник восстания 1830—1831 гг., революционного движения в Галиции и Венгрии в 1848—1849 гг.; член «Польской демократической централизации», с марта 1863 г. был назначен М. Лянгевичем директором южных воеводств — 61, 375
- Габсбурги, нем. династия, правившая т. н. «Священной Римской империей германской нации», затем Австрийской империей, Австро-Венгрией — 63
- Гагарин Павел Павлович, князь (1789—1872), сенатор, член Секретного (позже — Главного) комитета по крестьянскому делу (1857—1861), член Государственного совета, впоследствии пред-

- седатель Верховного суда по делу Д. В. Каракозова (1866)—
9, 344
- Гайнау (Гейнау, Наунау) Юлий Якоб, барон (1786—1853), австрийский фельдмаршал, в 1848 г. комендант Вероны, участник подавления итальянской революции, в 1849 г. командующий войсками, подавившими венгерскую революцию — 245, 451, 492
- Ганеман Самуэль (1755—1843), нем. ученый, основатель гомеопатии—
190, 413
- Ганецкий Иван Степанович (1810—1887), генерал-майор, с 1856 по 1863 г. командир лейб-гвардии Финляндского полка, с 7 июня 1863 г.— 16-й пехотной дивизии, действовавших против повстанцев в Виленской и Ковенской губ., с августа 1863 г. генерал-лейтенант, командовал 3-й пехотной дивизией в Гродненской губ.—
149, 151, 154, 156, 167
- Гарибальди Джузеппе (1807—1882)—
83, 84, 129, 281—283, 385, 400, 401, 444, 463, 480, 499
- Гаррик Давид (1716—1779), англ. актер, основоположник реализма на английской сцене— 66
- Гафис — см. Хафиз
- Гацевский, генерал-майор, участник подавления польского восстания 1863 г.— 161
- Гегель Георг Вильгельм Фридрих (1770—1831) — 175
- Геденов Александр Михайлович (1791—1867), директор императорских театров в 1833—1858 гг.—
273
- Гейнау — см. Гайнау Ю.
- Гейне, был арестован русскими властями в Варшаве в 1863 г., находился под следствием в Варшавской крепости — 334
- Гексли (Huxley) Томас Генри (1825—1895), англ. естествоиспытатель — 38, 361
- «A course of six lectures to workingmen by Pr. Huxley on our Knowledge of the Causes of the phenomena of Organic Nature» («Курс из шести лекций о наших знаниях о причинах явлений в органической природе, прочитанный профессором Гексли») — 38, 361
- Георг IV (1762—1830), англ. король с 1820 г.—260, 264—267, 458
- Георгий Петрович Черный (Карагеоргий) (ок. 1760—1817), руководитель борьбы сербского народа против турецкого ига в 1804—1813 гг.— 18, 350
- Герберт (Herbert) Сидней, лорд (1810—1861), англ. государственный деятель, в 1859—1860 гг. военный министр — 219, 220
- Геркулес (миф.) — 23, 61
- Геродот (Herodot) (ок. 484—425 до н. э.), древнегреческий историк — 9
- Герцен Александр Иванович (1812—1870) — 12, 13, 28, 29, 45, 46, 177, 189, 190, 195, 196, 224, 292, 293, 301
- «Былое и думы» — 283, 343, 345, 352, 362, 364, 366, 367, 464
- «Вольная русская община в Лондоне. Русскому воинству в Польше» — 11, 76, 345
- «Вольное русское книгопечатание в Лондоне. Братьям на Руси» — 74, 376, 381
- «Записки декабристов» — 191, 355, 430, 431
- «Издателю „The Daily News“» — 189, 429
- «„Колокол“ и „День“» — 216, 224, 228, 441
- «Константин Сергеевич Аксаков» — 211, 438
- «Крещеная собственность» — 76, 80, 253, 383
- «Объявление о „Полярной звезде“ 1855» — 78, 373, 382
- «Первое мая» — 202, 435
- «Письма из Франции и Италии» — 80, 383
- «Письмо к императору Александру Второму» — 78, 79, 373, 382
- «Поляки прощают нас» — 76, 382
- «Прерванные рассказы» — 80, 383
- «Прощайте!» — 223, 224, 441
- «Путевые записки г. Ведрина; Ведрин — 256, 257, 453—455
- «Россиада» — 230, 231, 443
- «Россия и Польша» — 212, 262, 439
- «Русским офицерам в Польше» — 14, 209, 342, 347, 349, 357, 358, 433, 466
- «С кем Литва?» — 209, 438
- «С того берега» — 80, 244, 252, 254, 383, 451

- «Сенаторам и тайным советникам журнализма» — 20, 32, 33, 351, 352, 358, 359
- «Смерть Станислава Ворцеля» — 75, 382
- «Тюрьма и ссылка» — 80, 383
- «Юрьев день! Юрьев день! Русскому дворянству» — 74, 76, 373, 381
- «Du développement des idées révolutionnaires en Russie» — 270, 381, 460
- «Resurrexit!» — 202, 410, 435
- Герцен Наталия Александровна (1817—1852), жена А. И. Герцена — 283, 464
- Герцен Наталия Александровна («Тата») (1844—1936), старшая дочь А. И. Герцена — 260, 347, 348, 363, 377, 379, 386, 392, 396, 398, 402, 405, 406, 415, 416, 424, 430, 445, 446, 450, 457, 458, 468, 471, 477, 480, 482, 489, 490
- Герштенцвейг Александр Данилович (1818—1861), генерал-лейтенант, в 1861 г. варшавский военный генерал-губернатор — 114, 393
- Гёте Иоганн Вольфганг (1749—1832) — 108, 380, 392, 448
- «Die Leiden des jungen Werthers» («Страдания юного Вертера»); Вертер — 60
- «Faust» («Фауст») — 239, 392, 448; Мефистофель — 108, 392; Гретхен — 239, 448
- Гиллер Агатон (1831—1887), деятель польского национально-освободительного движения, участник восстания 1831 и 1863 гг., представитель «умеренного» крыла партии «красных», член Центрального национального комитета; участвовал в переговорах с Герценом в Лондоне в сентябре 1862 г., после подавления восстания 1863 г. эмигрировал в Париж — 83, 148, 384
- Гишпokrat (ок. 460—377 до н. э.), греческий врач и естествоиспытатель — 128, 403
- Глинка Авдотья Павловна (1795—1863), поэтесса, переводчица — 203, 436
- Глинка Сергей Николаевич (1776—1847), писатель;
- «Сумбека или Падение Казанского царства» — 14
- Гнейст Рудольф Генрих (1816—1895), нем. государствовед и политический деятель — 145, 236, 414, 448
- Говорский Ксенофонт Антонович (ум. 1871), издатель журнала «Вестник Юго-Западной и Западной России» — 22
- Гоголь Николай Васильевич (1809—1852) — 8, 96, 103, 271, 289, 290, 329, 346, 391, 404, 450, 451, 465, 467
- «Выбранные места из переписки с друзьями» — 103
- «Мертвые души» — 290, 467; Елизавета Воробей — 128, 404; Ноздрев — 245, 450, 451; Селифан — 290, 467; Собакевич — 251, 404
- «Ревизор»; Хлестаков — 14, 215, 229, 251, 346
- Годлевский Францишек (ум. 1863), участник польского национально-освободительного движения и восстания 1863 г., член военной комиссии, организованной осенью 1862 г. в Париже для подготовки восстания — 15, 37, 348, 360
- Голицын Августин Петрович (1824—1875), духовный писатель, католик, жил в Париже — 221, 433, 441, 447, 455, 471
- Голицын Александр Федорович, князь (1796—1864), в 1834 г. член следственной комиссии по делу А. И. Герцена, Н. П. Огарева и др., член бутурлинского комитета в 1848 г., с 1858 г. статс-секретарь, в 1860 г. председатель следственной комиссии по делу харьковских студентов; с 1862 г. председатель Особой следственной комиссии — 49, 59, 342, 364, 365, 369, 405
- Голицын Сергей (Сергий) Михайлович, князь (1774—1859), попечитель Московского учебного округа в 1830—1835 гг. — 271
- Головин Александр Васильевич (1821—1886), государственный деятель, с 1848 по 1859 г. служил в морском министерстве, до 1853 г. — чиновником особых поручений, с 1850 г. — секретарем вел. князя Константина Николаевича, редактором «Морского сборника»; с 1859 г. статс-секретарь, с декабря 1861 г. по 1866 г. министр народного просвещения —

- 8, 80, 128, 143, 147, 155, 168, 183, 188, 251, 253, 254, 275, 299, 343, 352, 383, 403, 416, 425, 442, 452, 461, 462
- Головчиков — 313
- «Голос», газета политическая и литературная, издавалась в Петербурге с 1863 по 1884 г. Редактор-издатель А. А. Краевский — 132, 252, 407, 452, 453, 468, 482
- Гольц-Миллер Иван Иванович (1842—1871), поэт-революционер, студент Московского университета, арестован 26 августа 1861 г. по делу кружка П. Г. Заичневского, участвовал в печатании прокламации «Молодая Россия», приговорен к трехмесячному заключению в смиренный дом, в 1863 г. сослан в Корсунь — 234, 447
- Гомер (между XII и VIII вв. до н. э.); — «Одиссея»; Ментор — 43, 357, 363; Телемак — 26, 43, 357, 363
- Гонзалес, участник революции 1848 г. в Италии — 68, 69
- Гонфалоньери — см. Конфалоньери Ф.
- Городенский, руководитель повстанческого отряда во время польского восстания 1863 г. — 161
- Горчаков Александр Михайлович, князь (1798—1883), дипломат, министр иностранных дел с 1856 до 1882 г. — 118, 119, 139, 171, 208, 290, 308, 375, 406, 411, 421, 436, 445, 451, 467
- Гракс Тиберий (163—132 до н. э.), политический деятель Древнего Рима, народный трибун в 133 г. до н. э. — 241, 448
- Грановский Тимофей Николаевич (1813—1855) — 96, 106, 170, 251, 381, 390, 391, 421, 459, 460, 497
- Граф, капитан русских войск в Польше, участник подавления польского восстания 1863 г. — 158, 159
- Грейг Алексей Самуилович (1775—1845), адмирал, участник русско-турецких войн, с 1816 г. главный командир Черноморского флота и военный губернатор Севастополя и Николаева — 255, 453, 454
- Греч Николай Иванович (1787—1867), реакционный журналист и писатель, в 1831—1859 гг. совместно с Ф. В. Булгариным издавал газету «Северная пчела» — 59, 374
- Грибоедов Александр Сергеевич (1795—1829) — 302, 386, 387, 390, 420
- «Горе от ума» — 88, 95, 169, 386, 387, 390, 420; Фамусов — 302
- Григорий, до пострижения — Георгий Петрович Постников (1784—1860), митрополит Петербургский и Новгородский с 1856 г. — 50, 368
- Григорьев Николай Алексеевич, подпоручик лейб-гвардии Измайловского полка, осужден в 1862 г. за революционную пропаганду среди солдат — 11, 345
- Гроуерт (ум. 1863), жандармский капитан, участник подавления польского восстания 1863 г., убит повстанцами — 72, 183, 184, 228, 425
- Гюго Виктор Мари (1802—1885) — 215, 308, 309, 346, 347, 440, 476, 477, 498
- «Le roi s'amuse» («Король забавляется») — 331, 498
- «Ultima verba» — 215, 237, 440
- Д., «жертвователю в «Общий фонд» — 311
- Даниловский (Данилевский) Владислав, член Центрального национального комитета с 1862 г. по февраль 1863 г., участник польского восстания 1863 г., эмигрировал в Париж вместе с Л. Меро-славским в феврале 1863 г. — 432, 407
- Дарвин Чарлз Роберт (1809—1882) — 15, 38, 347, 361
- «On the Origin of Species by means of Natural Selection, or the Preservation of Favoured Races in the Struggle for Life» («On species», «Происхождение видов путем естественного отбора») — 15, 38, 347, 361
- Дашкова Екатерина Романовна, княгиня (1743—1810), президент Петербургской Академии наук и Российской академии в 1783—1796 гг. — 80
- «Memoirs of the princess Dashkoff, lady of honour to Catherine II» («Записки княгини Е. Р. Даш-

- ковой, писанные ею самой) — 80
- Дежазе *Виргиния* (1797—1875), франц. актриса — 269, 460
- Демонтович *Иосиф* (Осип), деятель польского национально-освободительного движения, член «Польской демократической централизации», комиссар Жмудской экспедиции, направившейся на помощь повстанцам из Лондона 21 марта 1863 г. — 129, 226, 310, 429, 442, 480
- Демулен (*Desmoulins*) *Камилль* (1760—1794), деятель французской революции, журналист — 298
- «День», еженедельная газета славянофильского направления, издавалась в Москве в 1861—1865 гг. И. С. Аксаковым — 170, 177, 194, 197, 203—205, 207, 208, 210, 214, 221, 222, 224, 225, 227—229, 235, 245, 302, 303, 315, 334, 362, 400, 417, 421, 424, 426, 428, 432, 433, 435—441, 447, 448, 451, 455, 456, 470, 488, 493
- Державин *Гаврила Романович* (1743—1816) — 149, 417, 418
- «Десятилетие Вольной русской типографии в Лондоне. Сборник ее первых листов», издан Л. Чернецким в Лондоне в 1863 г. — 75, 81, 380, 381, 382
- Дефлот (*de Flotte*) *Поль Луи Франсуа Рене*, виконт (1817—1860), франц. политический деятель, социалист-утопист, участник революции 1848 г. во Франции и походов Гарибальди — 125, 401
- Дзиковский, польский эмигрант, выдан Пруссией России в 1863 г. — 320
- Дибич *Иван Иванович*, граф Забалканский (1785—1831), генерал-фельдмаршал, начальник Главного штаба с 1824 г., главнокомандующий русской армией в войне с Турцией (1829), главнокомандующий армией, направленной для подавления польского восстания 1831 г. — 94, 114, 393
- Диккенс *Чарлз* (1812—1870) — 237
- Доброногий, русская шпионка в отряде польских повстанцев в 1863 г. — 127, 128, 404
- Довгирд *Михаил*, ковенский помещик, участник польского национально-освободительного движения, после восстания 1831 г. был сослан солдатом на Кавказ — 159
- Долгоруков (*Долгорукий*) *Василий Андреевич*, князь (1804—1868), генерал-адъютант, шеф жандармов и главный начальник III отделения в 1856—1866 гг. — 149, 254, 259, 296, 348, 367, 457
- Долгоруков *Петр Владимирович*, князь (1816—1868), публицист-памфлетист, с 1859 г. эмигрант, в 1860—1864 гг. издавал журналы и газеты в Париже, Лейпциге, Брюсселе и Лондоне, сотрудничал в «Колоколе» — 190, 253, 300, 301, 304, 309, 315, 402, 419, 427, 430—432, 443, 453, 465, 471, 472, 477—479, 481, 488
- «*Михаил Николаевич Муравьев*» — 304, 419, 431, 443, 471, 472, 477
- «*La vérité sur la Russie*» («Правда о России») — 301
- Доленго, участник польского восстания 1863 г., руководил повстанческим отрядом в Шавельском уезде — 160, 424, 441
- Домбровский (ум. 1863), полковник русских войск в Польше, убит в Томашове — 310, 400, 442, 481
- Домейко *Александр Фаддеевич*, предводитель дворянства Виленской губ. — 161
- «Домострой», памятник русской письменности XVI в., свод правил поведения — 256
- Дон Кихот Ламанский, герой одноименного романа Сервантеса (см.)
- Донозо *Кортес* — см. Вальдегамас Х.
- Достоевский *Федор Михайлович* (1821—1881) — 107, 343, 391, 412, 422, 474
- «Записки из мертвого дома» — 107, 391, 412; Жеребятников — 141, 412
- Друцкой-Соколинский *Михаил Васильевич*, князь, генерал-майор, военный губернатор г. Житомира в 1860—1863 гг. и волынский гражданский губернатор с 1857 по 1863 г. — 173
- Дудкин, актер московского Малого театра — 330

Дюпон де л'Эр (Dupont de l'Eure)
Жак Шарль (1767—1855), франц.
политический деятель, министр
юстиции в июле — октябре
1830 г. — 12

Евангелие — 185, 382, 385, 404,
426, 461

Европа (миф.) — 105, 391

Егорова, актриса московского Ма-
лого театра — 330

Эзоп — см. Эзоп

Екатерина II (1729—1796), импе-
ратрица — 17, 66, 80, 105, 232,
378, 444

— «Mémoires de l'impératrice Ca-
therine II, écrits par elle même»
(«Воспоминания императрицы
Екатерины II») — 80

Елизавета Петровна (1709—1761),
императрица — 8

Елизавета Тюдор (1533—1603),
англ. королева с 1558 г. — 245

Ермолов Алексей Петрович (1772—
1861), генерал-от-артиллерии, в
1812 г. начальник объединенного
штаба 1-й и 2-й армий, в 1813 г.
начальник артиллерии всех дей-
ствующих армий, с 1816 по 1827 г. —
главнокомандующий на Кав-
казе, командир Отдельного гру-
зинского корпуса, — 93, 389

Жабровский Константин, поручик
6 артиллерийской бригады, пред-
водитель повстанческого отряда
во время польского восстания
1863 г., расстрелян 24 июня
1863 г. в г. Борисове — 333, 499

Живокини Василий Игнатьевич
(1807—1874), актер московского
Малого театра — 330

Живокини 2-й, актер московского
Малого театра — 330

Жуков Илья Григорьевич (в тек-
сте — Лукин), отставной штабс-
капитан, член революционного
общества «Земля и воля», рабо-
тал в подпольной типографии в
Мариенгаузе, арестован 26 фев-
раля 1863 г. в дер. Кобыльске
Островского уезда Псковской
губ., приговорен к каторжным
работам, в 1875 г. переведен на
поселение в Екатеринославскую
губ. — 146, 414

Жуковский Николай Иванович
(1842—1895), участник револю-

ционного движения 60-х годов,
был связан с подпольной типо-
графией П. Д. Баллода, эмигри-
ровал в Лондон летом 1862 г.,
в 1863 г. организовал транспор-
тировку изданий Герцена в Рос-
сию через Дрезден, с 1864 г. жил
в Женева, принимал видное уча-
стие в деятельности «молодой
эмиграции» — 52, 365, 369, 402,
430

Забровский, рядовой Могилевского
полка, участник подавления поль-
ского восстания 1863 г. — 164

Завьялов, актер московского Ма-
лого театра — 330

Загоскин Михаил Николаевич
(1789—1852), писатель;

— «Юрий Милославский» — 14,
346

Заичневский (Зайчневский) Петр
Григорьевич (1842—1896), рево-
люционный демократ, один из
организаторов студенческого дви-
жения в Москве в начале 60-х
годов — 234, 447

Зальцман — 313

Занд Карл Людвиг (1795—1820),
нем. студент, убивший в 1819 г.
реакционного писателя А. Ко-
цебу, агента русского прави-
тельства — 96, 143, 413

«Записки декабристов», воспоми-
нания, статьи и очерки декабри-
стов, издаваемые Вольной русской
типографией в Лондоне в трех
выпусках в 1862—1863 гг. — 24,
191, 355, 389, 408, 430, 431, 487

Зейферт (Зейферт) Владимир Алек-
сандрович, в 1859—1862 гг. по-
ручник, с 1863 г. штабс-капитан
лейб-гвардии Измайловского пол-
ка, домовладелец в Петербурге—
313, 483

Зелинский, подпоручик Резервного
саперного полубатальона, участ-
ник польского восстания 1863 г.,
предводитель отряда повстан-
цев, расстрелян 18 мая 1863 г.
в Киеве — 201, 435

Злобицкий И., варшавский горо-
довой, расстрелянный 3 января
1863 г. — 319, 320

Иафет (библ.) — 125, 401

Иван IV (Иван Васильевич) Гроз-
ный (1530—1584), царь — 99, 256

- Иванов Василий, крестьянин, отданный в солдаты по повелению Александра II в феврале 1863 г. — 321
- Игнатьев Павел Николаевич (1797—1879), генерал-адъютант, генерал-от-инфантерии, петербургский военный генерал-губернатор с 1854 по 1861 г. — 20, 250, 352
- Игнатьев, офицер, репрессированный в 1862 г. — 11
- Иеско Владислав, участник польского восстания 1863 г., член Центрального национального комитета, сторонник Л. Мерославского, вместе с ним эмигрировал в Париж в феврале 1863 г. — 132, 407
- Измаил (библ.) — 144, 413
- Илья (библ.) — 292, 467
- «Инвалид» — см. «Русский инвалид»
- Иванович (Iovanovitch) Владимир (1833—1922), сербский политический деятель и писатель, участник национально-освободительного движения, в 1860—1872 гг. эмигрант; в 1864—1865 гг. издавал в Женеве журнал «Слобода» — 311, 483
- «The Serbian Nation and the Eastern Question» («Сербская нация и восточный вопрос») — 311, 483
- Иуда Искарот (библ.) — 122
- Ишора Станислав, викарный ксендз желудского костела Лидского уезда, расстрелян 22 мая 1863 г. в Вильно за «подговор крестьян к восстанию» — 192, 431
- К. П., инициалы жертвователя в «Общий фонд» — 309
- Кабе (Cabet) Этьенн (1788—1856), франц. публицист, идеолог утопического коммунизма — 231
- Кавелин Константин Дмитриевич (1818—1885), историк, правовед и публицист, профессор Московского (1844—1848) и Петербургского (1857—1861) университетов, в 1857—1858 гг. преподавал право введении наследнику престола Николаю Александровичу — 147, 271, 415, 460
- «Взгляд на юридический быт древней России» — 271, 460
- «Дворянство и освобождение крестьян» — 147, 415
- Казала Вавжинец, участник польского восстания 1863 г. — 164
- Калинин, актер московского Малого театра — 330
- Калиостро (Cagliostro) Александр, граф; настоящее имя — Иосиф Балзамо (1743—1795), авантюрист — 136
- Кальвин (Калвин) Жан (1509—1564), деятель Реформации в Швейцарии, основатель протестантского вероучения — кальвинизма — 51
- Карагеоргий — см. Георгий Черный
- Карамзин Николай Михайлович (1766—1826) — 93, 167, 294, 389, 420
- «Марфа Посадница» — 167, 420
- Каратыгин Василий Андреевич (1802—1853), актер-трагик — 262, 263, 269, 457 — 459
- Кариныйские (Карианские), князья, титул младшего принца сардинского королевского дома — 284
- Карл Фридрих Александр, принц (1801—1883), прусский генерал-фельдцейхмейстер, брат Фридриха-Вильгельма IV и Вильгельма I — 333, 499
- Карпов, майор, участник подавления польского восстания 1863 г. — 149, 151, 152, 156
- Карье (Carrier) Жан Батист (1756—1794), деятель французской революции, комиссар Конвента в Нанте в 1793 г. — 216
- Касьянов — псевдоним И. С. Аксакова (см.)
- Каструччо Кастракане (1281—1328), диктатор г. Лукки с 1325 г. — 41
- Катков Михаил Никифорович; псевдоним — Байборода (1818—1887), реакционный журналист и публицист, редактор-издатель «Московских ведомостей» (1850—1855, 1863—1887) и «Русского вестника» (1856—1887) — 20, 32, 33, 62, 73, 90, 112, 113, 125, 135, 140, 141, 143, 144—146, 154, 156, 167, 169, 176, 177, 208, 210, 217, 222, 223, 251, 259, 277, 293, 299, 301, 302, 351, 352, 354, 358, 359, 362, 374, 375, 380, 383, 388, 392, 400, 401, 409, 412—414, 417, 419, 423, 424, 427, 442, 448, 450, 452—454, 456, 457,

- 461, 462, 466, 469, 470, 474—476, 494, 496, 498
- Келлер Эдуард Федорович, граф (1817—1903), минский губернатор в 1858—1862 гг., с июня 1862 г. до мая 1863 г. главный директор, председательствующий в правительственной комиссии внутренних и духовных дел Царства Польского — 183, 323, 324, 405, 495
- Кельсиев Василий Иванович (1835—1872), участник революционного движения 60-х годов, эмигрант с 1859 г., член редакции «Общего веча», составитель «Сборника правительственных сведений о раскольниках»; весной 1862 г. нелегально ездил из Лондона в Россию для установления связей с раскольниками; с октября 1862 г. до декабря 1863 г. жил в Константинополе, организовал русскую эмигрантскую колонию в Тульче (1863—1865), в 1867 г. вернулся в Россию, заявив о раскаянии — 52, 234, 365, 369, 414, 447, 452
- Кельсиев Иван Иванович (1841—1864), революционный демократ, участник студенческого движения в Москве в 1861 г., член общества «Земля и воля», 25 мая 1863 г. бежал из тюрьмы и эмигрировал в Константинополь, участвовал в организации русской эмигрантской колонии в Тульче — 234, 421, 434, 446, 447, 450
- «Кельнская газета» — см. «Kölnische Zeitung»
- Кинд Иоганн Фридрих (1768—1843), нем. поэт и драматург, автор текста оперы К. Вебера «Freischütz» («Вольный стрелок») — 32, 358
- Кир Старший (ок. 558—529 до н. э.), персидский царь с 550 г., основатель династии Ахеменидов — 241
- Киселев Павел Дмитриевич, граф (1788—1872), русский посол в Париже в 1856—1862 гг. — 50, 348, 367
- Клейнмихель Петр Андреевич, граф (1793—1869), генерал-адъютант, главноуправляющий путей сообщения и публичных зданий в 1842—1855 гг. — 50, 95, 115, 366, 367
- Клеопатра (69—30 до н. э.); царица Египта — 280
- Климкевич, офицер русской армии, перешел на сторону польских повстанцев — 320
- Клодт Петр Карлович (1805—1867), скульптор; — «Укротители коней» — 284, 464
- Клячко Юлиан (1828—1906), польский критик и публицист, участник национально-освободительного движения, с 1849 г. жил в Париже — 58, 374, 455, 456
- Ковалинский Михаил, помещик Екатеринославской губ. — 324, 496
- Козловский Петр Борисович, князь (1783—1840), писатель и дипломат, в 1834—1835 гг. жил в Варшаве, с 1836 г. состоял при наместнике Царства Польского — 69
- Кокочкин Сергей Александрович (1785—1861), генерал-адъютант, петербургский обер-полицмейстер с 1830 г. — 177, 298, 423
- «Колокол», газета, издававшаяся А. И. Герценом и Н. П. Огаревым в 1857—1867 гг., сначала в Лондоне, с мая 1865 г. — в Женеве — 12—14, 18, 19, 21, 22, 28—30, 32, 33, 37, 44, 45, 55, 81, 88, 146, 161, 174, 177, 187 — 191, 194, 197, 203, 205, 209, 211, 221, 224, 226, 230, 231, 242, 273, 292, 293, 297, 308, 313, 316, 341, 342, 344, 349, 350, 353—355, 357—364, 368—372, 376, 379—381, 383, 384, 387, 388, 393, 396, 398—400, 403—407, 410, 413—417, 423, 424, 426, 428, 429, 431—435, 437—441, 444—450, 454, 456, 462, 465—467, 470—477, 480, 482, 484, 486, 488, 490—494, 498, 499
- Колосов, актер московского Малого театра — 330
- Колосс Родосский, гигантская бронзовая фигура бога солнца Гелиоса, изваянная Харесом (см.)
- Кольшко Болеслав, участник польского восстания 1863 г., руководил отрядом повстанцев в Литве, повешен 28 мая 1863 г. в Вильно — 192, 431

- Комар (род. ок. 1847), участник польского восстания 1863 г. — 238
- Комар, польские помещики — 238
- Комаровский, граф, капитан, адъютант вел. князя Константина Николаевича — 162
- Конарский Агриппин (ок. 1820—1863), ксендз, монах ордена капуцинов, участник польского национально-освободительного движения и восстания 1863 г., повешен 31 мая 1863 г. в Варшаве — 177, 178, 192, 424, 431
- Коновалов, московский домовладелец — 332
- Кононович, отставной офицер, руководитель повстанческого отряда во время польского восстания 1863 г., расстрелян 25 мая 1863 г. в дер. Варки — 177, 201, 424
- Конопасевич Даниил (ум. 1863), священник местечка Богушевичи Игуменского уезда Минской губ., убит польскими повстанцами — 182
- Константин Николаевич, вел. князь (1827—1892), генерал-адмирал, в 1853—1881 гг. морской министр, в 1860—1861 гг. председатель Главного комитета по крестьянскому делу, в 1862—1863 гг. наместник Царства Польского; брат Александра II — 8, 12—14, 16, 17, 20, 25, 26, 28—30, 32, 36, 40, 41, 43, 45, 49, 67, 70, 72, 85, 115, 116, 120, 121, 129, 131, 135, 137, 138, 162, 236, 275, 295, 299, 343, 346, 348, 349, 353, 357, 358, 360, 363, 378, 393—395, 399, 404, 410, 411, 419, 448, 461, 462, 469, 482
- «Конрад Валленрод», поэма А. Мицкевича (см.)
- Конфалоньери (Gonfalonieri, Confalonieri) Федерико, граф (1785—1846), один из руководителей итальянского национально-освободительного движения; в 1821 г. арестован и приговорен австрийским судом к пожизненной каторге, в 1836 г. освобожден — 20, 353
- «Конституционель» — см. «Le Constitutionnel»
- Коперчинский, польский эмигрант, выдан Пруссией России в 1863 г. — 320
- Кораушев М. А., мещанин г. Спасска Тамбовской губ. — 175, 423
- «Корреспонденция Bullier» — см. «Correspondance Bullier»
- Корсон, участник польского национально-освободительного движения, был сослан в Уфу — 319
- Корф, барон (ум. 1863), полковник русских войск в Польше — 46, 321, 493
- Корш Валентин Федорович (1828—1883), либеральный журналист, редактор «Московских ведомостей» (1856—1862), редактор-арендатор «С.-Петербургских ведомостей» (1863—1874) — 143, 144, 412, 413
- Корш Евгений Федорович (1810—1897), журналист, соредактор М. Н. Каткова в издании журнала «Русский вестник» в 1856—1857 гг., издатель журнала «Атеней» в 1858—1859 гг. — 143, 359, 413, 459, 469
- Коссаковский, граф, участник польского восстания 1863 г., адъютант Э. Сераковского — 179
- Костомаров Николай Иванович (1817—1885), историк и писатель, профессор русской истории Киевского (1846—1847) и Петербургского (1859—1862) университетов — 181, 206, 437
- «Украина» — 206, 437
- Коцебу (Kotzebue) Август Фридрих Фердинанд фон (1761—1819), нем. реакционный драматург, агент русского правительства, убит в 1819 г. К. Зандом — 9, 143, 344, 413
- Коцебу Павел Евстафьевич (1801—1884), генерал-от-инфантерии, начальник Главного штаба первой армии до 1862 г., новороссийский и бессарабский генерал-губернатор, командующий войсками Одесского военного округа в 1862—1874 гг., с 1863 г. член Государственного совета — 9, 41, 237, 344
- Коченов, военный начальник г. Тельши Ковенской губ. — 158
- Коялович Михаил Иосифович (1828—1891), профессор русской гражданской и церковной истории Петербургской духовной академии, публицист,

- сотрудник славянофильских газет «День», «Москва» — 235, 448
— «Пора собираться домой» — 235, 448
- Краевич, штабс-капитан, командир 2 стрелковой роты Смоленского пехотного полка, участник подавления польского восстания 1863 г. — 163
- Краевский Андрей Александрович (1810—1889), журналист, издатель журнала «Отечественные записки» с 1839 г., газет «С.-Петербургские ведомости» в 1852—1862 гг., «Голос» в 1863—1884 гг. — 252—254, 452, 453, 477
- Краевский Михаил Францевич; чиновник витебской губернской палаты государственных имуществ — 71
- Красовский Александр Александрович (род. ок. 1829), преподаватель духовной семинарии, владелец публичной библиотеки, книжного склада и типографии в Вятке, был связан с казанской организацией «Земли и воли», арестован в марте 1863 г., предан суду в связи с «казанским заговором», приговорен к каторжным работам, но по амнистии 17 мая 1867 г. помилован — 146, 414
- Красовский Андрей Афанасьевич (1822—1868), подполковник Александрийского гусарского полка, арестован в июне 1862 г. за революционную пропаганду среди солдат, приговорен к 12 годам каторги — 11, 14, 35, 110, 111, 312, 345, 347, 472, 484
- Крашилов, гардемарин с корвета «Японец» — 88, 89, 387
- Крейц Генрих Киприянович, граф, генерал-майор свиты, московский обер-полицмейстер, впоследствии сенатор — 172, 422
- Кремнёв, актер московского Малого театра — 330
- Крестовский Всеволод Владимирович (1840—1895), реакционного писателя;
— «Сильные ощущения под Петербургом» — 236, 237, 448
- Кригер Григорий Александрович (ум. 1881), контр-адмирал, ковенский губернатор в 1861—1863 гг. — 22, 159
- Кромвель Оливер (1599—1658) — 132
- Крох (Корш?), офицер 4-го стрелкового батальона 1 армии; по его рапорту были арестованы в 1862 г. И. Н. Арнольд, П. М. Сливичкий и др. — 19
- Крылов Иван Андреевич (1769—1844) — 67, 418
— «Стрекоза и муравей» — 154, 418
- Курганов Николай Гаврилович (ок. 1726—1796), профессор математики и навигации петербургской Академии наук, автор «Российской универсальной грамматики» (1769; в последующих изданиях — «Письмовник») — 214, 439
- Куровский Аполинарий, участник польского восстания 1863 г., руководил отрядом повстанцев, действовавшим в Меховском и Олькушском уездах — 116
- Лабенский, помощник предводителя повстанческого отряда во время польского восстания 1863 г., расстрелян 25 мая 1863 г. в дер. Варки — 177, 201, 424
- Лагероньер (La Guéronnière) Луи Этьен Артур, виконт де (1816—1875), франц. публицист и государственный деятель, бонапартист — 277, 463
- Лазарь (биб.) — 285, 464
- Лакордер (Lacordaire) Жан Батист Анри (1802—1861), франц. католический проповедник — 255
- Ламберт Карл Карлович, граф (1815—1865), генерал-от-кавалерии, в 1861 г. в течение нескольких месяцев был наместником Царства Польского — 114, 393
- Ламенне (Lamennais) Фелисите Робер (1782—1854), франц. аббат, политический деятель и публицист, один из идеологов «христианского социализма» — 125, 401
- Лангевич — см. Лянгевич М.
- Лапинский Феофил (Теофил) (ок. 1826—1886), деятель польского национально-освободительного движения, участник венгерской революции 1848—1849 гг., Крымской войны (на стороне Турции), борьбы горцев против русских войск на Кавказе в 1857—1859 гг.; руководитель

- экспедиции, направленной в помощь польскому восстанию 1863 г. — 129, 130, 226, 227, 405, 438, 442
- Ласкас (Лас-Казас, Las Cases) Эммануэль Огюст Дьедонне де, маркиз (1766—1842), франц. писатель, камергер Наполеона I, последовал за ним на о. Святой Елены — 255
- Лашкарев Александр Григорьевич (1823—1898), генерал-майор, пермский губернатор с 1861 по 1865 г. — 200, 434
- Лебедев Петр Семенович (ум. 1876), генерал-майор, адъютант-профессор военной географии в академии генерального штаба, редактор газеты «Русский инвалид» в 1855—1861 гг., позднее сотрудничал в «Московских ведомостях» — 59, 67, 322, 374, 378, 494 — «О последних событиях в Польше» — 59, 67, 322, 374, 378, 494
- Леметр (Lemaître) Фредерик (1800—1876), франц. актер — 268, 459, 460
- Ленский, актер московского Малого театра — 330
- Леонтьев Павел Михайлович (1822—1874), профессор римской словесности и древностей Московского университета с 1847 г., публицист, с 1856 г. соредaktor М. Н. Каткова по изданию журнала «Русский вестник», с 1863 г. — газеты «Московские ведомости» — 33, 90, 112, 113, 125, 143, 277, 352, 358, 359, 473, 481, 494
- Леотар, франц. акробат — 236
- Лермонтов Михаил Юрьевич (1814—1841) — 96
- Лесневский Юлиан, один из руководителей польского восстания 1863 г., был расстрелян в Вильно 10 июня 1863 г. — 180, 201, 424
- Лешкович — см. Ляскович А.
- Лидерс Александр Николаевич, граф (1790—1874), генерал-адъютант, участник подавления польского восстания в 1831 г. и венгерской революции в 1849 г., исполнял обязанности наместника Царства Польского в 1861—1862 гг. — 8, 110, 145, 344, 414
- Лингард (Lingard) Джон (1769—1851), англ. историк — 267
- Линдау (Lindau) Рудольф (1829—1910), нем. писатель, с 1859 по 1869 г. путешествовал по Индии, Китаю, Японии, Калифорнии в качестве представителя департамента торговли Швейцарии, в феврале 1863 г. познакомился в Лондоне с Герценом — 89, 387
- Линней Карл (1707—1778), шведский естествоиспытатель — 10
- Липранди Иван Петрович (1790—1880), генерал-майор, историк, чиновник особых поручений при министре внутренних дел, руководил секретной агентурой по наблюдению за кружком М. В. Петрашевского — 107, 112, 351, 367, 387, 388, 391, 392, 400, 412, 414
- «Листок», русский политический журнал, изд. П. В. Долгоруковым с ноября 1862 г. до июля 1864 г., сначала в Брюсселе, а с № 6 (май 1863 г.) в Лондоне — 190, 289, 309, 402, 427, 430, 453, 454, 465, 472, 478, 481
- «Литвин» (псевдоним), польский публицист, сотрудничал в журнале «Свободное слово» — 309, 479
- «Michał Bakunin i odezwa jego do przuycioł, rosyjskich i polskich» («Михаил Бакунин и его воззвание к русским и польским друзьям») — 309, 479
- Лихачев Александр Федорович (ум. 1887), генерал-лейтенант, начальник первой кавалерийской дивизии, в 1863 г. назначен начальником военного отдела Ковенской губ. — 158, 159
- Лопухин Иван Владимирович (1756—1816), деятель русского масонства, статс-секретарь в 1796—1797 гг., сенатор с 1797 г. — 80
- «Записки из некоторых обстоятельств жизни и служб действительного тайного советника и сенатора И. В. Лопухина, составленные им самим» — 80
- Луи Филипп (Людювик Филипп), герцог Орлеанский (1773—1850), франц. король в 1830—1848 гг. — 12, 94, 266, 357, 378, 389, 458

- Лукин — см. Жуков И. Г.
- Лукреций (Тит Лукреций Кар; ок. 99—55 до н. э), древнеримский философ и поэт — 202, 435 — «О природе вещей» («De rerum natura») — 202, 435
- Луин Михаил Сергеевич (1787—1845), подполковник, декабрист, участвовал в деятельности Союза спасения и Союза благоденствия, член Северного, затем Южного общества, приговорен к 15 годам каторги — 93, 389, 408 — «Взгляд на дела Польши» — 93, 389
- Львов Леонид Федорович, управляющий конторой московских театров — 329
- Львов, поручик русской армии в Польше, участник подавления восстания 1863 г. — 162, 163
- «Льется польская кровь...», прокламация Центрального комитета общества «Земля и воля», распространилась в Москве и Петербурге в феврале 1863 г. — 88, 90, 111, 387, 388
- Людвик Филипп — см. Луи Филипп
- Лютер Мартин (1483 — 1546) — 36
- Лянгович (Лангович) Марьян (1827—1887), деятель польского национально-освободительного движения; участвовал в походе армии Гарибальди в Южную Италию (1860), с начала польского восстания 1863 г. руководил повстанческими отрядами в Сандомирском воеводстве, по инициативе партии «белых» 10 марта 1863 г. провозгласил себя диктатором, 19 марта, после неудачного сражения, перешел австрийскую границу, где находился в заключении до 1875 г. — 72, 87, 88, 116, 127, 163, 225, 379, 385, 386, 396, 399, 442
- Ляскович (Лешкович) Альберт, участник польского восстания 1863 г., расстрелян 24 мая 1863 г. в Вильно — 192
- М. К. — см. Рейхель М. К.
- М.Р., корреспондент газеты «Наше время» — 72, 379
- Магдалина (библ.) — 302
- Магницкий Леонтий Филиппович (у Герцена ошибочно — Мих. Магницкий) (1669—1737), преподаватель навигацкой школы в Москве, автор первой русской «Арифметики» — 62 — «Арифметика» — 62
- Маевский Александр Иванович, студент Петербургского университета, участник «казанского заговора», в апреле 1863 г. выехал в Тамбовскую губ. для распространения подложного царского манифеста среди крестьян, арестован 26 апреля 1863 г. в г. Спаске, приговорен к смертной казни, замененной каторгой, в 1870 г. переведен на поселение — 175, 423 434
- Мазаньелло (Мазаниелло); настоящее имя — Томазо Аньелло (1623—1647), руководитель народного восстания в Неаполе в 1647 г., рыбак — 112, 392
- Майборода Аркадий Иванович, капитан Вятского пехотного полка, член Южного общества декабристов, в 1825 г. ставший предателем — 299, 469
- Майдель Егор Иванович, барон (1817—1881), генерал русской армии в Польше, участник подавления польского восстания 1863 г. в Ковенской губ. — 159, 160
- Макар Денисович, жандарм, участник подавления польского восстания, убит повстанцами в 1863 г. — 333, 498
- Маколей Томас Бабингтон, барон (1800—1859), англ. историк и либеральный политический деятель — 267
- Мальборо (Мальбрук, Malborough) Джон Черчилль, герцог (1650—1722), англ. полководец и политический деятель, главнокомандующий английскими войсками в войне за испанское наследство — 171, 422
- Марат (Мара, Marat) Жан Поль (1743—1793) — 168, 184, 236, 298
- Мария Александровна (1824—1880), императрица, жена Александра II — 147, 154, 263
- Мария Антуанетта (1755—1793), франц. королева, жена Людо-

- вика XVI, казнена по приговору революционного суда — 80, 137, 383, 410
- Мария Терезия (Терезия) (1717—1780), эрцгерцогиня австрийская, императрица «Священной Римской империи» с 1740 г. — 281
- Марк, генерал-майор, помощник начальника 7-й пехотной дивизии, командовал отрядом русских войск, боровшихся против повстанцев в Радомской губ., с 23 июня 1863 г. начальник 18-й пехотной дивизии — 161, 162
- Марк (библ.) — 63, 375, 376
- Маркевич, подпоручик Витебского полка, участник польского восстания 1863 г.; расстрелян по приговору военного суда 29 января 1863 г. в крепости Новогеоргиевск—320, 400, 491
- Марков Михаил Александрович (1810—1876), генерал-лейтенант, писатель — 329
- «Дядя и племянник» — 329, 330; Пывдриков — 329, 330
- Марраст (Marrast) Арман (1801—1852), франц. политический деятель, в 1848 г. член временного правительства и мэр Парижа, в 1848—1849 гг. президент Учредительного собрания — 223
- «Марсельеза» — 213, 420
- Марфа Посадница (XV в.), вдова посадника Борецкого; возглавила борьбу новгородских бояр против Ивана III — 167
- Марчевский, инженер Варшавско-Венской железной дороги, деятель польского восстания 1863 г., член Центрального национального комитета; арестован 26 февраля 1863 г. в Варшаве — 132, 407
- Маслов, генерал-майор, в 1863 г. командовал отрядом русских войск, боровшихся против повстанцев в Калишском воеводстве — 71
- Масловский, штабс-капитан, командир 1-й стрелковой роты Могилевского полка, участник подавления польского восстания 1863 г. — 162
- Матвеев, актер московского Малого театра — 330
- Мацкевич, ксендз, предводитель повстанческого отряда, действовавшего в Литве в 1863 г. — 160, 179
- Маццини Джузеппе (1805—1872)— 63, 84, 280, 283, 376, 385
- Машкулов Павел — см. Мошкалов П.
- Медведева Надежда Михайловна (1832—1893), актриса московского Малого театра — 330
- Мейендорф Егор Федорович, барон (1792—1879), генерал-адъютант, президент евангелическо-лютеранской генеральной консистории — 36
- Меллер-Закомельский Николай Иванович, барон, генерал-майор, командир лейб-гвардии Литовского полка, участник подавления польского восстания 1863 г. — 177
- Меморский Михаил Федорович, автор учебников по арифметике в начале XIX в. — 62
- «Арифметика» — 62
- Ментор — см. Гомер, «Одиссея»
- Меншиков Александр Сергеевич, светлейший князь (1787—1869), адмирал, чрезвычайный посланник в Константинополе в 1853 г., главнокомандующий русской армией в Крыму в 1853—1854 гг. — 276, 462
- Меровинги, королевская династия во франкском государстве с конца V до середины VIII в. — 66
- Мероде (Мерод, Merode) Фридрих Ксаверий де, граф (1820—1874), военный министр Папской области в 1860—1865 гг. — 123, 400
- Мерославский (Mieroslawski) Людвиг (1814—1878), польский генерал, участник восстания 1830—1831 гг. и революции 1848 г. в Италии и Германии, представитель шляхетско-националистического крыла польской эмиграции; провозглашенный диктатором в феврале 1863 г., возглавил один из повстанческих отрядов, но был разбит и вновь эмигрировал — 20, 23, 353, 386, 407
- Меттерних Клеменс Венцель, князь (1773—1859), австрийский министр иностранных дел и фактический руководитель прави-

- тельства до 1848 г., один из организаторов Священного союза — 94
- Мехеда, капитан Главного штаба русских войск в Польше, убит русскими солдатами в Томашове в 1863 г. — 227, 310, 311, 400, 443, 481
- Мечников Лев Ильич (1838—1888), публицист, географ и социолог, политический эмигрант с 1858 г., сражался в рядах армии Гарибальди за освобождение Южной Италии (1860), сотрудничал в «Кодоколе» и «Современнике», участвовал в транспортировке лондонских изданий в Россию — 243, 310, 450, 480
- Миллер, генерал русской армии в Польше, участник подавления польского восстания 1863 г. — 115, 204, 395
- Милович (Milowicz) Влодзимеж (ум. 1884), деятель польского национально-освободительного движения и восстания 1863 г., представитель партии «красных», участник переговоров с Герценом в Лондоне в сентябре 1862 г., член Военной комиссии для подготовки восстания, организованной в Париже осенью 1862 г.; после поражения восстания вновь эмигрировал — 15, 37, 347, 348, 360
- Милорадович, участница революционного движения 1860-х годов на Украине — 307, 474
- Милотин Дмитрий Алексеевич (1816—1912), генерал-адъютант, историк, военный министр с 1861 до 1881 г. — 11, 70, 123, 345, 400
- Милотин Николай Алексеевич (1818—1872), государственный деятель, в 1859—1861 гг. товарищ министра внутренних дел, член Редакционных комиссий, в 1864—1866 гг. статс-секретарь по делам Польши — 80, 383
- Минерва (миф.) — 108
- Миних Бурхардт Кристоф (Христофор Антонович) фон, граф (1683—1767), генерал-фельдмаршал, на русской службе с 1721 г.; первый министр в 1740—1741 гг. — 115
- Минишевский (Miniszewski) Иосиф Александр (1823—1863), польский журналист, чиновник правительственной комиссии внутренних и духовных дел Царства Польского, член редакции газеты «Dziennik Powszechny» в 1862—1863 гг. — 143, 183, 184, 204, 413, 424, 426, 436
- Минишевская, жена И. Минишевского — 143, 183, 413, 424
- Миньвиц Александр Карлович (Федорович) (ум. 1882), генерал-майор, начальник штаба войск Варшавского округа — 13, 14, 17, 21, 32, 41, 42, 137, 350, 354
- Мирабо (Mirabeau) Оноре Габриэль (1749—1791), деятель французской революции — 59
- Михаил Николаевич, вел. князь (1832—1909), сын Николая I, генерал-фельдцейхмейстер, с 1860 до 1863 г. главный начальник военно-учебных заведений, с 1863 г. наместник Кавказа — 36, 295, 360
- Михайлов Михаил Ларионович (1829—1865), поэт и публицист, революционный демократ, арестован в 1861 г. и сослан на каторгу за распространение написанной им вместе с Н. В. Шелгуновым прокламации «К молодому поколению» — 8, 90, 110, 111, 134, 314, 319, 344, 372, 388, 392, 408, 430, 437, 491
- «Стихотворения» — 134, 314, 408, 430, 437, 491
- Михайловский, поручик, участник подавления польского восстания 1863 г. — 162
- Михальская, русская шпионка в лагере польских повстанцев в 1863 г. — 127
- Мицевич Константин, участник польского восстания 1863 г., предводитель повстанческого отряда, расстрелян в Седльцах 3 (15) июня 1863 г. — 201, 435
- Мицкевич Адам (1798—1855) — 26, 176
- «Конрад Валленрод» — 176; Конрад Валленрод — 176
- Модлинский, участник польского восстания 1863 г. — 70
- Моисей (библ.) — 292, 467
- Моль, граф, участник польского восстания 1863 г.; его имение было разграблено казаками и крестьянами — 165

- Мономах — см. Владимир Всеволодович Мономах
- Монталамбер (Montalembert) Шарль де, граф (1810—1870), франц. писатель и политический деятель, глава католической партии — 320
- Монтекукули (Montecuccoli) Раймунд, граф (1609—1681), австрийский полководец — 41
- Монтион (Montyon) Антуан Оже, барон (1733—1820), франц. филантроп — 135, 409
- Монье (Monnier) Марк (1829—1885), франц. писатель и историк, пропагандировал идеи национального объединения Италии — 285
- «Brigantaggio nelle provincie napoletane» («Бандитизм в Неаполитанских провинциях») — 285
- Мординов Николай Семенович, граф (1754—1845), адмирал, сенатор, член Государственного совета, с 1823 по 1840 г. председатель Вольного экономического общества — 100, 390
- Морошкин Федор Лукич (1804—1857), профессор кафедры российских гражданских законов в Московском университете — 256
- «Московские ведомости», газета, выходившая с 1756 г.; редактировалась в 1850—1855 гг. М. Н. Катковым; в 1856—1862 гг. В. Ф. Коршем; в 1863—1887 гг. редактор-арендатор Катков (до 1874 г. совместно с П. М. Леонтьевым) — 59, 67, 72, 73, 113, 118, 124, 125, 134, 135, 140, 141, 143, 145—147, 175, 176, 179—182, 186, 205, 210, 223, 228, 236, 250, 251, 255, 274, 276, 292, 293, 302, 307, 309, 322, 323, 333, 342, 362, 374, 378, 380, 392, 397, 400, 401, 409—414, 416, 419, 420, 423—425, 427, 435, 445, 448, 453, 454, 458, 462, 468—471, 475, 476, 478, 479, 482, 494, 496, 499
- «Московские полицейские ведомости» — см. «Ведомости московской городской полиции»
- Мочалов Павел Степанович (1800—1848), актер-трагик — 268, 269, 459
- Мошкалов (Машкулов) Павел Сергеевич, студент Петербургского университета с 1859 г., за участие в студенческом движении 1861 г. был заключен в Петропавловскую крепость, один из организаторов подпольной типографии П. Д. Баллода, автор прокламации «Русское правительство под покровительством Шедо-Ферроти», с 1862 по 1871 г. политический эмигрант — 52, 365, 369
- Мунк Иоганн Рейнгольд (Иван Иванович), барон (1795—1865), генерал-от-инфантерии, вице-канцлер Гельсингфорского университета — 188
- Муравьев Андрей Николаевич (1806—1874), литератор реакционно-клерикального лагеря — 155, 419
- Муравьев (Вешатель) Михаил Николаевич (1796—1866), генерал-адъютант, член Государственного совета, участник подавления польского восстания 1830—1831 гг., с 1857 до 1862 г. министр государственных имуществ, член Главного комитета по крестьянскому делу, с 1863 до 1865 г. генерал-губернатор Северо-Западного края, жестоко подавивший польское восстание 1863 г. — 65, 155, 156, 174, 176, 177, 181, 192, 210, 214, 216, 217, 222, 225, 228, 230, 231, 233, 237—241, 243, 248, 256—259, 271, 274—277, 291, 296, 298, 302—304, 325, 378, 417, 419, 423, 431, 432, 443, 445, 448, 456, 457, 458, 462, 470, 471, 495, 497
- Муравьев-Амурский Николай Николаевич, граф (1809—1884), генерал-губернатор Восточной Сибири в 1847—1861 гг., затем член Государственного совета, с 1861 г. жил в Париже — 155, 156, 304, 417, 419, 470, 471, 496
- Муравьев-Карский Николай Николаевич (1794—1866), генерал-адъютант, участник войн с Персией (1826—1827) и Турцией (1828—1829), подавления польского восстания в 1831 г., в 1854—1855 гг. наместник Кавказа и главнокомандующий кав-

- казской армией, член Государственного совета — 155, 417, 419
- Мюрат Иоахим (1771—1815), маршал Франции, неаполитанский король с 1810 г. — 281, 285
- Мятлев Иван Петрович (1796—1844), поэт;
- «Сенсации и замечания госпожи Курдюковой за границей дан л'Этранже» — 280, 463
- «Падвислянин» («Nadwiślanin»), польская газета, орган партии «красных», издавалась в Познани — 87, 386
- Назимов Владимир Иванович (1802—1874), виленский, гродненский, минский и ковенский генерал-губернатор с 1855 до мая 1863 г. — 22, 151, 153, 154, 156, 161, 164, 165, 438
- Наполеон I Бонапарт (1769—1821), франц. император в 1804—1814 гг. и в 1815 г. — 139, 281, 291, 391
- Наполеон III Луи (1808—1873), франц. император в 1852—1870 гг. — 27, 72, 195, 212, 290, 291, 301, 347, 348, 357, 376, 379, 391, 445, 463, 478
- Наполеон Бонапарт Жозеф Шарль Поль, принц (1822—1891), генерал-лейтенант, двоюродный брат Наполеона III — 118, 396
- Нарди, итал. разбойник, затем полковник армии короля Франциска II — 284, 285
- «Наше время», ежедневная (с 1862 г.) политическая и литературная газета, издававшаяся в Москве с 1860 до 1863 г.; редактор-издатель Н. Ф. Павлов — 9, 72, 171, 177, 223, 251, 342, 352, 378, 379, 396, 411, 418, 421, 422, 424, 425, 427, 431, 445, 452, 455, 482, 492, 493
- Нелидов, майор, в 1863 г. руководил одним из отрядов русских войск, боровшихся против повстанцев во Влоцлавском уезде — 70
- Немезида (миф.) — 105
- Немченко, штабс-капитан Могилевского пехотного полка, участник подавления польского восстания 1863 г. в Радомской губ. — 161, 162
- Непир (Napier) Френсис, барон (1819—1898), англ. дипломат, с 1860 по 1864 г. чрезвычайный посол Англии в Петербурге — 171, 421
- Непир (Napier) Чарлз (1786—1860), англ. адмирал, в 1854 г. командовал флотом, блокировавшим русские балтийские порты — 107, 391, 430
- Нерон Клавдий Цезарь Август Германик (37—68), римский император с 54 г. — 8, 251, 452
- Нессельроде Карл Роберт (Карл Васильевич), граф (1780—1862), министр иностранных дел в 1816—1856 гг., с 1845 г. государственный канцлер — 115, 119
- Нечай Ян, доктор, руководил повстанческим отрядом в Люблинском воеводстве, расстрелян в 1863 г. — 205, 321, 493
- Никитин, актер московского Малого театра — 330
- Никифоров Николай Матвеевич, актер московского Малого театра — 330, 331
- Николай I (1796—1855), император — 8, 11, 17, 42, 56, 59, 60, 65—67, 69, 74, 75, 77, 78, 81, 93—97, 100—102, 107—110, 145, 155, 186, 208, 211, 216—218, 222, 223, 231, 236, 239, 251, 256, 269, 272, 284, 291, 298, 321, 323, 367, 386, 389, 390, 391, 414, 427, 459, 461, 464, 476, 477, 493, 494
- Николай Александрович, вел. князь (1843—1865), наследник-цесаревич, старший сын императора Александра II — 147, 325, 415, 425, 497
- Николай Николаевич («oiseleur»), вел. князь (1831—1891), генерал-лейтенант, генерал-инспектор по инженерной части с 1856 до 1864 г.; сын Николая I — 36, 295, 360
- Никулина Надежда Алексеевна (1845—1923), ученица, позднее актриса московского Малого театра — 331
- Нимврод (библ.) — 241
- Новиков Александр Васильевич (род. 1843), студент Московского университета, участник революционного кружка П. Г. Заичневского, арестован летом 1861 г., приговорен к трехмесячному заключению в смирительном доме,

- затем сослан в Алатырь — 234, 447
- Ностиц Иван Григорьевич, граф (1824—1905), генерал-майор свиты, в январе-феврале 1863 г. командовал отрядом русских войск, боровшихся против повстанцев в Брестском и Пинском уездах — 114, 138, 392, 393
- Обер (Auber) Даниэль Франсуа Эспри (1782—1871), франц. композитор;
— «Немая из Портичи» («Фенелла», «Muette de Portici») — 14
- Обручев Владимир Александрович (1836—1912), поручик в отставке, публицист, с 1859 по 1861 г. сотрудник «Современника», в 1861 г. арестован, приговорен к каторжным работам за распространение прокламации «Великорус» — 11, 110, 345, 490
- Обухов Борис Петрович, самарский губернский предводитель дворянства в 1861—1864 гг. — 185
- «Общее вече», прибавление к «Колоколу», издававшееся в 1862—1864 гг. (до октября 1862 г. при участии В. И. Кельсиева) — 153, 316, 341, 351, 355, 364, 372, 418
- Огарев Николай Платонович (1813—1877) — 13, 28, 44, 55, 81, 83, 148, 177, 189, 190, 292, 293, 300, 341, 344, 347, 352—354, 357, 363—365, 369—373, 382, 383, 385, 387, 398, 399, 402, 404—406, 414, 416, 417, 422, 428 — 430, 433, 449, 454—456, 463, 465—467, 469, 475, 476, 478, 481, 483, 489
- «Всему народу русскому, крестьянскому, от людей, ему преданных, поклон и грамота» — 146, 372, 414
- «Стихотворения» — 80
- «Юмор» — 80, 383
- Огрызко (Ohrzyzko) Иосафат Петрович (1826—1890), польский общественный деятель, журналист, издавал в Петербурге газету «Słowo» в 1859 г.; в 1863 г. по поручению Варшавского Центрального национального комитета установил связь с подпольными кружками Петербурга, в 1865 г. был арестован, приговорен к смертной казни, замененной каторгой — 8, 344
- Олеңдзкий, капитан, командир 4 роты Могилевского полка, участник подавления польского восстания 1863 г. — 47, 162
- Олехнович Август Станислав (род. 1837), студент Петербургского университета, участник «казанского заговора», в апреле 1863 г. выехал в Тамбовскую губ. для распространения подложного царского манифеста среди крестьян, арестован 26 апреля 1863 г. в г. Спасске, приговорен к расстрелу, замененному каторгой, с 1868 г. переведен на поселение — 175, 423, 434
- Ольгин, актер московского Малого театра — 330
- Ордена Юзеф, деятель польского национально-освободительного движения, полномочный представитель Центрального национального комитета в Париже в 1863 г. — 312
- Орлов Михаил Федорович (1788—1842), генерал-майор, герой Отечественной войны 1812 г., декабрист — 93, 389
- Орлов Николай Алексеевич, князь (1827—1885), дипломат и военный писатель, посланник в Брюсселе в 1860—1870 гг. — 41, 49, 219, 348, 363, 366, 368, 440
- Остерман Генрих Иоганн (Андрей Иванович), граф (1686—1747), государственный деятель, выходец из Вестфалии, на русской службе с 1704 г., член Верховного тайного совета в 1726—1730 гг., вице-канцлер в 1725—1741 гг. — 115
- Остаде Адриан ван (1610—1685), голландский живописец-жанрист — 268
- Островский Александр Николаевич (1823—1886) — 221, 441, 473
- «Гроза» — 221, 441; Феклуша — 221, 441
- «Отечественные записки», ежемесячный литературно-политический журнал; издавался в Петербурге с 1818 по 1884 г.; редактор-издатель в 1839—1867 гг. А. А. Краевский — 59, 235, 251, 342, 362, 374, 391, 452, 453

- «Очерки», ежедневная политическая и литературная газета, издававшаяся в Петербурге в 1863 г.; издатель А. Н. Очкин — 324, 496
- Павел I (1754—1801), император — 105, 145, 235, 295, 378, 425, 468, 492—494
- Павлов Николай Филиппович (1805—1864), писатель, редактор газет «Наше время» (1860—1863) и «Русские ведомости» (с 1863 г.) — 9, 20, 33, 72, 113, 145, 154, 171, 177, 183, 184, 210, 218, 223, 251, 321, 351, 352, 378, 379, 418, 422, 425, 427, 441, 442, 450, 452, 492—494
- «Отелло» (перевод трагедии Шекспира) — 171
- «Ятаган» — 183, 425
- Павлова Елизавета, учительница воскресных школ в Петербурге, в 1862 г. сослана в Холмогоры — 307, 474
- Падлевский Зыгмунт (Сигизмунд) (1835—1863), польский революционный демократ, член Центрального национального комитета, в 1862 г. участвовал в переговорах в Лондоне с Герценом и в Петербурге с руководителями «Земли и воли»; командовал отрядами повстанцев в Плоцком воеводстве, расстрелян 3 мая 1863 г. в Плоцке — 83, 116, 148, 205, 237, 334, 396, 416
- Пальмерстон Генри Джон Темпл (1784—1865), англ. государственный деятель, в 1855—1858 и в 1859—1865 гг. премьер-министр, лидер либеральной партии — 72, 145, 146, 406, 445
- Панин Виктор Никитич, граф (1801—1874), министр юстиции с 1841 по 1862 г., член Главного комитета по крестьянскому делу, с 1860 г. председатель Редакционных комиссий, с 1864 г. главноуправляющий II отделением канцелярии Александра II — 36, 304, 359, 471, 472
- Пановский Николай Михайлович (1797—1872), сотрудник «Московских ведомостей» и других изданий М. Н. Каткова; в 1832—1834 гг. заведовал столом высшей полиции в управлении варшавского военного генерал-губернатора; в 1837—1838 гг. редактор «Официальной газеты Царства Польского» — 323, 494
- «Парус», еженедельная газета, издавалась в Москве в 1859 г. И. С. Аксаковым; вышло 2 номера — 211, 439
- Паскаль Блез (1623—1662), франц. философ, математик и физик — 280, 463
- «Мысли» («Pensées») — 280, 463
- Паскевич-Эриванский Иван Федорович, князь (1782—1856), генерал-фельдмаршал, наместник Кавказа в 1827—1831 гг., затем наместник Царства Польского, командовал русскими войсками, подавившими польское восстание в 1831 г. и венгерскую революцию в 1849 г. — 59, 60, 67, 69, 94, 186, 323, 389, 427, 494
- Паулуччи Амилкар Карлович, маркиз, начальник тайной полиции Царства Польского — 43
- Пеллико Сильвио (1789—1854), итал. писатель, связанный с движением карбонариев; в 1820 г. был приговорен австрийскими властями к смертной казни, замененной 15 годами каторги — 20, 353
- Пепе Гульельмо (1782—1855), деятель итал. национально-освободительного движения, в 1820 г. возглавил восстание против австрийцев в Неаполе, в 1848 г. руководил обороной Венецианской республики; после ее падения эмигрировал — 285
- Пеполи Джоакино, маркиз (1825—1881), итал. государственный деятель, посол Итальянского королевства в России с марта 1863 до 1864 г. — 323
- Перкинс (Perkins), владелец пивоваренного завода в Лондоне — 245, 451
- Персиньи Жан Жильбер Виктор де, герцог (1808—1872), франц. государственный деятель-бонапартист, министр внутренних дел в 1852—1854 и 1860—1863 гг., сенатор; в 1852 г. ввел для печатных органов систему административных предостережений и запрещений — 15, 174
- Перье (Périer) Казимир (1777—1832), франц. государственный

- деятель-орлеанист, президент палаты депутатов с 1830 г., с 1831 г. — министр внутренних дел — 94
 Пестель Павел Иванович (1793—1826) — 155
 Петр I (1672—1725), император — 10, 50, 66, 79, 93, 96, 97, 99, 100, 115, 215, 229, 232, 235, 236, 248, 256, 294, 395, 404
 Петр, апостол (библ.) — 50
 Петрарка (Petrarca) Франческо (1304—1374) — 36, 359
 — «Canzoniere» — 36, 359
 Петрашевский (Буташевский-Петрашевский) Михаил Васильевич (1821—1866), социалист-утопист, руководитель политического кружка; в 1849 г. арестован и приговорен к смертной казни, замененной пожизненной каторгой — 106, 107, 271, 343
 Печерин Владимир Сергеевич (1807—1885), поэт, профессор греческой филологии Московского университета в 1835—1836 гг., в 1836 г. эмигрировал, перешел в католичество — 95, 255, 311, 313, 314, 390, 454, 481, 482, 485, 487
 Пий IX (1792—1878), римский папа с 1846 г. — 68, 118, 397
 Пилат Понтий (библ.) — 18, 137, 410
 Писаревский Николай Григорьевич (ум. 1895), полковник, редактор газет «Русский инвалид» (1861—1862) и «Современное слово» (1862—1863) — 174
 Писарский, участник польского восстания 1863 г., руководитель отряда повстанцев в Тельшевском и Шавельском уездах — 160
 Писемский Алексей Феофилактович (1821—1881), писатель, с 1857 г. был вторым редактором, с 1860 г. — главным редактором журнала «Библиотека для чтения»; в 1862 г. посетил в Лондоне Герцена — 274, 299, 300, 458, 461, 469, 470
 — «Взбаламученное море» — 299, 300, 461, 469, 470
 Питкевич Иосиф, польский эмигрант-националист — 292, 293, 467
 — «Lettre d'un patriote polonais au Gouvernement national de la Pologne avec une préface et quelques notes explicatives par M. Schédo-Ferroti» («Письмо польского патриота Национальному правительству Польши с предисловием и некоторыми объяснительными замечками г. Шедо-Ферротти») — 292, 293, 467, 468
 Питт Уильям Старший, граф Чатам (1708—1778), англ. государственный деятель, лидер партии вигов, в 1756—1761 гг. возглавлял министерство иностранных дел и военное министерство, в 1766—1768 гг. премьер-министр — 208
 Пифагор (I в. н. э.), римский вольноотпущенник, участник оргий Нерона — 251, 452
 Платер Леон, граф, участник польского восстания 1863 г., руководил повстанческим отрядом в Литве, расстрелян 27 мая 1863 г. в Динабурге — 192, 201, 431
 Платон (427—347 до н. э.), греческий философ — 139, 302
 Погодин Михаил Петрович (1800—1875), историк и журналист, профессор Московского университета с 1826 по 1844 г., издатель журнала «Москвитянин» (1841—1856) — 73, 174—176, 238, 255, 256, 257, 294, 417, 423, 453, 455
 — «Заметки и выписки из газет» — 255, 453
 — «Письмо к издателю» — 175, 423
 — «Польский вопрос» — 256, 257, 455
 Пожарский Дмитрий Михайлович, князь (1578 — ок. 1641), один из руководителей борьбы русских против польско-шведской интервенции, в 1611—1612 гг. возглавил вместе с К. Мининым народное ополчение — 168, 204
 Познякова — см. Федотова Г. Н.
 Полевой Николай Алексеевич (1796—1846), писатель, историк, издатель журнала «Московский телеграф» (1825—1834) — 96
 Полежаев Александр Иванович (1804—1838), поэт — 95, 96
 Полтавцев Корнилий Николаевич (1823—1865), актер московского Малого театра — 330
 «Польская революция и гордые узел европейской политики», брошюра, изданная в Берлине в 1863 г. — 313, 485

- «Полярная звезда», литературные и общественно-политические сборники, издавались А. И. Герценом (с 1856 г. — совместно с Н. П. Огаревым) в Лондоне (1855—1862) и в Женеве (1869); всего вышло 9 книг — 75, 78, 80, 195, 293, 331—333
- «Полярная звезда», альманах, издавался К. Ф. Рылевым и А. А. Бестужевым в Петербурге в 1823—1825 гг. — 78, 382
- Потапов Александр Львович (1818—1866), генерал-адъютант, московский обер-полицмейстер (1860—1861), с октября 1861 г. до 1864 г. исполняющий обязанности начальника штаба корпуса жандармов и управляющего III отделением — 20, 72, 139, 142, 143, 155, 190, 191, 210, 351, 402, 413, 424, 430, 442, 453
- Потебня Андрей Афанасьевич (1838—1863), подпоручик 15-го пехотного Шлиссельбургского полка, член «Земли и воли», руководитель подпольной революционной организации русских офицеров в Польше, участник восстания 1863 г., 4 марта погиб в бою у местечка Скала — 83, 120, 136, 148, 189, 342, 347, 350, 370, 384, 398—400, 410, 429, 437, 477
- Пронцковский, польский эмигрант, выдан Пруссией России в 1863 г. — 320
- Прудон (Proudhon) Пьер Жозеф (1809—1865), франц. социолог и экономист — 231
- Псалтырь — 295, 468
- Пугачев Емельян Иванович (ок. 1742—1775) — 42, 169, 204, 215, 231, 240, 295, 382, 492
- Пусловский Адам, участник польского восстания 1863 г., расстрелян 26 июня 1863 г. в г. Новогрудке — 333, 499
- Пустовойтова Генриетта (род. 1838), участница польского национально-освободительного движения и восстания 1863 г., адъютант председателя повстанческого отряда Д. Чаховского — 87, 385, 386
- Пуятин Евфимий Васильевич, граф (1803—1883), адмирал, глава русской торговой-дипломатической экспедиции в Японию (1852—1855); морской агент при русском посольстве в Лондоне (1858—1861), с июня по декабрь 1861 г. министр народного просвещения — 8, 128, 250, 343, 403, 404, 421, 448
- Пушкин Александр Сергеевич (1799—1837) — 94, 96, 98, 103, 251, 382, 385, 390, 391, 417, 448, 452, 459, 465, 488
- «Бородинская годовщина» — 94, 103, 391
- «Вакхическая песня» — 78, 382
- «Каменный гость» — 287, 465; Лаура — 287, 465
- «Зимний вечер» — 237
- «Клеветникам России» — 94, 95, 103, 390, 391
- «Наполеон» — 149, 417
- «Похоронная песня» — 239, 448
- «Что в имени тебе моем?» — 83, 385
- Радищев Александр Николаевич (1749—1802) — 80
- «Путешествие из Петербурга в Москву» — 80
- Разин Степан Тимофеевич (казнен в 1671 г.) — 65, 66
- Рамзай Андерс Эдуард (Эдуард Андреевич), барон (1799—1877), генерал-адъютант, с 1856 г. командир Отдельного гренадерского корпуса, с 1862 до апреля 1863 г. командующий войсками в Царстве Польском — 43, 114, 393
- Рашель (Rachel) (1821—1858), франц. трагическая актриса — 269
- Р., братья — 333, 460, 499
- Редд Николай Андреевич (1792—1855), генерал-от-кавалерии, участник подавления польского восстания 1831 г., командовал 3-м пехотным корпусом в Крыму, убит в сражении на р. Черной — 154, 413, 459
- Рейхель Мария Каспаровна (1823—1916), близкий друг семьи Герцена — 269, 331, 460, 461
- Ридигер, майор, командир батальона Могилевского полка, участник подавления польского восстания 1863 г. — 162
- Ровбе Александр, рядовой Либавского пехотного полка, участник подавления польского восстания 1863 г. — 333, 499

- Рогинский Роман, один из руководителей восстания 1863 г. в Литве, был арестован в марте 1863 г., приговорен к каторжным работам — 121, 393
- Родзевич Игнатий Михайлович, управляющий канцелярией московского генерал-губернатора — 154
- Рокоссовский Платон Иванович, барон (1799—1869), генерал-от-инфантерии, финляндский генерал-губернатор в 1861—1866 гг.— 170, 172, 325
- Романо Либерио (1794—1867), итал. либеральный политический деятель, министр внутренних дел Неаполитанского королевства в 1860 г.; после изгнания Франциска II (сентябрь 1860 г.) по поручению Гарибальди организовал министерство — 282
- Романовы — династия русских царей, занимавшая престол в 1613—1917 гг.— 64, 66, 88, 376
- Россель (Russel) Джон, лорд (1792—1878), англ. государственный деятель, лидер вигов, с 1859 до 1865 г. министр иностранных дел — 62, 290, 375, 451
- Ростковский Францишек, унтер-офицер 4 стрелкового батальона первой армии, член подпольной организации русских офицеров в Польше; за революционную пропаганду в войсках расстрелян 16 июня 1862 г. в крепости Новогеоргиевск — 8, 18, 19, 110, 343—346, 350, 358, 360, 414
- Ростовцев Яков (Иаков) Иванович (1803—1860), генерал-адъютант, генерал-от-инфантерии, с 1835 г. начальник главного штаба военно-учебных заведений, с 1857 г. член Секретного (затем Главного) комитета по крестьянскому делу, с 1859 г. председатель Редакционных комиссий—101, 271, 390, 413, 460, 461
- Ростопчин Федор Васильевич, граф (1763.—1826), генерал-от-инфантерии, московский главнокомандующий в 1812—1814 гг.—139, 411, 423
- Ротшильд Лионель (1808—1879), банкир в Лондоне — 83
- Рудольф, владелец книжной лавки в Одессе — 146
- «Русский» (псевдоним), автор ответа «Литвину» в журнале «Свободное слово» — 309, 479
- «Русский вестник», литературно-политический журнал, издавался в Москве с 1856 г.; редактор-издатель до 1887 г. М. Н. Катков (при участии Е. Ф. Корша до 1857 г. и П. М. Леонтьева до 1874 г.) — 20, 22, 90, 112, 113, 143, 146, 212, 307, 354, 358, 375, 383, 388, 392, 400, 413, 422, 461, 469, 473, 474
- «Русский инвалид» («Инвалид»), военная, литературная и политическая газета, официальный орган военного министерства, издавалась в Петербурге с 1813 г.; в 1863—1866 гг. редактор Д. И. Романовский — 65, 70, 116, 117, 118, 121, 122, 133, 139, 228, 308, 311, 363, 377, 378, 393, 396, 397, 400, 442, 476, 482, 483, 499
- Руссо Жан Жак (1712—1778) — 14, 266, 346, 347
- Рыковы, братья, офицеры русской армии, участники польского восстания 1863 г.— 121, 399
- Рылеев Кондратий Федорович (1795—1826) — 96, 382, 442 — «Войнаровский» — 227, 442
- Саади Муслихиддин (1184—1291), персидский поэт — 237
- Садовский Михаил Провович (1847—1910), актер московского Малого театра — 330
- Садовский Пров Михайлович (1818—1872), с 1839 г. актер московского Малого театра — 330
- Садовский, отставной офицер, помощник предводителя повстанческого отряда во время польского восстания 1863 г.; расстрелян 25 мая 1863 г. в дер. Варки — 177, 201, 424
- Салтыкова (Салтычиха) Дарья Николаевна (1730—1801), помещица, за истязания крестьян была приговорена в 1768 г. к смертной казни, замененной пожизненным заключением — 215

- Саль (Sales) Франсуа де (1567—1622), богослов, католический епископ, в 1665 г. канонизирован — 255
- Самарин Иван Васильевич (1817—1885), актер московского Малого театра — 330
- Самарин Юрий Федорович (1819—1876), публицист и общественный деятель, славянофил — 224, 271, 441, 460
- Сангушко Роман Евстафьевич, князь, участник польского восстания 1830—1831 гг., приговорен к лишению дворянства и ссылке на поселение — 192, 432
- «Санкт-Петербургские ведомости», ежедневная официальная газета, издававшаяся с 1728 г.; в 1836—1862 гг. редактор А. Н. Очкин (с 1852 г. при участии А. А. Краевского), в 1863—1874 гг. редактор-арендатор В. Ф. Корш — 21, 127, 143, 167, 178, 353, 361, 375, 404, 412, 413, 416, 419, 424, 425, 434, 441, 453, 468, 469, 476
- Саул (библ.) — 216, 296, 468
- «Сборник правительственных сведений о раскольниках», издавался в Лондоне в 1860—1862 гг. В. И. Кельсиевым; всего вышло 4 выпуска — 234, 447
- Сбышевский, граф (псевдоним «Un polonais»), польский эмигрант, на «дионалист» — 295, 468
— «La Pologne et la cause de l'ordre» («Польша и дело порядка») — 295, 468
- Свенторжецкий, участник польского восстания 1863 г. — 182, 225
- Свентославский Зенон (род. 1814), участник польского национально-освободительного движения, эмигрант, издатель, владел типографией в Лондоне — 80
- Свербеев, Дмитрий Николаевич (1799—1876), московский дворянин, в 40-е годы был близок к кругам славянофилов — 24, 191, 355, 430
- Свербеева (урожд. Трубецкая) Зинаида Сергеевна, дочь С. П. Трубецкого — 24, 355, 430
- «Свобода», листок, издавался в 1863 г. нелегально Центральным комитетом «Земли и воли»; вышло 2 номера — 146, 313, 315, 370, 372, 373, 414, 485, 486, 488, 489
- «Свободное слово», журнал, издававшийся на русском языке в Берлине и Брюсселе в 1862—1863 гг.; редактор Л. П. Блюммер — 309, 374, 479
- Себастиани (Себастьяни, Sebastiani) Орас Франсуа Бастьен, граф (1772—1851), франц. военный и государственный деятель, маршал, в 1830—1832 гг. министр иностранных дел — 94, 357
- «Северная почта», ежедневная газета министерства внутренних дел, издававшаяся в Петербурге с 1862 по 1868 г.; редактировалась в 1862 г. А. В. Никитенко, затем И. А. Гончаровым, с июля 1863 г. Д. И. Каменским — 19, 20, 60, 114, 133, 139, 173, 174, 228, 321, 351, 374, 394, 399, 408, 418, 420, 422, 423, 434, 474, 482, 497
- «Северная пчела» («Пчела»), ежедневная (с 1831 г.) литературная и политическая газета, издавалась в Петербурге с 1825 до 1864 г., редактировалась до 1859 г. Ф. В. Булгариным, с 1831 г. совместно с Н. И. Гречем; с 1860 г. редактор П. С. Усов — 29, 39, 61, 87, 116, 165, 176, 185, 251, 258, 298, 300, 301, 307, 308, 312, 334, 342, 353, 358, 362, 363, 375, 386, 396, 422, 423, 426, 427, 445, 448, 452, 457, 468, 475, 476, 483, 495, 499
- Семека (в тексте — Семяка), генерал-лейтенант, генерал-квартирмейстер первой армии, затем командир 6 пехотной дивизии, расположенной в Польше, в 1863 г. начальник Плоцкого военного отдела — 205, 436
- Семякин (в тексте — Семяка) Константин Романович (1802—1867), генерал-лейтенант, участник подавления польского восстания в 1831 г. и венгерской революции в 1849 г., в 1863—1864 гг. помощник командующего войсками Киевского военного округа, руководил борьбой про-

- тив повстанцев на Киевщине — 205, 436
- Сераковский Зыгмунт (Сигизмунд) (1827—1863), польский революционный демократ, друг Чернышевского и Герцена, руководитель крестьянского восстания в Литве в 1863 г., 15 июня повешен в Вильно — 178—180, 201, 218—220, 424, 435, 440—442, 444
- Сервантес де Сааведра (Cervantes de Saavedra) Мигель (1547—1616) — «Дон Кихот Ламанчский»; Дон Кихот — 245
- Серно-Соловьевич Николай Александрович (1834—1866), революционер-демократ, один из организаторов «Земли и воли» (1861—1862), сотрудник «Современника»; в 1860 г. встречался в Лондоне с А. И. Герценом; 7 июля 1862 г. арестован, осужден на 12 лет каторги — 110, 365, 372, 392, 408
- «Окончательное решение крестьянского вопроса» — 110, 392
- Сизиф (миф.) — 280
- Сим (библ.) — 125, 401
- Симеон Богоприимец (библ.) — 257
- Синельников Николай Петрович (1805—1892), генерал-лейтенант, участник подавления польского восстания 1830—1831 гг., в 1857—1859 гг. воронежский военный и гражданский губернатор, с 1859 по 1864 г. генерал-интендант первой армии в Польше, затем сенатор — 61, 375
- Скалон Антон Антонович (1806—1872), генерал-лейтенант, начальник дивизии в Казани — 319, 351, 487, 489
- Сколков Иван Григорьевич (ум. 1879), генерал-майор свиты, в 1862 г. председатель следственной комиссии по «тобольскому делу» — 319, 489
- Скрипицын Валерий (Валериан) Валерьевич, директор департамента духовных дел иностранных исповеданий — 310
- Сливицкий Петр Михайлович, подпоручик 4 стрелкового батальона первой армии; член подпольной организации русских офицеров в Польше; за революционную пропаганду в войсках расстрелян 16 июня 1862 г. в крепости Новогеоргиевск — 8, 18, 19, 35, 110, 123, 343—346, 350, 358, 360, 414
- Сляпова (ум. 1863), полька, подверглась преследованиям властей за пошение траура — 325
- «Современная летопись», издавалась еженедельно в Москве в 1861—1871 гг., первоначально как приложение к «Русскому вестнику», с 1863 г. как воскресное прибавление к «Московским ведомостям»; редакторы М. Н. Катков и П. М. Леонтьев — 32, 33, 45, 352, 358, 363, 490
- «Современник», литературно-политический журнал, изд. в Петербурге с 1836 до 1866 г.: редактировался с 1847 г. Н. А. Некрасовым, до 1862 г. совместно с И. И. Панаевым; ведущий орган революционной демократии — 315, 415, 460, 469, 476, 488
- «Современное слово», ежедневная газета, издававшаяся в Петербурге с 1 июня 1862 г. до 2 июня 1863 г. (в 1862 г. вместе с «Русским инвалидом»). Редактор Н. Г. Писаревский — 174, 422
- Соколов, актер московского Малого театра — 330, 331
- Сократ (469—399 до н. э.), греческий философ — 184, 426
- Спартак (ум. 71 до н. э.), вождь восстания рабов в Италии в 74—71 гг. до н. э. — 232, 241
- Спини Леопольд, итал. революционный демократ, редактор римской газеты «Ероса» в 1848 г., позднее эмигрант — 68
- Старжинский Александр, граф, польский помещик, участник национально-освободительного движения, застрелился 23 апреля 1862 г., при аресте в его доме учителя Э. Бонгарда — 20
- Старжинский Виктор Александрович, граф (род. ок. 1838), гродненский губернский предводитель дворянства, демонстративно вышел в отставку в марте 1863 г.; в июне 1863 г. приговорен военным судом к заключению в крепость на 1 год с последующей ссылкой — 276, 278, 462, 482, 494
- Степанов Дмитрий Тимофеевич («студент»), член петербургской

- организации «Земли и воли», в феврале 1863 г. работал в подпольной типографии на мызе Мариенгауз; арестован 26 февраля 1863 г. в дер. Кобыльске Островского уезда Псковской губ., осужден на 12 лет каторги, с марта 1870 г. переведен на поселение — 146, 414
- Стильке Георг, берлинский издатель — 314
- Страхов Николай Николаевич (1828—1896), публицист, критик, философ-идеалист, сотрудничал в журналах «Время» (1861—1863) и «Эпоха» (1864—1865); — «Роковой вопрос» — 174, 422
- Строганов Сергей Григорьевич, граф (1799—1882), генерал-адъютант, генерал-от-кавалерии, московский военный генерал-губернатор в 1859—1860 гг., с 1860 г. главный воспитатель великих князей — 149, 497
- Суворов Александр Аркадьевич, князь (1804—1882), генерал-адъютант, генерал-от-инфантерии, в 1861—1866 гг. петербургский военный генерал-губернатор; внук А. В. Суворова — 140, 149, 150, 156, 171, 411, 495
- Суворов Александр Васильевич (1730—1800)—97
- Сулима Симеон (род. ок. 1806), генерал в отставке, участвовал в Ницце в 1863 г. в сборе средств для семей русских солдат, подавивших польское восстание — 310
- Сулин Яков, студент Московского университета, участник революционного кружка П. Г. Заичневского, организатор нелегальной типографии, арестован в августе 1861 г., приговорен к трехмесячному заключению в смирительном доме, затем выслан в 1863 г. в г. Буинск — 234, 447
- «Сумбека», трагедия Глинки С. Н. (см.)
- Сухозанет Николай Онуфриевич (1794—1871), генерал-адъютант, участник подавления польского восстания 1830—1831 гг., военн. министр в 1856—1861 гг.—219
- Таланова, актриса московского Малого театра — 330, 331
- Талейран - Перигор (Talleyrand-Perigord) Шарль Морис, князь (1754—1838), франц. дипломат и политический деятель, министр иностранных дел при Директории, Наполеоне I и Людовике XVIII — 50, 366, 367
- Тамерлан — см. Тимур
- Тамландер Т. К., офицер 4-го стрелкового батальона первой армии, по его рапорту были арестованы в 1862 г. И. П. Аригольдт, П. М. Сливницкий и др.— 19
- Тантал (миф.) — 17, 283
- Теба (Thebe) (IV в. до н. э.), жена Александра, тирана Пирея в Фессалии, в 358 г. уговорила братьев убить мужа, усыпив наркотиком охранявшего его пса — 184
- «Теймс» — см. «The Times»
- Телемак, см. Гомер, «Одиссея»
- Тенирс (Теньер, Teniers) Давид Младший (1610—1690), фламандский живописец — 268
- Терезия — см. Мария Терезия
- Тилеман (Тильман), Георг, вице-президент гофгерихта в г. Або — 188
- Тимур (Тамерлан) (1336—1405), монгольский полководец и завоеватель — 91
- Титов Владимир Павлович (1805—1891), посланник России в Турции в 1843—1853 гг.; преподавал наследнику-цесаревичу Николаю Александровичу международное право в 1857—1858 гг.; посол в Штутгарте в 1860—1865 гг.—147, 415
- Тишкевич — см. Тышкевич И. О.
- Толмачев, штабс-капитан Олонецкого пехотного полка, участник подавления польского восстания 1863 г.— 70, 71
- Толь Карл Федорович (1777—1842), генерал-адъютант, начальник штаба армии, подавившей польское восстание в 1831 г.— 290, 431
- Толь (Толль) Николай Карлович, граф, генерал-майор свиты, во время польского восстания 1863 г. военный начальник Трокского уезда — 192, 324, 497
- Топильский Михаил Иванович (1811—1873), директор департамента министерства юстиции в 1851—1862 гг.— 36, 359

- Топорра Людвиг, офицер Генерального штаба, участник польского восстания 1863 г., руководил отрядом повстанцев — 167, 419
- Третьяковский Василий Кириллович (1703—1769), поэт, профессор элоквенции петербургской Академии наук в 1749—1759 гг. — 142, 215, 401
- Трубецкий Сергей Петрович, князь (1790—1860), полковник, декабрист, один из основателей Союзов спасения, благоденствия и Северного общества; приговорен к смертной казни, замененной каторгой, в 1856 г. амнистирован — 24, 191, 355, 408, 431
- «Записки князя Трубецкого» — 24, 191, 355, 408, 431
- Трубников Владислав Васильевич, помещик Казанской губ., член Казанского губернского присутствия в 1861—1863 гг. — 177, 424
- Трувеллер Владимир Васильевич (род. 1842), юнкер 23-го флотского экипажа, сослан в Сибирь в 1862 г. за распространение нелегальной литературы — 11, 110, 345
- Трюбнер (Trübner) Николай (1817—1884), англ. издатель и книгопродавец; издавал и распространял произведения Герцена — 52, 80, 191, 316, 382, 383, 430
- Тургенев Иван Сергеевич (1818—1883) — 102, 214, 273, 307, 343, 359, 362, 365, 387, 390, 402, 405, 419, 422, 439, 440, 473, 474, 475, 496
- «Бурмистр» — 167, 343, 419
- «Записки охотника» — 102, 167, 390, 419
- «Отцы и дети» — 110, 171, 214, 422, 473
- «Призраки» — 307, 473
- Турчанинов Николай, сотрудник газеты «Московские ведомости»; — «Письмо в редакцию» — 167, 168
- Турчанинов, актер московского Малого театра — 330
- Тучков Павел Алексеевич (1803—1864), генерал-адъютант, московский генерал-губернатор с 1859 г. — 140, 154, 411, 418, 446
- Тхоржевский (Tchorzewski) Станислав, польский эмигрант, владелец книжной лавки, помогал Герцену в печатании и распространении его изданий — 309, 314, 316, 360, 402, 430
- Тышкевич (Тишкевич) Иван Осипович, граф, виленский уездный предводитель дворянства, один из руководителей восстания в Литве в 1863 г. — 121
- «Украинка», автор обращения «К русским женщинам», напечатанного в «Колоколе» — 86, 385
- Умберто, принц (1844—1900), сын Виктора Эммануила II, с 1878 г. король Италии — 284
- Унятовская, польская помещица — 70
- Устюжанин, подполковник русской армии в Польше, начальник отряда по борьбе с повстанцами в 1863 г. — 163, 164
- Утин Николай Исаакович (1841—1883), деятель революционного движения 60-х годов, в 1861 г. был арестован за участие в студенческих волнениях, с 1862 г. член Центрального комитета «Земли и воли», в 1863 г. эмигрировал; впоследствии секретарь Русской секции I Интернационала — 234, 344, 446, 447, 452, 467, 483
- Фальковский Адам, ксендз в г. Лиды, участник польского национально-освободительного движения и восстания 1863 г., расстрелян 10 июня 1863 г. в г. Лиды — 201, 435
- Федотова (Познякова) Гликерия Николаевна (1846—1925), актриса московского Малого театра — 331
- Фелинский Зыгмунт Феликс (1822—1895), участник национально-освободительного движения в Познани в 1848 г., католический священник в Петербурге с 1855 г., архиепископ варшавский с 1862 г.; в июне 1863 г. был сослан в Ярославль, где прожил до 1883 г. — 116, 138, 395, 411
- «Фенелла» («Немая из Портичи»), опера Обера Д. (см.)

- Феодор, до пострижения — Александр Матвеевич Бухарев (1820—1871), архимандрит, писатель, член Петербургского комитета духовной цензуры (1859—1861), в 1863 г. сложил с себя духовный сан — 323, 494
- Фердинанд I (1751—1825), с 1759 г. король Сицилии и Неаполя, в 1799 и 1806—1815 гг. сохранял власть лишь над Сицилией, с 1816 г. принял титул короля Обеих Сицилий — 285, 464
- Фердинанд II (1810—1859), король Обеих Сицилий в 1830—1859 гг. — 115, 281, 282, 284, 394, 464
- Филарет, до пострижения — Василий Михайлович Дроздов (1783—1867), московский митрополит с 1826 г. — 51, 366, 368, 440
- Финкенштейн, английский купец — 121, 400, 453
- Фиркс Федор Иванович, барон (псевдоним — Шедо-Ферроти Д. К.) (1812—1872), публицист — 224, 292, 442, 468
- «Письмо А. И. Герцена к русскому послу в Лондоне с ответом и некоторыми примечаниями Д. К. Шедо-Ферроти» («Lettre de Mr. Herzen à l'ambassadeur de Russie à Londres avec une réplique de D. K. Shedo-Ferroti») — 224, 442
- Фома Кемпийский (Thomas a Kempis); настоящее имя — Томас Хармеркен (1380—1471), богослов-мистик, августинский монах — 255
- Фомин, московский купец, владелец оранжерей — 20
- Франц Иосиф I (1830—1916), австрийский император с 1848 г. — 15
- Франковский Леон (ок. 1844—1863), деятель польского восстания 1863 г., комиссар Центрального национального комитета и руководитель повстанческих отрядов в Люблинском воеводстве; повешен 4 июня 1863 г. в Люблине — 61, 201, 205, 374, 435
- Франциск II (Франческо) (1834—1894), последний король Обеих Сицилий (1859—1860) — 281—285, 464
- Фрейганг Александр Васильевич, генерал-майор, директор 2-го Московского кадетского корпуса — 319, 492
- Фридрих II Великий (1712—1786), прусский король с 1740 г. — 58, 374
- Фридрих Вильгельм IV (1795—1861), прусский король с 1840 г. — 129, 405
- Фукье-Тенвиль (Фукье-Тинвиль, Fouquier-Tinville) Антуан Кантен (1746—1795), деятель французской революции, с марта 1793 г. общественный обвинитель Революционного трибунала — 216
- Фуше Жозеф (1759—1820), франц. политический деятель, комиссар Конвента при подавлении контрреволюционного восстания в Лионе в 1793 г.; в 1799—1810 и 1815—1816 гг. министр полиции — 216
- Хам (библ.) — 125, 401
- Харес (III в. до н. э.), древнегреческий скульптор; — «Колосс Родосский» — 225
- Хафиз (Гафиз), псевдоним Шамседина Мохаммеда (1300—1389), персидский поэт — 237
- Херасков Михаил Матвеевич (1733—1807), поэт и драматург — 149, 416
- «Россияда» — 149, 416
- Хмельнский (Chmieleński) Игнаций, деятель польского восстания 1863 г., представитель левого крыла партии «красных», член Центрального национального комитета, руководитель варшавской военной организации, расстрелян в 1863 г. — 15, 37, 347, 348, 360
- Хмилевская, русская шпионка в отряде польских повстанцев в 1863 г. — 127
- Хованская Мария Алексеевна («княгиня») (1755—1847), тетка А. И. Герцена; в ее доме воспитывалась Н. А. Герцен (Захарьина) — 283, 464
- Хомяков Алексей Степанович (1804—1860), поэт и публицист славянофильского лагеря — 96, 104, 106

- Хотинский Матвей Степанович (1810—1866), астроном, автор статей по естествознанию в «Журнале министерства народного просвещения», агент III отделения — 126, 127, 135, 147, 187, 189—191, 402, 409, 415, 416, 427, 428, 430, 449
- Хрепович (Хребтович) Михаил Иринеевич, граф (1809—1891), дипломат, в 1863 г. обер-гофмейстер и управляющий двором вел. князя Константина Николаевича в Варшаве — 116, 395
- Хрепович (Хребтовичева), жена М. И. Хреповича — 116, 395, 411
- Христос Иисус (библ.) — 11, 51, 57, 192, 199, 382, 385, 410, 451, 467
- Хрулев Степан Александрович (1807—1870), генерал-лейтенант, участник подавления польского восстания 1830—1831 гг., венгерской революции 1848—1849 гг., командир второго армейского корпуса в Польше в 1861—1862 гг. — 10, 11, 122, 345
- Хрушев Александр Петрович (1806—1875), генерал-адъютант, генерал-лейтенант, участвовал в обороне Севастополя в 1854—1855 гг., с 1859 г. командир 5 пехотной дивизии в Польше, в 1863 г. начальник Люблинского военного отдела, с 1864 г. помощник командующего войсками Виленского военного округа — 72, 320, 492, 493
- Цверцякевич Иосиф, польский революционер, представитель Временного национального правительства в Лондоне в 1863 г. — 15, 37, 133, 312, 347, 348, 357, 360, 407, 466
- Цезарь Гай Юлий (100—44 до н. э.), государственный деятель и полководец древнего Рима — 11, 284, 295
- Цюхна Матвей, участник восстания в Литве в 1863 г., расстрелян по приговору военного суда 6 июня 1863 г. в г. Соколке — 333, 499
- Чаадаев Петр Яковлевич (1794—1856) — 96, 98, 99, 102, 103, 390, 391
- «Философические письма» — 98, 390
- «Lettres à Al. Tourgueneff» («Письма к Ал. Тургеневу») — 103, 391
- Чарнецкий Александр, участник польского восстания 1863 г., расстрелян в Седльцах — 201
- Чарторыйский (Чарторижский, Czartoryski) Владислав, князь (1828—1894), деятель польской аристократической эмиграции, с мая 1863 г. дипломатический представитель Временного национального правительства в Париже — 118, 140, 225, 411
- «Час» — см. «Czas»
- Чатам — см. Питт В.
- Чаховский (Czachowski) Дионизий, участник польского восстания 1863 г., предводитель отряда повстанцев, действовавшего в Сандомирском и Краковском воеводствах — 87, 385
- Ченгеры (Чингири) Ксаверий Осипович (1816—1880), в 1863 г. полковник, командир Смоленского пехотного полка, затем генерал-майор, с 23 июня 1863 г. помощник начальника 7-й пехотной дивизии, борющейся против повстанцев в Радомской губ. — 163
- Черкасский Владимир Александрович (1824—1878), публицист, деятель крестьянской реформы, в 1864—1866 гг. главный директор, председательствующий в правительственной комиссии внутренних и духовных дел Царства Польского — 185, 426
- Чернецкий Людвиг (1828—1872), польский эмигрант, заведовал Вольной русской типографией в Лондоне — 76, 77, 81, 364, 366, 367—369, 378, 380, 394—397, 475
- Чернышев Александр Иванович, князь (1785—1857), генерал-от-кавалерии, военный министр в 1832—1852 гг. — 323
- Чернышева, княгиня, жена А. И. Чернышева — 323
- Чингизхан (Чингиз); собственное имя — Темучин (ок. 1155—1227), полководец, основатель Монгольской империи, распавшейся после его смерти — 91

- Чичерин Борис Николаевич (1828—1904), публицист и правовед, профессор Московского университета в 1861—1868 гг.— 144, 359, 390, 413, 450, 481
- Чудновский Соломон Лазаревич, уездный врач в г. Сарапуле Вятской губ.— 96
- Шаликов Петр Иванович, князь (в тексте — К. Шаликов) (1767 или 1768—1852), поэт, редактор газеты «Московские ведомости» в 1813—1837 гг.— 140
- Шапкин, актер московского Малого театра — 331
- Шатобриан (Chateaubriand), Франсуа Рене (1768—1848), франц. писатель и дипломат, сторонник «Священного союза», в 1822 г. был представителем Франции на Веронском конгрессе — 142
- Шевченко Тарас Григорьевич (1814—1861); — «Кобзарь» — 102, 390
- Шедо-Ферротт Д. К., литературный псевдоним Фиркса Ф. И. (см.)
- Шекспир Вильям (1564—1616); — «Гамлет» — 202, 435; Гамлет — 202, 269, 435 — «Кориолан» — 262, 458; Кориолан — 263, 458 — «Король Лир»; Лир — 269 — «Макбет» — 92, 389; Макбет — 92, 389; леги Макбет — 92, 389; Банко — 92, 389; король Дункан — 92, 389 — «Отелло» — 171; Яго — 171, 236, 422
- Шелман, сенатор вел. княжества Финляндского, член совета Гельсингфорского университета — 188
- Шервуд-Верный Иван Васильевич (1798—1867), унтер-офицер 3-го Украинского уланского полка, тайный правительственный агент; донес на декабристов — 299, 469
- Шереметьевы, древний дворянский род, владевший огромными поместьями — 182
- Шиллер Иоганн Фридрих (1759—1805); — «Песня о колоколе» — 75, 381 — «Разбойники»; Карл Моор — 269
- Шильдер-Шульднер Юрий Иванович (1816—1878), полковник, в 1863 г. командовал сводным отрядом русских войск, боровшихся против повстанцев в Влоцлавском уезде — 70, 71, 115, 138, 204
- Шипов Сергей Павлович (1790—1876), генерал-адъютант, генерал-от-инфантерии, участник подавления польского восстания 1831 г., в 1838—1840 гг.— главный директор, председательствующий в правительственной комиссии внутренних и духовных дел и народного просвещения Царства Польского, в 1841—1846 гг. казанский военный и гражданский губернатор, затем сенатор — 186, 427
- Шешковский Степан Иванович (1727—1793), обер-секретарь при тайной экспедиции сената; лично производил следствие по делам А. Н. Радищева и Н. И. Новикова — 299
- Шишкин, майор Могилевского полка, участник подавления польского восстания 1863 г.— 163, 164
- Шнейдер (Schneider) Фердинанд, берлинский книгоиздатель в 1850-х—60-х годах — 313
- Шредер Андрей Андреевич (ум. 1858), чрезвычайный посланник и полномочный министр России при Саксонском дворе в 1849—1850 гг.— 119
- Шульц, генерал-майор, участник подавления польского восстания 1863 г.— 115, 204, 395
- Шумский Сергей Васильевич (1821—1878), актер московского Малого театра — 330, 331
- Щекин, московский купец — 331
- Щепкин Михаил Семенович (1788—1863) — 75, 268—274, 381, 382, 459, 460
- Щербатов Михаил Михайлович, князь (1733—1790), историк, экономист и публицист — 80 — «О повреждении нравов в России» — 80
- Щербачев А., сотрудник «Московских ведомостей» — 322, 494

Щур Лев, рядовой 4 стрелкового батальона первой армии, в 1862 г. по делу И. Н. Арнгольда и др. приговорен к наказанию шпицрутенами и каторге, умер после экзекуции — 8, 18, 19, 343, 344

Эбер (Геберт, Hébert) Жак Рене (1757—1794), деятель французской революции, один из руководителей левых якобинцев, в 1793 г. заместитель прокурора Парижской Коммуны, издавал в 1791—1794 г. газету «Le Père Duchesne» — 293, 412

Эвальд Аркадий Васильевич (1836—1898), публицист, сотрудник «Отечественных записок» — 59, 235, 374

— «Все и ничего» — 59, 235, 374

Эзон (Езон), греческий баснописец VI—V вв. до н. э. — 266

«Экспресс» — см. «Express»

Элленборо (Ellenborough) Эдвард, лорд (1790—1871), англ. политический деятель, в 1842—1844 гг. генерал-губернатор Индии — 230, 231, 375, 443

Энгельсон Владимир Аристович (1821—1857), русский публицист, деятель революционной эмиграции — 77, 382

— «Второе видение св. отца Кондратия» — 77, 382

— «Первое видение св. отца Кондратия» — 77, 382

«Allchanda», шведский журнал — 170

«Allgemeine Zeitung», нем. ежедневная газета, выходившая с 1798 г., в 1810—1882 гг. издавалась в Аугсбурге — 206, 429, 437

«Breslauer Zeitung» («Бреславская газета»), нем. газета, издавалась в Бреславе под этим названием с 1828 г. — 320

«Le Constitutionnel» («Конституционер»), франц. политическая газета, издавалась в Париже с 1815 по 1866 г. — 15, 16, 349

«Correspondance Bullier» («Корреспонденция Буллие»), бюллетень, издавался при парижском телеграфном агентстве Bullier — 114

«Czas» («Час»), польская полити-

— «Что такое государство?» — 77, 382

Эпштейн — 61

Юзефович, полковник русской армии в Польше, участник подавления польского восстания 1863 г. — 159

Юнопа (миф) — 230

Юпитер (миф) — 105, 391

«Юрий Мирославский», роман М. Н. Загоскина (см.)

Яблоновский, участник польского восстания 1863 г., предводитель повстанческого отряда — 160

Яковлев Алексей Андреевич (ок. 1844 — после 1864), студент Петербургского университета, в 1861 г. был арестован за участие в студенческих волнениях; в 1862 г. вторично арестован за пропаганду среди солдат, приговорен к каторжным работам, умер в Сибири — 307, 475

Якушкин Иван Дмитриевич (1793—1857), декабрист, один из основателей Союзов спасения и благоденствия, член Северного общества; в 1826 г. приговорен к смертной казни, замененной каторгой; в 1856 г. амнистирован — 93, 191, 355, 389, 431, 465

— «Записки Ивана Дмитриевича Якушкина» — 93, 191, 355, 389, 431

ческая газета, издавалась в Кракове с 1848 г. — 320

«The Daily News», англ. газета либерального направления, издавалась в Лондоне с 1846 г. — 133, 140, 187, 312, 402, 403, 407, 409, 411, 416, 427, 430, 484

«The Daily Telegraph», англ. ежедневная газета консервативного направления, выходящая в Лондоне с 1855 г. — 25, 43, 116, 258, 325

«Dziennik Powszechny» («Всеобщий дневник»), польская официальная газета, издавалась в Варшаве — 134, 183, 409, 413, 420, 426, 448, 476

«Evening Star», англ. газета, издавалась в Лондоне с марта 1856 до октября 1869 г. — 146, 427

- «Express» («Экспресс»), англ. газета, издавалась в Лондоне с сентября 1846 до мая 1869 г. — 146, 427
- Herodot — см. Геродот
- Huxley — см. Гексли Т. Г.
- «Illustrated Times», англ. газета, издавалась в Лондоне с июня 1855 до марта 1872 г. — 147
- «L'Indépendance belge» («Indépendance»), ежедневная политическая и литературная газета, издавалась в Брюсселе с 1831 г. — 21, 28—30, 354, 358, 363
- «Journal de St.-Petersbourg», политическая и литературная газета, орган министерства иностранных дел, издавалась в Петербурге с 1813 г. — 21, 40, 59, 174, 205, 210, 308, 353, 363, 374, 423, 476, 482
- Jovanovitch Vladimir — см. Иванович В. — 13
- «Kölnische Zeitung» («Кёльнская газета»), нем. газета, издававшаяся с 1802 г. — 21, 218, 238, 325, 334
- «Kreuzzeitung», нем. ежедневная реакционная газета, издававшаяся в Берлине с июля 1848 г. — 183, 374, 426
- Monnier Marc — см. Монье М.
- Montalembert — см. Монталамбер Ш.
- «The Morning Post», ежедневная англ. газета, выходит в Лондоне с 1772 г. — 145, 376, 413, 414
- «The Morning Star», англ. газета, издавалась в Лондоне с марта 1856 до октября 1869 г. — 54, 55, 370, 371
- Napier Charles — см. Непир Ч.
- «Nationalzeitung», нем. газета, издавалась в Берлине под этим названием с 1848 по 1874 г. Редактор Ф. Цапель — 32, 353
- «Le Nord» («Nord», «Норд»), ежедневная политическая газета, издавалась на франц. языке в Брюсселе в 1855—1862, 1865—1892 гг. и в Париже в 1863—1864, 1894—1907 гг.; субсидировалась русским правительством — 20, 40, 42, 45, 46, 88, 114, 116, 127, 168, 174, 183, 184, 210, 307, 324, 325, 350, 352, 363, 387, 388, 394, 396, 403, 405, 423, 425, 429, 438, 474, 496, 497
- «On species» — см. Дарвин Ч., «On the Origin of Species by means of Natural Selection, or the Preservation of Favoured Races in the Struggle for Life»
- «L'Opinion Nationale», франц. ежедневная политическая газета либерального направления; основана в 1859 г. А. Герулем, вышла в Париже до 1879 г.; в 1863 г. редактор В. Мицкевич — 140, 174, 320, 398, 411, 422, 423, 486
- «Ostseezeitung», нем. газета — 132, 325, 374, 406
- «Le Père Duchesne», франц. газета, орган левых якобинцев, издавалась в Париже в 1791—1794 гг. Ж. Эбером — 141, 236, 298, 412
- Petrarca — см. Петрарка Ф.
- «La Pologne et la cause de l'ordre», брошюра Сбышевского (см.)
- «The Serbian Nation and the Eastern Question», книга Иовановича В. (см.)
- Tchorzewski — см. Тхоржевский С.
- «The Times» («Теймс»), англ. ежедневная газета консервативного направления, издающаяся в Лондоне с 1785 г. — 12, 13, 21, 37, 45, 49, 50, 52, 60, 72, 77, 115, 121, 137, 146, 188, 218, 323, 324, 346, 351, 354, 358, 360, 361, 364, 367, 369, 379, 399, 400, 443, 493
- «Le Véristique, revue publiée par le prince Pierre Dolgoroukow» («Le Véristique»), политический журнал, издавался в Брюсселе с августа 1862 г., а затем в Лондоне с сентября до декабря 1863 г. Всего вышло 5 номеров — 309, 478

В указатель не внесены фамилии лиц, подписавших «Протест офицеров варшавского гарнизона», приведенный Герценом в статье «История адреса и контрдреса продолжается» (стр. 45—48).

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

«MDCCLXIII». Страница первопечатного текста («Колокол», л. 153, 1 января 1863 г.).	8
Сборник «Десятилетие Вольной русской типографии в Лондоне», 1863. Титульный лист	80

СОДЕРЖАНИЕ

СТАТЬИ ИЗ «КОЛОКОЛА»
И ДРУГИЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ
1863 ГОДА

	Текст	Коммен- тарии
MDCCLXIII	7	341
Официальный контрадрес	12	346
Франко-русский союз	15	347
〈Балтийские немцы〉	16	349
Expiatio!	17	349
Рапорт — Rapport, а не Dénonciation	19	350
Донос или не донос?	19	351
Уравнение прав иностранцев с русскими перед каторгой	20	352
Но д р у г о е-то правительство, полно, немецкое ли?	21	353
〈Что за история была в лейб-уланском полку? ...〉	21	354
О якобы офицерском письме в «Теймс»	21	354
Полицейская пропаганда и налог	22	354
От издателей 〈Записки кн. Трубецкого ...〉	24	355
Resultexit!	25	355
По делу адреса офицеров	28	357
Наглое злоупотребление полицейского слова	32	358
Братская просьба к русским воинам	34	359
Исключение из списков М. И. Топильского	36	359
Удельные князья	36	360
Французский гут, австрийский гут, а прусский гутее	37	360
Huxley и его чтения	38	361
Преступления в Польше 〈Слова порицания умалкивают ...〉	39	361
К русским офицерам, писавшим к нам из Польши	44	363
История адреса и контрадреса продолжается	45	364
Из Петербурга. Procès monstre	49	364
Князь Орлов и барон Будберг	49	366
Surtout pas trop de zèle, Mr Budberg	50	366
Вспомогательное французское войско в Польше	50	367
Запрос Святейшему синоду о иерейском двоеженстве	50	367
Светское консульство в Лондоне	52	368
... Et la Russie	53	370
... И Россия (перевод)	53	

	Текст	Коммен- тарии
To the Editor of «The Star»	54	371
Издателю «The Star» (перевод)	55	
Земля и воля	56	371
Преступления в Польше <Печален наш удел ...>	57	373
<Г-н Будберг>	64	376
21 февраля 1863	64	376
Плач	65	377
Русский грабеж и разбой в Польше	70	378
Александровская конституция и павловское время	72	378
Немцы и не-немцы в Зимнем дворце	73	379
Бессословность в Москве	73	380
1853—1863	74	380
Great Western	82	384
Русская женщина у Лангевича	87	385
<«Надвислянин»>	87	386
Die Geschicklichkeit ist mit einer Ökonomie verbunden	88	386
<«Le Nord»>	88	387
Убийство в Японии	88	387
Прокламация «Земли и воли»	90	388
1831—1863	92	388
<Манифест и литературный Липранди>	112	392
Граф Ностиц	114	392
Крестьяне-демагоги	114	393
Командир Бранденбургского кирасирского полка	115	394
Возвращение е. и. в. главнокомандующего действующей армией в Варшаву	115	394
Графиня Хребтовичева и архиеп. Фелинский	116	395
Победы на поле телеграфа (как выразился «Daily Tele- graph»)	116	395
Разврат войны	117	396
Бедное русское имя	117	397
<Русские посланники>	118	397
А. А. Потебня	120	398
Русские офицеры в рядах инсургентов	121	399
Зарница совести	124	400
Странные игры случайности	125	401
Sta, Borussia!	126	401
Астроном-наблюдатель и миссионер Хотинский	126	402
К летописям петербургского шпионства	127	403
Hyde Park и запрещенный митинг	128	404
«Ward Jackson»	130	405
Между молнией и громом	131	405
Петербургский «Голос» и балтийская болтовня о Централь- ном комитете	132	406

	Текст	Коммен- тарии
Прокламация	133	407
К свободе книгопечатания в России	133	407
«Записки декабристов» и сочинения М. Михайлова	134	408
〈«Есеобщий дневник» и «Московские ведомости»〉	134	408
Александр Николаевич пошел в горы	135	409
Первое мая	136	410
Чего они так испугались?	138	410
Донос на «СПб. ведомости»	143	412
Какое правление в России?	145	413
Петербург	146	414
Ответы	146	415
Имя?—Имя?—Бога ради, имя!	147	415
С. Падлевский	148	416
Россиада	149	416
Плач о Минишевском	183	425
Самара	185	426
Нет розы без шипов	186	427
To the editor of «The Daily News»	187	427
Издателю «The Daily News» (перевод)	187	
Финляндия и адрес	188	428
Пир в Стокгольме	189	429
Г-н М. Хотинский и III отделение	189	430
Личное объяснение	191	430
Подлые!	192	431
«День» и «Колокол» 〈Наконец пришел и для «Колокола» черный день ...〉	194	432
Волжский манифест и Россия в осадном положении	198	433
Польский мартиролог. Убиение пленных и раненых	201	435
«Колокол» и «День» (Письмо к г. Касьянову)	203	435
Не верим!	214	439
Протест	215	440
Сигизмунд Сераковский	218	440
«День» и «Колокол» 〈Богомольная старушка в комедии Островского ...〉	221	441
... А дело идет своим чередом	230	443
Виллафранка перед Солферино	233	445
И. Кельсиев и Н. Утин	234	446
Виселицы и журналы	235	447
Вывод из владения	238	448
Письмо из Гейдельберга	242	449
Точка поворота	243	449
В этапе	244	449
Из заведения А. А. Краевского	252	452
Помешательство Погодина принимает опасный характер	255	453

	Текст	Коммен- тарии
Старика Вёдрина крепкое до польских братьий словцо	256	454
Чистая ложь	258	455
<Адресоложство>	258	456
Трагедия за стаканом грога	260	457
Михаил Семенович Щепкин	268	458
Варшава утешена!	275	461
С точки зрения ливрей и запяток	276	462
С континента	279	463
<Г. С. Батеньков>.	289	465
В вечность грядущему 1863 году	290	465
Ввоз нечистот в Лондон	298	468
<Один покраснел>	302	470
<Граф Амурский>	304	471
<Биография М. Н. Муравьева>	304	471

РЕДАКЦИОННЫЕ ЗАМЕТКИ,
ПРИМЕЧАНИЯ, ОБЪЯВЛЕНИЯ

Из Петербурга <Примечания>	307	473
Общий фонд <Получено из Швейцарии ...>	307	475
А. А. Яковлев <Заключительные строки>.	307	475
Прусский почтамт	307	475
Исповедь русского правительства <Вступление>	308	476
Виктор Гюго русскому войску	308	476
<Кн. П. В. Долгоруков>	309	477
<15 февраля. «Московских ведомостей» все нет ...>.	309	478
<В Общий фонд получены ...>.	309	478
Рекрутский набор в России <Вступительные строки>	309	478
<«Свободное слово»>	309	479
<Общий фонд><В Общий фонд получено: из Германии ...>	310	479
<Русские в Флоренции, Женеве и Ницце>	310	480
<Уведомление>	310	480
Студентам в России <Вступление>	310	480
Домбровский и Мехеда	310	481
<Общий фонд><В Общий фонд получено от В. Печерина ...>	311	481
«Молодецкое поведение солдат» <Послесловие>	311	482
<«The Serbian Nation and the Eastern Question»>.	311	483
<В Общий фонд получено...>.	311	483
Пять лет каторги <Вступительные и заключительные строки>.	312	483
Польский манифест в «Daily News».	312	483
<В Общий фонд 10 шил. ...>	312	484
<Полученные 2000 фр. из Неаполя...>	312	484
<Письмо о деле Красовского...>	312	484

Опасность иметь дом в Петербурге. Дело Зейферта <Примечание>	313	484
<В Общий фонд от В. Печерина ...>	313	485
«Польская революция и гордиев узел европейской политики».	313	485
<В Общий фонд получено от «русского офицера» ...>	313	485
«Свобода» <Примечание>	313	485
Два образчика, циркулярно разосланные Валуевым <Примечание>	313	486
Для сведения	313	486
<В Общий фонд получено от № 69>	314	486
<Мы получили от двух особ ...>	314	486
<В Общий фонд: за № 2102 ...>	314	487
<Общий фонд><Получено в Общий фонд, через С. Тхоржевского ...>	314	487
<Для семейства убитых ...>	314	487
<В Общий фонд (№ 20) от Малоросса ...>	314	487
<Сочинения М. Л. Михайлова>	314	487
Письмо кн. П. В. Долгорукова к редактору «Современника» <Предисловие>	315	488
<В Общий фонд. Из Германии 5 фунт. ...>	315	488
<Второй лист «Свободы» вышел ...>	315	488
В Общий фонд <От бывшей институтки ...>	315	489
<В Общем фонде не только ничего нет ...>	315	489
<В Общий фонд получено: за № 74 от старообрядца ...>	315	489
<В Общий фонд получено: из Любека ...>	315	489
<В Общий фонд получено: за № 2999 ...>	316	489
<В Общий фонд на континенте ...>	316	490
В Общий фонд <Из Швейцарии ...>	316	490
<«Колокол» в 1864 ...>	316	490

D U B I A

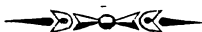
<Правда ли, что оренбургский губернатор Аксаков ...>	319	491
<Правда ли, что генерал Скалон ...>	319	491
Генерал-майор Фрейганг	319	492
Смертная казнь в Варшаве	319	492
Вольский и Маркевич	320	492
Schinderknecht	320	492
<Генерал Хрущев>	320	492
<Полковник Корф>	321	493
Правительственная пугачевщина.	321	493
<Нечай>	321	493
Совсем пошел в Николаи	321	493
Словесные розги.	322	494

	1 ест	Коммен- тарии
Тот ли Пановский?	323	494
Духовное тиранство	323	494
Дороговизна кухонных снарядов княгини Чернышевой . .	323	495
Абрамович и Келлер	323	495
Патриотизм в Париже	324	496
Ковалинский счет беременных	324	496
«Очерки» и «Le Nord»	324	496
〈Толь секущий〉	324	497
Наследник престола и политическая экономия в путеше- ствии	325	497
Победа!	325	497
К муравьевщине	325	497

П Р И Л О Ж Е Н И Я

К о р р е с п о н д е н ц и и и м а т е р и а л ы, о б р а б о т а н н ы е в р е д а к ц и и «К о л о к о л а»

Передняя тешится и полиция тоже	329	498
Секреты частные и правительственные	333	498
Казни и пытки	333	499
Явленный слух	334	499
К о м м е н т а р и и	335	— 499
Принятые сокращения	337	
Указатель имен	500	
С п и с о к и л л ю с т р а ц и й	535	

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

В. П. ВОЛГИН (главный редактор), И. И. АНИСИМОВ, Д. Д. БЛАГОЙ, С. А. МАКАШИН, Ю. Г. ОКСМАН (зам. главного редактора), В. А. ПУТИНЦЕВ, З. В. СМИРНОВА, Д. И. ЧЕСНОКОВ, А. Б. ШАПИРО, Я. Е. ЭЛЬСБЕРГ.

*

Текст подготовлен Ф. М. Иоффе при участии М. А. Соколовой («Трагедия за стаканом грога»), текстологический комментарий — И. Г. Птушкиной при участии Л. Р. Ланского и М. А. Соколовой. Иностранные тексты и переводы подготовлены Л. Р. Ланским («...И Россия», «Издателю „The Daily News“») и Г. И. Мескиевой («Издателю „The Star“»). Комментарии составлены И. М. Белявской и С. Д. Лицинер при участии Г. Г. Птушкиной, В. А. Путинцева, В. П. Таракановой.

Редакция иноязычных текстов И. Д. Постоловой (франц.), П. В. Палиевского (англ.); подстрочных переводов — О. В. Моисеевко (франц.), Н. Г. Елиной (итал.), О. Н. Михеевой (нем.), Ф. А. Петровского (лат.).

Указатель имен составила С. Д. Лицинер.

*

Редакторы тома — В. А. ПУТИНЦЕВ и И. Ю. ТВЕРДОХЛЕБОВ.

*

Редактор издательства М. Б. Покровская
Переплет и титул художника А. П. Радищева
Технический редактор Е. В. Зеленкова

*

РИСО АН СССР № 7-99 В. Сдано в набор 13/XII 1958 г. Подписано к печати 15/III 1959 г. Формат бумаги 60×92¹/₁₆. Печ. л. 34+2 вкл. Уч.-изд. л. 32,5. Тираж 21 500. Изд. № 3581. Тип. зак. № 1241

Цена ~~16 руб.~~ 4.00

Издательство Академии наук СССР.
Москва Б-62, Подссенский пер., д. 21

2-я типография Издательства АН СССР.
Москва Г-99, Шубинский пер., д. 10

О П Е Ч А Т К И

Стр.	Строка	Напечатано	Следует читать
48	3 св.	Шульгин	Шульгин,
48	11 св.	Штейн 2-й	Штейн 2-й,
292	17 св.	страною	страною!
329	15 св.	в Адлербергу I	к Адлербергу I
